БѢЛЫЙ АРХИВЪ

15

I

1926

МАТЕРІАЛЫ
„Музея Современныхъ Событій въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

БѢЛЫЙ АРХИВЪ

Сборники матеріаловъ по исторіи и литературѣ войны, революціи, большевизма, бѣлаго движенія и т. п. подъ редакціей Я. М. Лисового.

I.

ПРИЛОЖЕНІЕ
Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи»

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
«The Museum Contemporary Events in Russia».

ПАРИЖЪ
1926

« Перепечатка статей и документовъ и копировка иллюстрацій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея Современныхъ Событій» 10% съ каждаго тиражнаго экземпляра».

Директоръ «Музея Современныхъ Событiй въ Россiи» и редакторъ «Бѣлаго Архива» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россiи, сочувствующимъ идеѣ сохраненiя и опубликованiя историческихъ матерiаловъ, принять активное участiе въ этомъ *общерусскомъ дѣлѣ.*

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ событiя послѣднихъ лѣтъ: отъ Великой войны и до настоящихъ дней невольнаго скитанiя и всѣ присланные матерiалы по разнымъ вопросамъ этого перiода (документы, дневники, воспоминанiя, фотографiи, книги, брошюры, листовки, карты, дiаграммы, плакаты, рисунки, эскизы и т. п.) — будутъ по желанiю собственника—или сохраняться въ цѣлости и неприкосновенности въ музеѣ и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матерiаловъ музея,—или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшiе изъ нихъ будутъ переведены на англiйскiй языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и другомъ случаяхъ — всѣ матерiалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Восьмилѣтнее существованiе музея и его активная дѣятельность служатъ порукой тому, что всѣ матерiалы будутъ использованы въ русскихъ нацiональныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присылаемыхъ рукописей безразлична.

Матерiалы предлагается направлять по слѣдующимъ адресамъ:

1. J. M. LISSOVOY — 2, rue Belloni, Paris XV, France.
2. P. T. KOROLEVITCH—120, rue de prince Alexander, Belgrade, S.H.S.
3. M. O. JURGELONIS — 1739, So. Halsted Str., Chicago Ill, U. S. A.

ДИРЕКТОРЪ

«Музея Современныхъ Событій въ Россіи»

Я. М. ЛИСОВОЙ

приноситъ искреннюю благодарность за пожертвованные въ собственность музея матеріалы:

I. Е. К. Л. — Коллекцію Совѣтскихъ серебрянныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ

2. В. П. Сіяльскому — Коллекцію Эмигрантскихъ плакатовъ

3. Союзу Галлиполійцевъ – нѣсколько плакатовъ

4. В. А. Горяинову – приславшему изъ Швейцаріи русскіе плакаты изд. Лиги Націи.

Оглавленіе

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 9

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Киріенко и А. Чекотило 13
2. *Я. Л. Лисовой*. А. Керенскій въ Арміи Генерала Деникина (по матеріал. шт. 28-й дивизіи) 35
3. ,, Революціонные генералы 52

II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *П. Нестеренко*. Гатчино въ дни борьбы съ большевизм. 72
2. *Ф. Гнѣсинъ*. Туркестанъ въ дни революціи и большевиз. 81

III. БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Засѣданіе Политическаго Совѣщанія Добр. Арміи 15 января 1918 г. 96
2. Докладъ Главнок. Воор. Силами Юга Россіи о положеніи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и объ арміи полк. Бермонта Авалова въ частности 101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового 127

IV. ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.

1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому 136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева Членамъ Донской миссіи 142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову 144
5. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. П. Богаевскому 147

6. Письмо генер. И. П. Романовскаго генер. А. П. Богаевскому 151
7. Директивы генер. М. В. Алексѣева Нач. В. Полит. Отд. Д. Ар. М. 153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. Б. Алексѣева 154

V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Черезъ Сибирь къ свободѣ (переводъ съ чешскаго)..... 158
2. *Г. Малецъ*. Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси 163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. дѣятелей 177

VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Киріенко, М. Каменскій, Дж. Бьюкененъ, Генералы М. В. Алексѣевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Лешъ, полк. Васильевъ и др. 181

VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.

Лекція Е. Д. Кусковой. Зарубежный Съѣздъ. Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней. Красновъ — Койсуговъ — Суворинъ. Годовщина смерти генерала Л. Г. Корнилова. 187

VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.

1. *Влад. Игоревъ*. Красная Армія и «Военизація» 197

IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 203

X. ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» 207

ИЛЛЮСТРАЦІИ

— Послѣдній портретъ Адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Аваловъ — генералъ Гольцъ и ихъ армія, Прапорщикъ Крыленко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др.

Фотодокументы, карты, копіи прокламаціи, каррикатуры и т. п.

ПРЕДИСЛОВІЕ

«Не мудрствуя лукаво».

Послѣ восьмилѣтняго существованія, музей «Современныхъ Событій въ Россіи» вступаетъ въ новый фазисъ активной дѣятельности —

«Б Ѣ Л Ы Й   А Р Х И В Ъ»
является дѣтищемъ музея.

Столь продолжительное существованіе этого культурно-историческаго предпріятія въ тяжкихъ условіяхъ бѣженскаго скитанія объясняется тѣми принципами, которые, повидимому, были правильно заложены въ основу бытія музея, и принципы эти слѣдующіе: 1) Дерзаніе, 2) Единоначаліе, 3) Объективность, 4) Глубокая вѣра въ дѣло, 5) Полная независимость отъ партійныхъ и т. п. узъ и 6) Исканіе новыхъ путей.

Правда, въ наше эмигрантское время переорганизаціи, комитетодержавія и многоначалія, музею, въ его дѣятельности, зачастую приходилось оставаться въ одиночествѣ—не использовавъ всей своей продуктивности, но, въ этомъ случаѣ, предпочиталось скорѣе временное бездѣйствіе, чѣмъ провалъ его въ связи съ проваломъ тѣхъ или иныхъ партій, тѣхъ или другихъ организацій — компромиссы же всегда были чужды дѣятельности музея.

«Б Ѣ Л Ы Й   А Р Х И В Ъ» являясь дѣтищемъ музея, заложенъ на тѣхъ же основныхъ принципахъ и будетъ служить выразителемъ здоровой активной мысли въ условіяхъ полной свободы слова.

И, во имя этой послѣдней задачи, страницы «Б Ѣ Л А Г О   А Р Х И В А» предназначены не только для архивныхъ матеріаловъ музея, но открыты и перу всѣхъ обладающихъ страницами воспоминаній и сочувствующихъ идеѣ будущей активной и безкомпромиссной б ѣ л о й борьбы съ большевизмомъ во имя возсозданія поруганной Россіи.

Черпая въ тяжелыхъ дняхъ прошлаго поучительные уроки для построенія свѣтлаго будущаго, «Б Ѣ Л Ы Й А Р Х И В Ъ», будучи совершенно независимъ въ своемъ мнѣніи, не обойдетъ молчаніемъ и тѣхъ темныхъ сторонъ минувшей борьбы, которыя такъ запятнали бѣлое движеніе, дискредитировали его сущность, свели на нѣтъ всѣ достигнутые успѣхи и породили недоброжелательную критику къ бѣлому движенію вообще.

«Б Ѣ Л Ы Й А Р Х И В Ъ» рѣшительно отвергаетъ кабинетно-схоластическую формулу престарѣлыхъ отцевъ:

«т е р п ѣ н і е, т е р п ѣ н і е, т е р п ѣ н і е»...

и взамѣнъ противупоставляетъ формулу молодости, жизненности и энергіи

«и с к а н і е, д е р з а н і е и н а с т у п л е н і е»

ибо

«Промедленіе времени смерти невозвратной подобно».

(Петръ Великій),

ибо

«Промедленіе времени столь полезное въ спокойное время, губитъ людей въ бурные времена».

(Ламартинъ),

ибо

«Угрожать не наступая, значитъ обнаруживать свое безсиліе».

(Ламартинъ)

Итакъ—величіе былыхъ подвиговъ и павшихъ за Россію героевъ, уваженіе къ сѣдинамъ, обезсиленной въ неравной борьбѣ, старости, призывъ къ исканію новыхъ путей и дерзанію молодости и гражданское мужество изслѣдованія причинъ содѣянныхъ ошибокъ и даже преступленій—таковы п у т и «Б Ѣ Л А Г О А Р Х И В А».

Я. М. Лисовой.

I.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

СОЛДАТЫ!

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ РЕВОЛЮЦІЯ!

А вы еще не замѣчаете, что васъ обманываютъ?

А вы еще не замѣчаете, что англичане погоняютъ Россію, что они вгоняютъ ваше Отечество въ бѣдствіе?

Англичане обманули вашего Царя, они принудили Его къ войнѣ, чтобы съ Его помощью овладѣть міромъ.

Сперва англичане шли рука объ руку съ Царемъ, теперь они противъ него: всегда они добивались только воихъ собственныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Англичане заставили вашего Богомъ даннаго Царя отказаться отъ престола.

Почему?

Потому, что Онъ уже не хотѣлъ больше даваться имъ въ обманъ

Потому, что Онъ понялъ всю лживость англійской игры.

Военныя поставки дали англичанамъ огромный заработокъ, дали имъ безчисленные милліоны, и **отъ продолженія войны можетъ быть польза только для англичанъ.**

А кто ведетъ эту кровавую войну? — Это мужикъ, славный, много терпящій мужикъ, молча страдающій, молча умирающій безъ понятія о томъ, что **проливаетъ кровь для Англіи.**

А кто еще больше страдаетъ отъ этой ужасной кровавой войны? Это ваши матери, ваши жены, ваши дѣти Уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ у нихъ нѣтъ сына, мужа, отца. Бьются онѣ безъ помощи, безъ поддержки, а теперь передъ ними новый врагъ: дороговизна, недостатокъ хлѣба, недостатокъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ И придется имъ гибнуть отъ нужды и голода.

А откуда дороговизна, голодъ, нужда?—

Вотъ откуда **Англія и кулаки-торговцы,** вступившие съ ней въ союзъ, скупили всякіе припасы и хранятъ ихъ у себя, чтобы послѣ добиться невиданныхъ и неслыханныхъ цѣнъ.

Кого обогатитъ война?—Англію и спекулянтовъ.

Русскій Народъ! Проснись! Отверзи очи!

Вся бѣда отъ Англіи.

Англія ворочаетъ дѣлами въ Россіи!

Вашъ врагъ — Англія!!

Одна изъ рѣдкихъ нѣмецкихъ прокламацій, разбросанныхъ передъ русскими окопами въ ночь 27-28 февраля 1917 г. — первое извѣстіе полученное фронтомъ о началѣ революціи.

СЕКРЕТНО
Названіе частей войскъ, городовъ, мѣстечекъ и деревень оглашенію не подлежитъ.

ОТЧЕТЪ № 1.

Отъ 26-го мая по 26-е іюня 1917 года.

Выѣхавъ изъ Петрограда 28-го мая, я и мой помощникъ А. М. ЧЕКОТИЛО прибыли въ расположеніе XI-й арміи лишь 8-го іюня, задержавшись въ Кіевѣ и Каменецъ-Подольскѣ для совѣщанія съ комиссарами особой, 7-й и 8-й армій, а также для ознакомленія съ дѣятельностью фронтового комитета и согласованія съ ними въ будущемъ нашей работы и выступленій.

По прибытіи въ армію, мы явились на засѣданіе Исполнительнаго комитета XI-й арміи, который познакомили съ нашей ролью въ арміи и тѣми принципами, которыми мы полагали руководствоваться въ своей дѣятельности, а также уговорились о способахъ согласованія нашихъ дѣйствій.

По нашему мнѣнію, назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни. Это можетъ быть достигнуто съ одной стороны усиленіемъ и упроченіемъ выборныхъ солдатскихъ организацій (ротныхъ, полковыхъ, дивизіонныхъ, армейскаго и пр. комитетовъ), а съ другой — созданіемъ и укрѣпленіемъ въ арміи сознательной дисциплины, какъ основного фактора ея мощи и боеспособности.

Все таки развить планомѣрную дѣятельность въ этихъ двухъ главнѣйшихъ направленіяхъ намъ не удалось. Мы прибыли въ армію за 10 дней до начала наступленія. Пришлось думать не объ организаціонныхъ задачахъ, а направить всѣ силы и энергію на устраненіе длиннаго ряда разныхъ конфликтовъ, мѣшавшихъ осуществить намѣченный планъ военныхъ операцій. Эти конфликты сводились къ отказу разныхъ частей арміи исполнять приказы командннаго состава, касавшіеся въ началѣ перегруппировки войскъ, а затѣмъ и чисто боевые. Были впрочемъ случаи, когда нѣкоторыя части намѣревались совершенно бросить окопы, оставить въ нихъ оружіе и уйти по домамъ.

Количество конфликтовъ не уменьшилось и послѣ начала наступленія, хотя во многихъ случаяхъ измѣнился ихъ характеръ. Сущность подавляющаго большинства конфликтовъ — нежеланіе вести активныя операціи, стремленіе выйти въ резервъ, отдохнуть. Отсутствіе у многихъ солдатъ сознанія своего долга и убѣжденіе въ полной безнаказанности за любое нарушеніе дисциплины, создали чрезвычайно благопріятную почву для дезорганизующихъ армію теченій. Тѣмъ болѣе, что они черпали идейное благословеніе на это въ разнаго рода «Правдахъ», широкой волной затоплявшихъ и затопляющихъ фронтъ и тылъ.

Идейной подкладки во всѣхъ конфликтахъ нѣтъ, есть только пользованіе большевистской фразеологіей для прикрытія неприглядныхъ побужденій. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прослушать нѣсколько рѣчей ораторовъ, говорящихъ противъ наступленія, причемъ большевистскіе лозунги находятъ здѣсь такихъ истолкователей, что большевикамъ надо бы отъ нихъ только открещиваться и отмежеваться самымъ рѣшительнымъ образомъ, но они этого, къ сожалѣнію, не пытаются даже дѣлать. Въ результатѣ дѣйствительные, идейные большевики, отходятъ далеко на задній планъ, ихъ мѣсто занимаютъ и выступаютъ подъ ихъ флагомъ бывшіе уголовные, полицейскіе, жандармы, провокаторы, нѣмецкіе агенты и разный сбродъ трусовъ, негодяевъ и предателей.

Намъ приходилось выслушивать на митингахъ отъ этого сорта «большевиковъ» и проповѣдь немедленнаго прекращенія войны, заключенія какого угодно мира на какихъ угодно условіяхъ.

Намъ приходилось слышать проповѣдь возстанія не только противъ Временнаго Правительства, но и противъ Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, которые «подкуплены буржуями».

Намъ приходилось наблюдать такихъ «большевиковъ» въ роли вожаковъ солдатъ, открыто, даже въ дни наступленія, братавшихся съ нѣмцами, призывавшихъ къ неисполненію приказовъ и ведшихъ солдатъ въ тылъ, когда другіе сражались въ это время въ окопахъ, страстно ожидая поддержки и смѣны.

И всѣ они ссылаются на «Правды», всѣ они пользуются аргументами «Правдъ», распространяемыхъ иногда даже нелегальнымъ путемъ.

Точка зрѣнія С. Р. и С. Д. безсовѣстно искажается такими «большевиками», часто распространяются отъ его имени совершенно невѣроятныя вѣсти вродѣ того, напр., что С. Р. и С. Д. высказался и высказывается про-

тивъ наступленія, или что С. Р. и С. Д. не довѣряетъ Временному Правительству и т. п.

Создается опредѣленное впечатлѣніе, что въ большевистскую агитацію вмѣшалась преступная рука, творящая гнусное дѣло измѣны и предательства. Очевидной становится работа контръ-революціонныхъ силъ, выступающихъ подъ фирмой большевизма. Дальше будутъ приведены многочисленные факты, подтверждающіе эти выводы.

Но все же, какъ ни были сильны эти группы, играющія на низменныхъ инстинктахъ трусости и подлости, большинство арміи, если не сознаніемъ то чутьемъ, идетъ по пути большинства революціонной демократіи, проявляя большую гражданскую зрѣлость, сознавая свои обязанности по отношенію къ родинѣ и революціи.

Этотъ результатъ въ большой степени надо отнести за счетъ интенсивной дѣятельности выборныхъ солдатскихъ организацій, особенно армейскаго комитета, ведущихъ неустанную агитацію, пропаганду, и улаживающихъ многочисленные конфликты исключительно силой убѣжденія и своего авторитета. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители солдатскихъ организацій оказываются безсильными. Это почти всегда, когда конфликты создаются, поддерживаются и раздуваются темными силами.

Безотвѣтственность и безнаказанность нарушителей дисциплины очень усиливали вліяніе «большевиковъ», позволяя имъ утверждать и доказывать, что власть въ Россіи безсильна и поэтому можно дѣлать все, что угодно.

Дѣйствительность, къ сожалѣнію, ихъ не опровергала ни событіями на фронтѣ, ни событіями въ тылу. Принудительная дисциплина стараго режима пала, а новая дисциплина, основанная на сознаніи своего долга, еще не укрѣпилась, не вылилась въ опредѣленныя формы. Колебанія же и нерѣшительность центральной власти по отношенію ко всякаго рода дезорганизующимъ революцію группамъ, никоимъ образомъ не могли помочь процессу укрѣпленія революціонной дисциплины, тѣмъ болѣе, что командный составъ послѣ революціи оказался фактически безсильнымъ. Всѣ его распоряженія оставались пустымъ звукомъ, если горсть провокаторовъ или «шкурниковъ» не хотѣла ихъ исполнять. Воздѣйствіе же на нихъ убѣжденіемъ, конечно, должно разсматриваться, какъ покушеніе съ негодными средствами.

Тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ эти горсти пускали въ ходъ терроръ по отношенію къ большинству, съ ними несогласному. Угрозы примѣ-

ненія и примѣненіе оружія, ручныхъ бомбъ, являлись слишкомъ сильными средствами противъ пассивнаго большинства и достигали результатовъ, которые были нужны преступному меньшинству.

Это породило даже новую форму дезертирства — въ окопы. Многіе сознательные солдаты, не имѣя возможности бороться съ терроромъ меньшинства, желая исполнить свой долгъ, тайкомъ уходили изъ неповинующихся властямъ частей, несмотря даже на караулы, которые разставлялись иногда для предотвращенія такихъ побѣговъ.

Поэтому на насъ легла прежде всего задача указать и доказать, что свобода не означаетъ еще своевольства всѣхъ и каждаго, что революціонная власть большинства народа, представителями которой мы являемся, — есть и что она не потерпитъ анархическихъ, дезорганизующихъ армію выступленій.

И очень часто одного выступленія кого либо изъ насъ, — представителей Исп. Ком. С. Р. и С. Д., съ рѣшительными заявленіями о необходимости неуклоннаго исполненія приказовъ командного состава было достаточно, чтобы сознательное, но пассивное нерѣшительное большинство, рѣзко отмежевалось отъ меньшинства или брало рѣшительный надъ нимъ перевѣсъ и водворяло порядокъ и дисциплину. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда конфликты возникали только на почвѣ малосознательности солдатской массы, ея утомленности трехлѣтней войной и недостатка внутренней дисциплины, неправильномъ пониманіи своего долга.

Совершенно иное дѣло, когда конфликтъ подогрѣвался дѣятелями, прошлое и настоящее которыхъ весьма подозрительно. Всѣ рѣчи, увѣщеванія, уговоры не только не достигали цѣли, но наоборотъ — создавали въ толпѣ увѣренность, что ихъ «уговариваютъ» потому, что ничего съ ними не могутъ сдѣлать. *Въ такихъ случаяхъ, мы считали и считаемъ необходимымъ не останавливаться въ нужныхъ случаяхъ передъ самыми рѣшительными мѣрами, вплоть до примѣненія силы оружія, какъ бы не оцѣнивала это критика слѣва. Иначе становится невозможной сколько нибудь дѣйствительная борьба съ разложеніемъ арміи и упадкомъ ея боеспособности.*

Воевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщеваній немыслимо.

Описаніемъ фактической стороны конфликтовъ, въ разрѣшеніи которыхъ мы принимали участіе, выяснится правильность вышеизложенныхъ общихъ соображеній и выводовъ.

Первое наше выступленіе было въ *20 пѣхотной дивизіи*, стоявшей на

позиціи на пассивномъ участкѣ. Два полка дивизіи были въ окопахъ, а 2 — — въ ближайшемъ резервѣ, причемъ полки находились въ окопахъ посмѣнно. При подготовкѣ къ активнымъ операціямъ, дивизію потребовалось перемѣстить на другой пассивный участокъ фронта, верстъ на 20 сѣвернѣе. Начавшееся давно въ дивизіи броженіе вылилось въ отказѣ дивизіи исполнить этотъ приказъ. Усилія Армейскаго Комитета понудить дивизію выполнить этотъ приказъ оказались безрезультатными...

11-го іюня, мы оба отправились въ 20 дивизію. Первымъ посѣтили 77-й Тенгинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ, выстроившись по-ротно, во главѣ съ офицерами. Поздоровавшись съ полкомъ, мы устроили митингъ, на которомъ намъ удалось повліять на полкъ, дать перевѣсъ благоразумному большинству. Два батальона и всѣ команды полка рѣшили выполнять всѣ приказы команднаго состава и черезъ 2 часа выступили съ музыкой къ мѣсту назначенія, несмотря на начавшійся дождь. Со стороны оставшагося 1-го батальона были угрозы силой оружія помѣшать полку выполнить приказъ, но пулеметная команда демонстративно выступила съ приготовленными къ бою пулеметами — и никакого столкновенія не произошло. До настоящаго времени 77-й Тенгинскій полкъ остается вѣрнымъ своему рѣшенію и сохраняетъ хорошее, бодрое настроеніе, которое сильно повысилось послѣ привѣтствія полка Исполнит. Ком. С. Р. и С. Д., сдѣланнаго по докладу комиссара И. КИРІЕНКО, послѣ принятаго полкомъ рѣшенія.

Послѣ выступленія въ 77 Тенгинскомъ полку, мы поѣхали въ 78 Навагинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ очень холодно, почти враждебно. Наши рѣчи слушались неохотно, прерывались возгласами «довольно», «долой», «слышали» и т. д. За позднимъ временемъ окончаніе митинга было перенесено на утро слѣдующаго дня. На этотъ митингъ явились свободные солдаты и другихъ полковъ дивизіи. Выступавшіе противъ насъ ораторы рѣшительно заявляли, что они противъ наступленія, а такъ какъ передвиженіе дивизіи способствуетъ наступленію, то дивизія исполнять приказъ не должна. Говорилось, что мы съ Германіей никогда не справимся, поэтому не надо новыхъ жертвъ, а надо немедленно заключить миръ какой угодно цѣною. Говорилось, что пусть воюютъ буржуи, которымъ нужна война, а пролетарій воевать больше не будетъ, такъ какъ если ихъ перебьютъ, то буржуи восторжествуютъ. Говорилось, что пусть правительство сначала опубликуетъ тайные договоры, пусть сначала соберется стокгольмская конференція и только послѣ этого можно вести наступленіе. Словомъ, го-

ворилось все то, чѣмъ богаты страницы «Правды», но только еще въ болѣе сгущенныхъ тонахъ, безграмотно, съ прибавленіемъ всяческой отсебятины. Однимъ изъ такихъ ораторовъ былъ, какъ мы потомъ узнали, отбывавшій каторгу за какое то уголовное дѣло разжалованный офицеръ, служащій теперь солдатомъ. Другой ораторъ-офицеръ былъ исключенъ судомъ чести изъ общества офицеровъ за мордобой.

Нужно отмѣтить, что дивизія не отказывалась стоять на позиціи и съ гордостью говорила, что она будетъ защищать родину, но только не станетъ наступать. Объясненіемъ этого служитъ положеніе позиціи, занимаемой дивизіей: это одинъ изъ самыхъ спокойныхъ и удобныхъ участковъ фронта. Окопы противника расположены въ 1½ — 2 верстахъ на другомъ берегу трудно переходимой рѣки, части дивизіи расположены въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, въ сухомъ мѣстѣ. Отсюда нѣсколько неожиданное горячее стремленіе, проливать свою кровь за родину, хотя за 8 мѣсяцевъ стоянки дивизіи на этой позиціи потери были только отъ болѣзней; ни убитыхъ, ни раненныхъ въ дивизіи не было.

Въ результатѣ митинга на нашъ призывъ, подчиниться всѣмъ приказамъ команднаго состава, вышла группа всего въ 40-50 человѣкъ, нашедшихъ въ себѣ мужество сдѣлать это, несмотря на грубыя издѣвательства и угрозы. Подавляющее же большинство полка осталось при своихъ руководителяхъ, характеристики нѣкоторыхъ приведены выше. Надо добавить, что отколовшійся 1-й батальонъ 77 Тенгинскаго полка явился на митингъ съ винтовками, имѣя въ виду расправиться съ нами, но повидимому на это у нихъ не хватило рѣшимости. Съ остальными полками дивизіи 79 Куринскимъ и 80 Кабардинскимъ мы не успѣли переговорить, т. к. необходимо было срочно уѣхать въ ударную группу, начавшую наступленіе.

Эти полки, также какъ 1-й батальонъ 77 Тенгинскаго и 78-й Навагинскій полки отказались отъ исполненія приказа и остались на прежнемъ мѣстѣ. Потомъ они отведены были въ резервъ, гдѣ предполагалось ликвидировать всю эту исторію, которая затянулась вслѣдствіе начала активныхъ операцій и необходимости нашего присутствія въ наступающихъ частяхъ въ т. н. ударной группѣ.

Ликвидацію исторіи съ 20 дивизіей пришлось отложить до болѣе благопріятнаго момента, несмотря на всю нежелательность такой оттяжки.

Въ ударной группѣ насъ ожидалъ рядъ конфликтовъ, отнявшихъ у насъ большую часть нашего времени и энергіи.

14-го іюня помощ. комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ былъ уладить конфликтъ въ *21 Финляндскомъ стрѣлковомъ полку*, который раскололся на двѣ части: 4 ½ роты стояли на позиціи, а 7 ½ ротъ бездѣйствовали въ тылу. Пришлось съѣздить на передовыя позиціи въ дер. Августовку переговорить съ ротами, т. к. они не хотѣли объединиться съ оставшимися въ тылу. Послѣ ½ часовой бесѣды эти роты согласились на объединеніе при условіи извѣстной фильтраціи — должны были быть удалены изъ полка нѣкоторые солдаты, дезорганизовавшіе полкъ. Съ этимъ рѣшеніемъ А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ къ остальнымъ ротамъ, стоявшимъ въ дер. Цебровѣ, которыя были къ его пріѣзду выстроены въ полномъ порядкѣ. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО, роты безпрекословно обязались выполнить всѣ предъявленныя къ нимъ требованія. Около 20 человѣкъ изъ полка были выдѣлены самими ротами и человѣкъ 10 отказались итти куда бы то ни было и исполнять какіе бы то ни было приказы. Всѣ они переданы судебнымъ властямъ. Часть ротъ, согласно отданнаго имъ приказа, въ тотъ же день выступила на позицію, а остальныя—черезъ три дня. Такимъ путемъ было достигнуто возстановленіе 21 Финляндскаго стрѣлковаго полка, какъ боевой единицы, геройски выполнившаго затѣмъ свою задачу въ дни наступленія 18, 19 и 23 іюня.

15 іюня мы оба, совмѣстно съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, отправились *въ 13 Финляндскій стрѣлковый полкъ*, въ большинствѣ своемъ, отказавшійся отъ выполненія приказаній команднаго состава. Только около 300 человѣкъ изъ полка ушло на позицію, желая исполнить свой долгъ. 13 Финляндскій стрѣлковый полкъ, между прочимъ, именно тотъ, въ которомъ служилъ извѣстный большевикъ прапорщикъ КРЫЛЕНКО (товарищъ Абрамъ). Полкъ такъ быстро воспринялъ откровенія большевизма, что очень быстро перегналъ въ практическихъ выводахъ своихъ учителей и даже вліяніе КРЫЛЕНКО оказалось безсильнымъ остановить разложеніе полка и убѣдить его подчиняться приказамъ.

Когда мы подъѣхали къ расположенію полка, то они не пожелали выстроиться по-ротно, какъ мы требовали, а сбились въ безпорядочную кучу. Не доѣзжая примѣрно шаговъ 400 до полка, мы категорически потребовали, чтобы полкъ выстроился, на что дали 10 минутъ сроку, угрожая въ противномъ случаѣ уѣхать. Полкъ требованіе исполнилъ, за исключеніемъ кучки вожаковъ, ушедшихъ совсѣмъ изъ полка и удалившихся въ дер. въ мѣсто стоянки полка. Послѣ рѣчи комиссара И. И. КИРІЕНКО, предъявившаго полку требованіе подчиниться волѣ большинства револю-

ціонной демократіи, изъ него выдѣлилось около 300 человѣкъ, изъявившихъ безусловное желаніе подчиняться всѣмъ приказамъ команднаго состава. Этихъ товарищей, какъ оказалось, раньше не выпускали изъ полка угрозами расправиться съ ними штыками и ручными гранатами. Остальнымъ, около 700 человѣкъ, было также разрѣшено присоединиться къ полку, ввиду выраженнаго ими, хотя и нѣсколько запоздалаго согласія, выполнять всѣ приказы. Но этого обѣщанія они не выполнили и присоединились черезъ нѣсколько дней къ отказавшемуся повиноваться Гвардіи Гренадерскому полку, о которомъ будетъ сказано выше.

Вечеромъ, того же 15 іюня, помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ дер. Ерчевцы ликвидировать конфликтъ въ 1-мъ батальонѣ 138 *Болховского полка*, отказавшемся отъ исполненія приказа. Дивизіонный и полковой комитеты, послѣ долгой возни съ этимъ батальономъ, не добившись удовлетворительныхъ результатовъ, обратились за помощью къ намъ. Выяснилось, что остальные полки 35 дивизіи, къ которой принадлежитъ Болховской полкъ, также какъ и остальные 2 батальона полка, очень возмущены исторіей съ 1-мъ батальономъ и настаиваютъ на чисткѣ батальона и преданіи суду виновныхъ въ призывѣ къ неповиновенію. Дивизіонный и полковой комитеты поэтому пришли къ заключенію о необходимости временнаго изолированія батальона и назначенія слѣдствія. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО батальонъ безпрекословно согласился на эти условія, былъ отведенъ въ тылъ и тамъ производится слѣдствіе, имѣющее цѣлью выяснить виновныхъ въ призывахъ къ неповиновенію и преданію ихъ суду. По имѣющимся свѣдѣніямъ, батальонъ очень тяготится своей вынужденной бездѣятельностью, когда вся дивизія сражается съ врагомъ и рвется на позицію. На дняхъ это желаніе батальона будетъ исполнено, т. к. слѣдствіе заканчивается.

Слѣдующимъ конфликтомъ явился отказъ *6-й Гренадерской дивизіи* двигаться на другой участокъ фронта. Дивизія передвигалась изъ Особ. арміи въ XI-ю и, остановившись въ Кременцѣ, отказалась двигаться дальше, требуя отвода въ резервъ и продолжительнаго отдыха. Со стороны чиновъ дивизіи раздавались угрозы самовольно сѣсть въ поѣздъ и силой принудить везти ихъ, куда имъ хочется. Армейскому комитету удалось убѣдить подчиниться приказу часть одного полка, но остальные не поддавались убѣжденію. Понадобилось вмѣшательство комиссара, и въ Кременецъ поѣхалъ И. И. КИРІЕНКО вмѣстѣ съ членомъ Исполн. комитета Юго-Западнаго

фронта д-ромъ ГУРЕВИЧЕМЪ. Собравъ полковые комитеты неповинующейся дивизіи, И. И. КИРІЕНКО и тов. ГУРЕВИЧЪ выяснили имъ вообще недопустимость такого поведенія полковъ, а особенно въ тотъ моментъ, когда революціонная армія перешла въ наступленіе, повинуясь волѣ большинства Русскаго Народа. Полковые комитеты согласились съ этимъ и обязались соотвѣтственно воздѣйствовать на полки дивизіи, которые дѣйствительно въ полномъ порядкѣ выступили въ назначенный имъ раіонъ. Такая легкая и быстрая ликвидація конфликта обусловливалась, главнымъ образомъ, извѣстіями объ успѣхахъ начавшагося наступленія.

Сплошная полоса очень серьезныхъ конфликтовъ ожидала насъ *въ 1-мъ Гвардейскомъ корпусѣ*, сильно зараженномъ «большевизмомъ» самаго специфическаго, шкурнаго оттѣнка. Корпусъ стоялъ въ резервѣ въ Тарнополѣ и очень неохотно выступилъ, когда понадобилось двинуть его на позицію.

Командный составъ, особенно высшій, представлялъ самыя пессимистическія оцѣнки боеспособности корпуса и не могъ быть увѣреннымъ ни одну минуту въ исполненіи имъ приказовъ, кромѣ только одного Измайловскаго полка и отчасти Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Такое состояніе 1-го Гвардейскаго корпуса, естественно озабачивало какъ высшій командный составъ арміи, такъ и насъ, ибо въ начавшихся бояхъ, при недостаточности пополненій и отсутствіи глубокихъ резервовъ, каждая боевая единица была на счету, а тѣмъ болѣе такая крупная, какъ корпусъ.

Въ Гвардейскій корпусъ направился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. Однако, вопреки ожиданіямъ команднаго состава корпуса, послѣдній уже выступилъ и слѣдовалъ къ мѣстамъ своего назначенія. На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ былъ очень тепло встрѣченъ. Настроеніе полка не оставляло желать лучшаго: бодрое, увѣренное, сознательное. Въ тотъ же день А. М. ЧЕКОТИЛО имѣлъ бесѣду съ полковымъ комитетомъ Семеновскаго полка, изъ которой выяснилось также очень хорошее, твердое настроеніе всего полка, готоваго итти по первому приказу куда угодно. Далѣе были имъ посѣщены Павловскій полкъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, положеніе было много хуже, нежели въ предыдущихъ полкахъ: одинъ батальонъ совсѣмъ отказался итти съ полкомъ, два другихъ колебались, и только второй батальонъ рѣшилъ итти по первому зову и участвовать въ бояхъ. Въ моментъ пріѣзда А. М. ЧЕКОТИЛО въ полкъ, послѣдній однако укладывался и готовился къ выступле-

нію вмѣстѣ съ другими полками корпуса. Тѣмъ не менѣе состоялось краткое совѣщаніе съ предсѣдателемъ полкового комитета и нѣкоторыми изъ его членовъ, на которомъ выяснилось, что полкъ, кромѣ 1-го батальона, готовъ исполнить всѣ приказанія команднаго состава, хотя въ общемъ это настроеніе, кромѣ 2-го батальона, не твердое.

Въ Гренадерскомъ полку ни совѣщанія, ни митинга устроить не удалось, т. к. этотъ ультра-большевистскій полкъ, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣкоего поручика ДЗЕВАЛТОВСКАГО, не желалъ никого выслушивать. Товарищу А. М. ЧЕКОТИЛО ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ было заявлено тоже, что и КЕРЕНСКОМУ: «Мы не нуждаемся ни въ уговорахъ, ни въ совѣтахъ, т. к. хорошо разбираемся во всемъ сами, ибо выписываемъ много газетъ, поэтому можете не тратить напрасно времени».

Понятно, что такое заявленіе, поддержанное большой группой бывшихъ при этомъ гренадеръ, диктовало только рѣшеніе уѣхать дальше, что и было Тов. ЧЕКОТИЛО сдѣлано.

На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ былъ посѣтить Егерскій и Финляндскій полки, но вслѣдствіе дождя автомобиль завязъ въ грязи, время ушло и посѣщеніе полковъ не состоялось.

Черезъ день А. М. ЧЕКОТИЛО посѣтилъ Павловскій полкъ, настроеніе въ которомъ нѣсколько окрѣпло, но все же оставалась неувѣренность въ его прочности, особенно ввиду создавшагося положенія въ Гренадерскомъ полку.

Конфликтъ съ Гренадерскимъ полкомъ явился наиболѣе значительнымъ и яркимъ изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ. Гренадерскій полкъ — это маленькій Кронштадтъ со всѣми специфическими особенностями оплотовъ большевизма. Огромнымъ вліяніемъ въ полку пользовался поручикъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, энергичный человѣкъ, ставшій большевикомъ послѣ поѣздки въ Петроградъ. Полкъ быстро воспринялъ большевистскую окраску и, кромѣ большевистской литературы, не довѣрялъ никакой другой, да и попадала такая въ полкъ рѣдко и въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ какъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ и Ко. тщательно старались охранять распропагандированный ими полкъ отъ всякаго иного вліянія.

Настроеніе полка впервые выявилось для насъ при поѣздкѣ КЕРЕНСКАГО, когда онъ посѣтилъ 16-го іюня Гвардейскій корпусъ. Всѣ полки корпуса собрались въ одномъ мѣстѣ и только Гренадерскій полкъ съ большей частью Павловскаго стали отдѣльно отъ нихъ шагахъ въ 500 , требуя, чтобы КЕ-

РЕНСКІЙ говорилъ съ ними особо. Голосованіемъ солдатъ корпуса, собравшихся на митингъ, было рѣшено, чтобы эти полки присоединились къ общему собранію, но тѣ остались при своемъ рѣшеніи. И только отдѣльныя группы солдатъ подошли къ митингу съ явнымъ желаніемъ сорвать его: КЕРЕНСКАГО прерывали криками «довольно», «долой» и даже ругательствами, а товарищу И. И. КИРІЕНКО не дали даже закончить свою рѣчь.

По окончаніи митинга, горячо проводившаго любимаго Министра, Гренадеры однако окружили его автомобиль и убѣдили выступить передъ полкомъ. Здѣсь выступилъ руководитель полка ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, вызывающе заявившій КЕРЕНСКОМУ: «Мы позвали Васъ не затѣмъ, чтобы выслушивать Ваши рѣчи, краснорѣчіе Ваше намъ извѣстно, но мы не нуждаемся въ уговорахъ или въ рѣчахъ, мы читаемъ много газетъ и хорошо разбираемся во всемъ сами и Васъ мы позвали для того, чтобы вручить нашу резолюцію».

Резолюція эта была составлена по большевистскому трафарету и содержала обычные лозунги недовѣрія Временному Правительству и т. д.

На рядъ вопросовъ КЕРЕНСКІЙ отвѣтилъ весьма удачно и тактично, но проводили его все же весьма недружелюбно, слышались даже ругательства по его адресу. Одного этого было вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать этотъ полкъ центромъ дезорганизаціи Гвардейскаго корпуса даже если бы не было послѣдующихъ фактовъ. А эти факты таковы: когда полки корпуса должны были сдѣлать послѣдній переходъ передъ занятіемъ позицій, то Гренадерскій полкъ отказался слѣдовать дальше и остался въ дер. Даниловце, вызвавъ этимъ массовое возмущеніе въ тѣхъ частяхъ, которыя уже приняли участіе въ бояхъ. Это негодованіе очень усилилось, когда черезъ день послѣ этого Гренадерскій полкъ , по командѣ ДЗЕВАЛТОВСКАГО, самовольно вернулся въ предыдущую свою стоянку, верстъ на 20 въ тылъ въ дер. Хородыще. Всѣ офицеры полка, по распоряженію Командарма, остались и полкъ пошелъ безъ нихъ, при чемъ они должны были сдѣлать это украдкой т. к. иначе имъ угрожали расправой. Чувство возмущенія по адресу Гренадеръ во многихъ частяхъ было такъ велико, что грозило вылиться даже въ форму самосуда. Были части, требовавшія принужденія Гренадеръ къ повиновенію и заявлявшія, что въ противномъ случаѣ они сами это сдѣлаютъ.

Положеніе очень обострилось послѣ присоединенія къ гренадерамъ батальона Павловскаго полка и 700 человѣкъ 13 Финляндскаго стрѣлковаго

полка; кромѣ того къ гренадерамъ стали присоединяться одиночками и небольшими кучками дезертиры и другихъ полковъ. Гренадеры вели повсюду свою агитацію противъ наступленія и на ст. Езерно дошли до того, что стали глумиться надъ раненными, которые за это стали гренадеръ избивать. Только вмѣшательство бывшаго неподалеку члена армейскаго комитета спасло гренадеръ отъ смерти.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось арестовать по обвиненію въ подстрекательствѣ къ убійству КЕРЕНСКАГО, призывахъ къ неповиновенію, но всѣ они были освобождены по недостаточности обвинительнаго матеріала.

На совѣщаніи съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, а также по соглашенію съ Командармомъ было рѣшено принять противъ Гренадеръ рѣшительныя мѣры, чтобы привести ихъ къ повиновенію и остановить растущую деморализацію арміи, не останавливаясь даже передъ силой оружія. Чтобы избѣжать возможнаго кровопролитія требовалась сильная вооруженная демонстрація, которая показала бы неповинующимся солдатамъ всю безцѣльность сопротивленія. Для этой цѣли, къ полудню 24 іюня, къ мѣсту стоянки Гренадеръ, Павловцевъ и Финляндцевъ была подтянута кавалерійская дивизія, двѣ батареи артиллеріи и два броневыхъ автомобиля. Когда стоянка ихъ была оцѣплена, комиссаръ И. И. КИРІЕНКО вызвалъ представителей полка и предъявилъ имъ письменный приказъ, выработанный на совѣщаніи:

Выйти безъ оружія въ указанное пункты: желающихъ подчиняться всѣмъ приказамъ команднаго состава и выполнить свой долгъ передъ родиной и революціей — въ одномъ мѣстѣ, всему полковому совѣту — въ другомъ и, наконецъ, отказывающимся отъ повиновенія — въ третьемъ.

Все оружіе и казенное имущество должно было быть оставлено въ полномъ порядкѣ и цѣлости на мѣстѣ стоянки.

Никому изъ желающихъ выполнить приказъ не должно быть оказано никакого противодѣйствія, а тѣмъ болѣе насилія.

На исполненіе этого приказа данъ былъ срокъ въ 2 часа.

По истеченіи этого срока по стоянкѣ долженъ былъ быть открытъ предварительный артиллерійскій огонь съ высокими разрывами.

По истеченіи получаса послѣ открытія предварительнаго артиллерійскаго огня, въ случаѣ неисполненія приказа, артиллерія должна была перейти на пораженіе при содѣйствіи пулеметнаго и ружейнаго огня,

За 10 минутъ до истеченія срока ,всѣ осажденные Гренадеры, Павловцы и Финляндцы съ оркестромъ музыки во главѣ, подъ звуки марсельезы стройными рядами, безъ оружія вышли на указанное имъ мѣсто. Здѣсь ДЗЕВАЛТОВСКІЙ началъ требовать отъ И. И. КИРІЕНКО его документовъ, хотя онъ хорошо зналъ его, такъ же какъ и положеніе И. И. КИРІЕНКО въ арміи въ качествѣ комиссара. Но И. И. КИРІЕНКО оборвалъ его и приказалъ немедленно и безпрекословно выполнить требованія приказа, что ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ и было сдѣлано.

Весь полковой совѣтъ былъ арестованъ и преданъ суду, тоже было сдѣлано по отношенію къ ряду другихъ чиновъ полка, относительно которыхъ имѣлись данныя для возможности преданія ихъ суду. Въ Гренадерскомъ полку послѣ этой операціи осталось около 300 человѣкъ солдатъ, которые хотѣли исполнить свой долгъ и удерживались остальными угрозами примѣненія къ нимъ оружія, а также всѣ офицеры. Остальныхъ Гренадеръ, Павловцевъ и Финляндцевъ рѣшено было расформировать по другимъ полкамъ группами по 50 — 70 человѣкъ. Такимъ образомъ была ликвидирована исторія съ Гренадерскимъ полкомъ.

Не успѣли мы еще закончить дѣло съ Гренадерами, какъ на очередь выплылъ вопросъ объ остальныхъ полкахъ Гвардейскаго корпуса.

Происходившій 23 іюня, по нашей иниціативѣ бой, обнаружилъ большую деморализацію въ полкахъ *2-й дивизіи Гвардейскаго корпуса*, особенно Московскомъ и Финляндскомъ. Было созвано соединенное засѣданіе всѣхъ ротныхъ и полковыхъ комитетовъ этихъ полковъ, на которое отправился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. На этомъ собраніи рѣзко выявился полный моральный развалъ полковъ — особенно Московскаго. Оказалось, что полки пошли въ атаку очень хорошо, но такъ какъ они своевременно съ противникомъ не сближались, то имъ пришлось отъ своихъ до непріятельскихъ окоповъ пробѣжать отъ 1 до 2 верстъ и они выдохлись въ своемъ наступательномъ порывѣ. Наткнувшись же на неразбитую артиллеріей проволоку, состоящую изъ одного ряда низкихъ кольевъ, полки совсѣмъ растерялись и залегли, несмотря на то, что противникъ бѣжалъ изъ своихъ окоповъ и прекратилъ на 20 минутъ совершенно огонь. Несмотря на всѣ усилія офицеровъ, солдаты продолжали лежать передъ проволокой, пока не вернулись нѣмцы и почти въ упоръ не стали ихъ разстрѣливать. Полки понесли значительныя потери безъ всякой пользы для дѣла. Эта неудача, постигшая полки 2-й Гвардейской дивизіи, обусловливалась,

конечно, не только тѣми обстоятельствами на которыя указывали солдаты этихъ полковъ. По отзыву компетентныхъ лицъ, такія препятствія были бы пустяками для боеспособныхъ полковъ. Дѣйствительно, на томъ же засѣданіи обнаружились болѣе глубокія и существенныя причины неудачи. Главная изъ нихъ—это качество пополненій, приходившихъ изъ Петрограда. Такъ Московскій полкъ пополнялся исключительно городовыми, стражниками и жандармами, которыхъ въ полку оказалось около 150 человѣкъ. Многіе изъ нихъ стали большевиками, отрицающими необходимость наступленія и т. д., другіе просто не были обучены, т. к. занятія въ запасномъ батальонѣ по винѣ большевиковъ, были поставлены настолько скверно, что нѣкоторые солдаты не умѣли даже зарядить винтовку, никто не умѣлъ метать ручныя гранаты, никто не умѣлъ рѣзать проволоку. Естественно, что такіе солдаты не могли составить боеспособной части, тѣмъ болѣе, что большинство полка ни разу не слыхали пушечнаго выстрѣла. Къ этому прибавилось еще то, что много старыхъ солдатъ, дисциплинированныхъ, обученныхъ и обстрѣлянныхъ было отправлено въ запасный полкъ.

Въ Финляндскомъ и Павловскомъ полкахъ городовыхъ и жандармовъ было сравнительно немного, и здѣсь точно также распущенныя, распропагандированныя большевиками пополненія явились элементами дезорганизаціи, неповиновенія самой низкой шкурности. Сознательные солдаты, весь командный составъ въ одинъ голосъ умоляетъ не посылать пополненій изъ Петрограда, такъ какъ кромѣ вреда, разложенія и деморализующихъ большевистскихъ идей и лозунговъ эти пополненія ничего не приносятъ.

Въ конечномъ результатѣ засѣданія опредѣлилось полное нежеланіе Московскаго полка воевать, а Финляндскій и Павловскій полки выставляли рядъ условій, при которыхъ они согласятся вести операціи. Въ сущности это надо было разсматривать, какъ благовидный замаскированный отказъ отъ исполненія своего долга.

Характерной для Финляндскаго полка явилась исторія съ арестомъ солдата ВАСИЛЬЕВА, выдававшаго себя за члена Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д., хотя и не имѣвшаго въ подтвержденіе этого никакихъ документовъ. ВАСИЛЬЕВЪ типичный «большевикъ» шкурной категоріи. Свою агитацію противъ наступленія онъ подкрѣпилъ и дѣломъ, отказавшись участвовать въ бою 23 іюня, но взявши на себя организацію уборки раненныхъ. Въ моментъ боя ВАСИЛЬЕВЪ отсиживался въ 5 — 6 верстахъ въ тылу, а уборка раненныхъ была имъ такъ преступно небрежно организована,

что много раненныхъ оказалось неподобранными на 2-й и даже на 3-й день послѣ боя, несмотря на полную безпрепятственность это сдѣлать. Съ нашего согласiя Командармъ распорядился арестовать ВАСИЛЬЕВА и предать его суду. Въ полку послѣ этого началось броженiе, 11-я рота заявила, что ВАСИЛЬЕВА не выдастъ; полковой комитетъ послѣ долгихъ и жаркихъ дебатовъ рѣшилъ наконецъ, что ВАСИЛЬЕВЪ долженъ быть арестованъ, но для наблюденiя за ходомъ слѣдствiя рѣшилъ командировать двухъ солдатъ делегатовъ. Согласились выдать ВАСИЛЬЕВА и 11-я рота, но для его охраны послала 12 человѣкъ. Намъ понадобилось болѣе двухъ часовъ времени, чтобы убѣдить делегатовъ полкового комитета въ законности и необходимости ареста и преданiя суду ВАСИЛЬЕВА, виновнаго въ тяжеломъ преступленiи. Еще труднѣе было убѣдить ихъ въ неисполнимости ихъ желанiя наблюдать за ходомъ слѣдствiя, какъ недопустимаго вмѣшательства въ дѣйствiя судебной власти. Однако это удалось сдѣлать и на этомъ исторiя съ арестомъ ВАСИЛЬЕВА пока кончилась. Остальные конфликты послѣ первыхъ наступательныхъ операцiй сводились къ требованiямъ отдыха. Солдаты при этомъ совершенно не ставили передъ собой вопроса — нужно или не нужно наступать, есть ли кѣмъ ихъ смѣнить, какъ это можетъ отразиться на общемъ ходѣ дѣлъ, а просто на просто заявляли: «мы свое дѣло сдѣлали, теперь пусть дѣлаютъ другiе, а намъ нужно отдохнуть, пополнить свои ряды и привести себя въ порядокъ». Эти требованiя подкрѣплялись иногда угрозами даже уйти съ позицiи, не дожидаясь смѣны. А *4-я Финляндская дивизiя* (13, 14, 15 и 16 полки) эту угрозу привела въ исполненiе, вслѣдствiе чего пришлось растягивать для закрытiя этой дыры на фронтѣ сосѣднiя части, двинуть изъ резерва Чехо-Словацкую бригаду, понесшую большiя потери въ бояхъ 18 и 19 iюня.

Считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить беззавѣтный героизмъ Чехо-Словаковъ, дравшихся, какъ львы, вынесшихъ на себѣ главную тяжесть боя при занятiи сильно укрѣпленной австрiйцами высоты «Могила» и взявшихъ болѣе 3000 плѣнныхъ и 15 орудiй.

Нѣкоторыя изъ частей, требовавшихъ отвода въ тылъ, имѣли для этого всѣ основанiя. Такъ напримѣръ *151 пѣхотная дивизiя*, доблестно учавствовавшая въ бояхъ 18, 19 и 23 iюня, потеряла выбившими изъ строя до 70% своего состава, а въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось 10-15 штыковъ. Конечно такую дивизiю необходимо было сохранить, т. к. доводить ее до полной потери боеспособности и истощенiя кадровъ являлось бы крайне нецѣле-

сообразнымъ. Эта дивизія немедленно была смѣнена послѣ сообщенія Командарму помощникомъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО дѣйствительнаго положенія дивизіи.

Точно также *6 Финляндская стрѣлковая дивизія*, послѣ боевъ 18 — 19 іюня, въ которыхъ она геройски выполнила свою задачу, потеряла въ общемъ болѣе 50% своего состава и настоятельно требовала отвода ея въ тылъ на отдыхъ и для пополненія.

Однако на фронтѣ создалось такое положеніе, что удовлетворить подобныя требованія можно было только цѣною отказа отъ активныхъ операцій и предоставленіемъ иниціативы противнику. Такъ, *82 пѣхотная дивизія*, при удовлетвореніи требованія 6 Финляндской, оставалась бы безъ всякаго резерва, что разумѣется лишало ее оперативной свободы. Помощнику комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО пришлось ѣхать въ эту дивизію съ задачей убѣдить отказаться отъ этого требованія, хотя на нѣсколько ближайшихъ дней. Предъявлять къ дивизіи требованіе было невозможно, какъ по неимѣнію средствъ принудить ее исполнить требованіе въ случаѣ отказа съ ея стороны, такъ и потому, что дивизія дѣйствительно нуждалась въ отводѣ въ тылъ, для нѣкотораго, хотя бы кратковременнаго отдыха и пополненія. А. М. ЧЕКОТИЛО такъ и подошелъ къ вопросу и, когда бесѣдовалъ съ полками онъ заявилъ имъ прямо: «мы отъ Васъ ничего не требуемъ, такъ какъ Вамъ безусловно нужно дать отдыхъ, но положеніе сейчасъ такое, что Васъ некѣмъ замѣнить. Вашъ уходъ явится большимъ ударомъ для хода операціи. Поэтому именемъ Временнаго Правительства и С. Р. и С. Д. прошу Васъ остаться на мѣстѣ». 21 и 22 Финляндскіе стрѣлковые полки единогласно согласились на это. Изъ 23-го полка, понесшаго большія потери (болѣе 60%) согласилось около ¼. И только 24 полкъ категорически отказался отъ поддержки товарищей. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить лишь то обстоятельство, что полкъ потерялъ около 70% своего состава и лучшіе элементы полка были выбиты въ бояхъ 18-19 іюня, вслѣдствіе чего шкурники оказались въ большинствѣ, тогда какъ до боевъ они не имѣли значенія и полкъ считался по праву лучшимъ въ дивизіи.

Требовали отдыха также *2-я Финляндская, 152, 35, 2 Гвардейская дивизіи*, словомъ большая часть войскъ ударной групы. Весьма значительную роль въ этомъ процессѣ тяготѣнія въ тылъ сыграла непрекращавшаяся ни на минуту большевистская агитація, разрушавшая и безъ того слабую, почти призрачную дисциплину и сознаніе своего долга.

Во всѣхъ этихъ конфликтахъ, также какъ и въ тѣхъ, которые улаживались членами армейскаго комитета, бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами, третируемаго ими и лишеннаго возможности реализировать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ, какъ напр. свободы слова. Всякій призывъ съ ихъ стороны къ солдатамъ къ исполненію своихъ обязанностей, вообще все, что шло въ разрѣзъ съ инстинктами и пожеланіями шкурныхъ элементовъ арміи, встрѣчается послѣдними рѣзко враждебно, причемъ нерѣдко раздавались угрозы расправы оружіемъ. И это были не пустыя угрозы. Такое положеніе сильно затрудняло вообще созданіе новой революціонной дисциплины и исключало возможность имѣть въ арміи тотъ сложный и правильно дѣйствующій механизмъ, какимъ она должна являться. Но стоило кому либо изъ офицеровъ принять большевистскую окраску или просто потакать шкурникамъ, что бы онъ быстро дѣлался вождемъ массы. Но только до перваго противорѣчія ей. Достаточно такому вождю призывать солдатъ къ исполненію долга, хотя бы въ исключительномъ случаѣ, чтобы по его адресу вообще посыпались самые рѣзкіе упреки, обвиненія въ продажности (съ легкой руки «большевиковъ», обвиняющихъ министровъ-соціалистовъ и С. Р. и С. Д. въ подкупности, этотъ способъ опорачиванія своихъ противниковъ очень привился въ арміи).

Конечно, не вездѣ къ офицерамъ такое отношеніе, но во всякомъ случаѣ оно господствующее. Послѣ боевъ 18 — 19 и 23 іюня оно немного улучшилось, т. к. офицеры съ легендарной отвагой шли впереди солдатъ, подавая примѣръ храбрости и неустрашимости и этимъ заставили относиться солдатъ къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Но это мало измѣнило общее незавидное положеніе офицерства въ арміи.

При разрѣшеніи описанныхъ конфликтовъ, мы попутно выполняли и общеполитическую работу, направленную на поднятіе сознательности массъ, пробужденія въ нихъ чувства гражданственности и пониманія своего долга передъ революціей, необходимости наступленія; наша работа въ этомъ направленіи совпадала и согласовалась съ дѣятельностью выборныхъ солдатскихъ организацій, изъ которыхъ особенно значительную работу выполнилъ армейскій комитетъ.

Въ результатѣ этой работы, въ арміи, къ началу наступленія, создалось въ общемъ удовлетворительное, можно сказать, даже хорошее настроеніе.

Дезорганизующіе армію элементы встрѣтили достаточно сильное противодѣйствіе и почти всѣ части войскъ, участвовавшія въ наступленіи 18 — 19 іюня, шли въ бой съ энтузіазмомъ. Помимо ряда выступленій съ рѣчами въ полкахъ, нами, совмѣстно съ комиссаріатомъ 7-й арміи и тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ было выпущено передъ началомъ наступленія воззваніе.

Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій фронтовой и армейскій комитеты и делегація черноморцевъ послали своихъ представителей въ полки ударной групы съ цѣлью ободрить войска, подтвердить своимъ участіемъ въ бояхъ необходимость и цѣлесообразность наступленія, а также являться примѣромъ мужества, сознательнаго исполненія долга и подчиненія боевымъ приказамъ командного состава. Эти представители сыграли очень большую роль въ происшедшихъ бояхъ, причемъ три члена армейскаго комитета были убиты, два члена армейскаго комитета и нѣсколько черноморцевъ были ранены. Мы съ своей стороны вмѣстѣ съ Тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ обходили передъ боемъ окопы и передавали солдатамъ привѣтствіе отъ имени Исп. Ком. С. Р. и С. Д. и во время боя находились на наблюдательныхъ пунктахъ.

Удача наступленія 18 — 19 іюня сильно подорвала вліяніе «большевистской» агитаціи. Но, къ сожалѣнію, не надолго.

Порывъ воодушевленія, поддержанный удачей, началъ постепенно угасать, подтачиваемый, съ одной стороны, агитаціей темныхъ элементовъ арміи, выступающихъ подъ фирмой большевизма, а съ другой — сознаніемъ массы своей безотвѣтственности и безнаказанности. Неудивительно поэтому, что дезорганизаторскія теченія не умерли и вновь подняли голову. Малоуспѣшный въ общемъ, по винѣ главнымъ образомъ гвардіи, бой 23 іюня, далъ сильный толчекъ въ этомъ направленіи, деморализовавъ рядъ полковъ и подорвавъ, съ такимъ трудомъ налаживавшееся, довѣріе къ командному составу.

Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственнаго воздѣйствія невозможно.

Конечно, нельзя сказать, что въ солдатской массѣ нѣтъ вовсе правового сознанія, нѣтъ пониманія своихъ обязанностей, чувства отвѣтственности. Одна возможность наступленія и сохраненія въ цѣлости арміи послѣ переворота доказываютъ противное. Все это есть, но находится въ состояніи

неустойчиваго равновѣсія. Новыя правовыя отношенія не выкристаллизовались въ юридическихъ и судебныхъ нормахъ, не вошли въ сознаніе массъ конкретно. *Масса не знаетъ что можно и что нельзя и въ понятіи очень многихъ ея представителей, свобода часто смѣшивается съ полнымъ своевольствомъ.* Этимъ объясняется большинство непорядковъ въ арміи.

Одной изъ основныхъ настоятельнѣйшихъ задачъ текущаго моментa — выясненіе и укрѣпленіе въ солдатскихъ массахъ идей права и законности. Революціонная власть должна проявляться во всѣхъ областяхъ солдатской жизни, нормировать и опредѣлять общественно-политическія ея стороны, а не отсутствовать, предоставляя массу самое себѣ или демагогамъ, провокаторамъ, шкурникамъ и германскимъ агентамъ, творящимъ дѣло разрушенія арміи.

Организація ротныхъ, полковыхъ, корпусныхъ и военно-окружныхъ судовъ стоитъ на очереди дня, какъ безотлагательная задача; къ фактическому проведенію ея въ жизнь и направляются наши усилія. Этотъ вопросъ былъ вынесенъ комиссаромъ И. И. КИРІЕНКО и нѣкоторыми членами фронтового комитета на собраніи, состоявшемся въ концѣ іюня въ Каменецъ-Подольскѣ. Фронтовый комитетъ рѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшей организаціи судовъ и разъясненію солдатамъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности.

Въ арміи приходится слышать очень много нареканій на систему полковыхъ и ротныхъ судовъ. Страшитъ названіе «дисциплинарный», указывается на большую роль, отведенную въ этихъ судахъ офицерамъ, и т. д. Недостатки судовъ извѣстны, — полагаемъ, что Всероссійскій Съѣздъ С. Р. и С. Д. достаточно полно ихъ освѣтилъ и, надо думать, что уставъ о нихъ будетъ надлежащимъ образомъ исправленъ. Ссылаясь же на эти недостатки, солдатскія организаціи не находятъ возможнымъ вводить ротные и полковые суды, опасаясь сильной оппозиціи со стороны массъ, и армія остается совершенно безъ судовъ. Мы полагаемъ, что эта ссылка неосновательна, что подъ оппозиціей массъ скрывается «большевистская» непріязнь ко всякому вообще суду, нежеланіе вообще нести отвѣтственность за свои поступки и правонарушенія. Эту боязнь необходимо преодолѣть и ввести въ жизнь идеи права и законности, заставить солдатскую массу воспринять опредѣленную систему правъ и обязанностей передъ родиной.

Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи могутъ имѣть корпусные и военно-окружные суды, вѣдѣнію которыхъ будутъ подлежать всѣ наиболѣе

значительные проступки противъ дисциплины. Дѣло борьбы съ анархіей, дезорганизаціей будетъ поставлено на прочную почву лишь тогда, когда оно будетъ систематическимъ и опирающимся на постоянно дѣйствующій институтъ судебной власти. Принимаемыя комиссарами и солдатскими организаціями мѣры въ видѣ расформированія частей и арестовъ лицъ, неисполняющихъ приказанія, являются въ сущности, полумѣрами. Правда, онѣ производятъ сильныя впечатлѣнія, какъ на тѣ части, къ которымъ примѣняются эти мѣры, такъ и на окружающихъ, — въ арміи укрѣпляются идеи дисциплины и права.*) Но такія мѣры примѣняются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, менѣе же значительные факты нарушенія дисциплины сплошь и рядомъ остаются безнаказанными и даже часто незамѣченными. Необходимо, чтобы такія мѣры, оставаясь чрезвычайными, только для исключительныхъ моментовъ, дополнялись правильно и постоянно дѣйствующимъ институтомъ суда.

Въ жизни армій и дѣятельности солдатскихъ организацій необходимо отмѣтить еще одну весьма существенную особенность — *это оторванность, какъ солдатскихъ массъ, такъ и ея выборныхъ организацій отъ Всероссійскихъ Съѣздовъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.* Къ голосу ихъ прислушиваются, съ постановленіями ихъ считаются, авторитетъ ихъ великъ. Но нѣтъ сознанія чувства, что это — ихъ собственные органы, что они съ этими органами крѣпко связаны. Сплошь и рядомъ очень важные вопросы обсуждаются и рѣшаются совершенно независимо отъ рѣшеній совѣтовъ. Такая оторванность отъ Всероссійскихъ органовъ революціонной демократіи, обусловливается, съ одной стороны, общей нашей отсталостью и непривычкой къ общественной жизни. а съ другой — инертностью самихъ совѣтовъ и беззаботностью насчетъ упроченія и усиленія своего вліянія. Армія наводнена «Правдами» всѣхъ видовъ, тогда какъ «Извѣстія С. Р. и С. Д.», «Голосъ Солдата», такъ же какъ и «Извѣстія Кр. Д.» можно найти съ большимъ трудомъ даже въ такихъ значительныхъ тыловыхъ центрахъ, какъ Тарнополь, Вишневецъ, Кременецъ. Агитаторовъ большевиковъ въ арміи туча, тогда какъ представители Совѣтовъ являются здѣсь очень рѣдкими голосами. Естественно, что солдаты не знаютъ, не слышатъ голоса Совѣтовъ, что любому демагогу такъ легко извратить его въ своихъ

*) Такъ въ дѣлѣ ликвидаціи конфликтовъ въ XI арміи несомнѣнно очень благопріятно отразились произведенныя комиссаромъ 7 арміи Савинковымъ расформированія частей войскъ, отказавшихся отъ повиновенія.

Прапорщ. Крыленко (тов. Абрамъ)
(по сов. юбил. фотогр. 1917-18 гг.)

Бывшій поручикъ Л.-Гв. Гренад. полка Дзевалтовскій.

Офицеры до митинга.

... Во всѣхъ конфликтахъ бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами третируемаго ими и лишеннаго возможности реализовать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ...

Офицеры во время митинга, на которомъ солдаты призывались къ недовѣрію имъ — «старымъ слугамъ царскаго режима и приспѣшникамъ буржуазіи».

... Нервное, измученное, сѣровато-желтое, безъ признаковъ какой бы то ни было растительности лицо, мутные глаза... таково было первое впечатлѣніе произведенное «премьеромъ»...

... Обходъ кончился... далеко растянувшаяся свита начала подтягиваться»...

Къ оружію—Граждане!

(Le Rire) (Paris)

Керенскій—душа русской революціи.

(По замыслу франц. худ. К. Ленарда—это не карикатура, но плакатъ. Тѣмъ не менѣе, *жизнь* сдѣлала изъ него злую карикатуру).

„Среди непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами"...

„Товарищи, взгляните на это красное знамя"!...

цѣляхъ и даже прикрыться ихъ авторитетомъ. Понятно само собою, насколько такое положеніе способствуетъ росту въ арміи дезорганизаторскихъ теченій и затрудняетъ борьбу съ ними. Необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ наиболѣе широкому и полному распространенію идей и взглядовъ С. Р. и С. Д., ихъ постановленій. Необходимо затопить армію «Извѣстіями», «Голосомъ Солдата» и вообще всей той литературой, которая отражаетъ взгляды Совѣтовъ по вопросамъ момента, по основнымъ вопросамъ революціи. Необходимо направить въ армію тучу агитаторовъ и особенное вниманіе обратить на запасные полки и батальоны, посылающіе въ армію пополненія. Въ этомъ вопросѣ ни передъ трудностями, ни передъ затратами останавливаться нельзя.

По нашему почину и по почину фронтоваго комитета дѣлаются попытки помочь этому горю, но они не дали пока, къ сожалѣнію, осязательныхъ результатовъ, такъ какъ нѣтъ возможности посвятить этому дѣлу достаточно силъ, времени и средствъ. Обязанность иногородняго отдѣла — поставить массовую доставку литературы на должную высоту. Цѣлесообразно было бы для этого воспользоваться въ раіонѣ армій Юго-Западнаго фронта средствами транспорта «Кіевской Мысли», поставленнаго этой газетой превосходно: она всюду и вездѣ въ арміи. Соглашеніе здѣсь вполнѣ возможно.

Фронтовый и армейскій комитеты издаютъ свои газеты. Онѣ небольшого формата, выходятъ въ небольшихъ количествахъ и не пользуются большимъ вліяніемъ. Замѣнить Петроградскія газеты онѣ, конечно, не могутъ.

Кромѣ періодическихъ изданій солдатская масса нуждается вообще въ литературѣ, не только политическаго содержанія, но и беллетристической.

Для солдатъ, побывавшихъ въ бою и ушедшихъ въ тылъ на отдыхъ, предполагается устроить лекціи, спектакли, кинематографическіе сеансы и проч. разумныя развлеченія. Считаемъ, что такія мѣропріятія благотворно должны дѣйствовать на психику и настроеніе солдатъ. Но недостатокъ культурныхъ силъ мѣшаетъ широко поставить это дѣло. Безъ помощи Иногородняго отдѣла и здѣсь трудно расчитывать на успѣхъ. Вообще необходимо Иногороднему отдѣлу самымъ широкимъ образомъ придти на помощь арміи, хотя бы въ тѣхъ областяхъ, которыя нами отмѣчены.

Насколько же мало въ этомъ отношеніи имъ дѣлается видно хотя бы изъ того, что мы оказались совершенно оторванными отъ Петрограда. Ни одинъ циркуляръ, ни одинъ приказъ, ни одно распоряженіе Временнаго Правительства, ни одно постановленіе Всероссійскаго Съѣзда С. Р. и С. Д.

намъ не сообщалось. Обо всемъ мы узнавали только изъ газетъ, причемъ недѣлями мы не имѣли возможности достать Извѣстія С. Р. и С. Д. А вѣдь мы являемся представителями Совѣта.

Въ заключеніе необходимо указать на крайне недостаточный количественный составъ комиссаріата въ XI -й арміи: насъ всего двое. Третій помощникъ комиссара Л. И. ЮРОВСКІЙ почему то не прибылъ. Между тѣмъ XI-я армія очень велика по объему, занимаетъ по фронту около 150 верстъ и сильно заражена большевизмомъ самаго сквернаго качества. Работы здѣсь неизмѣримое количество и очень было бы нужно усилить комиссаріатъ XI-й арміи еще хотя бы 2—3 помощниками. Здѣсь ихъ вербовать не удается.

Комиссаръ XI-й арміи И. КИРІЕНКО.

Помощникъ комиссара XI-й арміи А. ЧЕКОТИЛО

А. КЕРЕНСКІЙ ВЪ АРМІИ ГЕНЕР. ДЕНИКИНА.

XX-й к-съ.

По широкой песчано-пыльной дорогѣ, пролегающей по невысокимъ холмамъ и небольшимъ перелѣскамъ, — тянется длинная сѣрая лента сѣрыхъ людей... за ней въ разстояніи около полуверсты видна вторая... еще далѣе — третья... — Это полки *** пѣх. дивизіи идутъ на смотръ и очередное «уговариваніе», которое назначено сегодня для нихъ по расписанію изъ Петрограда.

Іюльское солнце, казалось, рѣшило сжечь все живое на землѣ... На фронтѣ тяжело бухаетъ артиллерія... Далеко, далеко на горизонтѣ виднѣется рядъ нашихъ и нѣмецкихъ «колбасъ» — послѣдніе, несмотря на дальность разстоянія, съумѣли высмотрѣть двигающіеся сѣрыя массы и, повидимому, сообщить куда слѣдуетъ, о чемъ своевременно извѣстили насъ хлесткіе выстрѣлы противо-аэропланныхъ батарей, встрѣчающихъ непрошеннаго нѣмецкаго гостя — движущіяся колонны прижались къ лѣсистой сторонѣ дороги.

Второй часъ... Солдаты, находившіеся въ пути уже болѣе двухъ часовъ, устали и шли неохотно; порою какой нибудь озорникъ кричалъ «стой» и уставшіе солдаты моментально бросались на-земь — новое движеніе встрѣчалось враждебно и съ ругательствами; порой изъ колонны отдѣлялись группы въ пять, десять и болѣе человѣкъ, уходили въ лѣсъ и болѣе не возвращались; тамъ, въ тѣнистой прохладной глубинѣ, одни изъ нихъ зарывались въ мягкую бархатную зелень травы и, сразу избавившись отъ всякихъ походовъ и смотровъ, засыпали богатырскимъ сномъ; другіе, — въ комъ страсть къ бродяжеству брала верхъ надъ усталостью, отправлялись на поиски ягодъ, грибовъ, какихъ то вкусныхъ лѣсныхъ корешковъ, а то и просто слонялись безъ толку въ лѣсной гущѣ...

Далеко впереди, въ клубахъ пыли, навстрѣчу идущей колоннѣ показался штабной автомобиль... «Товарищи, не давать дороги!» — несутся изъ рядовъ крики и, сомкнувшись плечомъ къ плечу, колонна шла вызывающе

дерзкой сплошной массой. Тщетно шофферъ подавалъ тревожные гудки, тщетно оглядывался во всѣ стороны—ища куда бы свернуть: солдаты дороги не уступали, глубокіе канавы и вырубленный лѣсъ по обѣимъ сторонамъ пути грозили катастрофой. Тогда съ рѣшимостью отчаянья, увеличивъ скорость до крайняго предѣла, шофферъ направилъ автомобиль прямо въ середину колонны: расчетъ былъ вполнѣ правильный — масса дрогнула и, какъ бы разрѣзанная невидимой рукой, раскололась на двѣ части. Какъ стрѣла влетѣлъ автомобиль въ образовавшійся проходъ и мелькнувъ въ глазахъ испуганныхъ солдатъ, понесся дальше, сопровождаемый свистомъ, гиканьемъ, бѣшеннымъ улюлюканьемъ и дикими ругательствами; изъ хвоста колонны раздался одиночный выстрѣлъ, но автомобиль былъ уже далеко...

Вскорѣ снова раздались крики «стой» и колонна опять остановилась: въ центрѣ ея замѣтно было какое то движеніе, суета, шумъ и крики; инстинктивно всѣ направились туда и образовали сплошную, любопытную и чего то ожидающую толпу... А изъ центра колонны, съ импровизированной трибуны: высокаго пня,—браваго вида унтеръ офицеръ держалъ уже рѣчь: «товарищи никакого Керенскаго не будетъ, онъ сейчасъ въ Петроградѣ на засѣданіи; это просто начальство нашло подходящаго подъ Керенскаго, чтобы заставить насъ наступать и чтобы нашу демократію нѣмцы побили какъ можно больше; пусть намъ начальство покажетъ телеграмму за собственной подписью Керенскаго, что онъ ѣдетъ — тогда мы пойдемъ на него посмотрѣть и поговорить» и т. д....

Толпа заволновалась: «а вотъ мы посмотримъ. — ежели Керенскаго не будетъ, тогда»...

«Плохо будетъ тогда»,—подумалъ я, глядя на эти угрюмыя озлобленныя лица, — «если Керенскій отложитъ свой пріѣздъ или совсѣмъ не пріѣдетъ».

Бросились комитеты, бросились офицеры, кое какъ наладили порядокъ и колонна, во образѣ безпорядочной толпы, двинулась дальше...

На большой прогалинѣ густого лѣса стоятъ, сидятъ, ходятъ и лежатъ группы вооруженныхъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ взобрались на высокія сосны, чтобы лучше наблюдать картину «парада».

Трудно, почти невозможно, водворить здѣсь какой нибудь порядокъ и напрасно «командующій парадомъ» генералъ Э-дъ пытается это сдѣлать, бѣгая по заколдованному четыреугольнику: едва только выравнивалась одна сторона, какъ остальныя три представляли собою уже хаосъ; генералъ

бросался со всѣхъ ногъ туда — моментально расползалась во всѣ стороны первая... Бѣдный старикъ охрипъ и шатался отъ усталости, но старая военная привычка: «не ударить лицомъ въ грязь» заставляла его вновь бѣгать, и кричать, и приказывать, и просить, и даже, для большей убѣдительности, называть солдатъ: «товарищи»; послѣ этого, обыкновенно, онъ тихо бормоталъ еще какихъ то два-три таинственныхъ слова...

А тутъ новое осложненіе: уже второй часъ — въ три часа пріѣдетъ Керенскій, а еще нѣтъ трехъ полковъ...

Между тѣмъ начали прибывать многочисленныя делегаціи — каждая изъ нихъ хотѣла привѣтствовать «военмина» въ первую очередь, и каждая претендовала въ этомъ смыслѣ на лучшее мѣсто, и всѣ они окружили генерала, и всѣ одновременно спрашивали, гдѣ и когда удобнѣе выступить съ привѣтствіемъ, и что имъ дѣлать въ томъ или иномъ положеніи парада, и какъ каждому изъ нихъ держать себя въ этомъ случаѣ — генералъ въ отчаяньи махнулъ рукой: «размѣщайте Вы ихъ», обратился онъ къ начальнику штаба — «а съ меня довольно и товарищей солдатъ».

На общемъ фонѣ этого хаоса, отрадную картину представлялъ собою батальонъ смерти, подошедшій въ полномъ порядкѣ и стройными рядами остановившійся среди сидящихъ и лежащихъ солдатъ.

Гдѣ то далеко послышался какой то неясный гулъ, вскорѣ раздались громкіе голоса, сильный трескъ сучьевъ и, наконецъ, показались головы запоздалыхъ полковъ...

Генералъ вновь принялся за водвореніе порядка...

Два часа — «военнаго министра» еще нѣтъ... Еще полчаса проходитъ въ томительномъ ожиданіи и... наконецъ, послышался давно желанный шумъ мотора . Солдаты насторожились, раздалась команда — «стать въ порядокъ» и, къ моменту подхода автомобиля, порядокъ, повидимому, былъ возстановленъ.

Но въ автомобилѣ оказался... командиръ корпуса. Это былъ типичный «перекрасившійся» генералъ, блестящій кандидатъ въ «революціонные генералы», одинъ изъ тѣхъ — кои , потерявъ «твердый курсъ», начали заигрывать съ солдатами и лебезить передъ различными революціонными представителями; къ офицерамъ они относились попрежнему строго и свысока и любили читать имъ нравоученія, особенно въ присутствіи солдатъ: «надо господа воспринять духовно смыслъ революціи»... чѣмъ и безъ того ухудшали тяжелое положеніе офицерскаго состава.

Будучи при царскомъ правительствѣ за что то (а можетъ быть и ни за что — раньше вѣдь и это бывало) отчисленъ въ резервъ, генералъ этотъ болѣе года не получалъ никакихъ назначеній; революція застала его не у дѣлъ, тогда придя къ убѣжденію, что прежняго бояться нечего, ибо къ прежнему, повидимому, возврата нѣтъ, онъ выступилъ съ нелѣпымъ проектомъ обогащенія страны путемъ пропорціональнаго вознагражденія за все время войны демобилизованныхъ солдатъ, что и было имъ изложено въ весьма и весьма почтительной формѣ въ письмѣ къ Керенскому («Высокопочитаемый, Всеславнѣйшій и Достоуважаемый Александръ Федоровичъ»... — такъ начиналось это письмо).

Проектъ не былъ принятъ и страна не обогатилась, но о генералѣ вспомнили, какъ о жертвѣ стараго режима, и дали ему... корпусъ.

«Парадъ смирно!... равненіе... г. г. офицеры»!...

Молодцевато выскочивъ изъ автомобиля и дѣлая видъ, что все въ полномъ порядкѣ и все обстоитъ благополучно, командиръ корпуса принялъ

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ.

Wahre Jacob

Народный Вождь.

Искушеніе.

Stuttgart

Диктаторъ.

рапортъ командующаго парадомъ, громко поздоровался съ солдатами, похвалилъ ихъ за «отличную» стойку и сдѣлалъ попытку обойти фронтъ; но отсутствіе видимости чего нибудь похожаго на фронтъ, недружный переливчатый отвѣтъ на его привѣтствіе и явный безпорядокъ въ тылу, сразу

охладили его пылъ и крикнувъ «стоять вольно»—и безъ того довольно вольно стоявшимъ солдатамъ, онъ отошелъ въ сторону съ начальникомъ дивизіи.

Только около четырехъ часовъ вновь раздался шумъ и гудки нѣсколькихъ автомобилей — не было сомнѣній: ѣдетъ самъ Керенскій.

Картина рѣзко измѣнилась: все задвигалось, засуетилось и черезъ двѣ-три минуты, къ удивленію всѣхъ, какъ будто воцарился порядокъ; но опытный военный глазъ сразу замѣтилъ бы и ломанную линію фронта, и неправильные дистанціи и интервалы, и распущенные пояса съ болтающимися гдѣ то на боку поясными бляхами, и впопыхахъ незастегнутыя рубахи — словомъ все то, что напоминаетъ уже не военный строй, не организованную массу, а... ну хотя бы новобранцевъ, наскоро подученныхъ и наспѣхъ поставленныхъ...

Шумъ автомобилей вскорѣ прекратился; вновь раздалась команда: «смирно», и «слушай на краулъ», — черезъ мгновенье одна изъ ломанныхъ сторонъ прямоугольника зашевелилась, сломалась, затѣмъ раздвинулась и въ образовавшемся проходѣ показался Керенскій, сопровождаемый группой генераловъ и странной, довольно своеобразной, свитой; нѣсколько выше средняго роста, слегка наклонившись впередъ, въ коричневой походной рубахѣ, примятой фуражкѣ, неряшливо повязанныхъ обмоткахъ... Нервное, измученное, сѣровато-желтое, безъ признаковъ какой бы то ни было растительности лицо, мутные глаза и до невозможности торопливая походка — таково было первое впечатлѣніе произведенное «премьеромъ».

Гремятъ оркестры... неумѣло принимаетъ военный министръ рапортъ... глаза солдатъ впиваются въ эту быстро движующуюся группу военныхъ и штатскихъ людей, стараясь разглядѣть — кто же изъ нихъ министръ, но даже и для привычнаго глаза трудно сразу оріентироваться въ этомъ калейдоскопѣ.

Среди лицъ, непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами; сурово нахмуренныя брови, черные съ легкой просѣдью усы, остроконечная сѣдая бородка, надѣтая лихо набекрень фуражка и до безукоризненности, правильное держаніе руки «подъ козырекъ» — таковъ былъ внѣшній обликъ генерала.

Въ то время, какъ «свита» сильно растянулась, не поспѣвая за бѣглымъ шагомъ премьера, генералъ ни на шагъ не отставалъ отъ него, хотя было замѣтно, что это не легко ему дается; но не потому что его возрастъ или

силы не позволяли ему это—нѣтъ: генералъ былъ еще слишкомъ бодръ—а потому, что во всей его фигурѣ было то спокойствіе, та уравновѣшенность и солидность человѣка съ большимъ жизненнымъ опытомъ, вполнѣ понимающаго смыслъ совершающихся событій и отдающаго себѣ въ нихъ отчетъ, которыя дѣлали неестественнымъ для него всякія излишне нервныя и торопливыя движенія.

Строгіе глаза изъ-подъ суровыхъ бровей испытующе оглядывали стоявшихъ и сидѣвшихъ солдатъ и... одинъ Богъ знаетъ, что стоило ему пережить и всѣ эти революціонныя событія, и этотъ единственный въ своемъ родѣ «парадъ», и многое другое, чему онъ былъ свидѣтелемъ; но ничѣмъ за все время не выдалъ онъ себя и только лишь иногда легкое дрожаніе усовъ, большее или меньшее нахмуриваніе бровей да временами бросаемый изъ подлобья убійственно-ироническій взглядъ въ сторону «свиты» — показывали смѣну его настроеній. Это былъ генералъ Деникинъ — главнокомандующій западнымъ фронтомъ. «Деникинъ»—шопотомъ передавали офицеры корпуса, почти всѣ состоявшіе въ Союзѣ Офицеровъ — «Деникинъ, тотъ который»... и тутъ уже вина, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, легла на офицеровъ, старавшихся продвинуться впередъ... Да, это былъ Деникинъ... тотъ, который на съѣздѣ офицеровъ въ Ставкѣ всколыхнулъ все офицерство своей простой, безъискусственной рѣчью; — одинъ изъ тѣхъ, которые долгъ службы и честь Родины ставятъ выше революціонной карьеры и которые въ самыя тягчайшія минуты совершающихся событій не потеряли «твердаго курса»...

Между тѣмъ обходъ или вѣрнѣе, бѣгъ по фронту продолжался: «здрасте товарищи, здрасте товарищи»—скороговоркой привѣтствовалъ солдатъ Керенскій и едва только они, послѣ обычной въ этомъ случаѣ паузы—собирались отвѣтить, какъ онъ уже оказывался шагахъ въ десяти впереди — весь ихъ порывъ пропадалъ и вдогонку ему неслись или отдѣльные выкрики, или же просто отвѣтъ сконфуженно замиралъ на серединѣ фразы...

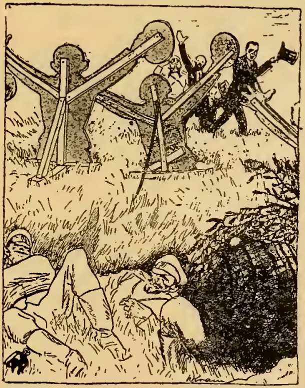
Тамъ гдѣ прошелъ Керенскій—строя уже не было: стояли толпой въ нѣсколько линій, тылъ началъ расползаться, нѣкоторые вновь полѣзли на сосны...

А революціонный министръ торопливо здороваясь и еще болѣе торопливо шагая, заканчивалъ обходъ войскъ; скверныя минуты, повидимому, переживалъ онъ, да и, въ самомъ дѣлѣ,—развѣ это не трагизмъ: быть представителемъ политической партіи, которая не признаетъ ни арміи какъ таковой,

ни разрѣшенія международныхъ вопросовъ силой оружія, т. е. войны и въ тоже время вопреки теоретическимъ ученіямъ этой партіи, вопреки собственнымъ убѣжденіямъ, суровая практика жизни ставитъ его чуть ли не во главѣ этой вооруженной силы, заставляетъ его толкать эту силу въ бой и проповѣдывать идею войны, какъ единственное средство разрѣшенія вопроса...

Обходъ кончился... далеко растянувшаяся «свита» начала подтягиваться... Кстати нѣсколько словъ о «свитѣ» — кого здѣсь только не было?... Вотъ подходятъ высокія фигуры генерала Б-го и прапорщика гр. Т-го, за ними

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ



Kladderadatsch *Berlin*

Военный энтузіазмъ согласно Потемкину

Агенство Рейтера изъ Петербурга сообщаетъ: Посѣщая фронтъ, Керенскій лично убѣждается, что военный энтузіазмъ революціонныхъ войскъ—на должной высотѣ.

торопливо шагаютъ представители иностранныхъ миссій, далѣе — живописная группа красавцевъ «земгусаръ», еще далѣе матросы, представители рабочихъ и крестьянъ, студенты съ волнистой шевелюрой и горбатыми носами, нѣсколько учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, державшихся особенно важно и очень интересовавшихся вопросомъ: будетъ ли послѣ парада церемоніальный маршъ и какъ: съ ружьями «на плечо» или «на руку», —и много много другихъ неопредѣленнаго вида и типа лицъ...

На поляну выѣзжаетъ автомобиль — это подвижная трибуна министра, изъ которой будутъ нестись слова увѣщеваній и уговоровъ; автомобилю дальнѣйшій путь прегражденъ батареей фотографовъ, направившихъ свои аппараты на начальствующихъ лицъ — замѣтивъ ихъ генералъ Деникинъ вплотную прижался къ дереву... раздается характерный щелкъ... кончено, но аппараты вновь заряжены и снова готовы къ бою... Генералъ Деникинъ отходитъ далеко въ сторону.

Но и это, наконецъ, кончено. Огромный автомобиль съ царскими вензелями подъѣзжаетъ вплотную къ Керенскому, который вскакиваетъ въ него, снимаетъ фуражку и медленнымъ взоромъ обводитъ «столпившійся парадъ»... Постепенно все вокругъ смолкаетъ.

Я никогда раньше не видѣлъ и не слыхалъ Керенскаго, но уже по первымъ увѣреннымъ пріемамъ, по его манерѣ держаться, видно было, что передъ этой своеобразной аудиторіей стоитъ далеко незаурядный, знающій себѣ цѣну ораторъ, умѣющій, казалось, не только создавать настроеніе толпы, но и овладѣвать этимъ настроеніемъ, но... здѣсь вышло нѣсколько иначе.

«Товарищи»! — началъ министръ свою рѣчь и медленнымъ взглядомъ обвелъ двадцати тысячную массу столпившихся на полянѣ солдатъ.

«Товарищи-солдаты»! — повторилъ онъ спустя нѣсколько мгновеній и, когда шумъ окончательно смолкъ, продолжалъ: «изъ далекаго Петрограда, новой революціонной (подчеркнулъ онъ) столицы, прибылъ я къ Вамъ, чтобы передать Вамъ слова привѣтствія отъ Временнаго Правительства избраннаго Вами»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — неувѣренно и нестройно понеслось изъ толпы солдатъ.

Сидя на пнѣ съ начальникомъ дивизіи, возлѣ автомобиля, я съ любопытствомъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ вокругъ: нѣкоторые изъ «сви-

ты» сидѣли устало понуривъ голову и курили, — видимо, къ подобнымъ картинамъ они уже достаточно приглядѣлись; другіе, не обращая вниманія на оратора, вполголоса бесѣдовали между собой; третьи... на лицахъ третьихъ, равнодушно прислонившихся къ деревьямъ и поминутно поглядывавшихъ на часы, можно было прочесть: да скоро ли это все окончится?..

Солдаты сидѣли вытянувъ шеи и жадно прислушиваясь словно ожидая услышать какое нибудь откровеніе; представитель Франціи — лейтенантъ Зиновій П-въ дѣлалъ отмѣтки въ своей записной книжкѣ; въ трехъ-пяти шагахъ отъ автомобиля, рѣзко бросалась въ глаза стоявшая неподвижно, словно изваяніе, вытянувшаяся во фронтъ фигура главнокомандующаго западнымъ фронтомъ; словно по командѣ мы съ начальникомъ дивизіи взглянули на эту суровую фигуру, потомъ другъ на друга... сдѣлалось какъ то неловко... не по себѣ, и мы... тоже встали; поднялись и другіе офицеры сидѣвшіе вблизи.

А Керенскій между тѣмъ продолжалъ:

«Насъ мучили, бросали въ тюрьмы, ссылали въ холодные страны, надъ нами издѣвались, но мы твердо вѣрили, что рано или поздно настанетъ часъ возмездія; мы горѣли на медленномъ огнѣ, многіе изъ насъ жизнью заплатили за тотъ радостный часъ, который мы съ Вами теперь переживаемъ»!..

Всю предыдущую тираду Керенскій произнесъ еле слышно, а слова «мы горѣли» и. т. д. даже шопотомъ, и еще разъ я убѣдился, что это довольно крупный ораторъ: на открытомъ воздухѣ, передъ огромнымъ скопленіемъ людей, слова его, даже произнесенныя шопотомъ, явственно и отчетливо разносились по всей огромной полянѣ, долетая въ отдаленныя углы ея — а вѣдь и для опытнаго артиста дѣло это не легкое...

Но вотъ Керенскій оборвалъ свою рѣчь на полуфразѣ и, къ удивленію всѣхъ, буквально выбросился изъ автомобиля и ринулся въ толпу солдатъ; недоумѣвая что это значитъ — нѣкоторые изъ нихъ поспѣшно повставали и вытянулись, другіе торопливо повыхватывали «цыгарки» изо рта, третьи испуганно попятились, но Керенскій не обращалъ на нихъ вниманія: торопливо протискиваясь сквозь толпу, онъ выхватилъ у одного изъ солдатъ, ошалѣвшаго не то отъ страха, не то отъ неожиданности, шестъ съ краснымъ флагомъ и такимъ же порывистымъ торопливымъ движеніемъ очутился вновь въ автомобилѣ.

Генералъ Деникинъ нервно переступилъ съ ноги на ногу, усы его чуть-чуть дрогнули и... только.

И снова раздается въ неподвижномъ воздухѣ:

«Товарищи! Взгляните на это красное знамя — скоро оно взовьется надъ всѣмъ міромъ и тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни простолюдина, но для этого нужно съ Вашей стороны еще одно небольшое усиліе — Родина и Временное Правительство ждутъ отъ Васъ этого; вспомните, если Вы могли при царскомъ правительствѣ, безъ патроновъ, холодные, голодные, босые совершать—чудеса храбрости, если Вы могли тогда, подъ палками, одерживать побѣды (тутъ генералъ Деникинъ, казалось, вздрогнулъ), то неужели теперь... когда осуществляются міровые идеалы... неужели Вы, теперь, не дадите увѣренности Временному Правительству, что разъ начатое дѣло побѣды будетъ доведено до конца»...

Ко мнѣ подошелъ генер. Б-й, бывшій сослуживецъ по *** корпусу: «такъ вотъ мы ѣздимъ и говоримъ, говоримъ и ѣздимъ безъ конца, а толку никакого, да и не можетъ быть» — тихо прошепталъ онъ.

«Итакъ, товарищи»! — продолжалъ Керенскій — могу ли я передать Временному Правительству, что Вами безповоротно, до послѣдняго человѣка, рѣшено стать на зашиту революціи, что Вы ляжете всѣ до одного, но не допустите возврата къ прошлому.?...

«Можете, передайте», раздался гулъ голосовъ.

«Могу ли я завѣрить Вашего главнокомандующаго, могу ли я дать ему слово, что Вы всѣ, какъ одинъ, пойдете туда куда онъ Васъ поведетъ»? При этихъ словахъ генералъ Деникинъ нѣсколько отдѣлился отъ дерева и какъ бы насторожился...

«Можно, передавайте, пойдемъ»... — снова понеслось въ отвѣтъ, но уже какъ будто меньше увѣренности было въ этомъ отвѣтѣ и волна голосовъ какъ будто была болѣе жидкой.

«Генералъ»! — повернувшись лицомъ къ Деникину, продолжалъ Керенскій, — «я Вамъ даю слово, что по первому Вашему приказу, всѣ Ваши солдаты пойдутъ за Вами куда бы Вы ихъ не повели для защиты Родины и революціи», — и съ этими словами Керенскій протянулъ генералу Деникину руку.

Уже при первыхъ словахъ обращенія къ нему, генералъ Деникинъ еще болѣе выпрямился и увидя протянутую изъ автомобиля руку министра, началъ медленно и спокойно подходить къ автомобилю, безукоризненно держа «подъ козырекъ», а Керенскій... продолжалъ стоять съ протянутой

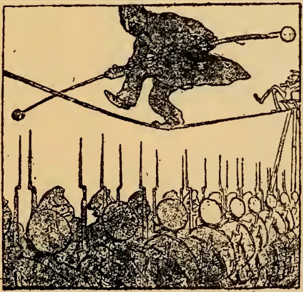
рукой; на мгновенье близь стояшіе испытали нѣкоторое чувство неловкости; испыталъ это повидимому и самъ Керенскій и что бы скрыть его и сократить коварную паузу, онъ быстро повернулся къ солдатамъ: «такъ вѣдь я говорю товарищи»?

«Такъ, такъ», загудѣли передніе и только гдѣ то въ сторонѣ раздались протестуюшіе голоса и замѣтно было какое то движеніе скоро, впрочемъ, потонувшее въ общемъ гулѣ.

Медленно, словно насильно разгибаясь, отдѣлилась рука генерала Деникина отъ козырька и соединилась съ вновь протянутой рукой Керенскаго, послѣ чего генералъ Деникинъ отошелъ на свое прежнее мѣсто — къ дереву и опять замеръ въ неподвижности.

Повидимому Керенскій хотѣлъ еще продолжить свою рѣчь, но посмотрѣвъ на часы, онъ скороговоркой что то сказалъ подошедшему одному изъ

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ



Jugend *Munich*

Великій Боже! Я не долженъ упасть!..

своихъ «свитскихъ» затѣмъ, опять выпрыгнулъ изъ автомобиля, протиснулся сквозь толпу солдатъ и... скрылся изъ виду; за нимъ тяжело пыхтя и переваливаясь съ кочки на кочку, прослѣдовалъ автомобиль, вдогонку бросилась «свита» и, черезъ минуту, оставшіеся узнали, что премьеръ уѣхалъ уговаривать сосѣдній корпусъ.

Медленно стали расходиться собравшіеся части, лишь въ протестуюшей сторонѣ видны были оставшіеся кружки, неслись рѣчи отдѣльныхъ ораторовъ слышны были угрожающіе возглас л...

На ст. Залѣсье тишина... постепенно надвигаются лѣтніе сумерки... стрѣльба на фронтѣ стихаетъ...

По полотну желѣзной дороги прогуливаются рѣдкія группы солдатъ— это ихъ клубъ, а станція извѣстна какъ очагъ большевизма; солдатъ сейчасъ пока еще немного: боятся нѣмецкихъ аэроплановъ, боятся обстрѣла и, какъ преступники, боятся свѣта — поэтому ждутъ темноты.

Здѣсь именно былъ избитъ взбунтовавшимися солдатами Кавказск. гренад. див. сенторъ Соколовъ, знаменитый творецъ знаменитаго приказа № 1 и здѣсь же вырвали и спасли его изъ рукъ разъяренной толпы... жертвы этого приказа— офицеры дивизіи, также избитые солдатами до полусмерти.

Сидя въ автомобилѣ, окровавленный, въ повязкахъ, неудачный преобразователь арміи, въ отвѣтъ на замѣчаніе командира корпуса—что это прямое слѣдствіе приказа № 1, имѣлъ все таки гражданское мужество отвѣтить: «если бы я зналъ, что приказъ дастъ такіе результаты, я бы отрубилъ ту руку, которая писала его».

Болѣе двухъ недѣль бунтовала здѣсь эта дивизія: семь пѣхотныхъ и одинъ казачій полки съ пятью батареями не могли или не хотѣли ее разоружить. Здѣсь же не мало было убито офицеровъ и сознательныхъ солдатъ, здѣсь... впрочемъ не перечесть всѣхъ преступленій совершенныхъ на ст. Залѣсье.

Тихо на станціи... и только чуть слышное отдаленное шипѣніе паровоза поѣзда Керенскаго, да рѣдкіе одиночные ружейные выстрѣлы нарушаютъ тишину.

Неподалеку расположенъ штабъ дивизіи; чины штаба заняты обычной работой: нужно составить описаніе происходившаго парада, очередную

сводку моральнаго состоянія частей, приготовить свѣдѣніе о новыхъ дезертирахъ, о случаяхъ насильственной расправы надъ офицерами и т. п.

«Господинъ полковникъ»! — докладываетъ дежурный офицеръ начальнику штаба — прапорщикъ Уральскаго полка М. желаетъ Васъ видѣть, но онъ очень взволнованъ, ничего не можетъ объяснить и, повидимому, еле сдерживаетъ рыданія».

Начальникъ штаба вышелъ въ корридоръ и увидѣлъ прислонившагося къ стѣнѣ и судорожно вздрагивающаго отъ рыданій юнаго офицера.

«Въ чемъ дѣло? что съ Вами»?

«Г. Полковникъ... въ полкахъ митинги,... солдаты разъярены до крайности... вездѣ выносятся резолюціи не наступать... говорятъ... пусть Керенскій и офицеры сами наступаютъ... многихъ офицеровъ избили»...

«Да, тутъ заплачешь»...—сказалъ подошедшій въ это время начальникъ дивизіи и, пробормотавъ опять какія то таинственныя слова, отдалъ распоряженіе о сборѣ комитетовъ.

Прибывшіе вскорѣ съ докладами командиры полковъ полностью подтвердили слова юноши, котораго общими усиліями удалось наконецъ успокоить.

Черезъ полчаса собрались и комитеты; быстрыми шагами, волнуясь и еле сдерживая себя, вышелъ къ нимъ начальникъ дивизіи — солдаты переминались съ ноги на ногу, очевидно, готовые уже ко всему...

Болѣе получаса терпѣливо велъ съ ними бесѣду генералъ, переходя постепенно всѣ стадіи собесѣдованія отъ крайняго миролюбія до бѣшенно отчаянной вспышки гнѣва, съ произнесеніемъ уже вслухъ таинственныхъ словъ — ничего не помогало, всѣ комитеты стояли на своемъ: «такъ что всѣ товарищи постановили не наступать».

«А если я сейчасъ доложу объ этомъ министру Керенскому»?!—пустилъ въ ходъ послѣднюю угрозу начальникъ дивизіи.

«Такъ что намъ даже очень желательно, чтобы самъ товарищъ министръ объ этомъ знали», — получился отвѣтъ.

Генералъ даже заскрежеталъ зубами...

———

Стемнѣло...

Вдоль поѣзда на перронѣ вытянулась линія солдатъ — это полковые

и проч. комитеты; тутъ же рядомъ группа офицеровъ во главѣ съ начальникомъ дивизіи, у котораго въ рукахъ «резолюціи».

Далеко, въ ночной темнотѣ, показался длинный рядъ быстро движущихся парныхъ огней и вскорѣ автомобили, одинъ за другимъ, плавно подкатили къ станціи.

Навстрѣчу Керенскому вышелъ начальникъ дивизіи и подробно доложилъ о случившемся...

«Какіе полки? что такое»? — очевидно не соображая переспросилъ Керенскій.

Генералъ Энвальдъ вновь доложилъ.

«Пойдемте-ка генералъ въ вагонъ»...

Вся группа молча прошла мимо молчаливо вытянувшихся солдатъ и скрылась въ вагонѣ.

Войдя въ вагонъ, Керенскій устало бросился на диванъ и усиленно началъ тереть лобъ, послѣ чего, закрывъ глаза и откинувшись на спинку дивана, тихо опять спросилъ — «такъ въ чемъ же дѣло»?

Третій разъ начальникъ дивизіи передалъ все происшедшее.

Въ сторонѣ молча сидѣлъ генераль Деникинъ — внимательный... серьезный.

«А я говорилъ съ ними»? — спросилъ Керенскій.

Получивъ утвердительный отвѣтъ и подумавъ немного, онъ опять спросилъ:

«Но почему же они тогда этого мнѣ не сказали»?

«Не могу знать» — отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

«Потому, господинъ министръ» — вмѣшался начальникъ штаба—«что никто изъ солдатъ да и изъ насъ офицеровъ не предполагали, что Вы такъ внезапно уѣдете—вотъ причина, почему они не успѣли поднести вамъ эту, очевидно, давно уже заготовленную резолюцію».

«Какъ фамилія? кто такой»? тихо спросилъ генералъ Деникинъ начальника дивизіи; получивъ отвѣтъ, главнокомандующій удовлетворенно кивнулъ головой.

Что же теперь дѣлать? — спросилъ Керенскій.

«Можетъ быть Вы выйдете еще разъ поговорить съ ними — Вамъ это вѣдь ничего не стоитъ и гораздо легче сдѣлать чѣмъ намъ» — добродушно предложилъ начальникъ дивизіи — старый армейскій генералъ.

«Мнѣ съ ними не о чемъ больше разговаривать и никуда я не пойду,—

рѣзко произнесъ Керенскій, — я все имъ сказалъ, а не хотятъ наступать ничего не подѣлаешь, но повторяю: разговаривать съ ними (съ нескрываемымъ презрѣніемъ проговорилъ онъ), — я больше н е ж е л а ю.»

«Разрѣшите мнѣ, господинъ министръ, поговорить съ ними—обратился къ Керенскому какой то «свитскій» капитанъ.

«Идите, поговорите, скажите имъ все»... отрывисто произнесъ Керенскій. Капитанъ вышелъ на перронъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

«Товарищи, не думайте, что я офицеръ — я комиссаръ западнаго фронта Калининъ, я шесть лѣтъ пробылъ въ каторжныхъ работахъ, я старый революціонный работникъ и вотъ временное правительство, что бы сравнять меня съ моими товаришами, произвело меня въ капитаны... я офицеръ только по виду, а душой и тѣломъ — я вашъ»...

Нервная, визгливая, порой безсвязная рѣчь, нетактичность въ отношеніи стоявшихъ тутъ же рядомъ офицеровъ, судорожныя взмахиванія руками, показывали, что говоритъ въ лучшемъ случаѣ... нервно-больной. А комиссаръ продолжалъ свою рѣчь въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока не раздались крики: «поѣздъ отправляется».

«Такъ что же, дорогіе товарищи, что я долженъ передать нашему любимому министру — будете наступать?» — уже на ходу поѣзда прокричалъ Калининъ.

«Будемъ» — раздался въ темнотѣ нехотя чей то одиночный голосъ... «н а с т у п а й» — кто то протянулъ насмѣшливо изъ толпы — раздался смѣхъ...

Поѣздъ ускорялъ ходъ — «смотрите же товарищи, сдержите свое слово»... еще разъ крикнулъ Калининъ, вскакивая на подножку вагона.

Скоро поѣздъ, тяжело громыхая, потонулъ въ темнотѣ.

«Вѣдь этакій шельмецъ, — ворчалъ по адресу Калинина, начальникъ дивизіи, — будетъ потомъ говорить, что уговорилъ ихъ наступать, будетъ писать въ газетахъ, что настроеніе войскъ революціонно приподнятое и т. п. —эхъ, палка имъ нужна, а не уговоры» — и тяжело ступая, съ опущенной головой, онъ направился къ штабу.

Результаты уговоровъ въ дивизіи: изъ всей дивизіи наступалъ только батальонъ смерти, понеся 75% потерь. Первый полкъ отказался наступать — наступали лишь одни офицеры и около 200 наиболѣе сознательныхъ солдатъ —потери 50%. Второй полкъ лишь обозначилъ наступленіе. Третій—самовольно ушелъ съ позиціи. Четвертый—не только не наступалъ, но угрожалъ

перестрѣлять своихъ же саперъ, продѣлывавшихъ проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ для атаки; командиръ полка, подъ впечатлѣніемъ всего пережитого, застрѣлился...

Начальникъ дивизіи былъ вскорѣ отрѣшенъ «революціоннымъ» командиромъ корпуса отъ командованія дивизіей; впрочемъ, и командиръ корпуса также вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности еще болѣе «революціоннымъ» командующимъ арміей...

Я. М. Лисовой.

„Революціонная армія"
въ иностранной каррикатурѣ

Kladderadatsch *Berlin*

Утренній рапортъ Командующему Арміей:

1-я дивизія сражается сегодня за идеи экстремистовъ; 2-я—за Свободу, Равенство и Братство; 3-я — объявила солидарность съ максималистами, а 4-я отказалась итти въ бой—всѣ пьяны.!!!

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ.

«Я полагаю, что политически честенъ всякій человѣкъ, который твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А разъ онъ не твердъ, къ какой бы онъ партіи не принадлежалъ, онъ — политическій негодяй».

(Изъ рѣчи ген. Рузскаго на 2-мъ Моск. Совѣщ. Общ. Дѣят. въ Окт. 1917 г.)

Съ юношескихъ лѣтъ я старался пріучить себя къ стройной систематизаціи подмѣченнаго ряда жизненныхъ явленій, распредѣленію и укладыванію ихъ по мозговымъ ячейкамъ въ такомъ порядкѣ, — что бы потомъ въ случаѣ надобности, каждый разъ, легко и свободно можно было бы извлечь необходимое.

Система эта, втеченіи всей моей жизни, всегда давала прекрасные результаты и вполнѣ естественно, что я сдѣлалъ попытку примѣнить ее и на протяженіи хода революціи, когда передъ моими глазами начала проходить длинная вереница молодыхъ и старыхъ генераловъ, такъ сказать «революціонной формаціи»; всѣ встрѣченные мною типы я хотѣлъ разложить по мозговымъ папкамъ, съ особой надписью каждая, напр., генералъ-кандидатъ-бонапарты, генералъ-дипломаты, генералъ-агитаторы, генералъ-экономисты, генералъ-позитивисты и т. д., но не тутъ то было: сколько я не бился — задача оказывалась неразрѣшимой.

Только что уложишь какого нибудь бонапарта въ соотвѣтствующую папку — анъ смотришь: оттуда такой азефъ выглянетъ, что... приходится перекладывать его снова въ другую; казалось бы и конецъ — мѣсто найдено, но въ это время вспомнишь — какимъ дипломатомъ явился онъ въ одномъ случаѣ, какой чудный митинговый ораторъ получился изъ него при другихъ обстоятельствахъ, какъ легко и просто разрѣшалъ онъ сложнѣйшіе экономическіе вопросы въ письмахъ на имя или Керенскаго, или С. С. и Р. Д. и...

остановишься въ недоумѣніи — да гдѣ же найти ему соотвѣтствующее мѣсто?...

Такъ было и съ другимъ, третьимъ, десятымъ, сотымъ...

Въ концѣ концовъ, все было мною кое какъ свалено въ мозговой архивъ, изъ коего теперь, по мѣрѣ надобности, и приходится добывать тѣ или иныя необходимыя страницы минувшихъ событій, и на фонѣ ихъ, нѣтъ — нѣтъ да и промелькнетъ фигура того или иного «превосходительства» во всей его ультра — революціонной красѣ.

1. Его Превосходительство — «товарищъ Бончъ Бруевичъ»

а) Дни безвозвратно минувшіе.

Въ одинъ изъ іюльскихъ, нестерпимо жаркихъ дней 1912 года, по Царскосельскому шоссе медленно двигался небольшой конный офицерскій отрядъ.

Впереди, нѣсколько отдѣлившись отъ остальныхъ всадниковъ, виднѣлась крупная, слегка сутуловатая фигура немолодого уже полковника генеральнаго штаба, тяжело сидѣвшаго всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ на рословъ откормленномъ конѣ. Полковникъ ѣхалъ низко опустивъ голову и на его загорѣломъ лицѣ нельзя было уловить никакой мысли, никакого движенія: крупныя и рѣзкія черты лица неподвижно застыли, глаза были скрыты за пыльными стеклами очковъ — не то усталость, не то апатія...

Лошади были въ пѣнѣ; по лицамъ всадниковъ ручьями струился потъ — всѣ были страшно утомлены и предвкушали сладость отдыха, который ожидалъ ихъ въ стѣнахъ домовъ невдалекѣ виднѣвшагося города. Еслибы не грозная фигура полковника, сдерживающаго медленнымъ шагомъ движеніе отряда — всѣ бы «подтянули поводъ», пришпорили лошадей и, собравъ послѣдніе остатки силъ, крупной рысью покрыли бы трехверстное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ города, но... по неволѣ приходилось итти шагомъ.

Впрочемъ не это озабачивало ѣдущихъ —вопросъ заключался въ томъ: будетъ ли 14 дневная полевая поѣздка академиковъ закончена сегодня, или же она затянется, какъ объ этомъ носились слухи, еще на одинъ, а можетъ быть на два — три дня.

Обмѣнявшись мнѣніями и выяснивъ, что среди присутствующихъ

нѣтъ ни одного, который желалъ бы оттянуть «полевыя работы», рѣшили обратиться за разъясненіемъ вопроса къ полковнику, но... никто не бралъ на себя смѣлости почина.

«Въ чемъ дѣло, господа»? — раздался голосъ подъѣхавшаго штабсъ-капитана Л-ва, случайно задержавшагося въ одной изъ попутныхъ деревень въ обществѣ премиленькой пейзанки и только теперь нагнавшаго отрядъ — ему объяснили.

«Такъ въ чемъ же дѣло»? — переспросилъ онъ; ему отвѣтили, что никто не рѣшается обратиться къ полковнику.

«Ну это мы сейчасъ устроимъ»... проговорилъ Л-въ и, пришпоривъ коня, вынесся въ голову отряда.

«Господинъ полковникъ!» — раздался громкій баритонъ Л-ва, — «господинъ полковникъ!» — нѣсколько громче, еще разъ повторилъ онъ. Полковникъ, не оборачиваясь, придержалъ коня.

«Скажите, пожалуйста, господинъ полковникъ», продолжалъ Л-въ, «мы вотъ всѣ интересуемся—скоро ли будетъ конецъ всѣмъ этимъ безконечнымъ полевымъ путешествіямъ»?

Развязный тонъ Л-ва не мало удивилъ и испугалъ всѣхъ его товарищей — сдѣлалось какъ то сразу тихо: — всѣ начали внимательно разсматривать лошадиныя гривы, кое кто началъ перебирать ихъ, но, въ дѣйствительности, всѣ «краемъ уха» чутко прислушивались къ разговору впереди.

«Нельзя ли просить Васъ, господинъ полковникъ», — продолжалъ неугомонный Л-въ, — «закончить сегодня курсъ этой поѣздки и дать намъ отдохнуть — это вѣдь отъ Васъ зависитъ, а то ей-Богу треплешься, треплешься, изъ силъ вѣдь ужъ всѣ выбились»...

Полковникъ густо покраснѣлъ и тяжело началъ дышать: назрѣвала катастрофа...

«Полевая поѣздка закончится тогда» — сдержанно-угрожающе проговорилъ онъ — «когда прикажетъ начальникъ академіи».

Вопросъ, казалось, былъ исчерпанъ, но штабсъ-капитанъ Л-въ не унимался: «мы это знаемъ, г. полковникъ, но рѣшеніе начальника академіи зависитъ вѣдь отъ Вашего доклада; помилуйте, г. полковникъ, меньше 40 верстъ въ сутки мы не дѣлаемъ — словно паровозы какіе то... (или съума сошелъ или пьянъ — съ ужасомъ подумали его товарищи). Между тѣмъ Л-въ словно съ цѣпи сорвался: «вчера напримѣръ, съ рѣшеніемъ задачи мы сдѣлали переходъ въ Гатчину болѣе 40 верстъ — тамъ, по расписанію, мы

должны были отдохнуть, но развѣ наша вина, что помѣщеній не оказалось и вмѣсто отдыха мы сегодня обратно треплемся болѣе 40 верстъ, да еще опять съ «задачами» — иронически подчеркнулъ онъ (такъ и есть: пьянъ — рѣшили офицеры).

Полковникъ молчалъ и еще ниже опустилъ голову на грудь.

Ободренный молчаніемъ Л-въ продолжалъ: «фактически, собственно говоря, конецъ занятіямъ, именно сегодня, такъ какъ, несмотря на дневку, мы сегодня работаемъ, слѣдовательно завтра должны отдыхать»!

Слышенъ былъ стукъ копытъ о камни шоссе, да фырканье лошадей; всѣ дѣлали видъ, что внимательно изучаютъ мѣстность по сторонамъ шоссе... Никому не было извѣстно, какъ этотъ вопросъ разрѣшится академическимъ начальствомъ, но всѣ отлично знали, что въ разрѣшеніи его полковникъ, будетъ далеко не на сторонѣ обучающихся.

Между тѣмъ послѣдній рѣзко осадилъ коня и круто повернулъ его въ сторону говорившаго:

«Какъ Вы сказали? отдохнуть»? еле сдерживая себя проговорилъ онъ, — «отдохнуть»? еще разъ грубо иронически переспросилъ онъ (весь отрядъ остановился). «Да... имѣете ли Вы... имѣемъ ли мы (поправился онъ, задыхаясь отъ гнѣва) право говорить объ отдыхѣ, неся на своихъ плечахъ всю тяжесть позора минувшей войны. Вы хотите отдыха, вы (подчеркнулъ онъ) молодые офицеры, а мы, старики, до сихъ поръ болѣемъ душой и сердцемъ, несмотря на то, что уже семь лѣтъ прошло со времени этой катастрофы».

«Да развѣ Государь нашъ отдыхаетъ? Развѣ Онъ не проводитъ дни и ночи въ тяжелой, непрестанной работѣ? Да посмотрите, всмотритесь въ страдальческое лицо нашего Монарха — нашего Вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго работника-мученика и... забудьте объ отдыхѣ (угрожающе подчеркнулъ онъ). Или вы, можетъ быть, хотите уподобиться этой вотъ с—чи (онъ проговорилъ это безпощадно рѣзко и хлыстомъ указалъ на группу каменотесовъ, сидящихъ на шоссе, равнодушно медленно разбивающихъ камни и также равнодушно поглядывающихъ на «офицеровъ»)? Можетъ быть «о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ» поговоримъ, а? — съ невыразимымъ сарказмомъ протянулъ онъ и, съ послѣдними словами, грубо ударивъ лошадь и круто повернувъ ее, полковникъ тяжелымъ галопомъ помчался впередъ; отъѣхавъ шаговъ полтораста, полковникъ снова перешелъ въ медленный колыхающійся шагъ, — еще глубже усѣвшись въ сѣдло, еще ниже опустивъ голову...

Нѣсколько лошадей вырвались изъ окаменѣвшей группы офицеровъ, въ ушахъ которыхъ, словно ударъ хлыста, словно боль пощечины звенѣло обидное: «с—чь»; вырвавшіеся лошади помчались было за полковникомъ, но вскорѣ были остановлены, группа соединилась, всѣ быстро заговорили... и низменное животное чувство страха овладѣло этой толпой: тутъ были и боязнь чтобы его не сочли участникомъ «заговора», и боязнь получить дурной баллъ или дурной отзывъ — все это вмѣстѣ взятое вооружило участниковъ поѣздки противъ Л-ва.

Впрочемъ послѣдній также чувствовалъ себя повидимому прескверно: «ну, братцы мои, кажется мнѣ крышка — что же теперь дѣлать»? — снявъ фуражку и вытирая голову проговорилъ онъ.

Всѣ угрюмо молчали и со злостью поглядывали на Л-ва.

«Извиниться» — раздался чей то одинокій неувѣренный голосъ.

«Это то можно, — но вотъ въ чемъ же извиняться» — нерѣшительно протянулъ Л-въ, ища сочувствующаго взгляда и ожидая подсказа...

Отвѣта не послѣдовало, ни одинъ взглядъ не выразилъ Л-ву сочувствія, всѣ опять смотрѣли куда то въ сторону...

«Ну ладно, — тряхнувъ головой, проговорилъ Л-въ, — «помяни Господи царя Давида и всю кротость его»! и, давъ шпоры коню, онъ рысью сталъ догонять ѣдущаго впереди полковника.

Видно было, какъ Л-въ, нерѣшительно подъѣхавъ къ нему и, взявъ подъ козырекъ, началъ что то говорить; какъ полковникъ, мелькомъ взглянувъ на него, снова опустилъ голову и продолжалъ двигаться тѣмъ же колыхающимся шагомъ; какъ потомъ, онъ же, что то уловивъ въ словахъ своего молодого спутника, медленно, всѣмъ корпусомъ повернулся къ нему и... о чудо! сумрачное лицо его озарилось улыбкой и, махнувъ рукой, какъ бы съ цѣлью остановить потокъ словъ Л-ва, подалъ ему руку и, какъ послѣдній, послѣ этого съ радостной улыбкой помчался навстрѣчу своимъ товарищамъ.

«Фу, готово»! радостно взволнованно проговорилъ онъ.

«О чемъ ты бесѣдовалъ? — спросилъ кто то насмѣшливо.

«Ну это, братецъ ты мой, наше дѣло»! — отрѣзалъ Л-въ.

Въ то время никому изъ присутствующихъ не могла придти въ голову дикая мысль, что шт. кап. Л-въ не кто иной, какъ будущій предсѣдатель Московскаго клуба офицеровъ соціалъ-революціонеровъ, точно также какъ дико нелѣпымъ и даже безум-

нымъ показалось бы чье либо предсказаніе, что будущій чуть ли не *совѣтскій главковерхъ* Бончъ Бруевичъ и настоящій руководитель отряда — одно и тоже лицо.

Отрядъ офицеровъ медленно догонялъ ѣдущаго впереди полковника...

Не одна тысяча офицеровъ русской арміи прошла суровую школу тактики, полевыхъ задачъ и военныхъ игръ подъ непосредственнымъ руководствомъ полк. Бончъ-Бруевича, отличавшагося своими неумолимыми требованіями знанія по его извѣстному всѣмъ «учебнику тактики»; тысячи офицеровъ до одури вызубривали эти именно два тома «на зубокъ» — наиболѣе вѣрный способъ удовлетворить эти неумолимыя требованія и получить хорошій баллъ, т. к. другихъ руководствъ и учебниковъ полк. Бончъ-Бруевичъ не признавалъ. Сотни офицеровъ генеральнаго штаба, побывавшіе у него въ партіи, помнятъ ѣдкія и подчасъ грубыя замѣчанія его на тактическихъ задачахъ, всегда больно бьющія по самолюбію его учениковъ.

Ни война, ни революція не сдѣлали его военнымъ талантомъ — о ген. Бончъ Бруевичѣ почти ничего не было слышно и впервые его имя выплываетъ на фонѣ выступленія генерала Корнилова, выплываетъ въ такомъ неприглядномъ видѣ, что даже самъ Керенскій, отшатнулся отъ него. Впрочемъ — какова была его роль въ этомъ дѣлѣ, въ виду ея чудовищности, предоставимъ разсказать самому Керенскому.

б) Разсказъ А. Керенскаго.*)
(«Дѣло Корнилова» — стр. 178).

... Кстати, не могу не вспомнить, что въ Быховской тюрьмѣ, все время пока я былъ главковерхомъ, ген. Корнилова постоянно охраняли не только солдаты, но *и его личный конвой* изъ текинцевъ, тѣхъ самыхъ, вмѣстѣ съ которыми и пулеметами онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Зимній Дворецъ.

Такая двойная охрана была создана предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи для того, чтобы сторожить Корнилова не только отъ побѣга, но и отъ солдатскаго самосуда.

Помню, какъ настойчиво травила меня за это лѣвая пресса, и какъ будущій *попуститель* дикой расправы съ Духонинымъ, генералъ

*) Курсивъ вездѣ Керенскаго.

Бончъ Бруевичъ, являлся ко мнѣ во главѣ съ депутаціей отъ мѣстнаго «совдепа» съ требованіемъ «убрать текинцевъ изъ Быхова», которымъ революціонный трибуналъ не довѣряетъ, и усилить охрану Корнилова.

Я былъ возмущенъ такой ролью генерала русской службы, въ прошломъ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царизма, хотѣлъ убрать его изъ Ставки, и помню, какъ чистый и честный Духонинъ заступился за него...

в) Смерть генерала Духонина.

Какъ же Бончъ Бруевичъ отблагодарилъ «чистаго и честнаго генерала Духонина» за его заступничество?

По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ печати и которыя впослѣдствіи несомнѣнно будутъ дополнены историческими данными, составивъ траурныя страницы исторіи гибели русскихъ вождей — роль генерала Бончъ-Бруевича въ смерти генерала Духонина представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Будучи начальникомъ могилевскаго гарнизона и находясь въ тѣсной связи съ мѣстнымъ совдепомъ ярко большевистской окраски, онъ, въ дни предшествующіе смерти Духонина, велъ себя настолько недвусмысленно, что уже въ то время отрядъ ударныхъ войскъ, защищавшій Духонина, предложилъ послѣднему арестовать Бончъ Бруевича, — генералъ Духонинъ на это не согласился.

Въ день смерти Духонина, Бончъ Бруевичъ нервно расхаживалъ изъ угла въ уголъ въ своемъ номерѣ гостинницы «Франція» и когда одинъ изъ прибывшихъ офицеровъ сообщилъ ему ужасную вѣсть — спокойно выразилъ сожалѣніе и добавилъ: «самъ виноватъ, что не послушалъ меня» — въ чемъ? генералъ не договорилъ...

Будучи вызванъ «главковерхомъ Крыленко», предложившимъ ему занять должность начальника штаба, — замѣтно просвѣтлѣвшій генералъ Бончъ Бруевичъ обѣщалъ отдать всѣ свои силы и умѣнье дѣлу, конечно... большевистскому.

А затѣмъ... затѣмъ начальника штаба «товарища Абрама», генеральнаго штаба генерала Бончъ Бруевича зачастую видѣли окруженнымъ толпой матросовъ въ роли наипреданнѣйшаго слуги и проводителя директивъ совѣтской власти.

Но недолго эта власть признавала авторитетъ своего начальника штаба и скоро уволила его «на покой», не считаясь даже съ его выдающимися

заслугами предательства той арміи, о которой онъ такъ много писалъ и тѣхъ вождей, на авторитеты которыхъ онъ неоднократно въ своихъ трудахъ ссылался.

2) *Его превосходительство — «невольникъ стараго режима»*

Въ одной изъ барскихъ комнатъ помѣщичьяго дома тѣхъ богатыхъ «маіонтковъ», которые оазисами разбросаны среди бѣдной и унылой природы Западнаго края, въ февралѣ 1917 г. происходила слѣдующая сцена.

За огромнымъ письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ скрытой подъ глубокимъ колпакомъ электрической лампочкой, мигающей въ тактъ работающему невдалекѣ прожекторному мотору, сидѣлъ развалившись въ креслѣ съ сигарой во рту, генералъ лѣтъ 42-45. Лицо его было полуосвѣщено и, благодаря этому полусвѣту, каждый разъ, при ярко вспыхивающемъ огонькѣ сигары, особенно рѣзко выдѣлялись и бородка a la Henri IV, и слѣды глубокой оспы на его лицѣ, и пенснэ на крупномъ мясистомъ носу.

У дверей «на вытяжку» стоялъ высокій худой прапорщикъ и, казалось, внимательно слушалъ генерала; изрѣдка онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на полъ, гдѣ на блестящемъ паркетѣ, подъ его ногами, образовалась изрядная лужа растаявшаго снѣга.

Генералъ былъ чистъ, элегантенъ и отъ всей его плотной упитанной фигуры вѣяло завиднымъ здоровьемъ. Прапорщикъ внѣшне выглядѣлъ здоровымъ и только лихорадочный румянецъ на щекахъ, да временами сухой отрывистый кашель, показывали, что его «грудныя дѣла» далеко не въ блестящемъ состояніи.

Это были начальникъ штаба *** корпуса и командиръ охранной роты.

Огонекъ сигары вспыхнулъ ярче и густые клубы дыма на мгновенье скрыли и части письменнаго стола , и фигуру генерала, и отдаленные углы комнаты.

«Тачъ вотъ вы и пгымитесь за пгыведеніе ихъ въ пгавославную вѣгу»,— продолжалъ картавя генералъ и, поднявшись съ кресла, началъ ходить по комнатѣ, — «это не гота, а какая то агестанская команда: чести отдавать не умѣютъ, во фгонтъ становиться — тоже, обязанностей своихъ не знаютъ... не могу же я каждый день ставить подъ гужье по двадцать человѣкъ — и

такъ ужъ командиръ корпуса обратилъ вниманіе на большое количество моихъ дисциплинарныхъ взысканій...

«Принимайте какія хотите мѣры, дерите съ нихъ десятую шкуру, но сдѣлайте мнѣ изъ нихъ солдатъ; не поможетъ, принимайтесь за одиннадцатую, добеｒитесь до живого мяса, но вымуштруйте мнѣ ихъ — поняли?»

«Такъ точно, ваше пр-во»!

«Кстати пошлите завтра опять человѣкъ 40 съ утра расчистить катокъ (генералъ любилъ побѣгать на конькахъ), да зачѣмъ вы ихъ показываете въ ежедневной рапортичкѣ — это наше съ вами частное дѣло и командиру корпуса знать объ этомъ не нужно».

«Слушаю-съ ваше пр-во»!

«Можете итти и черезъ недѣлю я жду результатовъ нашей бесѣды».

«Слушаю-съ ваше пр-во»!

Генералъ сдѣлалъ два шага въ сторону прапорщика и нѣсколько протянулъ руку или вѣрнѣе два-три пальца, но сухой кашель, котораго не могъ сдержать стоявшій уже болѣе получаса молодой офицеръ, остановилъ его на полдорогѣ, и онъ удовольствовался лишь кивкомъ головы.

«Счастливо оставаться ваше пр-во»! и, повернувшись по всѣмъ правиламъ, прапорщикъ вышелъ изъ комнаты.

«Ну что, юноша, получили очередное надраніе»? — спросилъ его встрѣтившійся комендантъ.

«Никакъ нѣтъ, г. ротмистръ, гораздо хуже», — прапорщикъ передалъ только что описанную сцену.

Ротмистръ былъ пожилой серьезный офицеръ; занимая въ Московскомъ жандармскомъ управленіи довольно видную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойную должность, онъ еще въ декабрѣ, т. е. за два мѣсяца до описываемаго момента, внезапно, къ удивленію всѣхъ, возбудилъ ходатайство объ отправленіи его на фронтъ.

На всѣ вопросы родныхъ и знакомыхъ онъ, отвѣчалъ кратко и многозначительно: «здѣсь тяжело дышется—мало кислороду». Получивъ разрѣшеніе, онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ дѣйствующую армію, гдѣ благодаря связямъ былъ назначенъ на должность корпуснаго коменданта. Своимъ спокойнымъ и справедливымъ ко всему и всѣмъ отношеніемъ, онъ быстро завоевалъ всеобщее уваженіе и любовь какъ офицеровъ, такъ и солдатъ; въ особенности любили его солдаты, называя «душевнай человѣкъ».

Ротмистръ внимательно и серьезно выслушалъ прапорщика и когда тотъ окончилъ, спросилъ его:

«Что же вы, юноша, предполагаете дѣлать?

«Откровенно сказать, г. ротмистръ, ничего больше, кромѣ того, что я дѣлалъ и что требуетъ служба».

«И отлично сдѣлаете — не тѣ времена; нынѣшній солдатъ вамъ не проститъ даже отнятой у него портянки, а ужъ за свою шкуру онъ съ васъ не только десять шкуръ сдеретъ, а голову сниметъ — чуетъ моя душа къ этому идетъ дѣло: кислороду и здѣсь не хватаетъ... Ну прощайте, юноша, и постарайтесь сдѣлать такъ, что бы, главнымъ образомъ, были «овцы цѣлы», — а волки»... — ротмистръ, повидимому, хотѣлъ еще что то сказать, но сдѣлавъ какой то неопредѣленный, не то рубящій, не то вращательный жестъ, повернулся и медленно направился къ выходу.

Прапорщикъ тоже вышелъ. На дворѣ дулъ тотъ порывистый, подымавшій кучами снѣжную пыль, вѣтеръ, который куда бы вы не шли, какъ бы не отворачивались и не прятали свое лицо, — всегда умѣлъ найти моментъ, что бы напасть на васъ спереди, найти какое нибудь отверстіе въ одеждѣ и найдя, забраться въ него какъ можно глубже.

Прапорщикъ направился къ выходу на улицу; у воротъ, весь засыпанный снѣгомъ, стоялъ часовой—солдатъ охранной роты; онъ, конечно, узналъ своего ротнаго командира, да впрочемъ его еще раньше предупредили въ караульномъ помѣщеніи о приходѣ «ротнаго» въ штабъ, но желая показать насколько онъ бдителенъ и знаетъ службу, часовой заоралъ благимъ матомъ: «стой! кто идетъ? что пропускъ»?

Прапорщикъ поморщился: — «И чего ты орешь, Никоновъ, на все мѣстечко; ты меня отлично вѣдь знаешь, — не спрашивалъ же ты о пропускѣ солдата, который только что прошелъ впереди меня».

«Виноватъ, вашбродь»!

«Да не въ томъ дѣло, что виноватъ и вины тутъ нѣтъ особенной, а просто»... прапорщикъ не договорилъ, такъ какъ налетѣвшій внезапно снѣжный столбъ, засыпавъ ихъ снѣгомъ, заставилъ его мучительно и долго раскашляться.

«Въ лазаретъ вамъ слегти бы вашбродь» — раздался участливый голосъ часового.

Что то кольнуло внутри молодого офицера, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внезапно

что то теплое наполнило и согрѣло все его существо — не говоря ни слова, онъ вышелъ на улицу.

Итти было недалеко — до ближайшей деревни гдѣ онъ жилъ, было всего около версты. Улицы мѣстечка были пустынны и темны и лишь кое гдѣ, сквозь запорошенныя снѣгомъ и не знавшіе ставень окна, пробивался тусклый свѣтъ... По дворамъ, перекликаясь на всѣ голоса, раздавался собачій лай... Чей то бранный голосъ послышался вдали...

У выхода изъ мѣстечка, прислонившись къ одной изъ стѣнъ, когда то обшитой березовой корой, а теперь начисто ободранной будки, спалъ, мирно похрапывая, часовой. Въ тепломъ полушубкѣ и валенкахъ, наглухо закутанный въ башлыкъ — онъ былъ непроницаемъ для вѣтра и послѣдній, отчаявшись расшевелить эту грузную фигуру, бѣшено забросалъ его выше колѣнъ кучей снѣга и ринулся что было силъ по открытому полю, гдѣ и закружился то сметая снѣгъ, то засыпая имъ дорогу и выдергивая изъ промерзлой земли вѣхи и телеграфные шесты.

Какъ можно спать въ такой обстановкѣ, объ этомъ можетъ разсказать только русскій солдатъ, но такъ-же только онъ можетъ разсказать, какъ можно одерживать громовыя побѣды, безъ снарядовъ, патроновъ, противъ вдесятеро сильнѣйшаго и техникой и числомъ противника...

«Будь я проклятъ, если нашъ солдатъ пойдетъ на что нибудь подобное», проговорилъ какъ то англичанинъ, наблюдавшій въ бинокль, какъ «ярославецъ» подъ убійственнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, тщетно пытался перерѣзать тупыми ржавыми ножницами толстую проволоку загражденій и, наконецъ, отчаявшись въ этомъ и перекинувшись двумя тремя словами съ сосѣдями, всталъ съ ними во весь ростъ и дружно схвативши руками проволоку, всѣ вмѣстѣ начали дергать до тѣхъ поръ, пока съ выдернутыми кольями не опрокинулись навзничь... убиты?!

На наблюдательномъ пунктѣ раздалось англійское «будь я проклятъ», а тамъ впереди, подъ трескъ ружей и пулеметовъ, грохотъ минъ и бомбъ раздалось «русское трехэтажное», а затѣмъ вскорѣ и «ура» послышалось — это «ярославецъ» разсердился и... занялъ нѣмецкіе окопы...

Прапорщикъ нерѣшительно остановился передъ спящимъ часовымъ, соображая, что ему предпринять въ данномъ случаѣ; подумавъ немного и чему то улыбнувшись, онъ подошелъ къ солдату ближе.

«Телицынъ, а Телицынъ — нѣтъ ли, братецъ, у тебя спичекъ»?

Часовой весь встрепенулся, быстро приподнялъ башлыкъ и увидя знакомую фигуру ротнаго, оробѣлъ и мгновенно вытянулся.

«Виноватъ, вашбродь»! — какъ то умоляюще глухо пробормоталъ онъ.

«Я тебя спрашиваю, нѣтъ ли у тебя спичекъ», — какъ бы не слыша, дѣланно строго переспросилъ прапорщикъ.

«Такъ точно, есть»!

«Давай, братецъ, что то курить хочется»

Прапорщикъ никогда не курилъ и теперь, получивъ отъ часового спички, онъ озабоченно рылся въ карманахъ ища папиросы.

«Э-хъ, братъ, забылъ папиросы дома, ну ничего не подѣлаешь, придется потерпѣть; на, получай, свои спички обратно».

И солдата, забывшаго и о своемъ снѣ, забывшаго и о томъ, что ротный навѣрно видѣлъ его спящимъ — вдругъ сразу охватило и стало понятнымъ знакомое «томленіе по цыгаркѣ» и, желая услужить, а можетъ быть, думая, что это загладитъ его вину, онъ, суетливо порывшись въ карманѣ, и доставъ оттуда грязный свертокъ, поднесъ офицеру со словами:

«Махорочки не желательно ли, вашбродь»?...

Прошло около мѣсяца; фронтъ наполнился новыми, невиданными прежде лицами, картинами, событіями, — фронтъ загудѣлъ, оживился и «покраснѣлъ».

Въ одинъ изъ первыхъ мартовскихъ дней, дворъ штаба корпуса началъ наполняться неуспѣвшими еще утратить стройности и приличія командами штаба корпуса: у нѣкоторыхъ были шесты съ красными флагами и почти всѣ были съ красными бантами — Богъ вѣсть, гдѣ достали такое количество красной матеріи: кумача, ситца, атласа, лентъ и т. п.

«Слышь, братъ, зачѣмъ собираютъ?» — обратился молодой казакъ къ проходящему мимо знакомому ординарцу.

«Не могимъ знать» — шутливо отвѣчалъ ему тотъ, дурашливо прикладывая руку къ папахѣ и неестественно вытягиваясь во фронтъ, а затѣмъ, принявъ обыкновенную позу добавилъ: — «писаря сказываютъ нашъ «дормидонта» будетъ штой та говорить».

Генералъ назывался Акакій Дормидонтовичъ и это отравляло все его существованіе.

Раздалась команда «смирно, г. г. офицеры», по рядамъ выстроившихся пробѣжала обычная при переходѣ изъ положенія «вольно» — дрожь, офи-

церы взяли подъ козырекъ; въ дверяхъ показался начальникъ штаба... съ огромнѣйшимъ краснымъ бантомъ на груди и красной кокардой; пожимая на ходу руки отдѣльнымъ офицерамъ и солдатамъ, генералъ подошелъ къ выстроившимся командамъ штаба.

«Здрасте...—на мгновенье генералъ запнулся—товарищи»...—добавилъ онъ (къ великому удивленію многихъ — генералъ уже не картавилъ).

«Здрасте г. генералъ» — послышалось въ отвѣтъ новое революціонное привѣтствіе.

«Поздравляю васъ, товарищи, съ великими завоеваніями революціи, поздравляю васъ съ свѣтлой зарею новой свободной Россіи»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — пронеслось по рядамъ.

«Товарищи, всѣ мы, невольники проклятаго стараго, режима, наконецъ то дождались... началъ генералъ свою рѣчь... Изъ группы чиновъ штаба, опустивъ голову, медленно отдѣлился и тихими шагами отошелъ, и скрылся въ дверяхъ помѣщенія ротмистръ...

Веселой гурьбой повалили со двора...

«За ручку здоровкались» — повѣствовалъ въ одномъ углу знакомый уже намъ балагуръ ординарецъ.

«Сидѣлъ, значитъ, горемычный и онъ не мало—може и въ каторгѣ побывалъ» —сокрушенно качая головой, нараспѣвъ, тянулъ въ другомъ углу знакомый намъ Телицынъ — ишь на радостяхъ краснымъ обмотался, почитай бабѣ на юбку хватило бы»...

«... А корпусный, значитъ и говоритъ ему — такъ какъ я съ энтими самими с—ми не желаю за ручку здоровкаться потому значитъ, что я человѣкъ благородный и полный генералъ, такъ вотъ, я значитъ собственно всѣмъ энтимъ сполномачиваю васъ на это, Акакій Дормидонтовичъ»... — такъ въ третьей группѣ объясняли отсутствіе командира корпуса... Наростала провокація...

«А что телеграмма послана по частямъ»? — обратился къ старшему адъютанту пришедшій съ митинга генералъ.

«Никакъ нѣтъ Ваше Пр-во»!

«Ахъ, Боже мой, сколько разъ нужно Вамъ повторять, что этотъ пережитокъ стараго режима, это титулованіе нужно забыть разъ на-всегда—оно

ни къ чему теперь»—преувеличенно громко проговорилъ генералъ, искоса поглядывая на сидѣвшихъ и работавшихъ, но внимательно прислушивающихся ко всему, писарей. «Почему же телеграмма до сихъ поръ не отправлена еще»?

«Литографъ не успѣлъ отпечатать»!

«Боже мой, нельзя же задерживать такія важныя распоряженія нашего высшаго демократическаго органа — что о насъ подумаютъ? — Нужно какъ нибудь ускорить — пообѣщайте имъ денежную премію что ли»...

«Но, г. генералъ, оперативныя распоряженія вѣдь гораздо важнѣе и то мы не платимъ за ускореніе ихъ; — вѣдь не хватитъ никакихъ суммъ, если мы будемъ оплачивать перепечатку и разсылку каждой телеграммы».

Генералъ съ неудовольствіемъ отмахнулся рукой, какъ отъ назойливой мухи, и прошелъ къ себѣ въ комнату...

Писаря съ нескрываемой злобой глядѣли въ сторону адъютанта...

Въ одномъ изъ первыхъ большевистскихъ кандидатскихъ списковъ, въ числѣ прочихъ, можно было встрѣтить кандидатуру и «бывшаго генералъ-маіора Акакія Дормидонтовича Зайцева».

3) Троцкій и «Сергѣй Сергѣевичъ».

Зачастую прочитывая тѣ или иныя газетныя сообщенія, принимая доклады лицъ, пріѣхавшихъ изъ Совдепіи, по выполненіи возложенныхъ на нихъ порученій или выслушивая бѣженцевъ, я, какъ человѣкъ военный, невольно удѣлялъ болѣе всего вниманія именно военной сторонѣ вопроса.

Для меня не было никакихъ сомнѣній, что если совѣтская власть, какъ и каждая власть вообще, не создастъ своей собственной вооруженной силы, на которую она могла бы опереться во всѣхъ случаяхъ жизни, то она исчезнетъ такъ же быстро — «яко таетъ воскъ отъ лица огня».

Я не сомнѣвался также, что въ этомъ отношеніи сов. власть используетъ нашихъ старыхъ русскихъ солдатъ съ ихъ до крайности упрощеннымъ міровоззрѣніемъ: «намъ то што, прикажутъ —пойдемъ»...

Я допускалъ даже колебанія младшаго офицерскаго состава и охотно прощалъ тѣхъ несчастныхъ, кого безисходная нужда или «дамокловъ мечъ»

чрезвычайки брали за шиворотъ и внѣдряли на флангѣ краснаго взвода, полуроты или роты.

Зная большинство нашихъ революціонныхъ генераловъ, я, правда, съ чувствомъ гадливости, видѣлъ и ихъ сквозь неясную дымку будущаго, во главѣ бригадъ, дивизій, корпусовъ и даже армій.

Но на этомъ мои предположенія и оканчивались; въ дальнѣйшемъ я не могъ ни вообразить, ни представить себѣ — кто не потерявшій совѣсть, честь и чувство долга, кто не измѣнившій завѣтамъ учителей военнаго искусства, кто такъ легко поднявшій руку надъ лежащей и обезсиленной Россіей — кто добьетъ ее, ставъ во главѣ сложной машины военнаго дѣла? Кто пуститъ эту машину въ ходъ? кто возглавитъ имѣющійся рабочій и подмастерской составъ, т. е. — кто будутъ эти мастера и инженеры? И, наконецъ, и это главный вопросъ — кто явится главнымъ инженеромъ?

И по мѣрѣ того, какъ формировалась совѣтская армія, моральные удары сыпались на меня одинъ за другимъ: въ числѣ главныхъ мастеровъ я встрѣчалъ своихъ учителей и товарищей по генеральному штабу, въ числѣ инженеровъ — профессоровъ академіи, командармовъ, «главкоармовъ», въ числѣ... да что скрывать — инструкторскій матеріалъ былъ на лицо, и, полностью, обезпечивалъ ходъ военной машины.

Не было лишь настоящаго главковерха и въ этомъ была вся моя надежда, ибо, безъ «главнаго инженера», я предугадывалъ если не полную остановку, то во всякомъ случаѣ частыя задержки этой деликатной и сложной машины. Всѣ эти суррогаты «бонапарта»: всѣхъ этихъ Антоновыхъ, Крыленокъ, Дзевалтовскихъ, Мураловыхъ, Муравьевыхъ, Дыбенокъ и т. п., я расцѣнивалъ вполнѣ правильно и точно, и всѣмъ имъ была одна цѣна: отъ нуля и ниже.

Но когда главковерхомъ былъ назначенъ еврей Левъ Троцкій, я невольно призадумался и инстинктивно почуялъ грядущую опасность и въ его необыкновенно преступной энергіи и въ его болѣзненно развитомъ честолюбіи и въ твердости ни передъ чѣмъ не останавливаться во имя достиженія намѣченныхъ цѣлей.

И у меня были серьезныя основанія для такихъ опасеній: я вспомнилъ, что евреи — эта умная и съ поразительнымъ чутьемъ предугадывающая довольно точно неизвѣстное будущее нація — сразу же правильно оцѣнила грандіозные масштабы дѣятельности, лишенные сдерживающаго начала, своего соплеменника. А предугадавъ и оцѣнивъ, и сдѣлавъ соотвѣтсвующій выводъ, (грядущіе событія — погромы — подтвердили ихъ правильную оцѣн-

ку)—отправили къ Троцкому делегацію съ просьбой и указаніемъ, что его дѣятельность, въ концѣ концовъ, отразится на еврейской націи и что, за его преступленія, въ конечномъ итогѣ, еврейское населеніе заплатитъ своей кровью.

«Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до еврейской націи»—отрѣзалъ Троцкій,—«я дѣйствую въ интересахъ интернаціонала».

Иного отвѣта и быть не могло съ его стороны — Троцкій не былъ бы Троцкимъ, если бы далъ другой отвѣтъ. Въ узкихъ рамкахъ еврейской націи онъ задыхался и готовился къ кровавому господству надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Вотъ что заставило меня призадуматься при полученіи вѣсти о назначеніи Троцкаго главковерхомъ; событія показали, что я былъ правъ: машина энергичной рукой была пущена полнымъ ходомъ... и, при наличіи опытныхъ инструкторовъ, почти не давала отказа.

Троцкій теперь ушелъ, но не потому, что какъ пишетъ въ «Пріаз. Краѣ» Лоэнгринъ: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло» или, какъ онъ же въ окончательномъ итогѣ своего очерка, рисуетъ его «властью, насытившейся кровью и объѣвшейся человѣческимъ мясомъ»—нѣтъ: объясненіе это слишкомъ простое, журнальное и да проститъ мнѣ мой землякъ и товарищъ по пору... слишкомъ штатское и грубое.

Нѣтъ—причина ухода Троцкаго заключается въ томъ, что — военная машина стала;*). Готовую, въ собранномъ видѣ, энергичнымъ движеніемъ рычага, и, «неослабнымъ вооруженнымъ надзоромъ за инженерами и мастерами»,—онъ могъ пустить въ ходъ и поддерживать ее продуктивность. Но теперь машина стала и... кончено, ничего не помогаетъ: ни усиленное топливо, ни усиленная смазка — просто машина переработалась.

По докладу свѣдующихъ лицъ — нужна капитальная разборка, чистка частей, замѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ другими, — т. е. все то, чего Троцкій не понимаетъ, въ чемъ ему какъ не спеціалисту и не имѣющему опыта и знаній —трудно разобраться, и для чего ему, необходимо пройти АЗЫ военнаго дѣла, а пока нужно пригласить лицо знающее детально машину — нуженъ инженеръ изъ Америки.

---

*) Статья относится къ событіямъ середины 1919 г., — когда, одно время, Троцкій дѣйствительно «ушелъ» или его «ушли» и когда на его мѣсто былъ назначенъ генер. штаба полковникъ С. С. Каменевъ.

Вотъ причины и его ухода и одновременнаго появленiя въ роли американскаго инженера «Сергѣя Сергѣевича».

Многiе фамилiю настоящаго главковерха Каменева смѣшиваютъ съ фамилiей извѣстнаго большевика Каменева—это не правильно; не нужно забывать, что большевикъ Каменевъ—прежде всего Кацъ: это у него отъ Бога, а Каменевъ — это уже отъ себя и отъ людей; тогда какъ «Сергѣй Сергѣевичъ» Каменевъ— отъ Бога и отъ людей, т. е. настоящiй.

Итакъ, новымъ главковерхомъ назначенъ, бывшiй генеральнаго штаба полковникъ Сегѣй Сергѣевичъ Каменевъ, а теперь просто «товарищъ Каменевъ»

Какъ сейчасъ, я вижу себя молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, назначеннымъ въ штабъ Виленскаго Военнаго Округа, прiѣхавшимъ туда и, съ какимъ то особеннымъ чувствомъ трепета, вступающимъ въ это «святая святыхъ» — еще такъ недавно недоступное для меня: простого армейскаго офицера...

Вспоминается и грязная, некрашенная, деревянная лѣстница, ведущая во второй этажъ, и такая же площадка второго этажа, и дверь налѣво, съ надписью «мобилизацiонное отдѣленiе».

Въ этомъ «отдѣленiи», у стѣны налѣво, стоялъ большой, простой столъ старшаго адъютанта полковника Смирнова, нашего общаго любимца, доблестно павшаго на полѣ битвы (помните — «Сергѣй Сергѣевичъ?»), а направо, у окна, за такимъ же большимъ столомъ, среди вороха мобилизацiонныхъ дѣлъ и огромныхъ картъ — видна была нѣсколько сутуловатая фигура капитана генеральнаго штаба, шатена, съ темно матовымъ усталымъ лицомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись и остроконечная немного растрепанная бородка, и большiе усы, и добрые близорукiе глаза, скрытые за стеклами металлическихъ очковъ — это были вы «Сергѣй Сергѣевичъ»! это были вы «товарищъ Каменевъ»!

Мобилизацiонный отдѣлъ одинъ изъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ по качеству и количеству работы, онъ требуетъ особой усидчивости, вдумчивости, серьезности, строгаго расчета — онъ поглощаетъ цѣлый день и не мало даетъ работы домой — на ночь.

Вѣдь потому то вы и были назначены въ этотъ отдѣлъ «Сергѣй Сергѣевичъ», что въ глазахъ начальства всѣ эти качества были у васъ «на лицо»....

И вдвоемъ, съ такимъ знатокомъ мобилизацiонной машины, какъ покойный Смирновъ, вы такъ наладили и поставили это дѣло, что не было никакихъ задержекъ, никакихъ остановокъ въ общемъ ходѣ мобилизацiонныхъ работъ

передъ началомъ міровой войны; а вѣдь Виленскій округъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ округовъ въ смыслѣ мобилизаціи, мобилизовался онъ однимъ изъ первыхъ и нѣкоторыя его части выступили въ походъ черезъ три дня послѣ мобилизаціи...

Незадолго до войны васъ поставили во главѣ этого отдѣла и вы, я это знаю, первымъ приходили и послѣднимъ уходили изъ штаба; часто по вечерамъ, при свѣтѣ низко спущенной электрической лампочки, можно было видѣть вашу высокую, немного сутуловатую фигуру,—Вы или стояли передъ картой или перелистывали толстыя «дѣла»...

Нерѣдко, позднимъ вечеромъ, проходя мимо штаба и изъ любопытства, спросивъ швейцара: есть ли кто нибудь въ штабѣ — мы получали неизмѣнный отвѣтъ: «такъ точно, ихъ высокоблагородіе капитанъ Каменевъ» — я вѣдь это хорошо помню «Сергѣй Сергѣевичъ».

Точно также я помню — не слова, времени прошло больно много, гдѣ ужъ тутъ слова помнить, нѣтъ — я помню смыслъ вашихъ словъ о значеніи корпуса офицеровъ генеральнаго штаба, объ интенсивной работѣ штабовъ во имя облегченія дѣятельности войскъ, о несправедливыхъ привиллегіяхъ гвардіи, о некритикѣ начальства, а наоборотъ, о незамѣтномъ исправленіи его ошибокъ и еще много кое-чего, помню я, изъ того, что вы говорили намъ: «младшимъ товарищамъ», вы,—«старшій товарищъ». Во многомъ ваши мысли были правильны—что и говорить... и кромѣ того, у васъ былъ большой опытъ: вы вѣдь поздно пошли въ академію и немолодымъ офицеромъ окончили ее.

И еще я помню — какъ, однажды, придя ко мнѣ съ визитомъ и, забавляясь съ моимъ малюткой сыномъ, вы проговорили, такъ добро и мягко улыбаясь: «вотъ еще одинъ слуга Государя и Отечества подростаетъ». Сынъ мой подросъ «Сергѣй Сергѣевичъ»—ему уже 14 лѣтъ, но ни Государя, ни Отечества — ни у него, ни у меня, да и у Васъ тоже нѣтъ «Сегѣй Сергѣевичъ»: Царя звѣрски убили, а Отечество разрушили Ваши современные начальники и товарищи — «Сергѣй Сергѣевичъ»..!

А затѣмъ міровая война, и вы, вопреки ожиданію всѣхъ, несмотря на наличіе болѣе старыхъ и, можетъ быть, болѣе опытныхъ офицеровъ, — вы были поставлены во главѣ отвѣтственнаго оперативнаго отдѣленія 1-ой арміи — это было кровной обидой для старшихъ и чувствомъ гордаго, но, правда, незамѣтнаго для окружающихъ, удовлетворенія для васъ, всегда скромнаго и всего только капитана генеральнаго штаба.

Далѣе побѣдоносные бои въ Восточной Пруссіи вплоть до фортовъ Кениг-

сберга... — неужели эти картины славнаго прошлаго старой русской арміи не проносятся передъ вами — нынѣ краснымъ главковерхомъ?...

И тамъ, на фронтѣ, вы работали также неустанно—съ утра до ночи и съ ночи до утра, среди вороха бумагъ и огромныхъ картъ, густо усѣянныхъ, вашей заботливой рукой, флажками. Васъ не тянуло въ войсковые штабы — не потому что вы были трусъ, нѣтъ — въ старой русской арміи трусовъ не было, а потому, что вы были офицеръ большого штаба, работникъ кабинетнаго а не полевого характера, гдѣ, какъ извѣстно, нельзя ни разложить картъ, ни обложиться дѣлами, гдѣ ѣдятъ находу и спятъ въ сѣдлѣ.

励калькомъ въ Инстербургѣ я вижу и ваше крайне растеряное лицо (впрочемъ тогда всѣ были растеряны) при вѣсти о начавшемся разгромѣ первой арміи и ваше неподдѣльное огорченіе при видѣ — какъ красивую большую карту, сплошь покрытую маленькими красивыми флажками, грубо сорвали со стѣны и, свернувъ кое какъ, небрежно бросили въ ящикъ — время не ждало тогда: штабу арміи нужно было спѣшно уходить...

А затѣмъ — помните? въ Ковно, вы, и помощникъ вашъ, грозили отдать подъ судъ молодого офицера генеральнаго штаба за то, что онъ будучи отправленъ для возстановленія связи между разгромленными и растерявшимися корпусами, по «неопытности своей и неумѣнію разбираться въ тонкостяхъ штабной дипломатіи», отправилъ со ст. Вержболово лично Командующему арміей генералу Ренненкампфу — подробную и правдивую телеграмму, съ изложеніемъ истинной картины разгрома, хаоса и всего того ужаса, которые творились среди отступающихъ войскъ, въ то время какъ штабъ арміи, — извините, — «эвакуировался» въ Ковно, т.е. болѣе чѣмъ на 100 верстъ въ тылъ. Не было оставлено ни одного опытнаго и стараго офицера разобраться въ этой кутерьмѣ, — были брошены лишь молодые, причисленные къ генеральному штабу; правдивыя донесенія ихъ докладывались вами какъ «преувеличенія молодыхъ офицеровъ неумѣющихъ разбираться въ военной обстановкѣ»; а вышеупомянутую телеграмму, полученную непосредственно командующимъ арміей — вы назвали «панической» и угрожали отдать подъ судъ отправителя ея, мотивируя, что этой телеграммой разрушены всѣ расчеты и планы штаба, такъ какъ командующій арміей принялъ какое то свое, самостоятельное рѣшеніе....

Въ Восточной Пруссіи мы съ вами работали до февраля 1915 года, когда, наконецъ, къ великой моей радости, мнѣ удалось уйти на фронтъ, въ штабъ дивизіи — дальше я потерялъ васъ изъ виду.

И все таки, мой милый красный главковерхъ, встрѣчая вашу фамилію въ совѣтскихъ газетахъ — я не хотѣлъ вѣрить, что это именно вы; читая совѣтскіе кандидатскіе списки я, вопреки голымъ фактамъ, имъ все таки не вѣрилъ—память, вопреки дѣйствительности, упорно отпечатывала вашъ прежній образъ...

Теперь сомнѣній нѣтъ — вы «главковерхъ красной рабоче-крестьянской арміи» вы — тотъ, главный инженеръ, который у сложной военной машины замѣнилъ Троцкаго.

Что же вы будете дѣлать теперь?

Пустите ли вы машину снова въ ходъ, призвавъ на помощь весь свой мобилизаціонный, оперативный и боевой опытъ и знаніе, или же мобилизовавъ остатки чести, совѣсти, стыда, чувства долга и все того, что я вѣрю еще есть у васъ и, что вы не успѣли растратить въ этомъ царствѣ всеобщей купли и продажи, Вы выдернете какой нибудь маленькій, но главный винтикъ, сломаете какую нибудь сложную, но незамѣтную пружину,—разведете въ недоумѣніи руками и заявите вашимъ совнаркомамъ: машина стала окончательно — починить ее уже никакъ нельзя?

Какъ хочется вѣрить этому — послѣднему!...

Я. Лисовой.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ и БОЛЬШЕВИЗМЪ

ГАТЧИНО ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ

(Октябрь 1917 г.)

25 октября 1917 года, около 10 часовъ утра, въ зданіе Петроградскаго Государственнаго банка явилась полурота запасного гвардейскаго полка съ представителемъ новой власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — комиссаромъ Ланге.

Будучи въ это время, случайно, у одного изъ своихъ друзей — служащихъ банка, я узналъ отъ этого комиссара, почему то начавшаго вдругъ со мной откровенничать, что большевиками наканунѣ рѣшено — захватить въ свои руки власть въ ночь съ 24 на 25 октября и что они, при поддержкѣ Кронштадскихъ матросовъ, начали приводить это рѣшеніе въ исполненіе сегодня съ 6 часовъ утра, но онъ, мой собесѣдникъ, опасается, что это дѣло можетъ лопнуть за недостаткомъ надежныхъ комиссаровъ, ибо уже теперь выяснилось, что имѣвшихся для этой цѣли людей далеко не хватаетъ и уже приходиться назначать въ комиссары людей не только не идейныхъ, но всякихъ «пролазовъ».

Выслушавъ словоохотливаго комиссара, я вышелъ побродить по улицамъ Петрограда и, кстати, зайти—въ Собраніе Арміи и Флота, гдѣ я остановился по пріѣздѣ въ Петроградъ. Невскій былъ наводненъ патрулями изъ матросовъ, а черезъ два-три часа, когда я возвращался обратно, вездѣ уже стояли заставы не пропускавшіе никого ни къ Главному Штабу, ни къ Зимнему Дворцу.

На слѣдующій день, 26 октября, проходя по улицамъ, я уже встрѣтилъ матросскіе отряды и броневыя машины. У Зимняго Дворца стояла любопытная толпа разглядывающая многочисленныя слѣды отъ пуль, какъ на стѣнахъ Дворца, такъ и на окнахъ, и обмѣнивающаяся впечатлѣніями аттакъ и контръ-атакъ между большевиками и контръ революціонерами.

Возвращаясь обратно по Невскому, я увидѣлъ кучки людей читающихъ какіе то небольшіе , красные, однотипные афиши на стѣнахъ домовъ;

афиши эти гласили, что къ Гатчино подошло — не 50 тысячъ — какъ «хвастливо заявляли корниловцы и контръ-революціонеры», а всего лишь 5 тысячъ сторонниковъ Керенскаго, а потому, товарищи, немедленно на фронтъ!».

Часовъ въ 10 утра, на Забалканскомъ проспектѣ, мною были встрѣчены довольно стройные гвардейскіе части, идущіе за городъ съ оркестрами во главѣ; колонны эти вели молодые, революціонные, гвардейскіе прапорщики.

Прочитанныя мною на Невскомъ проспектѣ летучки сразу оріентировали меня въ происходящихъ событіяхъ и я рѣшилъ немедленно ѣхать въ Гатчино, гдѣ еще представлялась возможность борьбы съ новыми захватчиками власти; но когда я пришелъ на вокзалъ, то оказалось, что черезъ Красное село въ Гатчино уже проѣхать невозможно и что нужно ѣхать черезъ Тосно.

Въ 3 часа дня я сидѣлъ уже въ поѣздѣ идущемъ на Тосно и, пересѣвъ тамъ на Гатчинскій поѣздъ, я, къ 8 часамъ веч., подъѣзжалъ къ Гатчино; не доѣзжая верстъ 15,—видны были разрывы шрапнелей, но никто изъ ѣдущихъ не представлялъ себѣ еще ясно — въ чемъ дѣло.

Пріѣхавъ въ Гатчино и идя домой кратчайшимъ путемъ — по полотну желѣзной дороги — я, на одномъ изъ переѣздовъ, увидѣлъ въ автомобилѣ фигуру А. Ф. Керенскаго. Автомобиль Россійскаго Главковерха стоялъ во главѣ казачьей колонны — авангарда изъ 500-600 казаковъ донцовъ и одной сотни амурцевъ.

Увидѣвъ своего добраго знакомаго, графа Зубова, я просилъ оріентировать меня въ обстановкѣ. Оказалось, что это войска, ведомыя Керенскимъ и Савинковымъ на защиту Временнаго Правительства противъ большевиковъ и что во главѣ войскъ—генералъ П. Красновъ, а начальникомъ штаба полковникъ Поповъ.

Удовлетворенный, я отправился во дворецъ, гдѣ въ одномъ изъ помѣщеній, отведенныхъ придворнымъ вѣдомствомъ, размѣщались офицеры Гатчинской авіаціонной школы.

Къ 10 часамъ утра, 28 октября, въ нижнемъ этажѣ дворца, размѣстился Штабъ генер. Краснова.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ Управленіемъ Начальника гарнизона гор. Гатчино, ротмистромъ дикой дивизіи С-мъ, я засталъ необыкновенно многочисленное собраніе офицеровъ, преимущественно Гат-

чинской Авіаціонной школы, въ третьей комнатѣ помѣщалось оперативное отдѣленіе, начальникомъ коего и возглавилъ себя вышеупомянутый ротмистръ С-въ. Генералъ Красновъ и его начальникъ штаба находились на боевомъ участкѣ, въ 12 верстахъ южнѣе Гатчино, гдѣ въ бой были введены пять спѣшенныхъ казачьихъ сотенъ и одна горная батарея.

Со стороны противника въ боевой линіи было около четырехъ тысячъ отборныхъ петроградскихъ рабочихъ, бывшихъ солдатъ и, кромѣ того, матросы.

Боевыми дѣйствіями большевиковъ руководилъ новый большевистскій командующуй Петроградскимъ военнымъ округомъ подполковникъ Муравьевъ, (бывшій командиръ 21 автомобильной роты); сотрудниками же его состояли: новый «морской министръ» — матросъ Дыбенко, писарь штаба Гельсинфорскаго флота — бывшій сельскій учитель, еврей Рашаль —студентъ 3-4 курса психо-неврологическаго института, матросъ Трушинъ и поручикъ запаса Антоновъ, — впослѣдствіи главковерхъ Антоновъ.

Какъ происходилъ бой—будетъ видно изъ дальнѣйшаго,—какъ характерную деталь нужно отмѣтить, что казаки, находясь въ бою безъ смѣны болѣе трехъ сутокъ, держались очень стойко не теряя ни на минуту надежды на смѣну ихъ пѣхотными частями; большевики же, не зная настоящаго количества силъ своего противника, проявляли крайнюю нерѣшительность и только неустойчивость амурцевъ на лѣвомъ флангѣ боевого расположенія, куда не во время явился Керенскій для поднятія духа — рѣшила участь боя.

Казаки перестали вѣрить, что пѣхота подойдетъ имъ на смѣну и настаивали на отдыхѣ; 29-го октября было рѣшено отвести казачьи части на отдыхъ въ Гатчино.

Но вернемся къ боевымъ событіямъ и деталямъ ихъ.....

Не унывающій А. Керенскій (онъ со своими адъютантами расположился въ парадныхъ комнатахъ дворца), часто показывался въ оперативномъ отдѣленіи, гдѣ старался увѣрить всѣхъ въ общемъ благополучіи положенія и охотно, всѣмъ и каждому, сообщалъ, что 50 ударныхъ батальоновъ сняты съ сѣвернаго фронта и двинуты на выручку Вр. Правительства, въ доказательство чего показывалъ телеграммы, полученныя имъ съ сообщеніями о подходѣ этихъ частей къ ст. Луга.

Дѣйствительно, изъ Пскова, непрерывно, эшелонъ за эшелономъ, подходили къ Лугѣ ударные батальоны, но не дремавшій Лужскій совдепъ дѣ-

лалъ свое дѣло и для агитаторовъ не требовалось особыхъ усилій чтобы убѣдить колеблющихся ударниковъ не учавствовать въ братоубійственной войнѣ и не защищать Керенскаго. Ударники, занявъ выжидательное положеніе, такъ дальше Луги и не двинулись.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ.

28-го октября, Гатчинской авіаціонной школы капитанъ Н-въ, боевой и преданный дѣлу артиллерійскій офицеръ, съ большимъ трудомъ уговорилъ оперативное отдѣленіе дать ему возможность, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами, использовать стоящій безъ дѣла на Балтійскомъ вокзалѣ броневой поѣздъ. Получивъ, въ концѣ концовъ, такъ желаниое разрѣшеніе, онъ перевелъ поѣздъ на Варшавскій вокзалъ , неожиданно налетѣлъ на ст. Александровскую и, обстрѣлявъ ее, вызвалъ огромный переполохъ въ штабѣ Муравьева, причинивъ большія потери и людьми, при чемъ была убита какая то знаменитая еврейка «Сура», о чемъ впослѣдствіи «Извѣстія» съ возмущеніемъ описывали этотъ контръ революціонный поступокъ офицеровъ Гатчинской школы.

На разсвѣтѣ того же дня, летчики С-нъ, и Л-въ, овладѣвъ тайкомъ исправнымъ броневымъ автомобилемъ, проѣхали незамѣтно въ туманѣ почти къ Петрограду, откуда повернувъ обратно, подъѣхали къ большевистской цѣпи и открыли по ней пулеметный огонь; къ сожалѣнію, пулеметъ скоро далъ отказъ и пришлось спѣшно удирать въ Гатчино.

29 октября, днемъ, офицеры Гатчинской авіаціонной школы, собравшись въ столовой на аэродрамѣ, обратились ко мнѣ, какъ предсѣдателю Суда Общества офицеровъ съ вопросами — что имъ дѣлать и куда итти??

Я отвѣтилъ, что въ настоящій моментъ, когда съ одной стороны всѣ боятся расправы большевиковъ матросовъ въ случаѣ ихъ удачи, а съ другой никто не желаетъ вновь видѣть у власти Керенскаго, — каждый долженъ быть тамъ гдѣ ему подсказываютъ долгъ и честь офицера; лично я, и со мной многіе боевые офицеры, сдѣлали уже выборъ и мы тамъ — гдѣ идетъ борьба противъ захвата власти большевиками.

Послѣ этого многіе офицеры явились въ штабъ ко мнѣ и полковн. М. съ просьбой дать имъ — гдѣ угодно и какую угодно работу; и когда мнѣ понадобилось, однажды, 25 пулеметчиковъ на бронепоѣздъ, то было вполнѣ достаточно только сказать объ этомъ дежурному по школѣ офицеровъ, и необходимое количество офицеровъ моментально явилось.

29-го—штабъ генерала Краснова пересталъ существовать; переутомлен-

ные трехдневнымъ сидѣніемъ на боевомъ участкѣ, генер. Красновъ и полк. Поповъ, переѣхали въ Гатчино и расположились во дворцѣ. Часамъ къ 5-ти, ген. Красновъ собралъ въ комнатахъ №№ 5 и 6, всѣхъ бывшихъ на лицо во дворцѣ офицеровъ. Собралось около 200 человѣкъ — преобладали офицеры Гатчинской авіаціонной школы.

Генералъ Красновъ выглядѣлъ разбитымъ и физически и морально; онъ обратился къ собравшимся офицерамъ приблизительно со слѣдующими словами: «Благодарю Васъ гг. офицеры авіаціонной школы за Вашу готовность и искреннее желаніе помочь нашему дѣлу—но все уже кончено. Сегодня были делегаты отъ большевиковъ и выработаны слѣдующіе 30 пунктовъ перемирія съ большевиками: 1)немедленное прекращеніе братоубійственной войны и полная амнистія принимавшимъ въ ней какое бы то ни было участіе, 2)немедленное учрежденіе новаго правительства въ составъ коего войдетъ по одному представителю отъ каждой изъ существующихъ политическихъ партій, 3)въ составъ новаго правительства не имѣютъ права входить —ни Ленинъ, ни Керенскій (о Троцкомъ не упоминалось), 4) свободный пропускъ всѣхъ казаковъ 3-го коннаго копуса на Донъ и т. д.

Прочитавъ всѣ 30 пунктовъ, ген. Красновъ заключилъ: «съ этого момента надо считать, что Россіи нѣтъ, Великая Россія будетъ разрушена борьбой политическихъ партій и, вѣроятно, не останется камня на камнѣ. Все будетъ разрушено — будутъ уничтожены цѣлые города и вотъ, послѣ этого, на развалинахъ разрушенной Старой Россіи будетъ построена Новая, еще болѣе Великая, Молодая Россія»...

Генералъ умолкъ — всѣ уныло повѣсили головы и... постепенно разошлись..

Мы, офицеры Гатчинской авіаціонной школы, не особенно вѣрили «полной амнистіи» участникамъ боевъ подъ Гатчиной, такъ какъ бывшіе въ составѣ большевистской делегаціи матросы открыто заявляли, что «мы, дескать, покажемъ этому зелью летчикамъ, какъ воевать на бронепоѣздахъ и броневикахъ». Въ воздухѣ пахло кровавой расправой тѣмъ болѣе, что въ составѣ наступающихъ большевиковъ преобладали кронштадскіе и гельсингфорскіе матросы съ «Петропавловска» и др. кораблей.

Собравшись въ канцелярію школы для обсужденія создавшагося положенія, мы застали въ ней начальника школы полковника Б-ко, который, какъ оказалось, уже разрѣшилъ вопросъ о дальнѣйшей нашей дѣятельности, раздавъ каждому изъ насъ подписанные бланки отпускныхъ билетовъ, литеры и

т п документы, — дѣлать больше было нечего и всѣ собравшіеся разошлись по домамь.

Придя изъ канцеляріи во дворецъ, я засталъ тамъ летчика полк. М-на и шт. ротимистра Финляндскаго драгунскаго полка Х; послѣ короткаго обмѣна мнѣніями, выяснилось, что на фронтѣ нѣтъ ни одного казака и что, каждую минуту, Гатчино можетъ быть захвачена большевиками и начнется дикая расправа съ офицерами школы; необходимо было что то предпринять, но прежде всего нужно было выяснить, что предполагаетъ дѣлать штабъ ген. Краснова.

Зайдя съ этой цѣлью къ начальнику штаба полковнику Попову, я, съ трудомъ, разбудилъ его и на свой вопросъ — получилъ безразличный отвѣтъ соннаго и безмѣрно уставшаго человѣка: «ничего... будемъ отдыхать.. выспаться надо...»

«Но вѣдь большевики могутъ ворваться каждую минуту и тогда начнутся дикіе эксцессы» — возразилъ я.

«Ничего Богъ не выдастъ»... съ трудомъ, безсвязно, пролепеталъ онъ и... опять уснулъ...

На этомъ пришлось и окончить нашъ разговоръ.

Передавъ собравшимся моимъ единомышленникамъ «соображенія» Начальника штаба, мы, по взаимному соглашенію, рѣшили создать свой импровизированный штабъ обороны и распредѣлили роли слѣдуюшихъ образомъ.

Шт. ротмистръ Финляндскаго драгунскаго полка Х., окончившій ускоренный курсъ Академіи генеральнаго штаба, взялъ на себя обязанности начальника оперативнаго отдѣленія; капитанъ Ш-нъ — завѣдующаго развѣдкой и связью, полковникъ М-нъ—Инспектора Артиллеріи; я—общее руководство. Такъ какъ самымъ необходимымъ дѣломъ являлась настоятельная необходимость добыть со станціи Луги хотя бы одинъ вагонъ со снарядами что бы изъ него пополняться въ случаѣ удачнаго развитія дѣйствій, и, такъ какъ, для этого требовалось безсмѣнное бодрствованіе завѣдующаго снабженіемъ артиллеріи, то въ отсутствіе полк. М-на, я считался его замѣстителемъ.

Въ дальнѣйшемъ необходимо было срочно организовать оборону Гатчино, хотя бы для того, чтобы городъ не могъ быть неожиданно захваченъ озвѣрѣвшими матросами и, въ случаѣ быстраго ихъ подхода къ городу, дать возможность отдѣльнымъ лицамъ во время избѣжать дикой расправы со стороны матросовъ.

Импровизированный штабъ могъ располагать офицерами авіаціонной

школы — активнымъ элементомъ въ количествѣ до 30 -40 человѣкъ, частью юнкеровъ школы прапорщиковъ, бронепоѣздомъ, двумя бронеавтомобилями, вагономъ снарядовъ, вагономъ патроновъ, однимъ боевымъ аэропланомъ съ бомбами (летчикъ Х-цъ) и, при желаніи, не менѣе 6-8 пулеметами авіаціонной школы съ 2-мя полевыми орудіями.

Въ то время, когда импровизированный штабъ ломалъ голову —какимъ способомъ вызвать изъ Луги хотя бы одинъ батальонъ ударниковъ, неожиданно явился генеральнаго штаба полковникъ Т. съ 130 партизанами. Онъ явился чтобы принять участіе въ бою и искалъ штабъ чтобы получать задачу: «люди у меня отборные и отчаяннные» — заявилъ онъ.

Оріентировавъ полк. Т. въ обстановкѣ, и, познакомивъ его съ характеромъ нашей дѣятельности, мы предложили ему, во имя общаго дѣла, работать вмѣстѣ съ нами — безъ дальнѣйшихъ разговоровъ полковникъ Т. согласился.

Партизанамъ его была дана задача выставить на трехъ дорогахъ входящихъ вь Гатчину заставы; каждой заставѣ было придано или орудіе или броневая машина; связь между заставами поддерживалась дозорами. Возможность обхода съ фланговъ исключалась, т.к. мѣстность было болотистая и проходилась только по занятымъ заставами дорогамъ. Линія же желѣзной дороги охранялась заставой юнкеровъ.

Установивъ связь по телефону съ Лугой, мы начали организовывать доставку оттуда снарядовъ. Вопросъ о доставкѣ снарядовъ и патроновъ изъ Луги, въ этой общей суматохѣ и неразберихѣ, въ то время, обстоялъ очень просто: необходимо было набрать нѣсколько добровольцевъ, которые бы грузили снаряды, снабдить ихъ соотвѣтствующими документами съ «печатями, а все остальное дѣлалось само собой и безъ всякихъ препятствій.

Задачу доставить первый вагонъ снарядовъ взялъ на себя мичманъ Х. (Впослѣдствіи партизанъ въ составѣ корпуса ген. Шкуро). Какъ оказалось впослѣдствіи — погрузку снарядовъ онъ началъ безпрепятственно, но не успѣлъ выполнить своей задачи вслѣдствіе занятія гор. Гатчины большевиками и ареста его Лужскимъ совѣтомъ.

30 октября, придя съ полетовъ около 10 съ половиною часовъ утра въ собраніе школы, я узналъ отъ взволнованныхъ офицеровъ, что черезъ 2-3 часа въ Гатчино войдутъ большевики. Я поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ увидѣлъ, что нашъ штабъ уже скрылся, тщательно уничтоживъ на дверяхъ всѣ надписи съ указаніемъ должностныхъ лицъ и отдѣленій штаба.

Встрѣтившій меня прапорщикъ Д. сообщилъ, что онъ видѣлъ, какъ изъ

воротъ дворца выѣхалъ автомобиль «Рено» начальника гарнизона, на которомъ, въ качествѣ пассажира, сидѣлъ какой то странный субъектъ въ пальто, подобномъ тому, какое носятъ мастеровые, въ матросской фуражкѣ и автомобильныхъ очкахъ; когда автомобиль проѣзжалъ вблизи него, ему показавось, что черты лица оригинально одѣтаго господина очень похожи на Керенскаго.

Говорятъ, что Керенскій, узнавъ о требованіи большевиковъ выдать его— зашелъ къ генералу Краснову и, послѣ краткаго разговора, спросилъ — что ему слѣдуетъ дѣлать?

«Застрѣлиться» — якобы послѣдовалъ краткій, но выразительный отвѣтъ со стороны генерала Краснова.

«Хорошо, я подумаю» отвѣтиль Керенскій и ушелъ къ себѣ въ комнату; оттуда черезъ смежную комнату, отдѣленную портьерой, онъ спустился въ нижній этажъ, и, не проходя по корридору 3-го этажа, гдѣ его могли легко узнать и арестовать даже не большевики (объ арестѣ Керенскаго усиленно поговаривали и казаки, и солдаты, и офицеры авіаціонной школы—вотъ почему солдатскій караулъ былъ замѣненъ юнкерскимъ), вышелъ во дворъ, гдѣ его ждалъ заранѣе приготовленный автомобиль начальника гарнизона.

Въ 12 часовъ дня я переѣхалъ на квартиру въ городъ къ одному изъ своихъ друзей, чтобы избѣжать перваго рокового момента встрѣчи съ большевиками.

Къ полудню, въ городѣ, появились отдѣльныя группы матросовъ, не принадлежавшихъ къ боевому отряду, наступавшему со стороны Петрограда.

Многіе офицеры старались уйти хотя бы на нѣсколько верстъ отъ города, нѣкоторые укрылись въ близлежащихъ лѣсахъ, нѣкоторые ушли пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги — на одну двѣ станціи отъ Гатчино...

Но много офицеровъ школы остались и въ городѣ, ибо солдаты школы вообще, комитеты и Гатчинскій совѣтъ въ частности, состояли изъ интеллигентныхъ и благоразумно настроенныхъ людей, и хотя, конечно, всѣ были увѣрены, что ихъ при новыхъ выборахъ въ большевистскіе комитеты забаллотируютъ, но пока это произойдетъ — пройдетъ и первый острый моментъ.

И, дѣйствительно, 3 октября, въ 6 часовъ утра, когда я пришелъ на аэродромъ подъ предлогомъ утренней тренировки и обошелъ всѣ спеціальныя команды школы — все еще было въ порядкѣ и всѣ были на мѣстахъ, — но когда я черезъ часъ зашелъ въ строевую роту, единственную некультурную и наполовину большевистски настроенную часть, то увидѣлъ довольно непріятную для себя картину: рядомъ съ дневальнымъ сидѣлъ и пилъ чай... ужаснаго вида

гельсингфорскій матросъ—весь растерзанный, немытый, съ огромной копной рыжихъ вьющихся волосъ, на которыхъ небрежно была надѣта грязная матросская фуражка, — отступленія не было:

«Садитесь, товарищъ»—обратился ко мнѣ дневальный—«чаю хотите?» и, не получивъ отвѣта, налилъ мнѣ кружку чаю (я былъ въ кожаной курткѣ, для полетовъ, безъ погонъ).

«Ну такъ какъ же товарищъ» обратился онъ къ матросу, очевидно продолжая прерванный моимъ приходомъ разговоръ

«Да, ничего, но если среди Вашихъ офицеровъ есть с-чь, которая идетъ открыто противъ насъ, такъ мы ихъ быстро почистимъ—правильно товарищъ»?

«Правильно, гы-гы-гы»—дневальный глупо и безсмысленно засмѣялся.

Дѣлать мнѣ здѣсь больше было нечего и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ я, незамѣтно, ушелъ изъ строевой и опасной для меня роты.

Зайдя въ школу я хотѣлъ переговорить по телефону съ комендантскимъ управленіемъ и узнать о событіяхъ дня. Неожиданно мнѣ повезло: на мой вызовъ—станція мнѣ не отвѣтила, линія оказалось уединенной, и я услышалъ разговоръ новаго коменданта—гвардіи поручика К-ъ съ Гатчинскимъ Совдепомъ.

Изъ подслушаннаго мною разговора я узналъ, что дворецъ занятъ гельсингфорскими матросами во главѣ съ комиссаромъ Дыбенко.

Итакъ на сѣверѣ борьба окончилась...

17 мая 1918 г.
Ростовъ н-Д.

Техническихъ войскъ
Полковникъ П. Нестеренко.

ТУРКЕСТАНЪ ВЪ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ И БОЛЬШЕВИЗМА

(Краткое описаніе хода событій въ Ташкентѣ)

мартъ — декабрь 1917 г.

Акты объ отреченіи Государя Императора и отклоненіи принятія на себя власти вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ до рѣшенія Учредительнаго Собранія, были опубликованы въ Ташкентѣ одновременно.

2-го марта, командующій войсками Туркестанскаго округа и генералъ-губернаторъ, генер. А. Н. Куропаткинъ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ г. Ташкентѣ и послѣ рѣчи, въ которой изложилъ ходъ событій, — задалъ вопросъ: «кто изъ васъ можетъ сказать мнѣ, что вполнѣ ручается за своихъ солдатъ, и что, въ случаѣ надобности, его часть исполнитъ приказаніе власти?».

Послѣ непродолжительной, но весьма тяжелой паузы, выступило только два офицера: — первый, начальникъ конвоя (въ 90 человѣкъ казаковъ) и второй — командиръ 3-й отдѣльной Туркестанской роты (въ то время четыре саперныхъ и одинъ телеграфный взводъ: — всего численностью до 400 человѣкъ солдатъ при шести офицерахъ — исключительно прапорщикахъ). Остальные начальники частей молчали; въ Ташкентѣ-же тогда были весьма крупныя части, какъ напр. — 1-й и 2-ой запасные Стрѣлковые полки, 2 дружины, пулеметныя команды, нѣсколько артиллерійскихъ батарей, крѣпостная артиллерійская рота, наконецъ — военное училище и школа прапорщиковъ.

Повидимому этимъ молчаніемъ генералъ Куропаткинъ былъ подавленъ; онъ обратился съ какимъ то вопросомъ къ одному изъ полковыхъ командировъ и тогда многіе изъ начальниковъ, наперерывъ, стали объяснять, что не могутъ ручаться за свои части полностью, что нѣкоторыя роты или команды ненадежны и т. п. Но впечатлѣніе получилось иное: меньшинство изъ нихъ имѣли нѣкоторыя данныя не довѣрять своимъ людямъ, большин-

ство же были неувѣрены по той простой причинѣ, что совершенно не знали своихъ частей. Давъ нѣсколько общихъ руководящихъ указаній, генералъ отпустилъ начальниковъ.

На 5-ое марта было назначено торжественное богослуженіе и присяга на вѣрность Временному Правительству. Передъ началомъ парада произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ: одинъ изъ мѣстныхъ соціалистовъ выѣхалъ верхомъ и, обогнавъ, генерала Куропаткина, крикнулъ: «да здравствуетъ демократическая республика, урра!»; немногіе голоса успѣли поддержать этотъ возгласъ, но генералъ Куропаткинъ, немедленно, жестомъ руки, остановилъ начавшійся безпорядокъ и громко, такъ что слышать могли всѣ присутствующіе, сказалъ: «вотъ видите, уже торопятся предрѣшать волю народа», а затѣмъ кратко, но выразительно, разъяснилъ, что будущая форма Правленія будетъ опредѣлена Народнымъ Собраніемъ. Парадъ закончился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, войска разошлись по казармамъ и можно было надѣяться, что обаяніе генерала Куропаткина удержитъ дисциплину и порядокъ,

Но вышло иначе: приказы №№ 1 и 2 — съ одной стороны, дѣятельность соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ — съ другой, и, главнымъ образомъ, неумѣнье разбираться въ текущихъ событіяхъ и непониманіе громаднымъ большинствомъ офицеровъ обстановки—привели къ тому, что вскорѣ опереться генералу Куропаткину было не на кого и «республиканская» дисциплина удерживалась лишь въ немногихъ частяхъ, — въ остальныхъ же шелъ развалъ.

«Вождемъ» солдатской массы сдѣлался нѣкто Бройда, который, не будучи солдатомъ мѣстнаго гарнизона,*) все-таки былъ избранъ предсѣдателемъ Ташкентскаго Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ. Этотъ демагогъ и «углубитель», чувствуя, что при генер. Куропаткинѣ особенно «разгуляться» нельзя, добился его ареста (правда почетнаго) и генерала Куропаткина увезли подъ офицерскимъ конвоемъ въ Петроградъ.

Вскорѣ послѣ сформированія С. С. Д., небольшая группа офицеровъ настояла на созывѣ всѣхъ офицеровъ гарнизона для обсужденія создавшагося положенія; собраніе офицеровъ состоялось и удалось ввести въ С. С. Д.—60 съ лишнимъ офицеровъ, при общемъ числѣ солдатъ-депутатовъ около 120. Но какъ уже было сказано, офицерство въ своей массѣ было далеко не на высотѣ (что впол-

*) Дезертиръ изъ казалинскаго гарнизона; раньше былъ адвокатомъ въ Чикментѣ или Ауліата.

нѣ понятно, ибо. за немногими исключеніями,—состояло изъ лицъ съ начала войны ни разу не бывшихъ на фронтѣ); работать въ Совѣтѣ пришлось немногимъ, а большинство даже для весьма важныхъ голосованій на засѣданія не являлись.

Этотъ «абсентеизмъ» далъ свои результаты, когда на Краевомъ Съѣздѣ Совѣтовъ разрабатывали Положеніе о Совѣтахъ. Въ Краевой Съѣздъ было выбрано очень мало офицеровъ и с.-д. Бройда съ с.-р. А. I. Дорреромъ (графъ, прис. повѣр. изъ Асхабада) большинствомъ голосовъ провели параграфъ, по которому *всѣ* депутаты: солдаты и офицеры избираются въ воинскихъ частяхъ *всѣми* воинскими чинами — изъ разсчета одинъ на сто. (Раньше же офицеры-депутаты избирались въ каждой части только офицерами, а отъ мелкихъ командъ попадали въ Совѣтъ безъ выборовъ, въ качествѣ представителей). Благодаря этому параграфу въ новый Совѣтъ попало очень мало офицеровъ и вліяніе ихъ въ Совѣтѣ почти утратилось, но зато у членовъ Краевого Совѣта руки были развязаны.

Прошло три съ половиной мѣсяца. Послѣ іюльскаго выступленія большевиковъ въ Петроградѣ, къ чести Краевого Совѣта нужно признать, что они, поняли, что дѣло можетъ кончиться анархіей, и вслѣдъ за появившимся призывомъ генерала Корнилова и началомъ организаціи «ударниковъ» (въ Ташкентѣ сформировался и женскій баталіонъ), въ рядѣ совѣщаній начальниковъ частей гарнизона во главѣ съ новымъ командующимъ войсками генер.-маіоромъ Л. Н. Черкесомъ, совмѣстно съ представителями отъ С. С. Д. (Краевого), были выработаны обязательныя и вполнѣ пріемлемыя для всѣхъ военнослужащихъ «правила» — положенія Устава (вплоть до обязательнаго полученія отпускныхъ увольнительныхъ записокъ, обяз тельной вечерней переклички и т. п).

Къ 25 августа казалось, что именемъ генерала Корнилова дисциплина среди солдатъ дѣйствительно возстановлена; въ Ташкентѣ, на улицахъ, *даже* честь отдавали по прежнему. Но, полученная вслѣдъ за выступленіемъ генер. Корнилова, радіограмма Керенскаго, въ которой онъ называлъ Корнилова «мятежникомъ и измѣнникомъ,» сразу разрушила всю сдѣланную работу; подготовленная ранѣе разрушительная работа оказалась для массъ тунеядцевъ, откармливаемыхъ въ тылу и не желавшихъ итти на фронтъ, весьма заманчивой; среди самихъ офицеровъ также нашлись демагоги жаждавшіе захвата власти, и, — съ 1-го сентября, повиновенія уже не было даже въ такихъ крупныхъ частяхъ, какъ запасные полки. Въ саперной ротѣ,

изъ которой въ іюлѣ мѣс., по требованію изъ Гюргенскаго отряда ген. Мадритова, были отправлены на фронтъ отборные люди, замѣненные присланными изъ запасныхъ полковъ отбросами «спеціалистами», также не было надежныхъ солдатъ, но зато къ этому времени вполнѣ надежными оставались военное училище и школа прапорщиковъ.

Въ полкахъ вмѣсто занятій шли митинги съ замѣтнымъ участіемъ какихъ то вновь прибывшихъ лицъ; объ одномъ изъ нихъ—Шмидтѣ, въ штабѣ округа были свѣдѣнія, что, по даннымъ развѣдки, онъ германскій шпіонъ, прибылъ изъ Риги, а на вопросъ, почему же его не арестовали, отвѣтъ былъ въ такомъ родѣ, что «сейчасъ это трудно выполнить». (слова кап. Б—го изъ военной цензуры).

Продовольственный вопросъ къ этому времени сталъ также обостряться; большую часть земли туземцы засѣяли хлопкомъ, а обычное снабженіе Туркестана хлѣбомъ изъ другихъ областей тормозилось. Къ 9 сентября въ Ташкентъ пріѣхало много туземцевъ изъ деревень (кишлаковъ) за покупкой къ наступавшему мусульманскому празднику, риса, хлѣба и проч. 11-го сентября, часть солдатъ 1-го полка, руководимая какими-то лицами, самочинно задержала отходившій изъ Ташкента поѣздъ, обыскала всѣхъ туземцевъ и отобрала у нихъ всѣ съѣстные припасы; одновременно, по всему городу и во всѣхъ воинскихъ частяхъ, разные подозрительные ораторы призывали разогнать Краевой Совѣтъ С. и Р. Депутатовъ, а 12-го на митингѣ въ Александровскомъ скверѣ, разношерстная толпа солдатъ и мѣстныхъ подонковъ населенія, руководимая Шмидтомъ и Ко., выбрали особый «Революціонный Комитетъ» изъ 14 членовъ (Шмидтъ, пор. Перфильевъ, бывш. офицеръ Аму-Дарьинской флотиліи Черневскій, чиновн. Контрольной палаты Тоболинъ, репортеръ Цвиллингъ, прапор. Гриневичъ и друг.).

Вечеромъ того же дня, на экстренномъ засѣданіи Краевого Совѣта, обсуждалось создавшееся положеніе, при чемъ члены Совѣта просили приглашеннаго въ засѣданіе генерала Черкеса вызвать для охраны Совѣта роту юнкеровъ. Когда рота отъ школы прапорщиковъ подходила, — толпа, руководимая Членами «Революціоннаго Комитета», уже ворвалась въ «Домъ Свободы», гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, — но порядокъ былъ быстро возстановленъ: большая часть членовъ Комитета была арестована, отправлена въ тюрьму и засѣданіе продолжалось... юнкеровъ же отпустили обратно въ школу, а начальникъ школы полковникъ Савицкій и командиръ роты кап. Ф—въ отправились... ночевать въ городъ.

Тѣмъ временемъ, оставшіеся на свободѣ члены «комитета» не пошли спать и, вскорѣ къ «Дому Свободы», сбѣжалась изъ разныхъ казармъ большая толпа солдатъ съ винтовками и разогнали Краевой Совѣтъ. Генералъ Черкесъ былъ раненъ, но, съ обнаженной шашкой, выскочилъ въ окно и, съ помощью нѣсколькихъ солдатъ и полковника Р—ва, былъ спасенъ. Власть перешла въ руки Революціоннаго Комитета, арестованные члены котораго были немедленно освобождены изъ тюрьмы и привезены на автомобиляхъ въ «Домъ Свободы». Командующимъ войсками выбрали пор. Перфильева, его помощникомъ — члена Комитета Вайнштейна, комендантомъ — прап. Гриневича, помощникомъ—бывшаго адъютанта комендант. управленія прап. Л—а (не большевика).*) Въ то время гражданское управленіе Туркестаномъ, по полномочію Временнаго Правительства находилось въ рукахъ комиссаровъ Наливкина, Елпатьевскаго и друг. Всѣ почти учрежденія сразу стали повиноваться новой власти, за исключеніемъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, благодаря чему Наливкинъ успѣлъ послать Временному Правительству телеграмму о происшедшемъ. Изъ воинскихъ частей *не* примкнули къ большевикамъ лишь мелкія команды; саперная рота при новомъ командирѣ кап. Т—вѣ держалась нейтрально, команда искровой станціи (пор. Д—въ) подчинилась и радіо былъ въ распоряженіи большевиковъ, автомобильная команда съ кап. Малюгой**) работала также для нихъ.

15-го сентября, благодаря энергіи прапорщика Бутина, служившаго въ канцеляріи воинскаго начальника, писаря этой команды, а за ними и другихъ, настукали на машинкахъ протесты противъ захватчиковъ власти, а 16-го генералъ С—ій (окружный интендантъ), переговоривъ съ нѣсколькими офицерами, заявилъ, что, если найдутъ еще сторонниковъ, то его команда (человѣкъ 60) цѣликомъ пойдетъ противъ большевиковъ. Въ 4 часа дня, того же числа, во дворѣ Окружнаго интендантства собралось до ста человѣкъ, главнымъ образомъ изъ нестроевыхъ и человѣкъ пятнадцать офицеровъ и чиновниковъ. Пригласили туда же и комиссара Наливкина, который явился

*) Ночью было окружено и помѣщеніе школы прапорщ., арестовали спящихъ юнкеровъ, поставили возлѣ-нихъ караулъ, а винтовки снесли въ цейхгаузъ. Полк. Савицкій и капит. Фроловъ были арестованы и заключены на гауптвахту.

**) Когда въ Ташкентѣ былъ организованъ подотдѣлъ Союза офицеровъ Арміи и Флота, капитанъ Малюга въ противовѣсъ ему образовалъ «Союзъ офицеровъ Республиканцевъ».

съ оттискомъ, только что полученной изъ Петрограда телеграммы Врем. Правительства, въ которой сообщалось, что на помощь высылается военная экспедиція, послѣ чего было приказано «арестовать мятежниковъ». При этомъ комиссаръ Наливкинъ заявилъ, что, не смотря на свою старость, онъ вспоминаетъ, что когда-то былъ сотникомъ и что онъ, въ случаѣ надобности, самъ пойдетъ противъ большевиковъ.

Было условлено: собраться къ 8-ми час. вечера во дворѣ воинскаго начальника, причемъ каждый изъ присутствовавшихъ долженъ былъ къ вечеру привлечь возможно больше сочувствующихъ.

Прежде всего необходимо было освободить юнкеровъ школы прапорщиковъ изъ подъ ареста, что и было блестяще выполнено не бывшими случайно подъ арестомъ капит. Ф—мъ и адъютантомъ школы прапорщиковъ Т—мъ; съ помощью нѣсколькихъ юнкеровъ; вооруженные взятыми изъ конвоя винтовками и бывшими въ ихъ распоряженіи двумя ручными гранатами, они обезоружили большой караулъ, освободили юнкеровъ, добыли изъ цейхгауза винтовки и вооружили ихъ. Къ этому времени кап. Г—нъ уговорилъ находившихся въ крѣпостныхъ казармахъ, въ ожиданіи отправки на фронтъ, триста ударниковъ примкнуть къ движенію; ихъ также вооружили винтовками изъ тѣхъ же цейхгаузовъ и, къ 9 часамъ вечера, былъ сформированъ отрядъ силою до 900 штыковъ (и 75 казаковъ изъ конвоя), включая разныхъ нестроевыхъ, офицеровъ и чиновниковъ. По разнымъ причинамъ офицеровъ примкнуло тогда очень мало; командованіе отрядомъ было предложено генералу Смирницкому, но онъ отказался, заявивъ, что командовать должны только бывшіе на войнѣ. Тогда командованіе принялъ старшій въ чинѣ полковникъ П—въ, назначивъ начальникомъ штаба кап. Г—на. Черезъ часъ выяснилось, что полк. П-въ, никогда не былъ въ боевой обстановкѣ и не годится для командованія (между прочимъ онъ приказалъ отпустить на «честное слово» арестованнаго конвойцами большевистскаго коменданта прап. Гриневича). Пришлось спѣшно вызвать только что освободившагося изъ-подъ ареста полковника Р—ва (георг. кавалеръ—послѣ тяжелаго раненія съ вставной челюстью). Полковникъ Р—въ принялъ командованіе и приказалъ весь отрядъ перевести въ крѣпость, комендантомъ которой назначилъ капит. Г—на. Необходимо еще отмѣтить, что освобожденный изъ-подъ ареста начальникъ школы прапорщиковъ, полковникъ Савицкій, также уклонился отъ командованія и оставался съ нами въ крѣпости въ довольно странной роли присутствующаго, но не участвующаго въ дѣлѣ лица.

Все было сорганизовано настолько быстро, что большевики не успѣли помѣшать, и къ утру, всѣ государственныя учрежденія, банки, казначейство, почта и т. п. охранялись уже караулами изъ крѣпости; большевики не выступали, но ихъ не трогали по приказанію комиссара Наливкина, ожидавшаго, что вотъ-вотъ придетъ военная помощь и тогда наступитъ «судъ праведный». Собственно говоря, — съ большевиками тогда уже можно было кончить однимъ ударомъ, пассивное же сидѣніе въ крѣпости, все время на чеку, было весьма изнурительно: приходилось жить въ крѣпости не раздѣваясь, караулы были тяжелы изъ-за относительной малочисленности. Кромѣ того, въ самой крѣпости, были хорошо вооруженные враги этого маленькаго отряда (крѣпостная артиллерійская рота), у которыхъ были и пулеметы и орудія на валахъ, и которыми, они въ любой моментъ, могли оперировать противъ зданія школы, гдѣ находился тогда штабъ отряда, всѣ офицеры и юнкера. Дѣлались попытки привлеченія къ несенію караульной службы людей изъ дружинъ, но это могло оказаться не безопаснымъ. Такое неопредѣленное положеніе тянулось почти до октября мѣсяца.

Въ концѣ сентября прибыла неожиданная помощь изъ Самарканда: однажды, на разсвѣтѣ, въ крѣпости, появился полковникъ Б—въ съ двумя сотнями (150 чел.) казаковъ и обратился къ коменданту съ вопросомъ — гдѣ находится «гнѣздо»,—т. е. «Домъ Свободы»?—Получивъ указанія, онъ заявилъ, что сейчасъ же его раззоритъ. И дѣйствительно, вскорѣ стали прибывать арестованные имъ: прапор. Гриневичъ, писарь школы прапорщиковъ Федосѣевъ (весьма опасн. большевикъ, членъ комитета), а также вскорѣ привезли цѣлый ящикъ захваченныхъ тамъ документовъ и запертый несгораемый шкафъ.

Но о дѣйствіяхъ полковника Б—ва узналъ полковникъ Савицкій; ужасно возмутившись, онъ отправился къ комиссару Наливкину и убѣдилъ его приказать полк. Б-ву—отъ имени Временнаго Правительства—прекратить военныя дѣйствія; полк. Б—въ обидѣлся и, черезъ нѣсколько дней, уѣхалъ со своими казаками, но арестованные большевики и захваченное имущество остались у коменданта крѣпости. Было вполнѣ ясно, что на гарнизонъ рейдъ Б-ва произвелъ сильное впечатлѣніе и, если бы ему не помѣшали, а наоборотъ — разрѣшили присоединить двѣ роты юнкеровъ къ его казакамъ, то *тогда* легко можно было бы разоружить мятежные полки даже безъ жертвъ.

Итакъ сторонники Временнаго Правительства, присягавшіе ему пока-

зали примѣръ повиновенія законному начальству и подчинились приказу комиссара Временнаго Правительства: не раздѣваясь по недѣлямъ, продолжали въ бездѣятельности валяться на полу столовой и канцеляріи школы, готовые, въ любой моментъ, по тревогѣ, занять свои мѣста на валахъ крѣпости или въ рядахъ вылазочнаго отряда.

Въ послѣднихъ числахъ сентября стали прибывать части отряда генерала Коровиченко, (военная экспедиція по назначенію Временнаго Правительства), а 3-го октября прибылъ и самъ ген. Коровиченко. Отрядъ состоялъ изъ (17?) Оренбургскаго казачьяго полка, четырехъ маршевыхъ эскадроновъ драгунъ и гусаръ, пулеметной роты изъ Ораніенбаума и двухъ бронированныхъ автомобилей.

Уже съ перваго дня пребыванія генерала Коровиченко въ Ташкентѣ выяснилось, что будучи присланъ Керенскимъ *для подавленія мятежа*, онъ недооцѣниваетъ событій. Всѣ участники борьбы полагали, что онъ немедленно прикажетъ мятежнымъ войскамъ сдать оружіе и, въ случаѣ неповиновенія, заставитъ ихъ повиноваться силой, также понимали и сами прибывшіе съ нимъ офицеры и солдаты, также понимали и трепетавшіе большевики. Генералъ Коровиченко думалъ иначе; онъ считалъ возможнымъ «уговорить» ихъ и даже «безъ разоруженія». Начался рядъ «роковыхъ» ошибокъ.

Несмотря на всѣ протесты, штабъ ген. Коровиченко расквартировалъ прибывшія съ нимъ войска такъ, что драгуны и гусары должны были жить рядомъ съ 2-мъ зап. стр. полкомъ, а казаки — рядомъ съ казармами 1-го полка, т. е. съ «мѣста въ карьеръ» давалась возможность пропаганды среди вновь прибывшихъ. Уже на второй день всѣ опасенія полностью подтвердились, и офицеры отряда заявили о неудобствѣ такого сосѣдства а также и о томъ, что среди ихъ людей уже кое-что «начинается»; но ген. Коровиченко все же полагался на силу «уговариванія» и... отпустилъ «ударниковъ»*) за ненадобностью — это была вторая ошибка.

Самъ ген. Коровиченко отправился съ визитомъ въ С. С. и Р. Депутатовъ, куда съѣхались члены со всего Туркестана, чтобы «осудить» незаконное сверженіе Краевого Совѣта; засѣдая *совмѣстно* съ захватчиками власти, наиболѣе умѣренные изъ нихъ, не найдя возможнымъ оставаться въ такомъ Совѣтѣ, постепенно разъѣхались. И вотъ, на этомъ Совѣтѣ, генералъ

*) Среди нихъ былъ хорунжій Грековъ (бѣлоголовый), участвовавшій въ партизанскихъ отрядахъ въ январѣ 1918 г. на Дону.

Коровиченко произносилъ большія рѣчи и спокойно выслушивалъ отъ «захватчиковъ власти» самыя возмутительныя вещи—это была третья ошибка.

Четвертой ошибкой являлось освобожденіе отъ обязанностей комиссара Наливкина, что ген. Коровиченко сдѣлалъ именемъ Временнаго Правительства. Единственный боевой старшій начальникъ полковникъ Р—въ, не соглашаясь съ методами Коровиченко, самъ отстранился за болѣзнью (дѣйствительной); помощникъ генерала Коровиченко по гражданскимъ дѣламъ (назначенный имъ) А. І. Дорреръ, состоявшій ранѣе областнымъ комиссаромъ Закаспійской области, также полагалъ, что уговоры безполезны и необходимо разоруженіе и арестъ членовъ Революціоннаго комитета, но не могъ переубѣдить генерала и самъ сталъ заниматься «уговариваніемъ».

Къ 14 октября положеніе защитниковъ власти въ крѣпости стало затруднительнымъ, — крѣпостная рота вела себя слишкомъ вызывающе, пулеметы и одно орудіе демонстративно были направлены противъ зданія школы; депутаты этой роты въ Совѣтѣ требовали суда надъ лицами, разоружившими ихъ караулъ 16 сентября и вскрывшими цейхгаузы съ оружіемъ... и т. д.

Послѣ долгихъ колебаній, генералъ Коровиченко отдалъ приказъ крѣпостной ротѣ сдать оружіе и, по неисполненіи приказа, распорядился роту обезоружить силой. Въ это время комендантомъ крѣпости (съ 3 октября) состоялъ уже полковникъ В. М. Бекъ, ранѣе бывшій Инсп. Инжен. Турк. Округа, а прежній комендантъ, капит. Г-нъ—и. д. начальника штаба крѣпости. Въ виду неповиновенія крѣпостной роты, было приказано обстрѣлять ея казарму во второмъ этажѣ пулеметами изъ двухъ броневиковъ, причемъ было сдѣлано по «двѣ очереди» по верхнимъ карнизамъ оконъ. Крѣпостники сдались, — убитыхъ и раненныхъ не было, хотя часть пуль попала въ потолки и стѣны казармы. Послѣ отбора завѣдомо невиновныхъ, остальныхъ приказано было оставить въ казармѣ подъ карауломъ (всѣ представители власти и защитники Врем. Пр-ства настаивали на отсылкѣ ихъ въ тюрьму). На другой день генералъ разрѣшилъ спеціальной депутаціи отъ Совѣта войти въ крѣпость и «убѣдиться», что никто не убитъ и не раненъ, но прибывшіе, увидѣвъ слѣды пуль, такъ «кликушествовали» по поводу того какіе «могли бы быть» несчастные случаи, что пришлось ихъ выпроводить изъ крѣпости. Въ мятежныхъ полкахъ, въ рабочей слободкѣ и въ городѣ генер. Коровиченко называли «звѣремъ» за то, что онъ разоружилъ роту; на случайно выходившихъ изъ крѣпости защитниковъ ея устраивалась охота....

Тѣмъ временемъ началось броженіе въ Оренбург. казачьемъ полку, пулеметная команда этого полка отказалась выполнить приказаніе своего начальства, и хотя была оставлена на свободѣ, но предана военному суду. Засѣданіе суда генер. Коровиченко приказалъ назначить въ крѣпости; составъ суда — шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ были кадровые офицеры (одинъ полковникъ); такъ какъ на этомъ судѣ допущены были рѣчи, въ которыхъ неповиновеніе восхвалялось, то судъ... «оправдалъ» всѣхъ обвиняемыхъ...

Драгуны и гусары настолько явно были уже заражены пропагандой, что стали опаснымъ элементомъ и генер. Коровиченко отпустилъ ихъ обратно въ Петроградъ, причемъ имъ пришлось дать хорошія деньги «на чай», чтобы только избавиться отъ нихъ. Броневые офицеры успѣли вытребовать себѣ смѣну и тоже уѣхали, — вновь прибывшіе броневики и большая часть казаковъ были вполнѣ надежны.

Между тѣмъ дѣйствія Совѣта и поведеніе мятежныхъ полковъ, убѣдившихся въ пассивности генерала Коровиченко стали настолько вызывающими, что, наконецъ, удалось убѣдить генерала въ необходимости немедленно разоружить полки и отобрать отъ нихъ оружіе и огнестрѣльные припасы, хранившіеся въ полковыхъ цейхгаузахъ.

23-го октября, на разсвѣтѣ, было начато движеніе къ полкамъ; 2-ой полкъ въ городѣ былъ разоруженъ отрядомъ изъ крѣпости весьма быстро; разоруженіе же 1-го полка поручено было ротѣ Военнаго Училища и казакамъ.

Тамъ дѣла складывались весьма плохо: мятежники успѣли передать винтовки рабочимъ*) находившихся по сосѣдству жел.-дор. мастерскихъ, и командовавшій тремя сотнями казаковъ войсковой старшина, долго не рѣшался пустить въ ходъ оружіе (приказано было разоружить безъ крови); когда же мятежники уже сами стали обстрѣливать казаковъ, было поздно приказывать: казаки сдали свои винтовки мятежникамъ. Посланные туда броневики съ трудомъ выбрались обратно, а юнкера училища должны были отступить. Начались правильныя военныя дѣйствія, — наши части въ городѣ, а противникъ въ завокзальной части (казармы 1-го полка, казачьи и мастерскія). Къ 27-му октября наступавшій отрядъ уже бралъ верхъ надъ противникомъ, но, по приказанію ген. Коровиченко, вынужденъ былъ согла-

*) Рабочихъ и разнаго сброда присоединилось къ 1-му полку свыше 3.000.

ситься на перемиріе, просимое противникомъ и генералъ приступилъ къ переговорамъ. Главная просьба противника заключалась въ томъ, чтобы отвести отрядъ отъ ключа позиціи (Куйлюкскій мостъ); не смотря на всѣ убѣжденія въ опасности такого шага, просьба эта была генераломъ исполнена, — онъ приказалъ отойти, а черезъ полчаса переговоры пришлось прервать, ибо большевики немедленно продвинулись черезъ мостъ и заняли часть города....

Начались бои въ самомъ городѣ. Вечеромъ 31-го октября защитники Врем. П-ва снова улучшили свое положеніе и съ утра (наконецъ то получили разрѣшеніе генерала) предполагалось начать артиллерійскій обстрѣлъ рабочей слободки и этимъ покончить съ большевиками, такъ какъ по имѣвшимся даннымъ развѣдки, послѣ этого обстрѣла, рабочіе сейчасъ же разсыпятся. Но къ вечеру прибыла на автомобиляхъ съ бѣлыми флагами, а на передовомъ — съ большимъ крестомъ изъ вокзальной церкви, депутація отъ рабочихъ во главѣ съ настоятелемъ вокзальной церкви. Депутація заявила, что «народъ» не хочетъ больше крови, надо найти пути къ примиренію и проч. Не смотря ни на какіе доводы, генералъ рѣшилъ заключить съ большевиками миръ. Обостренность отношеній въ отрядѣ, являющаяся результатомъ дѣйствій генер. Коровиченко, дошла до того, что офицеры заявили, что не подчинятся ему и выберутъ изъ своей среды командующаго. Тогда генер. Коровиченко сказалъ рѣчь, въ которой указалъ, что неповиновеніе ему, представителю временнаго правительства, равно измѣнѣ присягѣ и проч. Подчинились... раскрыли ворота крѣпости, и черезъ нѣсколько минутъ, всѣ офицеры за немногими исключеніями (успѣли скрыться) были арестованы. Коровиченко былъ первымъ отправленъ на крѣпостную гауптвахту, остальныхъ «погнали» подъ конвоемъ въ казармы 2-го полка.

О томъ, что было пережито тогда, говорить не приходится; сколько было защитниковъ власти Врем. Пр-ва тогда убито — неизвѣстно. Въ городѣ началась ловля офицеровъ и добровольцевъ; въ крѣпости было много лицъ разныхъ профессій, присоединившихся къ отряду въ концѣ октября, было много учащейся молодежи, воспитанниковъ кадетскаго корпуса. Между прочимъ въ эту ночь былъ убитъ (или застрѣлился) генералъ, георг. кавалеръ Мухинъ, къ которому пришли на квартиру (по болѣзни онъ не выходилъ изъ дому) съ требованіемъ отдать оружіе, генералъ отвѣтилъ пулями изъ революціонера.

Съ 1-го ноября большевики закрѣпили свою власть въ Ташкентѣ; въ

другихъ городахъ края имъ также не было оказано почти никакого сопротивленія, — наоборотъ, присылали даже помощь,—такъ напр., 2-го ноября, изъ крѣпости Кушки прибылъ отрядъ съ шестью орудіями подъ командой инженера полковника фонъ-Шульца (бывшаго и ранѣе комендантомъ Кушки) съ офицерами прапорщикомъ Пушкинымъ и другими. Этотъ отрядъ много содѣйствовалъ послѣдовавшимъ жестокостямъ.

При тюрьмѣ, куда перевели послѣ издѣвательствъ и побоевъ всѣхъ офицеровъ (кромѣ генер. Коровиченко, оставленнаго въ крѣпостной гауптвахтѣ на потѣху толпы—приходившихъ ежедневно спеціально для того, чтобы плюнуть сквозь рѣшетку въ «звѣря»; на шестой день его ранили штыкомъ и хотя, по требованію коменданта крѣпости унт. офиц. Якименко, была сдѣлана перевязка, но черезъ недѣлю его убили самымъ звѣрскимъ образомъ), учредили слѣдственную комиссію для разбора степени виновности арестованныхъ; комиссія состояла изъ большого числа солдатъ, — представителей отъ всѣхъ частей; въ составъ комиссіи удалось, на первыхъ порахъ, включить мѣстныхъ адвокатовъ Ф. Н. А—ва и Ш—на, которые содѣйствовали освобожденію многихъ офицеровъ. Благодаря отзывчивости мѣстныхъ жителей и энергіи нѣсколькихъ лицъ (г-жа М. И—ва и друг.), удалось многихъ освобожденныхъ и скрывшихся добровольцевъ переодѣть въ штатское платье, снабдить на дорогу деньгами и отправить по разнымъ дорогамъ изъ Ташкента.*)

Скрывшіеся офицеры и часть интеллигенціи пытались организовать сопротивленіе путемъ созданія въ Кокандѣ Автономнаго Туркестанскаго Правительства съ помощью туземцевъ-сартовъ и имъ удалось, по всѣмъ городамъ края организовать массовыя демонстраціи противъ захватчиковъ (мирныя манифестаціи).

Въ городѣ Ташкентѣ такая манифестація состоялась 13 декабря, участвовало свыше 150 тысячъ сартовъ, прошедшихъ черезъ весь русскій Ташкентъ; большевики сначала объявили, что не допустятъ манифестантовъ въ русскій городъ, но, убѣдившись въ мощности движенія, — разрѣшили; примкнувшіе къ манифестантамъ русскіе потребовали выпуска изъ тюрьмы арестованныхъ офицеровъ, при чемъ большевики вынуждены были согласиться и на это. Освобожденныхъ съ тріумфомъ повезли на взятыхъ безъ сопротивленія у большевиковъ автомобиляхъ; генерала Смир-

*) Два юнкера и одинъ кадетъ были въ январѣ 1918 г. въ рядахъ добровольцевъ въ Ростовѣ.

ницкаго посадили верхомъ на лошадь и... вмѣсто немедленнаго движенія въ туземный городъ, гдѣ можно было укрыть освобожденныхъ, отправились «говорить рѣчи» къ городской Думѣ и т. п., — это было около четырехъ часовъ дня. Туземцы, съ утра ничего не ѣвшіе, въ прежнемъ порядкѣ направились въ старый городъ; кругомъ освобожденныхъ и примкнувшихъ къ манифестаціи русскихъ, оставалось не болѣе пятисотъ туземцевъ, когда послышались тревожные гудки въ мастерскихъ; пришлось наскоро закончить рѣчи и съ поспѣшностью двигаться къ туземному городу. Но у выхода, — въ зданіи управленія запасной бригады, уже засѣли большевики съ пулеметами, изъ которыхъ и открыли огонь по колоннѣ манифестантовъ. Генералъ Смирницкій и еще нѣсколько русскихъ и, до ста пятидесяти сартовъ, были убиты или утонули въ рѣкѣ на границѣ русскаго города, большая же часть офицеровъ успѣла скрыться, а восемь человѣкъ, въ томъ числѣ полковникъ Бекъ, генералъ Кіяшко, прис. повѣр. Дружкинъ, графъ Дорреръ были захвачены, отвезены въ крѣпость и тамъ зарублены шашками. По всему городу начались аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ организаціи манифестаціи.

Черезъ сутки, 15 декабря, капит. Г—ну удалось переодѣтымъ скрыться изъ Ташкента и выѣхать по грунтовымъ дорогамъ черезъ Пскентъ и Ходжентъ въ Кокандъ, гдѣ предполагалось найти членовъ Туркестанскаго Правительства, но въ тотъ же день, по полученіи извѣстія, что въ Кокандъ ѣдетъ карательная экспедиція съ пор. Перфильевымъ во главѣ, члены Правительства стали сами скрываться. Пришлось покинуть Кокандъ и капит. Г—нъ, вмѣстѣ съ бѣжавшимъ ранѣе изъ Ташкента прис. пов. Ш—мъ, были провезены скрытно проводникомъ вагона до Самарканда, а затѣмъ до Асхабада, гдѣ нашли прис. повѣр. А—ва.

Въ Асхабадѣ предполагалось организовать что либо съ туркменами, но это не удалось, и тогда кап. Г—нъ, по порученію члена Кокандскаго Правительства А—ва, поѣхалъ искать помощи на Кавказѣ.

Въ Терской и Кубанской областяхъ ни о какой помощи не могло быть и рѣчи, т. к. тамъ сами еще не знали, что дѣлать, — пришлось искать помощи дальше на Дону, гдѣ, какъ говорили на Кубани, уже имѣется организація, возглавляемая генераломъ Алексѣевымъ.

9-го января 1918 г. кап. Г—нъ прибылъ въ Новочеркасскъ и, въ тотъ же день, былъ принятъ генераломъ, который, выслушавъ подробный док-

ладъ о вышеизложенномъ, сказалъ, что будетъ сдѣлано все возможное для спасенія Туркестана.

Подробный варіантъ доклада кап. Г-на генералу М. В. Алексѣеву.

9 января капитанъ Г—нъ явился къ генералу Алексѣеву, который принялъ его въ маленькомъ кабинетѣ дома *** въ Новочеркасскѣ. Генералъ съ живѣйщимъ интересомъ выслушалъ подробный докладъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Туркестанѣ, задалъ докладчику много вопросовъ о противо-большевистской организаціи въ Ташкентѣ, о количествѣ снаряженія и боевыхъ припасахъ, оставшихся въ Туркестанскомъ округѣ (Ташкентъ и кр. Кушка), о численности и качествахъ людей, пригодныхъ для борьбы съ большевиками, разспрашивалъ объ отношеніи къ большевизму туземцевъ (сартовъ, киргизъ и туркменъ), о составѣ большевистскихъ частей, объ офицерахъ, оставшихся на службѣ у большевиковъ. Узнавъ отъ докладчика, что среди большевиковъ въ Туркестанѣ имѣются германскіе руководители, генералъ промолвилъ: «иначе и быть не могло, все отъ нихъ».

Поблагодаривъ докладчика, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что будетъ сдѣлано все возможное для помощи Туркестану и назначилъ докладчика въ распоряженіе начальника военно-полит. отдѣла полковника ген. штаба Лисового. Послѣ обсужденія вопроса, докладчику было поручено съ помощью двухъ младшихъ офицеровъ (тоже туркестанцевъ), разработать планъ организаціи освобожденія Туркестана съ тѣмъ, чтобы по утвержденіи его, выѣхать въ Туркестанъ.

Однако дальнѣйшія событія на Дону, какъ было выше изложено, не дали возможности привести въ исполненіе желанія генерала Алексѣева и Туркестану тогда помочь не пришлось.

Ф. Гнѣсинъ.

Ростовъ н/Д.
18 мая 1918 года.

III.

БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

ЗАСѢДАНІЕ

Политическаго Совѣщанія Добровольческой Арміи 15 января 1918 г.*)

...Событія между тѣмъ шли своимъ чередомъ: большевистское кольцо съужалось все болѣе и болѣе, притокъ добровольцевъ сократился до минимума (15 — 20 челов. въ день) и, конечно, не въ состояніи былъ покрыть естественной убыли въ рядахъ добровольцевъ; въ таблицѣ моральнаго состоянія казачьихъ частей**) отдѣлы «ненадежныхъ» и «малонадежныхъ» пополнялись новыми войсковыми частями и абсолютная цифра ихъ росла не по днямъ, а по часамъ, — графа «надежныхъ» этой же таблицы соотвѣтственно и также быстро сокращалась.

Къ 15 января окончательно выяснилось, что почти вся тяжесть обороны легла на плечи Добровольческой Арміи; къ этому времени большевики, оттѣснивъ партизанъ, заняли ст. Лихую-Звѣрево; Таганрогъ, горящій извнутри большевистскимъ пламенемъ, былъ также подъ непосредственной угрозой захвата его большевиками, еле сдерживаемыхъ небольшимъ отрядомъ добровольцевъ; въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ почти открыто засѣдали Совѣты Рабочихъ Депутатовъ и выносили большевистскія резолюціи; на югѣ вновь зашевелились распропагандированныя части 39 пѣх. дивизіи, и, наконецъ, въ довершеніе, всего окончательно выяснилось, что на помощь чехо-словаковъ нѣтъ никакой надежды: всѣ отправляемыя профессору Массарику письма, оставлялись безъ отвѣта; послѣднее же письмо, генер. Алексѣева, отправленное въ Кіевъ на имя французскаго представителя съ просьбой оказать вліяніе на профессора Массарика въ смыслѣ подачи скорѣйшей помощи Добровольческой Арміи — не дошло до назначенія: женщина-прапорщикъ, которой было поручено отвезти письмо, въ пути была арестована большеви-

---

*) Отрывокъ изъ готовящейся къ печати книги Я. М. Лисового «Матеріалы по исторіи Добровольческой Арміи первыхъ дней».

**) Полевой Штабъ Донской Арміи разработалъ особую таблицу «моральнаго состоянія казачьихъ войскъ», въ которой всѣ казачьи части были разбиты на слѣдующіе отдѣлы: 1) надежныхъ, 2) малонадежныхъ и 3) ненадежныхъ.

ками и... разстрѣляна, — письмо же было опубликовано въ совѣтской печати и конечно съ соотвѣтствующими большевистскими варіантами.

Какъ ни было тяжело и горько, но приходилось сознаваться въ своемъ безсиліи...

Утромъ, 15 января, я былъ вызванъ въ Атаманскій дворецъ, гдѣ Атаманъ просилъ меня передать генералу Алексѣеву его просьбу о назначеніи экстреннаго засѣданія Политическаго Совѣщанія, прибавивъ, что онъ предполагаетъ сдѣлать докладъ о положеніи дѣлъ въ Донской Области.

Генералъ Алексѣевъ съ величайшей готовностью откликнулся на просьбу Атамана и немедленно сдѣлалъ рядъ распоряженій о назначеніи засѣданія на вечеръ того же дня.

Къ 8 час. вечера въ залъ Политическаго Совѣщанія, въ такъ называемомъ «домѣ съ буквой И», собрались всѣ члены Совѣщанія, за исключеніемъ Савинкова и Вендзягольскаго, которые незадолго передъ этимъ получили командировки: Савинковъ — въ Москву, а Вендзягольскій въ Кіевъ.

Вскорѣ пришелъ и Донской Атаманъ.

Всѣ члены Совѣщанія заняли мѣста и генералъ Алексѣевъ открылъ засѣданіе, предоставивъ слово Атаману.

Тихимъ, по обыкновенію, голосомъ, смотря куда-то въ сторону, генералъ Калединъ началъ свой докладъ, детально обрисовывая ту тяжелую политическую и военную обстановку, въ которой находилась Донская Область: «такимъ образомъ, насъ постепенно, но вѣрно окружаютъ со всѣхъ сторонъ и... выхода нѣтъ никакого, надѣяться не на кого, абсолютно не на кого, кромѣ, какъ на самихъ себя» — закончилъ Атаманъ свою пятнадцатиминутную рѣчь.

Послѣ Атамана говорилъ М. П. Богаевскій: — «я буду кратокъ, — сказалъ онъ, — мы отлично знаемъ Вашу готовность помочь намъ, но мы также знаемъ, что Вы сами бѣдны и не объ этой помощи мы собираемся просить; но, быть можетъ Вамъ, людямъ государственнаго ума и практическаго опыта, со стороны виднѣе какой нибудь выходъ изъ этого положенія, выходъ — который, мы или упустили или не замѣчаемъ и который можетъ еще, если и не спасти, то поправить общее положеніе».

Заговорилъ П. М. Агеевъ; анализируя всѣ происходящія въ Россіи событія съ точки зрѣнія «какого то особеннаго, можетъ быть непонятнаго

для современниковъ» психологическаго процесса, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «кто его знаетъ — почему такъ выходитъ? или мы не умѣемъ, или мы не понимаемъ, или же мы дѣйствительно не правы, но только насъ не слушаютъ и мы... безсильны», — закончилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, и ударивъ по столу рукой, всталъ и началъ нервно ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и низко опустивъ голову.

Генералъ Алексѣевъ склонившись надъ столомъ, по обыкновенію, что то отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой тихо перешептывались; Атаманъ застылъ въ свой унылой позѣ; Агеевъ безъ конца ходилъ изъ угла въ уголъ; Н. Е. Парамоновъ мрачно насупившись и глубоко втянувъ голову въ плечи , казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, — остальные члены Совѣщанія также молчали...

За стѣной раздавался вой вѣтра и мокрый обледѣнѣлый снѣгъ, какъ песокъ , хлесталъ въ стекла оконъ; изрѣдка глухо доносились одиночные ружейные выстрѣлы и надоѣдливо монотонно такала въ сосѣдней комнатѣ пишущая машинка...

Чувствовалась общая недоговоренность,... всѣ чего то ждали о чемъ то думали...

И, вдругъ, среди общаго тяжелаго молчанія, внезапно раздался спокойный и твердый голосъ: «я прошу слова Михаилъ Васильевичъ»! — всѣ повернули головы въ сторону говорившаго — это былъ П. Н. Милюковъ.

Смотря черезъ столъ въ сторону сидѣвшихъ рядомъ Атамана и М. П. Богаевскаго, — П. Н. Милюковъ спокойно началъ излагать свое мнѣніе; на лицѣ его скользила, такъ знакомая всѣмъ, еле уловимая улыбка; онъ вполнѣ соглашался съ тяжестью фактовъ, но останавливался не на нихъ, а на причинахъ ихъ породившихъ; логически развивая далѣе свою мысль,онъ безпощадно, шагъ за шагомъ, разобралъ всѣ дѣйствія Войскового Правительства, рѣзко подчеркнулъ всѣ ихъ ошибки и, какъ выводъ изъ всего этого, указалъ, что нынѣшнее тяжелое положеніе является результатомъ именно этого ряда ошибокъ и, что Правительству не на кого плакаться и не на кого жаловаться, а нужно винить прежде всего самихъ себя.

Уже нѣсколько минутъ Атаманъ тяжелымъ взглядомъ мѣрялъ говорившаго П. Н. Милюкова и, когда послѣдній окончилъ, отвѣтилъ ему тихо и медленно, какъ бы съ трудомъ подбирая слова: «мы не за критикой сюда пришли, Павелъ Николаевичъ, и ни въ чьей критикѣ не нуждаемся; критиковать свободнымъ и безотвѣтственнымъ людямъ легче всего. Необходимо

искать выхода, если еще есть какой нибудь выходъ , а критика... Богъ съ ней.. теперь не время и не мѣсто»,—закончилъ Атаманъ вставая и направляясь къ выходу.

Создалось крайне неловкое положеніе, но на помощь поспѣшилъ генералъ Алексѣевъ.

Держа въ лѣвой рукѣ книжку, а въ правой карандашъ, онъ остановилъ выходящаго Атамана и началъ мягкимъ голосомъ излагать свое мнѣніе; признавая въ общемъ тяжелое положеніе, генералъ Алексѣевъ указалъ, что не все еще потеряно, что пока не испробованы всѣ средства нужно бороться до конца, а если станетъ очевиднымъ, что борьба не по силамъ — «ну что жъ и это не такъ ужъ плохо: мы тогда уйдемъ къ Саратову или куда нибудь за Волгу и тамъ соберемся съ силами для новой борьбы — Добровольческая Армія готова и къ этому»...

По мѣрѣ рѣчи генерала Алексѣева на лицѣ Атамана все болѣе и болѣе отражались признаки крайняго изумленія — «извините, Михаилъ Васильевичъ — перебилъ онъ генерала Алексѣева, — но для меня это большая новость, что Добровольческая Армія собирается куда то уходить изъ Донской Области и что она даже уже готова къ этому,—до сихъ поръ я думалъ, что судьбы наши тѣсно переплетены: оказывается это не такъ»...

Генералъ Алексѣевъ безпокойно задвигался на стулѣ: «Вы меня не поняли, Алексѣй Максимовичъ, — уходъ нашъ является крайнимъ средствомъ и только послѣ безъисходной борьбы»...

На эту тему продолжался общій разговоръ еще нѣкоторое время, послѣ чего Атаманъ, пожавъ руку генералу Алексѣеву и сдѣлавъ общій поклонъ присутствующимъ, вышелъ изъ зала... забывъ захватить папаху.

Я нагналъ Атамана почти въ передней и вручилъ ему забытую папаху; поблагодаривъ меня, онъ грустно сказалъ: «вотъ Вы собираетесь уходить куда то, а я, Донской Атаманъ, я ничего не знаю объ этомъ».

Мы стояли у открытой на улицу двери: ворвавшійся рѣзкій вѣтеръ засыпалъ насъ снѣжной порошей.

«Ваше Высокопревосходительство»... началъ было я, но Атаманъ нетерпѣливо махнулъ рукой и пожавъ мнѣ руку ,вышелъ... Въ полумракѣ снѣжной пустынной площади постепенно исчезалъ сгорбленный силуетъ Донского Атамана...

Чтобы понять происшедшій между Атаманомъ и генераломъ Алексѣевымъ инцидентъ, необходимо вернуться къ событіямъ первыхъ дней января.

Однажды въ началѣ января, придя къ Атаману съ обычнымъ военно-политическимъ докладомъ, я получилъ отъ него для передачи генераламъ Алексѣеву и Корнилову вышеупомянутую таблицу «моральнаго состоянія округовъ и казачьихъ частей»; при этомъ Атаманъ сказалъ слѣдующее: «пожалуйста, передайте Михаилу Васильевичу, чтобы Штабъ оріентировалъ меня самымъ подробнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ какъ Вы ушли отъ меня, я не знаю, что дѣлается у Васъ въ организаціи, а вѣдь мнѣ нужно знать все до мелочей. Я отъ Васъ никакихъ секретовъ, никакихъ тайнъ не имѣю — зачѣмъ же отъ меня скрываютъ»!—неожиданно рѣзко закончилъ Атаманъ.

Я доложилъ, что мнѣ опредѣленно извѣстно, что никакихъ секретовъ у генерала Алексѣева отъ Донского Атамана нѣтъ, и что...

«Но у меня, до сихъ поръ, нѣтъ ни схемы Вашего управленія, ни численности войскъ, ни Вашего плана дѣйствій — перебилъ меня Атаманъ — пожалуйста передайте, что я прошу прислать все это мнѣ немедленно, повторяю: у насъ тайнъ не должно быть другъ отъ друга», закончилъ Атаманъ, отпуская меня.

Конечно, никто не думалъ скрывать что либо отъ Атамана — просто на просто это былъ хотя и досадный, но совершенно случайный промахъ Штаба Добровольческой Арміи, который находился въ періодѣ лихорадочной организаціи и, по просту, упустилъ изъ виду это обстоятельство. Это станетъ еще болѣе понятнымъ, если добавить, что и генералъ Алексѣевъ также не располагалъ этими данными и мнѣ пришлось за ними отправиться въ Штабъ генерала Корнилова.

Просимая схема собственноручно была начерчена генераломъ Романовскимъ и въ копіяхъ передана какъ генералу Алексѣеву, такъ и Донскому Атаману.

Вотъ почему слова генерала Алексѣева на засѣданіи политическаго совѣщанія 15 января, что Добровольческая Армія готова къ уходу куда нибудь къ Саратову или за Волгу — ошибочно создали у Атамана представленіе о какомъ то вполнѣ разработанномъ планѣ самостоятельнаго и при томъ скрытнаго ухода Добровольческой Арміи изъ предѣловъ Донской Области — чего въ дѣйствительности не было.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что ни этотъ инцидентъ, ни тяжелая обстановка, ни вообще различныя недоразумѣнія естественно вытекавшія изъ общаго хода тяжелыхъ событій того времени, нисколько не нарушили теплыхъ и дружественныхъ отношеній между двумя Вождями...

ДОКЛАДЪ

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга Россіи
о положеніи дѣлъ
на Западномъ фронтѣ вообще
и объ арміи полк. Бермонта Авалова въ частности
къ 15 октября 1919 года.

Помѣщая, нашумѣвшій въ свое время докладъ, необходимо въ цѣляхъ выясненія и условій его появленія на Дону и освѣщенія личности Бермонта Авалова сдѣлать небольшую предпосылку изъ другихъ источниковъ.

1.

ПРИБЫТІЕ ДЕЛЕГАЦІИ ИЗЪ АРМІИ БЕРМОНТА АВАЛОВА.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Кіевъ на аэропланѣ прилетѣли изъ арміи Бермонта Авалова полковникъ Ф. и прапорщикъ М.

Явившись къ генералу А. Драгомирову и изложивъ ему суть доклада, а также словесную просьбу Бермонта Авалова о признаніи его генераломъ Деникинымъ съ сохраненіемъ за нимъ самостоятельности въ управленіи, — делегаты просили предоставить имъ возможность проѣзда въ Донскую Область.

Пріѣхавъ на Донъ, делегаты явились въ Ставку и просили о пріемѣ ихъ Главнокомандующимъ, но послѣ того, какъ они изложили цѣль своего прибытія, имъ въ пріемѣ было отказано.

Послѣ долгихъ и настойчивыхъ просьбъ, ихъ принялъ генералъ Романовскій и предложилъ имъ подать письменный докладъ.

Между тѣмъ прибытіе делегатовъ стало извѣстнымъ въ городѣ и вызвало разнорѣчивые толки и всеобщій интересъ, главнымъ образомъ среди общественныхъ и политическихъ дѣятелей. (Объ успѣхахъ Добр. Арміи начали уже носиться зловѣщіе толки).

КЪ ДОКЛАДУ

о положенiи дѣлъ на Западномъ фронтѣ и въ армiи Бермонта Авалова

Среди послѣднихъ были Н. В. Фенинъ и В. А. Степановъ (оба нынѣ умершіе), обратившіеся ко мнѣ съ просьбой — сообщить имъ, — что извѣстно мнѣ по этому вопросу. Какъ разъ, наканунѣ, одинъ изъ делегатовъ былъ у меня и передалъ мнѣ копію этого доклада и всѣ фотографіи для напечатанія въ газетѣ.

Нечего и говорить, что по условіямъ момента, это было совершенно невозможно и единственно что я могъ сдѣлать — это передать означенный докладъ, въ копіяхъ, упомянутымъ выше обществ. политическимъ дѣятелямъ, со своей объяснительной запиской по этому вопросу.

Этотъ докладъ, вмѣстѣ съ моей объяснительной запиской, какъ я узналъ впослѣдствіи, подверглись частному обсужденію Особаго Совѣщанія на квартирѣ у одного изъ членовъ, кажется Н. И. Астрова.

Спустя два-три дня, изъ политическаго отдѣла генерала Врангеля, ко мнѣ явился нѣкій развязнаго вида капитанъ и отъ имени — сперва Начальника Штаба генер. Шатилова, а потомъ и генер. Врангеля «потребовалъ» передачи ему извѣстнаго доклада, который по свѣдѣніямъ контръ-развѣдки арміи генер. Врангеля находится у меня.

Такъ какъ никакихъ документовъ оправдывающихъ цѣль его посѣщенія не было, то я отказался вести съ нимъ разговоръ на эту тему.

Въ тотъ же день я былъ приглашенъ въ Политич. Отд. генер. Врангеля (Ростовъ, Почтовый пер. № ?), гдѣ уже лично Н-мъ полит. отд. было мнѣ предъявлено аналогичное требованіе и на мое заявленіе — что этого доклада у меня нѣтъ — мнѣ было предложено подписать соотвѣтствующую «бумажку».

Впослѣдствіи неоднократно ко мнѣ обращались многія лица, интересовавшіеся означеннымъ докладомъ. Я. Л.

II.

ЛИЧНОСТЬ БЕРМОНТА АВАЛОВА ПО ПИСЬМУ ОФИЦЕРА ЕГО АРМІИ

... Я волею судебъ былъ участникомъ Кіевскихъ событій при гетманѣ Скоропадскомъ и послѣ печальнаго исхода былъ вывезенъ изъ Кіева въ Германію съ эшелономъ № 4.

Когда нашъ поѣздъ шелъ по территоріи занятой петлюровцами, никто изъ насъ никого не зналъ, а если кто и зналъ, то старался не называть чиновъ

и фамилій, что бы не подвергнуть никого опасности, ибо петлюровцы страшно придирались къ намъ на каждой станціи, нерѣдко угрожая.

Но какъ только мы попали въ раіонъ окупированный нѣмецкими войсками (онъ начинался со ст. «Голобы»), то начали показываться среди насъ и власти. Первымъ появился нѣкто Бермонтъ; не знаю какимъ образомъ, но онъ немедленно сдѣлался комендантомъ нашего эшелона; ходилъ онъ въ формѣ полковника съ трехцвѣтнымъ угломъ на рукавѣ и громко заявлялъ, что онъ представитель генерала Деникина.

Помню на одной изъ станцій произошелъ какой то инцидентъ между нимъ и какимъ то прапорщикомъ; Бермонтъ разговаривалъ очень повышеннымъ тономъ и заявилъ, что по пріѣздѣ въ Добровольческую Армію, онъ доложитъ о происшедшемъ въ Штабѣ генерала Деникина.

Всѣ мы, мелкія сошки, конечно ничего не знали, и только, видя представителя генерала Деникина, радовались возможности попасть въ Добровольческую Армію.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ Германію и насъ помѣстили въ лагерѣ военно-плѣнныхъ Salzwedel; это было въ первой половинѣ февраля 1919 года. Начальникомъ лагеря былъ генералъ-лейтенантъ (фамилію его не помню, но знаю, что онъ живетъ въ Парижѣ), а комендантомъ былъ полковникъ Бермонтъ; онъ былъ очень энергиченъ, все время бѣгалъ и наводилъ порядки.

Такъ какъ въ лагерѣ была самая разношерстная публика и, безусловно, было много самозванцевъ, то по постановленію штабъ-офицеровъ рѣшено было произвести регистрацію всѣхъ лицъ, находившихся въ лагерѣ. Былъ назначенъ день и часъ, когда всѣ офицеры должны были представить имѣющіеся у нихъ документы или же указать лицъ, по возможности изъ штабъ офицеровъ, которые бы могли засвидѣтельствовать ихъ личность; гражданскія лица должны были представить документы.

И представьте, какая драма — у коменданта лагеря, т.е. у полк. Бермонта не оказалось никакихъ документовъ и никто его не зналъ. Этотъ фактъ старались замолчать, но Бермонтъ въ 24 минуты исчезъ изъ лагеря.

Летѣли дни за днями, а мы не получали никакихъ назначеній и насъ никуда не отправляли.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, приблизительно въ серединѣ марта

мѣсяца по лагерю пронесся слухъ, что полк. Бермонтъ формируетъ пулеметный отрядъ имени графа Келлера и приглашаетъ всѣхъ желающихъ записываться; указывалась комната гдѣ можно было записаться, назначены были завѣдующіе офицеры и объявлено, что раіономъ дѣйствій этого отряда будетъ Прибалтика (Латвія).

Вскорѣ прежній начальникъ лагеря генералъ-лейтенантъ ? уѣхалъ, а его мѣсто занялъ полковникъ М-въ, служившій впослѣдствіи также въ арміи Бермонта Авалова.

Между тѣмъ Бермонтовская вербовка расширялась; я называю это вербовкой потому, что тамъ все было основано лишь на деньгахъ и обѣщаніяхъ.

Черезъ двѣ три недѣли образовалась уже порядочная группа, появилась оффиціальная канцелярія съ громкой надписью на дверяхъ и записавшіеся начали носить погоны съ буквой «К» и нашили на гимнастеркахъ крестъ.

Самъ Бермонтъ часто привѣтствовалъ ихъ телеграммами и обѣщалъ снабдить крупной суммой денегъ. Иногда онъ пріѣзжалъ и лично, бесѣдовалъ съ записавшимися и устраивалъ для нихъ вечеринки.

Такимъ образомъ въ лагерѣ образовались двѣ группы: Бермонтовцевъ и совершенно пока свободныхъ людей.

Въ это время въ газетѣ, «Общее Дѣло», появилось воззваніе генерала Миллера къ офицерамъ Великой Нашей Арміи.

Однажды, вскорѣ послѣ этого воззванія, въ лагерь пріѣзжаетъ Бермонтъ Аваловъ и прглашаетъ всѣхъ офицеровъ собраться въ столовой. Здѣсь онъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ говорилъ о долгѣ каждаго русскаго офицера передъ Родиной и, что онъ хотя и не отговариваетъ никого ѣхать въ Англію, но всѣ должны ѣхать съ нимъ, въ Прибалтику, и что онъ не представляетъ себѣ возможности похода на Петроградъ, ничего не сдѣлавъ въ Прибалтикѣ и т. д.

Вербовка все продолжалась; кромѣ офицеровъ начали вербовать и нижнихъ чиновъ изъ военно-плѣнныхъ, жившихъ по сосѣдству съ нами и страшно распропагандированныхъ большевиками.

Наступилъ моментъ отправки этого отряда въ Прибалтику; почему то нижніе чины отправлялись изъ лагеря тайно и по ночамъ.

Вскорѣ затѣмъ и я уѣхалъ въ Англію, а оттуда на Мурманъ къ генералу Миллеру...

Поручикъ С. Дмитріевъ.

III.

ДОКЛАДЪ

1-го февраля 1919 года я получилъ предписанiе отъ Начальника части Генеральнаго Штаба Венно-Морского Отдѣла за № 10816, о прикомандированiи меня къ миссiи А. И. Г-ва, отправлявшейся въ Западную Европу съ цѣлью выясненiя положенiя въ Германiи нашихъ военно-плѣнныхъ и возможной эвакуацiи ихъ.

Положенiе въ то время обрисовывалось слѣдующимъ образомъ: Западный Край былъ очищенъ оккупировавшими его германскими частями. На всемъ западѣ существовали лишь двѣ противобольшевистскiя русскiя организацiи: одна, базировавшаяся на Ревель (отряды Балаховича и Родзянко) и другая —на Либаву (отрядъ свѣтл. кн. Ливена). Такъ какъ, конечно, о массовой эвакуацiи нашихъ военно-плѣнныхъ, значительно зараженныхъ большевизмомъ, разговора быть не могло, то дѣло шло объ извлеченiи изъ ихъ среды благонадежной части и укомплектованiя ими частей западнаго фронта. Свѣдѣнiя, имѣвшiяся въ то время, указывали на возможность полученiя большого числа добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ и потому предполагалось сформированiе сильной армiи на западѣ Россiи. А посему миссiя А. И. Г-ва (къ ней было прикомандировано всего 6 офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ В.) должна была направиться въ Парижъ и Лондонъ съ цѣлью исходатайствовать передъ нашими Союзниками помощь въ формированiи, какъ финансовую, такъ и вооруженiемъ и просить ихъ оказать давленiе на Германiю, дабы она не препятствовала эвакуацiи и формированiю. Имѣлось въ виду предположенiе, что Союзники будутъ содѣйствовать полученiю снаряженiя отъ Германiи изъ числа того, которое она обязана была выдать по условiямъ перемирiя.

По прибытiи въ Одессу, миссiя, несмотря на всю спѣшность дѣла, была задержана на двѣ недѣли, такъ какъ французы не давали ей разрѣшенiе на въѣздъ во Францiю Въ виду этого А И. Г-въ нашелъ нужнымъ командировать непосредственно въ Берлинъ 3 офицеровъ: капитана Н., поручика К. и меня, для немедленнаго выясненiя положенiя въ Германiи, доставленiя ему въ Парижъ доклада, а также для ряда предварительныхъ работъ. Послѣ

24-дневнаго путешествія, благодаря безконечнымъ промежуточнымъ визамъ и разстроенному транспорту, мы прибыли въ Берлинъ.

А. И. Г-въ прибылъ въ Берлинъ только въ концѣ іюля. Оказалось, что миссія въ Парижѣ столкнулась съ безконечнымъ количествомъ препятствій, а послѣ почти такой же неудачи въ Лондонѣ, — пришлось оставить мысль о созданіи *сильнаго западнаго фронта*.

Но благодаря въ значительной степени вліянію А. И. Г-ва на правительственные круги Англіи (Черчиль), была оказана нѣкоторая поддержка Арміи генерала Юденича. Вся работа, такимъ образомъ, свелась къ поддержкѣ уже существующихъ частей.

Миссія А. И. Г-ва распалась и разъѣхалась еще въ Парижѣ и у него остался только мичманъ А.

Положеніе военно-плѣнныхъ въ Германіи, ко времени пріѣзда нашего въ Берлинъ, было слѣдуюшее. Въ Германіи находилось еще около 350.000 военно-плѣнныхъ — частью, содержавшихся въ удовлетворительномъ состояніи въ лагеряхъ, частью, находившихся на частныхъ работахъ. Офицеровъ было сравнительно немного — около 4.000, настроенныхъ довольно пассивно. Кромѣ этого, въ нѣсколькихъ лагеряхъ, находились около 3.000, офицеровъ и солдатъ, преимущественно, вывезенныхъ нѣмцами изъ Украины, послѣ занятія ея Петлюрой и большевиками. При эвакуаціи ихъ изъ Украины нѣмцы имъ обѣщали, что они будутъ доставлены во Францію, откуда смогутъ проѣхать въ Добровольческую Армію. Но по прибытіи ихъ въ Германію выяснилось, что Франція отказалась пропустить ихъ черезъ свою территорію. Офицеры эти, пережившіе всю трагедію большевизма и самостійности, особенно нервничали и рвались на фронтъ, возмущаясь, почему ихъ не отправляютъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Германію, Союзниками была сдѣлана попытка эвакуировать изъ Германіи въ Россію всѣхъ военно-плѣнныхъ, что привело бы къ отправкѣ подавляющаго большинства ихъ въ Совдепію, но эта попытка была, къ счастію, своевременно оставлена.

Между тѣмъ солдаты, военно-плѣнные, были дѣйствительно частью настроены большевистски, но большевизмъ былъ не глубокъ и объяснялся съ одной стороны — агитаціей, которая велась спартаковцами и русскими большевиками, а съ другой — четырьмя годами плѣна. Противоположной агитаціей можно было достигнуть многаго и факты доказываютъ, что одно удаленіе комитета лагеря измѣняло сразу настроеніе. Но планъ привлече-

нія военно-плѣнныхъ солдатъ къ борьбѣ съ большевиками, былъ встрѣченъ русской военной миссіей въ Берлинѣ отрицательно, такъ какъ военно-плѣнныхъ считали элементомъ абсолютно непригоднымъ. Ошибочность такого взгляда доказали послѣдніе бои подъ Ригой, гдѣ по отзывамъ всего командного состава военно-плѣнныхъ, солдаты выявили себя съ самой блестящей стороны, являя примѣры, какъ боевой доблести, такъ и образцовой дисциплины.

А посему едва-ли представляется правильнымъ явно враждебное отношеніе русской военной миссіи къ созданію западнаго фронта, а особенно, прямое запрещеніе отдѣльнымъ офицерамъ поѣздки на фронть въ русскій отрядъ свѣтл. кн. Ливена.

Среди вывезенныхъ изъ Украины офицеровъ, томившихся уже три мѣсяца въ бездѣліи въ лагеряхъ, безъ всякихъ средствъ, нѣкоторыми лицами была проявлена энергія: они объединили вокругъ себя группы офицеровъ и солдатъ и формировали изъ нихъ отряды, готовые немедленно выступить на фронтъ, совершенно не предрѣшая на какой именно фронтъ они должны будутъ выступить. Наиболѣе крупныя части собрались вокругъ полковника Бермонта — князя Авалова, полковника Выргопича (нынѣ командиръ 2-го Корпуса Западной Арміи) и полковника Соболевскаго (командиръ полка Корпуса свѣтл. кн. Ливена, нынѣ Сѣверо-Западной Арміи). Такъ былъ сформированъ составъ нѣсколькихъ ротъ, батарей и эскадроновъ, въ данное время существующихъ въ дѣйствительности.

Считаю долгомъ доложить, что узнавъ о прибытіи нашемъ изъ Добровольческой Арміи, очень многіе офицеры являлись къ намъ за справками относительно ихъ отправки, спрашивая, не забыла ли ихъ Добровольческая Армія. Мы сообщали имъ о миссіи А. И. Г-ва и о томъ, что ожидаются лишь благопріятныя инструкціи изъ Парижа.

Когда же изъ Парижа пришло извѣстіе о томъ, что миссія потерпѣла неудачу, то въ виду полнаго отсутствія связи съ Парижемъ и невозможности ее установить, капитанъ Н. рѣшилъ *до прибытія А. И. Г-ва* дѣйствовать самостоятельно.

Положеніе на западѣ Россіи къ этому времени представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Русская Сѣверная Армія, послѣ пораженія подъ Псковомъ, отступила частью на Ревель, частью на Ригу. Рига была неожиданно оставлена нѣмцами. Союзный флотъ обѣщалъ поддержку оставшимся русско-латышскимъ частямъ, но при приближеніи къ Ригѣ большевиковъ, ушелъ

въ море. Была отдана и Рига. Подъ Ревелемъ и Либавой отступленіе задержалось.

Тамъ начались организовываться и постепенно опять расти противобольшевистскія части. Въ Ревелѣ — части Балаховича, Родзянко, эстонскія и латышскія. Въ Либавѣ — части св. кн. Ливена, балтійскій ландсверъ (прибалтійскіе нѣмцы) и латыши. Германія же, опасаясь проникновенія большевиковъ въ Восточную Пруссію, отпустила большія средства и организовала свою защиту границы (впослѣдствіи части Гольца).

При уходѣ изъ Риги, нѣмцами для передачи власти, было создано латышское правительство съ Ульманисомъ во главѣ; оно находилось въ Либавѣ и скоро стало просить Германію помочь въ освобожденіи Латвіи, обѣщая въ вознагражденіе германскимъ солдатамъ льготы по поселенію ихъ тамъ. Нѣмцы, подъ командой маіора Флетчера, начали оказывать помощь и къ маю мѣсяцу противобольшевистскій фронтъ шелъ уже по рѣкѣ Аа Курлянд., включая въ себя русскій отрядъ князя Ливена, германскія части, балтійскій ландсверъ и латышей полковника Баллода. Всѣ они снабжались тогда нѣмцами,—правда кн. Ливенъ и латыши довольно слабо. Незадолго до этого, приблизительно въ концѣ апрѣля, произошелъ въ Либавѣ конфликтъ съ нѣмцами у латышей, вызванный агитаціей противъ нѣмцевъ и повлекшій за собой созданіе новаго латышскаго правительства во главѣ съ пасторомъ Нѣдра, — правительства болѣе праваго направленія, нежели правительство Ульманиса и настроеннаго руссофильски. Правительство Ульманиса переѣхало на пароходъ «Саратовъ» подъ защиту англичанъ и оттуда начало вести дѣятельную агитацію, рѣзко самостійнаго характера, противъ правительства Нѣдра. Эта агитація имѣла послѣдствіемъ то, что войска, двинутыя противъ большевиковъ были остановлены войсками «Ульманиса» и эстонцами около Вендена и отброшены ими назадъ.

Свѣтлѣйшій князь Ливенъ, стремившійся усилить свой отрядъ и русское вліяніе въ Курляндіи, но не получая поддержки, главнымъ образомъ людьми, въ началѣ мая прибылъ въ Берлинъ и сдѣлалъ попытку объединить русскіе круги, разбившіеся къ тому времени на массу мелкихъ группъ, убѣдить въ необходимости поддержать русское дѣло и добиться отправки къ нему добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ. Онъ встрѣтилъ полную поддержку со стороны капитана Н. Русская миссія, особенно въ лицѣ генерала Потоцкаго, относившаяся до этого къ дѣлу кн. Ливена отрицательно, сдѣлавъ крутой поворотъ въ его пользу, обѣщала ему свою поддержку. На

засѣданіи, собранномъ по этому поводу, полковникъ Бермонтъ, полк. Выртоличъ и полк. Соболевскій, доложивъ о большомъ числѣ желающихъ ѣхать на фронтъ, обѣщали принять всѣ мѣры къ полученію средствъ для перевозки войскъ въ Митаву. Всѣ эти три отряда заявили себя подчинеными кн. Ливену.

Черезъ нѣсколько недѣль полк. Бермонтъ, при посредствѣ капит. Н., и сенатора Бельгарда, съ большими трудностями получилъ отъ частнаго общества « *** » черезъ г-на С. — 600.000 марокъ. На эти деньги были перевезены въ Митаву первые 800 человѣкъ и выданы авансы офицерамъ и солдатамъ, дабы дать возможность расплатиться со сдѣланными въ Германіи долгами.

Получивъ отъ капит. Н. разрѣшеніе, я 7 мая отправился на фронтъ и былъ прикомандированъ къ эскадрону отряда св. кн. Ливена и отправился подъ Митаву. Численность отряда кн. Ливена была тогда около 1.000 человѣкъ русскихъ офицеровъ и солдатъ (были и латыши). Вскорѣ началось наступленіе отъ Калицема на Ригу, которая была занята почти безъ потерь послѣ одиннадцати-часового боя. Большевики панически бѣжали, оказавъ первое серьезное сопротивленіе только за Ригой—у станціи Роденвейсъ. Здѣсь кн. Ливенъ былъ очень тяжело раненъ.

Съ сѣвера наступали на югъ эстонцы и латыши подъ командой полк. Земитана. Армія должна была соединиться для совмѣстнаго удара по бѣгущимъ большевикамъ. Однако при встрѣчѣ этихъ армій выяснилось, что находившееся на «Саратовѣ» правительство Ульманиса дѣятельно агитировало въ Эстоніи, черезъ Ревель, среди эстонскихъ и латышскихъ войскъ и прививало имъ сепарастическія идеи. Это совершенно неожидано привело къ тому, что при встрѣчѣ фронтовъ подъ Венденомъ, войска Эстоніи и латыши, во главѣ съ полк. Земитаномъ, потребовали отступленія войскъ правительства Нѣдра за рѣку Аа Лифляндн. (Всѣ, войска включая и германскія части, были тогда подчинены военному министру правительства Нѣдра-Ванкину). Переговоры между обѣими сторонами ни къ чему не привели и начались бои. Войска правительства Нѣдра потерпѣли неудачу. Здѣсь уже обнаружилось сильное руссофобское настроеніе въ войскахъ Ульманиса, а также особенная озлобленность противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ-помѣщиковъ.

Латыши полк. Баллода (поддерживавшіе правительство Нѣдра) объявили нейтралитетъ Отрядъ св. кн. Ливена, переформировавшійся подъ Ригой и имѣвшій въ своихъ рядахъ, благодаря приливу добровольцевъ,

какъ мѣстныхъ, такъ изъ военно-плѣнныхъ (отрядъ полк. Соболевскаго), уже около 5.000 человѣкъ, также объявилъ нейтралитетъ и пытался лишь занять фронтъ противъ большевиковъ, расчитывавшихъ воспользоваться моментомъ междоусобной борьбы и стягивавшихъ силы къ Рѣжицѣ. Высланный впередъ батальонъ, однако, не былъ пропущенъ эстонцами и принужденъ былъ вернуться къ Ригѣ. Вскорѣ батальонъ этотъ былъ отправленъ въ Либаву для смѣны, находившихся тамъ германскихъ частей, получившихъ къ тому времени предложеніе отъ англичанъ покинуть городъ.

Къ этому времени относится прибытіе въ Митаву первыхъ частей полк. Бермонта и полк. Выргодича. Долженъ отмѣтить, что полк. Бермонтъ, приступая къ формированію, выговорилъ себѣ право—приведенныя съ собою части не вливать въ уже существующія, а основать изъ нихъ отдѣльный корпусъ имени генерала графа Келлера, самостоятельно пополняя его военно-плѣнными и русскими, прибывавшими къ нему въ большомъ количествѣ изъ Польши (нѣсколько тысячъ). Передъ началомъ формированія, онъ далъ обѣщаніе своимъ войскамъ не вводить ихъ въ бой до тѣхъ поръ, пока они не будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ и не получатъ видъ серьезной боевой единицы. Это было особенно важно и потому, что въ корпусъ поступало много военно-плѣнныхъ солдатъ еще мало провѣренныхъ.

Бои войскъ правительства Нѣдра съ войсками правительства Ульманиса кончились, какъ уже сказано, пораженіемъ первыхъ, въ виду ихъ малочисленности, а главнымъ образомъ, въ виду нѣкотораго броженія среди германскихъ солдатъ, согласныхъ бороться съ большевиками, но нежелавшихъ участвовать въ борьбѣ двухъ правительствъ. Къ этому времени относится и начало снабженія Англіей эстонскихъ войскъ и латышскихъ войскъ правительства Ульманиса, такъ какъ въ бояхъ участвовала англійская тяжелая артиллерія и были англійскіе инструкторы. Войска «Нѣдра» отступили, сдали Ригу и закрѣпились между Ригой и Митавой, гдѣ и находилась дамаркаціонная линія до недавнихъ боевъ. Правительство Нѣдра бѣжало изъ Риги, а русскому дѣлу былъ нанесенъ серьезный ударъ, такъ какъ многіе члены правительства Нѣдра открыто высказывали мысль о будущемъ Латвіи не иначе, какъ въ союзѣ съ Россіей, а о самостоятельности Латвіи только какъ о временной, въ виду отсутствія въ то время на западѣ русской силы, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Послѣ сдачи Риги, отрядъ кн. Ливена, продолжая держать нейтрали-

тетъ, отошелъ къ Митавѣ. Латышскія войска полк. Баллода перешли къ побѣдителямъ. Балтійскій ландсверъ, сначала обезоруженный латышами, черезъ нѣкоторое время вошелъ въ соглашеніе съ правительствомъ Ульманиса о пропускѣ его на большевистскій фронтъ и занялъ позицію лѣвѣе Двинска, гдѣ находится до сихъ поръ, подчиняясь въ командномъ отношеніи латышамъ.

Правительство Ульманиса торжественно высадилось съ «Саратова» въ Либавѣ, причемъ, по предложенію англичанъ, при торжественномъ вступленіи правительства на берегъ, присутствовала рота Ливенцевъ для почетной встрѣчи. Кромѣ того, отрядъ Ливенцевъ, по предложенію тѣхъ же англичанъ, былъ наряженъ и на парадъ по поводу снятія памятника, поставленнаго въ свое время германцами въ Либавѣ. Эти два случая вызвали большое возмущеніе среди отряда и была сдѣлана попытка на снятіи памятника присоединить къ флагамъ Союзныхъ Державъ отсутствующее русское знамя, какъ демонстрацію противъ игнорированія русскихъ интересовъ.

Вскорѣ послѣ этого Либавскій отрядъ Ливенцевъ получилъ срочный приказъ о посадкѣ на пароходы и отправкѣ въ Нарву. Приказъ былъ подписанъ генераломъ Юденичемъ, переданъ черезъ англичанъ и былъ исполненъ.

Я, вмѣстѣ съ конной частью, къ которой былъ прикомандированъ, прибылъ въ Нарву и пробылъ въ арміи генерала Юденича полтора мѣсяца. На переговорахъ въ Либавѣ съ англичанами ими было дано обѣщаніе немедленной полной поддержки отряда (обмундированіе, снаряженіе, а также увеличеніе окладовъ содержанія). Но въ теченіе полутора мѣсяцевъ, которыя я пробылъ въ арміи ген. Юденича, отрядъ кн. Ливена никакой поддержки отъ англичанъ не получилъ. Черезъ нѣкоторое время прибыла въ армію ген. Юденича и остальная часть Ливенцевъ, посаженная на корабли въ Усть-Двинскѣ (кстати замѣтить, что она была, предварительно, слегка ограблена латышами—такъ были конфискованы два изъ четырехъ, принадлежащихъ отряду аэроплана.

Отряды же полк. Бермонта и полк. Выргολича были оставлены въ Митавѣ для продолженія формированія. Часть снаряженія получалась черезъ ген. Гольца, часть покупалась въ Германіи на свои средства.

Сѣверо-западная Армія ген. Юденича представляла по составнымъ своимъ частямъ соединеніе двухъ стрѣлковыхъ корпусовъ. Общая числен-

ность Арміи, державшей фронтъ отъ гор. Ямбурга на Псковъ, не превышала 10-12 тысячъ штыковъ. Положеніе сѣв.-зап. арміи, какъ единицы крупной формаціи, нельзя было признать, хотя бы даже, удовлетворительнымъ. Дѣло снабженія, обмундированія и продовольствія поставлено было плохо. Почти вся Армія была вооружена своими собственными средствами и большая часть вооруженія была трофеями въ бояхъ съ совѣтскими войсками. Совсѣмъ плохо обстояло съ продовольствіемъ. Вся помощь Союзниковъ заключалась въ дачѣ бѣлаго хлѣба (1½ — 2 фунта въ день), небольшого количества сала, бобовъ и консервовъ. Продовольственное же положеніе области, занятой Арміей, было еще болѣе тяжелое. Эстонская граница была закрыта для продовольствія и предметы первой необходимости, имѣвшіеся въ изобиліи въ Эстоніи, получавшей уже къ тому времени многое изъ за-границы, почти совсѣмъ отсутствовали въ районѣ занятомъ С.-з. Арміей. Армія недоѣдала и приходилось трогать и такъ скудные запасы населенія Петроградской губ.

Результатомъ этого было весьма грустное явленіе, — изъ частей, переходившихъ на сторону бѣлой арміи, появились перебѣжчики обратно къ краснымъ. Немного позже былъ періодъ, когда подобные случаи стали частымъ явленіемъ и приняли угрожающій характеръ. Вліяло, конечно, изобиліе въ Арміи бывшихъ красныхъ солдатъ, хотя и мобилизованныхъ красными, но все же развращенныхъ большевизмомъ, которыхъ растворить было не въ чемъ; часто красныя части, взятыя въ плѣнъ, посылали опять на фронтъ цѣликомъ, даже со своими офицерами. Въ связи съ таковымъ состояніемъ дѣла, появилась въ Арміи, особенно, послѣ неудачи подъ Ямбургомъ, апатія и разочарованность. Отсутствіе тыла, зависимость отъ эстонцевъ, ведшихъ себя все болѣе и болѣе независимо и подбадриваемыхъ помощью англичанъ, ставили Армію въ тяжелое положеніе. Эстонцы были къ тому времени уже великолѣпно вооружены, одѣты и снабжены, но не принимали почти никакого участія въ защитѣ фронта, проходившаго къ тому же такъ близко отъ ихъ границы, и выслали нѣкоторыя части на фронтъ только послѣ взятія большевиками Ямбурга. Сосѣдство же великолѣпно одѣтыхъ и не менѣе хорошо вооруженныхъ эстонцевъ *съ ободранной и полуголодной русской арміей* производило гнетущее впечатлѣніе.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, былъ и остался вопросъ — денежный. Части получали содержаніе черезъ два и

больше мѣсяцевъ спустя и въ самой разнообразной валютѣ, теряя иногда на размѣнѣ 20-30% и такъ небольшаго содержанія.

Отношеніе эстонскаго войска и населенія были враждебныя, но тогда еще терпимы.

Вполнѣ понятно, что прибытіе корпуса св. кн. Ливена, въ то время еще хорошо одѣтаго и вооруженнаго, произвело очень большое впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, поставленный въ тяжелыя условія с.-з. фронта и не получая отъ англичанъ обѣщанной поддержки, корпусъ вмѣсто того, чтобы усиливаться и расширяться, потерялъ свое первоклассное боевое значеніе, ободрался и часто не могъ дѣйствовать полностью. Такъ, напримѣръ, артиллерія, растрѣлявъ въ бояхъ подъ Ямбургомъ весь имѣвшійся у нея запасъ снарядовъ, долгое время бездѣйствовала, ибо снарядовъ къ германскимъ орудіямъ не было, а перевооружиться было нечѣмъ.

Впослѣдствіи, въ бояхъ подъ Псковомъ, почти весь Ливенскій отрядъ погибъ.

Получивъ изъ Берлина отъ капит. Н. извѣстіе, вызывавшее меня обратно, узнавъ о пріѣздѣ въ Ригу А. И. Г-ва и къ тому же, чувствуя себя совсѣмъ больнымъ, я получилъ отъ князя Ливена откомандированіе и 1 августа направился черезъ Ревель въ Ригу. Полученныя мною впослѣдствіи свѣдѣнія, черезъ прибывавшихъ изъ с.-з. Арміи офицеровъ, частью же — изъ оффиціальныхъ докладовъ сводятся къ слѣдующему. Армія находится подъ командованіемъ генералъ-лейтенанта Родзянко, корпусами командуютъ: 1-мъ — ген.-маіоръ гр. Паленъ, а 2-мъ —ген. лейт. Арсеньевъ. За послѣднее время получено нѣкоторое количество снаряженія и обмундированія отъ англичанъ, какъ-то: 6 танковъ, 4 аэроплана (небоеспособныхъ по техническимъ причинамъ), небольшое количество артиллеріи, винтовокъ и боевыхъ припасовъ. Въ серединѣ сентября прибыло обмундированіе въ количествѣ 20.000 комплектовъ, 4.000 паръ сапогъ. Есть свѣдѣнія, что это обмундированіе еще въ февралѣ мѣсяцѣ с. г. куплено за наличный расчетъ въ Англіи офицеромъ, командированнымъ за этимъ генераломъ Юденичемъ изъ Финляндіи.

Ко времени моего отъѣзда было сформировано с.-з. правительство. Характеренъ фактъ составленія правительства. Утромъ, не предупреждая генерала Юденича, какъ Главноначальствующаго и представителя русской власти въ Эстоніи, англійское командованіе предложило нѣкоему Иванову представить списки кандитатовъ на посты министровъ. Назначивъ мини-

Къ „Докладу о положенiи дѣлъ на Зап. фр. и въ армiи Бермонта Авалова“.

Генералъ Гольцъ и Полковникъ Бермонтъ-Аваловъ.

Къ „Докладу о положеніи дѣлъ на Зап. фр. и въ арміи Бермонтъ-Авалова“.

Штабъ западн. Добровольческой арм. (въ центрѣ — полк. Бермонтъ-Аваловъ).

Смогръ русско нѣмецкихъ частей Зап. Добр. Арміи (смотръ производятъ Ген. Гольцъ и полк. Бермонтъ-Аваловъ.)

стромъ председателемъ Ліанозова, англичане поручили въ тотъ же день, къ 6 часамъ вечера, составить с.-з. правительство. Когда къ назначенному времени Ліанозовъ составилъ кабинетъ, со стороны англійскихъ властей поступило новое приглашеніе: къ 7 часамъ признать независимость Эстоніи, что и было къ сроку исполнено. Мнѣ передавали, что всѣ министры были назначены уже заранѣе самими же англичанами и приказаніе ихъ Иванову составить списки была лишь — маска. Въ кабинетъ вошелъ министръ торговли и промышленности небезизвѣстный Маргуліесъ. Ивановъ, вошедшій въ кабинетъ, какъ министръ безъ портфеля, удаленъ, послѣ разоблаченія его дѣятельности (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ — большевикъ).

Не такъ давно правительство заключило договоръ съ Эстоніей о разрѣшеніи ему находиться на эстонской территоріи, подписавъ всѣ условія эстонцевъ, но черезъ сутки было выслано на правый берегъ Наровы, будто бы изъ за недостатка помѣщеній для него.

Правительство Эстоніи и такъ лѣвое, переживало недавно кризисъ изъ за ухода изъ его состава правыхъ министровъ. Недавніе переговоры съ большевиками показали, что Эстонія хочетъ заключить миръ лишь съ согласія всѣхъ прибалтійскихъ республикъ, но весьма возможно и сепаратное заключеніе мира, что поставитъ с.-з. Армію въ безвыходное положеніе. Эстонское правительство въ своемъ скрыто-враждебномъ отношеніи ко всему русскому, находитъ поддержку со стороны массъ, войска и печати. Имѣлись случаи избіенія офицеровъ и срыванія погонъ въ Нарвѣ большевистски настроенными эстонскими солдатами. Представителями умѣреннаго толка является классъ зажиточныхъ крестьянъ землевладѣльцевъ, но ихъ вліяніе ничтожно при наличіи блока соціалистическихъ партій. Не такъ давно въ Ревелѣ состоялся съѣздъ эстонскихъ коммунистовъ, который правительство хотя и арестовало, но въ результатѣ всего-на-всего выслало 120 коммунистовъ въ Совдепію.

Въ общемъ настроеніе въ Эстоніи тревожное и выжидательное и единственное, что пока сдерживаетъ — это страхъ передъ англичанами.

Въ Ригѣ я явился къ А. И. Г-ву и, доложивъ ему о своихъ наблюденіяхъ, остался ожидать его возвращенія изъ Ревеля на совѣщаніе 26 Августа. Положеніе въ Латвіи сводилось за это время къ слѣдующему. Латышское правительство Ульманиса, получивъ поддержку Англіи и окрѣпнувъ, подъ давленіемъ лѣвыхъ круговъ и печати, стало вести усиленно пропаганду противъ русскихъ частей Бермонта и нѣмецкихъ Гольца, какъ контръ-революціон-

ныхъ и угрожающихъ самостоятельности Латвіи. На смѣну уѣхавшему въ Лондонъ, на докладъ, ген. Гоуфа, ведшаго особенно рѣзкую политику поддержки самостоятельности Латвіи и Эстоніи, прибылъ ген. Марчъ, поведшій болѣе умѣренную политику соглашенія. На созванномъ въ Ригѣ совѣщаніи 26 Августа, главной цѣлью котораго было созданіе общаго антибольшевистск. фронта, на которомъ присутствовали представители Юденича, полк. Бермонтъ, А. И. Г-въ, представители Англіи, Латвіи, Эстоніи и Литвы, было достигнуто соглашеніе объ общемъ наступленіи на большевиковъ. Большое впечатлѣніе произвело и то, что какъ частямъ Бермонта, такъ и частямъ ген. Гольца былъ данъ участокъ фронта въ районѣ Двинска и было дано англичанами согласіе на то, что Бермонтъ будетъ получать пополненіе военно-плѣнными изъ Германіи, притокъ которыхъ къ тому времени былъ опять затрудненъ недопускомъ офицеровъ-вербовщиковъ въ лагеря. Послѣ 26 августа нѣкоторые офицеры даже получили отъ англійскаго командованія бумаги на право вербовки, подписанныя Марчемъ. Тогда же былъ полученъ приказъ ген. Юденича о назначеніи полк. Бермонта командующимъ западной арміей. Черезъ нѣкоторое время вернулся изъ Англіи ген. Гоуфъ, смѣнилъ ген. Марча и прежняя политика вошла въ силу. Разрѣшеніе, данное 26 августа, было отмѣнено, что касается общаго наступленія, то изъ всего, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не вышло.

А. И. Г-въ, возвращаясь изъ Риги въ Ревель на совѣщаніе съ ген. Юденчемъ и, собираясь оттуда проѣхать въ Берлинъ, направилъ меня туда и предложилъ ждать его пріѣзда. Обстановка въ Германіи за полгода сильно измѣнилась. Правительство Носке, сильное до того времени и довольно популярное, потеряло свое вліяніе и симпатію. Опасность положенія въ Германіи заключается, по мнѣнію многихъ, въ слѣдующемъ. Подъ давленіемъ тяжести мирнаго договора и въ стремленіи спасти свою родину, проявляется глубокій интересъ къ Россіи и ея судьбѣ. Всѣ нѣмцы безъ различія положенія, включая самыя крайнія партіи, трактуютъ мысль о союзѣ побѣжденныхъ и объ ошибкѣ предыдущей войны. Интересъ проявляется къ Россіи огромный и всеобщій. Несомнѣнно, *лѣвыя* партіи и круги Правительства склонны къ союзу съ большевиками, но т. к. государственный аппаратъ находится пока не всецѣло въ рукахъ правительства, а особенно лѣвой его части, то это явленіе пока не является угрожающимъ. Остальныя партіи ищутъ контакта съ русскимъ обществомъ и стремятся къ борьбѣ съ русскими большевиками, опредѣленно держась точки зрѣнія — единой

и недѣлимой Россіи и отрицая всякія намѣренія анексическаго характера. Опасность положенія заключается въ томъ, что нѣмцы, видя единственное спасеніе свое въ союзѣ съ Россіей и не находя контакта съ русскими общественными силами, могутъ ринуться на союзъ съ большевиками, тѣмъ болѣе, что вызвать большевистское возстаніе въ Германіи легко, благодаря серьезной организованности спартаковцевъ. Органически же нѣмецкій народъ является однимъ изъ менѣе всѣхъ расположеннныхъ къ большевизму и есть данныя предполагать, что спартаковское движеніе пока находится въ рукахъ противобольшевистскихъ круговъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ, происшедшихъ въ то время въ Германіи, надо отмѣтить, надѣлавшую столько шума попытку генерала Бискупскаго организовать въ Берлинѣ, при сотрудничествѣ цѣлаго ряда лицъ, русское правительство. Ген. Бискупскій и его сотрудники повели совершенно самостоятельно переговоры съ нѣкоторыми германскими кругами, а также, какъ они передавали, съ Союзниками, объ образованіи Всероссійскаго Правительства. Лица эти, распредѣливъ между собой портфели, и желая получить средства, начали переговоры съ какимъ-то лицомъ, назвавшимъ себя представителемъ американской фирмы Морганъ, о полученіи денегъ (называли цифру 300 мил.), надѣясь, по полученіи такой крупной субсидіи, захватить власть и командованіе войсками полк. Бермонта и получить, такимъ образомъ, въ распоряженіе готовую военную силу.

Оказалось, что «представитель» фирмы Морганъ являлся агентомъ спартаковцевъ и когда ген. Бискупскій и его сотрудники заключили съ нимъ цѣлый рядъ договоровъ, расписавшись вездѣ министрами, то онъ передалъ эти бумаги партіи независимыхъ, а самъ скрылся. Независимыя сдѣлали запросъ въ германскомъ Національномъ Собраніи, вызвавшій страшный скандалъ. Послѣ этого «правительство» ликвидировало свои дѣла.

Нужно отмѣтить, что оно не имѣло никакого отношенія къ созданному при западной арміи центральному совѣту управленія, о чемъ въ свое время было оффиціально объявлено предсѣдателемъ совѣта гр. Паленомъ, и даже вели агитацію, какъ противъ совѣта управленія, такъ и лично противъ полк. Бермонта.

Узнавъ о предстоящемъ полетѣ аэроплана для доставки полк. Ф. донесенія Главнокомандующему Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, и не дождавшись прибытія А. И. Г-ва въ Берлинъ, проѣхавшаго прямо въ Англію, я, считая весьма необходимымъ, по возможности скорѣе доложить о

видѣнномъ и слышанномъ въ Германіи и западной Россіи, съ цѣлью освѣтить положеніе, предпринялъ попытку получить согласіе на мой перелетъ въ Добровольческую Армію для представленія доклада, каковое согласіе и получилъ по прибытіи въ Митаву.

На мѣстѣ я установилъ слѣдующее.

Положеніе въ Латвіи еще болѣе обострилось. Лѣвые соціалъ-демократическіе круги, и такъ представлявшіе большинство въ Національномъ Собраніи Латвіи, управляли дѣйствіями правительства. Несмотря на продолжавшееся вооруженіе латышской арміи англичанами, травля всего русскаго достигла апогея. Это не помѣшало латышамъ и эстонцамъ вступить въ переговоры съ русскими большевиками.

Въ послѣднихъ числахъ августа Чичеринымъ, было послано радіо Латвіи, Эстоніи и Литвѣ съ предложенімъ мира. Предложеніе это оживленно обсуждалось въ періодической печати, какъ латышской, такъ и эстонской, причемъ на созванныхъ по этому случаю національныхъ собраніяхъ было рѣшено вступить въ переговоры съ большевиками. Правительства окрайныхъ республикъ руководились принципомъ самоопредѣленія, т. е. подчеркивали, что не должны преслѣдовать завоевательныя цѣли и жить въ мирѣ съ сосѣдями, послѣ того, какъ достигнута ихъ главная цѣль, т. е. независимость. Въ Юрьевѣ, въ началѣ сентября состоялось конференція представителей вышеупомянутыхъ республикъ и въ городѣ Печоры, Псковской губ. состоялось общее засѣданіе представителей большевиковъ (съ инженеромъ Красинымъ во главѣ), которое, къ счастію, тогда къ положительнымъ результатамъ не привело. Къ заключенію мира съ большевиками Эстонію, Латвію и Литву побуждало и то обстоятельство, что названныя государства были обезпокоены нахожденіемъ въ Курляндіи русскихъ и нѣмецкихъ отрядовъ, а въ Эстоніи с.-з. арміи, лозунгъ которыхъ — единая, недѣлимая Россія, — шелъ вразрѣзъ съ стремленіями этихъ государствъ. На засѣданіи, въ Печорѣ и Юрьевѣ, поднимался даже вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и нѣмецкихъ частей.

Къ этому же времени относится и окончательное обостреніе положенія на западѣ, въ связи съ пребываніемъ въ Курляндіи частей Гольца. Англія предъявила категорическое требованіе ухода войскъ Гольца въ Германію, угрожая въ противномъ случаѣ блокадой Германіи. Германское правительство потребовало отъ войскъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что оно само было обезпокоено постепеннымъ уходомъ лучшихъ правительственныхъ войскъ,

единственной ихъ опоры, въ части Гольца. Войска отказались, Гольцъ былъ отозванъ и на смѣну его прибылъ для эвакуаціи ген. Эбергардъ, но изъ всѣхъ находившихся въ Курляндіи войскъ, согласилось уйти лишь около 5.000, эвакуація которыхъ навѣрное уже окончена. Дабы воспрепятствовать, какъ дальнѣйшему проникновенію войскъ, такъ и подвозу снаряженія, Германское Правительство закрыло свою границу. Оставшіеся въ Курляндіи войска, несмотря на угрозы своего правительства, напримѣръ: лишеніе всѣхъ правъ, отказъ поддерживать ихъ семьи и т. д., перешли добровольцами на русскую службу въ западную армію, подчинившись русскимъ законамъ, не ставя никакихъ требованій и имѣя передъ собой лишь задачу — борьбу съ большевизмомъ. Общее количество перешедшихъ на русскую службу войскъ около 35-40 тысячъ. Большая часть этихъ войскъ представляетъ изъ себя людей сознательно покинувшихъ свою родину изъ за политическихъ взглядовъ, видящихъ единственное спасеніе Германіи въ контактѣ съ Россіей, опасающихся большевизма въ Германіи, а потому сознательно желающихъ бороться съ большевизмомъ. Очень небольшая часть — наемники, для которыхъ война сдѣлалась профессіей. Войска перешли со всѣмъ имѣвшимся у нихъ большимъ запасомъ снаряженія.

Параллельно съ этими событіями велись переговоры между ген. Юденичемъ и полк. Бермонтомъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ и о переходѣ войскъ полк. Бермонта на с.-з. фронтъ. Въ первыхъ числахъ октября, ген. Юденичъ былъ въ Ригѣ и долженъ прибыть въ Митаву на парадъ и окончательные переговоры. Взамѣнъ этого было предложено полк. Бермонту прибыть въ Ригу. Полк. Бермонтъ, опасаясь ареста его латышами, не поѣхалъ и просилъ прибыть Юденича въ Митаву. Передаютъ, что генералъ Юденичъ былъ согласенъ, но ему было предложено не ѣхать. Вмѣсто него пріѣхалъ полк. фонъ-Прюссингъ и на парадѣ самъ прочелъ приказъ ген. Юденича о переходѣ всѣхъ русскихъ войскъ на с.-з. фронтъ, встрѣченный войсками молчаніемъ. Черезъ нѣсколько дней, помимо командующаго западной арміей полк. Бермонта, получено было обращеніе къ войскамъ отъ с.-з. правительства съ предложеніемъ офицерамъ и солдатамъ самостоятельно оставить Курляндію и черезъ англійскую миссію направиться на Нарву. Командующимъ въ отвѣтъ была послана слѣдующая телеграмма.

«Сѣверо-западному правительству.

Ваше предательское воззваніе къ моимъ войскамъ доложено, конечно,

прежде всего мнѣ. Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ существуетъ воинская дисциплина. Попытка Ваша расшатывать ее подобными пріемами въ стилѣ Керенскаго наивна. Въ Вашихъ же интересахъ не даю этому произведенію болѣе широкаго распространенія, а то мои молодцы — солдаты могли дать Вамъ отвѣтъ крѣпкимъ русскимъ языкомъ. Съ своей стороны прошу передать солдатамъ на Нарвскомъ фронтѣ, столь много натерпѣвшимся отъ Вашей политики заискиванія передъ зазнавшимися эстонцами, что мой имъ завѣтъ — строго соблюдать дисциплину и быть увѣренными, что, обезпечивъ свой тылъ, я въ недалекомъ будущемъ стану рядомъ съ ними для совмѣстнаго удара по большевику. Полковникъ Бермонтъ.»

Къ этому времени относится, кажется, и приказъ полк. Бермонта объ именованіи его княземъ Аваловымъ, объясненный тѣмъ, что фамилія Бермонтъ была псевдонимомъ, отмѣненнымъ въ виду полученія свѣдѣній о разстрѣлѣ въ Петроградѣ его жены.

Обезпокоенный переговорами латышей и эстонцевъ съ большевиками, постоянными нападеніями изъ за демаркаціонной линіи окончательно къ тому времени вооруженныхъ латышей, переброской эстонскихъ войскъ большими массами съ большевистскаго фронта подъ Зегевельдъ и, въ виду неудачныхъ переговоровъ съ латышскимъ правительствомъ о пропускѣ западной арміи на большевистскій фронтъ, полк. Бермонтъ-Аваловъ приказалъ начать наступленіе въ направленіи на Ригу, для обезпеченія тыла своего и фланга.

Переговоры съ латышами доказываются слѣдующей телеграммой:

«Радіо. Рига, Министру-Президенту Временнаго Правительства.

Признавъ нынѣ своевременнымъ выступить на большевистскій фронтъ, прошу Ваше Превосходительство озаботиться созданіемъ такихъ условій, которыя дали бы мнѣ возможность безъ задержки направить свои войска на борьбу противъ красной арміи совѣтской Россіи, находящейся въ предѣлахъ латышскаго края и угрожающей разореніемъ и гибелью всѣмъ сосѣднимъ цивилизованнымъ народамъ. О мѣрахъ, которыя благоволитъ принять возглавляемое Вами Правительство для обезпеченія безпрепятственнаго продвиженія состоящихъ подъ моимъ командованіемъ войскъ, прошу извѣстить меня безотлогательно.

Подписалъ Командующій Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»
6-10-19

Латышское правительство давало неудовлетворительные отвѣты вродѣ согласія пропустить лишь частями по 200-300 человѣкъ и только русскія части. Наступленіе окончилось взятіемъ линіи западной Двины, Усть-Двинска и Торнсберга.

Латыши отступили съ большими потерями. Характерно то, что нѣкоторыя латышскія части держали нейтралитетъ (дивизія полк. Баллода, небольшая же часть перешла въ бояхъ къ западной арміи). Въ Туккумѣ русскія войска были встрѣчены ликованіемъ и русскими флагами. Нѣкоторыя эстонскія части принимали участіе въ бояхъ, причемъ дрались особенно ожесточенно. У убитыхъ въ бояхъ латышей, во многихъ случаяхъ, найдены красныя карточки совѣтскихъ коммунистическихъ войскъ, доказывающія ихъ недавнее оттуда прибытіе. Большевики стараются использовать положеніе въ свою пользу, въ чемъ имъ способствуетъ то, что руководящую въ политикѣ Латвіи роль играютъ лѣвые соціалъ-демократическіе круги и печать. Къ сожалѣнію многіе латышскіе дѣятели преступно не желаютъ понять всю трагичность и опасность положенія, опьяненные поддерживаемой въ нихъ вѣрой въ самостоятельность.

О наступленіи была дана ген. Юденичу слѣдующая телеграмма:

«Радіо. Генералу Юденичу.

Сегодня латышскіе и эстонскіе части, угрожая мнѣ начали переходить демаркаціонную линію и вынудили меня дать имъ отпоръ. Я, для обезпеченія своей базы, занимаю линію Двины и иду на фронтъ на соединеніе съ сѣверной арміей.

Подписалъ: Ком. Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»

На это была получена телеграмма отъ ген. Юденича, извѣстная всѣмъ, съ объявленіемъ полк. Бермонта-Авалова измѣнникомъ и врагомъ родины. Аналогичная телеграмма получилась и отъ с.-з. правительства. Отвѣтъ обрисовывается слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ

По Западной Добровольческой Арміи. 15 Октября 1919 г.

№ 43. г. Митава.

Генералъ Юденичъ, находящійся въ зависимости и принужденный дѣйствовать согласно приказаніямъ, получаемымъ изъ за-границы и чуж-

дымъ интересамъ Великой и Единой Россіи, далъ мнѣ по радіо телеграмму, въ которой онъ, выдвигая противъ меня чудовищныя обвиненія, требуетъ немедленно переброски моей Арміи на сѣверный фронтъ при посредствѣ англійской миссіи.

Я отвѣтилъ ген. Юденичу слѣдующее:

Телеграмма: ген. Юденичу, Ревель.

«Контръ-наступленіе на латышскія и эстонскія войска предпринято, дабы не поставить мою Армію въ положеніе, въ которое Вы поставили сѣверную армію, не обезпечивъ ея тыла. За предыдущими приказами Вашими слѣдовали отъ Васъ разъясненія черезъ офицеровъ о необязательности этихъ приказовъ для меня, такъ какъ Вы не являетесь полнымъ хозяиномъ Вашихъ дѣйствій. Въ такомъ смыслѣ я понимаю и послѣдующіе. Дальнѣйшими операціями надѣюсь принести пользу не только родинѣ, но и сѣверной арміи. Въ достовѣрность выдвигаемыхъ Вами чудовищныхъ обвиненій я не могу вѣрить, такъ какъ въ то время, когда Ваша армія находится въ условіяхъ невыносимо тяжелыхъ для русской гордости, моя армія въ Курляндіи занимаетъ должное мѣсто и въ прежнемъ величіи поднимаетъ русскій флагъ.»

Кромѣ этого совѣтъ управленія западной Россіи послалъ телеграмму ген. Юденичу слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ управленія западной Россіи принялъ къ свѣдѣнію телеграмму, которую Вы послали Командующему западной Добровольческой Арміей и отвергаетъ съ рѣшительностью всѣ возводимыя противъ него обвиненія. Центральный совѣтъ сознаетъ, что Ваше выступленіе противъ русской Арміи, сражающейся за послѣднюю пядь земли русскаго побережья, послѣдовало со стороны враговъ Россіи и подъ давленіемъ темныхъ силъ.

Западная Армія можетъ съ чистой совѣстью надѣяться на свѣтлое будущее Россіи и ждетъ съ нетерпѣніемъ того дня, когда она, завоевавъ свободный путь къ Вамъ, вновь станетъ плечомъ къ плечу въ борьбѣ съ разрушающими наше отечество угнетателями.»

Объявляя объ этомъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, я благодарю Васъ, мои дорогіе, за службу и увѣренъ, что съ такими доблестными офицерами и солдатами мы скоро придемъ туда, гдѣ ждутъ насъ наши бѣдныя семьи и родные.

Подлинный подписалъ: Командующій Арміей полк. князь Аваловъ.

Кромѣ того была получена полк. Бермонтомъ-Аваловымъ телеграмма отъ англійскаго командованія, адресованная ему, какъ Командующему германскими войсками, съ требованіемъ очистить Усть-Двинскъ и Торнсбергъ. Послѣдовавшія событія обрисовываются слѣдующими телеграммами:

Радіо. Старшему Морскому Офицеру Союзнаго Флота въ Либавѣ.

«Письмо, адресованное командующему германскими войсками, принять не могу, являясь командующимъ русской Добровольческой Арміей. Усть-Двинскъ занятъ моими казаками-пластунами и я, какъ мною было уже сообщено, принимаю на себя обезпеченіе свободнаго прохода судовъ при условіи не провоза ими военной контрабанды для выступившей противъ русской власти стороны. Благоволите подтвердить полученіе.»

Подписалъ: Ком. Русск. Добр. Арміей полк. кн. Аваловъ.
15-10-19 Г. Гор. Митава.

Радіо. Представителямъ Державъ Согласія.

«Союзные корабли, находящіеся въ Рижскомъ заливѣ, въ предыдущихъ бояхъ съ большевиками быстро уходили въ море, не оказавъ поддержки борющимся съ большевиками. Въ борьбѣ войскъ западной Добровольческой Арміи съ большевистскими бандами Земитана, второй день союзный флотъ засыпаетъ снарядами мой первый казачій-пластунскій полкъ и мирное населеніе въ Торнсбергѣ, проливая русскую кровь, какъ видно въ благодарность за героическую помощь русскихъ своимъ союзникамъ во время войны. Я долженъ усмотрѣть въ этомъ полную поддержку враговъ Россіи-большевиковъ. Позиціи своей не уступлю и мои войска во главѣ со мною будутъ бороться до послѣдней капли крови за благо Россіи.»

Подписалъ: Командующій Западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.
16-10-19. гор. Митава.

Радіо. Отъ Британскаго Адмирала № 190.

Полковнику Бермонту, Командующему войсками на западной Двинѣ. «Вашу радіо-телеграмму отъ 14 Октября получилъ. Прежде чѣмъ дать рас-

поряженіе Союзнымъ военнымъ судамъ, жду Вашего донесенія о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Вашими войсками и латышскими и оставленія всѣхъ рижскихъ позицій. Въ третьихъ я ожидаю Вашего объясненія по поводу обстрѣла позицій, вблизи которыхъ расположены военныя суда союзнаго флота. Прошу удостовѣрить полученіе сего» 1427. 15 Октября. Подписи нѣтъ.

Радіо. Либава. Ревель. Командующему Англійской Эскадрой.

«Получилъ Вашу 190 отъ 15-10. Обезпечивъ нынѣ мою военную базу для похода противъ большевиковъ, уже 10 Октября предложилъ латышамъ прекращеніе военныхъ дѣйствій. Прошу Васъ помочь мнѣ въ достиженіи этой цѣли. Войска мои стрѣляли только по позиціямъ, угрожавшихъ мнѣ латышей. Считалъ корабли Союзниковъ друзьями Россіи, а не частью латышскаго войска, борющагося противъ нея. Такъ какъ переговоры по радіо слишкомъ медленны, прошу выслать въ Митаву уполномоченныхъ для скорѣйшаго прекращенія кровопролитія. Требую прекращенія огня Союзныхъ кораблей по моимъ войскамъ и по мирному населенію Торнсберга.»

Подписалъ: Командующій западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.

16-10-19. Гор· Митава.

При обстрѣлѣ Усть-Двинска нѣкоторые союзные корабли, по словамъ офицеровъ, прибывшихъ съ фронта, подняли у себя латышскій флагъ. Батальонъ пластунскаго полка потерялъ отъ обстрѣла болѣе 50%. Полкъ состоялъ исключительно изъ русскихъ, бывшихъ военно-плѣнныхъ. О непосредственномъ участіи англичанъ въ бояхъ доказываетъ найденный приказъ латышскаго командованія своимъ войскамъ о рытіи окоповъ, въ виду предстоящаго пріѣзда англійской комиссіи на осмотръ ихъ.

Состояніе западной арміи въ смыслѣ дисциплины, вооруженія и снабженія въ настоящее время отличное. (Авіаціонная часть насчитываетъ болѣе 100 аэроплановъ).

Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе нужнаго количества лошадей.

Лозунгъ арміи: *борьба съ большевизмомъ. Единая и Недѣлимая Россія и Учредительное Собраніе.*

Наблюдается усиленное стремленіе наладить хорошія отношенія съ союзными державами. Англійская миссія находится въ Митавѣ. Ведутся переговоры съ американцами, которые уже снабжаютъ армію санитарнымъ имуществомъ.

Полковникъ Бермонтъ Аваловъ ходатайствовалъ о присылкѣ къ нему союзной миссіи, какъ показываетъ слѣдующая телеграмма:

Телеграмма. Берлинъ.Французская Миссія.

«Буду Вамъ очень признателенъ, если Вы представите на усмотрѣніе маршала Фоша мою просьбу прекратить дальнѣйшее напрасное пролитіе русской крови. Настоятельно прошу прислать въ мою армію комиссію. Обращаюсь съ горячимъ призывомъ къ Франціи-вѣрной союзницѣ и другу Россіи помочь мнѣ окончательно побороть большевизмъ и спасти мое отечество отъ ужасовъ анархіи и разоренія.

Подписалъ: Командующій западной русской Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ-Бермонтъ.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Управленія Сенаторъ
гр. Паленъ.

18-10-19.

Передаютъ, что настроеніе французовъ къ западной арміи уступчивое.

Помощникъ Предсѣдателя совѣта упраленія бар. Нолькенъ передавалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ нимъ, что прибытіе въ Митаву французской комиссіи ожидается въ ближайшемъ будущемъ. Онъ же сообщилъ мнѣ о томъ, что не можетъ быть никакихъ разговоровъ объ обязательствахъ западной арміи по отношенію къ Германіи. Въ настоящее время западная армія выпускаетъ свои деньги, печатающіяся въ размѣрѣ около 500.000 рублей въ день. Курсъ русскаго царскаго рубля приравненъ одной маркѣ; одна остъ-марка — одна марка западной арміи. Продовольственное положеніе вполнѣ устойчивое. Транспортъ налаженъ и принимаются мѣры въ возстановленію промышленности.

При западной арміи для управленія занятой мѣстности учрежденъ совѣтъ управленія. Составъ его слѣдующій: выразилъ согласіе занять постъ Предсѣдателя совѣта князь Волконскій. Временно замѣщаетъ его графъ

Паленъ. Помощники его: баронъ Нолькенъ и князь Крапоткинъ. Управляющій дѣлами Финансовъ, Торговли и Промышленности — баронъ Энгельгардъ, Управляющій военными дѣлами — генералъ-маіоръ Чернелевскій-Соколъ. Путями сообщенія, почтой и телеграфомъ — Ильинъ. Государственными имуществами и сельскимъ хозяйствомъ—Альбертсъ (латышъ), помощникъ его — Сысковъ (латышъ). Управляющій судебной частью — сенаторъ Римскій-Корсаковъ. По иностраннымъ дѣламъ — князь Васильчиковъ. Членъ Совѣта и управляющій его дѣлами — Зиминъ.

При совѣтѣ управленія учрежденъ латышскій комитетъ самоуправленія въ него входятъ: Нѣдра, Ванкинъ, Кампе.

Положеніе арміи усложняется и угрозой со стороны самостійной Литвы.

20-10 послана слѣдующая телеграмма:

Берлинъ, Улландъ-Штрассе,156,I.

Русская миссія, Полковнику Брандтъ.

«Вчера отдалъ приказъ и направилъ часть войскъ на большевистскій фронтъ.»

Подписалъ: Полковникъ князь Аваловъ.
20—10—19. № 193.

Войска, а именно русскія части, снятыя съ рижскихъ позицій и замѣненныя нѣмцами добровольцами, двинулись по направленію къ Фридрихштадту, желая занять фронтъ противъ большевиковъ, но по послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною передъ отлетомъ, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли до 50% въ бояхъ съ латышами и литовцами, не пропускавшими ихъ на большевистскій фронтъ

Общая численность войскъ западной арміи достигаетъ 55.000 штыковъ.

Сов. секретно.

ГЕНЕР. ШТАБА
Полковникъ
Я. М. ЛИСОВОЙ
10 Ноября 1919 г.
Ростовъ н/Д.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
къ
докладу о положеніи дѣлъ на Западномъ фронтѣ и въ арміи полковн. Бермонта Авалова.

Вопреки заявленіямъ многихъ высокоавторитетныхъ лицъ, большевизмъ за послѣднее время не только не идетъ на убыль, но, какъ будто, еще болѣе развивается и крѣпнетъ и, въ доказательство приведенныхъ словъ, необходимо подчеркнуть тотъ прогрессъ въ развитіи совѣтскихъ военныхъ силъ, который, въ конечномъ результатѣ, далъ въ настоящее время 15 совѣтскихъ армій. Въ то же время на занятой совѣтскими войсками территоріи идетъ *спѣшная* мобилизація населенія, часть коего идетъ на пополненіе убыли въ рядахъ сражающихся войскъ, — изъ другой же части организуются новыя войсковыя единицы.

Но несравненно болѣе страшнымъ и опаснымъ для дѣла борьбы — является совѣтскій отдѣлъ пропаганды, организованный и поставленный ими въ міровомъ масштабѣ: почти нѣтъ государства, гдѣ бы не были захвачены агенты совѣтской власти съ огромными суммами денегъ, предназначенными для агитаціи. Наиболѣе яркими образцами постановки дѣла пропаганды внутри страны, являются широко поставленная народная литература, принудительныя лекціи, политическій экзаменъ для полученія какой либо должности, интернаціональные курсы пропаганды, иностранная агитаціонная литература и т. п.

Въ сравненіи съ совѣтской пропагандой, нашъ отдѣлъ пропаганды является жалкой дѣтской игрушкой кустарнаго производства.

Въ настоящее время, съ большей чѣмъ когда либо увѣренностью, можно сказать, что большевизмъ пріобрѣтаетъ міровое значеніе и что изъ его центра, находящагося въ Россіи, чуть ли не во всѣ углы міра протягиваются красныя нити; дѣйствительно Уэльскій горный округъ въ Англіи, Марсельскій портъ и прилегающій къ нему раіонъ во Франціи, далеко незаглохшее

спартаковское движеніе въ Германіи, большевистскіе вспышки въ Польшѣ и Австріи — все это, въ связи съ суровыми анти-большевистскими законами Румыніи, Чехіи, Польши, Америки и Южно-Африканскихъ республикъ, нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что на ближнемъ и дальнемъ западѣ не все обстоитъ благополучно и что, тамъ, всѣ держатся настороже. Если же къ этому вспомнить о многочисленныхъ китайскихъ отрядахъ, сражающихся въ рядахъ совѣтскихъ войскъ, китайскихъ профессорахъ, работающихъ въ отдѣлѣ совѣтской пропаганды и многочисленныхъ агитаторахъ, частью пойманныхъ съ большими суммами денегъ на границѣ Манджуріи, частью успѣвшихъ скрыться вглубь Китая, — выводъ о положеніи большевизма и на Востокѣ напрашивается самъ собой.

Въ то время, когда Россійскій большевизмъ достигъ полнаго расцвѣта,— западный, развиваясь, можетъ быть, въ болѣе культурныхъ формахъ, находится еще въ стадіи развитія и расцвѣтъ его зависитъ отъ того оборота, который приметъ борьба на Россійской территоріи.

Между тѣмъ на Россійскомъ театрѣ гражданской войны всѣ антибольшевистскія организаціи потерпѣли рядъ болѣе или менѣе значительныхъ неудачъ, такъ напримѣръ:

Сибирская армія адмирала Колчака, испытавъ рядъ пораженій, вынуждена была отойти значительно восточнѣе Омска; причинами неудачи являются: 1) отлично поставленная совѣтская пропаганда и отсутствіе таковой въ рядахъ Сибирскихъ войскъ и населенія; 2) незнакомство населенія на собственномъ опытѣ со всѣми прелестями большевизма; 3) паденіе дисциплины въ рядахъ Сибирскихъ войскъ; 4) малочисленность кадра офицерскаго состава; 5) долгая кампанія въ связи съ отсутствіемъ теплой одежды, снаряженія и недостаточностью вооруженія и 6) отсутствіе энергичной поддержки союзниковъ и 7) партійная рознь въ антибольшевистскихъ рядахъ.

Неблагополучны дѣла также и въ арміи генерала Юденича, что объясняется: 1) малочисленностью ея; 2) недостаточно энергичной помощью со стороны союзниковъ; 3) двойственной политикой союзниковъ въ отношеніи окраинныхъ образованій и Сѣверо-западной арміи и 4) двойственной политикой этихъ образованій въ отношеніи Сѣверо-западной арміи и большевиковъ.

Добровольческая армія, не такъ давно стоявшая на подступахъ къ Москвѣ, за послѣднее время потерпѣла рядъ такихъ неудачъ, которыя заставили главное командованіе обратить серьезное вниманіе на перегру-

женность тыла и принять необходимыя мѣры къ его разгрузкѣ, при чемъ, въ зависимости отъ кажущихся успѣховъ на фронтѣ, распоряженіе о подготовкѣ къ эвакуаціи то отдаются, то отмѣняются.

Причинами неудачъ, по заявленію одного высокоавторитетнаго лица, являются слѣдующія: 1) просмотръ Ставкой движенія Махно, легкомысленное отношеніе и несвоевременная оцѣнка всей серьезности его; 2) снятіе съ фронта оперирующей арміи ряда частей для ликвидаціи Махновскаго движенія; 3) демобилизація учителей, чѣмъ, въ сильной степени, былъ ослабленъ офицерскій составъ; 4) демобилизація учащихся, что ослабило ряды арміи и отрицательно повліяло на психологію оставшихся солдатъ («паничей домой отпускаютъ»); послѣдующая отмѣна демобилизаціи дѣла не поправила, такъ какъ отпущены были тысячи, а возвратились сотни; 5) неудовлетворительная постановка дѣла пропаганды въ городахъ и полное отсутствіе таковой въ деревняхъ; 6) значительное превосходство силъ красныхъ; 7) наличіе нѣмецкихъ частей и, во всякомъ случаѣ, значительное количество нѣмецкихъ инструкторовъ въ рядахъ совѣтскихъ войскъ; 8) полное неустройство обывательскаго тыла; 9) ранніе морозы и отсутствіе теплой одежды. Къ этому нужно еще добавить: а) неопредѣленность политическаго курса; б) политическія событія на Кубани; в) паденіе дисциплины въ войскахъ, что выражается въ утратѣ многими изъ нихъ чувства уваженія къ казенной и частной собственности, а также въ отсутствіи воздержанія отъ разнаго рода излишествъ (можно съ увѣренностью сказать, что эти данныя въ значительной степени ослабили чувства симпатіи населенія къ Добровольческой Арміи); г) полуразрушенный транспортъ и чрезмѣрное наличіе подвижного состава при войскахъ—въ видѣ подвижныхъ базъ, вагоновъ и даже поѣздовъ, а также рядъ другихъ причинъ, имѣвшихъ къ общему дѣлу борьбы хотя бы косвенное отношеніе.

На Закаспійскомъ фронтѣ дѣла также обстоятъ далеко не блестяще.

Изъ этого краткаго очерка видно, что борьба съ большевизмомъ затягивается, а заявленіе Начальника штаба Главнокомандующаго, недавно напечатанное въ газетахъ, смыслъ коего заключается въ томъ, что положеніе на фронтахъ продолжается оставаться серьезнымъ, но, что, учитывая моральное разложеніе красной арміи, нужно надѣяться на благопріятный исходъ и т. п. — заставляетъ подумать и о возможныхъ варіантахъ этого исхода.

Исходя изъ этого, казалось бы, что каждый новый факторъ, являющійся нашимъ естественнымъ или даже искусственно созданнымъ союзникомъ

въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, нужно только привѣтствовать съ точки зрѣнія, единственно возможной, въ данномъ случаѣ «русской оріентаціи». Между тѣмъ, за послѣднее время, вновь выплылъ вопросъ о такъ называемой «нѣмецкой оріентаціи» и вообще о перемѣнѣ политическаго курса.

Что же это за яко-бы «нѣмецкая оріентація» въ дѣйствительности и какіе факторы послужили основаніемъ для возникновенія ея?

Рядъ неудачъ, испытанныхъ Добровольческой Арміей, чисто психологически создали перемѣну въ настроеніяхъ и чувствахъ массъ по отношенію къ союзникамъ, недостаточно энергично и недостаточно полно оказывавшихъ намъ свою поддержку — аналогично тому, какъ это было въ свое время на фронтѣ, когда армія, извѣрившись въ помощь союзниковъ, создала презрительную кличку «союзнички» и стала ожидать помощи откуда то извнѣ; точно также и нынѣ—эта извѣренность въ помощи союзниковъ среди населенія и, съ большой долей вѣроятія, можно сказать и среди значительнаго количества арміи, породила слухи о возможностяхъ такъ называемой перемѣны оріентаціи — сторонниковъ нашлось немало.

Съ этимъ совпало прибытіе изъ западной арміи полковника Бермонта делегатовъ къ генералу Деникину, которые имъ приняты не были и сама армія офиціально признана не была.

Причинами этого яко-бы являются: 1) нахожденіе среди западной арміи значительнаго числа германскихъ частей; 2) давленіе союзниковъ, не могущихъ допустить даже косвеннаго германскаго участія въ русскихъ внутреннихъ дѣлахъ; 3) непопулярность личности полковника Бермонта въ высшихъ командныхъ сферахъ и 4) обостренность отношеній его съ генераломъ Юденичемъ и англичанами.

Отсюда полное отверженіе арміи Бермонта и заявленіе о невозможности перемѣны политическаго курса, такъ какъ Германія-де помогаетъ большевикамъ.

Вотъ тутъ то и заключается коренная ошибка, такъ какъ, во-первыхъ, армія Бермонта состоитъ на одну треть изъ русскихъ, а остальныя двѣ трети хотя и состоятъ изъ нѣмцевъ, но нѣмцевъ, порвавшихъ связь съ Германіей и подъ командой русскихъ офицеровъ сражавшихся за Единую Недѣлимую и Великую Россію; 2) Германіи, какъ таковой, точно также, какъ и Россіи—нѣтъ. Есть побѣжденныя внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ страны, находящіяся нынѣ каждая въ періодѣ вооруженнаго строительства,

съ тою только разницей, что въ Германіи большевизмъ придавленъ (но не раздавленъ), въ Россіи же продолжаетъ развиваться.

Германскіе большевики въ поискахъ за путями спасенія перекинулись въ Россію, гдѣ и оказываютъ ту или иную помощь совѣтскому правительству (что доказывается данными развѣдки), отлично памятуя, что побѣдивъ на главномъ фронтѣ и, получивъ основы для своего существованія въ видѣ огромной Россійской территоріи, большевизму уже легче будетъ вести борьбу на всѣхъ остальныхъ западныхъ фронтахъ, ибо, конечно, каждому ясно, что одной Россіей большевизмъ, по своей природѣ, удовлетвориться не можетъ. Отсюда выводъ — утвержденіе, что будто бы Германія помогаетъ большевикамъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; помогаютъ спартаковцы, но *«спартаковцы не Германія, — точно также какъ большевики не Россія»*.

Въ свою очередь германскіе правые и умѣренные круги, даже часть правительственныхъ сферъ, прекрасно понимаютъ грозящую культурному міру опасность въ случаѣ господства большевизма въ Россіи и предлагаютъ свою посильную помощь въ общемъ дѣлѣ борьбы — отсюда армія генер. Гольца, отсюда могутъ явиться и другія военныя образованія, главнымъ образомъ, изъ русскихъ военно-плѣнныхъ, подобно тому, какъ была организована армія полковника Бермонта. Является вопросъ—можно ли такую-частную помощь въ дѣлѣ общей борьбы, можно ли возникшіе такимъ путемъ отряды и, наконецъ, можно ли все то, что сочувствуетъ и помогаетъ дѣлу образованія новыхъ факторовъ борьбы съ разрушителями міровой культуры и цивилизаціи — называть «германской оріентаціей»?

Между тѣмъ, подъ давленіемъ союзниковъ часть арміи генер. Гольца (полковника Бермонта) эвакуирована; изъ стѣнъ союзныхъ миссій выходятъ радіо, съ цѣлью скомпромитировать дѣло русской борьбы съ большевизмомъ на западѣ, такъ напримѣръ: 1) благодарность полковнику Бермонту и генер. Гольцу, выраженная Ленинымъ за ихъ помощь большевикамъ; 2) объявленіе полковникомъ Бермонтомъ нѣмецкаго языка государственнымъ; 3) телеграмма о разоруженіи арміи Бермонта «Сербскими» войсками — кстати сказать написанная плохимъ русскимъ языкомъ и т. п.

Само собой разумѣется, что Добровольческая Армія, находясь въ большой зависимости отъ союзниковъ, не можетъ оффиціально признавать подобныхъ военныхъ образованій, зародившихся на германской почвѣ, но *дѣло общей борьбы требуетъ* хотя бы неоффиціальнаго признанія за ними

права на существованіе и въ дальнѣйшей борьбѣ — нужна хотя бы моральная поддержка для готовыхъ и готовящихся формированій; и если есть люди, которые за свой страхъ и рискъ могутъ приступить къ этимъ формированіямъ, то нужно закрыть глаза *на средства*, памятуя одну лишь *великую цѣль*...

Является еще одинъ весьма важный вопросъ: нужны-ли вообще формированія на западной границѣ?

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ нынѣ отъ хода боевыхъ дѣйствій исключительно на фронтѣ Добровольческой Арміи (Сѣверо-западная армія слишкомъ мала, а Сибирская слишкомъ удалена для того, чтобы имѣть рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ), — здѣсь могутъ быть три варіанта:

а) если успѣхъ въ дѣлѣ борьбы явнымъ образомъ склонится на сторону Добровольческой Арміи и военное счастье вновь ей улыбнется, то все-таки нужно слишкомъ много времени и средствъ, чтобы наверстать потерянное и закрѣпить захваченное; отсюда каждый новый факторъ, ускоряющій это время, нужно только привѣтствовать;

б) если борьба приметъ затяжной характеръ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, то, въ этомъ случаѣ, новыя военныя образованія несомнѣнно отвлекутъ на себя часть большевистскихъ силъ, чѣмъ могутъ облегчить дѣйствія Добровольческой Арміи;

в) если армія будетъ продолжать испытывать неудачи, то говорить о необходимости такихъ формированій не приходится.

Изъ всего изложеннаго сами собой напрашиваются слѣдующіе выводы:

1) нужно сохранить армію полковника Бермонта, создавъ для нея благопріятную моральную поддержку;

2) нужно широчайшимъ образомъ развить пропаганду среди русскихъ военно-плѣнныхъ въ германскихъ лагеряхъ и, немедленно, приступить къ цѣлому ряду новыхъ формированій;

3) работа, хотя бы первоначальная, должна начаться на русскія деньги;

4) во главѣ всего должно стоять лицо съ популярнымъ именемъ.

Въ случаѣ проведенія всего этого въ жизнь, за основаніе нужно принять: «Bis dat qui cito dat» — дающій скоро, даетъ вдвое.

Приложеніе.

НѢКОТОРЫЯ ЦИФРОВЫЯ ДАННЫЯ ПО ЗАТРОНУТОМУ ВОПРОСУ.

Содержаніе людей исчисляется посуточно по слѣдующему расчету:

I.	Младшій офицеръ	24 м.
	Ротный командиръ	30 м.
	Батальонный командиръ	36 м.
	Рядовой офицеръ	18 м.*)
	Доброволецъ	11 м.*) (также и специалисты)
	Взводный	17 м.

*) Плюсъ 4 марки въ сутки на продовольствіе.

II. Винтовка—интендантская цѣна по повышенной немного оцѣнкѣ мирнаго времени около — 25 марокъ.

Револьверъ—около 15-57 марокъ (въ частной продажѣ 95-100 м.).

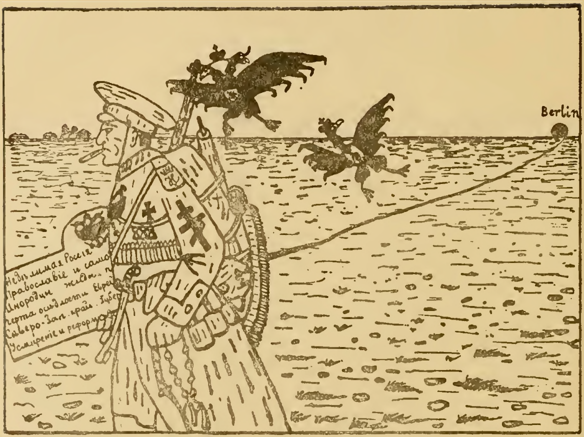
III. Офицерское обмундированіе по казенной расцѣнкѣ:

Пальто	99 м.
Мундиръ	60 м.
Галифе	45 м.
Комплектъ офицерск. бѣлья	35 м.

IV. Полный комплектъ обмундированія вооруженія и снаряженія солдата 700-800 мар.

V. Примѣръ:

Формированіе одного авіаціоннаго отряда, числомъ въ 12 аэроплановъ и 150 солдатъ (24 офицера), съ покупкой снарядовъ, вооруженія, снаряженія полнаго обмундированія его, включительно до техническаго аванса, обойдется 1 милліонъ 300 тысячъ мар.; съ денежнымъ и продовольственнымъ содержаніемъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ, примѣрно — 2 милліона марокъ.



Литовская каррикатура-примитивъ на Берм.-Авалова
(„The German Occupation in Lithuania 1915-1919".)

IY.

ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ

ПИСЬМО

Верховнаго Правителя
Адмирала А. В. Колчака.

Донскому Атаману
Генералу А. П. Богаевскому.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
и
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ

28 Іюня 1919 г.
№ 95
Омскъ.

Глубокоуважаемый
Африканъ Петровичъ.

Я получилъ письмо Ваше, переданное мнѣ генералъ-маіоромъ Сычовымъ, который отправляется мною обратно на югъ Россіи для личнаго доклада Вамъ и Главнокомандующему А. И. Деникину о положеніи вещей въ Сибири и на нашемъ фронтѣ. Онъ снабженъ всѣми документами и я полагаю крайне полезнымъ его возвращеніе и пребываніе на Войсковомъ Кругѣ, гдѣ онъ можетъ сдѣлать обстоятельный докладъ.

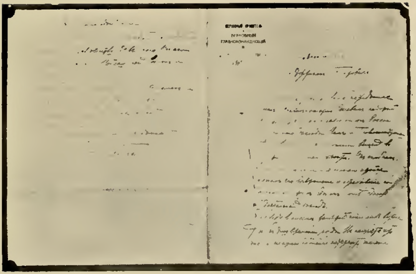
Я не буду въ письмѣ разбирать какіе либо вопросы, т.к. къ тому времени, когда Вы получите это письмо, текущія положенія потеряютъ значеніе; о постоянныхъ или болѣе устойчивыхъ вопросахъ доложитъ Вамъ генералъ-маіоръ Сычевъ, располагающій соотвѣтственнымъ письменнымъ матеріаломъ.

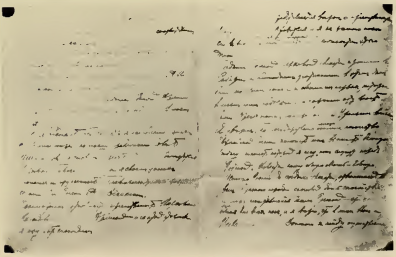
Я хочу упомянуть объ одномъ актѣ, которому я придаю большое государственное значеніе.

Недѣлю тому назадъ я получилъ телеграмму отъ А. И. Деникина съ его приказомъ за № 95.

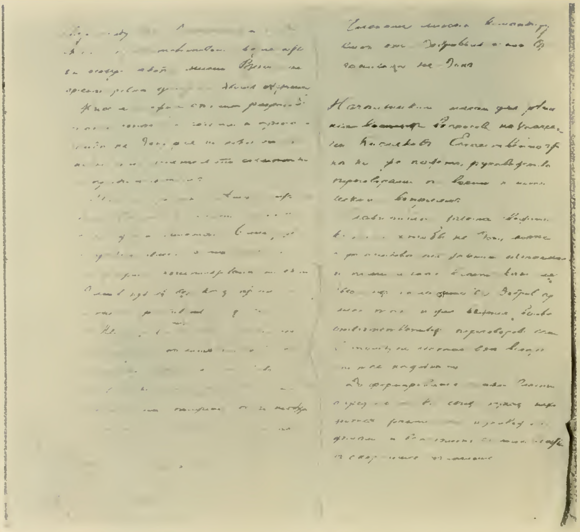
Донскому Атаману А. П. Богаевскому
Адмирал Колчак 25-VI-19
Омск

(Послѣдній портретъ Адмирала А. В. Колчака).





Письмо Адмирала А. В. Колчака Донскому Атаману А. П. Богаевскому.



1-я и 3-я страницы «Наказа» генерала Алексѣева членамъ Донской Миссіи.

Этотъ приказъ опредѣляетъ созданіе Единой Арміи Русской и Единое Верховное Командованіе въ моемъ лицѣ.

Желая обезпечить это единство, я немедленно принялъ слѣдующія мѣры: по моему предложенію Совѣтъ Министровъ постановилъ учредить должность Замѣстителя Верховнаго Главнокомандующаго, и я своимъ указомъ назначилъ на эту должность Главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи А. И. Деникина.

Такимъ образомъ устанавливается преемственность Верховнаго Командованія Русской Арміей и съ этой стороны я могу быть спокойнымъ.

Болѣе сложнымъ представляется вопросъ о преемственности власти Верховнаго Правителя, и я не рѣшаю пока его, въ виду огромной политической сложности этого дѣла.

Созданіе Единой Верховной Власти произошло въ Сибири и ближайшими участниками въ этомъ дѣлѣ были Сибирскіе казаки и одними изъ первыхъ, которые въ моемъ лицѣ поддержали и укрѣпили эту власть — были Оренбургскія, Семирѣченскія и Уральскія войска.

Я увѣренъ, что государственно мыслящее казачество Европейской Россіи поможетъ мнѣ выполнить великую задачу, тяжесть которой я несу, какъ службу передъ Родиной. Довести нашу общую Мать-Единую, Великую Россію до созданія Власти, отвѣчающей волѣ Русскаго народа, способной дать спокойствіе и миръ изстрадавшейся Землѣ Русской — это цѣль общая для всѣхъ насъ, и я вѣрю, что въ лицѣ Васъ и Всевеликаго Войска Донского я найду осуществленіе работъ по достиженію этой цѣли.

Примите мой сердечный привѣтъ и передать не откажите Правительству Всевеликаго Войска Донского и самому Войску мой поклонъ и пожеланія.

Господь Богъ да сохранитъ Васъ, Атаманъ, и Войско и благословитъ тяжкіе труды Ваши для спасенія и блага Родины нашей.

Глубокоуважающій и преданный
А. Колчакъ.

ИНФОРМАЦІОННОЕ ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексѣева

Генералу А. И. Деникину.
(іюнь 1918 г.)

Глубокоуважаемый
Антонъ Ивановичъ,

Я получилъ Вашу телеграмму и, согласно просьбы, пока остаюсь, но считаю необходимымъ сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя меня крайне озабачиваютъ.

I. Здѣсь получено распоряженіе высшаго германскаго командованія о заключеніи перемирія съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ на Таганрогскомъ и Батайскомъ; въ Донской Области перемиріе заключено лишь по ликвидаціи Таганрогскаго десанта, но въ раіонѣ Койсуга до сихъ поръ слышна артиллерійская перестрѣлка. Это объясняется повидимому отчасти несочувствіемъ къ вышеозначенному распоряженію К-ра Германскаго Корпуса (Ростовскаго), представившаго будто бы даже по этому вопросу генералу Эйхгорну особый докладъ. Его (К-ра К-са) точка зрѣнія такова, что перемиріе въ данный моментъ является неудобнымъ актомъ по отношенію къ казачеству, съ которымъ германцы находятся въ союзѣ, и которые еще не овладѣли Царицыномъ. Тѣмъ не менѣе, если подтвержденіе этого приказа послѣдуетъ, то перемиріе будетъ заключено, ибо «такова воля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», какъ сказалъ кому то изъ членовъ Донского Правительства К-ръ К-са и, затѣмъ прибавилъ, что «конечно, за нами останется свобода дѣйствій». Изъ его словъ можно было понять, что въ случаѣ пропуска большевиковъ на сѣверъ — они предварительно будутъ разоружены. Кромѣ изложеннаго имѣются и другія данныя, мѣняющія совершенно нашу обстановку.

II. 4 іюня вечеромъ, пріѣхавшій изъ Кіева генер. Свѣчинъ, дѣлалъ

Правительству докладъ, сущность коего, въ краткихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ:

сначала и Украинцы и нѣмцы были дружелюбно настроены и очень любезны и предупредительны по отношенію къ Дону, но затѣмъ, послѣ деклараціи Донского Правительства о признаніи себя частью Единой, Недѣлимой Россіи — отношенія круто измѣнились въ отрицательную сторону въ такой степени, что по частнымъ слухамъ Донскому Правительству будто бы грозитъ смѣна, а въ Новочеркасскѣ даже будто бы имѣетъ быть назначенъ германскій комендантъ. Этотъ переломъ въ отношеніяхъ къ Дону по моему понимается просто: съ объявленіемъ означенной деклараціи, Донъ становится на прямо противоположную политическую платформу по отношенію къ Украинѣ и, кромѣ того, такимъ мужественнымъ признаніемъ привлекаетъ къ себѣ не мало симпатій среди разныхъ круговъ — это съ одной стороны. Съ другой — хотя въ основныхъ чертахъ означенная декларація и совпадаетъ съ нѣмецкимъ взглядомъ на этотъ вопросъ, но Дономъ предвосхищена идея — объявленіе во всеуслышаніе того, о чемъ нѣмцы только думаютъ — и опять не мало симпатій, благодаря этому, будетъ отторгнуто отъ нѣмцевъ и привлечено на сторону Донцовъ.

Въ связи съ изложеннымъ въ I и II п. п. повидимому происходитъ концентрація войскъ на ст. Лихой и можетъ быть даже ударъ на Царицынъ, *что поставитъ насъ въ крайне затруднительное положеніе.* Кромѣ того, сегодня (5 іюня) утромъ у Атамана были два нѣмецкихъ маіора, командированныхъ Эйхгорномъ изъ Кіева и зондировавшихъ весьма основательно почву относительно Юго-Восточнаго Союза, который, по ихъ мнѣнію, представляетъ фикцію; съ ихъ стороны дѣлались весьма прозрачные намеки о «сліяніи Дона и Украины въ одно цѣлое» — т. е. о контактѣ въ томъ или иномъ видѣ.

По моему, вопросъ поднятый нѣмцами, находится въ тѣсной связи съ предстоящимъ совѣщаніемъ Кубанскаго Правительства и Рады.

Всѣ изложенные вопросы требуютъ тщательнаго изученія, ибо они могутъ оказать серьезное вліяніе не только на общее положеніе Добровольческой Арміи, но и на ея ближайшую оперативную дѣятельность.

Финансовая операція, въ размѣрѣ 4-хъ милліоновъ руб., противъ моего ожиданія, прошла благополучно и я имѣю обязательство Донского

Правительства на выплату во второй половинѣ іюня 2-хъ милліоновъ и во второй половинѣ іюля остальныхъ 2-хъ милліоновъ рублей; о деталяхъ выплаты я войду въ соглашеніе съ Управляющимъ Финансовымъ Отдѣломъ.

Атаманъ въ этомъ вопросѣ пошелъ мнѣ навстрѣчу, но это не означаетъ, что вообще отношеніе его къ Добровольческой Арміи измѣнилось въ благопріятную для насъ сторону, напротивъ имѣются прямыя данныя предполагать, что отношеніе его къ намъ ухудшается на почвѣ нѣкоторыхъ отказовъ, такъ напримѣръ Атаманъ сильно недоволенъ отказомъ въ предоставленіи въ его распоряженіе полковника Андреева — я съ своей стороны считаю, что за полученную финансовую поддержку, мы должны бы въ этомъ, второстепенномъ для насъ вопросѣ,пойти на встрѣчу пожеланіямъ генерала Краснова.

Вторымъ поводомъ къ недовольству его является, повидимому, несходство въ оперативныхъ взглядахъ (ударъ на Кущовку) — съ своей стороны нахожу, что въ этомъ отношеніи мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствій, не смущаясь ничьимъ неудовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію ОБСТАНОВКА ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЗАСТАВИТЪ НАСЪ ОБРАТИТЬ СВОИ ВЗОРЫ И ДѢЙСТВІЯ ВЪ СѢВЕРНОМЪ НАПРАВЛЕНІИ.

Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на совокупность матеріала помѣщеннаго въ «Приазовскомъ Краѣ» отъ 5-8 іюня № 63 *).

Третьей причиной недовольства является инцидентъ въ Безсергеніевкѣ, гдѣ нѣкоторые офицеры Офицерскаго полка учинили дебошъ, врываясь съ винтовками въ дома и гоняясь за станичнымъ атаманомъ. По этому поводу у генер. Краснова была делегація, съ станичнымъ атаманомъ во главѣ, съ жалобой на дѣйствія офицеровъ Добровольч. Арміи.

Назрѣваетъ новый конфликтъ между казаками и отрядомъ полковника Глазенапа въ ст. Грушевской гдѣ, по слухамъ, его офицеры будто бы выпороли какую то бабу — несомнѣнно и это дойдетъ, если только не дошло уже, до Атамана**).

Вообще отношеніе казачества къ Добровольческой Арміи, — въ связи съ увлеченіемъ нѣкоторыхъ офицеровъ политикой, переходящей зачастую

---

*) Первыя телеграммы объ активномъ выступленіи противъ сов. власти чехо-словацкой арміи. (Ред.)

**) Этотъ слухъ оказался провокаціоннымъ. (Ред.)

въ грубое политиканство, назойливой бравадой монархическихъ идей среди неподготовленнаго еще къ этому населенія — можетъ имѣть нежелательныя и крайне опасныя для насъ послѣдствія.

Нѣсколько словъ о полковникѣ Тимановскомъ: 4-го іюня я вынужденъ былъ пригласить его къ себѣ, т. к. получилъ слишкомъ много и изъ разныхъ источниковъ свѣдѣній, что втеченіи первыхъ двухъ дней, Офицерскій полкъ питался только консервами по той яко бы причинѣ, что штабъ Всевеликаго Войска Донского и генералъ Денисовъ не пошли въ этомъ направленіи навстрѣчу требованіямъ генерала Маркова и полковника Тимановскаго.

Офицеры въ институтѣ размѣщены прямо на каменномъ полу корридоровъ, тогда какъ Вы быть можетъ помните, что въ декабрѣ и январѣ свыше 1000 человѣкъ имѣли кровати и тюфяки*) — опять полученъ докладъ, что генералъ Денисовъ не пошелъ на встрѣчу.

Околодокъ полка въ отрицательномъ состояніи — только теперь отъ генер. Эльснера получены простыни, а я вѣдь разрѣшилъ за счетъ суммъ арміи произвести расходы, между прочимъ и на покупку термометровъ.

На мой вопросъ — почему не обратились ко мнѣ за содѣйствіемъ? — полковникъ Тимановскій отвѣтилъ, что онъ только что узналъ о моемъ пріѣздѣ, хотя въ теченіи 1, 2 и 3 іюня у меня перебывало значительное количество военныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей г. Новочеркасска.

Еще нѣсколько словъ о нѣмцахъ: имѣются свѣдѣнія, о присылкѣ нѣмцами офицера изъ Ростова для связи съ Донскимъ Правительствомъ — разумѣется, понятно, въ какихъ цѣляхъ — необходимо будетъ Политическому Отдѣлу огранизовать самую тщательную контръ-развѣдку.

Генералъ *М. Алексѣевъ.*

---

*) Въ періодъ Донск. Атам. А. М. Каледина. (Ред.)

НАКАЗЪ

данный генераломъ М. В. Алексѣевымъ,

ЧЛЕНАМЪ МИССІИ КОМАНДИРУЕМОЙ ОТЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ НА ДОНЪ.*)

Начальникомъ миссіи для рѣшенія военныхъ вопросовъ назначенъ генералъ Кисляковъ. Естественно, что на него же падаетъ руководство переговорами по военно-политическимъ вопросамъ.

Главнѣйшая работа сводится къ тому, чтобы на Дону скорѣе сърганизовалась законно избранная и полномочная власть, какъ для быстрыхъ соглашеній съ Добровольческой Арміей, такъ и для веденія болѣе соотвѣтственныхъ переговоровъ, если въ томъ по обстановкѣ, встрѣтится надобность.

До формированія такой власти опредѣлить въ чьихъ рукахъ находится фактическое руководство дѣлами, и вступить съ этой властью въ скорѣйшее соглашеніе.

Перенеся временно театръ своей боевой дѣятельности на территорію войска Донского, Добр. армія вправѣ увѣренно разсчитывать, что не только военныя операціи, но и военно-политическая работа Дона будетъ вполнѣ согласована съ работой Добр. арміи.

Добр. армія, не связанная частными интересами съ тою или другою областью, преслѣдуетъ общегосударственные интересы и поэтому является лучшимъ связующимъ звеномъ для всѣхъ элементовъ, ведущихъ борьбу съ большевизмомъ. Руководство Добр. арміи представляется естественнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

Соглашеніе между Дономъ и Кубанью, тѣсно связывая интересы обла-

*) Миссія эта была командирована на Донъ тотчасъ же по возвращеніи Добр. Арміи изъ Ледяного похода. (Ред.).

стей въ единое, облегчаетъ, какъ выполненіе общегосударственной задачи, такъ и постановку частныхъ стратегическихъ задачъ.

Установленіе прочной, постоянной связи между Добр. Организаціей и Донскимъ правительствомъ возлагается на особую заботу миссіи. Взаимная оріентировка должна быть обезпечена.

Миссія должна спѣшно подготовить вопросъ о полученіи мною по переводнымъ билетамъ 6 мил. рублей и о предоставленіи остающихся для Добр. арміи неиспользованными около 9 мил. рублей, безъ коихъ армія не можетъ развивать своихъ силъ.

Желательно, чтобы Донское правительство организовало при Добр. арміи свое представительство съ реквиз. комиссіей, дабы облегчить Добр. арміи полученіе всего необходимаго и разсчеты за взятое.

Генералъ *Алексѣевъ*.

22 апрѣля 1918
Ст. Егорлыкская.

ПИСЬМО

Основателя и Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи
Генерала М. В. Алексѣева

Атаману Всевеликаго Войска Донского
Генералу П. Н. Краснову.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добр. Армія.

Милостивый Государь
Петръ Николаевичъ,

4 Іюля сего года Вы издали приказъ о введеніи осаднаго положенія на территоріи Всевеликаго Войска Донского.

Я увѣренъ, что этотъ приказъ ни въ какой мѣрѣ не направленъ противъ Добровольческой Арміи, но все же при нѣкоторыхъ его толкованіяхъ могутъ быть созданы весьма значительныя препятствія добровольческому дѣлу и, кромѣ того, въ широкихъ кругахъ общества можетъ создаться впечатлѣніе, что различныя ограниченія, которыя этимъ приказомъ созданы, имѣютъ въ виду именно Добровольческую Армію.

Приказъ не упоминаетъ о солдатахъ и вообще добровольцахъ не офицерскаго званія, направляющихся въ Армію; такимъ образомъ, значительная часть прибывающихъ къ намъ людей не имѣетъ возможности останавливаться въ Ростовѣ, а также, какъ по смыслу приказа нужно, и въ Новочеркасскѣ, и поэтому крайне желательно было бы именно въ этомъ вопросѣ избѣгнуть неясности.

Ограниченія времени пребыванія офицеровъ въ г. Ростовѣ, а при распространительномъ толкованіи и въ Новочеркасскѣ лишь тремя днями, является очень стѣснительнымъ, такъ какъ за этотъ срокъ добровольцы не успѣваютъ пройти черезъ всѣ наши учрежденія и отбыть въ Армію: бюро записи, Военно-Политическій Отдѣлъ, лазаретъ и пр.

Значительныя препятствія въ дѣлѣ набора добровольцевъ создаетъ

устанавливаемый на границахъ Области, повидимому, строгій контроль, цѣль котораго мнѣ не совсѣмъ ясна.

Начальникъ моего Военно-Политическаго Отдѣла, Генеральнаго Штаба Полковникъ Лисовой доложилъ мнѣ о бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ съ Вами по поводу вышеозначеннаго приказа. *)

Я совершенно удовлетворенъ результатами этой бесѣды и ея содержаніе лишь подтверждаетъ мою мысль, что Ваши дѣйствія ни въ какой мѣрѣ и не могли быть направлены противъ Добровольческой Арміи. Но все же я просилъ бы, если бы Вы нашли это возможнымъ, въ соотвѣтствующемъ дополненіи болѣе ясно указать въ какой мѣрѣ приказъ объ осадномъ положеніи касается Добровольческой Арміи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно способствовало бы прекращенію тѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, которые ходятъ о треніяхъ между Добровольческой Арміей и Войскомъ Донскимъ.

Если эти слухи и имѣютъ нѣкоторое основаніе, то я вполнѣ увѣренъ, что всякаго рода недоразумѣнія, всегда будутъ улажены при добромъ желаніи обѣихъ сторонъ.

Я со своей стороны всегда готовъ оказать Вамъ въ этомъ содѣйствіе.

Я прошу Васъ вѣрить, что изъ всѣхъ, находящихся сейчасъ на территоріи Области элементовъ, не принадлежащихъ къ ея составу, Добровольческая Армія является наиболѣе расположеннымъ къ Всевеликому Войску

---

*) Приказъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ, явился для Добровольческой Арміи «ударомъ грома — среди тихаго неба»; генералъ Алексѣевъ склоненъ былъ видѣть въ этомъ «тяжелую нѣмецкую руку, придавившую генер. Краснова».

Получивъ приказаніе генер. Алексѣева отправиться къ Атаману и выяснить истинныя причины, послужившія для отдачи столь грознаго для Добровольческой Арміи, приказа, я, бесѣдуя съ генер. Красновымъ, видѣлъ, что онъ искренно огорченъ столь обиднымъ для него, толкованіемъ его распоряженій и получилъ категорическія завѣренія, что приказъ этотъ ни въ какой степени не относится къ «братской Добровольч. Арміи». Когда же я задалъ генер. Краснову вопросъ — будетъ ли этотъ приказъ отмѣненъ въ смыслѣ распространенія дѣйствій его на Добровольческую Армію, то получилъ тотъ же отвѣтъ съ добавленіемъ, что «приказы отдаются не для того того чтобы ихъ отмѣнять».

Мои старанія получить отъ Атамана письменныя гарантіи его завѣреній — также не увѣнчались успѣхомъ, но генералъ Красновъ изъявилъ готовность лично завѣрить генер. Алексѣева въ неприкосновенности Добровольческой Арміи.

Послѣ доклада моего генералу Алексѣеву, — генералъ уклонился отъ личныхъ гарантій и въ тотъ же день написалъ Атаману вышеизложенное письмо.

Насколько я помню, отъ генер. Краснова отвѣтъ былъ полученъ вполнѣ удовлетворительный и никакихъ дальнѣйшихъ осложненій по этому вопросу не было. *Я. Л.*

Донскому; причиной этому служатъ не только чувства симпатіи и столь недавняя общая боевая работа, но также и несомнѣнное во многомъ совпаденіе задачъ Добровольческой Арміи и Войска Донского. Содѣйствіе Добровольческой Арміи Всевеликому Войску въ его задачахъ будетъ безкорыстнымъ, болѣе чѣмъ чье бы то ни было и, слѣдовательно, какъ болѣе отвѣчающее его дѣйствительнымъ интересамъ.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

6 Іюля 1918 года.
г. Новочеркасскъ
№ 92.

ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексѣева

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добровольческая
Армія

Милостивый Государь,
Африканъ Петровичъ,

для Вашего свѣдѣнія сообщаю Вамъ, *что къ вечеру* 12 іюля положеніе дѣлъ на фронтѣ Добровольческой Арміи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) судя по перехваченной телеграммѣ большевиковъ Ейскъ очищенъ и совѣтской властью и совѣтскими войсками и, можно разсчитывать, безъ сопротивленія будетъ занятъ нашей конницей.

2) часть нашихъ силъ направляется на Тимашевскій ж. д. узелъ, для дѣйствія оттуда противъ Екатеринодара съ сѣверной стороны.

3) главная масса войскъ на Екатеринодарскомъ направленіи своими передовыми частями заняла ст. Пластуновскую, примѣрно въ 30 верстахъ отъ Екатеринодара.

Постоянный гарнизонъ Екатеринодара не превышаетъ полуторы тысячи человѣкъ, но въ настоящее время черезъ городъ проходятъ многочисленныя отступающія части и произвести болѣе или менѣе приблизительный подсчетъ тѣмъ силамъ, которыя могутъ быть стянуты большевиками для защиты Екатеринодара, не представляется возможнымъ.

Во всякомъ случаѣ Командующій Арміей приказалъ приступить немедленно къ подготовкѣ окончательной операціи противъ Екатеринодара.

Подготовка эта начнется 13-го іюля и, надо полагать, въ ближайшіе дни г. Екатеринодаръ — этотъ одинъ изъ оплотовъ власти большевиковъ на Кубани, будетъ сокрушенъ.

4) Колонна, обезпечивающая главную операцію съ юга и юго.-запада, переправившись черезъ р. Кубань у ст. Телишбенской, быть можетъ будетъ развивать наступленіе на Армавиръ, если обстановка этому будетъ благопріятствовать.

5) Импровизированный отрядъ полк. Шкуро, при содѣйствіи войскъ Добровольческой Арміи, занялъ и, надо полагать, окончательно Ставрополь, положивъ тѣмъ начало очищенію отъ большевиковъ Ставропольской губерніи.

Какъ Вы видите, операція на Кубани и въ Ставропольской губерніи находится въ полномъ развитіи и прервать ее безъ вреда для общаго дѣла не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что на ея окончательное завершеніе не потребуется и слишкомъ много времени.

Быть можетъ въ интересахъ полнаго обезпеченія тыла, часть войскъ придется употребить на возстановленіе порядка въ Терской области, прежде чѣмъ окончательно передать мѣстнымъ ополченіямъ продолженіе борьбы съ большевиками и уничтоженіе признаковъ ихъ власти.

Но все это задачи частнаго характера, лишь обезпечивающіе выполненіе главной задачи. Необходимо опредѣленно установить тотъ взглядъ, что Добровольческая Армія не отказывается и не имѣетъ основачій уклоняться отъ взятія Царицина.*) Весь вопросъ во времени приступа къ этой операціи въ зависимости отъ прочнаго обезпеченія тыла и путей сообщенія.

*) Вопросъ о времени приступа къ царицынской операціи — былъ однимъ изъ пунктовъ расхожденія во взглядахъ между Донскимъ и Главнымъ Команд. Добр. Арм.

Въ то время, какъ генералъ Красновъ настаивалъ на немедленномъ началѣ военныхъ дѣйствій по овладѣнію этимъ пунктомъ («я дамъ для этой цѣли и деньги, и орудія, и снаряды, и живую силу — если у меня не хватитъ — я выпрошу у нѣмцевъ» не разъ говорилъ генералъ Красновъ) — Главное Командованіе Добр. Арм. не находило возможнымъ приступить къ этому прежде чѣмъ не будетъ очищенъ отъ большевиковъ тылъ Д. А. — т. е. Кубанская обл. Генералъ М. В. Алексѣевъ сперва повидимому раздѣлялъ взгляды Донского Атамана и въ своихъ письмахъ къ генераламъ Деникину и Романовскому неоднократно подчеркивалъ важность этой задачи, предостерегая отъ «углубленія на Кубань, которое можетъ повести къ гибели» (письмо генер. Алексѣева отъ 30 іюня 1918 г.)

Послѣ поѣздки въ Штабъ Добр. Арм. и изученія обстановки на мѣстѣ, генералъ Алексѣевъ, хотя и измѣнилъ нѣсколько свой первоначальный взглядъ относительно времени начала Царицынской операціи, — тѣмъ не менѣе, однако, считаетъ этотъ вопросъ настолько важнымъ, что:

1) дѣйствія на царицынскомъ направленіи опредѣляетъ какъ *главную* задачу Добр. Арм.

2) назначаетъ чуть-ли не предѣльный срокъ начала этой операціи и

3) настоятельно проситъ не подпускать къ Царицыну нѣмецкія войска.

Независимо отъ этого,—подписаніе договора и фактическое образованіе Юго-Восточнаго Союза могло поставить не окрѣпшую еще Добр. Арм. въ такое по-

Разсматривая размѣръ предстоящей впереди работы, прикидывая время на переброску и сосредоточеніе войскъ, мы можемъ предполагать, что операція противъ Царицына начнется войсками Добровольческой Арміи черезъ 2½ — 3 недѣли.

Срокъ, можетъ быть, продолжительный, но необходимый и съ этимъ приходится считаться и согласовать соображенія Донского Командованія, дабы операцію эту сдѣлать нашимъ общимъ дѣломъ, не допуская въ ней никоимъ образомъ участія нѣмцевъ.

Изложивъ Вамъ съ полной откровенностью и положеніе дѣлъ въ арміи и наши общія предположенія не только для Вашего свѣдѣнія, но и для того, чтобы Вы взяли на себя трудъ изложить это Атаману, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю своимъ долгомъ отъ лица Добровольческой Арміи просить содѣйствія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Всякое ускореніе подписанія договора объ образованіи Юго-Восточнаго Союза (Доно-Кавказской Республики) можетъ поставить Добровольческую Армію въ безъисходное положеніе. Между тѣмъ, какъ отсрочка этого акта будетъ отвѣчать интересамъ не только Арміи, но и территоріальныхъ

ложеніе, что въ любое время, подъ давленіемъ нѣмецкаго командованія (которое, кстати сказать, относилось съ большимъ вниманіемъ къ ходу означенныхъ переговоровъ), могъ возникнуть вопросъ о ея разоруженіи, какъ находящейся на чужой территоріи.

Вотъ почему генералъ Алексѣевъ, являясь въ принципѣ сторонникомъ означеннаго соглашенія, проситъ о временномъ задержаніи подписанія этого акта.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что генералъ Красновъ охотно согласился пріостановить подписаніе означеннаго акта, что же касается отсрочки боевыхъ дѣйствій подъ Царицыномъ, то Донской Атаманъ хотя согласился и на это, но по его словамъ «съ болью въ сердцѣ».

Изъ послѣдующаго письма генерала Романовскаго къ генералу А. Богаевскому видно, что еще въ концѣ сентября не только не было приступлено къ операціи, но что операція эта отлагается на нѣкоторое время... Какъ извѣстно, Царицынъ былъ взятъ лишь 17 іюня 1919 г.

Еще одна характерная черта — какъ предыдущее письмо генерала Алексѣева такъ и послѣдующее письмо генерала Романовскаго, такъ вообще и большинство писемъ направляются на имя генерала А. П. Богаевскаго не только какъ Управляющаго Отдѣл. Иностранныхъ дѣлъ, но, по выраженію генерала Алексѣева, какъ «единственнаго друга Добровольческой Арміи, отъ котораго у меня нѣтъ никакихъ секретовъ» — почва непосредственныхъ сношеній между Главными Командованіями Донской и Добровольческой Арміями къ этому времени накалилась въ такой степени, что генералу А. Богаевскому зачастую приходилось разрѣшать рядъ вопросовъ не всегда находившихся въ сферѣ его непосредственныхъ обязанностей, какъ напр., въ данныхъ случаяхъ вопросъ о снабженіи Добр. Арм. огнестрѣльными припасами, о разстройствѣ нѣмецкихъ стратегическихъ плановъ и т. п. (Ред.)

единицъ, входящихъ въ составъ Союза, особенно на Кубани. Вопросъ этотъ зависитъ, главнымъ образомъ, насколько мнѣ это извѣстно, отъ Атамана Войска Донского, а потому я обращаюсь черезъ Васъ къ нему съ просьбой задержать подписаніе акта.

2) Вѣрны или нѣтъ мои свѣдѣнія — но знаю, что уже дней 10, какъ ведется сосредоточеніе трехъ германскихъ дивизій къ ст. Лихой. Цѣль этого сосредоточенія, говорятъ, совмѣстныя дѣйствія нѣмцевъ и казаковъ, по приглашенію генерала Краснова, противъ Царицина. Болѣе всего и убѣдительно прошу отказаться отъ этого проэкта. Я выяснилъ уже неизбѣжность для Добровольческой Арміи этой операціи — нужна только выдержка, и было бы болѣе чѣмъ грѣшно, если бы мы своими собственными руками или хотя бы косвенно содѣйствовали нѣмцамъ въ появленіи ихъ въ раіонѣ Царицына на Волгѣ. Дѣло въ томъ, что по свѣдѣніямъ изъ Кіева, нѣмцы спѣшно уводятъ изъ сѣверной части Украины свои войска и направляютъ свѣжія части изъ Украины на Москву и далѣе на Волгу въ предвидѣніи сбора тамъ союзныхъ войскъ.

Допуская ихъ къ Царицыну, мы сами создаемъ для нихъ въ высшей степени благопріятную обстановку. Нужно не приглашать, а принять всѣ возможныя мѣры къ тому, что бы разстроить стратегическія предположенія нѣмцевъ.

За содѣйствіемъ по этимъ двумъ вопросамъ капитальнѣйшей важности я и обращаюсь къ Вамъ въ глубокой надеждѣ, что Вы поможете избѣжать тѣхъ крайнихъ затрудненій, съ которыми придется имѣть дѣло и Юго-Восточному Союзу и Добровольческой Арміи. Прежде всего необходимо точно выяснить, дѣйствительно ли совершается сосредоточеніе крупныхъ нѣмецкихъ войскъ въ раіонѣ ст. Лихой.

Прошу принять увѣренія въ совершеннѣйшемъ моемъ почтеніи и преданности.

Мих. Алексѣевъ.

12 Іюля 1918 г.
№ 96
Ст. Тихорѣцкая.

ПИСЬМО

Начальника Штаба Добровольч. Арміи
Генерала И. П. Романовскаго

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому

Начальникъ Штаба
Добровольческой Арміи

№ 678
26 сентября 1918 года
Екатеринодаръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Добровольческая Армія достигла въ сентябрѣ мѣсяцѣ крупныхъ успѣховъ. Оперирующіе на Кубани Совѣтскіе войска оказались окруженными и, казалось, могли бы быть уничтожены, послѣ чего большая часть Добровольческой Арміи, согласно и ранѣе бывшихъ предположеній, начала бы немедленно содѣйствовать Донцамъ работою въ непосредственной связи съ ними, въ Царицынскомъ и Приволжскомъ раіонахъ.

Однако окруженныя скопища большевиковъ оказались столь многочисленными, а состояніе огнестрѣльныхъ запасовъ Добровольческой Арміи столь незначительными, что развивать операціи въ прежнемъ масштабѣ стало для насъ невозможнымъ.

Сжимавшее большевиковъ наше кольцо прорвано у Невинномысской, и нынѣ является опасеніе, что большая часть большевистскихъ массъ уйдетъ, и уйдетъ, судя по уже двинувшимся отрядамъ, на сѣверъ, въ Астраханскія степи и далѣе, вѣроятно, на Царицынъ.*)

Такимъ образомъ наша вынужденная въ данное время бездѣятельность во 1) даетъ возможность значительно усилиться Царицынской группѣ противника, дѣйствующаго противъ арміи Всевеликаго Войска Донского, и во

*) А частью угрожаетъ движеніемъ на Торговую и Царицынъ — тылу Донской Арміи. *Романовскій.*

2) отлагаетъ время выступленія Добровольческой Арміи на Царицынскомъ направленіи.

Единственная мѣра, которая могла бы помочь въ этомъ случаѣ — это немедленное снабженіе Добровольческой Арміи патронами и снарядами въ количествѣ болѣе соотвѣтствующемъ его задачамъ.

Единственнымъ же источникомъ возможнаго пополненія является Всевеликое Войско Донское. Общность нашей боевой работы, общность оперативныхъ задачъ и совмѣстный общій фронтъ, общія задачи и въ прошломъ и въ будущемъ — все это позволяетъ мнѣ просить Васъ отнестись въ дѣлѣ снабженія артиллерійскаго Добровольческой Арміи, какъ къ своимъ частямъ и разрѣшить этотъ вопросъ возможно благожелательнѣе.

Обезпеченіе Добровольческой Арміи снарядами и патронами ускоритъ побѣду Дона надъ общимъ врагомъ.

Прошу Васъ не отказать въ увѣдомленіи меня по содержанію этого письма.

Прошу Васъ принять увѣренія въ моемъ глубокомъ уваженіи и искренней преданности

И. Романовскій.

Примѣчаніе: На этомъ письмѣ имѣется слѣдующая резолюція Генерала А. П. Богаевскаго:

„Оставить въ Ставрополѣ 1.000.000 руж. патроновъ и 50.000 снарядовъ“

Генералъ А. П. Богаевскій

ДИРЕКТИВЫ

генерала Алексѣева замѣстителю Начальника Политическаго Отдѣла

Генералъ
АЛЕКСѢЕВЪ.

Хорунжему Кравченко.

7-9-18.
Въ докладъ полк. Лисовому по его возвращенiи.
Хор. Кравченко

Намъ нужно *скорѣе* переселиться изъ центральной гостинницы. Состоянiе кассы армiи допускаетъ нѣкоторый расходъ на наемъ квартиры. Полагаю, что все это нужно продѣлать немедленно и не подвергать себя непрiятнымъ послѣдствiямъ наблюденiя за нами и выкрадыванiя документовъ.*) По соглашенiю съ ген. Романовскимъ будетъ создана особая команда довѣренныхъ курьеровъ и назначенъ полит. отдѣлу автомобиль.

Поручаю Вамъ отъ моего имени посѣтить г-жу Корнилову и доложить, что обезпеченiе въ матерiальномъ отношенiи семьи покойнаго Лавра Георгiевича беретъ на себя, въ силу гражданскаго долга и въ мѣрѣ дѣйствительной возможности , Добр. армiя. Ген. Эльснеру поручено представить г-жѣ Корниловой 14.000 рублей единовременно. Какъ и въ отношенiи семьи С. Л. Маркова, я обратился къ частной благотворительности и вполнѣ разсчитываю на благопрiятные результаты. Писалъ Кубанскому Правительству о назначенiи пенсiи или единовременнаго пособiя. Изыщу способы выдѣлить нѣкоторый процентъ изъ контрибуцiи. Офицеры Полит. Отдѣла должны предоставить себя въ распоряженiе г-жи Корниловой; лично я, по возвращенiи въ

*) Рѣчь идетъ о представителяхъ политич. отд. германскаго командованiя, которымъ было отведено помѣщенiе въ «Центральной гостин.» рядомъ съ Полит. Отд. Добровольч. Армiи. Всѣ представленiя генер. Алексѣева, сдѣланныя имъ Атаману Всев. Войска Донск. относительно «значительныхъ неудобствъ» этого сосѣдства — оказались безрезультатными — удалось только выяснить, что это помѣщенiе отведено по просьбѣ самихъ нѣмцевъ.

Къ сожалѣнiю Полит. Отд. Добр. Арм. до 15 iюля не располагалъ никакими средствами на наемъ отдѣльнаго помѣщенiя. Я. Л.

Новочеркасскъ, буду у нея и выражу полную готовность помощи. Словомъ, сдѣлаемъ все, что можно, чтобы семья не могла остаться при убѣжденiи, что она «покинута всѣми». Прiѣздъ семьи въ Новочеркасскъ былъ дѣйствительно неожиданнымъ для всѣхъ.

Думаю, что въ Новочеркасскѣ склонны придавать преувеличенное значенiе даже мелкимъ проявленiемъ, безъ которыхъ въ крупномъ дѣлѣ обойтись невозможно. Объ инцидентѣ на ст. Кущовка я ничего не зналъ: штабъ армiи не придавалъ ему значенiя и не былъ склоненъ разсматривать его, какъ источникъ недоразумѣнiй. Не откажите выяснить эту точку зрѣнiя. За неумѣстную передовую статью редактору сдѣлано внушенiе. Лично я остаюсь при мнѣнiи, что лучше было бы пресловутаго «Вѣстника»*) не имѣть: онъ часто и садиться и сажаетъ въ лужу. Но штабъ имѣетъ свои желанiя съ которыми нельзя не считаться.

Капитана Тихомирова (онъ полковникъ-самозванный) нужно арестовать и доставить въ армiю. Кажется, онъ самовольно покинулъ армiю (дезертиръ).

Аресты вредящихъ намъ, особенно черезъ нѣмцевъ, *нужно производить* и при томъ собственными средствами, если это можно продѣлать достаточно ловко. При неудачѣ всегда возможно передъ Войскомъ извиниться отъ моего имени, указавъ, что въ виду экстренности и важности дѣла и лица была примѣнена, по моему приказанiю, эстраординарная мѣра. Словомъ, придется такъ или иначе «ликвидировать» *частный случай*. Но самооборона требуетъ дерзанiя.

Въ отношенiи подданныхъ державъ союзныхъ Ваши рѣшенiя, какъ частныя, одобряются. Но придать имъ широкое толкованiе нельзя, ибо подъ видомъ друзей проникнутъ къ намъ люди враждебно настроенные. Не встрѣчалось бы препятствiй къ образованiю изъ самихъ подданныхъ союзныхъ державъ комитета, который вошелъ бы въ непосредственное соглашенiе съ Полит. Отдѣломъ и со Ставропольскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. По выбору и ручательству комитета, Полит. Отд. можетъ направлять со своими пропусками или отдѣльныхъ лицъ или группы до своей территорiи, т. е. до Ставропольской губ., гдѣ полк. Глазенапъ окажетъ законное гостепрiимство и облегчитъ положенiе союзниковъ, придавленныхъ тяжелою нѣмецкою рукою.

*) «Вѣстникъ Добровольческой Армiи» — редакт. А. Кузовенко.

Я не имѣю опредѣленнаго и рѣшительнаго указанія *о пяти милліонахъ*. Если они ассигнованы, то полк. Новосильцевъ долженъ довести это дѣло до конца, т. е. 1) выяснить — кѣмъ, когда ассигнованы, 2) съ кѣмъ мнѣ придется вести дѣло для фактическаго полученія, 3) порядокъ перевода денегъ (какіе банки, гдѣ, какими частями...), 4) какими деньгами можно получить ассигнованіе. Словомъ, нужно разработать всю техническую сторону вопроса, ибо пока у меня нѣтъ опытнаго финансового органа, да и самъ я пока не могу оставить армію и немедленно вернуться въ Новочеркасскъ.

При современномъ положеніи дѣлъ, при наличности «центровъ», «группъ», другъ съ другомъ несогласныхъ, нежелающихъ ничѣмъ поступиться изъ своихъ вѣрованій; при созданіи «національнаго совѣта» путемъ «персональнаго» приглашенія отдѣльныхъ лицъ, — Москва, конечно, явится гнѣздомъ интриги и ареною борьбы двухъ оріентацій. Преобладаніе будетъ переходить то къ одной, то къ другой группѣ; будетъ выдвигаться то та, то другая кандидатура (Алексѣевъ, Гурко, Болдыревъ и т. д.). Выразивъ разъ свое согласіе, поставивъ свои условія, я не втянусь однако въ ходъ интриги. Сохраняя и свое согласіе и перечень своихъ минимальныхъ условій, я ничего не предприму для достиженія цѣли, ибо я ничего не искалъ и не ищу лично для себя. Найденъ другой — достойнѣйшій — ему и книги въ руки, а я или ухожу въ частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр. арміи, ставя цѣлью развитіе ея до предѣловъ, отвѣчающихъ общегосударственнымъ задачамъ. Словомъ, готовый дѣлать дѣло, я уклоняюсь отъ излюбленной интриги , борьбы «центровъ» и «группъ». Этимъ правиломъ я буду руководствоваться и впредь.

По неяснымъ свѣдѣніямъ, ген. Дмитрій Гурко, будто бы, состоитъ на службѣ у совѣтскихъ властей и руководителемъ въ Москвѣ. Желательно повѣрить этотъ слухъ, которому я не склоненъ придавать вѣры.

Генералъ *Алексѣевъ*.

17 іюля 1918
№ 107
Ст. Тихорѣцкая.

ИЗЪ БЛОКНОТА *)

Генерала М. В. Алексѣева.

1) *Мой привѣтъ*— вторичный, какъ знакъ уваженія къ 1 кон. полку.

2) *Мою благодарность* за великую боевую службу доблестнаго полка.

3) *Мое глубокое убѣжденіе*, что доблестные офицеры полка, умѣя безъ счета бить врага, сдержатъ порывы молодости.

4) *Мое желаніе*, чтобы въ наше добровольческое дѣло не вмѣшивать мѣстныя власти, что неизбѣжно, если мы не съумѣемъ остаться на границахъ допустимаго.

5) *Мое требованіе*, чтобы не подать повода ни къ одному аресту мѣстными властями офицера нащей арміи.

6) *Мою вѣру*, что даже въ минуты праздника здравый смыслъ, русское сердце, любовь къ арміи возьмутъ верхъ надъ слабостями человѣческой воли.

---

*) Тезисы рѣчи, которую долженъ былъ произнести на полковомъ праздникѣ 1-го кон. п-ка въ 1918 г. представитель генерала Алексѣева.

Y.

СЛАВЯНЕ - БОЛЬШЕВИЗМЪ - БѢЛОЕ ДВИЖЕНIЕ

Въ статьяхъ и документахъ этого отдѣла согласно просьбѣ авторовъ сохранены всѣ особенности языка Чехо-словаковъ и Карпаторосовъ

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ КЪ СВОБОДѢ.

(*Переводъ съ чешскаго*) *)

Только что получено изъ Вашингтона военное сообщенiе достойное удивленiя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень трогательное: это оффицiальное сообщенiе о томъ, какъ армiя въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, послѣ заключенiя Россiей мира, направляясь съ русскаго фронта къ новой боевой линiи — во Францiю, спасла Сибирь и сберегла для союзниковъ 3.000 миль сибирской желѣзной дороги отъ нѣмцевъ, австрiйцевъ и русской красной гвардiи.

Это извѣстiе — объ одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ переходовъ, которые считаются сверхъ человѣческихъ силъ и которые, въ результатѣ, даютъ невѣроятныя побѣды; это одновременно есть сообщенiе и о крушенiи всѣхъ германскихъ плановъ въ Восточной Россiи, а, можетъ быть, и о спасенiи для союзниковъ всей русской ситуацiи.

Извѣстiе это принесли въ Вашингтонъ представители этой революцiонной армiи чехословаковъ.

Вождь этой армiи, профессоръ Массарикъ, имѣетъ свою Ставку въ этомъ городѣ и они прошли половину мiра, чтобы передать ему эти донесенiя.

Чехословаки — это одинъ изъ тѣхъ подъяремныхъ народовъ, которые въ теченiи цѣлыхъ столѣтiй боролись противъ нѣмцевъ, австрiйцевъ и мадьяръ.

Когда вспыхнула мiровая война — они цѣлыми тысячами бѣжали черезъ русскiя границы, въ Россiю, для того, чтобы въ рядахъ ея воевать противъ Австрiи; другiя тысячи, призванныя въ австрiйскiя армiи, также перешли на сторону Русской Армiи; всего въ Россiи было около ста тысячъ чехословаковъ въ тотъ моментъ, когда русская армiя развалилась.

---

*) Статья эта была написана извѣстнымъ американскимъ писателемъ Гарвью О'Гиггинсомъ, и напечатана во всѣхъ крупныхъ американскихъ газетахъ. Чехословацкiй художественный клубъ въ Нью-Iоркѣ выпустилъ ее отдѣльнымъ изданiемъ съ многочисленными иллюстрацiями работы Й. Т. Каплана и картой Р. Ружички въ сентябрѣ 1918 года. Издана вновь въ Прагѣ по образцу американскаго подлинника, въ января 1919 г. Статья эта , какъ и послѣдующiя, являются великолѣпными образчиками той агитацiонной работы, которая, въ свое время, умѣло велась всюду чехословаками и привлекла къ нимъ всеобшiя симпатiи.

И только ихъ армія, численностью до 50.000 человѣкъ, подъ руководствомъ собственныхъ вождей, удержала свою боевую линію на Украинѣ, въ то время, когда Украина уже заключила миръ съ Германіей.

Когда большевистское правительство въ Москвѣ заключило Брестъ-Литовскій миръ, армія была оставлена на произволъ судьбы — нѣмцамъ.

Австрійскій Императоръ предлагалъ имъ амнистію, если только они возвратятся въ Австрію, и обѣщалъ автономію для ихъ націи, какъ награду за ихъ возвращеніе.

Они отказались вести переговоры съ правительствомъ, которое уже нѣсколько разъ ихъ обмануло, и рѣшили отступить по Сибирской желѣзной дорогѣ, съ намѣреніемъ договориться съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ черезъ Сибирь до Владивостока, гдѣ надѣялись получить пароходы для отправки ихъ во Францію.

Только что успѣли они придти къ этому рѣшенію, какъ узнали, что въ то самое время, когда австрійцы пытались ихъ задержать, предлагая имъ амнистію — нѣмецкая армія уже была выслана въ тылъ, съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ желѣзной дороги.

Армія чехословаковъ была обильно снабжена военными припасами и накопила въ своихъ лагеряхъ снаряженіе Русскихъ Армій, которое послѣ революціи бросилъ фронтъ.

Но одинаково, какъ и у Русскихъ, у нихъ не было продовольствія, корма для лошадей, не было сносной одежды, не было полевыхъ кухонъ, — они были похожи на армію оборванцевъ: въ лоскутьяхъ, съ ногами обернутыми въ тряпки.

Въ дѣйствительности же это была армія интеллигентовъ-энтузіастовъ, — восемьдесятъ процентовъ которыхъ, были люди съ университетскимъ образованіемъ.

Каждая рота везла съ собой библіотеку по нѣскольку сотъ томовъ и они издавали ежедневно, даже въ Сибирскомъ походѣ, газету въ восемь страницъ.

И только ихъ интеллигентность и культурность преодолѣла нѣмцевъ, австрійцевъ и большевиковъ.

Лошади ихъ были слишкомъ слабы для того, чтобы везти ихъ повозки и они на себѣ тащили обозы и ѣли лошадиное мясо; поѣдали также собакъ, кошекъ и лягушекъ.

«Всегда, какъ только мы приближались къ озеру» — разсказываютъ

они — «лягушки насъ привѣтствовали хоромъ, но когда мы уходили — не слышно было ни одной...»

Поджаривая ячмень, они мололи его бутылками и варили изъ него кофе, а когда послѣдній былъ выпитъ, съѣдали то, что оставалось на днѣ.

Не грабили крестьянъ — ихъ интеллигентность оберегала ихъ отъ подобнаго нравственнаго паденія.

Они понимали, что нельзя было двигаться по мѣстности, въ которой населеніе было бы враждебно къ нимъ настроено и, когда они вступали въ какое нибудь селеніе, жители котораго не хотѣли дать имъ продуктовъ, они собирались на площади и ждали тихо и смирно, иногда съ утра и до ночи, пока сами крестьяне не смилуются и не пойдутъ имъ на встрѣчу; потомъ они платили за все, что имъ было принесено и шли дальше, зная навѣрное, что ихъ друзья, которые идутъ вслѣдъ за ними, найдутъ лучшій пріемъ.

Когда же имъ удавалось раздобыть зерна, — несли его съ собой, пока не встрѣчали по дорогѣ вѣтряную мельницу, гдѣ они эти зерна и перемалывали.

«Мы не нуждались въ зубномъ порошкѣ» — говорили они, — «жернова были настолько мягкіе, что много песку оставалось въ мукѣ, — поэтому наши зубы были всегда *остро отточены*».

Такимъ образомъ они приблизились къ желѣзнодорожному узлу, гдѣ уже находилась нѣмецкая армія, намѣревавшаяся воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ продвиженію.

Когда всѣ собрались — началась атака; битва продолжалась четыре дня; послѣ четырехъ дней нѣмцы просили о перемиріи для того чтобы похоронить своихъ убитыхъ.

Когда истекъ срокъ перемирія, оказалось, что нѣмецкая армія отступила, оставивъ только аррьергарды, которые также начали отступать передъ ними.

Подошли къ желѣзной дорогѣ.

Пробивались вдоль нея къ Москвѣ, гдѣ и вступили въ переговоры съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ по сибирской желѣзной дорогѣ до Владивостока.

Проѣздъ былъ гарантированъ имъ съ условіемъ — сдачи оружія и аммуниціи, такъ какъ послѣднее принадлежитъ Русскому правительству.

Въ каждомъ полку имѣлось по четыреста пулеметовъ, исправныя

орудія, аэропланы, большое количество ручныхъ гранатъ и изобиліе разной аммуниціи.

Пришлось сдать все, оставивъ ручныя гранаты и по одной винтовкѣ на каждые 10 человѣкъ и, такимъ образомъ, почти безоружные, они двинулись въ путь, по желѣзной дорогѣ, черезъ всю Азію.

Такъ какъ трудно было доставать паровозы и вагоны — пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи; въ случаяхъ затрудненія съ машинистами — пришлось поставить надъ ними караулы съ гранатами въ рукахъ.

Когда положеніе становилось уже невыносимымъ, находили машинистовъ въ рядахъ своихъ людей и управляли сами паровозами; если не хватало топлива — останавливали поѣздъ, рубили деревья и наполняли тендеръ дровами.

Когда вошли вглубь Сибири, — оказалось, что военно-плѣнные нѣмцы и австрійцы, расквартированные по селамъ и хуторамъ, воспользовались современнымъ переворотомъ и, выдавая себя за интернаціоналистовъ-революціонеровъ, вошли въ довѣріе русскаго народа, благодаря чему пріобрѣли видныя мѣста въ мѣстныхъ совѣтахъ.

Нѣмецкіе и австрійскіе офицеры, выдавая себя за противниковъ милитаризма и друзей трудового народа, также пользовались большимъ вліяніемъ у довѣрчивыхъ людей.

Чехословаки вездѣ встрѣчали громадныя препятствія, но къ открытому бою дѣло дошло лишь въ Иркутскѣ.

Когда въ этотъ пунктъ прибыли ихъ первые эшелоны, они были встрѣчены, на станціи, двумя тысячами красной гвардіи, подъ командой нѣмецкихъ и австрійскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ русскую форму.

Чехословакамъ приказано было сдать оставшіяся у нихъ винтовки и ручныя гранаты — они отказались.

Тогда нѣмецкіе офицеры скомандовали *«пли»*, но въ возбужденіи — команду подали по-нѣмецки; русскіе не поняли — но чехословаки хорошо поняли...

Они бросились на красногвардейцевъ, буквально съ голыми руками, если не считать карманныхъ ножей и, оказавшихся въ этотъ моментъ подъ ногами у нихъ камней, и, послѣ короткой, но ожесточенной борьбы, обезоружили красногвардейцевъ и перебили нѣмецкихъ офицеровъ.

Когда же они добыли винтовки и пулеметы, то заняли городъ, обезору-

жили войска центральнаго сибирскаго правительства и перебили до 800 нѣмцевъ и австрійцевъ.

Послѣ этого, по почину французскаго и американскаго консуловъ, они отправили трехъ представителей въ Москву для переговоровъ; Троцкій отъ переговоровъ отказался — посланные представители были задержаны и арестованы...

Послѣ этого армія объявила большевикамъ войну и начала занимать сибирскую желѣзную дорогу для союзниковъ.

Прокладывая себѣ путь черезъ материкъ съ оружіемъ въ рукахъ, они оставляли небольшія части въ тылу для охраненія пути и принимали въ свои ряды новыхъ бойцовъ изъ числа военно-плѣнныхъ въ сибирскихъ лагеряхъ и мастерскихъ, вездѣ обезоруживая красногвардейцевъ и уничтожая нѣмцевъ и австрійцевъ.

Теперь въ ихъ рукахъ находится вся линія желѣзной дороги отъ Владивостока до самой Волги и этимъ они закрыли Сибирь не только для нѣмцевъ, но и для войскъ Троцкаго и прекратили подвозъ продовольствія изъ Сибири.

На тѣхъ, которые принесли эти сообщенія въ Вашингтонъ, не замѣтно никакихъ слѣдовъ перенесенныхъ ими страданій.

Ихъ душевное состояніе характеризуется словами, которые чехословаки несли на знамени, по случаю торжества въ Чикаго 4 іюля 1918 года:

„*Америка! не теряй надежды, — мы уже бьемся тысячу лѣтъ!*"

К. Цигелька.

Ростовъ-Д.
31 марта 1919 г.

ДОКЛАДЪ

Члена Р. Н. С. Прикарпатской Руси Г. С. МАЛЕЦЪ.

Членъ
РУССКАГО НАРОДНАГО СОВѢТА
Прикарпатской Руси.
Организаторъ
КАРПАТО — РУССКАГО
Доброевол. Военнаго Отряда
поручикъ
Г. С. Малецъ.

г. Екатеринодаръ
Мая 30-го дня 1919 г.

Подъяремная Прикарпатская или Червонная Русь (Галичина, Буковина и Угорская Русь), стремившаяся всегда къ возсоединенiю съ державной Русью и ждавшая отъ нея помощи въ этомъ отношенiи, сейчасъ же въ 1914 году, какъ только началась великая всемiрная война, долженствовавшая принести всѣмъ славянамъ освобожденiе отъ чужеземнаго ига и, какъ только русская армiя побѣдоносно вошла въ Галичину, не желая быть только пассивнымъ зрителемъ своего освобожденiя стремилась принять активное участiе въ борьбѣ за свое освобожденiе. Немобилизованная еще австрiйцами молодежь, деревенская и учащаяся, многочисленно поступала прямо въ русскiя части пѣшiя и конныя, особенно въ казачьи.

Но, чтобы вызвать всеобщiй подъемъ и въ этомъ отношенiи, а также въ видахъ чисто политическихъ, желательно было организовать особый добровольческiй отрядъ изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Главнымъ образомъ можно было здѣсь разсчитывать на военнно-плѣнныхъ-карпатороссовъ, (австрiйскихъ армiй), которые, не желая сражаться противъ своихъ кровныхъ братьевъ и противъ своихъ нацiональныхъ интересовъ, цѣлыми частями переходили на сторону русской армiи.

Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси, какъ верховная, народная, политическая и культурная организація, обращался дважды (въ 1914 и началѣ 1915 г.) съ ходатайствомъ передъ Главнокомандующимъ юго-запад. фронтомъ, а засимъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи формировать такой добровольческій отрядъ, но не нашелъ въ этомъ отношеніи ни должнаго сочувствія, ни надлежащей поддержки.

Ген. Ивановъ отнесся тогда (1914 г.) вполнѣ отрицательно къ формированію такого отряда изъ военноплѣнныхъ, заявивъ хлопотавшему лично у него по этому дѣлу предсѣдателю Русскаго Народнаго Совѣта В. Ѳ. Дудыкевичу (онъ же первый подалъ мысль объ образованіи добровольческаго отряда), что солдатъ сдавшійся въ плѣнъ не можетъ уже быть хорошимъ солдатомъ. Въ ожиданіи благопріятнаго отвѣта на ходатайство Русскаго Народнаго Совѣта, въ апрѣлѣ мѣс. на имя б. императора Николая II, собралось было во Львовѣ въ маѣ мѣс. свыше 200 человѣкъ, изъявившихъ желаніе поступить добровольцами въ отрядъ, но ожидаемый отвѣтъ, правда съ разрѣшеніемъ формированія отряда , былъ полученъ только въ іюнѣ мѣс. послѣ эвакуаціи Львова Совѣтомъ и переѣзда его въ гор. Кіевъ. Но и тогда ген. Ивановъ положилъ на этомъ отвѣтѣ свою замѣтку: «Едва ли теперь найдутся желающіе поступить»... Кромѣ того не было указано ни мѣсто формированія и не были отпущены необходимыя на это средства. Русскій Народный Совѣтъ таковыми не располагалъ, т. к. былъ отрѣзанъ отъ родной земли, находясь на положеніи бѣженскомъ въ Кіевѣ, да кромѣ того предстояли ему громадныя заботы и попеченіе о сотняхъ тысячъ бѣженцевъ.

Въ маѣ мѣс. 1917 года такое ходатайство было опять возобновлено передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Генераломъ Брусиловымъ. По разнымъ соображеніямъ, а главное по политическому, ввиду сильнаго, казалось тогда, мазепинскаго (украинскаго) движенія, генералъ Брусиловъ отнесся уклончиво къ организаціи Карпато-русскаго Отряда, выдвинувъ однако, какъ причину, то обстоятельство, что война уже скоро кончится и, что въ арміи чувствуется всеобщій недостатокъ снаряженія и проч. Тогдашній уже начальникъ Кіевскаго военнаго Округа полк. Оберучевъ откровенно заявилъ уполномоченному Русскаго Народнаго Совѣта Ю. Я. Яворскому, что онъ никакимъ образомъ не допуститъ формированія Карпаторусскаго отряда, т. к. это вызвало бы новую борьбу съ «украинцами».

За симъ посыпались новыя тяжелыя испытанія на русское Государство

и русскій народъ. Армія оставила фронтъ и ея нестало, а грозныя большевистскія волны разливаясь по всей Россіи, уничтожали все на своемъ пути и подъ конецъ 1917 года государство, оказалось на краю гибели. И когда въ то время, для спасенія родины, по почину ген. Алексѣева начала организоваться Добровольческая Армія, Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатскій Руси, больше чѣмъ когда либо, счелъ своимъ долгомъ предложить ему свою помощь посредствомъ организаціи особаго отряда изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ.

Ген. Алексѣевъ, учитывая не только боевое значеніе, какое могъ имѣть для него тогда карпато-русскій отрядъ, но быть можетъ, еще болѣе важное политическое значеніе участія карпатороссовъ въ возрожденіи русской арміи и возсозданіи русскаго государства, узнавъ только о намѣреніи Русскаго Народнаго Совѣта организовать отрядъ и, не дожидаясь предложенія, пригласилъ къ себѣ и. д. предсѣдателя Р. Н. Совѣта Л. Ю. Алексѣевича, чтобы потолковать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ по дѣлу формированія карпаторусскаго добровольческаго отряда съ ген. Алексѣевымъ и въ Штабѣ Добровольческой Арміи участвовалъ также и я.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда были начаты переговоры по этому дѣлу, Р. Н. Совѣтъ считалъ возможнымъ въ первыя двѣ недѣли собрать на мѣстѣ въ Ростовѣ и окрестности около 200 человѣкъ добровольцевъ, а въ дальнѣйшія пять недѣль еще около 500 человѣкъ. Для этого предполагалось выслать вербовщиковъ въ разныя губерніи, въ мѣста болѣе значительнаго скопленія бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, а также дѣйствовать посредствомъ писемъ и печатныхъ воззваній.

На письменное предложеніе Р. Н. Совѣта отъ 2-го января 1918 г. съ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ условій, окончательный отвѣтъ съ разрѣшеніемъ формированія карпато-русскаго отряда данъ былъ Штабомъ Добровольческой Арміи только 20-го января 1918 года.

Къ этому времени, виды на предполагавшійся успѣхъ набора сильно измѣнились къ худшему. Большевистскія волны со всѣхъ сторонъ надвигались на Донъ, желѣзнодорожное и почтовое сообщеніе Ростова и Новочеркасска были окончательно прерваны съ остальной Россіей; погибъ Чернецовъ, былъ занятъ большевиками Таганрогъ. Вслѣдъ за тѣмъ пошли слухи, что при занятіи Таганрога, большевики вырѣзали тамъ около 2.000 человѣкъ военно-плѣнныхъ чеховъ, работающихъ на мѣстномъ заводѣ, за то, что часть

ихъ будто принимала участіе въ борьбѣ на сторонѣ Добровольческой Арміи. Слухъ этотъ произвелъ въ Ростовѣ сильное впечатлѣніе среди галичанъ-бѣженцевъ, въ общемъ около 6000 человѣкъ, преимущественно женщинъ съ дѣтьми, стариковъ и учащейся молодежи. Ихъ обуялъ страхъ, что въ случаѣ предвидѣвшагося уже занятія Ростова большевиками, послѣдніе будутъ вымещать на нихъ свою злобу за поступленіе галичанъ въ Добровольческую Армію.

Несмотря на все вышеизложенное, Р. Н. Совѣтъ рѣшилъ довести начатое дѣло формированія карпато-русскаго отряда до конца и сейчасъ 21-1 было составлено соотвѣтствующее воззваніе къ землякамъ. Но по вышеизложеннымъ соображеніямъ, чтобы не наводить чрезмѣрной паники на бѣженцевъ и, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, не дать имъ предлога винить въ организаціи карпато-русскаго отряда верховную народную организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ галичанъ, воззваніе къ землякамъ было выпущено не отъ имени Русскаго Народнаго Совѣта, а отъ особаго Комитета, причемъ я согласился, чтобы въ этомъ воззваніи была указана моя фамилія, какъ лица, къ которому нужно обращаться по дѣламъ записи добровольцевъ и проч. До этого времени я состоялъ нѣсколько лѣтъ членомъ Русскаго Народнаго Совѣта, а подъ конецъ также и товарищемъ его предсѣдателя. Это и должно было указать землякамъ, на то, что организація Карпато-русскаго отряда идетъ съ одобренія и по призыву Русскаго Народнаго Совѣта.

Фактически я и былъ уполномоченъ Р. Н. Совѣтомъ вести дальше дѣло организаціи Карпато-русскаго отряда самостоятельно и быть представителемъ Совѣта и по политическимъ дѣламъ передъ Штабомъ Добровольческой Арміи. Мнѣ были переданы также Совѣтомъ всѣ суммы, полученныя имъ на это дѣло отъ Штаба Добровольческой Арміи.

Отпечатанное вышеуказанное воззваніе не могло уже быть разослано по почтѣ и было только отчасти распространено среди бѣженцевъ въ Ростовѣ.

Первые добровольцы поступили во вновь формируемый отрядъ 25-го января, но дальнѣйшая запись шла туго. Родные изъ страха передъ мщеніемъ большевиковъ удерживали молодежь отъ поступленія въ Добровольческую Армію, да и у многихъ не было тогда уже вѣры въ успѣхъ борьбы съ большевизмомъ. Въ послѣднихъ дняхъ января я успѣлъ выслать вербовщиковъ къ рабочимъ военно-плѣннымъ на рудникъ Парамонова возлѣ Новочеркасска. Тамъ заявило было около 50-ти человѣкъ о своемъ желаніи поступить въ

добровольческую армію, но мѣстные рабочіе, сильно недовольные этимъ, пригрозили вербовщикамъ расправой, вслѣдствіе чего вербовщики, предупрежденные тоже и мѣстнымъ приставомъ о грозящей имъ опасности, должны были бѣжать, не захвативъ никого съ собой въ добровольцы.

Къ 9-му февраля поступило въ Карпато-русскій отрядъ 42 добровольца вмѣстѣ со мною, преимущественно учащейся молодежи. Изъ нихъ одинъ былъ еще въ Ростовѣ раненъ, по неосторожности, такъ что 9-го февраля, при уходѣ Добровольческой Арміи изъ Ростова, я увелъ съ собой изъ станціи Зарѣчной въ станицу Ольгинскую всего 40 человѣкъ добровольцевъ Карпато-русскаго отряда.

Чтобы, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, предотвратить отъ бѣженцевъ карпатороссовъ опасность мщенія имъ со стороны большевиковъ, рѣшено было, чтобы карпато-русскій отрядъ формировался пока не самостоятельно, а при чехо-словацкомъ инженерномъ полку. Въ его составѣ отрядъ этотъ совершилъ первый Кубанскій походъ съ Добровольческой Арміей и дальше все время, до начала марта 1919 года, составлялъ часть чехо-словацкаго отдѣльнаго пѣхотнаго батальона, реорганизованнаго изъ бывшаго чехо-словацкаго инженернаго полка.

19-го февраля, изъ станицы Мечетинской выслалъ я 3-ое людей изъ состава отряда въ центральныя губерніи—для организаціи тамъ набора добровольцевъ и присылки ихъ тѣмъ или другимъ путемъ и подъ разными видами въ Добровольческую Армію. Предполагалось именно тогда, что Добровольческая Армія направляется въ Ставропольскую губернію или Екатеринодаръ для отдыха и пополненія. Думалось, что это будетъ вскорѣ достигнуто и что удастся наладить связь между Добровольческой Арміей и центромъ Россіи. — Но судилось иначе.

Добровольческая Армія, ведя неустанную борьбу свыше 2-хъ мѣсяцевъ, была совершенно отрѣзана отъ окружающаго ее міра, а отправленные мною вербовщики только черезъ мѣсяцъ, съ большими трудностями и опасностью, смогли пробраться въ центральныя губерніи. Но тогда на успѣхъ ихъ работы западнѣе Волги уже нельзя было расчитывать. Ими были высланы только 6 вербовщиковъ въ заволжскія губерніи и въ Сибирь, сами же они остались пока въ центральныхъ губерніяхъ для организаціи временнаго размѣщенія и отправки въ Добровольческую Армію ожидавшихся добровольцевъ изъ-за Волги. Но вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ выступленія чехо-словаковъ въ Сибири, сообщеніе съ ней и съ заволжскими губерніями было прекрашено

и отъ высланныхъ туда вербовщиковъ до сихъ поръ не получилось никакихъ извѣстій. Весьма вѣроятно, что набираемые ими тамъ добровольцы направлялись въ чехо-словацкій корпусъ.

Изъ высланныхъ мною въ февралѣ мѣс. трехъ людей, двое уже возвратлись въ отрядъ лѣтомъ 1918 года, третій же застрялъ въ Царицынѣ, собралъ туда свыше сотни людей, желавшихъ поступить въ добровольцы.

Но, не имѣя возможности пробиться дальше въ отрядъ, они принуждены были разойтись на работы, а вербовщикъ успѣлъ только въ маѣ мѣс. 1919 года пробраться черезъ фронтъ и возвратиться въ отрядъ.

Когда къ концу марта Добровольческая Армія приближалась къ Дону, думалось, что съ приходомъ въ Ростовъ и Новочеркасскъ можно будетъ расчитывать на большой приплывъ добровольцевъ карпатороссовъ, такъ какъ было несомнѣннымъ, что при продвиженіи германцевъ и австрійцевъ на востокъ, военно-обязанная молодежь и военно-плѣнные карпатороссы будутъ уходить передъ ними и скопляться именно въ Ростовѣ, или въ сосѣднихъ городахъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Но къ сожалѣнію германцы заняли Ростовъ раньше, чѣмъ приблизилась туда Добровольческая Армія и уходившія передъ врагомъ бѣженцы должны были бѣжать дальше на востокъ, за Волгу и въ Сибирь.

До октября мѣс. 1918 г. объ существованіи карпато-русскаго отряда не упоминалось нигдѣ въ печати и только въ концѣ октября было напечатано въ газ. «Россія» объявленіе о томъ и призывъ (подъ заглавіемъ «Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ») къ поступленію въ добровольцы.

Къ сожалѣнію Екатеринодарская газета далекаго и широкаго распространенія тогда имѣть не могла и только незначительный кругъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, могъ быть освѣдомленъ о содержаніи воззванія. Высылать же новыхъ вербовщиковъ, хотя бы въ районъ дѣйствій Добровольческой Арміи и въ Малороссію, куда впослѣдствіи (при Скоропадскомъ) кое-какъ можно было туда и обратно пробираться, не было возможности, т. к. Штабъ Добровольческой Арміи отказалъ въ выдачѣ новыхъ авансовъ на эту цѣль. Впрочемъ и едва-ли можно было ожидать отъ работы вербовщиковъ особыхъ успѣховъ, т. к. теперь, трудно было знать — гдѣ именно проживаютъ карпатороссы и гдѣ ихъ искать. Та связь, которая существовала между нами и Русскимъ Народнымъ Совѣтомъ до начала 1918 года, была вслѣдствіе большевистскихъ волнъ утеряна, послѣдовалъ именно сдвигъ

какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ съ ихъ прежняго мѣстожительства.

Все это сложилось на то, что притокъ новыхъ добровольцевъ въ ряды отряда шелъ очень туго. Во время второго похода на Кубань отрядъ увеличился только до сотни человѣкъ.

Все новыя и новыя событія, надвигавшіяся на военномъ и политическомъ горизонтахъ, указывали властно, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо за время міровой войны, Прикарпатской Руси необходимо выступить всенародно съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ природныхъ правъ и для достиженія своей завѣтной мечты: возсоединенія съ остальной Русью.

Но осуществить это не такъ легко, особенно безъ могучей матеріальной поддержки со стороны.

Вѣдь русская національная организація въ Прикарпатьи была совершенно разгромлена австрійскими властями еще въ началѣ этой міровой войны; десятки тысячъ общественныхъ дѣятелей и патріотовъ были арестованы и вывезены въ нѣмецкія тюрьмы, сотни тысячъ бѣжали засимъ въ Россію при отступленіи русской арміи изъ Галичины и сотни тысячъ молодыхъ людей, какъ солдатъ австрійской арміи, находились въ плѣну въ Италіи и Россіи, главнымъ образомъ въ Сибири.

Съ началомъ гражданской войны въ Россіи, связь между этими группами была совершенно утеряна и здѣсь намъ было совершенно неизвѣстно, что происходитъ на родинѣ, проявляется ли тамъ какая либо дѣятельность или нѣтъ. Высланные мною въ концѣ 1918 г. двое людей въ Галичину для освѣдомленія и связи не возвратились и не знаю попали ли они туда.

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ уже въ августѣ мѣс. 1918 г. въ чешскихъ и сербскихъ войскахъ, сражавшихся въ Сибири, находилось свыше 4.000 добровольцевъ червоннороссовъ, но безъ особой самостоятельной организаціи. Мои усилія, чтобы выслать туда въ тек. году своихъ людей для организаціи тамъ при Арміи адм. Колчака Добровольческаго Отряда изъ военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, не увѣнчались успѣхомъ.

Сознавая необходимость созданія военной силы изъ карпатороссовъ, — вѣря въ успѣхъ Добровольческой Арміи и, что въ концѣ концовъ ей удастся соединиться съ Сибирской Арміей, я докладывалъ всѣ усилія, чтобы немногочисленный карпато-русскій отрядъ при чехо-словацкомъ отд. пѣх. батальонѣ удержать въ цѣлости и сдѣлать его самостоятельной единицей, которая послѣ соединенія съ Сибирью явилась бы ячейкой для созданія

болѣе внушительной силы карпато-русскаго отряда, или можетъ быть, и цѣлой арміи.

Но по вышеизложеннымъ причинамъ, не видя возможности получить скорое и достаточное пополненіе отряда новыми добровольцами, чтобы дать ему возможность быть самостоятельной частью, я и вообще всѣ добровольцы Отряда пришли къ убѣжденію о необходимости принудительной мобилизаціи уроженцевъ Прикарпатской Руси, проживающихъ въ районѣ дѣйствій Добровольческой Арміи, какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ, имѣющихъ возможность и способныхъ нести военную службу.

Съ этой цѣлью комитетъ по организаціи Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда вошелъ съ письменнымъ представленіемъ отъ 19-1 1919 года въ Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси (въ Ростовѣ), чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміей о разрѣшеніи произвести такую мобилизацію.

Р. Н. Совѣтъ, въ своемъ засѣданіи, при участіи и другихъ общественныхъ дѣятелей, согласился съ мнѣніемъ комитета и сейчасъ же 25-1 была составлена соотвѣтствующая записка на имя Главнокомандующаго ген. Деникина, которая, однако, вслѣдствіе причинъ случайнаго характера, могла быть вручена ему только 28-го февраля.

Къ сожалѣнію, ген. Деникинъ нашелъ предполагаемую мобилизацію, по различнымъ соображеніямъ, пока несвоевременной.

Одновременно была передана высшему командованію Добровольческой Арміи докладная записка Уполномоченнаго «Русскаго Исполнительнаго Комитета» во Львовѣ и «Карпатской Русской Народной Рады» въ Пряшевѣ Емельяна Михайловича Вальницкаго, прибывшаго изъ Галичины въ Екатеринодаръ 20-го февраля, между прочимъ, со слѣдующими пожеланіями: 1) чтобы объединеннымъ Угорской Радѣ и Начальному Совѣту Лемковщины было оказано содѣйствіе въ созданіи вооруженной силы путемъ присылки офицеровъ и вооруженія и 2) чтобы были приняты мѣры: а) для организаціи войсковыхъ частей изъ австро-венгерскихъ солдатъ русской національности, находящихся въ итальянскомъ плѣну, — б) для организаціи добровольческихъ отрядовъ изъ червоннорусскихъ эмигрантовъ, находящихся въ Америкѣ, и чтобы съ той цѣлью были посланы въ Италію, въ Соединенные Штаты и въ Канаду офицеры русской службы, совмѣстно съ представителями зарубежной Руси.

Когда чехо-словацкій пѣхот. батальонъ приказомъ Главнокоманующа-

го вооруженными силами Юга Россіи отъ 24-го февраля 1919 г. за №354 былъ отпущенъ изъ состава Добровольческой Арміи и 4-го марта перешелъ въ гор. Маріупольѣ подъ французское командованіе, — тогда карпато-русскій отрядъ, согласно приказа по чехо-словацкому батальону отъ 4-го марта за № 64 и предписанія начальника Гарнизона и Коменданта г. Маріуполя кап. Ускова отъ 4-го марта за № 1756, выдѣлился въ самостоятельную часть, оставаясь дальше въ рядахъ Добровольческой Арміи и были предприняты мѣры, о разрѣшеніи формированія «Карпато-русскаго Отдѣльнаго Стрѣлковаго батальона», на что послѣдовало разрѣшеніе Главнокомандующаго.

Совершенно неожиданно 17-го апрѣля 1919 года была получена мною въ Штабѣ Доброарміи телеграмма отъ предсѣдателя Центральнаго Карпато-русскаго Совѣта Копыстянскаго въ Омскѣ съ извѣщеніемъ, что формировавшіяся въ Сибири при чехо-словацкой арміи Карпато-русскія войска подчинились Верховному Правленію и продолжаютъ формироваться, причемъ Копыстянскій отъ имени возглавляемой имъ организаціи взываетъ ко всѣмъ уроженцамъ Прикарпатской Руси, живущимъ на Югѣ Россіи, немедленно поступать въ Армію ген. Деникина. Зналъ ли Копыстянскій что либо о существованіи Карпато-русскаго Добровольческаго отряда при Добровольческой арміи, неизвѣстно. Я, между прочимъ, сообщилъ ему объ этомъ въ отвѣтной телеграммѣ. Объявляя объ этомъ отрадномъ фактѣ въ газетахъ, я обратился опять съ призывомъ къ червоннороссамъ, поступать добровольцами въ новоформирующійся карпато-русскій отдѣльный стрѣлковый батальонъ.

Хотя вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ и не удалось съ самаго начала дать Добровольческой Арміи, карпато-русскій отрядъ такой численности, какъ первоначально предполагалось, то все же, съ чистой совѣстью и съ гордостью могу сказать, что эта горсточка идейныхъ людей, которые пошли за мною, исполнила передъ родиной свой долгъ совѣстно и съ полнымъ самопожертвованіемъ; принесла значительную помощь Добровольческой Арміи, особенно въ первый ея Кубанскій походъ и сослужила посильную службу для возрожденія русской арміи и для предстоящаго возстановленія Русскаго Государства.

Какъ на болѣе яркіе и выдающіеся моменты изъ боевой дѣятельности карпатороссовъ (они составляли отдѣльную роту въ чехо-словац. инжен. полку) слѣдуетъ указать на бои подъ Филипповской и Тихорѣцкой. Въ

первомъ бою, гдѣ Корниловскому ударному полку и Чехо-словацкому было поручено защищать съ фланга отходъ обоза, карпатороссы, сознавая въ высшей степени критическое положеніе тамъ, все время дрались самоотверженно, и они именно удержали на позиціи отступающія части корниловцевъ и дрогнувшее было уже лѣвое крыло чехо-словацкаго полка. За это то и поплатились карпатороссы тяжелыми жертвами, потерявъ въ этомъ бою пять человѣкъ убитыми и пять раненными. Подъ Тихорѣцкой же карпатороссы первые ворвались на вокзалъ и захватили готовые къ отходу поѣзда съ грузомъ разнаго рода и людьми.

Въ февралѣ мѣс., при выходѣ съ Добровольческой Арміей изъ станицы Ольгинской, чехо-словацкій инж. полкъ насчитывалъ всего 181 чел., т. е. 140 чел. рядовыхъ строевыхъ, въ томъ числѣ 39 карпатороссовъ, 27 чел. мастеровыхъ (нестроевая пота), 11 офицеровъ — въ томъ числѣ 2 карпатоpосса и три чиновника изъ мѣстныхъ русскихъ. Значитъ карпатороссы по своей численности (41 чел.) составляли 22,6% изъ всѣхъ людей полка и 28% изъ строевыхъ, т. е. почти третью часть.

Кромѣ того нѣсколько добровольцевъ карпатороссовъ служили тоже въ Корниловскомъ и партизанскихъ полкахъ.

Къ концу апрѣля, т. е. въ продолженіи перваго похода на Кубань и обратно, карпаторусскій отрядъ насчитывалъ шесть убитыхъ (15%) и четырнадцать раненныхъ (34%), что составляло 50% убитыхъ и 54% раненныхъ изъ общаго числа убитыхъ и раненныхъ въ чехо-словацкомъ батальонѣ за это время.

Несмотря на всѣ неимовѣрныя тягости Корниловскаго похода, перенесенныя добровольцами, почти всѣ они остались дальше въ рядахъ Добровольческой Арміи, принявъ участіе въ ея второмъ походѣ на Кубань. Только четыре человѣка вслѣдствіе неудовлетворительнаго здоровья или по семейнымъ обстоятельствамъ, выбыли изъ отряда. Но за то въ него начали постепенно прибывать новые добровольцы. Кромѣ того карпатороссы служили тоже въ отрядѣ полковника Дроздовскаго и въ нѣкоторыхъ Кубанскихъ полкахъ, куда они поступали, не зная еще о существованіи Карпаторусскаго отряда.

Во второмъ походѣ на Кубань добровольцы карпаторусскаго отряда сражались съ неменьшимъ усердіемъ и самопожертвованіемъ, чѣмъ это было въ первомъ походѣ, но съ большимъ опытомъ и умѣньемъ.

Начиная съ Торговой, почти во всѣхъ бояхъ, въ которыхъ чехо-слов.

батальонъ принималъ участіе, были ранены или убиты карпатороссы. И такъ во второмъ походѣ, по 4-ое марта 1919 г., т. е. до ухода чеховъ подъ французское командованіе, карпаторусскій отрядъ насчитываетъ 24 убитыхъ и 34 раненныхъ.

Карпато-русскій Добровольческій отрядъ участвовалъ непосредственно въ слѣдующихъ бояхъ: 1) подъ Батайскомъ-Зарѣчной съ 27-І по 9-ІІ 1918 г., 2) с. Лежанка, Ставроп. губ. 21-ІІ, 3) ст. Березянская, Куб. обл.—1-ІІІ, 4) ст. Кореновская, Куб. обл. 4-ІІІ, 5) ст. Усть-Лабинская, Куб. обл. 6-ІІІ., 6) ст. Некрасовская, Куб. обл. 7-ІІІ., 7) 9-го марта — Филипповскій хут., Куб. обл., 8) 10 марта ст. Филипповская, Куб. обл., 9) 24-го марта ст. Георго-Афинская, Куб. обл., 10) 2-го апрѣля кол. Гночбау, Куб. обл. 11) съ 18-го по 21-ое апрѣля село Лежанка, Ставроп. губ., 12) 23-го апрѣля Воинскіе хут. (Донск. обл.), 13) 28-го апрѣля ст. Кагальницкая Д. О. 14) 30-го апрѣля сел. Гуляй-Борисовка, Дон. обл., 15) сел. Песчанокопское, Ставроп. губ., 19-20-VІ., 16) с. Бѣлая Глина, Ставр. губ. 23-VІ., 17) ст. Тихорѣцкая, Куб. о., 18) хут. Романовскій, Куб. обл., 19) ст. Кавказская, Куб. обл., 20) 14-го апрѣля гор. Армавиръ, Куб. обл., 21) пос. Гулькевичи, Куб. обл., 22) пос. Нижній Егорлыкъ, Куб обл., 23) 17-го августа — гора Недреманная у с. Тетерское, Ставроп. губ., 24) 6-го октября с. Терновское, Ставр. губ. 25) 8-го октября Новоандреевка, 26) 10-го октября Старый Бурукшунъ, 27) 12-го октября Большая Джалга, 28) 13-го октября Малая Джалга, 29) съ 18-го по 20-ое октября Пелагіада, 30) 22-го октября Михайловское, 31) съ 23-го по 31-ое октября гор. Ставрополь, 32) 1-го ноября сел Пелагіада, 33) сел. Благодатное, Екатеринославской губ. Въ 1919 г. 36) сел. Валеріановка, 37) сел. Кальчикъ, 38) 26-го февраля сел. Мангушъ, 39) 12, 14, 15-го марта 1919 г. Маріуполь.

Къ 4-тому марта 1919 г., когда чехо-словацкій батальонъ ушелъ подъ французское командованіе, 110 добровольцевъ, въ томъ числѣ 45 офиц. (въ томъ числѣ 1 класн. чин.), остались въ Карпато-русскомъ добровольческомъ отрядѣ.

Съ объявленіемъ о формированіи карпато-русскаго отдѣльнаго стрѣлковаго батальона начали поступать новыя пополненія. И сейчасъ батальонъ насчитываетъ свыше 800 человѣкъ.

Труденъ былъ пройденный уже путь, но еще прійдется положить много трудовъ и усилій и побороть много препятствій пока удастся собрать и объ-

единить разбросанныя по разнымъ странамъ всѣ силы Прикарпатской Руси для защиты ея отъ иноземныхъ посягательствъ.

Однако достичь этого можно будетъ только при сознательномъ содѣйствіи и энергичной поддержкѣ всего русскаго народа.

Освобожденіе и возсоединеніе Прикарпатской Руси, колыбели русскаго народа, со всѣмъ русскимъ міромъ, — долгъ чести русскаго народа, лежитъ это въ интересѣ, какъ единства русскаго народа, такъ и въ интересѣ единаго могучаго русскаго государства.

Это, наконецъ, должны бы уразумѣть и понять широкіе русскіе круги въ Россіи и въ первой линіи руководящіе круги политической и военной мысли.

Г. Малецъ.

г. Екатеринодаръ, 30-го мая 1919 года.

УСЛОВІЯ *).

на которыхъ «Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси», въ своей запискѣ отъ 2-го января 1918 года (Ростовъ-Донъ) на имя генерала Алексѣева, заявилъ желаніе организовать при Добровольческой Арміи «Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ» изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Условія эти были приняты (одобрены), какъ ген. Алексѣевымъ такъ и ген. Корниловымъ, о чемъ Штабъ Добровольческой Арміи извѣстилъ Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси 20-го января 1918 г.

1) Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси высказываетъ надежду и вѣритъ, что Добровольческая Армія, возсоздавъ русскую армію и возстановивъ единое русское государство, поможетъ также Прикарпатской Руси (Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси), освободиться отъ иноземнаго ига и возсоединиться со всѣмъ русскимъ міромъ въ единое цѣлое.

2) Въ теченіе двухъ недѣль (послѣ разрѣшенія формированія отряда) Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси составитъ Отрядъ въ 200 ч. добровольцевъ, собранныхъ на мѣстѣ въ Ростовѣ; въ продолженіе же дальнѣйшихъ 5 недѣль предполагаетъ собрать еще около 500 добровольцевъ, собранныхъ въ предѣлахъ Донской Области.

*) Редакція возстановлена приблизительно по памяти Членомъ Р. Н. С. Г. Малецъ, секретаремъ Р. Н. С. Г. Ваврикомъ и бывш. Нач-мъ Пол. Отд. Д. А. Полк. Я. М. Лисовымъ — въ маѣ 1918 г.

3) Для дальнѣйшаго набора добровольцевъ требуется отправка вербовщиковъ въ разныя стороны Россіи, гдѣ проживаютъ уроженцы Прикарпатской Руси какъ военно-плѣнные, такъ и бѣженцы.

4) Предполагается также высылка вербовщиковъ въ Америку для привлеченія оттуда добровольцевъ изъ среды эмигрантовъ уроженцевъ Прикарпатской Руси.

5) *Пріемъ* добровольцевъ въ Отрядъ производится по предложенію уполномоченнаго Русскаго Народнаго Совѣта Прик. Руси;

6) *Добровольцы*, бывшіе офицеры и унтеръ-офицеры австрійской арміи, принимаются въ отрядъ въ соотвѣтствующемъ чинѣ русской арміи.

7) Всѣ добровольцы карпатороссы, поступившіе въ другія части Добровольческой Арміи должны быть переведены въ Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ.

8) Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ подчиняется вполнѣ командованію Добровольческой Арміи на основаніяхъ строгой военной дисциплины.

9) Карпато-русскій добровольческій отрядъ формируется пока при чехо-словацкомъ инженерномъ полку, но какъ только наберетъ въ свой составъ 500 чел. выдѣлится въ самостоятельную часть.

10) Русскому Н. Совѣту Прикарпатской Руси или его уполномоченному предоставляется право предлагать командованію Добровольческой Арміи кандидатовъ для назначенія въ командиры Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда.

11) Средства на расходы по организаціи Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда, какъ и его содержаніе и на военное оборудованіе, доставляются въ первой линіи Добровольческой Арміей.

Подписали: Генер. М. Алексѣевъ

Генер. Л. Корниловъ

И. д. Предсѣд. Р. Нар. Сов. Л. Алексѣевичъ

Членъ Р. Нар. Сов. Г. Малецъ

КАРПАТОРУССКІЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКІЙ ОТРЯДЪ

Прикарпатская Русь, — Галичане, Буковина и Угорская Русь — вынося многовѣковое иноплеменное иго и ведя непосильную тяжелую борьбу съ восѣдями за свое существованіе, встрѣтила настоящую міровую войну какъ предвѣстницу своего освобожденія и вступавшія побѣдоносно въ ея предѣлы русскія войска, — какъ своихъ долгожданныхъ освободителей.

Сознавая однако, что только то прочно дается и дорого цѣнится, что добыто и освящено собственною кровью мы, — галичане, буковинцы и угророссы — считали необходимымъ съ самаго начала войны принять активное участіе въ борьбѣ за освобожденіе своей родины. И наша молодежь въ теченіе войны массами поступала добровольцами въ разныя части русской арміи. Но чтобы это болѣе наглядно отмѣтить, а также и по политическимъ соображеніямъ, наша народная организація считала крайне необходимымъ и цѣлесообразнымъ создать свой отдѣльный добровольческій отрядъ. Однако неоднократныя усилія въ этомъ отношеніи по независящимъ отъ нея причинамъ не увѣнчалась успѣхомъ.

И только въ началѣ сего года, когда Россія очутилась на краю гибели, когда не стало русской арміи и когда на Дону, по почину ген. Алексѣева начала организоваться Добровольческая Армія, мы сочли своимъ долгомъ принять въ ней участіе и намъ удалось создать при ней особый «Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ», вынесшій на своихъ плечахъ весь Корниловскій походъ на Кубань и сражающійся и по настоящее время въ рядахъ Добровольческой Арміи въ Донскихъ и Кубанскихъ степяхъ.

Ознакомить съ этимъ начатіемъ широкіе круги нашихъ земляковъ, разбросанныхъ тяжелою судьбою по всѣмъ уголкамъ необъятной Россіи и привлечь ихъ къ массовому поступленію въ нашъ отрядъ было до сихъ поръ невозможно.

Цѣль нашего отряда: Борьба за освобожденіе Прикарпатской Руси и воссоединеніе ея со всѣмъ русскимъ міромъ, борьба за возстановленіе единства и могущества русскаго государства на народныхъ началахъ, борьба за лучшее будущее нашего народа.

Хотя міровая война близится къ концу, но до окончательнаго замиренія еще далеко и потому то всѣ воюющія государства продолжаютъ прилагать всѣ усилія къ дальнѣйшему увеличенію своихъ армій, а подъяремные до сихъ поръ народы поспѣшно создаютъ добровольческія войска, чтобы во всеоружіи стоять на стражѣ своихъ правъ и свободы.

Преступно было бы передъ Родиной и нашимъ потомствомъ намъ — галичанамъ, буковинцамъ и угророссамъ — остаться позади всѣхъ и не выступить активно и всенародно, съ оружіемъ въ рукахъ, въ борьбу за освобожденіе своей родины и за лучшее будущее своего народа.

Наши кровные враги и сейчасъ посягаютъ на нашу родину, несмотря на выдвинутый принципъ «самоопредѣленія народовъ».

Великій, критическій моментъ переживаемъ мы теперь и сейчасъ именно, окончательно опредѣлится судьба нашей родины. Будетъ ли она свободной или останется и дальше въ неволѣ и объектомъ хищныхъ вымысловъ враговъ русскаго народа — въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ насъ самихъ. Лишнее было бы говорить, что въ такой моментъ намъ необходимо предстать на полѣ брани достаточно могущественными для того, чтобы на мирномъ пиру имѣть право требовать и для себя слѣдуемой намъ доли.

Теперь больше чѣмъ когда-либо намъ необходимо создать внушительной силы боевой отрядъ. Онъ нуженъ намъ не только на полѣ брани, онъ будетъ имѣть громадное значеніе для нашей родины и въ болѣе мирной обстановкѣ дастъ бодрость духа и энергію нашему народу настойчиво и неустрашимо добиваться слѣдуемыхъ ему правъ, обезпечить порядокъ въ родной странѣ.

Великій народъ самъ куетъ свое счастье, и потому да не уподобимся мы «лукавому рабу». Докажемъ, что мы достойны и умѣемъ быть свободными гражданами!

ЗЕМЛЯКИ! Всѣ, кто только можетъ носить оружіе, поступайте немедля въ «Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ». Каждая единица теперь дорога и всякое промедленіе «смерти подобно есть».

Да не будетъ между вами нерадивыхъ. Отбросимъ въ этотъ критическій моментъ, рѣшающій судьбу нашей родины и нашего потомства, всякіе мелкіе личные расчеты и выгоды. Сознаніе долга передъ родиной и чувство національной чести да будетъ нашимъ двигателемъ.

Матери, жены и сестры! Съ вѣрой сердце посылайте вашихъ сыновей, мужей и братьевъ въ добровольцы, ободряйте, благословляйте и напутствуйте ихъ на ратный подвигъ. Ваше слово, Ваше благословеніе — велико и могуче. Ваши страданія и жертвы за время войны безмѣрны, но зная Вашъ глубокій патріотизмъ мы увѣрены, что Вы бодро выдержите до конца и сознательно принесете еще и эту послѣднюю жертву для блага родины. Обращайте вниманіе всѣхъ способныхъ носить оружіе, что ихъ долгъ быть теперь въ нашемъ отрядѣ и содѣйствуйте имъ въ этомъ.

Червонная Русь — это колыбель русскаго народа. И святой долгъ каждаго русскаго человѣка изъ какой бы части необъятной русской земли онъ ни родился, быть именно теперь въ защиту правъ Червонной Руси добиваться ея освобожденія и окончательнаго воссоединенія со всей Русью, и потому

Карпаторусскій Добровольческій Отрядъ кромѣ уроженцевъ Подъяремной Руси, радъ будетъ принимать и русскихъ гражданъ всѣхъ другихъ русскихъ земель.

Добро пожаловать!

Въ сознаніи національнаго единства всѣхъ вѣтвей русскаго народа и въ сознаніи патріотическаго долга да завершимъ соединенными силами наше дѣло окончательнаго воссоединенія всѣхъ русскихъ земель въ единое цѣлое.

Да не останется ни единаго клочка русской земли подъ властью иноплеменниковъ!

Запись въ добровольцы Карпаторусскаго Отряда производится во всѣхъ бюро по записи въ Добровольческую Армію.

Карпаторусскій Отрядъ пользуется со вмѣстно съ чехословацкимъ отрядомъ Добровольческой Арміи.

Екатеринодаръ, 20 окт. 1918 г.

Отъ комитета по организаціи Карпаторусскаго Добровольческаго Отряда.

Предсѣдатель комитета Г. Малецъ.

Товарищъ предсѣдателя В. Колдра.

Секретарь В. Ващинъ.

Рѣдкая прокламація Комитета

Карпаторусскаго Добровольч. Отр. съ призывомъ записываться въ добровольческій отрядъ.

ПИСЬМА

Карпато-русскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей въ связи съ Добровольческимъ движеніемъ.

1. Письмо Александра Львовича Павенецкаго

Пользуюсь опять случаемъ и передаю нѣсколько словъ. Въ Галичинѣ хаосъ — Станиславовскій секретаріятъ, возлагающій толь столько надеждъ на русскую Украину, принужденъ, въ виду не сбывшихся предположеній, вести совсѣмъ самостоятельную дѣятельность, стремящуюся къ созданію Галицкой Украины. Поляки какъ будто идутъ тому на выручку, ибо украинцы, спасая свой «загуменокъ», отказываются даже отъ Львова. Съ другой стороны сообщаетъ польская пресса все чаще «ze w sprawie granic na wschodzie, przydzie sie mowic nie z ukraincami lecz z Rosianami». Тѣмъ не менѣе дѣлаютъ украинцы опять наступленіе и за границей растутъ не по днямъ, а по часамъ. У нихъ милліонныя средства — покупка душъ идетъ на всѣхъ парахъ. Пріѣхавшая изъ Берна русская миссія Краснаго Креста разсказывала мнѣ, что украинская миссія въ Бернѣ и Цюрихѣ привезла съ собой три милліона коронъ и уже имъ не хватаетъ денегъ. Я писалъ Вамъ уже, что въ Прагѣ здѣсь кромѣ Грушевскаго, шефа артиллерійскаго отряда Шпагайла (?), Смаль-Стоцкаго, Славинскаго и прочихъ, 70 съ лишнимъ людей украинскаго хора, получающихъ въ день по 100 кронъ, кромѣ издержекъ. Въ хорѣ этомъ много русскихъ — исполненіе пражскихъ концертовъ прямо захватывающе, программа изъ народныхъ пѣсенъ, да старо-церковно-апокрифическаго содержанія. Успѣхъ громаднѣйшій — (средство какъ будто бы очень невинное, но его послѣдствія для людей, которые не въ курсѣ дѣла по отношенію въ Руси, болѣе чѣмъ диструктивное). Хоръ этотъ ѣдетъ изъ Чехіи во Францію, затѣмъ въ Англію, Италію и Америку. Въ Германіи тоже разъѣжаетъ такой же хоръ по Intelligenzlaaken, швыряется деньгами влѣво

и вправо. Между прочимъ германцы да австрійцы предпочтительно вѣжливы по отношенію ко всѣмъ русскимъ. Поляки не закрыли правда по сегодняшній день «Прикарпатской Руси», но нашихъ арестовуютъ. Украинцы считаютъ насъ погибшими, особенно заграницей, на самомъ дѣлѣ, — положимъ въ Прагѣ Гасай безсиленъ. Много въ нашу пользу работаетъ здѣшній лекторъ Марковичъ. Пражскій комитетъ офицеровъ, благодаря нѣсколько нашимъ студентамъ, поступившимъ въ Терезинскую роту, начинаетъ хорошенько разбираться во всемъ. Марковъ съ американцами—солью въ глазахъ украинцамъ. Д—й сказалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Марковъ имъ не менѣе опасенъ, чѣмъ поляки. Это, пожалуй болѣе чѣмъ вѣрно, ибо съ поляками они уже мирятся, между тѣмъ съ нами они не могутъ, такъ какъ мы являемся отрицаніемъ ихъ и vicevsisa. Здѣсь—будущее покажетъ кто правъ — пока пусть они доводятъ галицкое крестьянство къ отчаянію — (оно несетъ непосильныя жертвы) — пусть дискредитируютъ себя своей денежной политикой не считавшихся завтрашнемъ днемъ; это только облагоразумитъ тѣхъ, которые не въ курсѣ дѣла. Ихъ акціи на счетъ итальянскихъ плѣнныхъ парализируетъ «Русскій Комитетъ русскихъ ирридентистовъ» (С—ъ, Л—ъ, П—ъ, С—й, М—ъ), затѣмъ акція Д—ва а главное профессора К—го изъ Падуи, посла Гирса да Гучкова. Вы изъ своей стороны обязаны немедленно выслать отъ Деникина людей*) въ Италію; италіанскіе плѣнные пойдутъ черту въ зубы, ибо жизнь въ Италіи не выносима. Тамъ около 90.000 галичанъ; кто ихъ возьметъ тотъ будетъ имѣть. Деникинъ можетъ потребовать взамѣнъ италіанскихъ плѣнныхъ, которыхъ во время Керенскаго выдала Россія. Завтра пріѣзжаютъ въ Прагу делегаты изъ Карпато-Россіи высказать благодарность Чехамъ — бѣдные люди. Ѣдьте въ Италію — не прозѣвайте, а то бы было преступно. Захватятъ украинцы и опять будутъ брезгать въ глаза, что мы оторвались отъ народа и ищемъ спасенія во всякихъ ретроградныхъ добровольческихъ спекуляціяхъ. Пусть большевики объединяютъ Русь — они перешли уже Днѣстръ — пусть украинцы облагоразумяютъ русскихъ, въ тылу Колчакъ съ Деникинымъ, они создадутъ нѣчто положительное подъ названіемъ Русь — въ этихъ послѣднихъ годинахъ созиданія мы не смѣемъ унывать. Не можетъ быть, что бы сырой русскій элементъ былъ уже наканунѣ раскола. Вся настоящая хаотическая дифференціяція необходима для водворенія цѣлесообразной консолидаціи. Шлю привѣтъ Саша.

Прага 19 мая 1919 г.

*) Т. е. агентовъ и агитаторовъ — такъ и не были отправлены. (Ред.)

«Т Р И Б У Н А»

Украинцы ищутъ перемирія съ поляко-румынами.

Лондонъ 22-го мая.

«Варшавскій корреспондентъ газеты «Морнингъ Постъ» подтверждаетъ, что польскія войска съ чрезвычайною быстротой продвигаются къ нефтяному бассейну восточной Галичины и вѣроятно прибыли уже въ Черновцы; откуда установили связь съ румынскими силами.

Застигнутые врасплохъ такимъ неожиданнымъ наступленіемъ украинцы попросили перемирія и уже ведутся переговоры, на основаніи условій поставленныхъ поляками, по которымъ армія Пилсудскаго будетъ оккупировать немедленно также это малое пространство на территоріи восточной Галичины, которое до сихъ поръ было уже занято украинцами.»

II. Письмо Емельяна Михайловича Вальницкаго.

Константинополь 3 іюня 1919г.

Дорогой Григорій Семеновичъ.

Я приложилъ Вамъ вырѣзку изъ «Трибуна», согласно которой поляки какъ будто бы заняли послѣ всю восточную Галичину. Я постараюсь провѣрить это свѣдѣніе въ здѣшнемъ посольствѣ и другимъ образомъ. На всякій случай такой фактъ долженъ бы достаточно заставить нашихъ поступить въ нашъ баталіонъ. Это оказывается единственный надежный способъ борьбы за наши права. Или Колчакъ (и Россія) т. е. и мы съ ними заставимъ поляковъ отказаться отъ нашей земли, или... едва ли найдутъ наши молодые

люди въ Галичинѣ на мѣстахъ возможность трудится лучше и успѣшнее для освобожденія нашей земли отъ польскихъ посягательствъ.

Вы не повѣрите, я сейчасъ съ удовольствіемъ вернулся бы къ Вамъ въ батальонъ и сдѣлалъ бы это охотнѣе, чѣмъ ѣхать сейчасъ въ Галичину.

На всякій случай будемъ стараться на мѣстѣ организовать какъ и что слѣдуетъ. Сегодня узналъ отъ здѣшняго агента Добрарміи ген. Б—а, что Французы распоряжаются всѣми русскими плѣнными, въ томъ числѣ и нашими въ Италіи, значитъ безъ ихъ разрѣшенія нельзя будетъ перевести ихъ ни въ Галичину, ни въ Россію. Больше напишу.

Остаюсь....... Вашъ Емильянъ.

YI.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ВОЕННАГО СОВѢТА

Въ засѣданіи *10 марта* Военный Совѣтъ вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Военный Совѣтъ, обслуживая въ теченіе 85 лѣтъ непрерывно, начиная съ 1832 года, нужды арміи въ законодательномъ, хозяйственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, полагаетъ, что и при новомъ укладѣ управленія Россійскимъ Государствомъ, его работа была бы полезна въ томъ же направленіи.

Поэтому, собравшись въ полномъ составѣ въ первое засѣданіе по установленіи новаго государственнаго строя, военный совѣтъ предоставляетъ себя въ полное распоряженіе Временнаго Правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный совѣтъ не можетъ не высказать своего восхищенія передъ достигнутымъ временнымъ правительствомъ быстрымъ возстановленіемъ порядка и законности въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, что особенно важно въ виду длящейся тяжелой войны съ упорнымъ и злымъ врагомъ. Одновременно съ симъ военный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное Правительство принимаетъ въ отношеніи реформированія нашихъ вооруженныхъ силъ соотвѣтственно новому укладу и жизни государства и арміи, въ убѣжденіи, что эти реформы наилучшимъ образомъ будутъ способствовать скорѣйшей побѣдѣ нашего оружія для освобожденія отъ гнета прусскаго милитаризма».

Отрывки изъ рѣчи
П. Н. МИЛЮКОВА
на Кадетскомъ Съѣздѣ въ *мартѣ 1917 г.*

а) *Кѣмъ совершенъ переворотъ.*

Я хотѣлъ бы еще указать, что переворотъ совершенъ не одними кадетами. Прежде всего мы должны принести благодарность тѣмъ героямъ солдатамъ, которые создали возможность переворота...

в) *О Сов. Солд. и Раб. Депутатовъ.*

... Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, котораго обстоятельства выдвинули на такую высоту, тоже проявилъ удивительную способность организовать людей въ критическую минуту. И это умѣніе распоряжаться большими массами народа даетъ мнѣ самыя лучшія надежды насчетъ будущаго...

б) *Объ А. Керенскомъ*

...Революція, вѣроятно, закончилась бы анархіей, если бы въ другихъ партіяхъ, внѣ рамокъ прогрессивнаго блока, не оказались люди съ государственными умами. Я рѣшительно поздравилъ себя съ успѣхомъ только въ тотъ моментъ, когда Керенскій по телефону далъ намъ согласіе войти въ кабинетъ, далъ намъ согласіе вопреки собственной партійной организаціи...

г) *О «заграничныхъ людяхъ».*

... Скоро ряды людей, работающихъ въ этомъ Совѣтѣ, пополнятся людьми заграничнаго опыта; эти люди, какъ Керенскій, помогутъ намъ въ тяжелой борьбѣ...

Отрывки изъ рѣчи

А. И. ГУЧКОВА

на Съѣздѣ делегатовъ фронта въ маѣ 1917 г.

...Есть какая то точка, какая то линія, до которой можно дойти въ смыслѣ реформъ, но за которой при всѣхъ благихъ помыслахъ и желаніяхъ начинается разрушеніе того живого могучаго организма, какимъ является армія... мы эту линію перешагнули.

... Не дайте разрушиться русской арміи, за ея разрушеніемъ явится гибель самой Россіи...

... Когда врагъ у воротъ и когда внутри страны происходитъ коренной переворотъ во всѣхъ областяхъ нашей жизни, нужна е д и н а я в л а с т ь, т в е р д а я и с и л ь н а я...

Изъ секретнаго отчета

Комиссаровъ XI арміи И. КИРІЕНКО и А. ЧЕКОТИЛО

Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

... Назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни...

... Воевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщеваній немыслимо...

... Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственнаго воздѣйствія невозможно.

Выдержка изъ
телеграммы

Особоуполномоченнаго Западнаго фронта

Н. Н. ЩЕПКИНА

Союзу Городовъ (16 марта 1917 г.).

Въ 8 дней, кромѣ бесѣдъ, произнесъ населенію и воинскимъ частямъ 43 рѣчи... настроеніе приподнятое... выношу высокое наслажденіе отъ дѣла.

Изъ редакц. статьи «ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА» т. 147,

Мартъ 1917 г.

... Великій народъ, сознавшій свои силы, сбросилъ съ себя оковы единоличной самодержавной власти, мертвенныя формы которой мѣшали росту могучаго народнаго организма и на каждомъ шагу, во всѣхъ отрасляхъ народной и государственной жизни давали о себѣ знать лишь притѣсненіями и репрессіями...

.... Вѣра эта — вѣра въ Россію, въ ея міровое призваніе, въ ея братство со всѣми народами міра...

Изъ рѣчи ген. ЛЕЧИЦКАГО солдатамъ и офицерамъ арміи 13 марта 1917 г.

... Вамъ даны теперь права, но права эти возлагаютъ на васъ во много разъ больше обязанностей и обязанностей очень тяжелыхъ...

... Вы слышали, что во многихъ мѣстахъ Россіи идутъ манифестаціи, а я долженъ сказать, что радоваться еще рано...

Изъ рѣчи ген. ЛЕША солдат., офицер., организ., и жителямъ 15 марта 1917 г.

... Старое отжило, ему возврата нѣтъ, нужно бороться съ одной опасностью — попытками возврата къ прошлому, державшему Родину въ оковахъ постыднаго рабства...

Изъ статьи М. КАМЕНСКАГО — «Русскій Ивалидъ» 16 марта 1917 г.

.... Если въ единичныхъ случаяхъ офицеры не сразу присоединились къ революціонерамъ, то не потому, что ихъ сдерживало сочувствіе къ старому правительству, не боязнь за себя, за свою жизнь, нѣтъ, ихъ сдерживало отсутствіе увѣренности, что это дѣйствительно революція всего народа, а не безпорядокъ созданный небольшой группой. Ихъ сдерживала осторожность, боязнь привлечь своимъ участіемъ еще большія массы, соблазнить толпу, поощрить толпу и тѣмъ повредить родинѣ въ минуту, когда она въ полномъ спокойствіи, должна напрягать всѣ силы для борьбы съ величайшимъ зломъ — врагомъ Россіи — Германіей.

Но когда обнаружилось, что это не «безпорядокъ толпы», а народная воля, офицеры тотчасъ же искренно заявили — «Мы съ вами»...

Изъ рѣчи генер. М. В. АЛЕКСѢЕВА въ С.О.А. и Ф. 7 мая 1917.

...Побѣду одержитъ тотъ, кто умѣетъ дерзать наступать, хочетъ атаковать и жаждетъ побѣды, ставитъ эту побѣду выше покоя и мира. Вотъ кому достанется побѣда.

.... Начертали на нашемъ знамени великое слово «братство», — но не начертали его въ сердцахъ и умахъ...

Изъ рѣчи генер. А. ДРАГОМИРОВА въ Сов. Солд. Деп. 14 мая 1917

.... Имперіализмъ центральныхъ армій — это язва, отъ которой необходимо избавиться. Демократія Франціи, Англіи и Америки на нашей сторонѣ. Мы должны совмѣстными усиліями создать истинную свободу демократіи, а не свободу Бетманъ-Гольвега и Вильгельма 2-го.

Изъ рѣчи полк. ВАСИЛЬЕВА на Казач. Съѣздѣ 17 іюня 1917 г.

... Тамъ гдѣ большевики — казачеству тамъ не мѣсто..

Изъ рѣчи И. ЦЕРЕТЕЛЛИ на Съѣздѣ С.С. и Р.Д. 19 іюня 1917 г.

... Сейчасъ все поставлено на карту. Если мы докажемъ, что новые идеалы поняты арміей и что теперь армія является несокрушимымъ оплотомъ свободы, то можно быть спокойнымъ за судьбы русской революціи. Если бы наши войска дрогнули на фронтѣ, этимъ былъ бы нанесенъ ударъ въ сердце русской революціи, который убилъ бы ее. Окажемся ли мы достойными довѣрія арміи? Мы отвѣчаемъ за будущее революціи...

Изъ рѣчи Дж. БЬЮКЕНЕНА представ. печати 19 іюня 1917 г.

... Я всегда былъ увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ русской революціи для общаго союзнаго дѣла. Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что окрыленный гражданской свободой русскій солдатъ съумѣетъ постоять за высокіе демократическіе идеалы всего міра... Я счастливъ, что мое знаніе русскаго народа меня не обмануло..

YII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ

1. Лекція Е. Д. КУСКОВОЙ.

Одной изъ самыхъ «шумныхъ» лекцій первой половины текущаго года несомнѣнно является лекція Е. Д. Кусковой, состоявшаяся 21 марта с.г. въ Парижѣ.

Имя г. Кусковой и ея статьи, въ достаточной степени извѣстны широкимъ слоямъ русской эмиграціи, какъ сочувствующей, такъ и враждебной ея взглядамъ и вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ русская колонія ждала доклада на тему: «Сдвиги въ Россіи и эмиграціи» (психологія и дѣйствительность).

Въ дѣйствительности, докладчица далеко не оправдала ожиданій русской колоніи и въ своей лекціи преподнесла аудиторіи жиденькую дѣйствительность сдвига въ Россіи, въ части касающейся только совѣтск. власти и отчасти религіи; такіе же важные вопросы какъ политика, школа, наука и искусство и рядъ другихъ — г. Кусковой совершенно не были затронуты — или въ этой области не произошло никакихъ сдвиговъ,—или же, можетъ быть, эти факторы настолько мелки, что съ точки зрѣнія г. Кусковой не заслуживаютъ даже нѣсколькихъ словъ?!...

Психологія вопроса, т.е. область изслѣдованій хотя бы перечисленныхъ фактовъ, (причины, слѣдствія, выводы) осталась внѣ сферы доклада — аудиторіи запросто былъ поднесенъ рядъ голенькихъ фактовъ... Да и въ этой части,— никто изъ присутствующихъ не согласился съ дифирамбами г. Кусковой по адресу «честнѣйшаго Сольца, Кутлера и Брусилова» — въ чемъ докладчица не замедлила убѣдиться во время преній.

Развивая свой докладъ г. Кускова допустила въ немъ рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, напр., «Роль Коминтерна вовсе не въ разжиганіи міровой революціи, а въ самозащитѣ противъ европейскихъ державъ...» — заявила она ... Даже «Дни» устыдились этой игривости мыслей и, напечатавъ докладъ, поставили въ этомъ мѣстѣ— ?

Касаясь сдвиговъ въ эмиграціи, докладчица начала съ упрековъ по ея адресу «въ гордынѣ» — это уже являлось прямымъ непониманіемъ психологіи эмигрантскихъ массъ, и въ рѣчахъ оппонентовъ зазвучалъ единодушный отпоръ этому утвержденію: «нѣтъ, это не гордыня, а гордость своими идеалами»...

И въ концѣ концовъ «знаменитый ровъ между ними и нами» — который докладчица тщетно пытается засыпать во имя облегченія перехода туда желающихъ... —въ этомъ, собственно говоря, и таилась скрытая мысль доклада, являющаяся продолженіемъ соотвѣтствующихъ статей, въ связи съ Пѣшехоновской исторіей перехода...

Но когда одинъ изъ оппонентовъ преподнесъ докладчицѣ рядъ «документиковъ» о той участи, которая ожидаетъ «тамъ» возвращающихся даже съ «высоко поднятой головой», и когда докладчица заявила, что она знаетъ объ этомъ — въ аудиторіи поднялось вполнѣ понятное волненіе, ибо никто не могъ допустить, чтобы русская женщина, зная о подобныхъ «документахъ», могла вполнѣ сознательно призывать итти въ царство «беззаконія и смерти».

И невольно, напрашивается сравненіе съ ежедневно повторяющейся сценой на Чикаговскихъ стокъ-ярдахъ, гдѣ довѣрчивыя животныя покорно идутъ за «выдресированнымъ» вожакомъ, не подозрѣвая, что онъ ведетъ ихъ къ «колесу смерти» и самъ скроется въ рѣшительный моментъ.

Въ концѣ доклада ярко опредѣлилось отношеніе аудиторіи къ г. Кусковой и интересно отмѣтить, что аудиторія была на это вызвана г. Кусковой. Говоря о бывшемъ генералѣ Брусиловѣ и о его заслугахъ передъ Россіей и не принимая

во вниманiе протестующихъ возгласовъ, г. Кускова заявила: «хорошо, пусть тотъ кто сочувствуетъ моимъ взглядамъ о дѣянiяхъ этого великаго человѣка—пусть тотъ почтитъ его память вставанiемъ» — тщетно всѣ оглядывались: ни одинъ человѣкъ не всталъ...

«Скажите — спросилъ я сидѣвшаго рядомъ со мной извѣстнаго общественнаго дѣятеля — скажите, какъ можно было выступить съ такимъ непродуманнымъ докладомъ? Какъ можно было не принять во вниманiе психологiи той части эмигрантскихъ массъ передъ которыми дѣлается доклад?

«А вы слыхали сказку о «голомъ королѣ»?

?!...

«Жилъ былъ, очень хорошiй, довѣрчивый добрый король, имѣвшiй одинъ недостатокъ: король любилъ наряжаться въ яркiя одежды. Однажды пришли къ нему три мошенника съ предложенiемъ сшить необыкновенную одежду, которую могутъ видѣть только умные люди»...

И онъ разсказалъ мнѣ извѣстную сказку Андерсена, столь часто слышанную нами въ дѣтствѣ.

«Вотъ Вамъ и отвѣтъ на ваши вопросы: Кускова повѣрила совѣтскимъ мошенникамъ о происшедшихъ яко бы сдвигахъ, о возможностяхъ возвращенiя и т. п. и нарядилась въ воображаемыя одежды, а на повѣрку — оказалась... въ роли упомянутаго короля»...

Кстати нѣсколько словъ «о возвращенствѣ».

Вопросъ о возвращенiи въ Россiю — вопросъ далеко не новый и возникъ онъ чуть ли не въ первые дни послѣ Крымской катастрофы (ген. Слащевъ, Гильбахъ Туненбергъ и др.). Но тогда для проповѣдниковъ возвращенства было нѣсколько серьезныхъ если не оправданiй, то смягчающихъ вину обстоятельствъ: они не знали — какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими и, въ большинствѣ случаевъ, г.г. проповѣдники сами возвращались въ Россiю.

Не то мы видимъ теперь: современные г.г. проповѣдники прежде всего сами не думаютъ о возвращенiи въ Россiю. Современные г.г. проповѣдники документально знаютъ какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими «малыхъ сихъ». И все таки зная это — они зовутъ, и убѣждаютъ, и успокаиваютъ, и увлекаютъ къ «колесу смерти».

Комментарiи излишни...

2. ЗАРУБЕЖНЫЙ СЪѢЗДЪ.

Нацiональный Съѣздъ, Рейхенгальскiй Съѣздъ, Приморскiй Земскiй Соборъ, и, наконецъ, Зарубежный Съѣздъ — таковы этапы пройденные русской эмиграцiей на путяхъ къ объединенiю.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ попытокъ объединенiя, Зарубежный Съѣздъ несомѣнно является наиболѣе яркимъ и наиболѣе крупнымъ, т.к. независимо отъ достигнутыхъ результатовъ — по увѣренiямъ однихъ или «безрезультатности» по мнѣнiю другихъ — онъ, сдѣлавъ попытку объединить всѣ слои русской эмиграцiи, тѣмъ самымъ глубоко всколыхнулъ широкiе слои Зарубежной Руси и показалъ хоть какое то маленькое «дѣйствiе»,—практическое приложенiе активной мысли въ наше время всеобщей апатiи и бездѣятельности.

«Страна безъ арміи — не имѣетъ права на историческое существованіе, ибо она не можетъ отстоять этого права мечемъ» — говоритъ историческая формула.

«Организація безъ дѣйствія (или бездѣйствія — все равно) обречена на погибель» — скажемъ мы — «ибо какой смыслъ и кому какая польза въ ея существованіи?!..

Вотъ поэтому то нужно прежде всего привѣтствовать — не только организаторовъ Съѣзда, перешедшихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, но и составъ Съѣзда въ его цѣломъ, который несмотря на всѣ недочеты и обнаружившіеся отрицательныя явленія, является воплощеніемъ идеи активности.

«Никто Съѣздъ не устраивалъ
«Онъ самъ устроился,
«Очень многіе Съѣздъ разстраивали,
«Но онъ все таки не разстроился.
(Возрожд. №327).

Ни съ первымъ, ни со вторымъ положеніями почтеннаго автора вышеприведенныхъ строкъ согласиться нельзя и вотъ почему: ту или иную идею мало еще создать — нужно умѣть воплотить ее въ жизнь, а это далеко не каждому дано, ибо какъ бы не былъ геніаленъ планъ, но безъ единой активной воли, — многочисленныя единицы создавшія его или учавствующія въ немъ — не въ состояніи претворить его въ жизнь, именно въ силу своей многочисленности (а въ даномъ случаѣ и разбросанности)—вотъ почему, вполнѣ оцѣнивая скромность организаторовъ, нельзя согласиться, что «Съѣздъ самъ собой устроился».

Но нельзя также согласиться и съ тѣмъ, что Съѣздъ «не разстроился»... Да! Съѣздъ не разстроился въ буквальномъ смыслѣ этого слова: засѣданія начались въ точно опредѣленные день и часъ, въ точно опредѣленномъ мѣстѣ, при точно опредѣленномъ количествѣ делегатовъ и продолжались точно опредѣленное время, но духовная сторона его, какъ ни больно въ этомъ сознаться, умерла еще во время организаціи — когда одни изъ партійнихъ и общественныхъ элементовъ отказались учавствовать въ Съѣздѣ, другіе продиктовали рядъ условій своего вхожденія, третьи въ силу создавшихся предвыборныхъ обстоятельствъ вынуждены были выйти изъ организаціонной группы, четвертые вели противъ Съѣзда злостную агитацію, пятые уже на самомъ Съѣздѣ собирались задавить «меньшинство», шестые противупоставили этой угрозѣ, какъ средство обороны — уходъ со Съѣзда» и т. д...

А между тѣмъ какая высокая и прекрасная идея заложена была въ основу Съѣзда!!!

«Зарубежный Съѣздъ является экзаменомъ Зарубежной Россіи на путяхъ къ патріотическому, дѣйственному и дисциплинированному объединенію для возсоединенія съ Россіей внутренней во имя воскресенія Національной Россіи», — при чемъ непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго хода работъ прежде всего ставилось отрицаніе партій и партійнаго засилья, избѣганіе ссоръ, интригъ, каверзъ, и самое главное, — ни у одного изъ участниковъ Съѣзда даже и задней мысли не должно было быть объ «имущественной реставраціи». (Возрожд. №301).

Но уже въ первый день открытія Зарубежнаго Съѣзда устроителями его овладѣваютъ сомнѣнія: «окажутся ли зарубежныя силы на надлежащей высотѣ? найдутъ ли онѣ согласно-мудрыя и мудро-согласованныя рѣшенія? или же возобладаетъ духъ розни и властолюбія? Да не будетъ этого!... съ искреннимъ испугомъ восклицаетъ авторъ передовой статьи (Возрожд. № 306).

«Да не будетъ этого»... искренно воскликнулъ всякъ прочитавшій эту статью, любящій Россію, ненавидящій большевизмъ и видящій въ Зарубежномъ Съѣздѣ осуществленіе тѣхъ или иныхъ надеждъ.

И правду сказать, — устроителямъ Съѣзда было чего бояться: трудно описать весь тотъ морально-тернистый путь, который былъ пройденъ ими въ пред-

организаціонныхъ работахъ; тѣ надежды и разочарованія съ которыми они поминутно сталкивались; ту стойкость съ которой они выдержали безсовѣстную и беззастѣнчивую травлю со стороны извѣстной части эмиграціи — хотѣлось думать что послѣ всѣхъ этихъ организаціонныхъ передрягъ: уходовъ, возвращеній, ультиматумовъ и т.п. въ оставшейся отборной и морально спаянной части Съѣздъ дастъ картину полнаго единенія — уже первые дни Съѣзда показали что это не такъ...

«Въ чемъ самая большая трудность Зарубежнаго Съѣзда»? — спрашиваетъ авторъ передовой статьи (Возрожд. № 307) и даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: «въ томъ, что съѣздъ одновременно и политическій и безвластный» и приглашаетъ членовъ Съѣзда — «не соблазняться видимостью парламента», помня, что у нихъ нѣтъ никакой по отношенію къ эмиграціи принудительной власти и что нужно лишь провозгласить ИДЕЮ и призвать объединиться вокругъ одного лица воплощающаго эту идею.

Идея эта — та же непримиримая борьба съ большевизмомъ въ полномъ единеніи съ внутренней Россіей во имя возстановленія Національной Россіи безъ какихъ бы то ни было корыстныхъ вожделѣній.

Лицо — ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Итакъ — великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача: единеніе вокругъ ВОЖДЯ и отогнаніе признаковъ «реставраторства» (Возрожд. № 307).

Какъ извѣстно, идея НАЦІОНАЛЬНАГО ВОЖДЯ нашла въ Зарубежномъ Съѣздѣ такое же единодушіе, какъ и въ сердцахъ той части русской эмиграціи «для которой Россія не пустой звукъ, а Русскій народъ не поле для партійныхъ опытовъ» — эта часть и не мыслила себѣ иного ВОЖДЯ и Имя ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА было у всѣхъ на устахъ.

Итакъ великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача въ этомъ смыслѣ была блестяще разрѣшена.

Но уже на пятый день засѣданій Зарубежнаго Съѣзда выдвинулся во всей остротѣ вопросъ «объ органѣ» — быть или не быть послѣднему; разсматривая этотъ вопросъ съ трехъ точекъ зрѣнія (исполн. орг. какъ учрежденіе общественное, исполн. орг. для выполненій предначертаній Великаго Князя — правительство и, наконецъ, массовая организація Зарубежной Руси въ цѣломъ), авторъ передовой статьи (Возрожд. № 311) указываетъ, что задачей настоящаго момента является задача скромная и дѣловая; «созданіе Съѣздомъ своего органа для выполненія порученій въ духѣ сдѣланныхъ имъ постановленій».

Въ конечномъ итогѣ Съѣздъ, какъ извѣстно, отказался отъ созданія широковѣщательнаго и громоздкаго органа и на вопросъ представителей — что мы скажемъ своимъ избирателямъ — авторъ передовой статьи (Возрожд. № 414) разъясняя, что вопросъ объ органѣ еще не созрѣлъ и только поставленъ на очередь и что разрѣшеніе его оставлено въ наслѣдство второму Съѣзду, совѣтуетъ: указавъ избирателямъ всѣ трудности вопроса, «нести на себѣ бремя несбыточныхъ надеждъ и не перекладывать его на Нашего Вождя».

Таковы въ общемъ задачи и ходъ выполненія ихъ Зарубежнымъ Съѣздомъ.

Я не буду касаться характера самихъ засѣданій — партійной розни между членами, страстныхъ и горячихъ споровъ, угрозъ и нетактичныхъ выпадовъ въ рѣчахъ со стороны наименѣе сдержанныхъ членовъ, докладовъ, среди которыхъ были и плохіе и хорошіе — словомъ всего того, что сгущаетъ или разряжаетъ

атмосферу подобныхъ засѣданій и остановлюсь лишь на конечныхъ итогахъ Зарубежнаго Съѣзда.

Лѣвая часть русской эмиграціи торжествуетъ, указывая на *полный провалъ* Съѣзда, но являясь, въ свою очередь противниками большевизма (въ большей или меньшей степени), они не могутъ не понимать, что и въ этомъ случаѣ, если бы даже Съѣздъ и провалился, то тѣмъ самымъ значительно уменьшены и ихъ шансы на побѣду надъ большевиками. Та рознь, которая обнаружилась при организаціи Зарубежнаго Съѣзда, уже дала торжество большевикамъ—слѣдовательно если провалилась «правая» затѣя, то тѣмъ легче большевикамъ справиться съ «лѣвой».

Къ счастью можно говорить «о несбывшихся или неоправдавшихся надеждахъ», но отнюдь не о провалѣ. По словамъ кн. Г.Н. Трубецкого «не принимавшаго участія въ работахъ Съѣзда и сомнѣвавшагося въ практическихъ результатахъ», Съѣздъ далъ положительныя достиженія, являющіяся результатомъ побѣды трехъ идей:

1)Непримиримость къ большевикамъ и полное примиреніе со всѣми личными и классовыми потерями; это «не ровъ», а мостъ для возвращенія въ Россію,

2)Отказъ отъ предвзятыхъ рѣшеній за-рубежомъ безъ участія внутренней Россіи и

3)идея Національнаго движенія и Національнаго Вождя (Возрожд. № 320).

В. Л. Бурцевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію газеты Возрожденіе, подробно перечисляя всѣ ошибки и недостатки Съѣзда (которыхъ между прочимъ не скрываютъ и сами устроители), говоритъ: «Зарубежный Съѣздъ и приготовленія къ нему глубоко всколыхнули заснувшую эмиграцію. Агитація по поводу Съѣзда и онъ самъ всюду, гдѣ только существуетъ русская эмиграція, передъ всѣми, къ какимъ бы кто направленіямъ ни принадлежалъ, поставили вопросъ ребромъ о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками и о борьбѣ за возрожденіе Россіи; въ настоящее время даже невозможно, какъ слѣдуетъ оцѣнить значеніе этой агитаціи.

Вспахана (и хорошо вспахана) эмигрантская почва. Посѣяны хорошія сѣмена. Слѣдовательно въ будущемъ есть надежда на хорошую жатву». Статья заканчивается словами, что безспорно Зарубежный Съѣздъ одно изъ самыхъ крупныхъ событій русской эмиграціонной жизни за послѣдніе годы. (Возрожд. № 320).

Итакъ Зарубежный Съѣздъ окончился и ближайшимъ слѣдствіемъ или вѣрнѣе отзвукомъ его явилось... образованіе двухъ новыхъ политическихъ группировокъ (Рос. Центр. Объед. и Заруб. Патр. Объед.); но это еще не все... къ переорганизаціи мы уже привыкли: двумя партіями больше, двумя партіями меньше, не все ли равно — мы русскіе эмигранты можемъ позволить себѣ такую «роскошь»... и это разъединеніе само по себѣ не такъ ужъ страшно...

Но внезапно всплыло на поверхности эмигрантскаго моря новое и болѣе серьезное обстоятельство — это выступленіе «дѣтей» противъ «отцовъ» — молодежи противъ стариковъ.

Часть неудовлетворенной молодежи рѣзко выступила противъ бездѣятельности и безсилія въ практическомъ осуществленіи тѣхъ или иныхъ идей, — стариковъ, съ обвиненіями ихъ въ болтливости, партійности, сорахъ, личномъ мелкомъ честолюбіи и т. п.

Старики устами «Странника» (Возрожд. № 339) соглашаются съ этимъ, но въ свою очередь, указываютъ, что этими же пороками заражена и молодежь и возбужденіе охватившее ее называетъ «бунтарствомъ».

И.Д.Гриммъ въ своей, довольно рѣзкой, статьѣ «Шапки долой»-подчеркиваетъ практическую неспособность «вожаковъ изъ молодежи» и невозможность въ воп-

росахъ практическаго строительства обойтись безъ помощи стариковъ; отстаивая старческій авторитетъ и указывая, что поруганіе старости всюду нарекалось хамствомъ, Н. Д. Гриммъ опредѣляетъ, что бунтъ противъ старшихъ какъ таковыхъ, есть по духу и сущности дѣло комсомольское и заканчиваетъ статью словами: не по шапкѣ стариковъ, — а шапки долой передъ ихъ сѣдиною!

Молодежь была весьма обижена этой, дѣйствительно рѣзкой, статьей и, по слухамъ, организуетъ: «Союзъ Активной Молодежи» — какъ противовѣсъ бездѣятельной старости.

Сейчасъ борьба между «отцами и дѣтьми» въ полномъ разгарѣ — чѣмъ она окончится — покажетъ недалекое будущее.

3. КАТОЛИЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВІЕ НА ФОНѢ ПАРИЖСКИХЪ ДНЕЙ.

28 марта с. г. читатели «Посл. Нов.» были крайне взволнованы появившейся въ этой газетѣ статьей — «Злое Дѣло».

Авторъ статьи сообщалъ, что вслѣдствіе заявленія аббата Кэнэ, являющагося представителемъ монсиньора Шапталя, стоящаго во главѣ Организаціи Французской помощи русскимъ бѣженцамъ, эти католическія организаціи прекращаютъ свою помощь, а вслѣдъ за ними тоже отрицательное отношеніе можетъ быть принято и въ другихъ странахъ.

«Естественно, пишетъ «Посл. Нов.»,что всѣ--кто пользовался этой помощью (дѣти, старики, инвалиды) и теперь, неожиданно, среди учебнаго года оставленъ безъ поддержки на которую расчитывалъ, должны особенно остро испытывать то чувство огорченія, которое испытываемъ и мы, но это чувство огорченія должно превратиться въ чувство негодованія, когда общественное мнѣніе узнаетъ кому русскіе эмигранты обязаны столь суровой мѣрой»... (Посл. Нов.» № 1381).

Далѣе, ссылаясь на объясненіе аббата Кэнэ, — «Посл. Нов.» указываютъ, что причиной отказа католическихъ организацій отъ дальнѣйшей помощи является раздраженіе, какъ результатъ той травли, которой незаслуженно, но систематически яко бы подвергалось мѣстное католическое духовенство за то, что будто бы подъ покровомъ благотворительности улавливало православныя души въ католицизмъ.

Письмо аббата Кэнэ указываетъ и авторовъ этой травли: газ. «Возрожденіе» и священникъ Сахаровъ, авторъ извѣстной брошюры «Православіе и Католицизмъ».

Далѣе въ означенной газетѣ идетъ разборъ и брошюры о. Сахарова и его личности, попутно рѣзко достается газ. «Возрожденіе», дѣлающей по словамъ «Посл. Нов.» — «Злое Дѣло». Конечно не оставленъ по этому случаю безъ вниманія и Зарубежный Съѣздъ (?)...

Въ этой же газетѣ приведено письмо аббата Кэнэ къ Митрополиту Евлогію.

При чтеніи этого письма невольно поражаешься вызывающему и рѣзкому тону аббата Кэнэ: забыта не только іерархическая разница, столь строго соблюдаемая въ католическомъ мірѣ, но забыто и элементарное чувство вѣжливости хозяина по отношенію къ «невольному» гостю...

Но затѣмъ поражаетъ и другое обстоятельство — какъ можно на основаніи вѣковой догматической розни лишать помощи ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, стариковъ, инвалидовъ — какъ можно бить слабаго и беззащитнаго?...

Естественно, что въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія этого вопроса, взоры всѣхъ были устремлены въ сторону газ. «Возрожденіе», но послѣдняя хранила упорное молчаніе.

Наконецъ, 31 марта, газ. «Возрожденіе» дала исчерпывающій отвѣтъ въ передовой статьѣ «Прискорбный фактъ и Постыдное поведеніе». Освѣщая всесторонне вопросъ, объясняя и причину молчанія и свой взглядъ, газета подходитъ къ нему не съ узкой точки сведенія партійныхъ счетовъ, а съ точки зрѣнія оскорбленнаго національнаго достоинства.

Суть этой прекрасной статьи, въ краткихъ словахъ, сводится къ слѣдующему.

«Мы молчали сознательно и намѣренно. Мы считаемъ наше изданіе не только литературнымъ, но и національно-политическимъ дѣломъ. А въ такомъ дѣлѣ мы считаемъ необходимымъ и обязательнымъ строгую національную дисциплину?»

Разсматривая далѣе письмо аббата Кэнэ и дѣйствіе монсиньора Шапталя противъ высокочтимаго русскаго іерарха, стоящаго во главѣ управленія Западно-русскими церквами, — какъ выпадъ противъ русскихъ бѣженцевъ, газета говоритъ, что, въ цѣляхъ объективности, ею рѣшено было выждать отвѣтъ Высокопреосвященнаго Митрополита Евлогія и тогда только помѣстить всю переписку.

«Наша собственная позиція въ этомъ вопросѣ проста и ясна — мы считаемъ вражду между разными христіанскими вѣроисповѣданіями — передъ лицомъ единаго и сильнаго врага христіанской вѣры — большой ошибкой и великимъ грѣхомъ».

Далѣе указывая на доходившіе одиночные жалобы объ использованіи матеріальной нужды бѣженцевъ для совращенія ихъ въ католичество, газета говоритъ, что не только не обобщала этихъ жалобъ, но, вопреки этимъ обвиненіямъ, подчеркивала безкорыстный и деликатный характеръ этой помощи.

«Но мы не могли и не можемъ допустить мысли, что бы чья либо помощь могла лишить насъ и нашихъ братьевъ по вѣрѣ, духовной свободы и наложить печать молчанія на православныя уста».

И, въ прекращеніи этой помощи, газета видитъ элементы страшнаго давленія на духовную свободу русскихъ.

Съ глубокимъ и искреннимъ негодованіемъ газета обрушивается на своихъ политическихъ противниковъ «глубоко равнодушныхъ къ религіи вообще и къ православной вѣрѣ въ частности», воспользовавшихся случаемъ для «безидейнаго, безпринципнаго и лживаго сведенія партійныхъ счетовъ» и, съ глубокимъ презрѣніемъ, клеймитъ неразбирающагося въ средствахъ противника.

Въ письмѣ Высокопреосвященнаго Митрополита Евлогія къ монсиньору Шапталю звучатъ нотки достойныя Древнихъ Русскихъ Пастырей, блюдущихъ крѣпость православной вѣры, порученную имъ паству и не идущихъ ни на какіе компромиссы.

Твердо, заявляя, что указанные «факты перевода въ католичество православныхъ русскихъ, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто», Владыка энергично отстаиваетъ права духовныхъ лицъ «въ обереженіи юныхъ душъ нашихъ дѣтей, у которыхъ часто нѣтъ заступничества ихъ родителей».

Соглашаясь, «что Католичество и Православіе издавна спорятъ другъ съ другомъ», Владыка мужественно ставитъ монсиньору Шапталю убійственный вопросъ: «какимъ образомъ дѣло христіанскаго милосердія можно ставить въ зависимость отъ того или иного разногласія во взглядахъ на церковные вопросы, отъ нашихъ споровъ и даже раздоровъ? Гдѣ же тутъ правда? Гдѣ, Христосъ, которому Вы служите? Гдѣ Его Святая любовь, о которой Вы говорите»?

Такъ пишетъ Высокопреосвященный Евлогій монсиньору Шапталю.

Кн. Г. Н. Трубецкой, въ своей статьѣ по этому вопросу Tertius gaudens (Возр. №302) подводитъ итоги удручающему по формѣ и содержанію письму аббата Кэнэ: оно доставитъ удовольствіе большевикамъ и лжеименной православной церкви, ибо для этихъ враговъ Христа, рознь между тѣми, кто долженъ былъ бы сплотиться во имя Христа, всякая рознь доставляетъ величайшее удовлетвореніе.

«Но при чемъ же тутъ находящiеся въ нуждѣ бѣженцы, малолѣтнія дѣти и учащаяся молодежь... въ недоумѣніи восклицаетъ авторъ...

Весь этотъ конфликтъ, происшедшій на глазахъ русской колоніи, нашелъ горячій откликъ въ эмигрантской средѣ, сразу оцѣнившей благородную и мужественную позицію занятую въ этомъ вопросѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Евлогіемъ: нѣсколько адресовъ покрытыхъ подписями тысячъ сочувствующихъ и представителями 21 русской организацій, должны были послужить глубокимъ моральнымъ удовлетвореніемъ для Владыки.

Но русскія организаціи не остановились на этомъ и, въ особомъ письмѣ, на имя монсиньора Шапталя, съ твердостью заявили, что питая чувства глубокой благодарности за оказываемую французскими организаціями помощь русскимъ бѣженцамъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаютъ нужнымъ заявить, что оскорбленіе высокочтимаго всѣми Владыки является вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіемъ Національнаго достоинства русскихъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ монсиньора Шапталя на имя предсѣдателя Національнаго Комитета, по существу вопроса, ничего новаго добавлено не было, но внимательный глазъ могъ уловить въ немъ новыя нотки, болѣе мягкаго характера и, дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, въ печати появилось сообщеніе, что Организація Союза помощи во Франціи будетъ продолжать дѣло помощи русскимъ бѣженцамъ.

Такимъ образомъ, съ чувствомъ глубокаго моральнаго удовлетворенія можно констатировать, что христіанское милосердіе, справедливость и благоразуміе одержали вверхъ въ этомъ щекотливомъ для обѣихъ сторонъ дѣлѣ.

4. КРАСНОВЪ—КОЙСУГОВЪ—СУВОРИНЪ.

Интересная полемика, являющаяся слѣдствіемъ прочитаннаго въ свое время генераломъ Красновымъ доклада о Донскомъ Атаманѣ А. М. Калединѣ — возникла между этими тремя лицами.

Какъ извѣстно, генералъ Красновъ, въ своемъ докладѣ, сдѣлалъ рядъ досадныхъ промаховъ — какъ въ отношеніи личности покойнаго Атамана, такъ и въ отношеніи характера минувшихъ событій этой эпохи.

Съ цѣлью возстановленія исторически-точно событій того времени и указанія этихъ промаховъ, въ «Посл. Новост.» выступилъ нѣкто г. Койсуговъ (очевидно псевдонимъ); опровергая и исправляя невѣрныя положенія доклада ген. Краснова, г. Койсуговъ въ свою очередь допустилъ ошибку, а именно — говоря о конспиративномъ возглавленіи Добровольческой Арміи генераломъ Корниловымъ, г. Койсуговъ пишетъ: «что этотъ фактъ неожиданно былъ опубликованъ въ газетѣ Б. Суворина» и что Донской Атаманъ передалъ Объединенному Прави-

тельству просьбу генераловъ Алексѣева и Корнилова принять мѣры къ недопущенію подобныхъ провокаціонныхъ выходокъ.

Далѣе — г. Койсуговъ добавляетъ, что когда былъ вызванъ для объясненія по этому вопросу редакторъ, то вмѣсто него явился нѣкто Іоль де Монкларъ, которому и было сдѣлано надлежащее внушеніе съ предупрежденіемъ о высылкѣ.

Съ опроверженіемъ, въ свою очередь, въ «Посл. Нов.» выступилъ Бор. Суворинъ, который хронологически доказалъ неправильность вышеприведеннаго сообщенія, ибо газета «Веч. Время» первый разъ появилась на Дону... спустя $4^1/_2$ мѣсяца послѣ смерти генер. Каледина...

Дѣйствительно, газета Б. Суворина, въ моментъ затронутый г. Койсуговымъ еще не существовала, а слѣдовательно Б. Суворинъ и ничего не могъ писать, по этому поводу, но описываемый фактъ появленія въ печати имени генер. Корнилова—какъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, все таки имѣлъ мѣсто и вотъ какъ освѣщаетъ этотъ вопросъ, самъ виновникъ этого, бывшій капитанъ Іоль де Монкларъ, —письмо котораго случайно сохранилось среди матеріаловъ Музея «Современныхъ Событій въ Россіи».

...««на Вашъ запросъ о матеріалахъ, въ силу коихъ въ телеграммахъ «Юго-Восточнаго Издательства,» возглавляемаго мною появилось въ Январѣ 1918 года о назначеніи генер. Л. Г. Корнилова Главнокомандующимъ силами Добровольчесобой Арміи, находящимися въ Ростовѣ, сообщаю:

Оперативнымъ отдѣленіемъ Штаба Походнаго была передана телеграмма Донского Атамана А. М. Каледина Ростовскому Генералъ-Губернатору, кажется ген. А. П. Богаевскому, о томъ, что ген. Л. Г. Корниловъ состоитъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміи. Копія этой телеграммы была доставлена мнѣ въ редакцію. Помѣщена она была послѣ переданнаго мнѣ генеральнаго штаба подполковникомъ В. Е. Роженко мнѣнія Л. Г. Корнилова, что опубликованіе ея не встрѣчаетъ возраженій съ его стороны».

Александръ Іоль

(Капитанъ Іоль де Монкларъ).

5. ВОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА.

Скромное помѣщеніе Союза Галлиполійцевъ... 58 человѣкъ, окутанныхъ голубыми волнами ладана стояли низко склонивъ голову съ зажженными свѣчами въ рукахъ?... «Вѣчная память»... и скромное засѣданіе посвященное памяти покойнаго.

Говорили... но не въ этомъ дѣло кто и что говорилъ...

Я вспомнилъ прежнія торжественныя собранія, посвященныя памяти «истиннаго сына отечества погибшаго на своемъ посту»... переполненные театры и залы въ Ростовѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ...

Я не видѣлъ здѣсь многихъ высокихъ сподвижниковъ покойнаго... не видѣлъ и оффиціальныхъ представителей... и никого изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, кромѣ, всегда свято чтущаго память покойнаго, кн. Н. Н. Львова...

Я слушалъ рѣчи... а въ головѣ назойливо звенѣли слова К. Бальмонта:

«Я подъ камнемъ могильнымъ лежу
«Слишкомъ рано меня схоронили»...

Сколько соберется въ будущемъ году почтить священную память народнаго героя?...

YIII.

ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ

Красная Армія и «Военизація».

Тѣ времена когда на совѣтскія войска смотрѣли какъ на «красную с-----чь» и «красноармейскія банды», повидимому прошли безвозвратно.

Нынѣ это одна изъ сильныхъ европейскихъ армій (вторая послѣ французской), офиціально насчитывающая въ своихъ рядахъ до 600.000 человѣкъ, можетъ быть плохо снаряженная и вооруженная, но неустанно и энергично идущая по пути всевозможныхъ улучшеній и усовершенствованій, а главное-не боящаяся никакихъ широкихъ опытовъ и имѣющая гражданское мужество сознаваться въ неудачѣ или ошибкахъ этихъ опытовъ.

Держа въ постоянномъ страхѣ возмездія, Польшу и Румынію, являясь, можетъ быть, и непріятнымъ, но относительно сильнымъ сосѣдомъ лимитрофныхъ образованій, красная, армія если будетъ итти и дальше по пути самоусовершенствованія такими же гигантскими шагами, можетъ достигнуть такого положенія когда съ ней будутъ считаться первоклассныя европейскія арміи. Не понимать этого—значить сознательно закрывать глаза на будущее или уподобляться страусу застигнутому врасплохъ опасностью... Если только въ сердцахъ нашихъ Вождей не предрѣшенъ отказъ отъ вооруженной борьбы въ будущемъ за счетъ могущаго произойти переворота внутри страны — необходимо теперь же приступить къ самой широкой ОРГАНИЗАЦІИ учета *дѣйствительныхъ* бѣлыхъ силъ, намѣтивъ принципы и способы ихъ концентраціи — продолжающаяся бездѣятельность въ этомъ отношеніи — непростительна!

Интересно прослѣдить, хотя бы въ общихъ чертахъ развитіе красныхъ вооруженныхъ силъ:

Въ октябрѣ-ноябрѣ 1917 г. Кронштадтъ, крейсеръ Аврора и отдѣльныя латышско-матросскія банды; въ январѣ 1918 г. отряды матросовъ, латышей, китайцевъ и военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ и мадьяръ сведенныхъ въ организаціонные единицы, а также рядъ разрозненныхъ воинскихъ частей, покинувшихъ фронтъ. Въ іюнѣ-іюлѣ 1918 г. послѣ угрозы чехословаковъ, начинается лихорадочная организація красной арміи и къ осени того же года численность ихъ, правда въ сырой формѣ, достигаетъ — *двѣнадцати*, распредѣленныхъ между Сибирскимъ и Южнымъ фронтами. Добровольческая и Донская Арміи, въ бояхъ на Сѣверномъ Кавказѣ и Азовско-Донскомъ фронтахъ, въ теченіе осени и зимы 1918 — 1919 гг. весны и лѣта 1919 г., выводятъ изъ строя нѣсколько совѣтскихъ армій, но на смѣну имъ являются другія, въ большинствѣ на ново сорганизованныя и, къ осени 1919 г., число ихъ достигло —*пятнадцати*.

Крымъ уже съ первыхъ дней предрѣшилъ исходъ борьбы; по заявленію генерала Врангеля у него на фронтѣ было сорокъ тысячъ, а въ тылу триста тысячъ; если бы было наоборотъ, еще могла быть какая нибудь надежда — въ данномъ же случаѣ исходъ борьбы если и затянулся, то лишь исключительно благодаря мужеству и стойкости этихъ сорока тысячъ и неудачамъ большевиковъ на польскомъ фронтѣ.

По окончаніи гражданской войны, организація приняла болѣе планомѣрный характеръ: было обращено вниманіе на воспитаніе и образованіе войскъ — конечно, въ совѣтскомъ духѣ, призывная система нѣсколько разъ видоизмѣнялась и въ настоящее время, построена на двухъ основахъ—кадровой и территоріальной; заново разработаны мобилизаціонные планы, безпрестанно идутъ закупки оружія и снареженія и, въ настоящее время, красная армія имѣетъ кадровый составъ около 600.000 чел.

Какія мѣры воздѣйствія принимала и принимаетъ совѣтская власть для организаціи арміи въ цѣломъ — это мы хорошо знаемъ и по разсказамъ плѣнныхъ, и по письмамъ, и по распоряженіямъ самой совѣтской власти — мѣры крутыя, — что и говорить!..

Но вотъ какія принимаются мѣры въ частности, хотя бы для воспитанія этой арміи, или вѣрнѣе, какія принципы заложены въ основу ея воспитанія — это гораздо интереснѣе и нужно остановиться хотя бы на двухъ, трехъ наиболѣе характерныхъ примѣрахъ.

Въ памяткѣ «красному инструктору», между рядомъ наставленій, читаемъ (приводится по памяти)—если ты обѣщалъ наградить кого нибудь, то не забудь награди, но если ты обѣщалъ наказать (или чуть ли не убить), то исполни это не задумываясь...

Еще интереснѣе опредѣленіе солдата и сравненіе его съ прежнимъ опредѣленіемъ —

Прежде:	Теперь:
Солдатъ есть слуга Государя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.	Солдатъ Красной Арміи есть защитникъ рабочихъ и бѣднѣйшаго крестьянства и защитникъ Совѣтской власти.

Какъ видно,—прежнее «обидное» опредѣленіе «слуга» выброшено и оставленъ лишь терминъ «защитникъ», при чемъ для усиленія значенія этого, термина прежнее слово «Отечество» разложено на свои составные части: рабочихъ и бѣднѣйшихъ (именно бѣднѣйшихъ т.к. солдатъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ изъ этой среды) крестьянъ — чѣмъ и подчеркивается *его связь* съ этой средой.

Но еще интереснѣе слѣдующіе вопросы и отвѣты изъ «памятки красноармейца»;

В. За что ты бьешься?

О. *За правду...*

В. Какъ же ты бьешься съ врагомъ?

О. *Безъ пощады, пока не сокрушу!*

В. Много ли васъ, *защитниковъ труда и бѣдности?*

О. Въ резервѣ у меня вся бѣднота и пролетаріатъ спѣшатъ ко мнѣ на помощь.

Въ 1919 г., на съѣздѣ красныхъ инструкторовъ военно-учебныхъ заведеній, Инспекторъ в. уч. зав. Дзевалтовскій заявилъ: что къ дѣлу обученія краснаго офицерства нужно привлечь весь прежній составъ военно-учебныхъ заведеній, использовавъ ихъ опытъ и знаніе, и, не боясь контръ-революціонности, заставить ихъ работать въ «красномъ духѣ».

И привлекли... и использовали... и заставили...

Въ 1920 г., во время лекціи по военной исторіи въ бывшей Императорской Николаевской военной Академіи, лекторъ (одинъ изъ бывшихъ профессоровъ), дѣлая выводы изъ какого то сраженія добавилъ, что выводы эти вполнѣ подтверждаютъ тѣ принципы, которые были заложены нашими величайшими военными геніями и т.д.

Послѣ лекціи одинъ изъ «высокихъ красныхъ слушателей» спросилъ въ профессорской лектора: «на какихъ это Вы, военныхъ геніевъ намекали?»

«На Императора Петра Великаго и Суворова» — послѣдовалъ отвѣтъ.

«Почему же Вы не назвали эти имена?»

«Помилуйте, съ одной стороны — красные слушатели будущіе такъ сказать борцы не только противъ имперіализма, но и противъ мірового буржуазнаго строя и съ другой — императоръ и императорскіе полководцы, какъ проводники основъ будущей борьбы»... — и въ голосѣ лектора послышалась еле замѣтная иронія...

«Намъ мертвыхъ императоровъ и императорскихъ полкодцевъ бояться нечего —послѣдовалъ отвѣтъ,—и наша молодая красная военная исторія должна признать ихъ авторитеты также — какъ они были признаны въ царскіе времена. Однимъ словомъ, — все то, что можетъ усилить нашу красную армію, нами безотговорочно принимается и Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, ссылаться на тѣ или иные авторитеты — разъ они могутъ послужить къ усиленію мощи нашей арміи».

Если прослѣдить совѣтскія военныя изданія то, можно въ нихъ замѣтить такія же частыя ссылки на Петра Вел., Фридриха Вел., Карла XII, Наполеона, Суворова и др., какъ и въ доброе старое время...

Не удивительно, что «военизація» является однимъ изъ колоссальнѣйшихъ опытовъ, продѣлываемыхъ большевиками съ присущей имъ смѣлостью и настойчивостью.

Что такое «военизація» въ совѣтскомъ смыслѣ слова —*это принудительная система привлеченія молодой части населенія для теоретическаго и практическаго изученія основъ военнаго дѣла.*

«Передъ нами стоитъ задача — все населеніе приспособить къ тому, чтобы въ самомъ дѣлѣ служить интересамъ обороны страны. Если мы въ піонерскихъ отрядахъ, въ спортивныхъ организаціяхъ, въ школахъ 1-й и 2-й ступени и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будемъ учить какъ защищать нашъ Союзъ, будемъ обучать спорту, военному искусству, то при минимальной затратѣ времени и средствъ будемъ имѣть на три четверти подготовленныхъ бойцовъ, способныхъ вести борьбу, способныхъ защищать Союзъ. Если, начиная съ дѣтскаго возраста мы будемъ физически закалять будущихъ бойцовъ, а затѣмъ обучать ихъ военному дѣлу, то это дастъ намъ возможность сократить средства на содержаніе и обученіе кадровыхъ частей, на подготовку краснаго состава». (Докладъ помощ. комис. по воен. и морс. дѣламъ Уншлихта — Красн. Зв. № 52).

Такимъ образомъ, большевики вступаютъ въ новую сферу усиленія своей военной мощи—и само собою разумѣется, что арміи они не только не сократятъ, но за спиной 600.000 кадровыхъ бойцовъ, они будутъ имѣть обученный и вооруженный резервъ всей страны.

Таковы послѣдствія первой части ихъ знаменитаго лозунга: «миръ хижинамъ»...

Что идея «военизаціи» «не нова», съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться («Военизація» ст. А. Эфеса Возрожд. № 358), точно также какъ не вызываетъ сомнѣній утвержденіе автора, что почти во всѣхъ государствахъ удѣлено большое вниманіе внѣ войсковой подготовкѣ молодежи; но есть и существенная разница,— въ то время, какъ во всѣхъ государствахъ этотъ вопросъ поставленъ на добровольческихъ началахъ (въ Америкѣ напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ согласія родителей), въ Сов. Россіи говорятъ о самыхъ «рѣшительныхъ» дѣйствіяхъ по проведенію этой мѣры въ жизнь, т.е. расшифровывая эти слова — получимъ «принудительный, образъ дѣйствій»—типичнѣйшій совѣтскій методъ.

«Военизація» отнюдь не является мертворожденной идеей и, если она не выльется—во что нибудь похожее на «совѣтскую аракчеевщину», то, въ конечномъ итогѣ, она, при надлежащемъ проведеніи этого дѣла въ жизнь, при упорствѣ и настойчивости, можетъ дать «вооруженный народъ» съ милліонной арміей въ

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація".

А. Призывъ въ Красную Армію.

Провожаютъ!..

На призывномъ пунктѣ. Запись.

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

А. Призывъ въ Красную Армію.

Очередь записи...

«Забрили»!..

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

Б. Красные курсанты.

Въ бывшемъ Кіевскомъ Военномъ Училищѣ.

«Пассивная гимнастика».

Къ статьѣ „Красная Армія и „военизація“.

Б. Красные курсанты.

На прицѣлкѣ.

«Кобыла».

Французская борьба.

авангардѣ — а это уже не шуточная угроза миру міра... и окончательное разрѣшеніе второй части ихъ лозунга:«война дворцамъ» — конечно, не заставитъ себя долго ожидать...

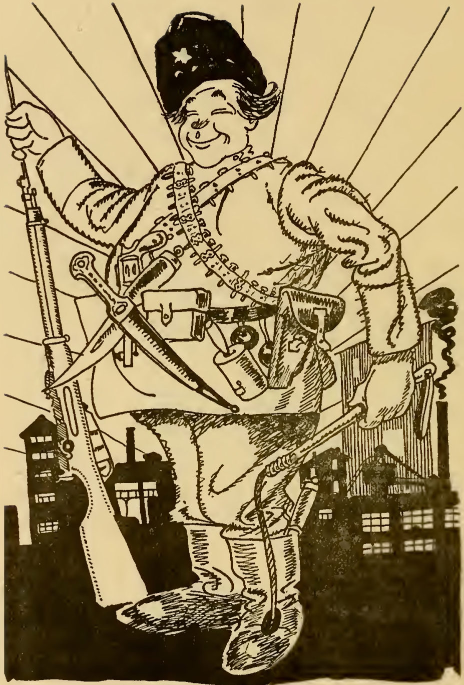
Какіе же выводы можемъ сдѣлать для себя — мы «бѣлогвардейцы». Нужно прежде всего внимательно изучать нашего настоящаго и будущаго противника, отбросивъ предубѣжденіе и о его неспособности и о его неумѣніи, ибо, повторяю это уже не «красная с-чь» — это армія на пути къ «первоклассной».

«Бѣлогвардейцевъ» не такъ уже много за-границей, — что бы пренебрегать изученіемъ психологіи противника, его пріемовъ и методовъ, технической стороны и т. д. и нужно противупоставить имъ свое, если такъ можно выразиться, — «творчество», закаленное въ горнилѣ «умѣнія», — ибо все таки «бьютъ не числомъ, а умѣніемъ» — что и большевики уже, къ несчастью поняли.

И еще нужно помнить слѣдующее: будемъ ли мы въ будущемъ драться съ Красной Арміей или Всевышнимъ Предопредѣленіемъ, намъ суждено будетъ слиться съ нею и образовать могучую Русскую Армію, являющуюся дѣйствительнымъ стражемъ Страны и Народа — намъ нельзя явиться «младенцами, несмышленышами»; въ этомъ, послѣднемъ случаѣ, много съ собою принесемъ, конечно и мы, но много мы должны будемъ впитать въ себя и отъ нихъ и поэтому, къ каждому новому опыту въ Россіи внутренней, — мы должны относиться не съ легкой верхоглядной критикой, а съ глубочайшимъ вниманіемъ и серьезностью.

Здѣсь мы приводимъ нѣсколько снимковъ изъ жизни Красной Арміи и красныхъ курсантовъ.

Владиміръ Игоревъ.



Большевистскій „воинъ“ первыхъ дней

(Каррикатура Sid'a.)

IX.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ

Генер. Н. Н. ГОЛОВИНЪ: 1) Мысли объ устройствѣ будущей россійской вооруженной силы.
2) Тактика въ задачахъ. Атака укрѣпленной позиціи.

Читая эти труды нашего уважаемаго профессора невольно представляешь себѣ его низко склонившимся надъ картой, разложенной на большомъ столѣ, въ стѣнахъ нашей Академіи. Кругомъ слушатели... Спокойное и любовное изложеніе «основныхъ методовъ», неумолимая логика выводовъ, «натаскиваніе и наталкиваніе» на цѣлесообразныя рѣшенія, вдумчивое отношеніе къ возраженіямъ молодежи и уваженіе къ чужому мнѣнію — вотъ чѣмъ дорогъ для насъ ген. Н. Н. Головинъ и то, что онъ читалъ—нельзя было не знать и нельзя было не помнить.

И еще — его одиночество и въ вопросѣ о нашумѣвшей въ свое время «доктринѣ» и въ рядѣ другихъ вопросовъ,— привлекало къ нему наши симпатіи.

Что сказать о книгахъ? Это настольныя книги для каждаго любящаго военное дѣло и интересующагося имъ. Съ одной стороны «рядъ мыслей» о будущей Русской Арміи, съ другой—практическое приложеніе этихъ мыслей, какъ всегда ясное, логическое и жизненное.

И, конечно, такія мысли не могутъ остаться незамѣченными, какъ въ Россіи Зарубежной, такъ и въ Россіи внутренней, точно такъ же какъ предложенныя авторомъ методы — безплодными.

И мы искренно желаемъ ученому автору видѣть не только результаты практическаго приложенія этихъ мыслей и ученій, но и стоять во главѣ руководящаго центра по проведенію ихъ въ жизнь, въ «Будущихъ Россійскихъ вооруженныхъ Силахъ».

В. ДАВАТЦЪ. Годы. 1926. Бѣлградъ.

При чтеніи этой книги, точно такъ же какъ и при чтеніи другихъ произведеній того же автора («На Москву» и разн. статьи), въ головѣ невольно мелькаетъ мысль: какую коренную ломку своего внутренняго «Я», долженъ былъ произвести надъ собой авторъ, чтобы написать то, что онъ написалъ. Словно, жилъ, жилъ человѣкъ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, оглянулся, увидѣлъ что заблудился на жизненномъ пути, махнулъ рукой и свернувъ на новую дорогу, — началъ новую жизнь со всѣмъ оставшимся пыломъ и страстью уходящихъ «годовъ».

Съ этой именно точки зрѣнія гражданскаго мужества и необыкновенной силы воли и нужно разсматривать «Годы» В. Даватца.

Можно ли писать такія книги «по-заказу»? какъ объ этомъ иронически намекаютъ «Посл. Нов»., называя г. Даватца: офиціальный исторіографъ Врангелевской Арміи. И—да, и — нѣтъ.

Да — въ смыслѣ поднесенія однихъ голыхъ скучныхъ и безпочвенныхъ фактовъ и восхваленія «заказчика». Нѣтъ — въ смыслѣ искренности, горячей любви и юношескаго энтузіазма.

Вотъ на фонѣ то этихъ всѣхъ страницъ и блеститъ ярко этотъ юношескій энтузіазмъ сѣдого человѣка, порвавшаго со всѣмъ прошлымъ и нашедшаго новый идеалъ и этотъ энтузіазмъ если и не подкупаетъ, то заставляетъ читателя временно забыть недостатки книги и сомнительные афоризмы вродѣ: «пока армія жива — Россія не умерла»,—неудачно передѣланный изъ исторической формулы: только

тогда народъ и страна имѣютъ право на историческое существованіе, если они могутъ это право отстоять мечемъ, т. е. если они будутъ имѣть армію.

Въ книгѣ автора много фактовъ, но нѣтъ объективныхъ «поученій», нѣтъ указаній на недочеты и ошибки, — словомъ, если и можно принять первую половину его формулы «безъ ненависти къ политическимъ врагамъ», то вторая половина этой же формулы «безъ пристрастія къ политическимъ друзьямъ», послѣ прочтенія этой, все таки, интересной книги опровергается сама собой.

А въ конечномъ итогѣ—книга является еще одной страницей въ исторіи Добровольческой Арміи.

Е. И. В. Великій Князь БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ. «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Въ концѣ прошлаго года, среди сенсаціонныхъ «исторій» Чикаговской вечерней газеты: «The Evening American», — еженедѣльно, по субботамъ, начали печататься воспоминанія Е. И. В. Великаго Князя Бориса Владиміровича, подъ заглавіемъ: «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Это тѣмъ болѣе удивительно и непонятно, что газета эта принадлежитъ association извѣстнаго Герста, далеко, выражаясь мягко, не отличающагося своими симпатіями къ Россіи царскихъ временъ и являющагося политическимъ противникомъ Генри Форда; повидимому всѣ эти разсказы были одновременно помѣщены во всѣхъ газетахъ (болѣе 20) принадлежащихъ этому Association.

Разсказы Великаго Князя богато иллюстрированы довольно рѣдкими фотографіями, автографами и зарисовками (съ натуры?). Послѣднія представляютъ собою рядъ довольно откровенныхъ сценъ ночного разгула въ различныхъ «мѣстахъ злачныхъ», Распутина гипнотизирующаго какую то, лежащую въ изнеможеніи даму, и т. п. Тутъ же рядомъ помѣщены портреты Августѣйшихъ Особъ-Мучениковъ: Государя Императора, Государыни Императрицы, и Ихъ Дѣтей...

Воздерживаясь отъ какихъ либо комментарій,—мы предоставимъ читателямъ, начиная со второго номера «Бѣлаго Архива», возможность ознакомиться непосредственно, какъ съ полнымъ текстомъ перевода этихъ воспоминаній съ англійскаго языка, такъ и съ главнѣйшими иллюстраціями.

К. ТРОЯНОВСКІЙ «Востокъ при свѣтѣ революціи» Изд. В.Ц.И.К. Сов. Солд. и Раб. Деп.

Послѣднія событія въ Китаѣ заставляютъ каждаго интересующагося совѣтской политикой на Дальнемъ Востокѣ съ вниманіемъ остановится на одной очень интересной книгѣ — «Востокъ при свѣтѣ революціи» К. Трояновскаго изд. 1919 г.

Книга эта выгодно отличается отъ большинства ей подобныхъ своимъ спокойно-дѣловымъ отношеніемъ къ затрагиваемому вопросу, на страницахъ ея развертывается огромный по замыслу планъ проведенія будущей политики совѣтской власти на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ органически переплетены жизненные интересы большинства европейскихъ и азіатскихъ государствъ,

Съ точки зрѣнія автора — ударъ по Дальнему Востоку — это ударъ по капиталистической Европѣ и имперіалистической Японіи, — короче говоря: въ этой весьма рѣдкой нынѣ книгѣ, съ полной откровенностью изложены основные принципы стремленій большевиковъ къ мировому владычеству.

Политика, по мнѣнію автора, на Д. Востокѣ должна быть только активной, ибо: «ограничиться собственной территоріей означало бы для русской революціи рано или поздно задохнуться». (стр. 1)

Далѣе мы сталкиваемся съ еще болѣе откровенной предпосылкой:...« расширить тѣсный кругъ какъ интернаціонала такъ и угнетенныхъ народностей, населяющихъ другія страны свѣта является прямой нашей обязанностью передъ міромъ и исторіей»... (стр. 2)

Куда же должны направляться стратегическо-политическіе удары во имя и «спасенія революціи», и «расширенія интернаціонала» и «освобожденія угнетенныхъ народностей».?

Противупоставляя Россіи, являющейся нынѣ очагомъ революціи на Западѣ — Индію, авторъ опредѣленно заявляетъ, что «Индія — цитадель революціи на Востокѣ» (стр. 29) а «Персія, Турція, Египетъ — ворота открывающіе доступъ въ эту цитадель» (стр. 49) — поэтому то первый ударъ и долженъ быть направленъ на эти государства.

Что касается Китая, — то эта страна является, по мнѣнію автора, наиболѣе подготовленной въ смыслѣ проведенія большевистскихъ программъ и поэтому: «роль революціонной Россіи по отношенію къ Китаю сводится къ тому же къ чему мы сводили по отношенію ко всему остальному Востоку — не только примѣра и застрѣльщицы, но и самаго дѣятельнаго агента, помощницы»... (стр. 69).

Какъ дополненіе къ книгѣ приложена «Программа Союза освобожденія Востока» — излагающая организаціонные принципы проведенія въ жизнь всѣхъ путей намѣченныхъ авторомъ.

Книга эта въ свое время была переведена на индусскій и китайскій языки и пользовалась большой популярностью среди населенія этихъ странъ. Во время функціонированія музея*) въ Константинополѣ на эту книгу обратили вниманіе представители политическаго отдѣла Англійскаго командованія и тогда же она была переведена на англійскій языкъ.

Какова цѣнность изложенныхъ въ книгѣ теорій мы не такъ давно уже видѣли, да вѣроятно въ недалекомъ будущемъ опять увидимъ, ибо борьбу въ Китаѣ должно считать далеко еще не законченной...

О. М-я.

---

*) Книга находилась въ числѣ экспонатовъ музея «Современныхъ событій въ Россіи».

X.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПАМЯТКА

Музея «Современныхъ Событiй въ Россiи»

Приступая къ изданiю матерiаловъ музея «Современныхъ Событiй въ Россiи», я считаю необходимымъ ознакомить читателей съ краткой исторiей зарожденiя и развитiя его, отношенiемъ къ этому культурному дѣлу русской организованной и неорганизованной эмиграцiи, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, военно-начальствующихъ лицъ, населенiя тѣхъ странъ гдѣ музей функцiонировалъ въ видѣ передвижной выставки, а также, конечно, и большевиковъ, съ которыми невольно приходилось всегда въ большей или меньшей мѣрѣ сталкиваться.

I. 1914-1917 Г.Г.

Идея частнаго сбора «лепестковъ исторiи» зародилась у меня еще въ началѣ Великой войны и вылилась въ тщательное коллекцiонированiе всѣхъ тѣхъ матерiаловъ, которые относились къ эпохѣ боевыхъ дѣйствiй въ Вост. Пруссiи. Естественно, что кругъ моей дѣятельности былъ строго ограниченъ рамками моей скромной должности; тѣмъ не менѣе, къ началу 2-го отступленiя изъ Вост. Пруссiи, личные мои матерiалы составляли ящикъ весьма внушительнаго вида и вѣса.

Къ глубокому сожалѣнiю, не только весь этотъ матерiалъ, но и значительная часть историческаго матерiала 3-го арм. к-са погибли во время второго отступленiя изъ Вост. Пруссiи — послѣ Ласдененскихъ боевъ; случайно лишь сохранились бывшiе на рукахъ реляцiи первыхъ боевъ корпуса въ В. Пруссiи, часть фотографiй, кой какiе документы, замѣтки, зарисовки съ натуры и т.п., находящiеся нынѣ въ музеѣ.

Несмотря на это, въ дальнѣйшемъ, все свободное отъ служебныхъ обязанностей время, я посвящалъ продолженiю сбора всевозможныхъ матерiаловъ и такъ какъ рамки моей служебной дѣятельности, въ продолженiи войны, постепенно расширялись — то естественно, что увеличилась и продуктивность работы въ этомъ направленiи: матерiаловъ стало поступать больше и матерiалы были разнообразнѣе.

Къ началу революцiи общее количество матерiаловъ достигло внушительной цифры до 2500 разнообразныхъ экземпляровъ, состоявшихъ изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ (главнымъ образомъ французскихъ) по исторiи войны, въ количествѣ до 600 экземпляровъ, большой колекцiи германскаго, австрiйскаго, англiйскаго и русскаго вооруженiя и снаряженiя, многочисленныхъ фотографiй, газетъ журналовъ, открытокъ и т. п.

Весь собранный матерiалъ отправлялся въ г. Полтаву, гдѣ жила моя семья, при чемъ печатная часть матерiаловъ (книги, газеты, журналы, академическiя работы и т.п.), были сданы на храненiе въ находившееся въ этомъ же городѣ Виленское военное училище, гдѣ я состоялъ до войны преподавателемъ военной исторiи.

II. РЕВОЛЮЦІЯ.

Революція выбила меня изъ намѣченной колеи такъ гладко шедшаго сбора матеріаловъ; событія шли съ такой молніеносной быстротой и развивались въ такомъ масштабѣ, что далеко опередили всѣ мои скромныя предположенія; къ тому же давало себя знать полное отсутствіе средствъ, — пришлось, буквально, хватать все, что попадалось подъ руку. Спѣшно отправленные мною въ разныя политическія и общественныя организаціи многочисленныя письма, съ просьбой о присылкѣ матеріаловъ, или оставались безъ отвѣта или же, какъ потомъ выяснилось, далеко не всѣ высланные ими матеріалы дошли до меня въ виду моей одіозности въ глазахъ комитетовъ и комиссаровъ.

Тѣмъ не менѣе все таки удалось многое достать и изъ этой эпохи, какъ напр., брошюры разныхъ политическихъ партій, революціонные бюллетени, кое какія газеты и т. п.

III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА — ДО КУБАНСКАГО ПОХОДА.

Условія гражданской войны конца 1917 и начала 1918 г.г. для сбора матеріаловъ были таковы, что, несмотря, на высокія посты занимаемыя мною въ Донской и Добровольческой Арміяхъ, *) исключали какую бы то ни было возможность планомѣрной работы въ этомъ направленіи. Отсутствіе средствъ даже для жизни, многочисленныя сопряженныя съ рискомъ командировки — часто въ условіяхъ конспиративности, неизвѣстность завтрашняго дня въ связи съ тяжелымъ положеніемъ на фронтахъ, тяжелая оперативная работа, оторванность отъ семьи и, наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было хранилища—все это вмѣстѣ взятое въ достаточной степени опредѣляетъ ту обстановку при которой, конечно, невозожно было и думать о какомъ бы то ни было сборѣ матеріаловъ.

Съ грустью вспоминаю я о той невознаградимой потерѣ, которую понесла Исторія Добровольческой Арміи передъ Ледянымъ походомъ.

По приказанію генерала Алексѣева я, съ болью въ сердцѣ, руководилъ сжиганіемъ всѣхъ дѣлъ и документовъ Политическаго Отдѣла Добровольческой Арміи, а въ послѣдній день — день ухода арміи изъ Ростова, за отсутствіемъ свободныхъ лицъ (всѣ уходили въ походъ — я же по приказанію ген. Алексѣева оставался въ Ростовѣ), я сжигалъ оперативныя и др. дѣла Штаба Добров. Арміи.

Въ огнѣ погибли: Протоколы засѣданій Политическаго Совѣщанія Д. А., переписка съ общественными и политическими дѣятелями Москвы, Петрограда Кіева, Полтавы и др. городовъ, проектъ организаціи Союза хлѣборобовъ г. Полтавы, предусматривающій въ деталяхъ развѣтвленіе этой организаціи и на всю Украину, переписка генерала Алексѣева съ Карпатороссами и Чехословаками, переписка Вождей Доб. Арміи. съ Донскимъ Атаманомъ, необычайно интересная и поучительная переписка между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, оперативныя дѣла, проекты разворачиванія, снабженія и вооруженія арміи, первоначальны проекты организаціи центровъ, прокламаціи и листовки, колекція печатей и различныхъ штамповъ (около 2000) для изготовленія различныхъ документовъ и паспортовъ и много разныхъ другихъ матеріаловъ—лишь, совершенно случайно, удалось найти впослѣдствіи незначительные обгорѣвшіе остатки этихъ дней.

*) И. д. Начальника В. Политическ. Отд. Добр. Арміи и И. д. Н-ка Полев. Шт. Донск. Арміи.

IV. 1918 Г.

Послѣ возвращенія арміи изъ Кубанскаго похода и укрѣпленія политическаго положенія на Дону, дѣло собиранія матеріаловъ было поставлено на болѣе прочныя основанія, но въ это время я опять понесъ невознаградимую потерю значительной части моихъ матеріаловъ.

Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ 1918 г. я былъ отправленъ генераломъ Алексѣевымъ въ секретную командировку въ города Харьковъ, Кіевъ и Полтаву. По прибытіи въ Полтаву я узналъ, что всѣ сданные мною на храненіе въ Виленское военное училище матеріалы, безвозвратно исчезли съ самимъ училищемъ, — но это еще не все...

Послѣ одной изъ моихъ многочисленныхъ лекцій («Причины разложенія Русской Арміи» и др., а также призывовъ поступать въ ряды Добр. Арміи), я былъ внезапно арестованъ нѣмцами и заключенъ въ Полтавскую тюрьму*) гдѣ просидѣлъ около мѣсяца, при чемъ, при обыскѣ были конфискованы всѣ находившіеся въ домѣ матеріалы и, конечно, въ первую очередь документы, оружіе и литература. Хотя ничего компрометирующаго для меня въ этихъ матеріалахъ найдено не было и, послѣ мѣсячнаго заключенія, я былъ выпущенъ на свободу, тѣмъ не менѣе... обратно ничего получить не удалось..

Кромѣ того, въ силу создавшихся для меня опасныхъ условій дальнѣйшаго пребыванія въ Полтавѣ, мнѣ пришлось спѣшно выѣхать, разсортировавъ часть матеріаловъ по своимъ знакомымъ — конечно, далеко не все впослѣдствіи мнѣ удалось собрать.

V. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ.

Въ концѣ 1918 года, бывшій Управл. Дѣлами Отд. Иностр. Дѣлъ Всев. В. Донского, нынѣ Донской Атаманъ, генералъ А. П. Богаевскій обратился къ Начальнику Штаба Добровольческой Арміи генералу И. П. Романовскому съ предложеніемъ — организовать В. Историческую Комиссію по сбору и храненію памятниковъ борьбы съ большевиками. Генералъ И. П. Романовскій къ проекту отнесся вполнѣ сочувственно, средства были отпущены и комиссія съорганизована. Предсѣдателемъ комисіи былъ назначенъ полковникъ Колобовъ.

Къ моему удивленію, однажды, ко мнѣ является полковникъ Колобовъ и проситъ на нѣкоторое время моего неоффиціальнаго руководства въ этомъ сложномъ и мало знакомомъ ему дѣлѣ, обѣщая, въ свою очередь, передавать мнѣ дубликаты всѣхъ поступающихъ къ нему матеріаловъ — конечно, я согласился.

Нѣсколько ранѣе, въ рядѣ газетъ («Россія» и др.) былъ напечатанъ мой призывъ о передачѣ мнѣ матеріаловъ по исторіи Добр. Арміи, а также выпущено и распространено, главнымъ образомъ, среди фронта, нѣсколько тысячъ листовокъ аналогичнаго содержанія — все это вмѣстѣ взятое имѣло положительные результаты.

VI. ОСВАГЪ.

Съ момента возникновенія «ОСВАГА», въ первые дни организаціи котораго и я принималъ нѣкоторое участіе (редакторъ газ. «Военный Листокъ», Военно-политич. обозрѣватель газетъ «Родина», «Донской Вѣстникъ», «Народная Газета» и ряда друг.), дѣло дальнѣйшаго собиранія не представляло уже никакихъ затрудненій, благодаря сочувствію и широкой моральной поддержкѣ со

*) По обвиненію въ агитаціи въ пользу Добровольч. и Союзныхъ Армій.

стороны лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія (Н. Е. Парамоновъ, С. Г. Сватиковъ и Ф. Г. Крюковъ).

Въ періодъ реорганизаціи «ОСВАГА» и назначенія во главѣ Управленія новыхъ лицъ, въ дѣлѣ произошла нѣкоторая временная заминка, но когда Управл. Освагомъ Проф. К. Н. Соколовъ и его помощникъ генер. шт. полк. Б. А. Энгельгардтъ ознакомились съ характеромъ моихъ работъ въ этомъ направленіи, то оказали также широкое содѣйствіе моему дѣлу и съ этого времени въ музей стали автоматически поступать дубликаты матеріаловъ «ОСВАГА».

Независимо содѣйствія оказываемаго центральнымъ учрежденіемъ «Освага», я, во время своихъ поѣздокъ въ качествѣ журналиста, всегда видѣлъ полную готовность оказать мнѣ помощь и со стороны филліаловъ названнаго учрежденія — этимъ и объясняется нахожденіе у меня почти всѣхъ фотографическихъ снимковъ изъ жизни Добр. Арміи, а также большинства плакатовъ и эскизовъ, какъ въ оригиналахъ, такъ и въ копіяхъ.

Въ то же время сыграли огромную роль разосланныя мною письма и листовки съ просьбой о присылки матеріаловъ: различные матеріалы съ фронта — отъ офицеровъ, а также изъ разныхъ городовъ — отъ разныхъ незнакомыхъ, но знавшихъ меня по печати лицъ, стали поступать періодически.

VII. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПРОПАГАНДЫ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Лѣтомъ 1919 года, послѣ переговоровъ съ предсѣдателемъ В. Исторической выставки, я обратился къ находившемуся въ то время въ Ростовѣ Предсѣдателю Особаго Совѣщанія генер. Лукомскому съ слѣдующимъ предложеніемъ: такъ какъ къ этому времени разнообразныхъ матеріаловъ по исторіи Добровольческой Арміи скопилось огромное количество, то, въ цѣляхъ практическаго использованія ихъ, я предложилъ организацію и отправку за-границу трехъ выставокъ (Римъ, Берлинъ и Парижъ), съ цѣлью нагляднаго ознакомленія всѣхъ странъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, популяризаціи идей Добровольческой Арміи, борьбы съ совѣтской пропагандой и т.д.

Принявъ мой планъ въ цѣломъ, и удивившись незначительной смѣтѣ расходовъ, генер. Лукомскій предложилъ мнѣ явиться черезъ три дня за полученіемъ инструкцій и необходимыхъ суммъ.

Казалось, что истинная цѣль сбора матеріаловъ находится на порогѣ къ ея осуществленію,—но это только казалось, ибо когда я, согласно приказанію, явился черезъ три дня, то оказалось, что генер. Лукомскій абсолютно ничего, ни единаго слова не помнитъ изъ моего доклада и...даже сомнѣвается былъ ли такой докладъ вообще...

Съ мыслью о цѣлесообразномъ использованіи матеріаловъ пришлось временно разстаться и вновь заняться пополненіемъ ихъ.

VIII. ХАРЬКОВЪ-РОСТОВЪ-НОВОРОССІЙСКЪ.

Если бы въ дни предшествующіе эвакуаціи Харькова, Ростова, Екатеринодара, Новороссійска, и др. городовъ, кто нибудь вздумалъ заняться собраніемъ всего того матеріала, который уничтожался, или запросто, какъ ненужный хламъ, выбрасывался на улицы изъ различныхъ учрежденій Добр. Арм., то, вѣроятно были бы собраны огромные архивы — къ сожалѣнію до подобной организаціи въ то время никто не додумался, и не до этого впрочемъ было — каждый спасалъ болѣе цѣнное: свою жизнь; одиночнымъ же начинаніямъ массовый сборъ, конечно былъ не подъ силу — тѣмъ не менѣе большое количество матеріаловъ было собрано мною именно тогда, въ дни эвакуаціи: и въ стѣнахъ опустѣвшихъ домовъ, и на улицахъ, и на вокзалахъ и, даже, вдоль пути слѣдованія поѣздовъ (Батайскъ, Екатеринодаръ, Новороссійскъ).

XI. НА БЕРЕГАХЪ БОСФОРА.

Къ началу эвакуаціи, различныхъ матеріаловъ было мною собрано около 30 пудовъ; оставалось только разрѣшить вопросъ о возможности перевозки заграницу; съ помощью англичанъ это не представило никакихъ затрудненій и къ 1 марту матеріалы были погружены на парох. «Брюгенъ» а 5-го выгружены на берегахъ о-ва Антигоны; при выгрузкѣ произошелъ непріятный инцидентъ, благодаря которому я чуть не лишился весьма цѣнной части моего груза: тюкъ съ плакатами сорвался съ подъемнаго крана, упалъ въ море и едва не затонулъ; только благодаря энергичнымъ мѣрамъ администраціи парохода и матросамъ онъ былъ своевременно извлеченъ изъ воды... правда въ сильно подмокнувшемъ видѣ.

X. ВЫСТАВКА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

А) Характерныя воспоминанія.

20 мая, послѣ упорныхъ и тяжелыхъ хлопотъ была наконецъ мною открыта въ залахъ «NEW SPORTING CLUB» первая выставка подъ названіемъ: «La lutte contre le Bolchevisme en Russie».

Такъ какъ борьба съ большевиками еще продолжалась, то и выставка носила ярко-антибольшевистскій характеръ. Цѣль ея была привлеченіе симпатій въ дѣлѣ продолжающейся борьбы на сторону Добровольческой Арміи и созданіе такого могучаго органа пропаганды, который будучи сосредоточенъ въ частныхъ рукахъ, и отвѣчая условіямъ современности, могъ явится болѣе гибкимъ и болѣе подвижнымъ чѣмъ обыденная казенщина съ ея многочисленнымъ штатомъ, съ ея колоссальными тратами и минимальной продуктивностью.

Дѣйствительно, открытая въ трехъ залахъ клуба выставка сразу привлекла общее вниманіе не только друзей и враговъ Добровольческой Арміи, но и широкихъ слоевъ тѣхъ элементовъ, которые населяли Константинополь—это было тѣмъ болѣе легко, что объясненія на выставкѣ давались на двѣнадцати языкахъ.

Интересно, въ области характерныхъ воспоминаній, отмѣтить рядъ инцидентовъ.

Въ первые дни открытія выставки ко мнѣ явились нѣсколько евреевъ и, заявивъ о своей солидарности въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — просили лишь о снятіи «антисемитскихъ» плакатовъ работы «Освага»; такъ какъ въ дѣйствительности ничего антисемитскаго въ этихъ плакатахъ не было, а были лишь шаржи и карикатуры на отдѣльныхъ совѣтскихъ дѣятелей, то я отказался отъ снятія этихъ плакатовъ, мотивируя еще и тѣмъ — что удовлетворивъ ихъ просьбу, я, въ силу справедливости, долженъ буду удовлетворить и другія.

И дѣйствительно,—чуть ли не на другой день, группа посѣтителей праваго толка обратилась ко мнѣ съ просьбой—изъять изъ числа экспонатовъ выставки политическую программу генер. Корнилова, являющуюся по ихъ мнѣнію слишкомъ односторон нимъ показателемъ политическихъ взглядовъ генер. Корнилова — «программа республиканская и является несомнѣнной уступкой со стороны ген. Корнилова духу времени, такъ какъ всѣмъ вѣдь извѣстно, что генералъ Корниловъ былъ монархистъ». Само собой разумѣется, что программа не была снята.

Не обошлось, конечно, безъ скандаловъ; я уже не говорю о дикихъ непристойныхъ выходкахъ со стороны распропагандированныхъ нашихъ военно-плѣнныхъ, обращавшихся каждый разъ въ паническое бѣгство только лишь при одной попыткѣ пригласить полисмена, — вспоминается скандалъ устроенный небезъизвѣстной гр. В. Б-й—по поводу фотографическихъ снимковъ съ жертвъ чрезвычайки.

Почтенная графиня возбужденно-повышеннымъ голосомъ начала доказывать, что наоборотъ это все жертвы Добр. Арміи и что она вообще протестуетъ

противъ общаго характера выставки... — протестъ графини былъ принятъ къ свѣдѣнію...

Другой инцидентъ носилъ по-истинѣ курьезный характеръ: супруга одного извѣстнаго генерала партизана заявила рѣшительный протестъ, противъ того, что на выставкѣ портретъ ея мужа имѣется не только въ очень уменьшеномъ видѣ, но и повѣшенъ значительно ниже Деникина и Врангеля, тогда какъ, по справедливости, «онъ долженъ висѣть значительно выше ихъ»;—и этотъ протестъ также былъ принятъ къ свѣдѣнію...

Были случаи упрековъ въ «большевизмѣ» — чему основаніемъ послужили снимки изъ совѣтской жизни, портреты совѣтскихъ вождей и совѣтскія изданія...

Но были случаи и другого отношенія къ моему дѣлу со стороны той или иной части русской эмиграціи, а также и иностранцевъ: многочисленные случаи безкорыстныхъ услугъ, отдѣльные предложенія матеріальной помощи дѣлу (неизмѣнно мною отклоняемыя) и, наконецъ, предложенія помощи деньгами или вещами для нуждъ и распредѣленія, черезъ посредство моего музея, среди бѣднѣйшей части русской эмиграціи — всегда съ благодарностью мною принимаемыя.

Б) Посѣщаемость выставки.

Посѣщаемость выставки въ Константинополѣ легла главнымъ образомъ за счетъ иностранцевъ; уже въ день вернисажа выставку посѣтили высшіе турецкіе сановники, а также многіе изъ иностранныхъ военныхъ и дипломатическихъ представителей съ большимъ интересомъ изучавшіе матеріалы музея.

Въ дальнѣйшемъ, въ залахъ клуба неизмѣнно можно было видѣть толпящихся французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, греческихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, туристовъ, учащихся и т. п.

В) Противодѣйствіе большевиковъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ выставки явился отвѣтъ большевиковъ, организовавшихъ рядомъ съ помѣщеніемъ выставки въ кинематографѣ «русскіе сеансы», на которыхъ демонстрировались фильмы съ участіемъ Распутина, Мясоѣдова и которые бросали тѣнь, какъ на Царскую Семью такъ и на русское общество. Хотя цензурой союзнаго командованія фильма была значительно урѣзана, но къ обращенію все таки допущена и—сдѣлала свое дѣло: жадная ко всему сенсаціонному публика толпами ждала очереди попасть на этотъ сеансъ.

Необходимо было принять соотвѣтствующія мѣры для параллизованія этого выпада — и средства для этого нашлись: фильмъ у меня было достаточно, разрѣшеніе на демонстрированіе ихъ отъ союзной цензуры было мною, хотя и съ трудомъ, но получено — остановка была лишь за аппаратомъ стоющимъ, какъ извѣстно, большія деньги и не могущимъ быть пріобрѣтеннымъ мною за недостаткомъ средствъ.

Какъ разъ, въ это время, въ Крымъ отправлялось имущество Освага, среди котораго было десять кинематографическихъ аппаратовъ. Несмотря на просьбы о передачѣ мнѣ во временное пользованіе одного изъ аппаратовъ въ цѣляхъ борьбы съ большевистскимъ кинематографомъ — военнымъ представителемъ генер. Врангеля было мнѣ въ этомъ отказано: аппараты были отправлены въ Крымъ, гдѣ и, какъ полагается, пропали; — большевики же продолжали безнаказанно «крутить» свою фильму, — русское дѣло, конечно отъ этого не выиграло...

Г. Ближайшіе результаты выставки.

Однимъ изъ осязательныхъ результатовъ открытія въ Константинополѣ выставки, явились приглашенія послѣдовавшія сразу съ трехъ сторонъ: 1)Франціи, 2)Польши и 3)Сербіи.

Для дѣла больше всего, конечно, улыбалась поѣздка во Францію — центръ симпатій Добровольч. Арміи. Нужно было эти симпатіи подогрѣть, наглядно освѣтивъ французскому народу и истинный смыслъ борьбы и природу обѣихъ борющихся сторонъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что къ этому времени никакого нагляднаго органа пропаганды за границей, собственно говоря, не было; «то», — что было создано при Главнокомандующемъ, тѣснилось на Крымскомъ пятачкѣ точно такъ же, какъ въ свое время пресловутый «Освагъ» тѣснился въ Ростовѣ. Кромѣ моего музея не было другого подобнаго учрежденія обладающаго къ тому же гибкостью, подвижностью и разнообразіемъ матеріаловъ, допускавшемъ въ полной мѣрѣ освѣщеніе происходившихъ событій.

Съ этой точки зрѣнія, казалось, я долженъ былъ получить всемѣрную поддержку, но, опять таки—это только казалось. Когда я, въ цѣляхъ выполненія формальностей французскаго представительства, обратился съ ходатайствомъ къ Военному представителю въ Константинополѣ о выдачѣ мнѣ: удостовѣренія о моей личности, о моей прежней службѣ въ рядахъ Добр. Арміи, о характерѣ моего музея, о политической благонадежности и т.п. — генер. Лукомскій на каждую просьбу изложенную въ моемъ рапортѣ, по каждому пункту отвѣтилъ однимъ словомъ: «нѣтъ».

Съ такимъ непониманіемъ обстановки я, конечно, примириться не могъ и обратился съ аналогичнымъ рапортомъ на имя Главнокомандующаго; къ моему удивленію, а также удивленію значительной части эмигрантовъ отъ Н-ча Шт. Главно-го былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «... по имѣющимся въ Ставкѣ свѣдѣніямъ Вы отбыли за-границу, какъ частное лицо, почему поданый Вами рапортъ, а равно и ваша дѣятельность могутъ разсматриваться только какъ дѣятельность частнаго лица, не имѣющаго никакихъ заданій оффиціальнаго характера»... и это все.

Я понимаю изумленіе генерала Фулона и Верх. Комис. Г. Вотье — разведшихъ руками въ недоумѣніи — когда я показалъ имъ эту «бумажку»...

Такъ какъ въѣздъ во Францію безъ соблюденія этихъ формальностей и при наличіи подобнаго опаснаго груза — какъ матеріалъ пропаганды, былъ въ то время крайне затрудненъ, а въ Ставкѣ очевидно не вполнѣ себѣ уясняли сущность и преимущества пропаганды за-границей — пришлось отъ поѣздки Францію отказаться.

Что касается поѣздки въ Польшу, то послѣдняя въ виду сложной политической обстановки того времени мнѣ и вообще не улыбалась и я, принявъ братское предложеніе сербовъ, въ концѣ 1920 г. перебросился съ музеемъ въ Югославію.

XI. ВЫСТАВКИ ВЪ ЮГОСЛАВІИ.

А. Реорганизація музея.

Въ періодъ 1921 года, музей объѣхалъ почти всѣ крупные города нынѣшняго Королевства С.Х.С. всюду вызвая всеобщій интересъ къ событіямъ происходившимъ въ братской Россіи.

Къ этому времени, учитывая опытъ Константинополя и острововъ, музей былъ реорганизованъ на ново: былъ добавленъ большевистскій отдѣлъ, жизнь эмигрантовъ, финансовый, анархизмъ и др. — такимъ образомъ, отбросивъ пропагандный характеръ, музей вылился въ чисто историческій и принялъ названіе «Современныхъ Событій въ Россіи».

Б. Посѣщаемость музея.

Посѣтителями музея, главнымъ образомъ, явились учащіеся и военные, живо интересовавшіеся событіями въ родной имъ Россіи. Вообще же отношеніе всего общества, прессы и населенія было на рѣдкость внимательное и предупредительное.

Характерный и тяжелый случай призошелъ въ Бѣлградѣ 15 апрѣля 1921 г. когда въ присутствіи корреспондента сербской газеты «Трибуна» одна изъ русскихъ посѣтительницъ, среди жертвъ чрезвычайки, узнала своего мужа о которомъ долгое время не имѣла никакихъ извѣстій...

Другой интересный случай произошелъ въ Бѣлградѣ, послѣ закрытія выставки: въ 10 ч. в., когда при тускломъ свѣтѣ свѣчей, матеріалы снимались и укладывались, явилась только что прибывшая изъ Россіи группа бывшихъ плѣнныхъ сербскихъ офицеровъ и убѣдительно просили позволить имъ осмотрѣть музей, хотя бы въ его разобранномъ видѣ — всю ночь просидѣли мы на ящикахъ, за стаканами холоднаго чая, ведя бесѣду и разсматривая матеріалы...

В. Дѣятельность коммунистической партіи.

Конечно и въ Сербіи коммунисты не оставили безъ вниманія мой музей — сейчасъ вспоминаются слѣдующіе эпизоды.

Въ Бѣлградѣ при постановкѣ фильмъ «Голгоѳа русской женщины» и «Кіевская чрезвычайка», на второй день демонстрированія фильмъ была устроена химическая обструкція двумя коммунистами.

Нѣсколько позднѣе, открывшуюся выставку посѣтили извѣстные сербскіе коммунисты Филиппъ Филиповичъ и Триша Кацлеровичъ, — послѣдній съ нѣсколькими спутниками внимательно, около двухъ часовъ, изучалъ экспонаты выставки, интересуясь вопросомъ — кто субсидируетъ это предпріятіе и не вѣря, что такое количество матеріаловъ является частной собственностью и ведется на скромныя средства получаемыя отъ эксплоатаціи выставки.

Въ Новомъ Саду коммунисты ограничились разбрасываніемъ прокламацій о появленіи русской «контръ-революціи»...

Нѣсколько иное и болѣе интересное положеніе дѣлъ было въ Загребѣ; уже въ первый день открытія выставки явились коммунисты въ числѣ 15 человѣкъ и, затѣмъ, въ продолженіе всего періода функціонированія выставки являлись одни и тѣ же лица, зачастую два и три раза въ день, — приводя съ собою все новыхъ и новыхъ посѣтителей; всѣ они, какъ потомъ оказалось, приходили по назначенію комитета; инкогнито былъ и самъ предсѣдатель Центр. Юго-Слав. комитета.

Цѣль посѣщенія — срывать даваемыя персоналомъ выставки объясненія путемъ вмѣшательства и диспутированія и, пропаганда у входа — въ цѣляхъ отговариванія посѣтителей отъ посѣщенія выставки.

Не было никакихъ сомнѣній въ самой тѣсной связи Загребскаго комитета съ внѣшнимъ коммунистическимъ міромъ, такъ напр., выставку посѣтилъ прослѣдовавшій въ Новый Садъ изъ Царицына, одинъ видный русскій коммунистъ-«коммерсантъ» — какъ сначала онъ себя отрекомендовалъ.

Другой разъ на выставку явилась нарядно одѣтая пара, въ сопровожденіи свиты изъ молодыхъ людей; «парочка» внимательно осмотрѣла всѣ экспонаты музея, а затѣмъ дама пожелала переговорить наединѣ съ моей женой. Убѣдившись, что онѣ однѣ, дама начала горячо доказывать всю безплодность моего предпріятія бѣдность его организаціи и безполезность борьбы съ большевиками—противупоставляя ему въ этой плоскости огромные масштабы большевиковъ и неисчерпаемость ихъ средствъ: «я отъ Васъ не скрою» — говорила дама — «и это доказываетъ только, что мы настолько сильны, что можемъ иногда позволить себѣ съоткровенни-

чать: я ѣду съ мужемъ въ Америку для организаціонныхъ цѣлей и знаете ли— сколько намъ отпущено для этого? Дама остановилась, какъ бы предвкушая сладость отъ изумленія собесѣдницы: «м и л л і о н ъ» — нараспѣвъ проговорила она и затѣмъ добавила «ну можете ли Вы бороться съ нами?»

Въ общемъ—поведеніе Загребскихъ коммунистовъ, если не считать одного-двухъ случаевъ, было вполнѣ корректное — это объясняется отчасти ихъ интеллигентностью, отчасти тѣмъ, что среди нихъ было нѣсколько бывшихъ участниковъ бѣлыхъ армій.

Интересное мнѣніе коммунистической партіи высказалъ одинъ изъ ея представителей (бывшій добровольческій офицеръ) въ день закрытія выставки: «по существу противъ всего, что у Васъ здѣсь показано, мы можемъ возражать и спорить безъ конца, но противъ трехъ изъ Вашихъ отдѣловъ нельзя возразить ни слова: экономическаго, финансового и эмигрантского; я былъ недавно въ Москвѣ и, по справедливости, могу сказать, что наши до этого еще не додумались».

Характерно, что всѣ приходившіе на выставку коммунисты держали себя вполнѣ свободно, и открыто высказывали свои мнѣнія, не стѣсняясь нападками на своихъ же сторонниковъ и снабжая нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно нелестными эпитетами вродѣ: бандитъ! разбойникъ! и т. п. Одна и та же сцена повторялась ежедневно: приходя на выставку большинство вѣжливо, по военному представлялись мнѣ, а нѣкоторые добавляли: «на дежурство отъ Ц. К. присланъ».

По просьбѣ делегатовъ населенія Загреба, Банъ Хорватскій разрѣшилъ продолжить выставку въ виду вызываемаго ею общаго культурнаго интереса.

XII. 1921-1922 г.р.

Выставка въ Загребѣ являлась послѣдней въ маршрутѣ по Югославіи. Конецъ 1921 и 1922 г.г. были посвящены отдѣльнымъ киносеансамъ въ воинскихъ частяхъ, а также веденію переговоровъ по переброскѣ музея въ Италію, Венгрію и Америку. До окончанія переговоровъ, мнѣ пришлось временно занять скромную должность референта русской печати, сначала въ кабинетѣ Предсѣдателя Совѣта министровъ г. Пашича, а затѣмъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Между тѣмъ, политическія событія въ Италіи и ея отношенія къ Югославіи приняли настолько острый характеръ, что въ концѣ концовъ выяснилось абсолютная невозможность поѣздки съ музеемъ въ эту страну: правильность этого рѣшенія вскорѣ подтвердилась: при демонстрированіи въ Римѣ одной изъ отправленныхъ мною фильмъ, произошла кровавая схватка между фашистами и соціалистами съ жертвами съ обѣихъ сторонъ.

Не въ лучшемъ состояніи находились переговоры и о поѣздкѣ въ Венгрію, и, когда вопросъ о поѣздкѣ былъ уже почти рѣшенъ, выяснилось, что предсѣдатель венгерской организаціи, устраивавшій эту поѣздку... растратилъ порученныя ему суммы.

XIII. ПОѢЗДКА ВЪ АМЕРИКУ.

Въ концѣ 1922 года были закончены переговоры съ представителями одной изъ Американскхъ организацій и въ февралѣ 1923 г. я съ музеемъ выѣхалъ въ Америку.

Характерно отмѣтить одно обстоятельство — многочисленныя письма отправленныя мною русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ объ оказаніи мнѣ посильнаго содѣйствія въ смыслѣ оріентировочныхъ указаній, совѣтовъ, рекомендательныхъ писемъ и т. п. ... или остались безъ отвѣта, или же полученныя отвѣты носили весьма уклончивый характеръ.

Впослѣдствіи, уже будучи въ Америкѣ, я не разъ вспоминалъ объ этомъ стран-

номъ и непонятномъ явленіи,—когда при переѣздѣ изъ города въ городъ милые американцы снабжали меня массою рекомендательныхъ писемъ, указаніями, совѣтами и т. п.

За то мой призывъ къ эмигрантскимъ массамъ въ Европѣ о пожертвованіи въ музей историческихъ матеріаловъ—встрѣтилъ среди нихъ самый живѣйшій откликъ и, въ короткое время, мой музей пополнился многими цѣнными историческими предметами.

Какъ и слѣдовало ожидать, предстоящая поѣздка не была упущена большевиками безъ вниманія: появился рядъ статей въ «Наканунѣ», «Извѣстіяхъ» и др. газетахъ.

XIV. ВЪ АМЕРИКѢ.

А. Русскіе въ Америкѣ.

Въ Америкѣ ожидало меня тяжелое разочарованіе: организація выписавшая меня внезапно обанкротилась и спѣшно ликвидировала свои дѣла — при этихъ обстоятельствахъ нечего было думать объ организаціи какихъ-бы то ни было выставокъ: я былъ предоставленъ самому себѣ. Въ чужой странѣ, безъ языка, безъ денегъ съ огромнымъ матеріаломъ на рукахъ, я очутился въ критическомъ положеніи; но такъ какъ «нѣтъ такого положенія изъ котораго нельзя было бы выйти съ честью», то я рѣшилъ: если нельзя было использовать музей въ его цѣломъ видѣ — использовать его по частямъ, сдѣлавъ попытку обратиться за моральнымъ содѣйствіемъ ко многимъ вліятельнымъ русскимъ людямъ живущимъ въ Америкѣ. Результаты получились слѣдующіе: въ одномъ случаѣ просили за помощь «процентики», въ другомъ—сіятельный и пользующійся, благодаря своей женѣ, большимъ вліяніемъ, князь, отвѣтилъ: «на счетъ политики или противодѣйствія активнаго противъ большевиковъ она никогда этимъ дѣломъ не занималась и въ будущемъ не предполагаетъ это дѣлать», въ третьемъ, извѣстный русскій академикъ отказался отъ содѣйствія подъ предлогомъ «большого количества радикаловъ и травли всего, что хоть сколько нибудь напоминаетъ пропаганду, хотя бы и здоровую»... и т.д.—такимъ образомъ на помощь русскихъ людей въ русскомъ дѣлѣ, по обыкновенію, расчитывать было нечего, пришлось изворачиваться самому.

Б. Въ Колорадо и Калифорніи.

Крупную помощь дѣлу оказалъ личный другъ бывшаго президента Рузвельта, — русскій выходецъ д-ръ С. С. Юнгъ, прожившій въ Америкѣ болѣе 20 лѣтъ, любящій Россію, написавшій по русскимъ вопросамъ нѣсколько книгъ и 22 раза переплывшій океанъ, что онъ всегда съ гордостью подчеркивалъ. Съ нимъ я объѣхалъ всѣ крупные города штата Колорадо, и нѣкоторые изъ городовъ штата Калифорніи, читая лекціи, организуя кино-сеансы и маленькіе выставки.

Онъ же всегда съ неизмѣнной готовностью приходилъ на помощь всякому доброму русскому дѣлу и русскимъ людямъ; благодаря его связямъ и вліянію удалось отстоять русскую православную церковь въ Денверѣ отъ притязаній Кедровскаго, благодаря ему голодавшій въ Мексикѣ оркестръ изъ двадцати шести русскихъ офицеровъ получилъ разрѣшеніе на въѣздъ въ Америку и т.д.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я, распрощавшись съ милымъ д-мъ Юнгомъ, выѣхалъ въ Чикаго.

В. Въ Чикаго и др. гор.

Почти весь 1924 годъ, пришлось работать въ условіяхъ подготовки къ будущему открытію музея въ цѣломъ. Съ этой цѣлью пришлось организовать рядъ лекцій, кино-сеансовъ, небольшихъ выставокъ, собесѣдованій и т. п. не только въ штатѣ Иллинойсъ, но и въ близъ лежащихъ штатахъ Висконсинъ и Индіана.

Отношеніе населенія было различное: американцы выслушивали съ величайшимъ интересомъ, ибо многое раньше было для нихъ непонятно или же представлено въ умышленно извращенномъ видѣ — здѣсь же они знакомились по первоисточникамъ. Какъ дѣловой народъ, они обращали вниманіе на дѣловую сторону и внимательно изучали экономическія діаграммы и финансовый отдѣлъ. Любители кинематографа — они не пропускали ни одного сеанса. Но были и курьезы, такъ напр., въ одномъ изъ крупныхъ городовъ предсѣдательница «Дома Искусствъ» очень просила меня, при открытіи выставки, выступить въ полной парадной формѣ, пропѣть нѣсколько русскихъ пѣсенъ и протанцовать «камаринскій и серьезно была огорчена когда я отказался...

Колонисты — сербы, чехословаки и, особенно, русскіе нѣмцы всегда показывали такой интересъ и такую любовь, что послѣ каждой бесѣды съ ними, я испытывалъ огромное моральное удовлетвореніе. Какъ примѣръ приведу: въ одномъ городѣ прихожане одной изъ нѣмецкихъ церквей выразили желаніе что бы на слѣдующій день, въ воскресенье, во время литургіи, —«Отче Нашъ»—было исполнено по русски. Пришлось цѣлый вечеръ посвятить на обученіе пѣнію жены пастора, ея двухъ дочерей, незнавшихъ по-русски ни слова и, на слѣдующій день стѣны, кирки впервые, услышали русскій церковный мотивъ «Отче Нашъ», подъ акомпаниментъ... рояля и особой американской гармоніи.

Что касается русскихъ то какъ и вездѣ, они раздѣлены на три рѣзкихъ лагеря: большевиковъ, антибольшевиковъ и нейтральныхъ и, въ зависимости отъ этихъ группировокъ, и отношеніе было различное: рѣзко-оппозиціонное, сочувственное или индеферентное. Тѣмъ не менѣе о музеѣ писали въ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетахъ что «Это не музей — училище».

Въ этомъ же году мною былъ полученъ рядъ приглашеній въ большіе американскіе клубы, какъ напр., Press Club, Union League Club и др. Тотъ интересъ къ лекціямъ, фильмамъ и продемонстрированнымъ мною экспонатамъ, какой я наблюдалъ среди присутствующихъ, надолго останется у меня въ памяти. «За сорокъ лѣтъ существованія Press Club-а мы слышали самую интересную лекцію» пишетъ президентъ этого клуба въ письмѣ на мое имя.

Повидимому, въ Вашингтонѣ съ вниманіемъ сѣдили за моей дѣятельнстью, ибо мною были получены двѣ телеграммы отъ Стейтъ-Секретаря Хьюза, съ просьбой описать сущность имѣющихся у меня матеріаловъ, что и было мною исполнено.

Въ 1925 году мною была организована въ залахъ Чикаговскаго Arts Club-а выставка національныхъ, антибольшевистскихъ, большевистскихъ, сербскихъ и др. плакатовъ, прошедшая съ большимъ успѣхомъ въ результатѣ чего мною былъ полученъ рядъ приглашеній, — между прочимъ и въ далекій Тексасъ.

Въ томъ же году литовская соц.-дем. газета «Naujienos», ознакомившись съ матеріалами музея, организовала въ Чикаго открытіе въ его цѣломъ видѣ въ теченіе двухъ недѣль, при чемъ, кромѣ обычныхъ посѣтителей, выставка обильно посѣщалась и туристами.

Конецъ года мною былъ посвященъ организаціи ряда небольшихъ выставокъ: картинъ, русскихъ революціонныхъ денегъ, плакатовъ и т. п. а также устройству кинематографическихъ сеансовъ, послѣ чего я временно выѣхалъ для отдыха въ Европу.

Интересно привести нѣкоторыя цифровыя и др. данныя о дѣятельности музея.

Музей насчитываетъ 10.000 экспонатовъ и 18.000 фут фильмъ и состоитъ изъ 21 отдѣловъ: 1.)Старая Россія, 2)Россія и міровая война. 3)Революція въ тылу, 4)Революція на фронтѣ, 5)Большевизмъ, 6)Антибольшевизмъ, 7)Казачество, 9)Бѣлыя Арміи, 9)Голодъ въ Россіи, 10)Жизнь русскихъ эмигрантовъ, 11)Большевизмъ въ другихъ странахъ, 12)Каррикатуры, 13)Діаграммы, 14)Карты и схемы, 15)Финансовый, 16)Документально-литературный, 17)Анархизмъ въ Россіи, 18)Кинематографическій, 19)Современная Россія, 20)Секретный и 21)Архивъ.

Библіотека музея насчитываетъ до 2.000 названій преимущественно періода гражданской войны.

За время существованія музея было организовано 385 лекцій, 85 кинематографическихъ сеансовъ и 45 выставокъ.

Музеемъ выпущены слѣдующія изданія:
въ 1918 г. 5.000 листовокъ съ призывомъ передать матеріалы въ музей,
въ 1920 г. а)Краткій каталогъ музея *«Борьба съ большевизмомъ въ Россіи»*.
в)Programme de l'Exposition «La lutte contre le bolchevisme en Russie». (На правахъ рукописи).
въ 1921 г. Причини за разложеніета на руската армія (переведена на нѣмецкій яз.)
въ 1922. 5.000 либретто фильмы «Голгофа Русской Женщины».
въ 1925. Каталогъ «The Museum Contemporary Events in Russia».
въ 1926. «Бѣлый Архивъ» кн. 1-ая

Готовится къ печати:
въ 1926 «Бѣлый Архивъ» книги 2-ая, и 3-я и т.д.

Музей среди немногочисленныхъ подобнаго рода организацій является *старѣйшимъ* и обладаетъ многими первоисточниками, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ учрежденій подобнаго рода.

И, наконецъ, музей существуетъ *исключительно на собственныя средства* и не получаетъ *никакихъ субсидій* и вслѣдствіе этого *совершенно независимъ*.

Въ періодъ 1920-1923 г.г., для печатанія матеріаловъ музея были предложены страницы: Общаго Дѣла, Архива Русской Революціи и Лѣтописи революціи.

Я. М. ЛИСОВОЙ.

ОТЗЫВЫ

газетъ и журналовъ о «Музеѣ Современныхъ Событій въ Россіи»

...Музей въ частныхъ рукахъ — роскошь, которая не всегда и не для всѣхъ осуществима даже въ нормальныхъ условіяхъ. Тѣмъ большій интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ труды полк. Я. М. Лисового, создавшаго въ тяжелые дни эмигрантскихъ скитаній первый музей «Современныхъ Событій въ Россіи»...

(Новое Время І-21-23 № 522)

...Выставка Россіи, ея могущественныхъ страданій, ея исторіи за послѣдніе три года — такая выставка собрана трудами полк. Лисового... и еще хороша коллекція денежныхъ знаковъ... много брошюръ, снимковъ, рисунковъ, все что уцѣлѣло, что донесли до Бѣлграда. Безъ сомнѣнія, со временемъ выставка еще пополнится, но и теперь она весьма поучительна для насъ, русскихъ, и для невѣрующихъ иностранцевъ.

(Новое Время 4-23-21 № 2)

...Въ числѣ оригинальныхъ русскихъ предпріятій заграницей, нужно отмѣтить коллекцію разнообразныхъ матеріаловъ, принадлежащихъ воен. публиц. генеральн. штаба полковнику Я. М. Лисовому; матеріалы составляютъ *частный музей по исторіи революціи въ Россіи вообще и гражданской войны въ частности* и демонстрируются имъ въ видѣ передвижной выставки...

Являясь результатомъ частной иниціативы и не имѣя никакихъ пропагандныхъ заданій, выставка-музей ставитъ себѣ задачей въ предѣлахъ возможнаго ознакомить зрителя съ происшедшими въ Россіи событіями съ начала революціи и по настоящее время.

(Новая Русская Книга, Іюль 1922 г. № 7)

Исключительная Русская Выставка.

Въ Америку недавно прибыла исключительная по своему интересу русская выставка, иллюстрирующая ходъ русской революціи, большевизма и гражданской войны. Иниціаторомъ и владѣльцемъ этой выставки является полк. Я. М. Лисовой, посвятившій этому дѣлу всѣ свои послѣдніе годы жизни, начиная съ германской войны...

Выставка составлена вполнѣ безпристрастно и можетъ быть названа не большевистской и не антибольшевистской, а лишь чисто исторической.

(Новое Русское Слово, Нью-Іоркъ, 4-25-23, № 3742)

...Въ среду 13 мая въ Гулл-Гаузѣ открылась выставка матеріаловъ полк. Лисового — впечатлѣніе колоссальное. Характерно отмѣтить, что еще во время работъ по организаціи, масса публики являлась для осмотра этой замѣчательной коллекціи...

...Всѣ американскіе газеты дали прекрасные отзывы о ней, а нѣкоторые даже рекомендуютъ студентамъ изучать по матеріаламъ выставки эпоху гражданской войны въ Россіи...

(Русскій Вѣстникъ 4-30-25 № № 102, 117)

...Одна изъ крупнѣйшихъ коллоніальныхъ газетъ — литовская, предложила спеціально избранному комитету, въ составѣ 3 членовъ, изученіе матеріаловъ музея полк. Я. М. Лисового, съ цѣлью организаціи выставки.

Въ протоколѣ комитета читаемъ:

1. Самая крупная коллекція изъ всѣхъ существующихъ по исторіи русскаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

2. Матеріалы настолько велики и разнообразны, что представляютъ необыкновенный интересъ не только для русскихъ, но и для всякаго иностранца.

3. Матеріалы носятъ строго научный и вполнѣ безпристрастный характеръ.

4. Всѣ матеріалы отвѣчаютъ вопросамъ современности.

На основаніи изложеннаго газета «Naujienos» рѣшила:

А. Немедленно приступить къ организаціи выставки «Современныхъ Событій въ Россіи», которую открыть въ кратчайшій срокъ.

Б. Немедленно приступить къ печатанію каталога.

(Русскій Вѣстникъ 5-5-25 № 106)

...Въ свое время печать отмѣтила значеніе этого перваго по организаціи заграницей и единственнаго въ своемъ родѣ музея «Современныхъ Событій въ Россіи». Замѣтимъ еще, что несмотря на тяжелыя условія существованія, музей продолжалъ развиваться и къ существующимъ добавлены еще новые отдѣлы...

(Русское Дѣло, 12-28-25, № 256)

За онога који не зна и не појма: шта је то большевизам, неопходно је потребно да посети изложбу савремене Русије...

Организатор изложбе је пуковник Лисовој. Он је ван сваке сумње уложио много труда да изведе овај интересантан и којрисан посао...

(Епоха, 4-21-21, № 695)

...Изложба је по својој занимљивости заслужује од првог момента велико интересовање и обилну посету нашег грађанства...

(Политика, Балкан 4-15-21)

Данас је отворена прва покретна историјско-књижевна уметничка изложба савремених догађаја у Русији, којој припада иницијатива да у широким размерима упозна Европу са догађајима који се пуне три године одигравају на једном делу Велике Русије на југоистоку...

...Не би требало ни један наш грађанин да пропусти ову прилику а да не посети изложбу на којој се на болье у слици и слову могу све грозоте большевизма видети...

...Оставимо за дан за два све забаве, па похита мо сви да видимо сву грозоту која је нашу одвајкада мајку заштитницу задесила.

(Застава, 5-15-21, № 108)

...Среди общей апатіи, бездѣятельности или бюрокартизма есть однако исключенія.

Таковымъ является выставка, устроенная въ Константинополѣ полк. генер. штаба Я. М. Лисовымъ. Хотя на выставкѣ фигурировали только бумажные документы (афиши, фотографіи, описанія и т. п.), но тѣмъ не менѣе она являлась серьезнымъ освѣдомительнымъ средствомъ, такъ необходимымъ для Западной Европы, до сихъ поръ не усвоившей всей сущности и опасности большевизма...

Выставка создана цѣнными трудами Я. М. Лисового, безъ всякой помощи со стороны оффиціальной Россіи и даже Всероссійскаго Земскаго Союза.

Пожелаемъ, чтобы этотъ примѣръ полезной самодѣятельности не былъ бы единственнымъ. — Генер. П. И. Залѣсскій.

(Военный Голосъ, 5-8-20, № 89)

Im Kunstpavillon wurde am 12 Juni eine Ausstellung ueber das bolshevistische Russland und die Ereignisse im «roten» Reiche eroeffnet. Der Russische Kriegsberichterstatter Lissovoy hatte auf grund reichen Materials eine reichhaltige Sammlung von geschichtlichen Documenten angelegt, welche er der Oeffentlichkeit vorlegte.

Es ist fuer jedermann vom Interess, die bildiche Darstellung der Verhaeltnisse in Russland waehrend des Kommunistischen Regimes und waehrend der verschiedenen Perioden der Konterrevolution anzusehen.

Agramer Tagblatt, 17-6-21, Agram. № 154.

...Cette exposition des plus intéressantes et instructives, nous montre ce que le bolchevisme est en réalité.

Une foule des plus choisies s'y pressait, qui recevait toutes les explications demandées par des interprètes en toutes langues...

(«Le Bosphore», 5-11-20, № 164)

L'EXPOSITION DE LA RUE DE PERA.
UNE INTERESSANTE DOCUMENTATION SUR LE BOLCHEVISME

...M. le colonel Lissovoy, ancien chef du service politique du général Alexeieff, est un grand collectionneur. Inlassablement depuis 3 ans il a recueiili tous les documents qu'il pouvait trouver concernant le bolchévisme et la lutte contre le bolchévizme. C'est le résultat de ce patient labeur qu'il offre aujourd'hui aux habitants de Constantinople dans son exposition. Résultat incomplet encore, car le colonel travaille toujours à augmenter, à enrichir sa collection...

(«Press du Soir», 5-20-20, № 13)

NOUS EN AVONS VU QUELQUES PIECES DIGNES DU «MUSEE DES HORREURS».

...M. Lissovoy emporte avec lui un bagage précieux et important, qui peut être considéré comme la plus impressionnante collection de documents et d'illustrations se rapportant aux derniers événements de Russie. Cette collection comprend trois séries: 1) Guerre mondiale, 2) Révolution bolchevique, 3) Contre révolution...

(«Cherbourg Eclair» 3-1-23)

...The stark terror which stalked thru Russia in the wake of the revolution, hand in hand with famine, pestilence and death, is portrayed in the collection of paintings, photographs, currency, medals and curios brought to Denver from darkest Russia by Col. Jacques M. Lissovoy.

Lissovoy's collections to be the greatest expose of the iron terror of Bolshevism ever brought to the United States, as well as being the largest collection of its kind to be brought out of Russia. It is history of Russia from the time of the czarist regime, thru the revolution, and up to present.

It is not, however, devoted wholly to propaganda or to the horror of the soviet atrocities. It portrays much of the artistic life of Russia before and after the revolution, of clerical history and of peasant life...

(By Forbes Parkhill. «The Denver Post», 3-6-23)

The strangest and most unique exhibit which has been placed on the walls of the Perkins Fine Arts Hall galleries in a number of years is thar which has been brought here.

The exhibits is as interesting as it is unique and strange, and those who have seen it have gone back for a second view, meanwhile telling their friends about it.

They were collected by Col. Jacques Lissovoy.

(«Gazette and Telegraph», 2-9-23)

The various exhibits are said to be the most interesting of any that have been brought here in a number of years.

The exhibit is a part of the collection of Col. J. Lissovoy.

(«The Colorado Springs Evening Telegraph», 29/30-8-23).

The message from Washington indicated that whatever Mr. Lissovoy had to say regarding the bolsheviki and the soviet government would be of interest to the state department.

(«Chicago Sunday Tribune», 6-6-24).

RUSSIA AFLAME IN POSTERS

There are two sides to bolshevism — as Emma Goldman herself illustrates — and two sides are shown graphically and with starting insistence and sledgehammer force in the display of Russian posters in the galleries of the Arts Club.

The posters are a part of the collection of Col. J. Lissovoy. Col. J. Lissovoy made it his hobby, along with his military duties, to collect both bolshevik and anti-bolshevik material during the Russian civil war.

(C. T. B. «The Chicago Evening Post. Magazine of the Art World» 31-3-25)

ARTS CLUB EXHIBITION

Unfortunately the Russian paintings and posters belonging to Col. J. Lissovoy are being removed before they have been as widely seen as their interest merits.

We wish that this exhibition might turn up again somewhere else in Chicago.

If only the young students who were flocking in such throngs to a certain exhibition of American advertising art, recently held could have passed their time here instead!

(By Marguerite B. Williams. «The Daily News». 2-4-25)

ПЕЧАТАЕТСЯ

БѢЛЫЙ АРХИВЪ.

КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣсскій — Причины неудачъ Бѣлаго движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефинъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. ,, Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословацкіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.

(и др.)

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Е.И В. Вел. Кн. Борисъ Владимировичъ.
«My Royal adventures in Society and Bohemia» (переводъ съ англійскаго).

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Генералъ Врангель и Крымская эвакуація (въ иллюстраціяхъ).

Въ текстѣ каррикатуры, карты, схемы, фотодокументы.

ПЕЧАТАЕТСЯ

НОВАЯ КНИГА

Генерала П. И. ЗАЛѢССКАГО

«ВОЗМЕЗДІЕ».

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Бѣлый Архивъ.

КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣсскій — Причины неудачъ Бѣлаго движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефинъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. ,, Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословацкіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.

ПОПРАВКИ:

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать:*
49	10 сверху	«Калининъ»	«Калининъ» (или Козьминъ — авт.)
67	5 сверху	«Кацъ»	«Розенфельдъ»
68	10 снизу	«Сегѣй»	«Сергѣй»
101	6 сверху	«къ 15 октября 1919 года»	«къ 20 октября 1919 года»
127	4 слѣва	«къ 10 ноября 1919 года»	«къ 20 ноября 1919 года»
158	5 снизу	«И. Т. Каплана»	«Ф. Т. Каплана»

Складъ изданій
Librairie Mme De Sialsky
2, rue Pierre-le-Grand, Paris.

БѢЛЫЙ АРХИВЪ

II — III

1928

Второй и третій томы «Бѣлаго Архива» выходятъ съ значительнымъ запозданіемъ, что объясняется внезапнымъ отъѣздомъ редактора полк. Я. М. Лисового — въ Соедин. Штаты Сѣв. Америки и трудностью — за дальностью разстоянія — техническаго руководства изданіемъ.

Хотя нѣкоторыя событія отдѣла «Зарубежная Россія» сравнительно устарѣли, тѣмъ не менѣе онѣ помѣщаются полностью именно въ архивныхъ цѣляхъ.

РЕДАКЦІЯ.

МАТЕРІАЛЫ
„Музея Современныхъ Событій въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

БѢЛЫЙ АРХИВЪ

Сборники матеріаловъ по исторіи и литературѣ войны, революціи, большевизма, бѣлаго движенія и т. п. подъ редакціей Я. М. Лисового.

II-III.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Илья Савченко: «Въ красномъ станѣ»

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

Крымская эвакуація 1920-1921 г.г.

(Рисунки съ натуры худ. А. Вербицкаго)

ПАРИЖЪ
1928

Перепечатка статей и документовъ и копировка иллюстрацій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея Современныхъ Событій» 10% съ каждаго тиражнаго экземпляра.

Директоръ «**Музея Современныхъ Событій** въ **Россіи**» и редакторъ «**Бѣлаго Архива**» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россіи, сочувствующимъ идеѣ сохраненія и опубликованія историческихъ матеріаловъ, принять активное участіе въ этомъ *общерусскомъ дѣлѣ.*

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ событія послѣднихъ лѣтъ: отъ Великой войны и до настоящихъ дней невольнаго скитанія и всѣ присланные матеріалы по разнымъ вопросамъ этого періода (документы, дневники, воспоминанія, фотографіи, книги, брошюры, листовки, карты, діаграммы, плакаты, рисунки, эскизы и т. п.) — будутъ по желанію собственника — или сохраняться въ цѣлости и неприкосновенности въ Музеѣ и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ Музея, — или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ переведены на англійскій языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ — всѣ матеріалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Десятилѣтнее существованіе Музея и его активная дѣятельность служатъ порукой тому, что всѣ матеріалы будутъ использованы въ русскихъ національныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присылаемыхъ рукописей безразлична.

Матеріалы предлагается направлять по слѣдующему адресу:

J. M. LISSOVOY — 5406, SO Park Ave. Chicago, U. S. A. (Iel).

ДИРЕКТОРЪ

« Музея Современныхъ Событій въ Россіи »

Я. М. ЛИСОВОЙ

приноситъ искреннюю благодарность за пожертвованные въ собственность Музея матеріалы:

I. Е. К. Л. – коллекцію совѣтскихъ серебрянныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ

2. В. П. Сіяльскому – коллекцію эмигрантскихъ плакатовъ

3. Союзу Галлиполійцевъ – нѣсколько плакатовъ

4. В. А. Горяинову – приславшему изъ Швейцаріи русскіе плакаты изд. Лиги Націй.

5. В.К.Леонтовичу–газетн.вырѣзки,иллюстраціи, листовки и т. п.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. — ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. *Я. М. Лисовой.* Итоги одного изъ уговоровъ (по воспоминаніямъ и документ. шт. 28-й пѣх. дивиз.) 11
2. » » Революціонные генералы 41
3. *С. Арефинъ.* Развалъ арміи 55
4. Изъ жизни революціоннаго фронта:
   А) Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ 72
   В) Второй смертный приговоръ на Юго-Западн. фронтѣ 76

II. — БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *Д. Д - - - ва.* Москва-Петроградъ 1917-1925 г.г.... 81
2. Изъ матеріаловъ Кіевской чрезвычайки:
   а) Че-ка 113
   б) Два приговора Кіевской чрезвычайки 114

III. — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Докладъ Н-ка Кіевскаго Центра Главнокомандующ. В. С. Ю. Р. 119
2. Дѣятельность Таганрогскаго Центра Д. А. въ 1918-1919 г. г. 133
3. Рапортъ генштаба подполковн. N. Представит. Д. А. въ Кіевѣ 138
4. Рапортъ состоящаго въ штабѣ Представит. Верховн. Команд. Добр. Арм. генштаба подполк. N. Представит. Д. А. въ Кіевѣ 145
5. *Генералъ П. И. Залѣсскій.* Главныя причины неудачъ Бѣлаго Движенія на Югѣ Россіи 151

IV. — ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ и разн. ДОКУМЕНТЫ.

1. *М. Лембичъ.* Политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январьскихъ дней 1918 г. 173
2. Письмо генерала М. В. Алексѣева представителю Таганрогскаго Центра 183
3. Письмо генерала М. В. Алексѣева г-жѣ Х. 184
4. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Богаевскому 185
5. Радіограмма генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 186

А. — Переписка о представительствѣ на Версальской конференціи.

6. Письмо генер. А. П. Богаевскаго генер. А. И. Деникину...... 187
7. Отвѣтъ генер. А. И. Деникина генер. А. П. Богаевскому 188
8. Выписка изъ журнала № 5 Особаго Совѣщанія (приложеніе къ письму генерала А. И. Деникина) 190
9. Телеграмма Предст. Особ. Совѣщ. Министру Иностр. Дѣлъ Украины 191

стр.

Б. — Переписка по Грузинскому вопросу.
10. Письмо генер. А. П. Богаевскаго генер. А. И. Деникину 192
11. Выписка изъ доклада-письма Представит. В. В. Д. при Кубанскомъ Правительствѣ 13 сент. 1919 г. 193
12. Тоже — 14 сент. 1919 г. 196

V. — КАЗАЧЕСТВО.

1. *Полк. В. Модрахъ*. Охрана Западн. гран. Донск. Обл. въ 1917 г. 199
2. Двѣ недѣли событій на Дону (изъ дневн. неизв. офиц.) 204

VI. — СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. *Александръ Котомкинъ*. Съ Чехословацкими легіонами отъ Волги до Тихаго Океана 211

VII. — МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Изъ воззванія къ артист. и художн. Моск. С. С. и Р. Д. Выдержки изъ газетныхъ статей. Мысли: А. И. Шингарева, Бѣлорусова, Н. Д. Соколова, Н. В. Чайковскаго, П. Н. Милюкова, Кн. Г. Е. Львова, В. Л. Бурцева, П. Н. Переверзева, Л. Г. Дейча, Н. Д. Авксентьева, Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенскаго, А. М. Масленникова, В. М. Пуришкевича, Ф. И. Родичева, Б. В. Савинкова, И. Г. Церетелли, Н. И. Аотрова, П. А. Крапоткина, П. П. Рябушинскаго, А. И. Гучкова, В. А. Маклакова, П. Б. Струве, В. В. Шульгина, С. И. Третьякова, И. А. Ильина, генераловъ М. В. Алексѣева и Л. Г. Корнилова.. 239

VIII. — ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.

Владиміръ Игоревъ. Новая сила 253
Несогласія въ Зарубежной Православной Церкви. — Трехлѣтняя годовщина Союза Галлиполійцевъ. — Годовщина Великой войны 257

IX. — ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.

Я. Л. — Бесѣды съ интеллигенціей Россіи Внутренней 261

X. — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Я. Лисовой. Гдѣ матеріалы гражданской войны? 271
Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Революціонные годы въ Крыму. *Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій*. Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго. *А. С. Александровъ*. Большевики, взявшіе мечъ, отъ меча и погибнутъ. «Вѣстникъ Союза Казачьихъ Войскъ» № 6 278

XI. — ПРИЛОЖЕНІЕ.

Илья Савченко. — Въ красномъ станѣ 281

XII. — ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Крымская эвакуація 1920-1921 г. г. (рисунки съ натуры художн. А. А. Вербицкаго.)

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Карикатуры, портреты, фотосхемы, карты и т. п.

I.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

ИТОГИ ОДНОГО ИЗЪ УГОВОРОВЪ.

(По воспоминаніямъ и документамъ штаба 28 пѣх. дивизіи).

Ближайшимъ результатомъ посѣщенія А. Керенскимъ частей 28-й и другихъ сосѣднихъ дивизій явилось то обстоятельство, что солдатъ показалъ свое «истинное лицо».

До сихъ поръ дивизія считалась одной изъ самыхъ дисциплинированныхъ, боеспособныхъ, а слѣдовательно и надежныхъ. Правда, и она не избѣгла общей заразы разложенія: наблюдалось и дезертирство, были случаи и «итальянской забастовки», раздавалось иногда и ворчанье со стороны солдатской массы на тягость службы и утомленіе, были даже два-три случая столкновенія съ офицерскимъ составомъ, но все это происходило въ близкихъ къ «законнымъ, — по понятію того времени, — рамкамъ» и серьезныхъ послѣдствій не имѣло.

Въ общемъ — плохо ли, хорошо ли, но дивизія какъ будто оставалась дивизіей: несла удовлетворительно боевую службу, правда, не опасную — на одномъ изъ пассивнѣйшихъ участковъ, политикой не увлекалась, отношенія съ офицерскимъ составомъ были сносныя — тамъ, гдѣ не помогалъ офицерскій авторитетъ — на помощь являлся комитетскій «окрикъ» и солдатъ смирялся. И хотя масса, утомленная войной, кряхтѣла, стонала, ворчала и рвалась домой, но ворчала не злобно, а скорѣе съ опаской «кабы не влетѣло» и открыто выступать боялась, ибо не изгладились еще изъ ея памяти картины разоруженія непокорныхъ сосѣднихъ воинскихъ частей, въ которыхъ и сама дивизія «грѣшнымъ дѣломъ» принимала участіе и, въ своихъ резолюціяхъ, выносила требованія смертнаго приговора надъ виновниками.

Естественно, что для большевиковъ дивизія являлась «бѣльмомъ на глазу» и они удѣляли «просвѣщенію» ея особенное вниманіе.

Однимъ словомъ, дивизія покорно и терпѣливо ждала конца войны, но конца легкаго и безболѣзненнаго...

И, вдругъ, — призывъ къ новымъ боямъ, требованіе новыхъ жертвъ во имя сохраненія завоеваній революціи и добытыхъ свободъ... и призывъ не со стороны начальства — къ этимъ призывамъ уже привыкли, имъ никто не вѣрилъ и относились къ нимъ иронически, а втайнѣ думали свою ду-

мушку и твердо вѣрили, что пріѣдетъ Керенскій и скажетъ ей всю правду, настоящую правду, которую начальство отъ нея скрываетъ...

Но вотъ пріѣхалъ и Керенскій и, къ великому недоумѣнію солдатской массы, заговорилъ «по буржуйному» и, во имя спасенія Родины и Революціи, категорически потребовалъ «безмѣрныхъ подвиговъ и тяжелыхъ жертвъ» и это теперь то — когда наступила полная свобода, когда отовсюду неслись толки о концѣ войны, когда изъ деревень приходили недвусмысленныя письма о скоромъ «настоящемъ дѣлежѣ» земли, когда въ этихъ же письмахъ они читали, — что «и еще васъ извѣщаемъ дражайшій супругъ нашъ (имя рекъ), что таперя къ намъ пришодши Егорка Кузьминъ, и Панкратъ Нестеревъ, и Игнашка Пахомовъ, и Сидорка Пантелеевъ — тетки Марины племяшъ, и всѣ они, значитъ, получили полную свободу отъ самого главнаго начальства, шта послѣ Царя наступило и што они снямши таперя царски мундеръ и хоть бы имъ што... а потому дражайшій нашъ супругъ и тятенька, денно и нощно ждемъ и васъ къ себѣ, неравно безъ васъ землю подѣлятъ...»

Какимъ образомъ произошелъ внезапный психологическій сдвигъ не только въ рядахъ солдатской массы, но и среди наиболѣе здоровой ея части — среди комитетовъ, толкнувшій ихъ на путь преступнаго отказа — трудно сказать, но только солдатская масса забродила, забурлила и, въ отвѣтъ на страстные, горячіе и подкупающіе своею искренностью призывы Военнаго Министра, отвѣтила тупо и злобно однимъ словомъ:

«Будя»...

И такъ какъ на это безсмысленное «будя», Военный Министръ никакъ не реагировалъ, то масса и пришла къ первому и легкому заключенію, что сила, а слѣдовательно, и побѣда на ея сторонѣ... А придя къ этому заключенію — масса измѣнила свое отношеніе и къ большевикамъ...

Утромъ слѣдующаго дня въ дивизіи былъ полученъ рядъ предварительныхъ распоряженій къ предстоящимъ «іюльскимъ» боямъ. Въ видѣ экстренной мѣры приказано было временно занять позицію самой надежной частью (дивизія была въ резервѣ) и смѣнить находившіяся тамъ части, которыя получали другое назначеніе.

Вечеромъ изъ штаба корпуса была получена телефонограмма, гласившая, что утромъ, на слѣдующій день, въ штабъ дивизіи прибудутъ представители союзныхъ армій: французской службы — лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ, полковникъ Рампонъ и итальянской — полковникъ(?) (въ штабѣ дивизіи его почему то впослѣдствіи окрестили «маркизъ Карлотти»), которые желаютъ осмотрѣть участки позиціи, предназначенные для атаки и познакомиться съ войсками, а потому имъ надлежитъ оказать полное содѣйствіе. Одновременно, изъ сосѣдней дивизіи Начальникъ штаба извѣстилъ по

телефону, что онъ выѣзжаетъ къ намъ для совмѣстнаго обсужденія деталей пріема и сдачи позиціи, а черезъ полъ часа прибылъ и онъ самъ.

Послѣ совѣщанія дѣлового характера, въ которомъ приняли участіе и старшіе начальники, разговоръ перешелъ на злободневныя темы — естественно разговоръ вертѣлся вокругъ объѣзда А. Керенскимъ воинскихъ частей.

„Революціонная Армія" въ иностранной каррикатурѣ
(передъ іюльскими боями)

Кайзеръ, Россія и Америка.

Кайзеръ. — Зачѣмъ же тебѣ воевать, когда ты уже получилъ свободу?...

Дядя Самъ. — Не слушай его — я пользуюсь свободой съ 1765 года и все таки рѣшилъ воевать.

— А какъ у васъ прошелъ смотръ? — спросилъ я прибывшаго Начальника Штаба.

Къ нашему удивленію полковникъ П. воспроизвелъ картину смотра въ точности — до мельчайшихъ деталей — сходную съ тѣмъ, что происходило у насъ: та же стремительность премьера, тотъ же бѣгъ по фронту со скоропалительнымъ «здрасте, товарищи», та же рѣчь — горячая, искренняя, съ нотками душевнаго надрыва, то же «товарищи, взгляните на это красное знамя», та же «свита», та же тупая, покорно-слушающая солдатская масса и тотъ же внезапный отказъ воинскихъ частей отъ наступленія, послѣ отъѣзда Керенскаго...

Въ головѣ бродили и развивались невеселыя мысли...

Полковникъ П. всталъ: — «такъ какъ же, ваше пр-во, что я долженъ доложить — пойдутъ ваши части въ бой?».

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — мрачно отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

— Ну, а ваши пойдутъ? поддержатъ насъ? — спросилъ я въ свою очередь.

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — уныло отвѣтилъ полковникъ.

Всѣ даже разсмѣялись — до того горько было на душѣ...

———

Утромъ слѣдующаго дня пріѣхали представители союзныхъ армій; начальникъ дивизіи экстренно былъ вызванъ въ штабъ корпуса и встрѣтить пришлось ихъ мнѣ.

Первымъ изъ вагона вышелъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ — пріемный сынъ Максима Горькаго, за нимъ показалась грузная фигура полков. Рампона, съ которымъ я уже былъ знакомъ и, наконецъ, послѣднимъ вышелъ престарѣлый итальянецъ, саженнаго роста, съ кодакомъ черезъ плечо.

Зиновій Пѣшковъ... съ удовольствіемъ вспоминаю я этого русскаго человѣка, одѣтаго въ мундиръ французскаго лейтенанта; нѣсколько дней мы прожили съ нимъ въ одной комнатѣ, обмѣниваясь впечатлѣніями настоящаго и живя надеждами на лучшее будущее, — это былъ умный и интересный собесѣдникъ.

— Я по убѣжденіямъ с.-р., — сказалъ онъ мнѣ какъ-то, но съ того дня, какъ я надѣлъ военный мундиръ, — я только солдатъ, защищающій русское дѣло, къ сожалѣнію, на французскомъ фронтѣ и... только...

— Наша демократія, къ несчастью, до этого еще не доросла и не понимаетъ такихъ простыхъ вещей, — съ горечью замѣтилъ я.

— Пойметъ, — добродушно замѣтилъ Пѣшковъ, — жизнь заставитъ понять...

З. Пѣшковъ часто уѣзжалъ на позиціи, знакомился съ противникомъ, нашими войсками, попадалъ подъ обстрѣлъ, возвращался усталый, но ни на одну минуту веселое настроеніе не покидало его.

Впослѣдствіи, въ дни Корниловскаго выступленія, судьба еще разъ столкнула меня съ нимъ; какъ-то я отправилъ ему въ Ставку всѣ фотографическіе снимки въ память посѣщенія имъ дивизіи.

Однажды, утромъ, мнѣ было подано частное письмо и толстый объемистый пакетъ — я тотчасъ же узналъ его характерный бисерный почеркъ лѣвши:

— «Мой дорогой другъ! Не писалъ вамъ сразу вслѣдствіе разыгравшихся здѣсь событій, о которыхъ вы знаете: генералъ Корниловъ выступилъ противъ Временнаго Правительства — исторія покажетъ насколько онъ правъ... Одно могу сказать: сильныхъ людей опутываетъ со всѣхъ сторонъ злоба, зависть и интрига, мѣшая и стѣсняя ихъ дѣйствія, зачастую направленныя во имя благихъ цѣлей. Ихъ право, ихъ долгъ, ихъ святая обязанность ра-

ворвать эту сѣть и смѣло и отважно итти во имя идеи. Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что генераломъ Корниловымъ руководитъ искренняя любовь къ Родинѣ, которая насъ всѣхъ заставляетъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ...

Ну, будьте здоровы, мой другъ, посылаю вамъ съ нарочнымъ всю Корниловскую литературу. Уважающій васъ З. Пѣшковъ».

Я былъ очень тронутъ и этимъ письмомъ и тѣмъ, что онъ вспомнилъ мою страсть къ собиранію историческихъ матеріаловъ...

Полковникъ Рампонъ, типичнѣйшій французъ-солдатъ въ прямомъ значеніи этого слова и полная противоположность лейтенанту Пѣшкову. Прямой въ своихъ сужденіяхъ, рѣзкій, подчасъ даже грубоватый, онъ не внушалъ къ себѣ симпатій со стороны лицъ мало знавшихъ его. Но ему все прощалось, вслѣдствіе его безконечной ненависти къ «протекавшему русскому революціонному строю», ненависти, впрочемъ, вполнѣ понятной — исходившей изъ чисто эгоистическихъ побужденій: отсутствіи помощи его милой Франціи.

Объ его обращеніи съ русскими революціонными солдатами ходили цѣлыя легенды. Русскаго офицера, если бы онъ себѣ позволилъ хоть сотую часть того, что дѣлалъ полковникъ Рампонъ — растерзали бы на куски, — ему же все сходило съ рукъ.

Сейчасъ вспоминается слѣдующій характерный эпизодъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось впослѣдствіи быть.

Въ маленькомъ городкѣ Будславѣ, въ послѣднихъ числахъ сентября, по иниціативѣ комиссара, происходилъ первый съѣздъ офицеровъ III-й арміи. Сначала съѣздъ носилъ чисто дѣловой, офицерскій характеръ, но затѣмъ, въ помощь комиссару начали выступать солдаты, какія то посторонція лица, былъ даже одинъ юродивый — все это болтало о палочной дисциплинѣ, розгахъ, пулеметахъ и плетяхъ, которыми солдатъ гнали въ бой — однимъ словомъ, происходило повторное обливаніе офицеровъ и всего команднаго состава грязью лжи, клеветы и провокаціи.

Ни комиссаръ, бывшій офицеръ — артиллерійскій полковникъ, ни старый заслуженный командующій арміей, ни молодой, но искусно лавирующій въ лабиринтѣ сложныхъ отношеній между комитетами и команднымъ составомъ — начальникъ штаба арміи, не протестовали противъ этихъ нелѣпостей.

Въ ложѣ командующаго войсками сидѣлъ представитель Франціи, тогда уже генералъ Рампонъ, въ лицѣ котораго комиссаръ предложилъ привѣтствовать нашу союзницу Францію и просилъ его сказать нѣсколько словъ.

Залъ огласился громомъ офицерскихъ рукоплесканій, а гдѣ то на галлереѣ, среди комитетовъ, раздались и сейчасъ же стыдливо смолкли первые звуки марсельезы.

Генералъ Рампонъ вышелъ, поблагодарилъ и произнесъ на ломанномъ русскомъ языкѣ рѣчь, съ той чисто французской горячностью, которая воочію показывала, что не легко ему было видѣть гибель русской арміи — могучей союзницы его дорогой Родины и чувствовать, что на помощь этого союзника расчитывать уже нельзя...

Вспоминаю его рѣчь и сглаживаю, по возможности, шероховатости его акцента:

— Извините, — такъ началъ генералъ, смотря въ глубину зала, гдѣ сидѣла и стояла солдатская масса комитетовъ, — вамъ, я знаю, не понравится то, что я скажу...

— Что у васъ за порядки? — вдругъ не выдержалъ и вскрикнулъ внезапно генералъ. — Я васъ спрашиваю, что у васъ теперь за порядки? Зачѣмъ русскій солдатъ «ломаетъ» желѣзныя дороги, поѣзда, вагоны — зачѣмъ всѣ солдаты лѣзутъ въ первый классъ, — развѣ это революція? У насъ во Франціи — пожалуйте — солдаты въ 3-й классъ, офицеры во 2-й классъ, генералы и высшіе начальники въ 1-й классъ; если солдатъ заплатилъ первый классъ — пожалуйте, если не заплатилъ — вонъ изъ перваго класса, — при этомъ генералъ топнулъ ногой и сдѣлалъ соотвѣтствующій выталкивающій жестъ.

— Ваши офицеры, — продолжалъ генералъ, — самые лучшіе офицеры въ мірѣ, а вы этого не понимаете. Зачѣмъ лишаютъ ихъ дисциплинарной власти — она необходима, она вездѣ есть... За нарушеніе воинскаго долга, за отказъ отъ наступленія, необходимо не отступать ни передъ какой мѣрой — вплоть до разстрѣловъ; когда ваши полки отказались у насъ во Франціи наступать, они заразили нашихъ 20 полковъ и они тоже не хотѣли наступать и хотѣли погубить Францію, — голосъ у генерала дрогнулъ. — Но... мы разстрѣляли по 10 человѣкъ въ полку и... спасли Францію..

Комиссаръ тревожно завертѣлся на стулѣ, а генералъ Рампонъ продолжалъ, тяжело дыша и видимо взволнованный:

— А что вы сдѣлали съ нашей прекрасной, чистой марсельезой? На улицахъ марсельеза, въ лавочкахъ марсельеза, въ кабакахъ марсельеза... Зачѣмъ вы ее пачкаете? Нашъ трехцвѣтный флагъ, наша марсельеза обошли весь міръ, неся съ собой свободу, равенство и братство и нигдѣ ихъ не пачкали — зачѣмъ же вы это дѣлаете?...

— Я еще «немножки словъ должонъ говорить», — продолжалъ онъ — и я не могу молчать: зачѣмъ вы «кричите неправду», что русскій офицеръ билъ солдатъ, что васъ палками заставляютъ воевать?.. Я 20 лѣтъ знаю Россію, знаю офицера, знаю хорошо русскаго солдата и говорю вамъ прямо: вы всѣ лжете — это ложь! Зачѣмъ же вы всѣ лжете на своего офицера?...

Генералъ угрожающе поднялъ руку, постоялъ въ раздумьѣ нѣсколько

мгновеній, какъ бы намѣреваясь еще что то сказать, но затѣмъ быстрыми шагами направился въ ложу...

Казалось, тонкія фанерныя стѣны зданія барака не выдержатъ грохота офицерскихъ апплодисментовъ... Солдатская масса угрюмо, понуривъ головы, стояла хмурая, молчаливая... Комиссаръ попрежнему тревожно ерзалъ...

Разсказываютъ слѣдующій характерный случай, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ опять таки генералъ Рампонъ.

Однажды въ вагонъ трамвая, гдѣ онъ сидѣлъ, вошли два развязныхъ «товарища-солдата» и усѣлись рядомъ съ нимъ; генералъ молча подвинулся. Одинъ изъ товарищей съ ухарскимъ жестомъ вынимаетъ портсигаръ, достаетъ папиросу, и закуриваетъ внутри вагона — генералъ молчитъ... Тогда «товарищъ», увѣренный въ полной безнаказанности, пускаетъ струю дыма въ лицо генералу — генералъ молчитъ... Когда же это было продѣлано еще разъ — генералъ повернулся къ «товарищу», спокойно вынулъ у него изо рта папиросу и со словами: «рюски сольдатъ полючалъ свобода, но рюски сольдатъ не долженъ бить свинья — кошонъ», выбросилъ папиросу на глазахъ изумленной публики и оторопѣвшаго солдата...

Таковъ былъ полковникъ Рампонъ...

Семидесятилѣтній итальянецъ представлялъ собою типъ полнаго рамолика, мало интересующагося дѣлами на фронтѣ и безпрестанно надоѣдающаго просьбами — показать ему что нибудь пикантное, что бы онъ могъ запечатлѣть въ кодакѣ.

...Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, мы всѣ направились къ штабу дивизіи. Въ послѣобѣденныхъ разговорахъ, ознакомленіи по картѣ съ предстоящимъ расположеніемъ воинскихъ частей и т. п., незамѣтно пролетѣло время до 4-хъ часовъ, когда мнѣ доложили, что штурмовой батальонъ выстроился и готовъ отправиться на позицію. Такъ какъ начальникъ дивизіи еще не прибылъ, то послѣдній осмотръ долженъ былъ произвести я — мои гости, узнавъ въ чемъ дѣло, просили разрѣшенія присутствовать при этомъ. Пригласивъ командира батальона, мы съ нимъ наскоро разработали церемонію встрѣчи иностранныхъ гостей...

— Батальонъ смирно; слушай на крраулъ! — раздалась команда и командиръ батальона съ шашкой «подвысь» подошелъ къ итальянцу (старѣйшему) и отрапортовалъ ему.

Итальянецъ вытянулся во весь свой огромный ростъ (онъ ходилъ слегка сгорбившись), выслушалъ рапортъ и громко крикнулъ: «карраше!».

Дружное «рады стараться, господинъ... генералъ» — раздалось въ от-

вѣтъ, послѣ чего мы всѣ начали медленно обходить фронтъ батальона. Это была часть изъ 40 офицеровъ и 800 отборнѣйшихъ молодцовъ, готовыхъ по приказу броситься въ огонь и въ воду и разнести, въ случаѣ надобности, цѣлый корпусъ бунтующихъ товарищей — немного ихъ осталось въ живыхъ послѣ іюльскаго боя...

Послѣ обхода фронта, Зиновій Пѣшковъ обратился ко мнѣ съ просьбой, разрѣшить сказать ему нѣсколько словъ.

Желѣзная стѣна штурмовиковъ, со всѣхъ сторонъ, на почтительномъ разстояніи, была окружена курящей и щелкающей подсолнухи, но въ общемъ довольно сдержанно настроенной, солдатской массой.

— «Родные братья, — такъ началъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ свою рѣчь, — мы, иностранные представители Франціи и Италіи, считаемъ для себя величайшей честью привѣтствовать васъ, храбрецовъ, отправляющихся на позицію. Кромѣ того, я, русскій душою, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ съ гордостью посмотрѣть на васъ, моихъ братьевъ по крови и по оружію, не разъ выручавшихъ насъ тамъ во Франціи, когда намъ приходилось очень тяжело.

Вы здѣсь, а мы тамъ — мы сражаемся за одно общее дѣло: за свободу, равенство и братство всѣхъ народовъ, за ихъ процвѣтаніе, за право жить и свободно дышать...

И помните, братья, что отъ успѣха этой борьбы зависитъ и ваша и наша свобода и теперь побѣдить уже очень легко, ибо врагъ обезсиленъ — нужно только одно еще малѣйшее усиліе...» и т. д.

Громкое «ура» покрыло конецъ рѣчи лейтенанта.

Не скажу, чтобы эта рѣчь вполнѣ была понятна солдатамъ, но она была произнесена съ большимъ подъемомъ, а главное, что ихъ повергло въ величайшее изумленіе: «французъ и такъ здорово жаритъ по нашему». Впрочемъ, эта то именно сторона вопроса получила въ нѣкоторыхъ рядахъ и другое освѣщеніе.

Послѣ З. Пѣшкова говорилъ полковникъ Рампонъ: «рюски сольдатъ всегда биль нѣмци, рюски сольдатъ и теперь дольжинъ бить нѣмци. Если рюски сольдатъ не хотитъ бить нѣмци, то нѣмци будетъ бить рюски сольдатъ и сдѣлаетъ его свой слюга и заберутъ у рюски сольдатъ все. Францiя всегда будетъ помогать Россiя, но нужно чтобы рюски сольдатъ дралси, а революцію дѣлалъ потомъ — послѣ война»...

Штурмовикамъ все это было, конечно, лишне говорить — повторяю, это были люди отборные, сознательные и готовые на все, но кругомъ стояла многотысячная разнузданная масса, для которой было весьма полезно лишній разъ прослушать соотвѣтствующее назиданіе.

Лейтенантъ Пѣшковъ о чемъ то совѣщался со своими друзьями; получивъ

отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, онъ, взявъ подъ козырекъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими громкими словами:

— Господинъ полковникъ, — мы просимъ васъ оказать намъ честь разрѣшить стать рядовыми въ строй и проводить этихъ героевъ на позицію!..

Это было и неожиданно, и красиво, и ново...

Солдаты еще не понимали въ чемъ дѣло, но когда военные представители, держа руку подъ козырекъ, направились въ строй и заняли свои мѣста — маленькій лейтенантъ въ первой ротѣ, грузный Рампонъ во второй и долговязый итальянецъ въ третьей, и когда, послѣ соотвѣтствующихъ командъ, батальонъ, подъ звуки марша, вызывающе-бодро двинулся черезъ гущу солдатъ и стройно прошелъ между двумя почтительно раздвинувшимися стѣнами ихъ, — обалдѣлая солдатская масса долго глядѣла въ слѣдъ уходящему батальону, надъ сверкающими штыками котораго возвышалась и далеко была видна журавлиная голова семифутоваго итальянца...

На солдатъ сцена эта произвела сильное впечатлѣніе и только въ заднихъ рядахъ, какъ мнѣ передавали потомъ, раздался чей-то неувѣренный одиночный голосъ: «Ды-къ што-жъ, товарищи, вы и взаправду повѣрили што энто и есть настоящіе хранцузы. Ды-къ рази-жъ вы не видите, што енто опять буржуйные штуки: достали жида, переодѣли его въ хранцузску форму и научили говорить што нада — да нешто хранцузъ будетъ такъ здорово по нашему жарить; да его хоть всю жисть учи — не научишь, потому значитъ, что голова у него жидкая, нашей расейской рѣчи не упомнить. Вотъ тотъ, который погрузнѣе — тотъ, може, и хранцузъ, а може и ломается...»

Но его никто не слушалъ, масса расходилась молча и только одинъ унтеръ-офицеръ остановился и, въ упоръ глядя на смутьяна, проговорилъ: «кто купилъ француза, мы не знаемъ, но видимъ, что онъ може и буржуй, а пошелъ въ бой вмѣстѣ съ нашими. А вотъ ты — и съ ногами, и съ руками, и съ Ленинскими деньгами, много языку воли даешь — гляди, кабы табѣ его не отрѣзали...»

Къ вечеру мои гости возвратились и, наскоро поужинавъ, уѣхали, кромѣ маленькаго лейтенанта, который остался у меня въ штабѣ еще на нѣсколько дней.

Между тѣмъ, начиная со слѣдующаго дня, стали поступать свѣдѣнія о перемѣнѣ настроенія въ дивизіи.

Богъ его знаетъ — помогли ли представители демократіи, затопившіе фронтъ и оглушившіе солдатъ безконечными рѣчами, или солдаты испугались проявленной наканунѣ дерзости передъ лицомъ военнаго министра и, опасаясь расправы, рѣшили предупредить грозныя для нихъ послѣдствія- или, можетъ быть, видя окружающую лихорадочно-поспѣшную подготовку,

видя, что дѣло «всерьезъ», и что выхода нѣтъ, махнули рукой и поддались общему теченію, или, наконецъ, быть можетъ, добрыя начала, заложенныя въ свое время, взяли верхъ — трудно сказать, но только протестовъ никакихъ болѣе не поступало: и комитеты, и дивизія въ цѣломъ были «обработаны»...

Наиболѣе сознательные солдаты степенно и молчаливо готовились къ предстоящему бою: писали усиленно письма, въ которыхъ просили «малость повременить съ дѣлежомъ — покель кончица здѣся», по вечерамъ собирались въ кружки, пили сообща чай, говорить — говорили мало, но за то часто и тяжело вздыхали и набожно крестились...

Другая часть, преимущественно молодежь изъ послѣднихъ пополненій, озорная, хулиганствующая, тоже собиралась въ толпы и носилась съ мѣста на мѣсто, безъ толку — безъ цѣли, свистя, крича и митингуя — но съ опаской и оглядкой...

Мимо расположенія дивизіи проходили одна за другой боевыя части, тянулись команды рабочихъ, днемъ и ночью скрипѣли телѣги со снарядами, появилось много начальства — начальства прежняго: серьезнаго и хмураго; совершенно исчезъ штатскій элементъ, началась строгая провѣрка солдатскаго боевого имущества и замѣна негоднаго — офицеръ былъ суровъ и требователенъ и солдатъ смирился — дѣло шло о жизни и смерти, а жить вѣдь обоимъ хотѣлось...

Съ полной увѣренностью, черезъ нѣсколько дней, можно было уже сказать, что дивизія въ бой пойдетъ — первый кризисъ, повидимому, миновалъ благополучно.

Черезъ два дня штурмовой батальонъ былъ смѣненъ III-мъ Донскимъ полкомъ, дѣлались послѣднія приготовленія — вопросъ о наступленіи являлся вопросомъ самаго ближайшаго будущаго.

Каковы были въ дѣйствительности результаты этого наступленія — видно изъ послѣдующаго офиціальнаго документа.

И. Д.
НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
28-й пѣх.
дивизіи
15 іюля 1917 года.
№ 486
Ст. Залѣсье.

Секретно.

Начальнику Штаба XX-го корпуса.

РАПОРТЪ.

Прилагаю «Описаніе событій въ 28-й дивизіи съ 7-12 сего іюля».

Арестованные комиссаромъ Бачинскимъ 1700 солдатъ различныхъ частей дивизіи освобождены и въ

настоящее время распредѣлены по своимъ частямъ. Настроеніе въ частяхъ войскъ безразличное, съ преобладаніемъ увѣренности въ полнѣйшей безнаказанности.

Пять офицеровъ-трусовъ 109 п. Волжскаго полка, исключенные изъ полка «судомъ чести» и возвращенные обратно въ полкъ по распоряженію Комиссаровъ арміи и фронта, подвергаются тяжкому бойкоту со стороны всего офицерскаго состава дивизіи — положеніе ихъ тяжелое. Но, такъ какъ на ихъ сторонѣ вся солдатская масса, то не исключена возможность всевозможныхъ недоразумѣній и даже эксцессовъ, если только эти офицеры не будутъ изъяты изъ полка.

Начальникъ дивизіи считаетъ бой настолько позорнымъ, что не предполагаетъ никого представлять къ наградамъ.

Генеральнаго Штаба,
Подполковникъ Лисовой.

Старшій Адъютантъ
Капитанъ Б—въ.

Секретно.

ОПИСАНІЕ СОБЫТІЙ

въ 28-й пѣхотной дивизіи

въ хронологическомъ порядкѣ, съ 7 по 12 іюля, въ связи съ атакой позиціи противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

7 іюля.

Событія, предшествовавшія занятію исходнаго положенія.

Согласно отданнымъ командиромъ XX корпуса распоряженіямъ, 28 пѣхотная дивизія (безъ 28 артиллерійской бригады) должна была къ 3 часамъ 8 іюля занять исходное положеніе съ тѣмъ, чтобы быть готовой, въ указанное дополнительно командиромъ корпуса время, атаковать противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

Съ 1-го по 7-е іюля, позицію Шалудьки-Кунава занималъ 111 пѣх. Донской полкъ, который въ ночь 7/8 іюля, согласно приказа по дивизіи № 107, долженъ

былъ смѣниться остальными тремя полками дивизіи и отойти въ резервъ — щели сѣв.-восточнѣе д. Кунава, сдавъ позицію:

1) На участкѣ Шалудьки — окопъ № 62 включит. — *112 пѣх. Уральскому полку.*

2) На участкѣ окопъ № 63 — Безымянный ручей включительно — *110 пѣх. Камскому полку.*

3) На участкѣ Безымянный ручей — окопъ № 72 включ. — Штурмовому батальону; въ затылокъ этому послѣднему, въ исходномъ для атаки положеніи, долженъ былъ стать *109 пѣх. Волжскій полкъ.*

Атака была назначена въ тотъ же день въ 7 часовъ.

Правѣе находились части 114 пѣх. див.; лѣвѣе — 51 пѣх. дивизіи.

Съ наступленіемъ темноты, между 21-22 часами, выступили всѣ полки, а около 22 часовъ выѣхалъ и начальникъ дивизіи съ оперативнымъ отдѣленіемъ штаба дивизіи въ свой командный блиндажъ — рощу южнѣе д. Шутовичи.

По дорогѣ въ блиндажъ было получено распоряженіе изъ штаба корпуса о томъ, что исполненіе приказовъ по корпусу №№ 169 и 172, т. е. занятіе исходнаго положенія и атака, переносятся на 3 часа 9 іюля; въ теченіе же 8 іюля продолжать артиллерійскую подготовку; такимъ образомъ приказъ объ отмѣнѣ атаки засталъ всѣ полки на походѣ.

Немедленно по прибытіи въ блиндажъ, начальникомъ дивизіи въ 22 часа 20 мин. были отданы слѣдующія приказанія:

1) Остановить полки.

2) Съ цѣлью — съ одной стороны, дать полкамъ возможность, хотя отчасти ознакомиться, какъ съ нашей, такъ и позиціей противника, которую предстояло атаковать, съ другой — смѣнить, стоявшій уже недѣлю на позиціи, 111 пѣх. Донской полкъ:

а) Правый участокъ (окопы №№ 57-62 вкл.) занять баталіономъ 112 пѣх. Уральскаго полка; остальные два баталіона въ резервѣ на прежнемъ бивуакѣ (раіонъ южнѣе д. Рудня).

б) Средній участокъ (окопъ № 63 — Безымянный ручей вкл.) — занять баталіономъ 110 пѣх. Камскаго полка, остальные два баталіона въ резервѣ на старомъ мѣстѣ (раіонъ южнѣе д. Рудня).

в) Лѣвый участокъ (Безымянный ручей — окопъ № 72) — занять Штурмовымъ баталіономъ.

г) 111 пѣх. Донскому полку по смѣнѣ отойти въ раіонъ ст. Залѣсье на прежній бивуакъ.

д) 109 пѣх. Волжскому полку отойти на мѣсто стараго бивуака (раіонъ южнѣе д. Рудня).

8 іюля.

Отмѣна приказа о занятіи исходнаго положенія вызвала рядъ недоразумѣній и кривотолковъ среди солдатъ, слѣдствіемъ чего былъ, напримѣръ, отказъ 1-го баталіона 110 пѣх. Камскаго полка заступить на позицію.

Къ 4 час. 30 мин. 8-го іюля позиція, послѣ смѣны 111 пѣх. Донского полка, была занята слѣдующимъ образомъ:

1) Правый участокъ — баталіономъ 112 пѣх. Уральскаго полка.

2) Среднiй участокъ — лишь однимъ взводомъ съ 4-мя пулеметами 110 пѣх. Камскаго полка (вмѣсто баталiона).

3) Лѣвый участокъ — Штурмовымъ баталiономъ.

Утромъ былъ полученъ приказъ корпусу съ частными боевыми задачами на 8 iюля (артиллерiйскiй огонь, рядъ развѣдокъ) въ развитiе коего и былъ отданъ приказъ дивизiи, а также приказанiя,въ коихъ указывалось на важность предстоящихъ развѣдокъ, согласно указанiй командира корпуса.

Ночь на фронтѣ дивизiи прошла въ рѣдкой ружейной перестрѣлкѣ и артиллерiйской стрѣльбѣ съ обѣихъ сторонъ; нѣмцы систематически обстрѣливали весь участокъ дивизiи, особенно двѣ батареи 1 Кавказской Гренадерской артиллерiйской бригады, стоящiя на позицiяхъ между д. д. Шутовичи-Перебрановичи.

Высланная ночью 7/8 iюля развѣдка отъ 111 полка обнаружила два чистыхъ и три не совсѣмъ чистыхъ прохода; степень разрушенiя оборонительныхъ сооруженiй противника изъ за сильнаго огня выяснить не удалось.

Съ утра 8 iюля продолжалась артиллерiйская подготовка, достигшая особенно сильнаго напряженiя около 13 часовъ — нѣмцы до 10 час. 15 мин. хранили молчанiе; въ теченiе дня надъ окопами и щелями летали нѣмецкiе аэропланы на высотѣ 300-500 метровъ и разстрѣливали изъ пулеметовъ нашихъ солдатъ.

Съ 10 час. 15 мин. противникъ началъ обстрѣливать тяжелой артиллерiей наши окопы первой и второй линiй, а также тылъ до д. д. Перебрановичи-Шутовичи включит., но вскорѣ огонь прекратился. Вслѣдствiе сильнаго артиллерiйскаго огня съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно затруднена была телефонная связь: провода ежеминутно рвались и связь поддерживалась почти исключительно постами солдатъ-скороходовъ.

Въ 22 час. 30 мин. нѣмцы, пустивъ предварительно нѣсколько красныхъ ракетъ, безъ всякой видимой причины,вновь открыли сильнѣйшiй артиллерiйскiй огонь по всему участку дивизiи, продолжавшiйся около 25 минутъ.

Около 12 час. командирамъ частей было сообщено, что временно отмѣненный приказъ дивизiи № 107 надлежитъ выполнить полностью 8 iюля съ наступленiемъ темноты.

Въ теченiе 8 iюля дважды была произведена усиленная развѣдка, данныя которой сводились къ слѣдующему: 1) первая линiя окоповъ занята противникомъ, который тотчасъ же по выходѣ нашихъ развѣдчиковъ за проволочныя загражденiя обстрѣлялъ ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерiйскимъ огнемъ; 2) между цѣлями 1-2, 7-7 и 9-10 обнаружено пять неразрушенныхъ блиндажей , въ которыхъ скрывались нѣмцы; проходы 1-й и 2-й нечистые: рогатки разбросаны и проволока мѣстами лишь опустилась. Въ общемъ, въ теченiе дня шла, главнымъ образомъ, артиллерiйская стрѣльба съ обѣихъ сторонъ.

Еще днемъ, около 13 часовъ, начальнику дивизiи была прислана резолюцiя полкового комитета 110 пѣх. Камскаго полка, въ которой говорилось, что, «обсудивъ вопросъ о незаступленiи (наканунѣ) на позицiю 1-го баталiона, полковой комитетъ призналъ необходимымъ запросить начальника дивизiи о нижеслѣдующемъ съ точнымъ разъясненiемъ: прежде всего нужно знать комитету, такъ и солдатамъ полка, на какомъ основанiи вернули два баталiона обратно, а долженъ былъ бы заступить только одинъ баталiонъ и почему не могъ заступить цѣли-

комъ весь полкъ и по какой причинѣ полкъ не могъ исполнить заданной ему задачи» (Дословно).

Въ отвѣтъ на эту резолюцію начальникомъ дивизіи, на имя предсѣдателя полкового комитета, была отправлена записка, въ которой указывалось, что полковой комитетъ, вышелъ изъ рамокъ своихъ полномочій, а Камскій полкъ призывался къ выполненію возлагаемыхъ на него боевыхъ задачъ.

Кромѣ того, для успокоенія умовъ, туда были командированы командиръ бригады полковникъ Кузнецовъ и членъ Освѣдомительной комиссіи унтеръ-офицеръ Миняшинъ. Результатомъ увѣщеваній явилось, что 110 пѣх. Камскій полкъ, за исключеніемъ 8 роты и частей 2, 3 и 4 ротъ, постановилъ наступать и занять позицію; какъ потомъ выяснилось, это было почти такъ и исполнено и Камцы, въ ночь на 9 іюля, выступили для занятія исходнаго положенія въ составѣ: 3-й баталіонъ, всѣ команды и части ротъ остальныхъ баталіоновъ, *всего 724 человѣка.*

Въ 109 пѣх. Волжскомъ полку, въ теченіе цѣлаго дня происходили митинги по вопросу о причинахъ отмѣны приказа о занятіи исходнаго положенія: увѣщеванія, какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны комитетовъ и наиболѣе сознательныхъ лицъ не имѣли никакого успѣха и въ результатѣ, несмотря на участіе въ увѣщеваніяхъ членовъ дивизіоннаго и армейскаго комитетовъ, Волжскій полкъ категорически отказался выступить для занятія позиціи: выступили лишь всѣ команды, 46 офицеровъ съ подполковникомъ Янчинымъ во главѣ и около 200 человѣкъ наиболѣе честныхъ сознательныхъ солдатъ; осталось же около 1.500 солдатъ съ 5 офицерами*) и командиромъ полка — послѣдній съ разрѣшенія начальника дивизіи, чтобы устроить и привести полкъ въ порядокъ.

Вѣроятно въ связи съ отказомъ 109 пѣх. Волжскаго полка и 110 пѣх. Камскаго пол., изъ штаба корпуса, около 19 часовъ, получены были двѣ телеграммы командира корпуса: 1) о началѣ артиллерійской подготовки на фронтѣ 5-й арміи и 2) о необходимости разъяснить полкамъ, что исходное положеніе было отложено съ цѣлью продолжить артиллерійскую подготовку и согласовать свои дѣйствія съ 5 арміей, но вслѣдствіе перерыва связи блиндажа со штабомъ дивизіи на ст. Залѣсье они своевременно переданы не были; въ частности же содержаніе ихъ было сообщено командиру 109 полка, но послѣдній отвѣтилъ, что «ничего уже не поможетъ».

Оставшіеся два баталіона 112 пѣх. Уральскаго полка выступили полностью только послѣ долгихъ уговоровъ, но вторичное приказаніе Начальника дивизіи о высылкѣ 50 человѣкъ рабочихъ для вырытія санитарныхъ котловановъ, какъ и наканунѣ, исполнено не было: назначенные рабочіе идти на работу отказались.

*) Офицеры эти были исключены изъ полка судомъ чести «за трусость», но Комиссаръ III-й арміи отмѣнилъ это рѣшеніе и предложилъ оставить офицеровъ этихъ въ полку.

Къ статьѣ Я. Лисового: «Итоги одного изъ уговоровъ».

Что касается 111 пѣх. Донского полка, то по слухамъ, дошедшимъ до блиндажа, полкъ послѣ суточнаго отдыха, вышелъ на позицію съ пѣснями въ отличномъ настроеніи.

Въ 20 час. 35 мин. артиллерійскимъ огнемъ противника разбиты перевязочные пункты 109 п. Волжскаго и 110 п. Камскаго полковъ.

Около 23 часовъ была получена изъ Штакора телеграмма съ сообщеніемъ, что для развитія успѣха возможно движеніе за 28 дивизіей бригады 174 дивизіи.

Заключеніе.

Такимъ образомъ боевыя дѣйствія за минувшія сутки сводились:

1) къ продолженію артиллерійской подготовки съ нашей стороны и

2) ряду усиленныхъ развѣдокъ.

Со стороны нѣмцевъ артиллерійскій огонь носилъ періодическій и кратковременный характеръ; въ общемъ же былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ предыдущіе два дня.

Что касается войскъ, въ смыслѣ выполненія ими боевыхъ приказовъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ операціи, то:

1) 109 пѣх. Волжскій полкъ приказа не исполнилъ и на позицію не выступилъ.

2) 110 пѣх. Камскій полкъ въ цѣломъ также приказа не исполнилъ и на позицію выступилъ въ составѣ около 2/3.

3) 111 пѣх. Донской и 112 пѣх. Уральскій полки приказъ выполнили и на позицію выступили, но въ частности 50 человѣкъ изъ послѣдняго полка не исполнили приказанія и поставили, какъ медицинскій персоналъ, такъ и своихъ же товарищей раненыхъ въ трудныя условія по оказанію санитарной помощи.

Такимъ образомъ изъ 13-ти баталіоновъ, на которые расчитывалъ Начальникъ дивизіи, въ его распоряженіи, къ утру 9 іюля, оказалось, *всего около 9 баталіоновъ*; (3 баталіона 112 п. Уральскаго полка, 2 баталіона 110 п. Камскаго полка (неполные), 3 баталіона 111 п. Донского полка, Штурмовой баталіонъ и части ротъ 109 п. Волжскаго полка).

9 іюля.

Занятіе исходнаго положенія.

Ночь прошла въ ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ.

Къ разсвѣту 9 іюля части дивизіи заняли исходное положеніе слѣдующимъ образомъ:

1) Шалудьки — окопъ № 62 вкл. — 112 п. Уральскій полкъ къ 3 часамъ 10 минут.

2) Окопъ № 63 — Безымянный ручей — части 110 п. Камскаго полка въ составѣ 724 человѣкъ — къ 3 часамъ 25 мин.

3) Безымянный ручей — окопъ № 72, по прежнему занимали «Баталіонъ смерти» и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка съ 4 пулеметами и 46 офицерами подъ общимъ начальствомъ подполковника Янчина.

Около 0 час. 10 мин. была получена телеграмма Комкора съ подтвержденіемъ Командармомъ приказа по корпусу № 175 объ атакѣ въ 7 часовъ, 9 іюля, а вскорѣ

затѣмъ былъ полученъ и самый приказъ, въ развитіе коего и отданъ приказъ дивизіи.

Въ 1 часъ 35 мин., командиръ 112 полка доложилъ по телефону, что передовыя роты полка не позволяютъ саперамъ продѣлывать проходы; какъ выяснилось впослѣдствіи изъ доклада командира взвода инженерной роты, прапорщика Фракійскаго, солдаты передовыхъ ротъ не только не допускали саперъ продѣлывать проходы въ нашихъ проволочныхъ загражденіяхъ, но даже грозили открыть по нимъ стрѣльбу и только къ 3½ часамъ, когда Наштадивъ пригрозилъ открыть по нимъ артиллерійскій огонь, вопросъ этотъ разрѣшился благополучно.

Около 1 часа 30 мин. было получено приказаніе Командира корпуса, коимъ, ввиду отказа 109 п. Волжскаго и части 110 п. Камскаго полковъ занять исходное положеніе, приказано было занять ихъ позицію и произвести атаку вмѣсто 109 полка, 111 полкомъ, а вмѣсто этого послѣдняго, въ дивизіонномъ резервѣ поставить подошедшій полкъ 134 дивизіи.

Такъ какъ было извѣстно, что около 2/3 110 пѣх. Камскаго полка на позицію уже выступили, то вышеизложенное приказаніе Командира корпуса — 111 пѣх. Донскому полку предстояло исполнить лишь въ отношеніи задачи, возложенной на 109 пѣх. Волжскій полкъ; между 2-3 час. командиру 111 пѣх. Донского полка, прибывшему въ это время уже въ д. Шутовичи (штабъ полка), по телефону и была сообщена начальникомъ штаба дивизіи новая задача:*) ввиду отказа 109 пѣх. Волжскаго полка занять исходное положеніе, поддержка штурмовиковъ возлагается на 111 пѣх. Донской полкъ.

Къ этому времени 111 п. Донской полкъ занялъ двумя баталіонами щели сѣв.-восточнѣе Кунава, 3-й баталіонъ только подходилъ.

Въ 3 часа 35 мин. полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка по телефону доложилъ, что 2-й баталіонъ отказывается отъ выполненія новой задачи; объ этомъ было донесено начальнику штаба корпуса, на что около 5 час. 30 мин. былъ полученъ отвѣтъ командира корпуса, что приказъ Командарма остался въ силѣ.

Въ 4 часа 15 мин. въ блиндажъ прибылъ командиръ 533 полка, приданнаго на усиленіе участка дивизіи; полку приказано было стать восточнѣе д. Шутовичи вдоль дороги Перебрановичи и Цицинъ.

Въ то же приблизительно время адъютантъ 111 п. Донского полка, на вопросъ начальника штаба о положеніи дѣлъ, вновь доложилъ, что уже весь полкъ цѣликомъ отказывается наступать.

Въ 4 ч. 30-40 мин. командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка донесъ, что изъ ротъ 1-го баталіона замѣчается бѣгство солдатъ въ тылъ, при чемъ бѣглецы къ этому времени насчитывались десятками. Ввиду создавшагося положенія—въ 112 пѣх. Уральскій полкъ, тотчасъ же послѣ доклада командира полка о бѣгствѣ солдатъ, отправились члены армейскаго комитета. Такъ какъ начальнику штаба не разрѣшено было начальникомъ дивизіи отправиться въ 111 пѣх. Донской полкъ и ознако-

*) Всѣ приказанія командиру 111 пѣх. Донского полка, вслѣдствіе его глухоты, передавались черезъ полкового адъютанта капитана Рымарева; точно также этимъ офицеромъ дѣлались доклады въ штабъ дивизіи.

миться съ положеніемъ дѣлъ, то туда отправились члены Освѣдомительной комиссіи съ цѣлью уговорить солдатъ выполнить возложенную на полкъ задачу.

Въ 5 час. 15 мин. Кавказская артиллерійская бригада открыла огонь по окопамъ противника, сначала обыкновенными снарядами, затѣмъ химическими и вскорѣ затѣмъ перешла опять на обыкновенные снаряды; артиллерія сосѣднихъ участковъ также вела интенсивный огонь. Черезъ 5 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ по телефону командиромъ 110 пѣх. Камскаго полка, который просилъ доложить начальнику дивизіи, что Камскій полкъ проситъ прекратить нашъ артиллерійскій огонь, который будто бы такъ силенъ, что вредно дѣйствуетъ на нихъ; командиры баталіоновъ не ручаются за участокъ, если огонь не будетъ прекращенъ. Тоже самое подтвердилъ начальнику штаба по телефону и одинъ изъ командировъ баталіоновъ. «Настроеніе солдатъ скверное и въ атаку Камцы идти не хотятъ». Начальникъ штаба опять предупредилъ, что въ случаѣ отхода Камцевъ съ позиціи, по нимъ будетъ открытъ артиллерійскій огонь.

Почти въ это же время командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка доложилъ по телефону, а затѣмъ прислалъ и донесеніе о томъ, что солдаты трехъ ротъ (2, 3 и 4) единогласно постановили не наступать, ввиду недостаточной артиллерійской подготовки и, самовольно бросая окопы, уходятъ въ тылъ.

Объ изложенномъ около 5 час. 30 мин. было донесено въ штабъ корпуса съ мнѣніемъ начальника дивизіи: «состояніе духа войскъ таково, что надежды на успѣхъ нѣтъ — думаю, что никто не выйдетъ изъ окоповъ».

Въ отвѣтъ на это донесеніе, было получено около 6 часовъ приказаніе Комкора постараться занять частями полка 134 пѣхотной дивизіи, прибывшаго въ распоряженіе начальника дивизіи, хотя бы важнѣйшіе участки.

Въ 5 час. 44 мин. изъ 111 пѣх. Донского полка возвратились члены Освѣдомительной комиссіи и доложили, что первый баталіонъ 111 пѣх. Донского полка готовъ исполнить приказъ начальства и удивленъ тѣмъ, что до бѣлаго дня имъ не отдаютъ приказанія о поддержкѣ частей 109 пѣх. Волжскаго полка, а также удивленъ слабой артиллерійской стрѣльбой. Начальникъ штаба, вызвавъ къ телефону адъютанта 111 пѣх. Донского полка, сообщилъ для доклада командиру полка о вышеизложенномъ, а такъ какъ въ это же время выяснилось, что штабъ полка находится еще въ д. Шутовичи, т. е. въ разстояніи почти 1 версты отъ своего полка, то начальникъ дивизіи потребовалъ:

1) Немедленнаго перехода командира полка поближе къ своему полку.

2) Немедленно выступить 111 пѣх. Донскому полку на поддержку Волжцевъ.

Въ 6 час. 05 мин. начальникомъ штаба была остановлена одна изъ перебѣгающихъ въ тылъ отдѣльныхъ группъ солдатъ (въ 3-5 человѣкъ), оказавшихся развѣдчиками 111 пѣх. Донского полка, которые сказали, что имъ приказано собраться къ штабу полка — съ какой цѣлью — имъ неизвѣстно; начальникъ ихъ, поручикъ Приморскій (молодой), находится въ лѣсу; спрошенный по телефону начальникъ службы связи 111 пѣх. Донского полка подтвердилъ слова развѣдчиковъ, послѣ чего они были отпущены. Ни командира полка, ни полкового адъютанта въ это время въ штабѣ полка уже не было; по словамъ начальника

службы связи, они отправились въ щели, куда за ними и протягивался телефонный проводъ.

Черезъ 20-30 мин. начальнику службы связи было передано приказаніе разыскать командира полка, установить съ нимъ связь и передать, чтобы полкъ поскорѣе продвигался впередъ и очищалъ щели для 533 полка.

Около 6 час. 50 мин. начальникъ штаба предупредилъ всѣхъ командировъ полковъ, что наша артиллерія ровно въ 7 часовъ перенесетъ огонь въ тылъ, послѣ чего полкамъ необходимо перейти въ атаку.

Въ 6 час. 58 мин. артиллерія перенесла огонь, о чемъ немедленно было передано въ полки и 51 пѣх. дивизію, и полки, какъ сперва неточно донесено командирами полковъ, двинулись въ атаку. Однако наблюденіемъ съ вышки въ трубу скоро было установлено, что пошли въ атаку противъ лѣваго прохода волнами лишь Штурмовики о чемъ и было передано въ 51 дивизію и артиллерію; ни на правомъ, ни на среднемъ участкахъ никакого движенія замѣчено не было.

Въ 7 час. съ минутами показались выходящіе изъ окоповъ отдѣльныя небольшія кучки смѣльчаковъ 112 пѣх. Уральскаго полка; тогда же командиру 110 пѣх. Камскаго полка было указано, что на его участкѣ до сихъ поръ никто не вышелъ изъ окоповъ.

Послѣ этого начальникъ штаба, лично наблюдая въ трубу, замѣтилъ: 1) *на лѣвомъ участкѣ* — первая цѣпь Штурмовиковъ лежала впереди проволочныхъ загражденій, вторая сзади; 2) *на правомъ участкѣ* — попрежнему были видны въ безпорядкѣ разбросанныя одиночныя небольшія группы солдатъ; 3) *на среднемъ* — попрежнему никого. О замѣченномъ вновь было сообщено командирамъ полковъ.

Впереди Штурмовиковъ видны были убѣгающіе нѣмцы, человѣкъ 20.*)

Около 7 час. 13 мин., по докладу командира 110 полка, Камцы (въ дѣйствительности, вѣроятно, отдѣльные смѣльчаки) прошли проволочныя загражденія — болѣе сильныя части выступили лишь въ 8 час. 10 мин. Нѣмцы, какъ было видно изъ трубы, встрѣчали одиночныхъ атакующихъ «кучками» (группами).

Въ связи съ успѣхами частей 51 пѣх. дивизіи, захватившихъ къ 7 час. 15 мин. Рыжій Бугоръ и въ 7 час. 20 мин. первую линію непріятельскихъ окоповъ, а также ввиду того, что Штурмовики форсировали проволочныя загражденія противника — к-ру 111-го п. Донского полка въ 7 час. 20 мин. отправлено было съ нарочнымъ письменное приказаніе**): немедленно двигаться за Штурмовымъ баталіономъ и 109 п. Волжскимъ полкомъ и развивать ихъ успѣхъ, при чемъ указывалось, что это было передано поручику Малишевскому (начальнику службы связи) еще часъ тому назадъ. Это приказаніе подполковникомъ Смирновымъ было получено около 8 час. 45 мин., при чемъ, согласно его донесенію, 3-й баталіонъ выступилъ на д. Кунава, а за 3-мъ баталіономъ передвигаются остальные.

Въ теченіе всего дня боя, съ цѣлью ободрить полки, непрерывно сообщалось по телефону объ успѣшномъ продвиженіи нашихъ сосѣдей, а такъ какъ теле-

---

*) Отдѣльный эпизодъ.

**) До 7 час. 20 мин. телефонной связи съ командиромъ 111 п. Донского полка на новомъ мѣстѣ установлено не было; отправляемая въ щели «живая связь» командира полка не находила.

граммы приходили съ опозданіемъ, то передавались свѣдѣнія, получаемыя по телефону, какъ изъ штаба корпуса, такъ и изъ 51 пѣх. дивизіи.

Ввиду доклада командира 112 пѣх. Уральскаго полка о томъ, что первый баталіонъ вышелъ неполностью, начальникъ дивизіи приказалъ наступать слѣдующему за нимъ—второму баталіону, но этотъ баталіонъ, несмотря на двукратное приказаніе, отказался.

Къ 8 час. нѣмцы, замѣтивъ наши неудачныя попытки наступленія, открыли огонь тяжелой артиллеріей по правому и лѣвому участкамъ. Дальнѣйшее продвиженіе Штурмовиковъ и Волжцевъ впередъ сдѣлалось затруднительнымъ: съ одной стороны на правомъ участкѣ наступали отдѣльныя кучки солдатъ, съ другой — эти смѣльчаки нарвались на неразрушенные блокгаузы, изъ коихъ нѣмцы обстрѣливали ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и минометнымъ огнемъ; съ третьей — главная масса солдатъ, въ томъ числѣ 110 п. Камскій и 112 п. Уральскій полки, сидѣли въ окопахъ и не только не оказывали никакой рѣшительной поддержки, но испуганные артиллерійской канонадой въ одиночку и группами удирали въ тылъ. На глазахъ начальника штаба прошло въ тылъ не менѣе 200 человѣкъ, при чемъ ближайшіе, опрошенные солдаты, оказались 111 п. Донского полка.

Въ это время отъ командировъ полковъ, несмотря на то, что при нихъ были артиллеристы-офицеры для связи, сталъ поступать непрерывный рядъ требованій объ открытіи огня легкой и тяжелой артиллеріей, по той или иной опасной для нихъ цѣли. Всѣ эти требованія немедленно удовлетворялись или непосредственно, или же, если просили открыть огонь по артиллеріи противника, просьбы эти передавались въ штабъ корпуса. Насколько интенсивна была стрѣльба артиллеріи, показываетъ число выбывшихъ изъ строя орудій: легкихъ 10 — изъ 26 дѣйствовавшихъ по проходамъ, тяжелыхъ — 6 (изъ 8). На пристрѣлку каждой батареей израсходовано въ среднемъ 120 гранатъ, на пробивку проходовъ каждая батарея израсходовала до 2000 гранатъ.

Къ 8 час. 15 мин., къ д. Шутовичи сталъ подходить 533 полкъ; такъ какъ къ этому времени стали поступать свѣдѣнія, что у Штурмовиковъ дѣла плохи и что 111 пѣх. Донской полкъ все еще будто-бы не освободилъ щелей, то начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе командиру полка: головному баталіону сейчасъ же прибыть въ д. Кунава, а командиру баталіона лично явиться къ 109 п. Волжскаго полка подполковнику Янчину. Объ исполненіи означеннаго приказанія отъ командира 111 пѣх. Донского полка была получена телефонограмма (часъ не указанъ, но приблизительно около 11 часовъ).

Въ это время произошелъ слѣдующій характерный случай — какъ только 533 пѣх. полкъ подходилъ къ д. Шутовичи, кѣмъ то въ раіонѣ Шутовичи-Перебрановичи были брошены двѣ свѣтлыхъ ракеты, послѣ чего 533 полкъ подвергся обстрѣлу 42 сантиметровыхъ орудій.

Въ 8 час. 26 мин. командиру 111 пѣх. Донского полка отдано приказаніе двинуться со всѣмъ полкомъ за штурмовымъ баталіономъ.

До 9 час. не видно было ни со стороны 112 пѣх. Уральскаго, ни со стороны 110 пѣх. Камскаго полка никакого развитія успѣха, такъ какъ отдѣльные люди залегли передъ нашими проволочными загражденіями и впередъ не продвигались.

Въ 9 час. 8 мин. 111 пѣх. Донской полкъ въ связь со Штурмовиками еще не вошелъ. Около 9 час. 15 мин. получено словесное донесеніе по телефону, что

части 5 и 7 ротъ 110 пѣх. Камскаго полка отходятъ, неся большія потери — въ отвѣтъ на что начальникъ дивизіи приказалъ передать 110 полку двигаться впередъ, тогда и потери будутъ меньше.

Около 10 часовъ положеніе на фронтѣ по телефоннымъ докладамъ командировъ полковъ было слѣдующее:

а) *На правомъ участкѣ:* части ротъ 1-го баталіона 112 пѣх. Уральскаго полка прошли проволочныя загражденія, но не будучи поддержаны остальными, подъ минометнымъ и пулеметнымъ огнемъ начали отходить; 2-й же баталіонъ отказался выходить пока не выйдутъ другія роты — остальныя же роты не выходили.

б) *На среднемъ участкѣ:* части ротъ 110 пѣх. Камскаго полка подъ обстрѣломъ изъ неразрушенныхъ блокгаузовъ, залегли впереди нашихъ проволочныхъ загражденій.

в) *На лѣвомъ участкѣ:* Штурмовики и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка сперва залегли передъ проволочными загражденіями противника и затѣмъ, несмотря на обстрѣлъ тяжелыхъ орудій, прошли ихъ и, взявъ первую линію нѣмецкихъ окоповъ, наступаютъ дальше.

г) 111 пѣх. Донской полкъ вышелъ изъ щелей и головой подходитъ къ д. Кунава.

д) 533 полкъ подходитъ къ щелямъ, при чемъ ему, ввиду обстрѣла, приказано было скрыто расположиться въ раіонѣ д. Шутовичи.

Въ это время противникъ замѣтилъ передвигавшійся по щелямъ 111 пѣх. Донской полкъ и открылъ жестокій огонь тяжелыми орудіями — отдѣльные люди не выдерживали и кучками начали уходить въ тылъ.

Около 11 часовъ была получена телеграмма изъ штаба корпуса съ приказаніемъ командира корпуса о бережномъ расходованіи резервовъ, имѣя ввиду, что остающіеся на мѣстѣ несутъ большія потери.

Такое положеніе было безъ всякихъ перемѣнъ до 11 час. 40 мин. и лишь «Баталіонъ Смерти» и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка заняли часть первой линіи окоповъ противника западнѣе Кунава; часть-же ихъ, не будучи ни кѣмъ поддержана, окопалась передъ нѣмецкими окопами, неся большія потери отъ пулеметнаго огня изъ неразрушенныхъ блокгаузовъ между цѣлями 7-8-9-10.

111 пѣх. Донской полкъ, двинутый по докладу полкового адъютанта за «Баталіономъ Смерти» и ротами Волжцевъ, къ этому же времени будто-бы продвигался лѣвымъ плечомъ въ нѣмецкіе окопы — чего въ дѣйствительности не было.

Вслѣдствіе перерыва телефонной связи снарядами, до 14 час. донесеній отъ Штурмового баталіона не поступало; посылаемые бѣгуны были или ранены, или пропадали.

Нѣмцы продолжали усиленно обстрѣливать наши окопы праваго и лѣваго участковъ тяжелыми снарядами, а съ 14 час. открыли огонь по окопамъ первой и второй линіи химическими снарядами.

Потери по донесеніямъ командировъ полковъ были огромны, въ нѣкоторыхъ ротахъ оставалось до 30-40 человѣкъ — особенно большія потери понесъ «Баталіонъ Смерти»; точныя потери сразу выяснить не удалось.

Въ 16 час. 12 мин. 111 пѣх. Донскому полку приказано смѣнить Штурмовиковъ и Волжцевъ, ввиду понесенныхъ послѣдними большихъ потерь.

Въ 16 час. 30 мин. всѣ части отошли въ исходное положеніе, занявъ первую и вторую линіи, за исключеніемъ отдѣльныхъ солдатъ двухъ ротъ Камскаго

и Уральскаго полковъ, залегшихъ передъ нѣмецкими проволочными загражденіями и немогущихъ оттуда выбраться до наступленія темноты.

Вслѣдствіе создавшагося тяжелаго положенія и съ цѣлью дать отдыхъ пострадавшимъ въ бою частямъ и оправиться отъ понесенныхъ ими огромныхъ потерь, — начальникъ дивизіи отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Съ наступленіемъ темноты, остатки Штурмовиковъ и Волжцевъ смѣнить баталіономъ 111 пѣх. Донского полка, держа два остальныхъ баталіона того же полка въ резервѣ; смѣненныя части отвести въ Залѣсье.

2) Уральцевъ и Камцевъ также съ наступленіемъ темноты смѣнить 533 полкомъ, поставивъ ихъ послѣ смѣны въ раіонъ Шутовичи.

Въ это же время по телефону получено было донесеніе, что полковникъ Коргановъ*) двигается съ оставшейся частью 109 пѣх. Волжскаго полка въ количествѣ 1.100 человѣкъ при 6 офицерахъ. Начальникъ дивизіи рѣшилъ полкъ этотъ держать временно въ резервѣ за 111 пѣх. Донскимъ полкомъ.

Въ 16 час. 35 мин. вновь появился нѣмецкій самолетъ, обстрѣливающій изъ пулемета окопы и щели.

Въ 18 час. 30 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ къ телефону командиромъ второго баталіона 111 п. Донского полка, который доложилъ, что баталіонъ отказывается становиться на позицію, ссылаясь на усталость и что солдаты частью расходятся.

Начальникъ дивизіи приказалъ командиру полка, баталіона, офицерамъ и комитетамъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить баталіонъ исполнить приказъ.

Около 20 час. изъ штаба корпуса была получена первая, а вскорѣ и вторая телеграммы, съ приказаніемъ 533 полку отойти въ раіонъ 29 дивизіи въ распоряженіе начальника 1-й Кавказской Гренадерской дивизіи. Смѣненныя части отвести отнюдь не восточнѣе линіи Сукневичи-Малышево. Для того же, чтобы предотвратить самовольный уходъ людей,—придвинуть ближе кухни.

Кромѣ того наштакоромъ эти приказанія были подтверждены лично по телефону.

Въ 19 час. 30 мин. приказаніе объ уходѣ передано командиру 533 полка; въ это же время въ блиндажъ прибылъ командиръ 109 п. полка полковникъ Коргановъ, доложившій, что 6 ротъ его полка въ общемъ (1.100 солдатъ при 6 офицерахъ) находятся въ раіонѣ д. Малышево, а онъ самъ прибылъ за полученіемъ приказаній.

Ввиду создающейся обстановки, въ связи съ предстоящимъ уходомъ 533 полка, начальникомъ дивизіи отданы были слѣдующія распоряженія:

1) Командиру 109 пѣх. Волжскаго полка съ наступленіемъ темноты смѣнить части 112 пѣх. Уральскаго и 110 пѣх. Камскаго полковъ.

2) Объ этомъ же были поставлены въ извѣстность и командиры вышеназванныхъ полковъ, которымъ по смѣнѣ указывалось отойти въ раіонъ Шутовичи.

3) Подтянуть поближе кухни.

4) Подполковнику Янчину, въ рукахъ котораго было объединено начальствованіе лѣвымъ участкомъ, по смѣнѣ его частей Донцами, приказано было отойти — въ раіонъ восточнѣе д. Шутовичи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику штаба корпуса было доложено, о создающемся серьезномъ положеніи на фронтѣ дивизіи, въ связи съ уходомъ 533 полка, вслѣд-

*) Командиръ 109 пѣх. Волжскаго полка.

ствіе чего на нѣкоторыхъ участкахъ могло оказаться недостаточное число бойцовъ.

Въ 20 час. 30 мин. нѣмцы открыли огонь тяжелой артиллеріи по первой и второй линіи нашихъ окоповъ, доведя его до степени ураганнаго. Огонь продолжался до 21 часа.

Въ это же приблизительно время (разница въ 10-15 мин.) начальникомъ штаба дивизіи былъ запрошенъ полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка — въ какомъ состояніи вопросъ о заступленіи полка на позицію. Послѣднимъ было отвѣчено, *что командиры баталіоновъ тянутъ жребій.*

Въ 21 часъ 10 мин. подполковникъ Янчинъ передалъ, что второй баталіонъ 111 пѣх. Донского полка занялъ вторую линію окоповъ, *а въ первую переходить солдаты не желаютъ*; въ первой линіи есть только человѣкъ 40-60 Донцовъ третьяго баталіона. *О смѣнѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ участка не принимаютъ.* Офицеры на мѣстахъ. Командиръ баталіона въ первой линіи окоповъ. Со стороны офицеровъ не видно принудительныхъ мѣръ, да они впрочемъ и ничего не смогутъ сдѣлать, такъ какъ «*солдаты держатъ равненіе на тылъ*».

Передача этого сообщенія командиру 111 пѣх. Донского полка задержалась порчей линіи и лишь въ 21 час. 21 мин. к-ръ 111 пѣх. Донского полка былъ поставленъ объ этомъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что было сообщено полковымъ адъютантомъ, что командиръ полка предполагаетъ лично прибыть въ блиндажъ и доложить обо всемъ начальнику дивизіи.

Вскорѣ послѣ этого было получено донесеніе подполковника Янчина о крайне тяжеломъ положеніи частей, занимающихъ лѣвофланговый участокъ (части Штурмового баталіона и 109 п. Волжскаго полка), *объ ихъ моральномъ и физическомъ утомленіи, вслѣдствіе чего являлась необходимость немедленной ихъ смѣны.*

Въ 21 часъ 44 мин. въ блиндажъ прибыло 5 солдатъ членовъ полкового (4) и ротнаго (1) комитетовъ 111 пѣх. Донского полка и обратились къ начальнику дивизіи съ заявленіемъ, *что полкъ возмущенъ заступленіемъ на позицію и проситъ смѣны; изъ 10 человѣкъ имѣется 1, на котораго можно положиться.* Начальникъ дивизіи отвѣтилъ, чть смѣнить некѣмъ, что мы должны стоять на позиціи, какъ часовой на посту;и если никто не смѣнитъ насъ, то и умереть,защищая свой постъ, но делегаты заявили, *что полкъ несетъ большія потери, что артиллерія не оказывала должной поддержки въ нужный моментъ.* Кромѣ того начальнику дивизіи былъ предложенъ рядъ вопросовъ: *есть ли въ тылу резервы, почему ихъ ведутъ въ бой безъ резервовъ и т. п.*

Несмотря на то, что начальникъ дивизіи обѣщалъ смѣнить ихъ на слѣдующій день другими частями — делегаты высказали предположеніе, что *все равно полкъ сегодня разойдется — останутся только комитеты и наиболѣе сознательные люди, которымъ остается только умереть.*

Далѣе делегаты ссылались на то, *что они явились не сами, а ихъ послалъ полкъ и что солдаты выражаютъ недовѣріе и требуютъ отчета, а одинъ изъ членовъ (рот-*

наго комитета) категорически заявилъ, что въ моментъ атаки заградительнаго огня не было.

Послѣ этихъ разговоровъ делегаты отправились въ артиллерійскій блиндажъ, гдѣ командиромъ Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, по ихъ требованію, были даны цифровыя данныя о числѣ выпущенныхъ снарядовъ.

Въ 22 часа 109 пѣх. Волжскій полкъ, по донесенію командира 112 пѣх. Уральскаго полка, къ д. Шутовичи еще не подошелъ; нѣсколькими минутами позже подполковникъ Янчинъ доложилъ, что смѣна еще не начиналась.

Еще позже полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка донесъ, что остатки третьяго баталіона и второго баталіона уходятъ въ тылъ; остаются офицеры. Командиръ полка пришлетъ донесеніе.

Сейчасъ же послѣ этого, въ 22 часа 10 мин., начальникъ дивизіи отправился въ артиллерійскій блиндажъ и обратился къ делегатамъ: «господа, да вѣдь вы же дѣлаете преступленіе — сидите здѣсь, считаете снаряды, а полкъ уходитъ съ позиціи, идите сейчасъ же и остановите ихъ — ваше мѣсто тамъ».

Вмѣстѣ съ делегатами отправился и членъ Освѣдомительной комиссіи, прапорщикъ Бабенковъ.

Объ этомъ было сообщено по телефону командиру 111 пѣх. Донского полка.

Въ 23 часа 10 мин. въ блиндажъ прибылъ командиръ 111 пѣх. Донского полка (вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ), который доложилъ начальнику дивизіи, что части полка, пользуясь темнотой, самовольно уходятъ въ тылъ и ничѣмъ ихъ нельзя остановить; выставленные 7 карауловъ не помогаютъ. Офицеры остаются на позиціи. Послѣ этого доклада командиръ полка предложилъ начальнику дивизіи, что онъ отправится къ д. Михневичи, гдѣ перехватитъ полкъ на двухъ дорогахъ, соберетъ его, устроитъ, а завтра вновь приведетъ на позицію. Начальникъ дивизіи разрѣшилъ; послѣ обсужденія еще нѣкоторыхъ вопросовъ, командиръ 111 пѣх. Донского полка около 1 часа 10 іюля покинулъ блиндажъ.

Объ изложенномъ начальникъ штаба дивизіи въ 23 часа 50 мин. доложилъ по телефону начальнику штаба корпуса и вслѣдъ за этимъ было отправлено и письменное донесеніе.

Въ то же время командиру 112 пѣх. Уральскаго полка приказано — въ случаѣ подхода 109 пѣх. Волжскаго полка, смѣну не производить и Волжцевъ задержать для отдачи новаго распоряженія.

10 іюля.

Такъ какъ уходъ 111 пѣх. Донского полка создавалъ совершенно иную обстановку, начальникъ дивизіи рѣшилъ Уральцевъ и Камцевъ, какъ менѣе пострадавшихъ, не смѣнять съ позиціи, а 109 пѣх. Волжскій полкъ направить для занятія лѣваго участка, смѣнивъ какъ остатки Штурмовиковъ, такъ и остатки ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка.

Въ 24 часа 10 мин. командиру 109 пѣх. Волжскаго полка, черезъ штабъ 112 полка, было отдано слѣдующее приказаніе: — во измѣненіе ранѣе отданныхъ распоряженій, 109 пѣх. Волжскому полку занять позицію лѣвофлангового счастка, занявъ передовую линію не менѣе какъ двумя ротами съ 4 пулеметами; умѣненнымъ Штурмовикамъ отойти въ раіонъ восточнѣе д. Шутовичи.

Такъ какъ предвидѣлось, что среди солдатъ возникнутъ нежелательные толки о причинахъ опять новой перемѣны распоряженій, то начальникомъ дивизіи приказано было объяснить солдатамъ, что эта перемѣна вызвана самовольнымъ уходомъ съ позиціи въ тылъ 111 пѣх. Донского полка. Объ этомъ приказаніи были поставлены въ извѣстность командиры 110 пѣх. Камскаго полка, Штурмового баталіона и подполковникъ Янчинъ, при чемъ по докладу послѣдняго на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи находится человѣкъ 40-60 Донцовъ.

Къ этому же времени выяснилось изъ разговора по телефону, кажется, съ к-мъ Штурмового б-на, что въ началѣ атаки ушла и часть 3-й штурмовой роты (111 пѣх. Донского полка) съ ротнымъ командиромъ во главѣ.

Около 1 часа 15 мин. получена была телеграмма изъ штакора съ указаніемъ, что вслѣдствіе того, что участокъ малъ, его можно вполнѣ прочно занять тремя полками и всѣми пулеметными командами, а 111 пѣх. Донскому полку можно дать отдыхъ, считая его въ резервѣ дивизіи; кромѣ того указывалось, что надо прочесть послѣдній приказъ Керенскаго.*)

Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано, какъ видно изъ вышеизложеннаго, еще до полученія этой телеграммы, а именно въ 24 часа 10 мин.; что касается Донского полка, то ни командира полка, ни 111 пѣх. Донского полка въ цѣломъ, уже не было.

Только къ 4 час. части 109 пѣх. Волжскаго полка смѣнили, находящихся на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи, 40-60 человѣкъ Донцовъ, часть Волжцевъ, дравшихся 9 іюля; и нѣкоторую часть Штурмовиковъ; что касается лѣваго участка этой позиціи, то ввиду начавшагося разсвѣта остальныхъ Штурмовиковъ смѣнить не удалось.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ и попыткахъ противника производить работы; въ 4 часа 45 мин. нѣмцы открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь тяжелыми орудіями, продолжавшійся до 6 часовъ, главнымъ образомъ, по участку Безымянный ручей—Кунава.

Насколько войска были нервно настроены показываетъ то обстоятельство, что, несмотря на огонь нашей артиллеріи, къ телефону поминутно вызывали или начальника штаба или старшаго адъютанта, съ просьбой объ открытіи и усиленіи огня въ особенности тяжелой артиллеріи. Всѣ эти просьбы передавались командиру Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, а также въ штабъ корпуса.

Къ утру 10 іюля расположеніе войскъ было слѣдующее:

1) Отъ д. Шалудьки до окопа № 62 — части 112 пѣх. Уральскаго полка.

2) Отъ окопа № 63 до Безымяннаго ручья — части 110 пѣх. Камскаго полка.

3) Отъ Безымяннаго ручья до д. Кунава на правомъ флангѣ Волжцы (вновь пришедшіе), на лѣвомъ — часть Штурмовиковъ, неуспѣвшихъ уйти съ позиціи изъ за поздней смѣны.

---

*) Въ приказѣ этомъ говорилось о принятіи всѣхъ мѣръ противъ неповинующихся частей вплоть до употребленія оружія.

4) 111 пѣх. Донской полкъ собирался командиромъ полка въ раіонѣ д. Пихневичи.

5) Баталіонъ Смерти — въ раіонѣ восточнѣе д. Шутовичи.

Высланная ночью развѣдка отъ 110 пѣх. Камскаго полка имѣла цѣлью вынести убитыхъ и раненыхъ на участкѣ этого раіона, что и было ими сдѣлано, при чемъ былъ раненъ начальникъ команды развѣдчиковъ.

Въ 9 час. командиръ бригады, полковникъ Кузнецовъ, изъ штаба дивизіи по телефону сообщилъ, что на ст. Залѣсье имъ собрано около 1000 человѣкъ бѣглецовъ Камскаго полка, которыхъ онъ хотѣлъ отправить на позицію, но они просятъ его до вечера дать имъ отдохнуть. Ввиду того, что днемъ западнѣе линіи Сукневичи-Перебрановичи нельзя было изъ за обстрѣла показаться, даже небольшимъ группамъ, начальникъ дивизіи разрѣшилъ солдатъ этихъ до вечера не отправлять.

Въ 10 час. 20 мин. начальникъ штаба 174 пѣх. дивизіи сообщилъ, что верстахъ въ 7 отъ позиціи стоитъ одинъ изъ полковъ 174 дивизіи и въ случаѣ надобности можно на него расчитывать.

Къ 10-11 часамъ во всѣ части была передана телеграмма военнаго министра Керенскаго о примѣненіи къ неповинующимся вооруженной силы.

Около 11 час. въ блиндажъ пріѣхалъ командиръ 109 пѣх. полка, полковникъ Коргановъ, и просилъ либо отрѣшить его отъ командованія полкомъ, либо арестовать, ибо при современномъ настроеніи солдатъ и положеніи офицеровъ, въ особенности командира полка, нельзя быть увѣреннымъ въ выполненіи какого нибудь боевого приказанія.

Ввиду тяжелаго моральнаго состоянія полковника Корганова, начальникомъ дивизіи былъ данъ ему временный отдыхъ, въ командованіе же полкомъ, до прибытія подполковника Янчина, приказано вступить капитану Вылегжанину.

Въ 12 часовъ, согласно полученному ранѣе увѣдомленію изъ штаба корпуса, въ дер. Малышево прибылъ Учебный баталіонъ, начальнику котораго было приказано занять непрерывной цѣпью съ пулеметами окопы восточнѣе дороги Перебрановичи-Кевлы, съ задачей задерживать всѣхъ бѣглецовъ съ поля сраженія и отправлять ихъ обратно на позицію. Въ случаѣ же неповиновенія или сопротивленія — не останавливаться передъ употребленіемъ оружія.

Указанное положеніе Учебнымъ баталіономъ было занято съ наступленіемъ темноты.

Въ теченіе дня на фронтѣ дивизіи царило относительное затишье, прерываемое незначительной артиллерійской стрѣльбой съ обѣихъ сторонъ, при чемъ главнымъ образомъ обстрѣливался нѣмецкой тяжелой артиллеріей со стороны д. Василевичи, — участокъ 112 п. Уральскаго полка.

Вновь былъ замѣченъ нѣмецкій самолетъ, низко летающій и обстрѣливающій изъ пулемета окопы и щели.

Около 14 час. 30 мин. командующій 110 пѣх. Камскимъ полкомъ, полковникъ Никульцевъ, подалъ рапортъ о болѣзни, на что начальникъ дивизіи приказалъ отвѣтить: «Смѣны до смерти не будетъ» и задержать рапортъ, о чемъ и было сообщено полковнику Никульцеву.

Въ 14 час. 20 мин. капитанъ Вылегжанинъ (112-го п-ка) доложилъ, что онъ съ солдатами не совладаетъ — солдаты уходятъ, баталіонъ у д. Шутовичи при обстрѣлѣ большей частью разбѣжался. Моральное состояніе солдатъ таково, что при первомъ появленіи нѣмцевъ всѣ разбѣгутся.

Въ 16 час. 40 мин. командирамъ 1, 2 и 4 полковъ отдано приказаніе выслать въ распоряженіе офицеровъ инженерныхъ ротъ рабочихъ для исправленія окоповъ.

Въ 16 час. 45 мин. капитанъ Вылегжанинъ вновь доложилъ, что резервный баталіонъ уйдетъ, резервныя роты, стоящія на позиціи, также уйдутъ, роты, занимающія окопы, при первомъ появленіи нѣмцевъ разбѣгутся.

Въ 17 час. 5 мин. начальнику учебныхъ командъ подполковнику Раппъ послано приказаніе о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ противъ уходящихъ ночью въ тылъ съ позицій ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка и отдѣльныхъ солдатъ остальныхъ полковъ.

Въ 17 час. 15 мин. полковой адъютантъ 109 пѣх. Волжскаго полка на вопросъ , кѣмъ занята позиція, доложилъ, что правый флангъ занятъ сборной ротой 109 пѣх. Волжскаго полка, а лѣвый флангъ занятъ сборной ротой Штурмовиковъ и Донцовъ (?).

Въ 17 час. 30 мин. старшій адъютантъ 174 пѣх. дивизіи доложилъ, что наканунѣ въ раіонѣ ст. Залѣсье много солдатъ 112 пѣх. Уральскаго полка арестовано и сдано казакамъ.

Въ 18 час. начальникъ штаба дивизіи отправился въ штабъ корпуса, гдѣ доложилъ начальнику штаба корпуса и командиру корпуса о создавшейся обстановкѣ, въ связи съ низкимъ моральнымъ состояніемъ войскъ. Командиръ корпуса обѣщалъ просить Командарма о смѣнѣ частей 28 пѣх. дивизіи и посовѣтовалъ, въ случаѣ массоваго ухода солдатъ съ позиціи и оголенія ея — выставить на первой линіи всѣ пулеметы, что и было исполнено по прибытіи наштадива.

Командиръ 111 пѣх. Донского полка прислалъ изъ раіона водокачки спачала телефонограмму, а потомъ и полевую записку — въ которыхъ, ссылаясь на огромныя потери (50% солдатъ и 37% офицеровъ; въ частности въ третьемъ баталіонѣ потери офицерскаго состава будто бы достигали 83% — какъ выяснилось впослѣдствіи, свѣдѣнія эти были сильно преувеличены) и на угнетенное настроеніе, просилъ дать сутки оправиться; причины угнетенности по его словамъ: 1) недостаточность артиллерійской подготовки, 2) малочисленность артиллеріи, и 3) отчасти развращающее поведеніе 109 пѣх. Волжскаго полка. Изъ разговора по телефону можно было заключить, что полкъ въ раіонѣ водокачки отведенъ по желанію солдатъ.

Около 20 час. отъ командующаго 110 пѣх. Камскимъ полкомъ получено донесеніе, что позиція занята всего 334 человѣками изъ его полка.

Нѣсколько ранѣе отъ него же получено донесеніе о крайне скверномъ настроеніи солдатъ, въ связи съ самовольнымъ уходомъ частей 5, 6 и 7 ротъ, отмѣной смѣны, неподготовленностью позиціи и т. п.

Въ 21 часъ передано въ полки приказаніе, чтобы всѣ отпускаемые почему либо въ тылъ солдаты имѣли при себѣ записки, такъ какъ въ противномъ случаѣ люди будутъ задерживаться, а идущіе толпой разстрѣливаться изъ пулеметовъ.

Въ 22 часа 15 мин. прибылъ въ блиндажъ командиръ 2 батареи 8 тяжелаго осаднаго артиллерійскаго дивизіона и, возмущенный поведеніемъ пѣхоты, доложилъ начдиву: «пѣхотныя части, занимающія передовые окопы, по одиночкѣ и небольшими группами оставляютъ позицію и, собираясь на опушкѣ лѣса близъ блиндажа начдива, уходятъ въ тылъ. Офицеры и солдаты 2 батареи негодуютъ и рѣшили, если пѣхота самовольно оставитъ позицію, стать въ окопы. При обходѣ передовыхъ окоповъ капитаномъ N. замѣчено нѣсколько тяжело раненыхъ, которыхъ солдаты не хотѣли переносить, вслѣдствіе обстрѣла нѣмецкой артиллеріей».

Командиръ батареи просилъ принять энергичныя мѣры противъ пѣхоты, оставляющей окопы, на что начдивъ напомнилъ приказаніе военнаго министра,— объ открытіи огня по солдатамъ, самовольно оставляющимъ свои окопы.

Около 23 часовъ командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка донесъ о крайне неустойчивомъ настроеніи солдатъ и о бѣгствѣ съ позиціи въ тылъ цѣлыми вереницами; нѣсколько ранѣе тотъ же командиръ полка доносилъ, что участокъ его позиціи занятъ всего 1.104 солдатами.

Въ 23 часа прибылъ начальникъ штаба дивизіи изъ штаба корпуса.

11 іюля.

00 час. 57 мин. начальникъ штаба корпуса по телефону сообщилъ, что 11 іюля части 28 пѣх. дивизіи могутъ расчитывать на смѣну, что и было передано въ полки.

Въ 2 часа 15 мин. дежурный офицеръ штаба дивизіи запросилъ, что дѣлать съ командами Волжскаго полка, бѣгущими съ позиціи. Начальникъ дивизіи приказалъ всѣми мѣрами возвращать ихъ обратно въ окопы.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ, при чемъ нѣмцы пытались исправлять свои проволочныя загражденія, но каждый разъ разгонялись нашимъ пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Въ 2 часа 30 мин. противъ средняго участка занятаго частями 110 пѣх. Камскаго полка, партія нѣмецкихъ развѣдчиковъ пыталась подойти къ нашей проволокѣ, но была отбита пулеметнымъ огнемъ.

Развѣдка съ нашей стороны существеннаго ничего не дала и лишь подтвердила крайнюю бдительность нѣмцевъ.

11-го утромъ изъ штаба корпуса было сообщено, что на ст. Залѣсье прибылъ военный комиссаръ, подпоручикъ Бачинскій, и что командиръ корпуса приказалъ что бы начальникъ штаба прибылъ туда же.

Такъ какъ наступательная операція закончилась, то начальникъ дивизіи также покинулъ блиндажъ.

По прибытіи въ штабъ дивизіи начальникъ дивизіи засталъ военнаго комиссара съ нѣкоторыми изъ членовъ армейскаго комитета и полковника Кузнецова, при чемъ выяснилось, что подполковникъ Смирновъ, — к-ръ 111-го пѣх. Дон-

скаго полка, сообщилъ военному комиссару, будто бы разрѣшеніе уйти съ позиціи онъ получилъ отъ начальника дивизіи. Это же сначала подполковникъ Смирновъ сказалъ и въ присутствіи начальника дивизіи.

Послѣ изложенія начальникомъ дивизіи и начальникомъ штаба въ хронологическомъ порядкѣ истинныхъ событій, подтвержденныхъ однимъ изъ членовъ Освѣдомительной комиссіи, военный комиссаръ обратился къ подполковнику Смирнову со слѣдующими словами: «Въ какое положеніе вы ставите меня, представителя Временнаго Правительства, извращая дѣйствительность и дѣлая неточный докладъ — вѣдь вы вводите меня въ заблужденіе» и т. п.

Подполковникъ Смирновъ на это ничего не возразилъ.

Изъ донесеній командировъ полковъ можно было вывести, что настроеніе войскъ въ общемъ крайне угнетенное, за исключеніемъ 111 пѣх. Донского полка, гдѣ произошло нѣкоторое улучшеніе, «въ особенности подъ вліяніемъ телеграммы, дающей право начальствующимъ лицамъ примѣнять къ неповинующимся вооруженную силу» — какъ доносилъ командиръ этого полка, — что и было донесено въ штабъ корпуса.

День прошелъ въ общемъ спокойно. Около 17 час. былъ полученъ приказъ изъ штаба корпуса о смѣнѣ, каковая и произошла въ ночь на 12-е іюля.

Ввиду поздняго прибытія 676 полка, нѣмцы, замѣтивъ смѣну, открыли по окопамъ ураганный артиллерійскій огонь, при чемъ удалось смѣниться полностью лишь 110 пѣх. Камскому полку, 112 пѣх. Уральскому полку и частямъ двухъ баталіоновъ 109 пѣх. Волжскаго полка; двѣ роты того же полка, изъ за сильнаго огня, далѣе д. Шутовичи отойти не могли; кромѣ того двѣ роты 109 пѣх. полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дворникова-Дворцова, остались несмѣненными въ окопахъ и смѣнились только слѣдующей ночью.

Начиная съ вечера 8 іюля командный блиндажъ начальника дивизіи находился подъ періодическимъ артиллерійскимъ, а изрѣдка и ружейнымъ обстрѣломъ противника. 10-го же іюля роща была обстрѣляна 42 сантиметровыми снарядами, при чемъ снаряды ложились въ 100-300 шагахъ отъ командного блиндажа начальника дивизіи.

По распоряженію комиссара арестовано 1700 человѣкъ разныхъ полковъ, за бѣгство съ позиціи и уклоненіе отъ боя.

Заключеніе.

Обращаясь къ причинамъ неудачъ, можно свести ихъ, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ:

1) Низкое моральное настроеніе солдатъ и полнѣйшее разложеніе солдатской массы.

Въ рѣшительный моментъ одинъ полкъ отказывается отъ заступленія на позицію; другой выходитъ въ составѣ 2/3; дѣйствія третьяго полка далеко не на высотѣ положенія; четвертый — черезъ два часа послѣ заступленія на позицію, даетъ сотни бѣглецовъ.

О наступленіи говорилось лишь подъ вліяніемъ момента; попавъ же въ дѣйствительную обстановку, десятками, ротами и даже въ одномъ случаѣ, какъ видно изъ цѣлаго ряда донесеній и личнаго доклада командира полка, цѣлый полкъ, самовольно бросали позицію и уходили въ тылъ, — никакіе уговоры не дѣйствовали.

Въ атаку пошли цѣлой частью только Штурмовой баталіонъ (впрочемъ и здѣсь часть 3-й роты 111 п. Донского полка съ командиромъ роты ушла съ позиціи); на участкахъ же остальныхъ полковъ наступательныя дѣйствія свелись къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ кучекъ смѣльчаковъ, что, конечно, дало нулевые результаты.

2) Второй причиной является незнакомство войскъ съ позиціей, какъ своей, такъ и противника, вслѣдствіе нежеланія и отказа частей отъ своевременнаго изученія этихъ позицій.

3) Слабость въ количественномъ отношеніи артиллеріи участка дивизіи; кромѣ того 6-дюймовыя 200 пудов. пушки были безсильны противъ нѣмецкихъ блокгаузовъ.

4) Полное отсутствіе какой бы то ни было инженерной подготовки, не говоря уже о томъ, что не было почти никакихъ укрытій отъ тяжелой артиллеріи, не было также и легкихъ блиндажей, не было ни одного сплошного хода сообщенія, ни вынесенныхъ впередъ плацдармовъ; внутреннихъ плацдармовъ для размѣщенія войскъ было также недостаточно — часть людей лежала на открытой мѣстности. Ходы и щели были мелкіе, частью въ полуразрушенномъ состояніи, частью наполнены водой.

Нельзя не отмѣтить беззавѣтныхъ дѣйствій Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, ни на одну секунду не забывавшей своей обязанности по оказанію помощи пѣхотѣ и моментально отзывающейся на всѣ требованія о помощи; ничего, кромѣ хорошаго, нельзя сказать и о тяжелой артиллеріи, сдѣлавшей все, что было въ ея силахъ, вплоть до рѣшимости занять вмѣсто разбѣгающейся пѣхоты окопы, при чемъ къ концу дня 9 іюля остались дѣйствующими только два тяжелыхъ орудія.

Единственными свѣтлыми пятнами на всемъ темномъ фонѣ являются:

1) Дѣйствія 46 офицеровъ 109 пѣх. Волжскаго полка, съ подполковникомъ Янчинымъ во главѣ, и 200 смѣльчаковъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ того же полка и

2) Дѣйствія Штурмового баталіона, честно и свято выполнившаго свой долгъ и потерявшаго въ неравномъ бою болѣе 51% своего состава.

Примѣчаніе: Всѣ телефонные разговоры — записаны.

Командующій 28-й пѣхотной дивизіей, генералъ-маіоръ *N*.

И. д. Начальника штаба,

Генеральнаго штаба подполковникъ *Лисовой*.

ТАБЛИЦА

движенія личнаго состава полковъ (штыковъ) за время 8-12 іюля.
(въ среднихъ цифрахъ).

Наименованіе частей / Число	109 п. Волжс. полкъ	110 п. Камск. полкъ	111 п. Донск. полкъ	112 п. Уральс. полкъ	Штурмовой батал.	Отмѣтка.
Къ 8 іюля	1859	1915	1900	1630	736	
Къ вечеру 9-го іюля.	около 200*)	менѣе 724*)	около 1000-1200	1268**)	268***)	*) остальная часть полка на позицію не выступила. **) частью ушли съ позиціи. ***) остальные погиб. въ бою.
Къ вечеру 10-го іюля.	около 1000*)	334**)	около 950**)	940**)	260***)	*) Несмотря на то, что 1100-1500 чел. пришли на позиц. **) Не считая командъ. ***) 3-я рота 111 Донск. пол. ушла съ позиц.
Къ 12-му іюля (послѣ боя)	1795	1529	1418	1250	397*)	*) Частью пополнился, частью нѣкотор. возвратились.

И. д. Начальника Штаба
28-й пѣхотной дивизіи, Генер. Штаба Подполковникъ Лисовой.

Таковъ былъ исходъ іюльскаго боя на участкѣ 28-й пѣх. дивизіи — таковы же были результаты въ раіонахъ сосѣднихъ 51-й и 174-й п. дивизій; таковы же были результаты и на сосѣднихъ съ ними участкахъ: вправо — къ сѣверу и влѣво — къ югу...

И тогда то, именно, на участкѣ 1-го сиб. корпуса былъ выдвинутъ женскій батальонъ съ задачей выбить нѣмцевъ изъ занятыхъ ими нашихъ передовыхъ окоповъ у Новоспасскаго лѣса — окоповъ, въ которые непріятельскія войска ворвались на плечахъ убѣгавшихъ солдатъ, когда то славныхъ сибирскихъ стрѣлковъ.

Женскій батальонъ блестяще справился съ задачей, потерявъ около 50 доброволицъ изъ 192-хъ.

Какъ же *русскій солдатъ* отблагодарилъ *русскую женщину* за оказанную ему помощь?...

По матеріаламъ С. О. А. и Ф., сообщеннымъ на 2-мъ Совѣщаніи Московскихъ Общественныхъ Дѣятелей, въ октябрѣ 1917 г. — многія изъ раненныхъ женщинъ, оставшіяся на полѣ сраженія, въ ту же ночь были изнасилованы... нѣкоторыхъ изъ нихъ постигла еще болѣе худшая участь...

Я. Лисовой.

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ.

А. Керенскій — кумиръ толпы.

Свѣтъ въ темнотѣ...

«Революціонная Армія» въ иностранной каррикатурѣ.

«Довольно!»

— А теперь, милый, довольно!.. Маршъ на фронтъ и какъ можно скорѣе...

«Революція русскаго гиганта».

— Мы можемъ повернуть его на эту сторону...

— Или на эту... Все равно онъ уже не въ состояніи больше сражаться за Антанту...

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ*)

Его Превосходительство — «приспособляющійся»... и «профессоръ Толлини».

Въ обширной землянкѣ бывшаго «офицерскаго собранія» засѣдаетъ дивизіонный комитетъ N дивизіи...

Собраніе это, до августа мѣсяца, являлось единственнымъ убѣжищемъ для офицеровъ дивизіи, единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ, гдѣ, собравшись въ тѣсную дружескую семью, спаянную общимъ несчастьемъ и горемъ — офицерство, чувствуя себя дома, не боясь быть подслушаннымъ, могло наговориться всласть, излить въ своихъ бесѣдахъ горечь накопившагося, подѣлиться другъ съ другомъ своими невзгодами и, въ этой общей бесѣдѣ, хоть на одно мгновенье, отвлечься отъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ кошмарной жизни, которые, словно налетѣвшій вихрь, охватили всю русскую армію...

Въ психологіи, этихъ періодически собирающихся людей, было что то общее съ больными, страдающими долгой, упорной и не поддающейся лѣченью болѣзнью: — вѣдь извѣстно, что для больныхъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ поговорить о своей болѣзни, о ея симптомахъ, лѣченіи, не упустить при случаѣ раскритиковать врача, жадно прислушаться къ подаваемымъ совѣтамъ, разспросить о новыхъ «лучшихъ» докторахъ, непремѣнно услышать слова сочувствія отъ собесѣдника и увѣренность его въ выздоровленіи, и, въ свою очередь, въ полной мѣрѣ отвѣтить ему тѣмъ же — послѣ чего у обоихъ наступаетъ нравственное удовлетвореніе, успокоеніе, увѣренность, что не все такъ плохо, какъ кажется, что еще есть надежда... Офицерство представляло собою тѣхъ же физически и морально больныхъ людей.

Но съ нѣкотораго времени чья то невидимая «услужливая рука» начала свою обычную разрушительную работу: постепенно куда то исчезли скамейки, табуретки и лампы, затѣмъ кто то по ночамъ сталъ вынимать или разбивать оконныя стекла, на стѣнахъ появились «перлы заборной литературы съ иллюстраціями», внутрь помѣщенія набрасывались газетные свертки съ завернутымъ въ нихъ конскими и человѣческими нечистотами... Офицерство угрюмо-молча переносило всѣ эти оскорбленія и старалось, насколько было возмож-

---

*) См. «Бѣлый Архивъ», кн. I.

но, сгладить слѣды злой разрушительной работы: изъ землянокъ приносились складныя стулья, окна заклеивались бумагой, нечистоты выносились и полъ вытирался, а помѣщеніе тщательно дезинфецировалось... тройнымъ одеколономъ — однимъ словомъ, въ одномъ изъ уголковъ русскаго фронта, шла обычная, упорная, глухая борьба между разрушеніемъ и созиданіемъ, между хамствомъ и порядочностью, между свободой въ ея дикомъ-животномъ проявленіи и свободой въ культурномъ смыслѣ этого слова...

Однажды, послѣ ученія, въ землянкѣ собралось десятка три-четыре офицеровъ: нужно было сообща ознакомиться съ новыми методами и пріемами борьбы съ противникомъ, примѣненными въ послѣднее время весьма успѣшно на Западномъ фронтѣ, прочитать кое какіе приказы, обмѣняться впечатлѣніями и, кстати, — это былъ весьма удобный предлогъ для маленькой «конспиративной» работы — выбрать нѣсколько офицеровъ въ президіумъ подотдѣла Союза офицеровъ... Едва только началось чтеніе иностранной брошюры о новыхъ видахъ ураганнаго огня, — какъ рама одного изъ оконъ съ трескомъ и звономъ внезапно сорвалась съ своего мѣста и, тяжело грохнувшись о земь, разсыпалась на тысячи жалобно звенящихъ осколковъ; вслѣдъ за нею съ зловѣщимъ рокотомъ скатился и глухо шлепнулся о земляной полъ увѣсистый булыжникъ, затѣмъ началось что то кошмарное: фыркая и переворачичиваясь, пролетѣлъ надъ головами присутствующихъ шрапнельный стаканъ, за нимъ другой, третій... посыпался градъ мелкихъ камней... кого то задѣло по плечу, кого то оцарапало... кому то засыпало глаза... кто то вскрикнулъ...

«Ну, господа, надо уходить, с-чь бомбардировку устроила», — раздался голосъ старшаго офицера...

Одинъ за другимъ вышли офицеры изъ землянки, оглядѣлись вокругъ, но вблизи уже никого не было — лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи замѣтны были торопливо убѣгавшіе и быстро исчезавшіе среди лабиринта солдатскихъ землянокъ, рѣдкихъ деревьевъ и чахлыхъ кустовъ, отдѣльныя фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ...

При слѣдующей попыткѣ офицерства отстоять свой родной уголъ-послѣдовало новое зловѣщее предупрежденіе, — въ самый разгаръ оживленной бесѣды, гдѣ то, снаружи, раздался ружейный выстрѣлъ, а затѣмъ моментально звонъ пробитаго стекла, короткій свистъ пули, глубоко вгнѣздившейся въ стѣну и характерное при этомъ глухое «чавканье» — все это слилось въ одинъ весьма непріятный аккордъ; молча присутствующіе взглянули другъ на друга... и молча разошлись.

На поданномъ по этому случаю рапортѣ, начальникъ дивизіи положилъ краткую ревзолюцію: «собраніе закрыть» и... больше туда никто изъ офицеровъ не заглядывалъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣ выбитыя стекла были вставлены, поломки и разрушенія исправлены и надъ дверьми появилась фанерная дощечка, на

которой расплывшимися химическими чернилами были выведены каракули: «Дивизионнай камитет N дивизеи».

Въ этомъ то помѣщеніи и происходило очередное засѣданіе членовъ N Дивизіоннаго комитета.

———————

Среди собравшихся однообразныхъ солдатскихъ лицъ, то нагло развязныхъ, то тупо сосредоточенныхъ, съ неизмѣнно торчащей «цигаркой» во рту, въ растегнутыхъ шинеляхъ и лихо сдвинутыхъ на затылокъ фуражкахъ, — среди всего этого ухарства и разгильдяйства, достигшаго завѣтныхъ предѣловъ не снившейся ему ранѣе власти, — рѣзко выдѣлялись три лица: предсѣдатель комитета фельдфебель Середа — здоровый широкоплечій хохолъ съ низкимъ, заросшимъ волосами лбомъ, длинными усами и огромными бычачьими, налитыми кровью глазами, — вся его фигура выражала упрямство, злобу, силу и глупое самодовольство; голосъ у него былъ зычный, грубый, фельдфебельскій.

Рядомъ съ нимъ невозмутимо сидѣлъ товарищъ предсѣдателя, бѣлесоватый Анцкайтисъ — латышъ съ холодно-злыми рыбьими маленькими глазками, который казалось съ глубокимъ презрѣніемъ относился ко всему происходящему вокругъ него.

Лицо третьяго поражало своими тонкими чертами, осмысленностью, интеллигентностью (впрочемъ, какого-то специфическаго свойства) и тѣмъ насмѣшливо-бѣгающимъ задорнымъ огонькомъ, который нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ въ его черныхъ, влажныхъ, поразительно глубокихъ и красивыхъ глазахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его манерѣ обращенія съ присутствующими и излишней юркости движеній, въ его часто повторяющемся и своеобразномъ: «и ч т о ж е», въ его необычайно старательномъ, я сказалъ бы — даже утрированно-правильномъ произношеніи русскихъ словъ, какъ напримѣръ: «вада», «гарада», «гаспадинъ» и т. п. — было что то такое, что никакъ не позволяло угадать его профессію до военной службы, но одно было несомнѣнно — онъ могъ быть человѣкомъ, только, такъ называемой, «легкой» профессіи: быть можетъ крупье одного изъ многочисленныхъ третьеразрядныхъ (отнюдь не выше) клубовъ, или даже обыкновенный шулеръ, альфонсъ изъ начинающихъ, или же кафе-шантанный кекъ-уокистъ, биржевой «зайчишка» (отнюдь не заяцъ), или «чудо скетинга XX вѣка», продѣлывающій невообразимые фокусы на роликахъ...

И все таки — ни къ одной изъ этихъ профессій, къ чести его, онъ не принадлежалъ; это былъ человѣкъ со своей особенной, ярко выраженной спеціальностью, — это былъ... п р о ф е с с о р ъ б ѣ л о й и ч е р н о й м а г і и, магнетизеръ, гипнотизеръ, — человѣкъ, изучившій всѣ тайны природы, проникшій въ тайники ученія египетскихъ жрецовъ и индійскихъ факировъ, послѣдователь К а л і о с т р о и главный ученикъ его.

Въ провинціальныхъ театрахъ и циркахъ его знали подъ именемъ «несравненнаго, знаменитаго и единственнаго въ своемъ родѣ итальянскаго профессора Толлини», — здѣсь же онъ былъ ефрейторъ 10-ой роты, Моисей Фишензонъ-секретарь дивизіоннаго комитета. Никто изъ присутствующихъ не зналъ его прежней профессіи, — никто, кромѣ него самаго и... еще одного человѣка.

Остальная тупая и равнодушная масса, среди которой виднѣлись нѣсколько робкихъ и запуганныхъ прапорщиковъ, — ничего особеннаго изъ себя не представляла и эти трое являлись, повидимому, вожаками ея настроеній.

На повѣсткѣ дня разбору подлежали два вопроса: о выраженіи недовѣрія и порицанія командиру бригады — старому, боевому и заслуженному генералу, — упорно нежелавшему обернуть кокарду краснымъ сукномъ, и о распредѣленіи между солдатами N полка хозяйственныхъ суммъ, являющихся, согласно внесенной мотивировки полкового комитета, «деньгами ихними — трудового народа».

Первый изъ этихъ вопросовъ, какъ ни возставалъ противъ этого секретарь комитета, какъ ни доказывалъ онъ всю незаконность разсмотрѣнія его вообще — былъ все таки разрѣшенъ согласно особаго неписаннаго кодекса, выработаннаго дикой солдатской вольницей и утвержденнаго преступнымъ попустительствомъ революціонныхъ вождей.

«Пышить, товарищъ Фышензонъ, въ протоколъ: — проговорилъ предсѣдатель — такъ якъ винъ есть нисомниваный контръ-риволюцинеръ, то постановлено ему, значица, выразить недовѣріе... съ порицаніемъ» (немного подумавъ добавилъ онъ) и продолжалъ — «и просить товарищей корпусный комитетъ забрать видъ насъ оцю гыдру контръ-революціи» — «вотъ!», торжествующе закончилъ онъ и побѣдоносно окинулъ взглядомъ собраніе — всѣ сочувственно кивнули.

Голова секретаря, съ изумительно искуснымъ проборомъ, низко склонилась надъ столомъ, карандашъ его бойко забѣгалъ по бумагѣ, а черные удивительные глаза съ огонькомъ, зорко, изъ-подлобья, временами, поочередно оглядывали всѣхъ.

Постепенно, одинъ за другимъ, солдаты вставали изъ за стола и выходили кто «до вѣтру», кто поболтать на злобу дня и своими разговорами не мѣшать составленію доклада, кто — просто потому, что надоѣло сидѣть; черезъ пять минутъ за столомъ оставались лишь предсѣдатель, латышъ и секретарь.

«Гатово, товарищъ предсѣдатель, падписывайтесь», — изысканно вѣжливо проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю исписанный листъ бумаги.

Тотъ медленно пододвинулъ протоколъ къ себѣ и протянулъ руку къ лежащему на столѣ карандашу, но послѣдній, какъ бы ускользая отъ руки, быстро покатился по столу и, докатившись до края, шлепнулся на полъ.

«Слемальси», — проговорилъ латышъ, разглядывая поднятый имъ карандашъ.

Предсѣдатель тупо уставился вслѣдъ «укатившемуся» карандашу, какъ бы желая что то сообразить, постигнуть, но, запутавшись въ вереницѣ пробѣгавшихъ волнами неясныхъ мыслей, глубоко вздохнулъ и пробормотавъ про себя «тьфу ты бісова сыла», вынулъ изъ кармана огрызокъ и вновь наклонился надъ бумагой...

Но тутъ произошло, дѣйствительно, нѣчто невѣроятное... листъ бумаги, повидимому, соблазненный примѣромъ карандаша, быстро поплылъ по столу, соскользнулъ съ него и, сдѣлавъ въ воздухѣ два-три пируэта, плавно опустился на грязный и заплеванный полъ у противоположной стѣны.

«Прапала моя работа», съ легкой дрожью въ голосѣ, сокрушенно проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю выпачканный въ грязи и плевкахъ протоколъ.

Предсѣдатель молча сидѣлъ, выпуча свои и безъ того огромные глаза и только крупныя капли пота да усиленное сопѣніе показывали, что мозгъ его обремененъ какой то непосильной для него работой... руки его безпомощно вертѣли и огрызокъ карандаша и заплеванный протоколъ.

Латышу, видимо, тоже было не по себѣ; одинъ лишь секретарь сидѣлъ какъ ни въ чемъ небывало: слегка отвернувшись въ сторону, онъ барабанилъ пальцами по столу — нужно было быть очень внимательнымъ, чтобы уловить гдѣ то тамъ, въ глубинѣ его черныхъ глазъ, какую то задорно шаловливую искорку, еле замѣтную подъ полуопущенными рѣсницами.

«Ну и что же, товарищъ Середа, подпишете вы протоколъ или нѣтъ» — нѣсколько нетерпѣливо проговорилъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю.

Послѣдній, будучи выбитъ изъ душевнаго равновѣсія, только что совершившейся на его глазахъ «чертовщиной», продолжалъ осторожно двумя пальцами вертѣть и поданный ему листъ бумаги и огрызокъ карандаша, безсмысленно разглядывая ихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, онъ, повидимому, твердо рѣшилъ подписать, но брошенный имъ взглядъ на руки показалъ, что это невозможно, такъ какъ и бумагу и карандашъ онъ судорожно и крѣпко держалъ обѣими слегка дрожащими руками; попытка разъединить руки и переложить эти предметы по соотвѣтствующимъ мѣстамъ окончилась неудачей — все снова посыпалось на полъ...

Секретарь, какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ смотрѣть въ сторону и лишь сквозь зубы пробормоталъ: «я же говорилъ, что это незаконно — ну вотъ видите, что получается».

И вдругъ въ землянкѣ раздался глухой дрожащій голосъ предсѣдателя: «товарышы, прошу пожаловать сюды»!

Когда всѣ собрались и разсѣлись по мѣстамъ, онъ продолжалъ: «товарышы, по дополнительному заявленію товариша секретаря выясняется, що то

не наша компытенция, такъ я предлагаю вопросъ о недовѣріи пересмотрѣть и оставить его безъ разсмотрѣнія, — вси согласны?»

«Согласны», — послышался недоумѣвающій гулъ голосовъ.

«А ну поднимить вси правыя руки».

Правыя руки были подняты.

«Такъ запышить, товарышъ секретарь, новую рызолюцію».. но въ это время поднялась злобная фигура латыша Анцкайтиса, который выступилъ, повидимому, съ протестомъ противъ новаго разсмотрѣнія: волнуясь, брызжа слюной, стуча кулакомъ по столу, медленно подбирая слова и еще болѣе, вслѣдствіе этого, волнуясь, онъ, неимовѣрно коверкая русскій языкъ, какъ можно было догадаться, настаивалъ на прежнемъ рѣшеніи комитета.

Уже послѣ первыхъ словъ латыша Фишензонъ окинулъ его внимательно испытующимъ взглядомъ, а затѣмъ по мѣрѣ продолженія его рѣчи, онъ буквально впился въ его лицо; тоненькія свѣтящіяся стрѣлы, выходившія откуда то изъ глубины его бездонныхъ глазъ, пронизывали насквозь бѣлесоватые рыбьи глазки оратора и безпощадно мучительно сверлили этотъ маленькій мозгъ въ маленькой куриной головкѣ — куда бы онъ не отворачивалъ свое лицо, — стрѣлы его настигали и раскаленные впивались въ уши, щеки, шею и мучительно, мучительно сверлили... все чаще и чаще бѣдный латышъ началъ сбиваться, все чаще и чаще безпомощно останавливался онъ, съ трудомъ ворочая одеревенѣлымъ языкомъ и съ трудомъ подбирая слова, отъ усиленнаго напряженія краска совершенно залила его измученное лицо... и, наконецъ, пробормотавъ что то совсѣмъ невнятное, онъ грузно, въ изнеможеніе, опустился на свое мѣсто. Изъ всей его рѣчи можно было лишь съ трудомъ догадаться — что онъ остается при особомъ мнѣніи.

«Харашо-съ, таварищъ Анцкайтисъ, такъ мы таки такъ и запишемъ, что вы разошлись съ мнѣніемъ революціонно-демократическаго дивизіоннаго комитета», — медленно отчеканивая и дѣлая угрожающее удареніе на послѣднихъ словахъ, проговорилъ секретарь и опять бросилъ еле уловимый взглядъ въ сторону председателя.

Латышъ въ отвѣтъ пробурчалъ что то уже совершенно несуразное — казалось, что онъ внезапно утратилъ и смыслъ пониманія, и даръ рѣчи.

Секретарь опять взглянулъ на председателя..

«Не хорошо, товарышъ Анцкайтисъ, иттить противъ всего дивизіоннаго комитета», — укоризненно проговорилъ председатель, — «во-первыхъ, потому что всѣ согласны — разъ, во вторыхъ, не соглашаться со всима даже опасно, а въ третьихъ... пышить, товаришъ секретарь: принято единогласно!»

Карандашъ секретаря вновь бойко забѣгалъ по бумагѣ и черезъ 2-3 минуты новый протоколъ былъ готовъ для подписи. Нерѣшительно поглядывалъ председатель то на бумагу, то на лежащій передъ нимъ карандашъ и, вдругъ, внезапно, прикрывъ бумагу лѣвой рукой, онъ быстро, словно боясь, что ка-

рандашъ опять ускользнетъ, схватилъ его всей правой пятерней, растерянно и удивленно посмотрѣлъ, словно не вѣря своимъ глазамъ и, наконецъ, убѣдившись, что на этотъ разъ никакой чертовщины нѣтъ — онъ съ тяжелымъ вздохомъ облегченія вывелъ дрожащей рукой — «С е р е д а»; въ глазахъ секретаря шаловливо прыгалъ все тотъ же огонекъ — остальные члены думали, что предсѣдатель какъ будто того... хватилъ малость.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи.

«А теперь, товарыши, нужно вынести постановленіе нащотъ распредѣленія между товаришами N полка хозяйственныхъ суммъ, — бо якъ ти суммы народныя, а воны, товариши, тоже значица изъ народа, то нахожу ихъ требованіе вполнѣ законное, справедливое и подлежащее единогласному нашему вдовлетворенію. Ихній командиръ полка заявилъ, той якъ его -- протестъ: понятно дило, во-первыхъ, буржуй — разъ, во вторыхъ, царскій слуга-два, а въ третьихъ, може винъ и самъ думае ци гроши... того.. Такъ наше дило, во имя революціонной справедливости, заштитить нашихъ товаришей отъ подобнаго вооруженнаго посягательства на ихъ революціонныя права и на ихъ кровну копійку.

«А ну товаришъ Фишензонъ прочитайте постановленіе полкового ко... ко...» предсѣдатель словно поперхнулся и дальше не въ состояніи былъ произнести ни слова — да и было чего: передъ его дико вытаращенными отъ ужаса глазами, фигура вставшаго съ листомъ бумаги секретаря начала медленно, но безостановочно удлиняться и, въ десять секундъ, Фишензонъ достигъ двухсаженной высоты...

Перепуганный на смерть хохолъ лѣвой рукой усиленно теръ лобъ, по которому струились ручейки пота, а правой, тихонько, подъ столомъ быстро-быстро крестилъ животъ...

Когда онъ наконецъ рѣшился еще разъ поднять глаза, Фишензонъ стоялъ передъ нимъ уже въ прежнемъ своемъ видѣ и участливо спрашивалъ: «и что же съ вами, товарищъ предсѣдатель?...»

И тотчасъ же вслѣдъ, за вопросомъ, одновременно съ тѣмъ, какъ головы всѣхъ присутствующихъ медленно повернулись въ сторону предсѣдателя — фигура Фишензона начала растягиваться въ ширину и черезъ два-три мгновенья плечи его уже упирались въ противоположныя стѣны землянки...

Этого послѣдняго потрясенія предсѣдатель уже не могъ выдержать и вскочивъ, весь дрожа и заикаясь отъ страха — пролепеталъ:

«Шось мини товарышы... не здорово»... — безнадежное отчаяніе и мука чувствовались въ его голосѣ.

И дѣйствительно — видъ у него былъ крайне усталый и измученный, въ глазахъ свѣтилось одно лишь животное желаніе: поскорѣе куда нибудь уйти, удрать, скрыться отъ этой непонятной и страшной чертовщины.

«Такъ васъ таки можетъ замѣнить товарищъ Анцкайтисъ» — предложилъ секретарь.

«У мене тозе голова болейть» — угрюмо и злобно пробурчалъ латышъ — «я тозе не могить сидейть».

Засѣданіе было отложено до особаго распоряженія и секретарь, по просьбѣ заболѣвшаго предсѣдателя, отправился къ начальнику дивизіи съ докладомъ.

«Здравствуйте Фишензонъ,что скажете хорошаго?» привѣтливо встрѣтилъ секретаря, подавая ему руку и указывая жестомъ на стулъ, — молодой расплывшійся генералъ съ академическимъ значкомъ на груди.

Это и былъ тотъ единственный человѣкъ, который зналъ профессію Фишензона до военной службы.

И «профессоръ» быстро, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, доложилъ о засѣданіи и въ заключеніе добавилъ: «и что же было дѣлать мнѣ, когда люди съ ума сошли: не понимаютъ,что такое законъ и что можно и чего нельзя — надо было немножко попугать ихъ».

Начальникъ дивизіи молча, серьезно и внимательно выслушалъ докладъ, искоса поглядывая на собесѣдника испытуюшимъ, какъ бы говорившимъ, взглядомъ: «а чортъ тебя знаетъ, ужъ не собираешся ли ты, голубчикъ, и меня того?»...

Странный былъ человѣкъ этотъ начальникъ дивизіи; онъ былъ бы искренно огорченъ и возмущенъ — если бы кто нибудь вздумалъ упрекнуть его въ излишнемъ заигрываніи съ солдатскими массами или черезчуръ пристрастномъ отношеніи къ офицерскому составу, а между тѣмъ, можетъ быть, и помимо его воли, но это было именно такъ.

Человѣкъ несомнѣнно умный и знающій свое дѣло, онъ обладалъ рѣдкой способностью — сразу схватывать суть того или иного событія, правильно оцѣнить истинное положеніе вещей: благодаря этому онъ, почти всегда,умѣлъ, такъ или иначе, вывернуться изъ создавшагося положенія — какъ бы оно тяжело ни было никогда, ничѣмъ, никакимъ вопросомъ нельзя было поставить его втупикъ, заставить призадуматься — отвѣтъ всегда слѣдовалъ быстрый и рѣшительный. Офицеры генеральнаго штаба Виленскаго округа до сихъ поръ, вѣроятно, помнятъ характерный эпизодъ, когда генералъ-квартирмейстеръ штаба — добрый и симпатичный генералъ Баіовъ, вздумалъ сдѣлать ему замѣчаніе за постоянное опаздываніе на службу. Какъ то, при разговорѣ съ нимъ, онъ, добродушно улыбаясь, въ мягкой формѣ сказалъ, что чувствуетъ себя сегодня очень скверно...

«Почему, Вашество»?

«Да вотъ, знаете ли, случайно опоздалъ на службу на десять минутъ — первый разъ со мной такая непріятность, чуть было не опоздалъ съ докладомъ

къ Начальнику штаба» — и генералъ внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника своими добрыми голубыми глазами.

«Ваше Превосходительство!» — взмолился тотъ — «да стоитъ ли огорчаться такими пустяками, — я вотъ каждый день опаздываю на часъ и больше и, ничего, — чувствую себя прекрасно».

Генералъ опять посмотрѣлъ на него, на этотъ разъ уже растерянно, что то невнятно пробормоталъ, потребовалъ какую то бумагу и... ушелъ; больше съ его стороны не было никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Какова была цѣнность получаемыхъ отъ него отвѣтовъ — это, конечно, другой вопросъ, точно также и способы его «изворачиванія» иногда оставляли желать много лучшаго, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ не изъ тѣхъ начальниковъ, которые теряются.

Но всѣ эти богатыя качества парализовались непроходимой природной лѣнью, мѣшавшей ему и сосредоточиться, и какъ слѣдуетъ обдумать смыслъ происходящаго, — когда же назрѣвалъ моментъ рѣшенія — послѣднее приводилось въ исполненіе съ той лихорадочной быстротой, съ той поспѣшностью движеній, которыхъ никакъ невозможно было ожидать отъ этого большого, полнаго и, казалось, такого неподвижнаго человѣка.

Революція застала его въ должности начальника дивизіи — должности чрезвычайно трудной и требующей, въ то тяжелое время, большого ума и изворотливости.

Однажды ему доложили, что солдаты его дивизіи толпами собираются къ штабу на митингъ, а спустя нѣсколько времени къ нему явилась и делегація съ требованіемъ (тогда солдаты ничего не просили, но требовали и часто съ оружіемъ въ рукахъ) выйти къ нимъ.

Въ полуверстѣ отъ штаба гудѣла собравшаяся многотысячная сѣрая солдатская масса, гудѣла по солдатски: безтолково, злобно...

Генералъ подошелъ къ нимъ, поздоровался съ близъ стоящими и молча началъ выслушивать обычные въ такихъ случаяхъ охи и причитанія на тягость и непрерывность боевой службы, закончившіеся довольно недвусмысленной угрозой — «лучше насъ скорѣе отпустите домой!». По бѣгающимъ, въ разныхъ направленіяхъ, его глазамъ да терпѣливому выслушиванію всѣхъ и каждаго, словно желая дать имъ всласть наговориться, по его умѣло поставленнымъ сочувственнымъ вопросамъ, изъ которыхъ каждый вызывалъ длинныя и краснорѣчивыя объясненія со стороны солдатской массы — можно было догадаться, что онъ, съ одной стороны, изучаетъ настроеніе и отношеніе толпы, съ другой — выигрываетъ время. Наконецъ, онъ, повидимому, пришелъ къ какому-то рѣшенію и поднялъ руку. — Внезапно наступило молчаніе...

Высокимъ и звонкимъ голосомъ заговорилъ генералъ: «товарищи, я хорошо понимаю всѣ ваши нужды и заботы; почти во всемъ я съ вами вполнѣ (подчеркнулъ онъ) согласенъ: вамъ нуженъ отдыхъ, вамъ нужно

повидать своихъ близкихъ, подлѣчить ваши раны, почиститься, помыться, избавиться отъ вшей (крикнулъ онъ), которые васъ несчастныхъ заѣли здѣсь»...

Солдатская масса удовлетворенно загудѣла — все это отвѣчало ея настроеніямъ и желаніямъ.

Генералъ продолжалъ: «только вотъ какъ же мы съ вами фронтъ оставимъ — вѣдь другихъ то войскъ нѣтъ и потомъ... товарищи, знаете ли —это такой важный вопросъ, который нужно разрѣшить намъ всѣмъ вмѣстѣ, а между тѣмъ здѣсь далеко не всѣ собрались (солдаты, какъ бы повѣряя, начали оглядываться вокругъ) — да! многихъ, многихъ я здѣсь не вижу! — продолжалъ генералъ, — что имъ свобода, что имъ завоеванія революціи — разошлись с-чи по землянкамъ и вѣроятно дуютъ себѣ чай, а на свободу имъ наплевать!

И развѣ т е п е р ь вы, товарищи, не видите предательства : они себѣ спятъ, а васъ пустили впередъ — дескать, пускай дураки дѣло дѣлаютъ — сдѣлаютъ и мы пойдемъ съ ними, пойдутъ подъ судъ — наша хата съ краю... мы тамъ не были.

Нѣтъ, товарищи, — мы не дураки, какъ думаютъ тѣ предатели, которые остались въ землянкахъ, намъ нужно это дѣло рѣшить всѣмъ е д и н о г л а с н о и что бы не откладывать въ долгій ящикъ: сегодня же! сейчасъ же! Я прошу комитеты, за ихъ отвѣтственностью, отправиться по частямъ вмѣстѣ съ остальными товарищами и привести сюда всѣхъ —до одного человѣка, чтобы никто не уклонился отъ о т в ѣ т с т в е н н о с т и при рѣшеніи такого важнаго вопроса!»

Толпа молча выслушала эту, довольно горячую, съ искреннимъ революціоннымъ задоромъ, рѣчь, солдаты молча переглянулись, въ рядахъ послышались голоса: «а вѣдь вѣрно, товарищи, што жъ они мать ихъ такъ... отвѣчать такъ ужъ всѣмъ, што они за буржуи разэтакіе»... отдѣльныя группы начали отдѣляться и уходить къ своимъ стоянкамъ...

Дивизія была разбросана по полкамъ, радіусомъ въ 5-6 вер. отъ мѣста митинга, день былъ жаркій, дорога пыльная, итти было далеко да еще опять возвращаться... къ тому же встрѣчающіеся по пути перелѣски такъ заманчиво тянули къ себѣ въ прохладную тѣнь...

На мѣсто полковъ дошли лишь отдѣльныя разрозненныя кучки людей, вскорѣ разсѣявшихся по землянкамъ: одни изъ нихъ залегли спать, другіе принялись за чаепитіе, третьи...

Не легко было ихъ вновь поднять и собрать во-едино и совершенно невозможно было въ тотъ же день двинуть ихъ куда бы то ни было — комитеты потолкались по землянкамъ и... махнули рукой...

Такъ былъ сорванъ митингъ, но какою цѣною...

«Фу, ну и сраженіе же я выигралъ» — проговорилъ, пыхтя и отдуваясь, енералъ, входя въ штабъ и разсказалъ присутствующимъ о только что происедшемъ; на чей то сомнительный вопросъ, онъ возразилъ: «что жъ, знаете, ужно приспособляться» и затѣмъ, помолчавъ немного, добавилъ: «къ обстаовкѣ, конечно».

Какимъ чутьемъ, какимъ путемъ разгадалъ онъ профессію Фишензона - это остается до сихъ поръ тайной и самъ «профессоръ» былъ не мало поражонъ, когда, будучи, однажды, приглашенъ къ начальнику дивизіи, услышалъ гъ него слѣдующее:

«Послушайте Фишензонъ, я знаю кто вы, знаю вашу настоящую професію, знаю почему вы скрываете ее. Въ то же время я понимаю— какое вы ожете при случаѣ вліяніе оказать на солдатъ и, какъ человѣкъ умный, е захотите и не допустите съ ихъ стороны ничего противузаконнаго; погому, давайте столкуемся съ вами и рѣшимъ—не могли бы ли вы помочь мнѣ ь эти трудныя времена — держать въ законныхъ рамкахъ всю эту разошедуюся массу».

Фишензонъ былъ крайне польщенъ; но не желая сразу сдаться, онъ съ ордостью заявилъ:

«Господинъ генералъ — я вѣдь представитель революціонной демокраіи»...

«Потому то я и пригласилъ васъ», —перебилъ его генералъ, — «зная ашу политическую честность (Фишензонъ съ гордостью милостиво наклоилъ голову) и будучи твердо увѣренъ, что вы съумѣете заставить уважать еволюціонный порядокъ...»

«И еще посмотрите, господинъ генералъ, какъ это будетъ»...

«Такъ вотъ давайте проговоримъ о деталяхъ — кстати, не желаете ли аю, да вотъ и сигары передъ вами»...

Фишензонъ былъ окончательно побѣжденъ: такимъ образомъ и былъ залюченъ своеобразный договоръ между начальникомъ дивизіи — съ одной тороны, и «профессоромъ» — съ другой.

«Что жъ, знаете, нужно приспособляться» — всегда добавлялъ генералъ, азсказывая впослѣдствіе объ этомъ своеобразномъ договорѣ.

Одного лишь очень боялся генералъ —какъ бы этотъ «магъ и волшебникъ» е вздумалъ производить надъ нимъ своихъ опытовъ; но два-три засѣданія оказали, что Фишензонъ далекъ отъ этой мысли и, какъ бы чувствуя тайныя пасенія генерала, при докладѣ о результатахъ всегда смотрѣлъ куда то въ торону; впрочемъ и генералъ избѣгалъ смотрѣть на своего собесѣдника; оялся ли онъ его волшебныхъ чаръ или въ силу другихъ какихъ либо приинъ — неизвѣстно...

Отношенія генерала къ офицерамъ вылились въ чрезвычайно своеобразыя формы, и на этомъ вопросѣ, для полноты очерка, нельзя не остановиться

нѣсколько подробнѣе: всегда считаясь съ тяжелымъ положеніемъ офицерства вообще, онъ, въ частности, по отношенію къ тому или иному офицеру, попавшему въ неблагопріятныя условія — вслѣдствіе ли неосторожно сказаннаго слова, или черезчуръ рѣшительнаго образа дѣйствій, или другихъ какихъ-либо промаховъ, — предпринималъ зачастую рядъ такихъ мѣръ, которыя независимо отъ того — правъ или не правъ былъ офицеръ — не могли вызвать къ нему особеннаго съ ихъ стороны расположенія.

Вспоминается слѣдующій довольно характерный случай.

Одинъ боевой подполковникъ, критикуя военныя распоряженія правительства, неострожно выразился по адресу Керенскаго.

Дѣло объ оскорбленіи премьера была назначено къ слушанію въ дивизіонномъ комитетѣ, но еще задолго до разсмотрѣнія его въ этомъ миломъ учрежденіи, начальникъ дивизіи подалъ рапортъ объ этомъ случаѣ командиру корпуса, съ приложеніемъ подробнаго дознанія.

Въ скоромъ времени послѣдовалъ и приказъ по корпусу: «офицеры, критикующіе и сомнѣвающіеся въ правильности дѣйствій Временнаго Правительства, намъ не нужны, а поэтому подполковникъ Х. отрѣшается отъ командованія батальономъ и зачисляется въ резервъ». Дѣло же о немъ, можетъ быть и не безъ участія Фишензона, въ дивизіонномъ комитетѣ было снято съ очереди.

Таковы были пріемы для изолированія напроказившаго, по понятіямъ того времени, офицерства: фактически нельзя не сознаться, что офицеръ былъ спасенъ, можетъ быть, отъ болѣе тяжелыхъ послѣдствій, но для рядового офицерства было несомнѣнно очевидно, — что рапортъ то на него подалъ никто иной — какъ его же *начальникъ дивизіи*.

Въ другихъ случаяхъ дѣло оканчивалось или переводомъ офицера въ другую часть, или прикомандированіемъ къ одному изъ безчисленныхъ тыловыхъ учрежденій, или же увольненіемъ въ отпускъ, — но всегда это являлось какъ бы наказаніемъ за тотъ или иной проступокъ и офицеръ уходилъ съ сознаніемъ, что начальникъ дивизіи обвинилъ его и сталъ на сторону его обвинителей...

Въ общемъ офицерство не любило начальника дивизіи и не вѣрило въ искренность его отношеній къ нимъ... Солдаты также не любили и не вѣрили ему: «чудно какъ то – на словахъ онъ съ нами, а на дѣлахъ у него все выходитъ какъ то по буржуйному»...

Какъ и всѣ прочіе, онъ вскорѣ былъ вынужденъ покинуть фронтъ.

Прошло около года; на фонѣ кіевскихъ событій гетманской эпохи еще разъ, какъ метеоръ, промелькнуло и также, какъ метеоръ, скрылось и погасло имя этого несомнѣнно яркаго генерала; видную карьеру его и здѣсь

погубила быстрота, рѣшительность и... непродуманность дѣйствій — здѣсь я его и встрѣтилъ послѣдній разъ.

Добровольческая армія его въ своихъ рядахъ не видала — впрочемъ, этимъ не могли похвастаться ни украинская, ни грузинская, ни тѣмъ болѣе большевистская арміи...

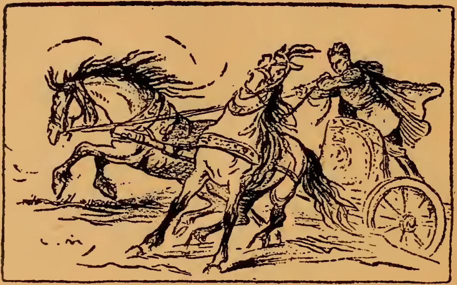
И всетаки — вся его изворотливость, самоувѣренность и находчивость не спасли его отъ руки большевистскаго палача — вмѣстѣ съ нимъ погибъ и его пятнадцатилѣтній сынъ. Какъ ни уговаривали его близкіе и друзья скрыться изъ Одессы, ожидавшей съ минуты на минуту большевиковъ, генералъ, попыхивая сигарой, добродушно посмѣивался: «что вы, что вы, зачѣмъ мнѣ бѣжать — да я самаго чорта заговорю, не то что этихъ дуралѣевъ».

Не заговорилъ!...

«Профессоръ» Толлини черезъ нѣкоторое время оказался... комиссаромъ финансовъ г. Харькова и, по свидѣтельству многихъ лицъ, среди остальныхъ представителей совѣтской власти, онъ былъ единственный порядочный человѣкъ, съ которымъ еще можно было разговаривать...

Я. Лисовой

А. Керенскій въ иностранной каррикатурѣ.



Керенскій въ колесницѣ.

Керенскій: Нужно имѣть сильную руку чтобы управлять парой, запряженной въ государственную колесницу, и выбраться изъ этой трясины — каждая тянетъ въ свою сторону...

РАЗВАЛЪ АРМІИ*)

Невиданный, почти непостижимый, какой то прямо «сверхъестественный» развалъ, въ которомъ пребываетъ сейчасъ бывшее «Государство Россійское», начался, собственно, съ развала россійской арміи.

Произошла въ ней какая то существеная перемѣна, какой то глубокій психологическій сдвигъ, кореннымъ образомъ измѣнившій настроенія, цѣли или намѣренія милліоновъ стоявшихъ подъ ружьемъ людей, и массы «воткнули штыки въ землю», побросали — въ буквальномъ смыслѣ слова побросали — оружіе, открыли крѣпкій и устойчивый до того — и никогда за все время не бывшій столь крѣпкимъ въ смыслѣ матеріальнаго оборудованія — фронтъ и разбрелись «по своимъ мѣстамъ», махнувъ рукою на все:

«Будь, что будетъ!»

«На посту» до конца оставались единицы (много ли добровольцевъ пошло за Корниловымъ, много ли набралось ихъ во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ противосовѣтскихъ отрядахъ Деникина, Дутова, Семенова, по сравненію съ бывшей колоссальной арміей?!), армія же перестала существовать, какъ армія. А вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого связующаго цемента, стала разваливаться на отдѣльныя части и вся—нѣкогда грандіозная—постройка Государства Россійскаго. Основной фактъ исчезновенія арміи повлекъ за собою, какъ производныя, всѣ остальныя послѣдующія событія.

Вначалѣ, при самомъ процессѣ разложенія и таянія арміи, а въ нѣкоторыхъ кругахъ до сихъ поръ еще, приходилось и приходится слышать объясненія этого основного факта «злостной агитаціей» большевиковъ и вообще «лѣвыхъ», «происками» германскихъ агентовъ, чуть ли не планомѣрной

---

*) Помѣщая настоящую статью, редакція оговаривается, что она не вполнѣ раздѣляетъ нѣкоторые изъ взглядовъ автора и хотя мысли, изложенныя имъ въ этой статьѣ, въ подавляющемъ большинствѣ, правильны, тѣмъ не менѣе нужно признать, что причины указанныя авторомъ являются только лишь одной главой въ этой ужасной трагедіи — развала русской арміи.

Статья эта, въ первоначальномъ ея видѣ, была напечатана въ 1918 г. въ журналѣ «Объединеніе», но затѣмъ въ авторской рукописи передана авторомъ въ Музей съ правомъ исправленія и использованія ея.

Обращается вниманіе читателей на «психологію солдатскихъ массъ»,— описаніе которой проведено настолько мастерски и съ такимъ знаніемъ солдатской среды, что страницы эти можно отмѣтить какъ единственныя во всей литературѣ этого вопроса. (Ред.).

работой германскаго генеральнаго штаба. Но подобныя объясненія, задѣвая поверхность, не освѣщаютъ всей глубины явленія, не отвѣчаютъ на вопросъ, такой естественный въ данномъ случаѣ:

«Да какими же причинами обусловленъ неожиданный успѣхъ «агитаціи», «братанія», «поцѣлуйныхъ командъ»?»

Усталостью отъ войны, желаніемъ поскорѣе вернуться домой? Но вѣдь усталость и желаніе точно такого же рода существуютъ и въ другихъ арміяхъ обѣихъ враждующихъ коалицій. Однако...

Незначительностью, малокультурностью массъ, отсутствіемъ развитаго чувства долга, самого представленія объ отечествѣ, объ общности интересовъ? Да, но все это было и раньше и все таки не производило того поразительнаго эффекта, который получился въ 1917 году...

Причина лежитъ, видимо, гдѣ то въ другомъ мѣстѣ.

Мнѣ думается, чтобы разобраться во всемъ происшедшемъ, необходимо оглянуться назадъ на пройденный путь, посмотрѣть, не было ли тамъ признаковъ, предвѣщавшихъ собою ту катастрофу, которая разразилась и послѣдствія которой такъ тяжко сказываются и, пожалуй, еще болѣе тяжко скажутся на насъ. Въ предлагаемомъ очеркѣ, я постараюсь поискать эти признаки въ явленіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ пришлось быть лично, или правильность которыхъ мнѣ удалось провѣрить у людей, не довѣрять которымъ я не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣю основаній...

***

Вы помните, вѣроятно, тотъ общій подъемъ въ началѣ войны — не интеллигентскій только, а массовый народный подъемъ, — то строгое чувство серьезности и важности наступающихъ событій, которые помогли намъ тогда, такъ блестяще, собственно, провести и закончить, несмотря на всѣ «маленькіе недостатки механизма», мобилизацію, небывалую и невиданную дотолѣ у насъ по сложности и количеству захваченныхъ ею народныхъ массъ. Не смотря на всѣ «патріотическія» преувеличенія тогдашней прессы — къ слову сказать, безтолково пропустившей многое серьезное и бившей въ литавры, по преимуществу, по пустякамъ, — мы всѣ знаемъ, что въ общемъ, данныя ею описанія сценъ выступленія и прощанія мобилизованныхъ съ родными, были недалеки отъ истины. Народныя массы шли на войну охотно, съ чувствомъ серьезнымъ и глубокимъ, безъ бахвальства, безъ ухарски — разгильдяйскаго «шапками закидаемъ!», съ предчувствіемъ опасности положенія и съ готовностью на жертвы.

Я, кажется, никогда не забуду одного разговора, слышаннаго мною ночью въ окопѣ передъ атакой. Старый, опытный, «обстрѣлянный» уже, вторично вернувшійся на фронтъ послѣ раненія солдатъ, собралъ вокругъ

себя кучку неопытныхъ, молодыхъ, только что передъ тѣмъ прибывшихъ «на пополненіе» новобранцевъ, нервничавшихъ передъ предстоящей на утро атакой, и, подбадривая ихъ, разсказывалъ имъ о своихъ переживаніяхъ передъ уходомъ на войну:

«Я также вотъ по первоначалу скучалъ... и — и — и!.. Страсть не хотѣлось итить!» — размѣренно 'спокойнымъ голосомъ говорилъ онъ, будто сказку разсказывалъ, — «переселенцы мы, въ Аккмолинской области живемъ... Только было хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ, обзавелись, жить начали, — трахъ война!.. Позабрали помоложе какихъ, ждемъ мы своей череди. Жутко итить, не хочется...»

«Кому охота?! — вставляетъ чей то голосъ.

«Да — а. Загорѣвался я было... Ну, объявили и намъ мобилизацію.. Вышелъ я, какъ сейчасъ помню, послѣднею ночью на дворъ. Тихо такъ; скотина лежитъ , покряхтываетъ; лошади жуютъ... Звѣздочки, — гляжу, — не хуже, какъ вотъ теперь бы, высыпали... Обошелъ я дворъ кругомъ, — кочеты закричали. И вспомнилъ я тутъ: — да вѣдь не одному же мнѣ итить, — вся Расея поднялась... Что жъ я то лучше всѣхъ, что мнѣ бы освобожденіе вышло? — Эхъ, думаю себѣ, не нами зачалось — не нами и кончится... Двумъ смертямъ не бывать, а одной, какъ ни крутись, не минуешь!.. Поклонился я тутъ свѣту бѣлому на всѣ на четыре стороны, звѣздамъ яснымъ, степи широкой: — прощай, бѣлый свѣтъ, прощай родимая сторонушка! Коли суждено живу быть — вернусь; не суждено, — сложу свою голову: дешево не отдамъ! И, какъ рукой, братъ ты мой, сняло всю тоску мою... какъ не бывало! Съ легкимъ сердцемъ пошелъ, играючи, ажъ пѣсню запѣлъ!. Да — а... А распусти себя, — долго ли до грѣха?... Вотъ у насъ въ Переяславскомъ полку случай такой былъ...»

Тоску разставанья съ «родимой сторонушкой» переживалъ не одинъ этотъ солдатъ, переживали ее и массы и, какъ и онъ, переломили ее и, если и не «играючи», то ужъ спокойно и дѣловито пошли на смерть.

Также спокойно и дѣловито , подавивъ тоску разлуки съ близкими, занялась и страна «своимъ дѣломъ».

Въ моей записной книжкѣ я нахожу слѣдующія строки, написанныя въ то время на фронтѣ, въ результатѣ многочисленныхъ разговоровъ съ солдатами:

«Чѣмъ насъ тутъ радуетъ деревня? а) накапливаетъ, придерживаетъ запасы (пусть городъ немного испытаетъ лишенія, это не вредно для него) б) работаетъ, не пьетъ; в) лучше питается; г) появился кое-какой достатокъ: сарафаны, ботинки — частушка: «позакрыли кабаки, зафорсили мужики, сарафаны бабамъ шьютъ, съ самоваровъ кофей пьютъ»; д) меньше эпидемій, уменьшилась дѣтская смертность...

Помню шуточный разсказъ вернувшагося изъ отпуска солдата про молитву бабы, у которой забрали на службу пьяницу — мужа:

«Матушка, Пресвятая Владычица Богородица! грѣшница я, но сдѣлай такъ, чтобъ онъ подолѣ не вернулся... Свѣтъ я бѣлый только и увидѣла, какъ не стало его!...»

Помню не одно умиленно-растроганное воспоминаніе солдатъ — живыхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей — о проводахъ въ деревнѣ:

«Бабенки — то! Прямо подмѣнили ихъ: не ноютъ ужъ, не плачутъ... Вспомнить только японскую войну — никакого сравненія!...»

Вотъ фельдфебель нашей пулеметной команды разсказалъ при этомъ:

«Мой дѣдъ, какъ провожали меня, такъ то ли расходился! Стучитъ по столу кулакомъ: — не можете такъ окончить эту войну! Ни за что!!! И не ворочайтесь лучше!»

И т. д., и т. д., и т. д.,

Нѣтъ, я не могу не засвидѣтельствовать, что народъ нашъ и армія — ея солдатская масса — бодро и съ сознаніемъ важности и серьезности предстоящихъ задачъ приступали къ войнѣ. И не могу сказать того же про руководящіе круги, про первенствующія сословія, про интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова.

Что бы не множить примѣровъ и не ворошить такихъ фактовъ, напоминаніе о которыхъ можетъ вызвать кое у кого краску стыда, я укажу лишь на тѣ въ высшей степени серьезныя и достаточно, казалось бы, компетентныя разсужденія, которыя — вы помните, вѣроятно, — опредѣляли на основаніи точныхъ цыфровыхъ данныхъ продолжительность войны въ 3-4 мѣсяца, много-много въ полгода («иначе не выдержитъ современный финансовый и хозяйственный государственный аппаратъ») и на основаніи, не менѣе точныхъ данныхъ, предсказывали моментъ, когда начнется въ центральныхъ имперіяхъ голодъ, и чуть ли не моментъ, когда онѣ запросятъ мира у союзной коалиціи. Помните, вѣроятно, и авторитетныя опредѣленія будущихъ условій мира и новыхъ границъ «возстановленной Польши», «Великой Сербіи», разодраной «лоскутной монархіи» и «ликвидированной Турціи».... Довольно, думаю! Ни широкіе общественные, ни руководящіе круги ничего, собственно, не знали ни о характерѣ начавшейся войны, ни о размахѣ и продолжительности, ни о рессурсахъ противной стороны, ея подготовкѣ, упругости и силѣ...

Въ общемъ, легкомысленно и ухарски — за немногими, можетъ быть, исключеніями, вступали въ войну верхніе слои страны, а не народъ; и это ухарство, сдобренное въ значительной степени новоявленнымъ «патріотизмомъ» , продержалось въ нихъ довольно долго... — дольше, чѣмъ слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ.

Руководители государства и руководители арміи... но что же говорить

о нихъ, недоброй памяти злыхъ геніяхъ Россіи: всѣмъ извѣстно ужъ съ какою подготовкой, какъ «налегкѣ» вступили они въ эту войну и распространяться много объ этомъ , думаю, не приходится. Не то удивительно, что мы не выиграли войны, а то удивительно, по моему, что мы давнымъ давно, въ первомъ же году, не проиграли ее съ нашей подготовкой, съ нашей «техникой», съ нашими «голыми руками» и съ нашимъ верховнымъ — да и не столь верховнымъ — руководствомъ!...*)

***

Легкомысленно ввязавшись въ страшную по тяжести и продолжительности своей войну, мы техникѣ, подготовкѣ, долголѣтнему обдумыванію и учету всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ, замѣчательнсй организованности и умѣнью приспособляться къ измѣнившимся условіямъ , противопоставили вдохновеніе, наскокъ, чисто русское «авось», «ничего», «какъ нибудь» да преданную, покорную и серьезно относящуюся къ своему долгу массу человѣческихь жизней.

Отъ артиллерійскаго и пулеметнаго огня мы загораживались тѣлами, массою ихъ, въ надеждѣ, что огонь погаснетъ когда нибудь, запасы снарядовъ у противника придутъ къ концу , пушки износятся... Мы имѣли даже преступную дерзость и отвагу бросать эту массу тѣлъ въ наступленіе въ расчетѣ проломить ими желѣзную стѣну, завалить проволоку и окопы и по нимъ, какъ по мосту, пройти къ побѣдѣ... И растратили, почти безъ остатка, прекрасную по духу, стойкую и спаянную перволинейную армію...

Спохватились мы и стали пытаться обзаводиться собственнымъ снаряженіемъ, «милитаризовавъ промышленность», лишь черезъ годъ войны, послѣ разгрома 1915 года, когда наша прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ перволинейная армія на половину, если не больше, растаяла безвозвратно.

Но система затыканія прорѣхъ снабженія и руководства солдатскимъ «пушечнымъ мясомъ» не была оставлена нами до самаго конца войны, и мо-

---

*) Мысль абсолютно не вѣрная. Міровая война предвидѣлась всѣми державами и готовились къ ней всѣ, въ томъ числѣ и Россія. Но, такъ какъ подготовку въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ въ одинъ-два года провести и закончить было нельзя — по финансовымъ, техническимъ, экономическимъ и проч. условіямъ, то она и была разсосредоточена на цѣлый рядъ лѣтъ до 1917 г. включительно — нѣмцы учли грядущую опасность и... сорвали нашу программу.

Такъ же какъ и мы были неготовы и Франція, и Англія — но эти страны быстро наверстали недостающее, благодаря высокимъ условіямъ культуры въ этихъ государствахъ.

Что касается руководителей арміи, то обвиненіе ихъ въ общей неподготовкѣ также, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ легкомысленно: были у насъ вожди и хорошіе, и плохіе — и «таланты» и «безталанные», были, конечно, и преступники... но нужно опредѣленно сказать, что подобная огульная фраза, какъ: «недоброй памяти злые геніи Россіи» — возлагаетъ на автора слишкомъ большую отвѣтственность и обнаруживаетъ его малое знакомство съ этой стороной вопроса.(*Ред.*)

билизація все новыхъ и новыхъ возрастныхъ призывовъ различныхъ разрядовъ продолжались вплоть до революціи 1917 года. Остановились мы не потому, что сознали ненужность и гибельность этой системы, а потому, собственно, что исчерпали до конца свой людской запасъ, призвавъ всѣ годные возрасты всѣхъ разрядовъ вплоть до 17-лѣтнихъ мальчиковъ, когда послѣднимъ рессурсомъ нашимъ оставались лишь «старики», боевыя качества которыхъ даже нашему командованію казались не совсѣмъ удовлетворительными.

Кромѣ необходимости пополненія фронта и уравновѣшенія недостатка снаряженія и снабженія массою резервовъ, въ этихъ щедрыхъ призывахъ значительную роль сыграла, достойная лучшаго примѣненія, настойчивость нашихъ бывшихъ союзниковъ. И сами значительно отставъ отъ подготовки къ этой войнѣ германцевъ, напрягая всѣ усилія, чтобы догнать, а если возможно, то и опередить ихъ въ отношеніи матеріальной силы фронта у себя «дома», на западно-европейскомъ фронтѣ, употребивъ на это колоссальные рессурсы свои и Америки, союзники, какъ утопающій за соломинку , ухватились за нашу доморощенную систему уравненія силъ при помощи массы, и пока не насытили въ достаточной мѣрѣ своего фронта матеріальной частью, все толкали и толкали насъ на новыя и новыя мобилизаціи.

Больше того и легкомысленнѣе того (чтобы не сказать рѣзче). Прихваливая насъ на всѣ лады, льстя нашему великодержавному самолюбію, они заставляли насъ вести наступательныя операціи для оттяжки германскихъ резервовъ съ западно-европейскаго фронта и сохраненія тамъ стратегическаго равновѣсія.

При отсутствіи у союзной коалиціи координаціи дѣйствій, основанной на единственно цѣлесообразномъ въ данномъ случаѣ, какъ показалъ опытъ центральной коалиціи, единствѣ командованія, — «концентраціи воли», если можно такъ выразиться, — наши наступленія въ концѣ концовъ свелись лишь къ безрасудной тратѣ нашей живой силы. И только. Мы наступали, а союзники, строго говоря, не шевелили — сколько нибудь серьезно — и пальцемъ, чтобы помочь нашему наступленію, и допускали свободную переброску Германіей войскъ съ запада на востокъ, для ликвидаціи нашего наступленія и его успѣховъ. Пользуясь нѣсколько вульгарнымъ, но мѣткимъ опредѣленіемъ дѣйствій союзниковъ, выработаннымъ нашей дѣйствующей арміей въ 1916 году, союзники, «втравливали» насъ въ колоссальной важности, но и колоссальной же трудности, боевыя задачи, а сами ограничивались въ это же время тѣмъ, что любовались нашимъ геройствомъ и нашимъ самопожертвованіемъ, при всякомъ такомъ случаѣ обѣщая «не забыть» нашихъ усилій, — всего того, что мы сдѣлали для спасенія ихъ, начиная съ гибели самсоновскихъ войскъ и кончая іюньскимъ наступленіемъ 1917 года.

Не умѣя или не желая подчинить своему руководству наши дѣйствія, не довѣряя нашему командованію своихъ силъ, союзники, будто нарочито, дѣлали такъ, что бы наши наступательные порывы поскорѣе выдохлись, чтобы мы, обезсиленные, поскорѣе и все рѣшительнѣе вычерпывали изъ страны живую силу ради «поддержанія равновѣсія». Ни разу, собственно, не согласовали они своихъ ударовъ съ нашими наступленіями, били не вмѣстѣ, а вразбродъ...

Армія — ея солдатская и офицерская масса — замѣчала эту несогласованность дѣйствій, понимала это несоотвѣтствіе нашихъ усилій и усилій союзниковъ и зависимость нашихъ мобилизацій, истощавшихъ рабочую силу страны, разорявшихъ и дезорганизовавшихъ тылъ, отъ неготовности и неумѣнія союзниковъ, и популярность союзниковъ падала и падала въ ней во все время продолженія войны, опускаясь иногда скачками до очень низкихъ степеней.

Если къ осени 1916 года въ офицерской средѣ и существовалъ еще по отношенію къ нашимъ общимъ военнымъ дѣламъ, не только офиціальный «наигранный» оптимизмъ, но и оптимизмъ искренній, покоившійся на старомъ престижѣ Англіи и уваженіи къ англійскому «бульдожьему» характеру, къ англійской цѣпкости и «мертвой хваткѣ», то среди солдатской массы, послѣ такъ блестяще начатаго и такъ позорно выдохшагося галиційскаго «брусиловскаго» наступленія 1916 года, таковото не осталось и слѣда. Вѣдь армія — ея солдатская масса и вышедшій изъ ея среды низшій командный составъ («прапорщики») — училась во все продолженіе войны на собственномъ горькомъ, тяжеломъ и страдальческомъ боевомъ опытѣ. И собственные раны, труды, лишенія, и обиды, и жизни погибшихъ товарищей помогли имъ «раскусить», что въ отношеніяхъ союзниковъ къ «намъ» — къ этой вотъ именно живой, чувствующей, думающей человѣческой массѣ — «что то, какъ будто, не то», — какъ выражались солдаты, — есть «какая то червоточинка».

Но прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выводъ изъ этого положенія, солдатскія массы долго, очень долго и терпѣливо ждали подтвержденія или опроверженія этого положенія, — ждали помощи отъ союзниковъ.

Помню — еще во времена нашего тяжелого и славнаго отхода въ 1915 году, когда, казалось, висѣла на волоскѣ судьба арміи, но вѣра въ союзниковъ была еще сильна, всякій разъ, какъ въ наши руки попадала случайно газета, первымъ вопросомъ со стороны окружающихъ былъ вопросъ о западно-европейскомъ фронтѣ:

«Ну, чего о союзникахъ слышно? Не перешли еще въ наступленіе?!»

Тогда вся армія — кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ наиболѣе освѣдомленныхъ представителей штаба верховнаго главнокомандующаго —

была увѣрена, что союзники не бросятъ насъ въ бѣдѣ, помогутъ, перейдутъ въ наступленіе сами.

«Какъ хорошо было бы! — мечтательно вздыхали солдаты, строя фантастическія, но въ основѣ здравыя стратегическія соображенія и планы насчетъ «взаимной выручки».— Все бы намъ полегше было... А то вплотную навалились на насъ однихъ два государства... Не передохнуть!..»

Объясненія, дававшіяся офицерскимъ составомъ, который и самъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ , и сводившіяся въ общемъ къ тому, что союзникамъ тоже надо сейчасъ оправиться, наколить силы, подготовиться къ удару, принимались со вздохомъ разочарованія: «Эхъ, скорѣе бы ужъ!..» но все же съ сознаніемъ необходимости такого накопленія.

И, отходя, въ невѣроятныхъ по тяжести, «нечеловѣческихъ» условіяхъ — безъ снарядовъ, безъ патроновъ, отбиваясь отъ атакъ чуть ли не камнями — солдаты наши все же находили въ своей душѣ жалость по отношенію къ союзникамъ!

«Да — а, имъ милягамъ, тоже въ прошломъ годѣ туго пришлось... Кабы не мы тогда, почитай, отъ французовъ мокрое бы мѣсто только осталось!»

И мечтательно вѣрили:

«Вмѣстяхъ — они оттуда, мы отсюда — навалимся, — затрещитъ германецъ! Не выдержать ему!»

«Гдѣ же выдержать ежели и спереди и сзади?! Не разорваться!»

«Кишка лопнетъ съ натуги!»...

И послѣ жестокаго опыта 1915 года вѣра массъ въ помощь союзниковъ не потерпѣла значительнаго ущерба. Было непріятно, досадно, что такъ плохо складываются обстоятельства для насъ и для нихъ, но когда выяснилось, что союзники окажутъ намъ щедрую помощь матеріальнымъ снаряженіемъ, — армія была довольна:

«Лишь бы побольше снарядовъ да патроновъ прислали, а людей у насъ самихъ хоть отбавляй».

Когда на фронтѣ стало извѣстно, что мы посылаемъ своихъ солдатъ во Францію, солдаты были даже рады:

«Давно бы такъ то! — удовлетворенно толковали они: что жъ у насъ зря въ тылу народъ треплется безъ винтовокъ? А тамъ людей нѣту, зато всего другого вдоволь!.. Давно пора!!..»

Но эта вѣра всю слѣдующую зиму и весну подтачивались мелочами, незамѣтными и такими незначительными для посторонняго наблюдателя мелочами.

Надписи на ящикахъ: «берегите снаряды», устарѣлаго типа моторы на аэропланахъ, про которые союзные же инструктора — механики говорили, что они удивляются нашимъ летчикамъ, рискующимъ дѣлать боевыя развѣдки на аэропланахъ съ этими моторами, которые никѣмъ уже не

употребляются на западно-европейскомъ фронтѣ, «французскія берданки», какъ окрестили наши солдаты присланныя намъ на вооруженіе старыя винтовки; японскія винтовки Арисака разныхъ типовъ безъ достаточнаго количества патроновъ къ нимъ, устарѣлыя орудія, бомбометы «изъ водопроводныхъ трубъ» и т. д. и т. д. — все это солдатская масса видѣла, замѣчала и отмѣчала въ сердцѣ своемъ, копя тихую, но грозную обиду и разочарованіе.

«На тебѣ, небоже, что намъ негоже!..» — вотъ какъ стала опредѣлять солдатская масса отношеніе союзниковъ къ намъ къ веснѣ 1916 года.

Даже нашу собственную дезорганизацію и неразбериху, она стала время отъ времени относить на счетъ союзниковъ, какъ бы упрекая ихъ за то, что они не принимаютъ мѣръ къ устраненію основныхъ причинъ этой неразберихи.

Весною 1916 года, когда мы стояли на Рижскомъ фронтѣ, въ нашъ полкъ пришло предписаніе получить въ Петроградскомъ артиллерійскомъ складѣ 10 пулеметовъ до полнаго комплекта (до того мы орудовали съ 4-мя, потомъ съ 6-ю пулеметами противъ германскихъ 16-ти и потомъ 20-ти). Поѣхалъ офицеръ съ командой въ Петроградъ. Тамъ его продержали двѣ съ половиной недѣли и, въ концѣ концовъ, за недостаткомъ пулеметовъ, рекомендовали «обратиться въ Тапсъ». Пришлось всѣмъ людямъ вернуться на фронтъ, переписать въ полку и дивизіи соотвѣтствующія требованія и удостовѣренія и ѣхать въ Тапсъ. Въ Тапсѣ быстро, не затягивая дѣла, показали пустые сараи:

«Видите сами? Откуда же взять? Обратитесь въ Витебскъ».

Опять возвращеніе на фронтъ, переписка бумагъ и путешествіе съ командой въ Витебскъ.

Въ Витебскѣ заявляютъ: «Вы не нашего фронта!.. У насъ отъ своихъ отбою нѣтъ...»

«Но вѣдь намъ нельзя ждать, у насъ бои!».

«А у насъ танцы?»

И только «ради Христа» удалось вымолить пулеметы безъ двухколокъ и нѣкоторыхъ запасныхъ частей и привести ихъ на фронтъ.

Солдаты видятъ все это, обсуждаютъ, дѣлаютъ свои умозаключенія... Разбираемъ на фронтѣ, чистимъ, слаживаемъ пулеметы. Слышу голосъ пулеметнаго унтеръ-офицера I-го взвода, Кокина:

«И чего «они» тамъ («они» относится къ союзникамъ) ноздрями мухъ ловятъ?! Писали, что генералъ Рокъ къ намъ пріѣхалъ... а толку что то незамѣтно».

Реплику подхватываетъ другой унтеръ-офицеръ, Тяпинъ:

«Да у насъ какъ бы по старому не вышло: какъ будемъ готовы по настоящему, такъ и миръ!»

Но все же еще вѣра солдатскихъ массъ въ искреннее отношеніе къ намъ союзниковъ не была окончательно подорвана. Солдаты ворчали недовольно, но все же считали, что «братство по оружію» является настоящимъ братствомъ, что мы равноправны передъ лицомъ смерти въ глазахъ союзниковъ, что они насъ выручатъ въ трудную минуту. Вѣра эта держалась — «теплилась» я бы сказалъ, — почти до середины лѣта 1916 года, когда стала замѣчаться уже «заминка» въ Брусиловскомъ наступленіи, когда появились — сначала подъ Ковелемъ, а потомъ и въ Галиціи на станиславскомъ и другихъ направленіяхъ — германскіе полки изъ подъ Вердена.

«Что жъ они — такъ ихъ и этакъ! — не наступаютъ?» — стала рѣзко «по армейски» выражаться по адресу союзниковъ армія — подъ Верденомъ выдохлись? Велика штука Верденъ ихній, подумаешь, когда тутъ можно бы....»

Неподдержанное во время союзниками наступленіе 1916 года добило окончательно вѣру солдатскихъ массъ въ союзниковъ, въ исходъ войны.

«Били, били, однихъ снарядовъ извели сколько, какъ въ ж... все! Толку не выйдетъ этакъ, я вамъ вѣрно говорю», — такія рѣчи стали раздаваться все чаще и чаще.

Въ это время, вслѣдъ за выступленіемъ Румыніи и, обнаружившейся немедленно какой то почти утрированной неготовностью ея, упавшей всей тяжестью на плечи нашей же арміи, сложился въ арміи разсказъ-анекдотъ, имѣвшій въ виду румынскій фронтъ, но мѣтившій своимъ сарказмомъ дальше и глубже. Анекдотъ передавалъ, что будто бы, послѣ одного изъ боевъ въ Румыніи, когда нашимъ частямъ едва удалось выбиться изъ тисковъ, образовавшихся изъ за спѣшнаго отхода съ фланговъ румынъ, ушедшихъ безъ всякаго предупрежденія сосѣдей, на германской линіи появился плакатъ съ надписью:

«И везетъ же намъ съ вами на союзниковъ!...»

Анекдоту смѣялись, но анекдоту и вѣрили и, что самое убійственное, соглашались съ внутренней правдой его.

И слово «союзники», полное такого глубокаго смысла и значенія раньше, стали употреблять въ уменьшительной формѣ, придавая ему уменьшительный и обидно ироническій оттѣнокъ:

«Со — юз — нич — ки!...»

Съ этого именно періода войны армія, окончательно извѣрившись и въ союзникахъ, какъ раньше извѣрилась въ своемъ командномъ составѣ и верховномъ руководствѣ, сдѣлала окончательный выводъ изъ всѣхъ своихъ предыдущихъ переживаній, «махнула рукой» на все и поддалась чувству глубокаго равнодушія и безразличія къ возможному исходу войны и всѣмъ послѣдствіямъ его:

«А-а-а, все равно! хуже не будетъ!... И подъ нѣмцемъ можно жить...» вотъ формула, которую приняла она, а черезъ нее и весь народъ, по отношенію къ судьбѣ, ожидавшей его въ результатѣ этого равнодушія и разочарованія...

***

Понимали солдатскія массы на фронтѣ и народныя массы въ странѣ и по своему, — но вѣрно — оцѣнивали и ту нелѣпую дезорганизацію тыла, которая происходила у насъ при помощи безконечныхъ и сверхъ всякихъ расчетовъ и даже внѣ сколько нибудь правильнаго учета — мобилизацій людского состава.

Нелѣпая цѣль тушить огонь кровью скоро же привела и къ нелѣпымъ и гибельнымъ для страны результатамъ. Накопляя запасъ, мы при помощи мобилизацій добились того, что тылъ нашъ оказался забитымъ людьми до пересыщенія. Вмѣсто того, чтобы держать, хотя бы и большія, но основанныя все же на какомъ нибудь расчетѣ и пріуроченныя къ потребностямъ крупныхъ соединеній (не менѣе корпуса, по крайней мѣрѣ) депо пополненія вблизи фронта на главныхъ стратегически опредѣлимыхъ направленіяхъ— рижскомъ, двинскомъ, западномъ, юго-западномъ и т. д. — мы раскидали эти депо, въ видѣ запасныхъ батальоновъ для отдѣльныхъ полковъ, по всѣмъ крупнымъ и большинству мелкихъ городовъ и даже мѣстечекъ и забили ими страну вплоть до Иркутска, если не дальше. Вычерпывая изъ страны людской запасъ по единственному, кажется, принципу — «душа мѣру знаетъ» — мы, въ концѣ концовъ, сами утеряли представленіе о количествѣ его и опредѣляли число его просто «на глазъ».

Лицо, близко стоявшее къ центральному отдѣлу снаряженія Всероссійскаго Земскаго Союза, передавало мнѣ характерный отвѣтъ, полученный имъ отъ оффиціальныхъ представителей интендантства на одномъ изъ совѣщаній на просьбу опредѣлить точнѣе, сколько же требуется обмундированія.

«Да кто же это знаетъ? Развѣ «ихъ» считали. Такъ милліоновъ на 15-17 прикидывайте...»

Несчастная система противопоставленія огню массы, соединенная съ системой отдѣльныхъ запасныхъ батальоновъ, предполагавшей расположеніе батальоновъ въ мѣстѣ квартированія полка въ мирное время, привела къ слѣдующимъ печальнымъ результатамъ.

Во-первыхъ, мы набили свои запасные батальоны людьми сверхъ мѣры—были батальоны, насчитывавшіе свыше 20 тысячъ человѣкъ; одновременно люди, въ расширенныхъ и увеличенныхъ казармахъ, располагались въ три-четыре яруса, жили въ запасныхъ батальонахъ по-долгу, занимались лишь «для отвода глазъ» гимнастикой, выправкой и т. п. пустяками, изъ

за отсутствія винтовокъ и шанцеваго инструмента не проходили ни курса, хотя бы сокращеннаго , стрѣльбы, ни самоокапыванія, пили, ѣли, трепали обувь и платье, а на фронтъ приходили мало обученными и мало подготовленными, такъ что на фронтѣ ихъ приходилось доучивать или даже переучивать вновь...

Во-вторыхъ, придерживаясь все еще остроумной системы тассованія населенія, такъ сказать, экстерриторіальности арміи, практиковавшейся въ мирное время и обусловленной вѣчной боязнью мѣстныхъ «сепаратизмовъ», мы и во время войны принуждены были вывозить призванныхъ въ Полтавской губерніи солдатъ въ запасные батальоны Томска, сибиряковъ — въ Западную Россію, поляковъ — въ Восточную Сибирь, архангельцевъ въ Туркестанъ, туркестанцевъ — на Мурманъ и т. д., чѣмъ безъ нужды «зря» забивали и перегружали подвижной составъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и безъ того изношенный и, по малочисленности, перегруженный работой. Въ третьихъ, мы еще болѣе перегружали свои желѣзныя дороги новой перевозкой маршевыхъ ротъ изъ запасныхъ батальоновъ въ полки дѣйствующей арміи на фронтъ, заставляя нѣкоторую часть людей излишне кататься по одному и тому же направленію взадъ и впередъ, напримѣръ, изъ Черниговской губерніи въ Иркутскъ и изъ Иркутска на Юго-Западный фронтъ.

Въ четвертыхъ, мы далеко не способствовали разгрузкѣ нашихъ «жизненныхъ артерій» тѣмъ, что катали по нимъ всякаго рода довольствіе для всѣхъ этихъ скученныхъ въ запасныхъ батальонахъ людей.

Въ пятыхъ, мы хозяйственно обезсиливали страну, вычерпывая изъ нея продукты и фабрикаты всякаго рода — хлѣбъ, скотъ, кожу, табакъ, чай, сахаръ, шерсть, сукно, полотно и т. д. — на содержаніе, въ теченіе нѣкотораго излишняго промежутка времени, каждаго изъ попадавшихъ въ запасные батальоны и катавшихся безъ нужды по желѣзнымъ дорогамъ мобилизованныхъ.

Въ шестыхъ, мы тоже безъ толку обезсиливали страну, уводя изъ нея рабочее населеніе, отрывая его отъ производительнаго труда и обрекая на праздность въ четырехъ стѣнахъ казармъ...

Не трудно было сообразить и понять, какъ гибельно отзывались на странѣ эти порядки, какъ стремительно падала производительность ея и какъ быстро истощались ея запасы. Армія , сама въ громадномъ большинствѣ прошедшая черезъ тыловые этапы, прежде чѣмъ попасть на фронтъ, видѣла, конечно, все это и учитывала нелѣпость и разорительность нашей системы комплектованія. И къ 1916 году стала поговаривать объ этомъ довольно откровенно и вслухъ.

Страна — крестьянская, деревенская и городская рабочая Русь — заворчала недовольно много раньше. Солдатская же, одѣтая въ сѣрые шине-

Русь, заворчала лишь тогда, когда оскудѣніе страны вплотную нагляд-
подошло къ ней и отразилось на многочисленныхъ мелочахъ ея быта.

Зорко замѣчали и вѣрно оцѣнивали солдаты эти «мелочи». Стали при-
слать изъ интендантства въ полки, положимъ, котелки не изъ мѣди, а
изъ жести, пояса не изъ ремней, а изъ парусины, ранцы не изъ брезентоваго
полотна, а изъ мѣшечнаго холста, тѣлогрѣйки не на ватѣ, а на паклѣ, вмѣ-
сто сапогъ — ботинки и т. д. и т. д. Солдаты умозаключали:

«Не хватаетъ уже!...»

Стали сокращать весною 1916 года мясныя порціи, вводя «рыбные дни»,
замѣняя мясо овощами, кашей, чечевицей. Солдаты отмѣтили и это:

«Скотинку то проѣли, видно, а она не такъ скоро растетъ!...»

Но тогда они оговаривались еще:

«Была бы кашка, а воевать еще можно!»

Хотя болѣе скептически настроенные изъ нихъ добавляли:

«Да только къ кашкѣ то еще бы чего нибудь!...»

Рѣзкій переломъ въ отношеніи къ порядкамъ произошелъ въ арміи пос-
лѣ посыпавшихся, одинъ за другимъ, какъ всегда у насъ, неумѣренныхъ
призывовъ ратниковъ ополченія 2-го разряда — этихъ «маменькиныхъ сын-
ковъ», береженныхъ, поеныхъ, кормленыхъ, холеныхъ, какъ насмѣшливо
опредѣляла ихъ дѣйствующая армія.

По настойчивымъ требованіямъ союзниковъ, мы, исчерпавъ изъ страны,
не истративъ его и на треть, нашъ сколько нибудь обученный ранѣе люд-
ской запасъ, принялись выкачивать изъ нея послѣднія, оставшіеся въ ней
сколько нибудь поддерживавшія ея хозяйственное равновѣсіе, рабочія
силы. Въ деревняхъ послѣ этого оставались лишь старъ да младъ, тяжесть
работы легла на женскія, менѣе опытныя и сильныя, руки...

Заваливъ въ хозяйственномъ отношеніи страну, забравъ послѣднихъ
«кормильцевъ-кормильцевъ», мобилизація ополченія не улучшила положенія
арміи, а, наоборотъ, качественно сильно ухудшила ея составъ. Со 2-мъ раз-
рядомъ въ армію влилось громадное количество людей, которые издавна,
годами и десятилѣтіями, сжились съ мыслью, что они застрахованы отъ воен-
ной службы самимъ фактомъ зачисленія во 2-й разрядъ, что война съ ея
ужасами, тягостью, рискомъ минетъ ихъ, какъ миновала въ свое время
военная служба.

«Намъ череду не будетъ, — народу и безъ насъ много!» — говорили они
во время этой войны и шутливо прибавляли: — «нашъ чередъ вмѣстѣ съ
бабами воевать, когда нѣмецъ сюды къ намъ дойдетъ!»

А такъ какъ предполагалось само собою, что «нѣмецъ» никогда до ихъ
мѣстожительства не дойдетъ, то само собою вытекало также, что и «череду
никогда не будетъ».

Само государство, выдѣляя ихъ при ежегодныхъ призывахъ по признаку рожденія, по жребіямъ или физическимъ недостаткамъ, укрѣпляло въ нихъ эту мысль и всѣ связанныя съ нею, какъ производныя изъ основной аксіомы, настроенія. Старшія поколѣнія — «отцы и матери» — также смотрѣли на ихъ отношенія къ военной службѣ и къ войнѣ, считая ихъ именно, свободныхъ отъ солдатчины и связанныхъ съ нею случайностей, настоящими — «прирожденными», «Богомъ данными, царемъ пожалованными», — «поильцами — кормильцами», опорой въ старости и такомъ общемъ несчастьи, какъ война.

И вотъ, эта то «психологическая привычка» была затронута послѣдними призывами и притомъ затронута рѣзко — сразу и безъ подготовки — и глубоко. Оставшееся безъ «кормильцевъ-поильцевъ», населеніе не могло не ахнуть и не взроптать, сами «кормильцы-поильцы» далеко не съ благословеніями пошли на военную службу. Этимъ создалась глубокая психологическая подготовка сначала равнодушія къ войнѣ, къ ея успѣхамъ и продолженіямъ, а потомъ и «непріятія» и отрицанія ея, на которой позже развернулись всѣ послѣдующія событія, начиная съ февральской революціи 1917 года.

Вливая въ армію столь значительныя массы психологически неподготовленныхъ къ пребыванію въ ней, внутренне не пріемлющихъ ее людей, наше командованіе не учло того обстоятельства, что это вливаніе можетъ отразиться разлагающимъ образомъ на самой арміи. Это и случилось. Второй разрядъ внесъ въ армію и на фронтъ начало равнодушія къ судьбамъ войны и страны, и, какъ противоположность этого, сильно развитое «шкурничество», боязнь за свою личную безопасность, судьбу, жизнь. И это сказалось сразу же въ сильно развитомъ къ осени 1916 года дезертирствѣ.

Дезертирство наблюдалось, конечно, и раньше, но въ близкихъ къ «нормальнымъ», если можно такъ выразиться, размѣрахъ.

При призывѣ и при безпрерывныхъ передвиженіяхъ такихъ многомилліонныхъ войсковыхъ массъ, какія были мобилизованы у насъ, даже небольшой процентъ дезертировъ, неизбѣжный во всякой — хотя бы наиблагоустроеннѣйшей арміи, дастъ колоссальныя цифры въ десятки и даже сотни тысячъ бѣглыхъ, злостно отсталыхъ, симмулирующихъ болѣзни, раненія и т. д. Но въ нашей арміи, до Брусиловскаго наступленія и призывовъ 2-го разряда, сплошь и рядомъ, къ дезертирству относились и такіе случаи, которые ничего общаго съ нимъ не имѣли.

Помню, весной 1916 года, нашу дивизію внезапно, давъ всего 3-4 часа на сборъ, перебросили съ Рижскаго фронта — изъ подъ Икскюля въ Галицію. Мѣста назначенія, до момента выгрузки изъ вагоновъ, никто, даже въ штабѣ дивизіи, не зналъ, различные полки то останавливались и выгружались, то снова садились въ вагоны въ разныхъ участкахъ то Западнаго,

о Юго-Западнаго фронта и слѣдовали, опять по новому, тоже неизвѣстному ля насъ направленію. Полкъ нашъ, послѣ высадки на границѣ Галиціи, рошелъ болѣе ста верстъ, участвовалъ въ бояхъ и потонулъ въ той гущѣ ойскъ, которая тогда была сосредоточена въ Галиціи для наступленія. \ при внезапномъ выступленіи изъ Икскюля и спѣшной и запутанной пе-

«Революціонная Армія» въ русской карикатурѣ.

Дезертиръ и Россія.

Дезертиръ. — На фронтъ я больше, мамаша, не пойду, Я остаюсь дома и буду защищать реболюцію.
Россія. — ...Твоя защита приведетъ ее къ развалинамъ.

реброскѣ, мы, естественно, не могли не оставить позади себя довольно значительное количество солдатъ: бывшихъ въ отпускахъ и командировкахъ, выписанныхъ изъ лазаретовъ и возвращавшихся въ полкъ, просто запутавшихся въ толчеѣ и неразберихѣ большихъ узловыхъ станцій и не успѣвшихъ попасть въ отходившій эшелонъ.

И вотъ громадное большинство этихъ отсталыхъ догнали полкъ, кто по дорогѣ, кто на стоянкахъ, кто разыскалъ уже на фронтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, принужденные обстоятельствами толочься по тылу, по надъ фронтомъ, были арестованы тыловыми властями и препровождены къ этапнымъ комендантамъ, какъ дезертиры.

Одного такого арестованнаго и бѣжавшаго затѣмъ въ свой полкъ на фронтъ «дезертира по неволѣ» мнѣ довелось распрашивать подробно.

«Какъ же ты ушелъ?!

«Фу-у ! буду я дожидаться ихней отправки! Это до самой зимы до полка не доѣдешь: пока соберутъ партію, отправятъ къ другому коменданту, а тамъ опять жди партіи... А я выглядѣлъ, какіе у нихъ порядки, да ночушкой и далъ тягу. Эшелонъ какъ разъ проходилъ мимо , къ нему прицѣпился, а потомъ на пассажирскій пересѣлъ... Ищи вотъ теперя меня!...

«А какъ же ты полкъ нашелъ?

«А языкъ на што?! Какъ разъ раненыхъ изъ Галиціи везли, — ну разспросилъ: не видали ли, молъ, нашихъ? Быдто, говорятъ, есть такая дивизія. Я — Господи благослови — и двинулъ! Ежели ужъ не найду , думаю, къ другому какому полку пристану... авось примутъ!..»

И такихъ случаевъ при постоянной перебрoскѣ войскъ съ мѣста на мѣсто, особенно при установкѣ фронта при незамершихъ еще бояхъ осенью 1915 года и при перегруппировкахъ осенью передъ наступленіемъ 1916 года, было не мало. Процентъ же дезертировъ въ собственномъ смыслѣ, — лицъ, злостно уклонившихся отъ службы — былъ сравнительно не великъ и близокъ кь нормальному.

Таковъ же онъ былъ и въ «маршевыхъ ротахъ» пополненія, приходившихъ на фронтъ (иногда послѣ нѣсколькихъ недѣль путешествія и перебросокъ по желѣзнымъ дорогамь) въ порядкѣ.

Не то стало наблюдаться въ арміи съ осени 1916 года, когда въ нее стали вливаться значительной струей призванные второразрядники, и особенно послѣ революціи, когда начала выявляться въ арміи все явственнѣе и явственнѣе «воля къ миру», какъ тогда называли это явленіе. Дезертиры заполняли собою тылъ. «Маршевыя роты» стали доходить на фронтъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ, тая по дорогѣ. Дошло до того, что въ полки, ждавшія пополненія, молившіе о немъ, приходили зачастую лишь списки пополненія.

Ни мольбы, ни угрозы, сыпавшіяся изъ разныхъ инстанцій — вплоть до верховнаго командованія и высшей государственной власти — ни мало не помогало дѣлу. Армія стала разстраиваться, разсѣдаться въ самыхъ существенныхъ основахъ своихъ. Единый когда то, спаянный общностью цѣли, чувства любви къ родинѣ и сознанія необходимости ея защиты, монолитъ

сталъ «вывѣтриваться», распыляться — и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе — на отдѣльныя людскія песчинки, начавшія — каждая въ отдѣльности — руководиться своимъ личнымъ благополучіемъ, своими личными взглядами.

«Лишь бы мнѣ уцѣлѣть!»

Армія съ такимъ преобладающимъ настроеніемъ солдатскихъ массъ перестаетъ быть арміей, и, если она держится еще внѣшней дисциплиной, силой инерціи, привычки, въ боевомъ отношеніи она никуда негодна, ибо больна внутренне смертельной болѣзнью равнодушія, волевой прострацией. Когда и наша армія была поражена потерей вѣры, потерей смысла сопротивленія, она тоже перестала, въ сущности, быть арміей, и на всѣ призывы Временного Правительства, верховнаго командованія, общества и сохранившихъ еще вѣру товарищей, большинство составлявшихъ ее особей, какъ вы знаете, внутренне, — а иногда и вслухъ — отвѣчало упрямо:

«Ищите себѣ другихъ дураковъ!.. А мы подождемъ, съ насъ довольно!».

Психологически забастовка арміи началась гораздо раньше позорно провалившагося наступленія 1917 года, и не замѣтить этого значило ничего не понимать въ происходившемъ и дѣйствовать «очертя голову», на-авось. Ни Временное Правительство, ни верховное командованіе, ни союзники, вдохновлявшіе это наступленіе, этого не замѣтили. Провалъ не замедлилъ послѣдовать.

Винить ли только массы въ этомъ провалѣ?... Я не рѣшаюсь...

«Покушеніе съ негодными средствами» и матеріаломъ не могло не привести къ негоднымъ результатамъ, и нельзя оправдать мастеровъ, которые должны были знать качество матеріала, съ какимъ имъ приходилось оперировать...

С. Арефинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ФРОНТА.

ДВА СМЕРТНЫХЪ ПРИГОВОРА.

А.

Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ.

Событія въ раіонѣ ст. Залѣсье, въ связи съ бунтами частей 2-й гренадерской и 174-й пѣх. дивизій и попытками ихъ открыть фронтъ, приняли настолько угрожающій характеръ, что по распоряженію бывшаго Военнаго Министра А. Керенскаго для усмиренія ихъ и разоруженія была примѣнена вооруженная сила.

Собственно говоря—всю эту операцію по разоруженію можно было закончить въ одинъ день—при условіи, конечно, рѣшительности дѣйствій и предоставленія полной инициативы въ этомъ случаѣ начальствующимъ лицамъ.

Къ сожалѣнію, руководившіе усмиреніемъ члены Исп. Ком. С.Р. и С.Д., Берманъ и милѣйшій Пруссакъ, въ своихъ дѣйствіяхъ примѣнили принципы «уговариванія и безкровія», въ результатѣ чего создали у бунтовщиковъ увѣренность въ полной безнаказанности; ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось то, что операція по разоруженію затянулась почти на недѣлю и оказалась болѣе кровопролитной, чѣмъ это предполагалось.

Вся картина вполнѣ исчерпывается двумя нижеприводимыми документами.

I. ПРОТОКОЛЪ
ЗАСѢДАНІЯ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ КОМИТЕТОВЪ 174-Й ПѢХ. ДИВИЗІИ.

Изъ копіи протокола засѣданія Съѣзда полковыхъ комитетовъ 174 пѣх. дивизіи, 22 сего іюля, на которомъ присутствовали члены дивизіоннаго и полковыхъ комитетовъ 694, 695 и 696 пѣх. полковъ, штаба дивизіи, инженерной роты и батальона смерти выяснилось слѣдующее о событіяхъ въ 693 пѣх. полку:

Изъ заявленія сдѣланнаго Начальникомъ 174 пѣх. дивизіи и докладовъ

съ мѣстъ выяснилась полная характеристика и дѣятельность предсѣдателя полкового комитета 693 пѣх. полка Швайкина и его ближайшихъ сотрудниковъ Галкина и Севастьянова.

Съ первыхъ дней работа полкового комитета, во главѣ котораго стоялъ Швайкинъ, пошла по неправильному пути. Отрицая всякую организованную и планомѣрную работу, дѣйствуя исключительно митинговымъ порядкомъ, сѣя рознь между офицерами и солдатами, призывая послѣднихъ къ неповиновенію начальствующимъ и хватанію ихъ за глотку, онъ избѣгалъ участія въ высшихъ комитетахъ, хотя и состоялъ въ нихъ членомъ, опасаясь и не выдерживая разумной критики своихъ поступковъ.

Вся его компанія, будучи президіумомъ полкового комитета, проводила все то, что имъ было на руку, не считаясь съ мнѣніями и постановленіями всего полкового комитета. Протоколы составлялись послѣ засѣданія полкового комитета и постановленія, нежелательныя ему, въ протоколы не заносились.

Ко всѣмъ приказамъ и постановленіямъ начальствующихъ лицъ и военныхъ организацій относился отрицательно, указывая на то, что до отданія этихъ приказовъ не спрашивали широкія массы, нужны ли имъ такіе приказы. Послѣдніе приказы, въ связи съ событіями на фронтѣ, истолковывались имъ какъ поворотъ къ старому режиму, — призывая къ неисполненію этихъ приказовъ.

Въ политическомъ отношеніи личность Швайкина темна и неясна. Наряду съ его, якобы, крайней преданностью и защитою революціи и свободы—откровенно высказывался за еврейскіе погромы, говоря, что они поголовно капиталисты.

Прежде чѣмъ появиться на какомъ либо митингѣ, онъ предварительно посылалъ туда своихъ приверженцевъ, по его выраженію: «насадить шпіонажу»; только послѣ этого «насажденія шпіонажу» являлся самъ и нерѣдко въ пьяномъ видѣ. Тутъ присутствовали и его единомышленники, которые поддерживали всѣ выкрики и призывы Швайкина, выкрикивая «правильно» и нерѣдко предлагая крикнуть этому уважаемому представителю и организатору «ура».

Во время посѣщенія Швайкина членомъ армейскаго комитета штабсъ капитаномъ Араловымъ и членомъ Исп. Ком. С.Р. и С.Д. тов. Пруссакомъ, пріѣхавшихъ познакомиться съ настроеніемъ полка, онъ поднялъ тревогу въ своемъ и сосѣднихъ 23 и 24 гренадерскихъ и 109 пѣх. полкахъ, призывая ихъ спасти его отъ этихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ, якобы, его арестовать.

Издавая журналъ «Въ окопѣ» полковыми средствами, разсылалъ только тѣмъ, кто платилъ 2 рубля въ мѣсяцъ. Всю подписную плату присваивалъ

себѣ, деньги жертвованные офицерами на просвѣтительныя нужды полка, а также доходъ отъ полковой фотографіи большей частью присваивалъ себѣ.

Между прочимъ, Швайкинъ обратился съ категорическимъ требованіемъ къ полковымъ врачамъ подписать требованіе на 50 ведеръ спирту для полковой лавочки и когда врачи отказали ему въ томъ, не желая и не имѣя права устраивать въ полку кабака, онъ донесъ въ штабъ дивизіи объ антисанитарномъ состояніи полка, указывая на то, что врачи не принимаютъ никакихъ мѣръ.

Создавая всячески себѣ популярность, прибѣгалъ къ слѣдующимъ пріемамъ: переданную телефонограмму изъ штаба дивизіи командиру полка относительно высылки солдатъ въ запасный полкъ взамѣнъ прибывшаго кадра, перехватилъ и, собравши митингъ, объяснилъ, что якобы самъ отъ себя предложилъ послать солдатъ въ запасный полкъ, указывая, что начальство посылать солдатъ не желаетъ и что это все исходитъ отъ него.

Выслушавъ всѣ эти доклады, съѣздъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію: выразить свое презрѣніе подлымъ провокаторамъ Швайкину и его сотрудникамъ, которые пользуясь темнотой солдатской массы и, прикрывая разными подлыми пріемами свое дѣйствительно провокаторское лицо отъ довѣрчивыхъ простаковъ солдатъ, привели къ такому печальному событію — вооруженному столкновенію въ 693 полку.

Слѣдствіе выяснитъ —были ли эти лица провокаторы или нѣмецкіе шпіоны, но для насъ ясно, что они своими дѣйствіями нанесли ударъ революціи и свободѣ, прибѣгая даже къ попыткѣ открыть фронтъ.

---

2. ПРИГОВОРЪ

военно-революціоннаго суда по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи солдатъ 693 пѣх. Слуцкаго полка.

1917 года 30 іюля, военно-революціонный судъ при 174 пѣх. дивизіи, въ составѣ предсѣдателя подпоручика М. и членовъ: прапорщ. Т. и прапорщ. М. и солдатъ: мл. унт.-оф. П., мл. унт.-оф. Р. и коннаго развѣдчика Б., при прокурорѣ поручикѣ П., и дѣлопроизводителѣ подпоручикѣ Т., разсмотрѣвъ въ ОТКРЫТОМЪ засѣданіи дѣло о солдатахъ 693 пѣх. Слуцкаго полка: Швайкинѣ, Галкинѣ, Габовѣ, Рѣшетько, Гордѣевѣ, Смолянскомъ, Рѣдниковѣ, Коченовѣ, Богдановѣ, Коковинѣ, Шубинѣ, Бѣлкинѣ, Головѣ, Худояровѣ, Семеновѣ, Румянцевѣ, Сусловѣ, Климовѣ, Пыхтяевѣ, Бабинскомъ, и Шедовѣ, обвиняемыхъ по 13 ст. Ул. о Нак. Уг. и Испр. и лит. Б. 110 ст. кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. IV., постановленія Временнаго Правительства,

изложеннаго въ приказанiи Западнаго Фронта отъ 18 iюля с.г. за № 380 и ст. 14 XXII кн. Св. В. П. 1869 г. изд. IV, опредѣлилъ: подсудимыхъ ротнаго фельдшера Василiя Иванова Швайкина, 23 лѣтъ, ефрейтора Федора Иванова Галкина 32 лѣтъ и ст. унт. оф. Андрея Пименова Коковина 28 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званiя и всѣхъ правъ состоянiя и подвергнуть СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗЪ РАЗСТРѢЛЯНIЕ.

Мл. унт.-оф. Василiя Иванова Бѣлкина, 25 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званiя и всѣхъ правъ состоянiя и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ БЕЗЪ СРОКА.

Мл. унт.-оф. Степана Андреева Румянцева, 25 лѣтъ, ряд. Боруха Пейсахова Смолянскаго, 24 лѣтъ, мл. унт.-оф. Алесандра Семенова Шубина, 29 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званiя и всѣхъ правъ состоянiя и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Мл. унт.-оф. Сергѣя Антонова Рѣшетько, 21 г., ефр., Тихона Николаева Гордѣева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званiя и всѣхъ правъ состоянiя и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Афанасiя Габова, 30 лѣтъ, мл. унт.-оф. Матвѣя Ермолаева Коченова, 35 лѣтъ, мл. унт.-оф. Никифора Федорова Суслова, 23 лѣтъ, и ряд. Иннокентiя Трофимова Климова, 22 лѣтъ, исключить изъ военной службы лишить воинскаго званiя и всѣхъ правъ состоянiя и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Степана Алексѣева Горлова, 22 лѣтъ, ряд. Глѣба Васильева Худоярова, 39 лѣтъ, ряд. Афанасiя Семенова Семенова, 37 лѣтъ, ряд. Петра Павлова Рѣдникова, 37 лѣтъ, и ряд. Григорiя Сергѣева Богданова, 34 лѣтъ, и ряд. Митрофана Семеновича Пыхтяева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званiя и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Ромуальда Антонова Бадинскаго и Афанасiя Архипова Шедова считать по суду ОПРАВДАННЫМИ.

Подлинный за надлежащими подписями.

ПРИГОВОРЪ НАДЪ ШВАЙКИНЫМЪ, ГАЛКИНЫМЪ И КОКОВИНЫМЪ БЫЛЪ ПРИВЕДЕНЪ ВЪ ИСПОЛНЕНIЕ въ 5 час. 25 мин. утра 1-го августа с. г.

Примѣчанiе: Комиссаръ III арміи подполковникъ Постниковъ отказался утвердить приговоръ, мотивируя спѣшной поѣздкой въ штабъ фронта.

Предсѣдатель армейскаго комитета III-й арміи

отказался утвердить приговоръ подъ предлогомъ болѣзни.

Приговоръ, въ концѣ концовъ, былъ утвержденъ однимъ изъ рядовыхъ членовъ армейскаго комитета — солдатомъ, временно замѣщающимъ предсѣдателя.

Я. Л.

Б.

Второй смертный приговоръ на Юго-Западномъ фронтѣ.

I.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Главнокомандующаго Генерала Корнилова Военному Министру 1-го августа 1917 г. Ставка.

«22 іюля мною была послана главнокомандующимъ телеграмма, въ которой я указалъ, что приговоры военно-революціонныхъ судовъ входятъ въ силу лишь по утвержденіи таковыхъ комиссарами соотвѣтствующихъ армій. Какъ одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ особую нравственнаго порядка отвѣтственность за возстановленіе смертной казни въ арміи, я считаю совершенно необходимымъ обставить примѣненіе ея возможно дѣйствительными гарантіями, почему ходатайствую передъ Временнымъ Правительствомъ о дополненіи пункта 14 декрета Правительства отъ 12 іюля установленіемъ обязанности конфирмаціи приговоровъ комиссарами и соотвѣтственнымъ измѣненіемъ редакціи пункта 15 въ томъ смыслѣ, что вопросъ о смягченіи наказанія предоставляется главнокомандующему черезъ комиссара соотвѣтствующей арміи, который даетъ свое заключеніе. Я потому взялъ на себя отдать распоряженіе, приведенное въ текстѣ вышеупомянутой моей телеграммы, что въ этомъ вопросѣ, гдѣ рѣчь идетъ о людскихъ жизняхъ, необходимо по долгу совѣсти дѣйствовать безъ промедленія. Я надѣюсь, что Временное Правительство найдетъ возможнымъ подтвердить мое распоряженіе, ибо я руководствовался соображеніями гуманности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховный главнокомандующій, понимая точно предѣлъ строгости карательныхъ мѣръ, необходимыхъ для востановленія дисциплины въ арміи, рѣшился на вышеуказанный шагъ, немедленно по вступленіи на нынѣ занимаемую должность».

Генералъ Корниловъ.

II.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Комиссара М. Филоненко Военному Министру

1-го августа 1917 г. Ставка.

«Всецѣло поддерживаю телеграмму генерала Корнилова, полагая, что смертная казнь, не обставленная гарантіей конфирмаціи приговора комиссарами, можетъ явиться не только орудіемъ случайной расправы, но служить средствомъ борьбы съ политическими и даже личными врагами. Докладываю, что телеграмма отъ 22 іюля также послана верховнымъ главнокомандующимъ съ моего вѣдома, и, со своей стороны, нахожу глубоко правильными и также отвѣчающими общимъ началамъ правосудія предполагаемыя измѣненія пунктовъ 14 и 15 декрета отъ 12 іюля».

М. Филоненко.

III.

ТЕЛЕГРАММА

Помощника Комиссара II-й арміи А. Чекотило Верховному Комиссару М.Филоненко.

«Не считая себя уполномоченнымъ конфирмировать приговоры военнореволюціонныхъ судовъ, представляю на ваше усмотрѣніе ходатайство защитниковъ осужденныхъ къ смерти солдатъ: Кука, Канунникова и Емельянова, заявляющихъ, что осужденные были жертвами безотвѣтственной агитаціи большевизма, сами умственно не развиты и во время совершенія преступленія фактически не знали, что могутъ быть за это преданы военнореволюціонному суду. Солдата Кука освидѣтельствовала экспертиза и нашла страдающимъ «люэсомъ» и, можно предполагать, у него начинающійся прогрессивный параличъ мозга. Емельяновъ имѣетъ георгіевскія награды, онъ и Канунниковъ были уже три года на фронтѣ. Предсѣдателю суда мною предложено приговоръ суда не приводить въ исполненіе до вашего рѣшенія. Для поддержанія авторитета суда полагаю, что его приговоръ долженъ быть утвержденъ».

А. Чекотило.

IV.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Комиссара М. Филоненко Помощнику Комиссара II-й арміи А. Чекотило.

«Не нахожу возможнымъ принять на себя конфирмацію приговора по дѣлу осужденныхъ Кука, Канунникова и Емельянова. Вы, также будучи послѣдовательны, не могли пріостанавливать приведеніе приговора въ исполненіе и представлять дѣло на мое рѣшеніе. Но разъ это сдѣлано и разъ въ ожиданіи отложенной развязки люди въ тоскѣ и печали ждутъ часа смерти и отъ просыпающейся надежды переходятъ въ отчаянью, я не признаю возможнымъ, чтобы исходомъ этой пытки, худшей чѣмъ смерть, была казнь. Согласіе на приведеніе приговора въ исполненіе не даю. Осужденныхъ прошу доставить въ Ставку, гдѣ я буду ходатайствовать передъ верховнымъ главнокомандующимъ о смягченіи ихъ участи».

Максимиліанъ Филоненко.

II.

БОЛЬШЕВИЗМЪ

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ 1917 — 1925 Г. Г.

ГЛАВА I.

Большевистскій переворотъ въ октябрѣ 1917 года засталъ меня въ Москвѣ. Я жила тогда на Рождественскомъ бульварѣ. Стрѣльба длилась съ недѣлю почти по всему городу, и въ особенности въ центрѣ и по главнымъ улицамъ. Пулеметы были разставлены всюду и по крышамъ, и на чердакахъ, и въ окнахъ; выходить на улицу было болѣе чѣмъ рисковано: убивали людей безъ всякой системы; убивали чтобы убить и, во всякомъ случаѣ, навести ужасъ.

На второй день стрѣльбы я все таки рѣшила немного пройтись. Гулять пришлось все время подъ выстрѣлами, и когда я возвратилась домой съ чернаго хода, то въ дверь, надъ моей головой, вонзилась пуля.

Черезъ нѣсколько дней выяснилось пораженіе соціалъ-революціонеровъ, при чемъ погибла масса молодыхъ жизней. Юнкера и офицеры, послѣдніе защитники Кремля, обагрили его стѣны своей кровью и Кремль былъ захваченъ новой силой, болѣе грубой, чуждой Россіи, но съ опредѣленной, заранѣе выработанной программой и съ опредѣленнымъ безпощаднымъ деспотизмомъ.

Захватчики власти, лучше чѣмъ кто либо, знали, что они не есть выразители воли народа, что они только горсть и горсть къ тому же болѣе чѣмъ на половину не русская – главари большевизма въ ту минуту были исключительно латыши и евреи — они прикрывались, правда, русскимъ именемъ Ленина...

Съ мѣста начались строгости и, раньше всего, засучивъ рукава, принялись за печать. Единственная маленькая газета, «Фонарь», появившаяся въ это время, и писавшая довольно храбро, вскорѣ была закрыта. Черезъ нѣкоторое время газеты, правда, опять появились, но появились уже въ придушенномъ состояніи.

Стрѣльба продолжалась около недѣли; но и послѣ наступившаго сравнительнаго затишья довольно долго было небезопасно выходить по вечерамъ, такъ какъ и въ темнотѣ, нѣтъ-нѣтъ да и слышались выстрѣлы и сплошь и рядомъ ранили и убивали прохожихъ — должно быть во имя равенства и братства; убитые къ тому же были всегда тщательно ограблены.

Передвиженіе обывателя было крайне и безсмысленно стѣснено, напр.,

въ Кремль нельзя было проникнуть безъ пропуска — пропускъ же выдавался далеко не всѣмъ. Помню, что мнѣ захотѣлось узнать о судьбѣ Одоевскихъ. Семидесятилѣтній старикъ, князь Одоевскій, былъ завѣдующимъ Кремлемъ при Царѣ и оставленъ въ этой должности и Временнымъ Правительствомъ. Онъ и его старушка жена выдержали всю осаду Кремля большевиками. Судьба ихъ намъ была неизвѣстна. Я рѣшила ихъ навѣстить, и для этого написала сама себѣ слѣдующій балаганный пропускъ: «Въ виду свободъ, объявленныхъ революціей, дарую себѣ право свободно ходить по Москвѣ и проходить куда и когда мнѣ хочется».

Я собралась въ Кремль. Въ эту минуту я получила большевистскій пропускъ, который былъ присланъ для меня Одоевскимъ, — на всякій случай,я и его захватила. Когда я подошла къ воротамъ Кремля, солдатъ меня окрикнулъ: «Пропускъ!»

«Вотъ, — сказала я, протягивая написанную мной бумагу, — сама писала».

«Какъ сами? — испуганно воскликнулъ онъ — ужъ вы лучше сами не пишите».

Я улыбнулась, и протянула ему большевистскій пропускъ. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Этотъ пропускъ ужъ больше не годится».

«Ну вотъ видишь, — сказала я ему, — я такъ и думала, что вашъ никуда не годится, а мой вѣдь отличный», — и съ этими словами я прошла въ Кремль.

Навѣстивъ Одоевскихъ, я также совершенно свободно оттуда вышла.

Слѣдующій разъ я прошла въ Кремль съ рецептомъ какихъ то капель. При входѣ въ Кремль выдавали оранжевые билеты, при чемъ шла провѣрка паспортовъ и хвосты были безконечные. Мой рецептъ случайно былъ также оранжевый. Я помахала имъ въ воздухѣ, проходя мимо группы солдатъ, грѣвшихся вокругъ костра въ воротахъ Кремля, и прошла въ Кремль.

Одоевскіе оставались въ Кремлѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

ГЛАВА 2.

Первый годъ послѣ большевистскаго переворота ознаменовался выборами Патріарха. Этотъ фактъ былъ залогомъ спасенія для православной церкви и огромной духовной поддержкой для русскаго народа, который послѣ ужасной нѣмецкой войны получилъ терновый вѣнецъ большевизма...

Церемонія выборовъ Патріарха и послѣдовавшее затѣмъ, нѣсколько позже, — посвященіе въ Патріархи избраннаго митрополита Тихона были очень торжественны. Я не буду останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ де-

аляхъ, — упомяну лишь, что когда на Патріарха возложили историческую Iатріаршую митру и куколь и дали ему въ руки жезлъ Митрополита Петра – передъ глазами молящихся воскресла вся Русская исторія: вставали ѣни Грознаго и Митрополита Филиппа съ его смѣлой отповѣдью Грозноıу Царю, вставалъ строгій обликъ Патріарха Гермогена, отдавшаго жизнь а Россію и кроткій образъ юнаго Царя Михаила Феодоровича, призван:аго на царство, чтобы спасти нашу смутами истерзанную родину. Несморя на тяжелое время въ эту минуту въ Успенскомъ Соборѣ было свѣтло ı радостно, — всѣ почувствовали, что хоть у Церкви Православной есть Сормчій, который, среди наступившихъ бурь и волненій, смѣло поедетъ новую ладью.

Тѣмъ временемъ Ленинъ и его сподвижники начали понемногу «расюясываться» и разворачивать свою программу. — Церковь вначалѣ ихъ:ало интересовала. Незамысловатость и примитивность этой программы оражала и поражаетъ мыслящихъ людей; изъ всѣхъ государствъ, коечно, только Россія, послѣ четырехлѣтней войны, могла выдержать тотъ опытъ. Основные принципы этой первоначальной программы: Все — всѣмъ доступно, и все всѣмъ*) даромъ» — незамедлили вскорѣ дать оотвѣтствующіе результаты: желѣзнодорожное и уличное сообщеніе приıло въ хаотическое состояніе, на трамваяхъ люди висѣли со всѣхъ сторонъ, агоны желѣзныхъ дорогъ были набиты пассажирами, которые отъ страшой тѣсноты задыхались; крыши вагоновъ были сплошь покрыты публи:ой, — сидѣли даже на буфферахъ. Все это грызло подсолнухи, плевалось, олкалось и скверно ругалось... Была масса несчастныхъ случаевъ и путеıествовать въ это время, безъ крайней къ тому необходимости, было емыслимо.

Начались затрудненія и въ подвозѣ продуктовъ; какъ извѣстно — потоянный и острый недостатокъ хлѣба довелъ страну до ужасовъ неслыхан:аго голода и даже до людоѣдства въ Приволжскихъ губерніяхъ.

Одновременно съ проведеніемъ новой «правительственной программы», :ачался терроръ — безсмысленный по своей жестокости — видно было по ріемамъ, что дѣйствовали просто каторжники, выпущенные Керенскимъ ъ дни его сентиментальнаго правленія.

На ряду съ министрами, буржуями, офицерами и т. п. арестовывали разстрѣливали массы простого народа: рабочихъ, солдатъ и крестьянъ; тюрьмы всегда были переполнены именно этимъ простымъ народомъ.

Я въ это время состояла членомъ «Общества православныхъ женщинъ», - которыя заботились о заключенныхъ, не имѣвшихъ родственниковъ въ Iосквѣ, и носили имъ пищу по тюрьмамъ. Въ тюрьмахъ въ эту минуту кор-

*) «Всѣ» — это, конечно, пролетаріатъ.

мили ужасно, и арестованные были заживо съѣдаемы насѣкомыми, которые заражали ихъ сыпнымъ тифомъ. Въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ иностранцы начали интересоваться тюрьмами, этотъ вопросъ значительно улучшился.

Въ этотъ же періодъ произошло ужасное убійство двухъ общественныхъ дѣятелей —Кокошкина и Шингарева; они оба лежали въ больницѣ, къ нимъ ворвались вечеромъ банды матросовъ и тутъ же, въ постеляхъ, убили ихъ. Конечно, надъ ними не было никакого суда, несмотря на то, что звѣрская расправа вызвала въ Москвѣ взрывъ возмущенія и на панихидахъ по убіеннымъ Храмъ Христа былъ переполненъ молящимися.

Немного позже въ Бутырской тюрьмѣ, въ больницѣ, умеръ отъ истощенія извѣстный общественный дѣятель Дмитрій Николаевичъ Шиповъ, заподозрѣнный въ контръ-революціи, на этотъ разъ не совсѣмъ напрасно... Его трупъ, вмѣстѣ съ другими многочисленными жертвами тюремнаго режима, былъ брошенъ въ подвалъ, и дочери его разрѣшили, въ видѣ особой милости, спуститься въ этотъ подвалъ и самой отыскать тѣло отца среди сваленныхъ голыхъ труповъ.

Весной 1918-го года стало извѣстно, что Государя съ семьей увезли изъ Тобольска, а въ іюнѣ того же года пришло извѣстіе, ошеломившее Москву — о звѣрскомъ убійствѣ Государя и его семьи въ Екатеринбургѣ. Убійство это произошло для всѣхъ неожиданно , безъ суда народнаго и именно потому, что «властители» боялись этого суда. Народу русскому поднесли уже готовое злодѣяніе, содѣянное горстью каторжанъ, но народъ былъ безоруженъ. Онъ стоялъ ошеломленный, голодный, пришибленный ужасами террора и опутанный сѣтями шпіонажа, въ которыхъ и сейчасъ находится. Это, собственно, единственная система, и въ ней реальная сила большевиковъ. Ложь, запугиваніе, шпіонажъ и терроръ... И увы, — какъ это имъ удается!

Тѣмъ не менѣе возмущеніе было всеобщее; ни одна революція не запятнала себя такимъ позорнымъ фактомъ. Людовикъ XVI былъ казненъ по приговору народнаго суда, въ Англіи король Карлъ былъ казненъ даже съ извѣстнымъ этикетомъ, а Русскаго Императора убили изъ за угла, и сообщеніе о томъ, что его убили было сдѣлано со свойственнымъ совѣтской власти цинизмомъ. Простой народъ не хотѣлъ вѣрить этому, не потому, что, такъ называемое, «правительство» было на это неспособно, но потому, что все таки въ сердцахъ многихъ теплилась надежда, что въ послѣднюю минуту кто нибудь спасетъ Государя...

Эта надежда основывалась на слѣдующемъ фактѣ: въ первый періодъ революціи русскіе солдаты спасли многихъ приговоренныхъ къ разстрѣ-

лу. Когда начальствомъ это было замѣчено, то русскихъ солдатъ замѣнили латышами и китайцами...

— — — — — — — — — — — — — — — —

Въ 1917 году, спустя три мѣсяца послѣ начала революціи, я работала на Румынскомъ фронтѣ и по дорогамъ,и на мѣстахъ я видѣла много русскихъ солдатъ; составъ ихъ все время мѣнялся, но ни одного дурного слова о Государѣ я отъ нихъ не слышала.

Какъ то пришлось ѣхать въ теплушкѣ ночью; набралось болѣе пятидесяти человѣкъ, всѣ сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу — спать было совершенно немыслимо. Всю ночь разговоръ шелъ на политическія темы. Помню, что нѣкоторые солдаты рѣзко критиковали Керенскаго, хотя это была минута, когда онъ считался популярнымъ. и критиковали его именно за то, что онъ слишкомъ слабъ. Я имъ на это рекомендовала Петра Великаго и его программу изъ стихотворенія Ал. Толстого: «Но у меня есть палка и я вамъ всѣмъ отецъ». Мои слова были встрѣчены самымъ добродушнымъ смѣхомъ и одобреніемъ; и когда мы, утромъ, вышли изъ вагона, и мнѣ пришлось итти нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ, то солдаты «революціонеры» подхватили мои чемоданы и помогли мнѣ добраться до гостиницы.

Въ моихъ бесѣдахъ съ солдатами я не разъ слыхала ихъ мнѣніе о Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ; видно было, что онъ для нихъ любимый Вождь и герой войны; они передавали различныя легенды — между прочимъ, что онъ будто бы ѣздитъ на возахъ съ сѣномъ, одѣтый простымъ солдатомъ, и неожиданно появляется на фронтѣ: провѣрять, нѣтъ ли измѣны...

Какъ то разъ, сидя на дежурствѣ въ лазаретѣ, я, читая солдатамъ газету, натолкнулась на сообщеніе, что кого то изъ Великихъ Князей, жившихъ въ Ялтѣ, ограбили и что Керенскій послѣ этого поставилъ стражу для охраны Великаго Князя Николая Николаевича. Прочитавъ это сообщеніе, я громко высказала свое мнѣніе: «Ужъ не хочетъ ли Керенскій просить Великаго Князя быть Главнокомандующимъ?». Нѣсколько солдатъ отвѣтили въ одинъ голосъ: «И отлично бы сдѣлалъ». То были русскіе солдаты, которые откровенно высказывали свое личное мнѣніе и которыхъ большевистская зараза еще не коснулась , несмотря на то, что уже всюду разъѣзжали большевистскіе агенты съ проповѣдью злобы и съ призывомъ къ кровавой расправѣ.....

ГЛАВА 3.

До 1919-го года я жила въ Москвѣ на разныхъ квартирахъ; одно время — въ небольшой меблированной квартирѣ, которую въ дни революціи занимала знакомая мнѣ семья, вскорѣ уѣхавшая изъ Россіи. Черезъ нѣкото-

рое время центральное отопленіе испортилось и зимой въ моей комнатѣ было всего 2° тепла. Въ этой температурѣ я все время болѣла и мои друзья, жившіе въ лучшихъ условіяхъ, предложили мнѣ переѣхать къ нимъ. Меня побуждало къ этому еще и то обстоятельство, что, по слухамъ, большевики-почтальоны хотѣли занять эту квартиру. — Я рѣшилась переѣхать.

Большевики, дѣйствительно, нагрянули передъ моимъ отъѣздомъ, и съ мѣста начали шарить въ сундукахъ отсутствующихъ жильцовъ. Одинъ изъ бывшихъ жильцовъ принадлежалъ къ старому дворянскому роду и, какъ оказалось, въ сундукахъ у него была коллекція стариннаго оружія и, кромѣ того, нѣсколько современныхъ охотничьихъ ружей,—онъ былъ охотникъ. Не имѣя большевистской наклонности — рыться въ чужихъ сундукахъ, я, конечно, содержимаго ихъ знать не могла.

Но вотъ большевики приходятъ ко мнѣ и, показавъ найденное оружіе, спрашиваютъ — съ какой цѣлью я хранила оружіе, и знаю ли я что за это бываетъ?

Я хладнокровно отвѣтила, что знаю, — за это разстрѣливаютъ, но что сундуки не мои, и я не знала что въ нихъ находится. «Во всякомъ случаѣ, — добавила я,— я, кажется, этимъ оружіемъ не злоупотребляла, по улицѣ съ ружьями не бѣгала и ни въ кого, насколько помню, не стрѣляла, но если вы очень настаиваете, то я разрѣшаю вамъ разстрѣлять меня вонъ изъ этого револьвера», — при этомъ я показала имъ на старый кремневый пистолетъ временъ Екатерины, очевидно негодный къ употребленію.

Они поняли шутку и больше ко мнѣ не приставали.

Въ этой же квартирѣ была старинная библіотека, и въ ней помѣщался писатель Вячеславъ Ивановъ. Несмотря на холодъ, онъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ ней, да кажется и не имѣлъ въ виду другой квартиры. Онъ досталъ себѣ бумагу отъ г-жи Троцкой, которая была во главѣ охраны русской старины. Въ этой бумагѣ Троцкая просила оставить В. Иванова въ библіотекѣ; но большевики-почтальоны объявили ему, что никакія бумаги, не только отъ госпожи Троцкой, но и отъ самого Троцкаго не подѣйствуютъ, и велѣли немедленно очистить библіотеку; книги, къ счастью, удалось спасти.

Это было въ тотъ годъ, когда Троцкій и Ленинъ казались такими всесильными, но мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать огромное неуваженіе рядовыхъ большевиковъ къ собственной власти.

— — — — — — — — — — — — — — — —

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я переѣхала въ Петроградъ, гдѣ я жила до революціи, и гдѣ у меня должны были быть кое какія вещи. Моя дача въ Царскомъ Селѣ была занята и кажется «національизирована». Для собиранія чужой собственности у большевиковъ масса наименованій, — я всегда

въ нихъ путаюсь; словомъ, въ ней помѣстили дѣтскій клубъ,— учрежденіе для государства, конечно, очень необходимое...

Домъ въ моемъ имѣніи въ Саратовской губерніи я во время войны, еще до революціи, отдала для сиротъ воиновъ, и двадцать человѣкъ дѣтей у меня благополучно жили и наслаждались деревенскимъ воздухомъ и садомъ.

Наша «народная власть» выгнала изъ моего дома «дѣтей народа» и также устроила клубъ, на этотъ разъ для взрослыхъ, причемъ предварительно увезли изъ дома мебель;сжечь мой домъ имъ не позволили крестьяне.

Черезъ нѣкоторое время , видя, что въ клубъ никто не ходитъ, власть вздумала сдѣлать изъ него больницу для сыпного тифа, хотя тутъ же, въ двухъ шагахъ, находилась большая земская больница, — но и на это крестьяне не согласились и тогда было рѣшено сдѣлать изъ него библіотеку. Эта мысль была бы даже удачной, если бы имъ давали читать что нибудь еще кромѣ Карла Маркса и совѣтскихъ газетъ.

Все это я знаю отъ моихъ крестьянъ, которыхъ я видѣла въ Саратовѣ въ 1920 году и которые, въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ, нисколько не перемѣнились.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, я поселилась у своего бывшаго управляющаго.

Въ смыслѣ жизни и добыванія продуктовъ — это былъ очень тяжелый годъ. Хлѣбъ выдавали по карточкамъ и очень неаккуратно; самая высшая порція была ¾ фунта — это считалось первой категоріей, а большинство получало ½ фунта и меньше. Муку, масло, молоко доставали и продовали подъ полой, въ особенности преслѣдовалась продажа молока и яицъ; ловили бабъ, везущихъ молоко изъ деревни, и молоко выливали на землю...

Это была пора общаго безденежья,— чтобы жить, всѣ продавали свою обстановку и носильныя вещи, при чемъ это строго преслѣдовалось, — въ особенности, когда продавали цѣнныя вещи изъ обстановки.

Помню такой случай: у меня были бронзовые часы Шопена, доставшіеся мнѣ по наслѣдству отъ дочери партизана Дениса Давыдова, тетки моего мужа. Они были очень массивные, изъ золоченой бронзы; верхъ ихъ былъ увѣнчанъ сидящей фигурой бронзовой женщины. Я ихъ привезла изъ Царскаго и тащила съ Милліоной на Фонтанку къ моей знакомой, у которой часто бывали антиквары, скупавшіе цѣнныя старинныя вещи. Завернувъ часы въ рогожу, я съ трудомъ тащила эти 1 ½ пуда; было очень холодно и руки ежеминутно коченѣли.

Когда я проходила мимо Марсового поля , навстрѣчу мнѣ попался патруль изъ трехъ вооруженныхъ солдатъ; голова золотой женщины въ эту минуту на бѣду вылѣзла изъ рогожи. Они сначала прошли мимо, но потомъ вернулись назадъ и окружили меня. Одинъ изъ нихъ приказалъ развязать рогожку и показать, что я несу.

Я имъ предложила сдѣлать это самимъ, такъ какъ у меня руки озябли.

«Вы знаете, что запрещено продавать произведенія искусства?» — спросилъ меня одинъ изъ нихъ, повидимому, старшій.

Я ихъ успокоила, что просто несу часы къ моей знакомой.

Въ это время по улицѣ проходилъ солдатъ, видимо, не большевикъ. Онъ остановился и сталъ прислушиваться къ разговору, при чемъ въ глазахъ у него была иронія,— симпатіи его, видимо, были на моей сторонѣ. Одинъ изъ вооруженныхъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что ты тутъ стоишь?» — «А почему мнѣ не поглядѣть» — отвѣтилъ добродушно солдатъ.

Большевики другъ съ другомъ вполголоса посовѣтовались и рѣшили оставить мнѣ мои часы. Уходя, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Не сердитесь на насъ, гражданка, но это входитъ въ кругъ нашихъ обязанностей». Я имъ отвѣтила, что не сержусь, но отъ души желаю имъ найти другой кругъ обязанностей и другой родъ занятій.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петроградъ было издано распоряженіе, чтобы жильцы каждаго дома, по очереди, дежурили у воротъ; дворниковъ въ это время уже не было, а если кое гдѣ и были то, во всякомъ случаѣ они ничего не дѣлали.

Грозили арестомъ, если это постановленіе не будетъ выполнено, но тѣмъ не менѣе это распоряженіе, какъ и многія другія, выполнялось далеко не всѣми...

ГЛАВА 4.

Мой управляющій происходилъ изъ крестьянъ; онъ былъ очень способный человѣкъ и при Царскомъ Правительствѣ служилъ въ Земельномъ банкѣ. Въ это время, осенью 1919г., въ Петроградѣ жилось очень голодно и насъ выручалъ его сосѣдъ и другъ, бывшій солдатъ, который доставалъ намъ вдоволь овощи по очень дешевой цѣнѣ. Хлѣба почти не было, масло, молоко и яйца были недоступны. Рабочіе, которымъ сравнительно жилось лучше другихъ, все таки чувствовали недостатокъ во всемъ , и какъ результатъ на Путиловскомъ заводѣ произошли безпорядки. Рабочіе кричали: «хотимъ Царя Николая и свинину!». Увы, свинина, всегда считавшаяся лакомствомъ и праздничнымъ блюдомъ, теперь была для нихъ недоступна. Въ это же время, на одномъ изъ митинговъ на Путиловскомъ заводѣ, Зиновьевъ, послѣ своей рѣчи, получилъ пощечину отъ одного рабочаго, тѣмъ не менѣе этотъ достойный правитель долго послѣ этого оставался на своемъ посту.

Вскорѣ послѣ этого началось наступленіе генер. Юденича, — въ Петроградѣ ждали его какъ избавителя; цѣнныя бумаги и царскія деньги поднялись въ цѣнѣ и покупались на-расхватъ, но генер. Юденичъ дошелъ до Гатчины; далѣе произошло что-то для насъ необъяснимое. Говорили, что онъ

побоялся попасть въ петлю, что у него было недостаточно войскъ и т.п. Какъ бы то ни было, Юденичъ повернулъ обратно...

Если бы онъ дошелъ до Петрограда, я думаю, что онъ былъ бы встрѣченъ населеніемъ съ радостью. Уже тогда всѣ были измучены и много было недовольныхъ. Вообще — мы всѣ жили надеждами на Деникина, Колчака, а позже и на Врангеля. Увы! надежды были преждевременны...

Въ эту зиму мнѣ удалось продать мой домъ въ Петроградѣ одному еврею, и въ матерьяльномъ отношеніи мнѣ стало немного легче: домъ я продала, конечно, не офиціально, а заднимъ числомъ.

Лѣто я провела въ Царскомъ Селѣ у одной знакомой и къ намъ время отъ времени приходили изъ Дѣтскаго дома мальчики колоть и пилить дрова, получая за это обѣдъ.

Царское Село полно было дѣтскими домами:сама по себѣ мысль хорошая, такъ какъ климатъ въ Царскомъ хорошій, но въ тоже время дѣтей очень плохо кормили; хлѣба давали въ обрѣзъ,сахара часто не было,а ужъ мясо, молоко и сливочное масло было невиданной и неслыханной роскошью. Денегъ, видимо, на продукты не было. Лучше было бы не брать дѣтей, чѣмъ морить ихъ голодомъ.

Въ 1920-омъ году — еще не занимались дѣтскимъ воспитаніемъ, хотя ходить въ церковь уже считалось неблаговиднымъ. Съ 1923-го года по программѣ воспитанія начали преподавать дѣтямъ соціологію, устраивали въ школахъ богохульныя зрѣлища, стали пріучать дѣтей къ уличнымъ демонстраціямъ, къ бѣганью по улицамъ съ барабанами и красными тряпками, и пѣнью революціонныхъ пѣсенокъ. Конечно, многихъ дѣтей удалось такимъ образомъ испортить, — но что безусловно коснулось всей русской молодежи — это глубокое невѣжество.

Дѣти четырнадцати и пятнадцати лѣтъ плохо читаютъ, еще хуже пишутъ, никакихъ познаній по географіи они не имѣютъ, русскую исторію просто отъ нихъ прячутъ. За то они вкривь и вкось толкуютъ всякія доктрины Карла Маркса, которыя имъ преподносятъ во всѣхъ видахъ. Родители, конечно, въ отчаяніи и особенно тѣ, у которыхъ есть дочери, такъ какъ, помимо всего изложеннаго, дѣтей еще стараются развратить. Въ гимназіяхъ идутъ лекціи о половомъ вопросѣ, о сифилисѣ, вообще обо всемъ томъ, — что дѣтямъ знать не нужно и что они успѣли бы узнать позже, но въ большевикахъ работаетъ какая то злая сила, которая все старается разрушить и забросать грязью.

Тѣмъ не менѣе, когда мнѣ въ Царскомъ, и нѣсколько лѣтъ позже, въ другихъ городахъ, приходилось имѣть дѣло съ дѣтьми и молодежью, я не могла сказать, чтобы наше молодое поколѣніе было окончательно испорченнымъ. На многихъ дѣтяхъ чувствуется *только налетъ*, а наше студенчество въ большин-

ствѣ случаевъ съ себя этотъ налетъ уже сбросило. За зиму 1925 года молодежь очень пострадала и многіе изъ нихъ были исключены изъ школъ за критику и здравое отношеніе къ тому, что вокругъ нихъ дѣлается.

ГЛАВА 5.

Въ Царскомъ я прожила все лѣто и отдохнула отъ острой денежной нужды, наслаждаясь природой и чуднымъ Царскосельскимъ воздухомъ; тутъ я только поняла, что для всѣхъ несчастныхъ — природа огромное утѣшеніе: въ ея красотѣ и спокойствіи есть что то такое, что миритъ даже съ самымъ жалкимъ существованіемъ.

Царскосельскіе парки содержались чисто и дворецъ Государя былъ въ такомъ видѣ, точно Государь только что оттуда выѣхалъ, даже всѣ фотографіи находились на своихъ мѣстахъ. Правда, мебель изъ дѣтскихъ комнатъ сперва была взята для дѣтскихъ домовъ, но потомъ опять поставлена на мѣсто.

Дворецъ мнѣ показывалъ старый царскій слуга, служившій еще при Императорѣ Александрѣ II, теперь онъ былъ сторожемъ и показывалъ дворецъ по особымъ билетамъ.

По совѣтскимъ источникамъ Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался въ Сибири послѣ тяжкой болѣзни, позже стали разсказывать, что онъ погибъ вмѣстѣ съ отцомъ и сестрами. Все это слишкомъ безчеловѣчно, и безумно хочется вѣрить въ чудо.

Красивый, недавно выстроенный дворецъ Великаго Князя Павла Александровича (разстрѣляннаго вмѣстѣ съ другими Великими Князьями), обращенъ въ музей. Такъ хорошо помню высокую стройную фигуру Великаго Князя въ этомъ дворцѣ, я его лично хорошо знала и мнѣ кажется дикимъ, что можно было убить такого кроткаго, милаго человѣка.

Съ разрѣшенія завѣдующаго музеемъ я перевезла въ этотъ дворецъ-музей нѣкоторыя уцѣлѣвшія старинныя вещи изъ моей дачи. Когда я пріѣхала на свою дачу за люстрами очень стариннаго Ампиръ, директриса дѣтскаго клуба не хотѣла мнѣ ихъ отдавать, доказывая, что дѣти къ нимъ очень привыкли. Тѣмъ не менѣе я настояла на своемъ; просто взять люстры домой мнѣ, увы, не разрѣшили.

Къ осени деньги отъ продажи дома стали приходить къ концу, во первыхъ, потому, что я не всѣ деньги получила, во вторыхъ — пришлось расплатиться съ долгами и, въ третьихъ — деньги были уже не деньги: они безконечно падали.

Нужно было думать о томъ, что дѣлать дальше. Еврей , купившій мой домъ, предлагалъ мнѣ выйти замужъ за эстонца и уѣхать за-границу. За-гра-

ницу мнѣ очень хотѣлось, но еврея я мало знала, а эстонца и совсѣмъ не знала — почему и побоялась пойти на такое предпріятіе. Къ тому же я получила въ это время письмо отъ одного молодого человѣка изъ Саратова, котораго мой покойный мужъ и я когда то воспитывали и который теперь занималъ хорошее мѣсто. Онъ просилъ пріѣхать къ нему, поселиться, и вообще смотрѣть на него, какъ на сына.

Подумавъ немного, я поѣхала въ Саратовъ. И онъ, и жена его встрѣтили меня очень тепло и радушно. Матвѣй Орѣшкинъ былъ сынъ одного изъ крестьянъ нашего села; я знала его съ 3-хъ лѣтняго возраста. Теперь онъ занималъ важный постъ въ Саратовѣ и, какъ я скоро замѣтила, сталъ коммунистомъ. Когда я заставила его сознаться въ этомъ и спросила — какъ онъ до этого дошелъ, онъ отвѣтилъ, что ждалъ какой-нибудь перемѣны два года, но не дождавшись, поступилъ въ партію, такъ какъ, во первыхъ, ѣсть и пить надо, и во вторыхъ, только коммунистамъ даютъ хорошія мѣста.

По моимъ наблюденіямъ такихъ коммунистовъ очень много, есть даже такіе, которые записывались въ партію, чтобы получить пару сапогъ, ибо былъ такой годъ, когда сапогъ совершенно не было, и цѣна на нихъ была совсѣмъ недоступна; коммунистамъ же совѣтская власть выдавала ихъ даромъ.

Скоро пріѣхали къ моему воспитаннику его родственники-крестьяне изъ моего бывшаго имѣнія. Въ то время начали уже тѣснить крестьянъ: былъ голодный годъ, а ихъ обложили непосильной выдачей зерна. Теперь только, при разговорахъ, я увидѣла ту рознь, которая возникла между братьями, несмотря на то, что они всегда были дружны между собой. Одинъ жилъ сытно и занималъ извѣстное положеніе, благодаря только лишь тому, что записался коммунистомъ, у другого крестьянина, не коммуниста, народное правительство отнимало его послѣдній кусокъ хлѣба. Крестьяне разсказывали, между прочимъ, что когда большевистскіе агенты пришли къ нимъ отбирать хлѣбъ, то бабы собрались, вооружились чѣмъ попало и избили ихъ. На слѣдующій день выписаны были надежные красноармейцы, которые бабъ «сократили».

По вечерамъ, къ моему Матвѣю приходили его товарищи, такіе же какъ онъ молодые коммунисты. Въ разговорѣ ихъ проглядывало огромное самомнѣніе, невѣжество и любовь къ употребленію иностранныхъ словъ, смыслъ которыхъ они не всегда понимали. Видимо, ихъ всѣхъ очень забавляло «выступать», т. е. говорить на митингахъ, — объ этихъ своихъ «выступленіяхъ» они очень много говорили между собой.

Мнѣ тяжело и скучно было выслушивать ихъ разговоры, и я рѣшила уѣхать.

ГЛАВА 6.

Пріѣхавъ въ Москву, я скоро поступила сестрой милосердія въ Туберкулезный Институтъ. Остановилась я на Пречистенкѣ, около Зубовскаго бульвара. Мой институтъ былъ на другомъ концѣ Москвы. Приходилось въ 7 часовъ утра бѣжать туда пѣшкомъ верстъ восемь, и , проработавъ цѣлый день, возвращаться домой такимъ же способомъ. Трамваевъ въ то время почти не было и правомъ ѣзды на трамваяхъ пользовались по особымъ билетамъ только избранные рабочіе.

Жалованіе платили ничтожное и притомъ очень неаккуратно, деньги къ тому же падали, — такъ что выходило, что работаешь и утомляешься, ничего не зарабатывая. Правда — выдавали паекъ, который считался лучшимъ изъ всѣхъ больницъ, но въ общемъ онъ былъ также очень малъ; напр., крупы давали только 3 фунта на весь мѣсяцъ. Единственнымъ питаніемъ было то, что намъ оставляли больные.

Свободныхъ комнатъ для сестеръ въ больницѣ не было и черезъ нѣкоторое время мнѣ дали поблизости — не комнату, а какой то закоулокъ у одного еврея. Въ больницѣ мнѣ разрѣшили взять себѣ старый матрасъ, который почему то состоялъ изъ трехъ частей и былъ жестокъ какъ камень. Ночью, подо мной эти части разъѣзжались и я спала просто на доскахъ.

Для отопленія разрѣшалось брать деревья, которые привозились для больницы и складывались во дворѣ. Приходилось четверть версты тащить на своихъ плечахъ огромную, всегда сырую березу, — со двора больницы до моей квартиры —и тамъ подымать ее на четвертый этажъ, —по лѣстницѣ. Такъ какъ это дѣлалось въ дни отдыха, то я не знаю, когда я больше уставала.

Къ веснѣ 1921 г., по случаю голоднаго года, убавили порціи больнымъ, и приходилось довольствоваться сестрическимъ обѣдомъ: тарелкой кипятку съ кислой капустой. Проработавъ въ этихъ условіяхъ долгое время и продавъ еврейкѣ, у которой я жила, свое послѣднее бѣлье, я рѣшила взять отпускъ и отдохнуть , такъ какъ чувствовала, что физическихъ силъ у меня больше не было. Докторъ нашелъ у меня міокардитъ въ очень сильной степени, но отпуска мнѣ все таки не дали, и когда я заявила — что въ такомъ случаѣ я просто уйду, старшій врачъ мнѣ сказалъ, что онъ меня не отпуститъ, такъ какъ имъ сестры очень нужны. Тогда я написала ему офиціальное письмо, — что такъ какъ въ больницѣ сестеръ не кормятъ, то на слѣдующій день я на службу больше не приду. Впрочемъ, у меня къ нему нѣтъ и не было дурного чувства: онъ, конечно, оберегалъ интересы своей больницы. Всѣ сестры стремились уйти отъ такихъ условій, и неудивительно, что онъ старался насъ удержать. Вообще, и къ докторамъ и къ сестрамъ у меня осталось очень хорошее чувство. Мы всѣ работали въ очень тяжелыхъ

условіяхъ, но у докторовъ все таки была частная практика, а у сестеръ въ ту минуту не было ничего, такъ какъ взять себѣ сестру милосердія было непомѣрной роскошью, — денегъ ни у кого не было.

Изъ Туберкулезнаго Института я перешла сестрой въ Показательныя Ясли къ новорожденнымъ. Эти ясли были устроены для дѣтей рабочихъ, почему говорили, что тамъ «пока» кормятъ. Дѣйствительно, въ смыслѣ питанія было немного лучше. Во главѣ стояла женщина-врачъ, относившаяся ко мнѣ очень хорошо, такъ какъ ей нуженъ былъ человѣкъ, которому бы она могла довѣрять. Ясли были расчитаны на 40 человѣкъ дѣтей; грудныхъ — полный комплектъ: 20 человѣкъ, и именно этихъ то мнѣ и поручили. Кромѣ меня была еще одна полуинтеллигентная сестра, и двѣ няни, которыя оказались «чекистками»*) и очень этимъ хвастались, думая всѣхъ запугать. Видя, что я не «запугиваюсь», онѣ начали противъ меня интриги, но тутъ, неожиданно, меня защитили мои малыши.

Я сказала какъ то нянькамъ, или какъ ихъ величали «сестрамъ», что нельзя держать резиновыя соски въ одной и той же борной водѣ четыре дня подрядъ, и что нельзя грязную пеленку съ одного ребенка переносить на другого, — чѣмъ съ мѣста нажила себѣ смертельныхъ враговъ.

Я имъ безусловно мѣшала: какъ только женщина врачъ уѣзжала, онѣ удирали въ кухню, пекли себѣ пирожки, а дѣти оставались въ другой части дома безъ нужнаго ухода. Не дѣлая никому никакихъ замѣчаній, я сама стала заниматься маленькой командой и, очевидно, дѣти ко мнѣ привыкли и меня знали. Когда матери приходили въ 11 часовъ дня кормить ихъ грудью, то дѣти оборачивались и улыбались мнѣ. Чекистки начали было что-то нашептывать на меня доктору, но жены рабочихъ энергично меня защитили, заявивъ — что дѣти знаютъ только одну меня, потому что я, повидимому, одна съ ними вожусь, и что онѣ, матери — мнѣ безусловно довѣряютъ.

ГЛАВА 7.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя голодъ въ Россіи еще болѣе обострился и положеніе стало еще болѣе трагичнымъ. Въ это время въ Москву пріѣхали наши спасители-американцы; они развернули огромную продовольственную организацію въ самой Москвѣ и вообще въ Россіи. Эта организація задалась цѣлью поддерживать въ голодный годъ русскихъ дѣтей и, дѣйствительно, много русскихъ дѣтей обязаны имъ своимъ существованіемъ. Мнѣ посовѣтовали начать хлопоты о полученіи въ завѣдываніе дѣтской столовой.

*) Ихъ мужья служили въ ЧЕ—КА.

Съ этимъ ходатайствомъ я пошла въ Эрмитажъ, гдѣ была въ эту минуту штабъ-квартира дѣтскихъ столовыхъ въ Москвѣ и вскорѣ , дѣйствительно, получила столовую. Ее велѣно было мнѣ открыть и организовать, къ извѣстному сроку, на Ярославскомъ шоссе, недалеко отъ Сокольниковъ.

Завѣдующая столовой назначалась американцами и должна была набирать себѣ прислугу. Отъ совѣтской же власти назначался комендантъ, который долженъ былъ заботиться о ремонтѣ и о томъ чтобы всѣ нужды столовой удовлетворялись во время.

Помѣщеніе для столовой мнѣ указали очень подходящее, но оно, какъ и всѣ дома въ то время , конечно, требовало ремонта: окна были выбиты, плита не дѣйствовала и т. д. Совѣтская власть очевидно проявляла полное бездѣйствіе и совсѣмъ не шла навстрѣчу американцамъ. Сами они ничего организовать не могли, да и денегъ у нихъ не было, но американцамъ все таки вставляли палки въ колеса.

Тщетно я просила сдѣлать ремонтъ въ своей столовой: срокъ открытія подходилъ , никто ничего не дѣлалъ. Пришлось починить плиту на собственный счетъ.

Вскорѣ на мое имя былъ полученъ приказъ отъ совѣтской власти — повѣсить въ столовой портреты вождей, которые я должна была отыскать, такъ какъ передъ этимъ, въ этомъ помѣщеніи, была совѣтская столовая. Въ кладовой, дѣйствительно, были портреты. Одинъ изъ нихъ былъ разбитъ, другіе, сознаюсь, я сама слегка «контузила» и отвѣтила, что повѣсить портреты вождей никакъ невозможно, такъ какъ они разбиты. Вмѣсто вождей я въ столовой повѣсила образъ.

Наконецъ, столовая была открыта. Нѣсколько дней спустя пріѣхалъ американецъ, стоявшій во главѣ организацій московскихъ столовыхъ, мистеръ Дональдъ Реншау, съ виду холодный и непроницаемый, но какъ оказалось — очень добрый человѣкъ и отличный организаторъ.

За нимъ была уже извѣстная репутація, съ нимъ шутки были плохи и совѣтская власть его слегка побаивалась.

Отъ совѣтской власти во главѣ продовольственнаго дѣла былъ поставленъ латышъ Эйдукъ, видный чекистъ, который много звѣрствовалъ въ началѣ революціи. Съ нимъ у меня и произошелъ маленькій инцидентъ: подъ начальствомъ коменданта моей столовой — латышки коммунистки, былъ водовозъ, который не былъ коммунистомъ. Его звали Василій: онъ былъ славный малый и очень исполнительный, хотя иногда и выпивалъ. Какъ то онъ ко мнѣ присталъ, чтобы я написала ему на бумагѣ, что имъ довольна, что воду въ столовую онъ возитъ аккуратно и т. п. Я ему объяснила, что это касается коменданта, а не меня, но онъ былъ настойчивъ и чтобы отвязаться отъ него — я написала ему все, что онъ просилъ.

Когда я, спустя нѣкоторое время, поѣхала въ Эрмитажъ отвозить от-

іеты, изъ совѣтскаго отдѣла вылетѣла какая то бырышня и вручила мнѣ бумагу слѣдующаго содержанія: «Прошу передать завѣдующей столовой № 14, что если она въ своихъ донесеніяхъ будетъ придерживаться старой орѳографіи, то я ее накажу. Завѣдующій продовольственнымъ дѣломъ Эйдукъ».

Я на этой же бумагѣ написала слѣдующій отвѣтъ: «Прошу передать завѣдующему продовольственной частью гражданину Эйдуку, что если онъ будетъ заниматься такими пустяками, какъ моя орѳографія, то онъ пропуститъ массу важныхъ вещей, и такъ уже отъ него во время ничего добиться нельзя; также прошу передать ему, что я его своимъ начальствомъ не считаю, такъ какъ мой начальникъ есть — мистеръ Реншау» и подписалась: завѣдующая (черезъ «ѣ») Д. Д....» Эту бумажку я опять положила на столъ въ совѣтскую канцелярію, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ 4 мѣсяца американцы мнѣ дали 2 столовыхъ, изъ которыхъ одна была очень большая — Алексѣевскій народный домъ, а другая была для бѣженцевъ на Александровскомъ вокзалѣ. Всего приходилось кормить около 1500 человѣкъ — дѣтей и бѣженцевъ. Американцы, кромѣ дѣтей, кормили еще и бѣженцевъ, которые бѣжали изъ голодныхъ губерній и толпами проѣзжали черезъ Москву. Это кормленіе бѣженцевъ совѣтской власти казалось очень предосудительнымъ, и на этой почвѣ она дѣлала американцамъ много непріятностей и немало крови испортила мистеру Реншау, который, какъ американскій уполномоченный по Москвѣ, долженъ былъ съ нею бороться.

Дѣло для меня было знакомое и интересное; я когда то работала въ голодные годы въ Саратовской губерніи, какъ предсѣдательница Краснаго Креста, но теперь время было уже не то — физическихъ силъ у меня совершенно не было. Работа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при недостаточномъ питаніи, какъ то подточила организмъ и сердце совершенно не работало.

Прошло уже шесть мѣсяцевъ моей службы у американцевъ; весной пріѣхалъ одинъ американецъ для ревизіи всей американской продовольственной организаціи. Ему приготовили въ Москвѣ очень красивое помѣщеніе и искали кого нибудь, чтобы въ теченіе 3-хъ недѣль вести хозяйство и устраивать ему всякіе пріемы. Мнѣ предложили за это взяться. Я хотѣла взять отпускъ, но отпускъ зависѣлъ отъ русскихъ властей, и ... они мнѣ его не дали. Тогда я просто ушла, такъ какъ желаніе отдохнуть и поѣсть по людски было непреодолимо.

Этотъ американецъ, мистеръ Гудричъ, и его жена оказались очень милыми людьми и мнѣ очень жаль, что они пріѣхали въ Москву на такой короткій срокъ.

ГЛАВА 8.

Послѣ ихъ отъѣзда я очутилась опять на свободѣ и надо было что нибудь изобрѣтать, чтобы жить дальше.

Вскорѣ мнѣ предложили одно мѣсто, которое меня устраивало, такъ какъ надо было ѣхать на лѣто въ деревню. Одинъ бывшій офицеръ, который въ періодъ совѣтской власти рѣшилъ стать агрономомъ и изучать болѣзни грибовъ, предложилъ мнѣ быть при немъ «практиканткой», — на самомъ дѣлѣ, просто вести его хозяйство. Онъ былъ слегка ненормаленъ и, должна ему отдать справедливость, онъ меня объ этомъ предупредилъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилась съ нимъ поѣхать и провести лѣто въ чудной мѣстности въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Мое «практикантство» заключалось въ томъ, что я грибы искала , болѣзней въ нихъ не находила и усиленно уничтожала ихъ за обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ съ моимъ полуумнымъ, а иногда и одна, когда онъ уѣзжалъ.

Глубокой осенью погода испортилась, дороги стали невозможны, такъ что сообщеніе съ Москвой очень затруднилось. Характеръ моего агронома, въ связи съ дурной погодой, такъ же испортился и онъ становился иногда очень несноснымъ. Я рѣшила поѣхать въ Москву и подыскать себѣ что нибудь другое.

Въ Москву въ это время, одновременно съ американцами, пріѣхала миссія Нансена, — также для оказанія помощи голодающимъ. Въ этой миссіи работали понемножку, если не всѣ наши, то очень многія. Нансена самого не было, онъ только изрѣдка наѣзжалъ.

Во главѣ миссіи стоялъ англичанинъ, мистеръ Горвинъ, очень сердечный и умный человѣкъ, который какъ то умѣлъ лавировать и ладить съ совѣтской властью, несмотря на то, что она ему дѣлала не мало непріятностей; кромѣ того, былъ мистеръ Гибсонъ, который организовалъ въ Москвѣ и въ провинціи студенческія столовыя; говорятъ даже, что онъ это дѣлалъ на свой счетъ. У Нансена работалъ одинъ голландецъ Г.

Когда я , вернувшись въ Москву, искала какого-нибудь мѣста, голландецъ далъ мнѣ временную работу — обслѣдовать нужду сестеръ милосердія въ Москвѣ, такъ какъ одна англичанка, извѣстная общественная дѣятельница, хотѣла передать имъ посылки съ продовольствіемъ.

Я выполнила это порученіе и довольно подробно составила отчетъ — въ какомъ положеніи находятся сестры милосердія въ Москвѣ и, въ какихъ условіяхъ имъ приходится работать. Думаю, что интересъ проявленный иностранцами къ нашимъ сестрамъ воздѣйствовалъ на совѣтскую власть и полагаю, что теперь они работаютъ уже въ нормальныхъ условіяхъ.

Голландецъ Г. былъ очень симпатичнымъ и смѣлымъ человѣкомъ; онъ,

между прочимъ, сорвалъ красный флагъ съ того дома, гдѣ онъ жилъ, когда ему его повѣсили въ день совѣтскаго праздника. Совѣтская власть вызвала его для объясненій; хотя этотъ инцидентъ какъ то и уладился, но должно быть ему послѣ этого трудно было работать, такъ какъ черезъ три мѣсяца онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи.

Немного позже этихъ иностранныхъ организацій, — католики, возглавляемые Папой Римскимъ Піемъ XI,— открыли также сѣть столовыхъ для дѣтей, и кромѣ того, безплатно снабжали нуждающихся продовольственными посылками.

Эту зиму я прожила въ Москвѣ у своихъ друзей и жила, что называется, случайнымъ заработкомъ.

Одна знакомая дама, занимавшаяся переводами съ иностранныхъ языковъ для Московскаго Института Журналистики, предложила мнѣ взять одинъ переводъ, отъ котораго она отказалась. Надо было перевести — *Исторію журнала во всѣхъ странахъ съ минуты появленія перваго журнала*—по Британской Энциклопедіи и другимъ иностраннымъ источникамъ.

Работать надо было въ Румянцевскомъ музеѣ; я взяла себѣ двухъ помощницъ, хорошо говорящихъ по англійски, и мы съ большимъ увлеченіемъ принялись за дѣло.

Исторія англійскихъ журналовъ находится въ тѣсной связи съ исторіей англійскихъ королей и парламента, и когда я принесла первую часть перевода коммунисту, стоящему во главѣ Московскаго Института Журналистики, то я очень боялась, что этотъ переводъ не примутъ — коммунисты вообще боятся всякой исторіи и усиленно прячутъ ее отъ молодежи, какъ нелегальную литературу.

Мои опасенья были не совсѣмъ напрасны. Коммунистъ, прочитавъ мой переводъ, сначала очень испугался и сказалъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не этого ожидалъ, но такъ какъ источники указаны были именно имъ, то я возразила, что перевела въ точности то, что было въ Британской Энциклопедіи, а фантазировать на этой почвѣ я не могу.

Скрѣпя сердце, онъ принялъ мой переводъ, но успокоился только лишь тогда, когда я начала въ слѣдующемъ переводѣ перечислять заголовки журналовъ и писать эти заголовки русскими буквами. Очевидно, онъ хотѣлъ выучить заголовки и сверкнуть передъ кѣмъ нибудь своими познаніями.

«Вотъ это именно то, что мнѣ нужно», — сказалъ онъ мнѣ на этотъ разъ съ видимымъ удовольствіемъ. При расплатѣ онъ меня почему то обсчиталъ, но иначе онъ не былъ бы коммунистомъ...

ГЛАВА 9.

Въ томъ же году я начала свои хлопоты для выѣзда заграницу; подала, какъ пологалось, анкету и заранѣе заплатила за паспортъ. Мнѣ назначили притти за отвѣтомъ черезъ десять дней. Когда я пришла въ указанный срокъ, то, заставивъ меня безконечно прождать въ пріемной, предложили притти черезъ два дня. Черезъ два дня повторилось тоже самое, и такъ меня водили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — потомъ отказали! Деньги, отданныя за паспортъ, съ трудомъ вернули, но удержали два рубля «за отказъ».

Помню, что я пошла къ одному изъ высшихъ служащихъ въ Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы спросить о причинѣ отказа. Онъ у меня спросилъ мою фамилію.

«Вы гражданка Д-а. Я знаю причину, по которой васъ не выпускаютъ, но я связанъ словомъ; васъ и не выпустятъ, вамъ здѣсь гораздо лучше». Пришлось хлопоты объ отъѣздѣ отложить на нѣкоторое время.

Съ начальными хлопотами объ отъѣздѣ связана бѣготня по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ, и тутъ пришлось во-очію увидѣть полную ненужность многихъ этихъ учрежденій.

Все это сдѣлано для того, чтобы заставить всѣхъ служить, и дѣятельность большинства ихъ состоитъ въ томъ, что они толкутъ воду въ ступѣ, но толкутъ... чтобы не умереть съ голоду.

Обыкновенно, въ каждой семьѣ и мужъ и жена служатъ зачастую въ разныхъ учрежденіяхъ, причемъ заработокъ каждаго изъ нихъ даетъ имъ возможность прокормить только самого себя. Сохрани Боже, если есть дѣти, такъ какъ тогда заработокъ безусловно недостаточенъ. Кромѣ того — это обязательство *служить* вноситъ въ жизнь большой безпорядокъ; такъ какъ большинству прислуга не по средствамъ, то та же уставшая жена и мать, возвращаясь домой, принимается готовить обѣдъ, штопать и обшивать своихъ дѣтей. Всѣ вѣчно торопятся, живутъ кое-какъ, и получается вѣчное безплодное переутомленіе. Сплошь и рядомъ, мнѣ приходилось слышать и въ средѣ интеллигенціи, и въ средѣ рабочихъ: «Раньше при старомъ режимѣ въ семьѣ работалъ одинъ мужъ и всѣ были сыты».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти безчисленныя и ненужныя совѣтскія учрежденія ложатся огромнымъ бременемъ на разоренную Россію. Раньше, напримѣръ, было одно Министерство Финансовъ, — теперь въ одной Москвѣ ихъ нѣсколько. На Воскресенской площади находится главный наркомфинъ (народный комиссаріатъ финансовъ), а кромѣ того въ каждомъ участкѣ — по такому же учрежденію, при чемъ изъ за каждой бумажки — самой ничтожной — нужно обѣгать нѣсколько лѣстницъ и стоять въ хвостахъ около разныхъ столовъ и окошечекъ для полученія какой нибудь санкціи — вродѣ совѣтской печати.

Въ началѣ большевистской революціи въ этихъ окошечкахъ сидѣли барышни съ настроеніемъ бѣшеныхъ собакъ и въ лучшемъ случаѣ онѣ что-то безконечно жевали и пили чай, пока публика томилась въ ожиданіи. Послѣднее время въ учрежденія проникла интеллигенція и барышни стали немного снисходительнѣе.

Въ 22-омъ и 23-емъ г. г. финансовое положеніе въ совѣтской Россіи становилось совсѣмъ катастрофическимъ; деньги летѣли внизъ съ головокружительной быстротой каждый день и каждый часъ. Тогда большевики раздобыли откуда то стараго финансиста Кутлера, который ихъ выручилъ. Я отнюдь не финансистъ и не знаю къ какимъ мѣрамъ онъ въ данномъ случаѣ прибѣгъ, но одна изъ мѣръ была — безусловно насильственное пониженіе цѣнъ на жизненные продукты, и сдѣлано это было при помощи «чеки».

Проведя эту спасительную для большевиковъ операцію, Кутлеръ скоропостижно умеръ.

Нѣсколько раньше заболѣлъ и Ленинъ — прогрессивнымъ параличемъ. Нельзя сказать, чтобы его отсутствіе въ правительствѣ было особенно замѣтно, развѣ только, что правительство съ мѣста замѣтило невыгоду «даровщинки». Стали назначать плату за квартиры, освѣщеніе, воду и т. п., ибо дома пришли въ ужасное состояніе, водопроводы были испорчены, стѣны и потолки въ квартирахъ прокопчены, электричество въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или плохо горѣло или совсѣмъ не горѣло, — ужъ про телефоны и звонки и говорить нечего. Денегъ же на ремонтъ не было и неоткуда было взять.

Еще при жизни Ленина торговля, которая была придушена въ первые годы, стала опять пробиваться наружу, появились лавки, рестораны, магазины, особенно гастрономическіе; начали пить даже чай и кофе, которыхъ не видѣли больше трехъ лѣтъ.

Съ мануфактурой было много хуже, оттого ли, что спроса на нее не было, оттого-ли, что этотъ видъ торговли еще больше тѣснили , но только и до сихъ поръ Москва въ этомъ отношеніи и близко не подходитъ къ тому, — что было въ дореволюціонный періодъ. Правительство вообще все время стремится все захватить въ свои руки, ничего не предоставляя частной иниціативѣ. На частную торговлю оно накладывало и накладываетъ непомѣрные налоги, они въ полномъ смыслѣ слова являются петлей — вотъ почему на мѣсто частныхъ магазиновъ черезъ нѣсколько времени появляются коопераціи. Но, несмотря на то, что всѣ частные доходы правительство перевело въ свой карманъ, денегъ всетаки никогда не хватаетъ, должно быть все это или расхищается, или же безтолково расходуется.

Нѣсколько разъ, въ первые годы революціи, правительство пробовало закрыть и рынки, но это каждый разъ вызывало въ народѣ слишкомъ большое возбужденіе. Вообще два, три года тому назадъ на рынкахъ происхо-

дили странныя вещи. Неожиданно приходили солдаты и, придравшись къ какому нибудь пустяку , начинали стрѣлять въ торговцевъ и въ публику, бить кого попало прикладами. Происходила паника, толпа разбѣгалась въ разныя стороны; тутъ же иногда устраивали облаву и отводили и торговцевъ и покупателей въ участокъ. На самомъ рынкѣ создавалась въ эту минуту отличная обстановка для воровства и такимъ образомъ еще разъ выполнялась основная задача коммунистической программы.

Въ 22 и 23 году появился было новый классъ людей nouveaux riches, или какъ ихъ прозвали «нэпманы» (иначе сказать — продуктъ новой экономической политики). Это были люди, нажившіе себѣ деньги спекуляціями, но совѣтская власть не дала расцвѣсти этому цвѣточку, живо арестовала ихъ, кого выслала, кого разстрѣляла, а деньги , конечно, прикарманивала, — тѣмъ дѣло и кончилось.

ГЛАВА 10.

Весной 1922 года совѣтской власти особенно остро понадобились деньги и правители рѣшили приступить къ ограбленію церквей. Протесты Патріарха, епископовъ и священниковъ не произвели никакого впечатлѣнія на нашихъ правителей, ведущихъ, по собственному неоднократному заявленію, свой древній родъ отъ Дарвиновской обезьяны, и вызвали лишь растрѣлы и аресты; всѣхъ епископовъ и священниковъ, осмѣлившихся громко осуждать правительство, немедленно ссылали, и гоненіе на Церковь съ каждымъ днемъ усиливалось. Церковь поддерживала совѣсть и нравственный обликъ русскаго народа, а именно это то и нужно было совѣтской власти растоптать.

Въ періодъ ограбленія церквей правители добрались, между прочимъ, до русской святыни — Троицко-Сергіевской Лавры. Изъ Лавры устроили музей и бани, мощи св. Сергія вынесли въ музей изъ Собора. Соборъ закрыли и церковныя службы въ немъ запретили.

На этой почвѣ создалась легенда, которая переходила въ Москвѣ изъ устъ въ уста. Разсказывали, — что въ Пасхальную ночь на колокольнѣ Сергіевскаго Собора послышался звонъ. Представители власти всполошились, — кто смѣетъ звонить, когда запрещено служить въ Соборѣ? Послали на колокольню двухъ солдатъ, которые вернувшись разсказали, что видѣли тамъ старца съ бѣлой бородой, съ свѣтлымъ лицомъ и въ свѣтлой одеждѣ, и что это именно онъ звонитъ въ колоколъ. Власти велѣли солдатамъ вернуться на колокольню и схватить старца; солдаты пошли выполнять приказаніе , но больше оттуда не вернулись... Когда ихъ пошли разыскивать, на колокольнѣ нашли два трупа.

ГЛАВА 11.

Ограбленіе и закрытіе многихъ церквей и монастырей не удовлетворило III Интернаціоналъ. Онъ рѣшилъ добраться до Православія, почему придуманъ былъ искусственный расколъ; отсюда возникновеніе «живой» или «красной» церкви. Г. П. У. (Государственное Политическое Управленіе) для этого вошло въ соприкосновеніе съ нѣкоторою частью духовенства и стало имъ руководить, конечно, — своими обычными пріемами: подкупами и запугиваніемъ. Въ идейность живой церкви я не вѣрю, да и вообще мало кто вѣритъ. Въ Москвѣ этотъ проектъ потерпѣлъ фіаско, и несмотря на то, что подъ красную церковь отняли Храмъ Христа Спасителя, тѣмъ не менѣе онъ стоитъ всегда пустой. Близость Патріарха и хорошій составъ духовенства дали насильникамъ рѣшительный отпоръ. Въ Петроградѣ и нѣкоторыхъ провинціяхъ духовенство было менѣе стойко, хотя многія церкви, черезъ нѣкоторое время, вернулись въ старое русло.

Московскія же церкви во время гоненія особенно духовно поднялись. Люди съ высшимъ образованіемъ постригались въ священники и дьяконы, чудные хоры пѣвчихъ появились во всѣхъ церквахъ, несмотря на сравнительное безденежье. При каждой церкви образовалось сестричество и сестры замѣчательно заботливо относились къ порядку и убранству церкви. Въ большіе праздники церкви убираются теперь такъ же, какъ раньше убирались на Троицынъ день, цвѣтами и вѣтками деревьевъ. Къ тому же наше духовенство очень приподнято и молитвенно настроенно. Все это вмѣстѣ взятое — дѣлаетъ нашу православную службу въ церквахъ особенно великолѣпной, и церкви, несмотря на огромное количество ихъ въ Москвѣ, послѣдніе годы переполнены народомъ. Въ большіе праздники, чтобы попасть въ церковь, надо идти задолго до начала службы.»

Въ «красной церкви» есть безусловно выдающіеся ораторы между молодыми священниками, напримѣръ Введенскій: я слышала его проповѣдь до того, какъ онъ отдѣлился отъ Православія и должна сознаться, что онъ говоритъ съ большимъ подъемомъ и очень увлекательно, только въ голосѣ его есть что то непріятное и лицомъ онъ ужъ очень похожъ на еврея. Тѣмъ не менѣе въ тотъ, надѣюсь, недалекій день, когда сойдутъ со сцены большевики, исчезнетъ полностью, конечно, и «красная церковь».

ГЛАВА 12.

Въ началѣ лѣта 1923-го года я опять очутилась въ поискахъ какой нибудь работы. Предлагали разныя частныя мѣста, больше всего предлагали быть гувернанткой и, между прочимъ, кто то изъ моихъ друзей сказалъ,

что квакеры открываютъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ лѣчебные пункты, чтобы лѣчить малярію, и что они набираютъ сестеръ милосердія. Я зашла въ ихъ контору въ Москвѣ, принесла имъ свои документы и вскорѣ меня отправили въ Бузулукъ, вмѣстѣ съ одной моей знакомой, докторомъ Тучковой.

Малярія въ Самарской и другихъ губерніяхъ, дѣйствительно, разрушительно дѣйствовала и подкашивала почти все населеніе, перенесшее два голодныхъ года и дошедшее до людоѣдства. Кромѣ тропической маляріи, въ это время въ Бузулукъ занесена была изъ Ташкента тропическая дезинтерія, — болѣзнь въ Европейской Россіи мало извѣстная, но которая также заразительна, какъ и холера и даже хуже холеры, ибо связана съ нарывомъ въ печени и огромной потерей крови. Сначала я работала въ Бузулукѣ въ совѣтской больницѣ, ухаживая за однимъ дезинтерійнымъ больнымъ, служившимъ шофферомъ у квакеровъ и, слава Богу, выходила его. Это было въ англійской штабъ-квартирѣ квакеровъ. Потомъ я сама заболѣла тропической маляріей настолько сильно, что меня отвезли, почти безъ памяти, въ Англійскую больницу. Тутъ, несмотря на недомоганіе, я почувствовала себя въ Царствѣ Небесномъ, до такой степени сестра-англичанка обо мнѣ заботилась. Вообще квакеры на рѣдкость милые люди и замѣчательно проводятъ христіанство въ жизнь. Я никогда не забуду то радушное и гостепріимное отношеніе, съ которымъ встрѣтили доктора Тучкову и меня въ Бузулукѣ.

Пробывъ въ больницѣ 10 дней, я стала проситься на работу, и меня отправили въ одно большое село, Сорочинское, главный пунктъ американскихъ квакеровъ, съ которыми англійскіе квакеры работали сообща.

Здѣсь была организована раздача хинина, страдавшимъ маляріей, и мы каждый день пропускали черезъ свою амбулаторію тысячу и больше человѣкъ.

Тутъ при большомъ стеченіи народа особенно ясно было видно, что стало съ населеніемъ этой мѣстности за эти два года. Такихъ распухшихъ и темнозеленыхъ лицъ я никогда еще не видѣла, даже странно было, видѣть, что эти люди еще разговариваютъ. Медицинская помощь была болѣе чѣмъ нужна, и спасибо англійскимъ и американскимъ квакерамъ, которые въ эту минуту протянули руку помощи нашему несчастному народу. Масса народонаселенія этой мѣстности, предоставленная *исключительно заботамъ совѣтской власти*, несомнѣнно погибла бы.

Мнѣ всего пришлось проработать тамъ около 4-хъ мѣсяцевъ, малярія ко мнѣ то и дѣло возвращалась и надо было, по совѣту докторовъ, перемѣнить климатъ. Я съ грустью простилась съ этой милой средой, въ которой мнѣ пришлось работать и съ тѣмъ дѣломъ, гдѣ я могла бы быть полезна, и вернулась въ Москву. На прощаніе американскіе квакеры меня одѣли съ

ногъ до головы,даже подарили пальто (дѣло шло къ зимѣ,а у меня—въ смыслѣ вещей—были одни лохмотья); потомъ выдали мнѣ мое жалованіе и, почувствовавъ себя милліонеромъ, я возвратилась въ Москву.

ГЛАВА 13.

Изъ значительныхъ событій за послѣдующій годъ — можно отмѣтить смерть Ленина, хотя онъ уже годъ передъ тѣмъ началъ страдать прогрессивнымъ параличомъ и былъ совершенно невмѣняемъ. Когда онъ еще былъ въ состояніи говорить и понимать, то его, говорятъ, преслѣдовали видѣнія загубленныхъ имъ душъ. Послѣдній годъ онъ только мычалъ какія то невнятныя слова. Со смертью *великаго сифилитика* начались всякія искусно подстроенныя демонстраціи, а совѣтская печать впала въ безконечный истерическій припадокъ; всю Москву обвѣсили красными и черными флагами — но, на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ никакой печали не было, если не считать коммунистовъ съ траурной повязкой на рукавѣ..

Мнѣ вспомнилось мое дѣтство и трагичная кончина Императора Александра II; какъ тогда всѣ плакали и старъ и младъ, — плакали всѣ сословія. Чувствовалось, что русскій народъ потерялъ своего настоящаго Отца и Друга.

Похороны Ленина были обставлены болѣе чѣмъ торжественно и всѣмъ служащимъ было строго *предложено* пойти съ нимъ проститься. Во всѣхъ совѣтскихъ демонстраціяхъ служащіе въ учрежденіяхъ «должны» были принять участіе, подъ угрозой потери своихъ должностей — тѣмъ не менѣе многіе прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы уклониться и являлись на минуту, послѣ чего тотчасъ же скрывались.

Въ день похоронъ Ленина было 30 градусовъ мороза и многіе солдаты, которые должны были стоять до конца, отморозили себѣ руки, ноги и носы.

Черезъ нѣкоторое время на высокій постъ Ленина былъ избранъ Рыковъ — извѣстный пьяница. Хотя онъ и русскій, но въ Совѣтской Россіи всѣмъ и каждому извѣстно, что все русское — мало авторитетно и русскіе, подобные Рыкову и другимъ — только маріонетки въ рукахъ закулиснаго III Интернаціонала.

Когда Ленинъ былъ еще въ сознательномъ состояніи, то между нимъ и Троцкимъ не разъ происходили разногласія. Троцкій, какъ умный еврей, отлично понялъ, что для того, чтобы усидѣть на своей позиціи, надо понемногу правѣть: дѣлать уступки и заглаживать свои ошибки. Вообще онъ изъ тѣхъ коммунистовъ, которые въ коммунизмъ въ душѣ уже больше не вѣрятъ. Троцкій, какъ извѣстно, впослѣдствіе написалъ книгу «1917 годъ», которая вооружила коммунистовъ противъ него. Несмотря на многочислен-

ныхъ сторонниковъ — его нѣсколько разъ, подъ видомъ болѣзни, высылали на Кавказъ. — Въ этомъ случаѣ, онъ игралъ роль Донъ Базиліо въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», когда Донъ Базиліо выгоняютъ изъ комнаты и поютъ: «У васъ лихорадка, у васъ лихорадка». Только черезъ нѣкоторое время большевики опять возвратили Троцкаго.

ГЛАВА 14.

Въ 1923 году начали функціонировать банки, т. е. государственный и промышленный, — послѣдній представляетъ изъ себя отдѣленіе государственнаго. Частныхъ банковъ въ Москвѣ нѣтъ; были пробы негласныхъ банковъ, но они скоро лопались и деньги куда то исчезали; земельныхъ банковъ также, конечно, нѣтъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о земельномъ вопросѣ, который такъ стремительно принялось разрѣшать сначала Временное Правительство, а потомъ и большевики; о результатахъ, полученныхъ при Временномъ Правительствѣ, судить не берусь; знаю только, что имѣнія отчасти сожжены были уже тогда*), но большевики докончили разрѣшеніе этого сложнаго вопроса во всякомъ случаѣ нелѣпо.

Отобрать землю они отобрали, но, очевидно, крестьяне, не имѣя ни плуговъ, ни машинъ, ни оборотнаго капитала, не могли ни запахать, ни обработать ту землю, которая была предметомъ ихъ историческихъ вожделѣній, да кромѣ того и не было особеннаго желанія работать на землѣ, которая имъ не принадлежала на правахъ собственности. За періодъ большевизма получились огромныя незапаханныя пространства земли, которыя раньше, когда на нихъ были хозяйства, выносили на русскіе и иностранные рынки и хлѣбъ , и мясо, и кожу, и яйца, и всѣ молочные продукты. Поэтому до сихъ поръ, несмотря на то, что совѣтская власть искусственно и очень энергично снижаетъ цѣны, все таки, даже за послѣдіе годы, все стоитъ два раза дороже того, что стоило при старомъ правительствѣ, а вѣдь эти послѣдніе годы были признаны урожайными; я уже не говорю о первыхъ годахъ большевизма, когда подъ предлогомъ неурожая мы сидѣли безъ бѣлаго хлѣба въ теченіе 5 лѣтъ. Въ данную минуту**) опять назрѣваетъ безденежье и опять все дорожаетъ.

Когда я работала сестрой у квакеровъ, то наблюдала такую картину. Квакеры, видя, что крестьянамъ нечѣмъ обрабатывать землю, выписывали изъ Англіи тракторы и запахивали землю для нихъ; но это дѣлалось на клочкѣ

---

*) Послѣ реформы недоброй памяти «селянскаго-министра» — пораженца В. Чернова. (Ред).

**) Въ 1925 г. (Ред.)

земли въ Самарской губерніи. Такъ какъ нельзя расчитывать на доброту квакеровъ и на то, что они смогутъ это сдѣлать повсемѣстно, то лучше просто сознать свою ошибку и постараться ее исправить. Большевики это отчасти поняли, какъ поняли и то, что крестьянинъ только тогда будетъ интересоваться землей, когда она станетъ его собственностью; видя неудовлетворенность и недовольство крестьянъ, они послѣднее время рѣшили поощрять хуторское хозяйство (мысль покойнаго Столыпина), но такъ какъ въ ихъ программу собственность не входитъ, то они пошли на компромиссъ и сдаютъ землю въ аренду пока на двадцать лѣтъ.

Земельный вопросъ въ Россіи очень сложный вопросъ и подходить къ нему надо перекрестясь.

ГЛАВА 15.

Похоронивъ Ленина, и выстроивъ ему на площади мавзолей подозрительнаго типа, въ которомъ и сейчасъ покоятся его *бренные останки*, большевики опять устремили свои взоры на церковь.

Прежде всего они арестовали Патріарха домашнимъ арестомъ въ Донскомъ Монастырѣ, и черезъ нѣкоторое время отдали его подъ судъ.

Въ газетахъ начали появляться грамоты за подписью Патріарха, но никто имъ не довѣрялъ, зная, что они составлены въ Г.П.У., и что онъ лишенъ возможности ихъ опровергнуть. Между прочимъ дѣятели Г. П. У. рѣшили перемѣнить церковный православный стиль и доставили Патріарху Тихону бумагу за подписью восточныхъ Патріарховъ, ими же составленную и ими же подписанную, будто они, Патріархи, сообща рѣшили перейти на новый стиль въ смыслѣ празднованія православныхъ праздниковъ.

Должно быть бумага была умѣло составлена. Патріархъ Тихонъ ей сначала повѣрилъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе духовенству, но черезъ нѣсколько дней, когда совѣтскій обманъ обнаружился, Патріархъ отмѣнилъ свое распоряженіе.

Вообще этотъ годъ болѣе предыдущихъ ознаменованъ арестами.

Старшая изъ внучекъ моего дяди, у котораго я жила по пріѣздѣ въ Москву, служила въ это время въ иностранной миссіи, которая нѣсколько лѣтъ работала въ Россіи и въ данную минуту ликвидировала еще свои дѣла. Она была корреспонденткой и переводила изъ совѣтскихъ газетъ то, что касалось экономической политики совѣтовъ; работала она подъ руководствомъ одного швейцарца.

Послѣ убійства Воровскаго въ Женевѣ, совѣтская власть начала преслѣдовать этого швейцарца настолько, что тотъ долженъ былъ покинуть Москву. Какъ только онъ уѣхалъ, моя племянница замѣтила, что ее на улицѣ и у подъѣзда дома стали выслѣживать какіе то подозрительные люди. Она объ этомъ мнѣ неоднократно говорила.

Нѣсколько недѣль спустя, когда мы въ одиннадцать часовъ вечера собирались ложиться спать, а дядя уже былъ въ постели, къ намъ неожиданно ввалилась компанія чекистовъ и солдатъ. Ихъ было 9 человѣкъ, въ числѣ ихъ одна дама. Они объявили, что у нихъ есть ордеръ на арестъ моей племянницы, и что они должны произвести обыскъ. При этомъ они оцѣпили обѣ комнаты такъ, что нельзя было выйти.

Совершенно машинально я опустила руку въ карманъ и, о ужасъ! нащупала письмо, которое я получила наканунѣ изъ за границы черезъ одно изъ иностранныхъ консульствъ, и которое я забыла уничтожить. Въ этомъ письмѣ, полученномъ отъ одной подруги, стояла такая фраза: «Великій Князь Николай Николаевичъ въ Парижѣ, и потому теперь центръ тяжести въ Парижѣ». Этой фразы было вполнѣ достаточно, чтобы меня заподозрить въ контръ-революціи. Письмо надо было разорвать до обыска, а выйти было некуда.

Зная, что русскіе солдаты не только въ такихъ случаяхъ, но даже и въ случаяхъ разстрѣла не разъ выручали, — выбрала солдата съ сравнительно хорошимъ лицомъ и, на его глазахъ, разорвала письмо, а потомъ кусочки бумаги незамѣтно бросила за шкафъ — солдатъ меня не выдалъ и даже не тронулся съ своего поста.

Тѣмъ временемъ чекистъ латышъ, въ другой комнатѣ, усиленно рылся въ письменномъ столѣ. Когда я вошла въ комнату, то онъ мнѣ заявилъ, что я взяла одно изъ тѣхъ писемъ, которое онъ отложилъ для прочтенія. Онъ, мнѣ кажется, просто зналъ, что я получила письмо по почтѣ и хотѣлъ, чтобъ я ему его отдала.

«Отдайте письмо сейчасъ же, а то я васъ арестую», настаивалъ латышъ.

Я ему на это сказала, что если ему очень хочется, онъ можетъ меня арестовать, но разъ я говорю, что письма не брала, — то значитъ я не брала; затѣмъ, выдвинувъ ящикъ своего стола для осмотра, я попросила поскорѣе обыскать мою постель, такъ какъ мнѣ очень спать хочется. Когда они исполнили мою просьбу, то я дѣйствительно легла одѣтая на постель и на ихъ глазахъ безмятежно заснула.

Они рылись до трехъ часовъ утра. Въ три часа племянница меня разбудила: ей объявили, чтобы она собиралась, что черезъ два часа за ней заѣдутъ и отвезутъ въ Ч.-К. Между ея письмами было много писемъ отъ иностранцевъ; этого было достаточно, чтобы заподозрить ее въ шпіонажѣ и контръ-революціи.

Въ этотъ вечеръ арестовали почти всю молодежь московскаго общества. Они просидѣли нѣкоторое время въ тюрьмѣ, причемъ на допросахъ, какъ выяснилось, интересовались больше всего — танцовали ли они фоксъ-тротъ съ иностранцами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ всѣхъ выслали въ разные города Россіи и Сибири на 3½ года.

ГЛАВА 16.

Осенью 1924 года Патріархъ, вслѣдствіе болѣзни, былъ выпущенъ изъ подъ ареста.

Въ ноябрѣ былъ праздникъ образа Знаменья Божьей Матери. Недалеко отъ насъ былъ храмъ въ честь Знаменья и кто то изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ, что Патріархъ тамъ будетъ служить.

Народу собралось очень много , всѣ его ждали, но Патріархъ не пріѣхалъ, такъ какъ въ это утро, какъ оказалось, убили его келейника. Рано утромъ въ наружную дверь кто то постучалъ, келейникъ вышелъ отворить, и былъ убитъ выстрѣлами наповалъ. Его трупъ, падая, загородилъ дверь. Патріархъ, услышавъ шумъ, вышелъ посмотрѣть въ чемъ дѣло, и когда онъ съ трудомъ отворилъ дверь, то увидалъ трупъ своего келейника, и вдалекѣ убѣгающаго убійцу съ двумя шубами въ рукахъ. Это были шубы Святѣйшаго.

Келейникъ былъ идейный молодой человѣкъ, который пошелъ служить Патріарху для того, чтобы при немъ былъ вѣрный человѣкъ. Святѣйшій, говорятъ, его очень любилъ.

Всю зиму Патріархъ болѣлъ и лежалъ въ больницѣ, отъ времени до времени, онъ все таки служилъ въ разныхъ церквахъ. Въ началѣ марта онъ почувствовалъ себя лучше и собрался переѣхать въ Донской Монастырь на свою старую квартиру. Наканунѣ отъѣзда у него заболѣлъ зубъ, и онъ, желая его вырвать, обратился къ зубному врачу.

Должно быть доза кокаина, которую ему вспрыснулъ зубной врачъ, была слишкомъ велика, т. к. смерть послѣдовала внезапно. — Въ день Благовѣщенья, 25 марта, Патріарха не стало.

На слѣдующій же день, рано утромъ, тѣло Патріарха перенесли въ Донской Монастырь, сначала на его бывшую квартиру, а затѣмъ — въ Храмъ.

Народъ валилъ толпами, желая поклониться праху Святѣйшаго; пришлось установить очередь, причемъ вся улица была запружена народомъ, который терпѣливо стоялъ въ ожиданіи цѣлыми часами. Такъ продолжалось нѣсколько дней до дня похоронъ. Въ день похоронъ было до 60 тысячъ человѣкъ, среди которыхъ наблюдалось очень много молодыхъ рабочихъ. Похороны были обставлены очень торжественно. Въ толпѣ изъ устъ простонародья я не разъ слышала одну и ту же фразу: «Вотъ на Ленина гнали, никто не шелъ, а тутъ всѣ сами идутъ».

Останки Святѣйшаго опустили въ маленькую могилу у церкви Донского Монастыря. Послѣ похоронъ народъ еще нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ массами шелъ на его могилу и приносилъ ему цвѣты.

ГЛАВА 17.

Передъ Пасхой 25-го года я получила письмо отъ родственниковъ изъ за-границы, гдѣ они мнѣ совѣтывали еще разъ попробовать уѣхать.

Я рѣшила сначала пойти къ Калинину, такъ какъ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ удалось уѣхать послѣ того, какъ они у него побывали. Онъ принималъ въ это время въ домѣ князя Голицына около Кремля. Надо было забираться въ его пріемную съ 8-ми часовъ утра. Я такъ и сдѣлала и получила предварительно какую то записку, по которой я имѣла право предстать передъ его свѣтлыя очи.

Калининъ стоялъ въ комнатѣ за какими то перилами и рядомъ съ нимъ дѣвица восточнаго типа, — видимо, его секретарь.

Онъ средняго роста, въ очкахъ, съ довольно мохнатыми русыми волосами; происходитъ изъ крестьянъ и, говорятъ, сохранилъ хорошія отношенія со своими бывшими помѣщиками; не разъ выручалъ ихъ во время революціи. Я ему изложила мою просьбу и сказала, что по невѣдомымъ причинамъ меня изъ Россіи не выпускаютъ, и что я ходатайствую объ отъѣздѣ вотъ уже два года. Онъ молча меня выслушалъ и, не глядя на меня (по моему, коммунисты никогда въ глаза не глядятъ), написалъ на моемъ заявленіи: «Удовлетворить», и затѣмъ фамилію какого то чекиста, къ которому я должна обратиться.

Этотъ чекистъ также написалъ: «Удовлетворить», и направилъ меня къ другому чекисту, который оказался болѣе ядовитымъ и прошелся насчетъ того, что я дворянка и бывшая помѣщица.

Я его успокоила, что имѣніе было не мое, а моего покойнаго мужа. Онъ мнѣ велѣлъ притти черезъ недѣлю за отвѣтомъ.

Ровно черезъ недѣлю въ Германіи выбрали президентомъ Гинденбурга. Это былъ тяжкій ударъ для совѣтской власти. Они такъ надѣялись, что развратятъ сосѣдей — нѣмцевъ. Счастье было такъ близко и такъ возможно... и вдругъ Гинденбургъ! Я тутъ, конечно, была не причемъ, но совѣтская власть срываетъ свой гнѣвъ обыкновенно на томъ, кто подвернется.

Поэтому я пошла къ чекистамъ лишь недѣли двѣ спустя. Чекистъ сначала поинтересовался, зачѣмъ я такъ долго не приходила за отвѣтомъ. Я сказала, что подготовляла нужныя бумаги для отъѣзда. Онъ этимъ удовлетворился и заявилъ мнѣ, что Центральный Исполнительный Комитетъ разрѣшилъ мой выѣздъ, и затѣмъ прибавилъ со свойственной совѣтской власти самонадѣянностью: « Все равно, черезъ годъ опять будете къ намъ проситься».

Я сейчасъ же дала знать объ этомъ моимъ роднымъ и начала хлопоты о заграничной визѣ. Когда все было налажено, и я получила деньги на дорогу, то сейчасъ же отправилась подавать анкету.

Въ этотъ день, въ отдѣлѣ визъ и заграничныхъ паспортовъ, сидѣли особенно скверные типы. Взявъ мою анкету — одинъ изъ этихъ типовъ молвилъ: «Приходите за отвѣтомъ черезъ два мѣсяца». Я заявила, что имѣю разрѣшеніе на выѣздъ отъ Калинина и Центральнаго Исполнительнаго Комитета, но такъ какъ въ совѣтскихъ гражданахъ я не разъ замѣчала полное презрѣніе къ собственной власти, то и на этотъ разъ мои слова и номеръ квитанціи даннаго мнѣ разрѣшенія не произвели никакого эффекта — они попрежнему настаивали на томъ, что имъ нужно еще два мѣсяца для справокъ.

Черезъ два дня я опять пошла къ Калинину, но , какъ оказалось, его въ Москвѣ не было. Я очень долго ждала въ пріемной и тутъ, сидя въ толпѣ крестьянъ и простонародья, все время слышала порицанія и негодованія по адресу правительства. Иронія судьбы — пока мы сидѣли въ ожиданіи, крестьяне подходили ко мнѣ и просили составить имъ прошеніе къ крестьянину Калинину, думая, должно быть, что это прошеніе будетъ имѣть больше успѣха. Многіе изъ нихъ пришли изъ деревень другихъ губерній за заработкомъ въ Москву и обратились за работой на Биржу труда, но тамъ никакой работы не оказалось; тогда они рѣшили обратиться къ Калинину, но тутъ ихъ не приняли и опять отправили обратно въ то же учрежденіе, которое носитъ громкое названіе, но отнюдь его не оправдываетъ.

Въ пріемной у Калинина лежатъ въ растяжку голодныя бабы съ такими же уставшими голодными дѣтьми. Крестьяне въ данную минуту бѣгутъ изъ деревни въ городъ, такъ какъ ихъ задушили налогами, а такъ какъ въ городѣ заработковъ тоже нѣтъ, то недовольство получается полное. Многіе вспоминаютъ старое правительство, видя всю бездарность и безпомощность совѣтской власти. Когда я какъ то спросила у одного крестьянина, отчего они не протестуютъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что шпіонажъ такъ поставленъ въ деревнѣ, что сейчасъ же сожгутъ избу. За этотъ послѣдній годъ, между прочимъ, они усиленно убиваютъ сельскихъ корреспондентовъ, которые пишутъ въ газетахъ объ ихъ благополучіи.

Въ арміи также, говорятъ, большое недовольство, — солдатъ плохо кормятъ.

Относительно вѣрноподданности арміи совѣтской власти можно въ общемъ сказать, что она старыхъ офицеровъ, попавшихъ въ армію, предпочитаетъ офицерамъ коммунистамъ. Солдатъ на улицахъ видно мало. Одѣты они чисто и видна дисциплина.

Положеніе рабочихъ въ данную минуту также не очень блестяще. Имъ даютъ жалованье какъ будто приличное, но половину изъ него вычитаютъ на аэропланы, на инвалидовъ, на безпризорныхъ дѣтей*) и т. д.

*) А теперь въ пользу бастующихъ въ Англіи углекоповъ. (Ред.).

Вообще совѣтская власть перенесла свои грабительскія наклонности на крестьянъ и на рабочихъ. Рабочіе, въ виду близости власти, еще болѣе запуганы, но они также недовольны. Крестьяне въ этомъ году не разъ справлялись потихоньку: «А правда, говорятъ, что Царь будто живъ?». Также до меня доходила фраза: «Если бъ сейчасъ къ намъ кто пришелъ, мы бы сейчасъ примкнули».

Да и что можетъ быть въ народѣ кромѣ разочарованій отъ этихъ правителей, которые не признаютъ собственности для другихъ, но признаютъ ее для себя, которые живутъ въ дворцахъ, женъ своихъ покрываютъ награбленными брильянтами, при чемъ жены у нихъ часто мѣняются, а награбленныя деньги переводятся на всякій случай въ заграничные банки!...

ГЛАВА 18.

Послѣ долгихъ ожиданій въ пріемной Калинина, меня, наконецъ, принялъ какой то молодой человѣкъ, его замѣститель.

Когда я ему сообщила, что мнѣ отвѣтили при выдачѣ анкеты, онъ мнѣ сказалъ, что я должна была уѣзжать сейчасъ же въ день полученія разрѣшенія, и что теперь, очевидно, раздумали. Я уже хотѣла отложить всякія дальнѣйшія хлопоты, но потомъ рѣшилась по совѣту друзей все таки подать просьбу о выѣздѣ и, вдругъ, неожиданно, черезъ двѣ недѣли, получила давно желанный паспортъ.*)

Тутъ ужъ я не долго думая, взяла билетъ на Петроградъ и, не задерживаясь въ Петроградѣ, такъ какъ бывали случаи, что паспорта отбирали, поѣхала дальше на Финляндію.

На Финляндской границѣ, когда вещи были приготовлены для осмотра и паспорта у пассажировъ были взяты, пограничные чекисты, войдя въ залу, гдѣ былъ багажъ, громко окликнули: «Здѣсь гражданка Д?».

Я ужъ думала, что меня должно быть арестуютъ и отошлютъ обратно въ Москву, но они только увели меня въ отдѣльную комнату для осмотра, вызвали чекистку даму, которая распустила мои волосы и ощупала нѣтъ ли на мнѣ какихъ сокровищъ.

Убѣдившись, что за семь лѣтъ пребыванія въ совѣтской Россіи, я пришла въ полную нищету, она сказала объ этомъ своимъ товарищамъ. Тѣ все таки не повѣрили, нырнули въ мой кожаный ручной мѣшокъ, вытащили

*) Въ день полученія паспорта, я на улицѣ встрѣтила одну свою подругу, которая прошла мимо меня, и не здороваясь со мной, сказала мнѣ вполголоса: «Ты еще здѣсь? Уѣзжай, уѣзжай скорѣй». Я поняла, что это чье то дружеское предостереженіе.

оттуда мой паспортъ сестры милосердія и такъ какъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ слишкомъ толстъ, то они разорвали его, думая, что тамъ что нибудь заклеено. Ничего не найдя, они нехотя отпустили меня.

Я сѣла въ поѣздъ, не вѣря своему счастью, и когда наконецъ переѣхала черезъ границу, вздохнула полной грудью и перекрестилась. Мнѣ казалось, что съ плечъ у меня свалилась огромная тяжесть...

Господи! Когда же можно будетъ, перекрестясь, обратно въѣхать въ Свободную Россію?!!!

Д. Д-ва.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ КІЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

А.

Ч Е — К А. *)

Когда слабые, нервные, растеряно бледнеют, жмутся в углы, колеблются и не решаются, мы, сохранившие мощность духа, умеющие гореть в гневе и сознавать, что меч борющагося должен быть пламенен и тверд в руках Часового Революции, мы неуклонно вершим свое грозное и святое дело, дело борьбы с контр-революцией.

В борьбѣ, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости.

Чрезвычайные обстоятельства чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы.

Меч революции опускается тяжко и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает оточенный клинок в тысячеголовую гидру контр-революции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выростали новые; у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба.

У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманости», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплоатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманость ясная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого либо, а во имя раскрепощения и освобождения от гнета и рабства в с е х.

Жертвы, которых мы требуем — жертвы спасительные, жертвы устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды.

---

*) Передовая перваго номера газеты кіевской чрезвычайки—«Красный Мечъ».

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

Ибо только полная безповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда.

Вот почему мы так решительны и дерзновенны в наших методах борьбы.

Все войны, которые велись до сих пор, это были войны насильников за утверждение своего насилия.

Война, которую мы ведем, это священная война восставших униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей.

Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким Святым Мечем, упрекать в том, почему мы боремся и **как** мы боремся?

В.

ДВА ПРИГОВОРА КІЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

РАСКРЫТИЕ ДВУХ ГРАНДИОЗНЫХ КОНТР—РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАГОВОРОВ.

1) Бразильский консул во главе белогвардейцев.

Секретным Отделом Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией раскрыт грандиозный контр-революционный заговор против Советской власти, центральной фигурой которого являлся Бразильский консул, граф Альберт Пирро. Вокруг него сгруппировалось все черное офицерство и представители буржуазного мира. В распоряжении организации имелись в достаточном количестве пулеметы, винтовки, пироксилин и проч., и с каждым днем увеличивались запасы оружия для того, чтобы иметь возможность захватить все главные советские учреждения в свои руки и произвести переворот в Киеве. У некоторых из арестованных по этому делу лиц найдены шифрованные записки, адресованные представителям англо-французских миссий. Многие буржуа обращались в консульство с целью принятия бразильского подданства, чтобы, таким образом, совершенно порвать с ненавистной им Советской властью.

Коллегия Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии, ознакомившись всесторонне с добытым по этому делу следственным материалом, постановила нижеследующих лиц расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа:

1) Графа Альберта Павловича **Пирро**, 35-ти лет, представителя Бразильской республики при Советском Правительстве Украины, при помо-

и которого была организована контр-революционная организация, имевшая ълью захватить власть в свои руки.

2) Алфердова, Павла Прокофьевича, заведывающаго оружием ервых Киевских Инженерных Советских Командных Курсов, доставлявшего консульство оружие и патроны, при посредстве Болховитинова, ывшего офицера, состоявшего в личном конвое гетмана.

3) Митрофанова, Ивана Ивановича, помощника заведующего чебной частью 2-х Советских Командных Артиллерийских Курсов, бывшего одполковника генеральнаго штаба, принимавшего активное участие в рганизации выступления.

4) Трифановского, Георгия Михайловича, землевладельца, онтр-революционера, сознавшегося на допросе в том, что принимал все еры для того, чтобы избавиться от Советской власти.

5) Поплавскую, Раису Леонидовну, служившую у консула в ачестве сотрудницы; собиралась ехать во Францию для предупреждения . лемансо о том, что из России выезжает инкогнито группа коммунистов агитационной целью. — При обыске найдены шифрованные записки на мя англо-французских представителей в Константинополе.

Об остальных лицах, связанных с этой организацией, следствие продолжает вестись.

Всеукраинская
Чрезвычайная Комиссия.

---

2) Заговор Петлюровских шпионов.

Секретным Отделом В.У.Ч.К. были получены сведения, что в одном з домов на Миллионной улице состоялось заседание петлюровцев, на котоом был выработан подробный план захвата мостов, прилегающих к Киеву, совершить внутренний переворот путем ареста членов Правительства. Для этой цели петлюровцы завели знакомство с одним из советских командиов, чтобы тот пошел им навстречу, т. е. предоставил бы в их распоряжение остаточное количество войск, настроенных против «коммуны».

Руководителем заседания был студент, видный петлюровец, под кличкою Стодоля». Последний вел также переговоры с кулаком деревни Бебрики, авриилом Романовичем Квасец, сообщившем, что все кулачье деревни безуловно будет на стороне петлюровцев. Медлить было нельзя, и Назарий Стодоя решил выехать в Жмеринку, чтобы оттуда пробраться дальше в штаб Петюры для информирования его о создавшемся положении. Своим заместите-

лем он оставил своего приятеля, студента Политехнического Института, Кузьму Александровича Корж. Эта организация должна была удерживать власть в своих руках до проникновения в Киев петлюровского правительства. В момент переговоров вся группа была арестована. При них найдены компрометирующие их письма, полевые карты, винтовки и проч. При помощи найденных писем удалось установить всю подлую предательскую работу наймитов Петлюры. Агенты последнего были в тесной связи с шайкой Зеленого и предполагали немедленно выступить, как в Киеве, так и в прилегающих к нему районах. Вся эта организация была достаточно осведомлена о мельчайших подробностях нашей внутренней жизни. Из обнаруженного приказа Н-ка петлюровского штаба на имя атамана повстанческих войск на Черниговщине, бандита Ангела, видно, что эта организация, совместно с преставителями кулачества и других банд, должна была захватить Бахмач, Круты, Гребенку и крепко их держать, захватив в тоже время Чернигов, продвигаться вперед, чтобы соединиться с Киевом, в котором власть должна быть в руках организаторов. Для успешного проведения этого плана в жизнь, заговорщики с их бандами должны были войти правым крылом в связь с Соколовским, оперирующим в районе Гостомля — Радомысль, а левым — с Зеленым на Юге ж. д. Киев-Полтава.

В настоящее время план этот потерпел фиаско, т.к. главные участники арестованы.

Коллегия В.У.К.Ч., рассмотрев дело некоторых участников заговора, постановила всех их расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа.

ПОКА РАССТРЕЛЯНЫ:

Квасец Гавриил Романович, 42 лет, кулак Веприковской волости, Васильковского уезда, активный член организации.

Корж Кузьма Алексеевич, 32-х лет, студент Политехнического Института, один из главных организаторов контр-революционного штаба.

Тананайко Наталья Сергеевна, учительница, окончившая Институт благородных девиц, активный член организации.

Все остальные материалы по этому делу будут опубликованы дополнительно.

Всеукраинская
Чрезвычайная Комиссия.

III.

БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

ДОКЛАДЪ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КІЕВСКАГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

НАЧАЛЬНИКЪ
Кіевскаго Центра
Русской Добровольческой
Арміи.
« » Сентября 1919 г.
№ 647.
гор. Кіевъ.

Главнокомандующему
Вооруженными силами
на Югѣ Россіи.

Первоначальный составъ Центра.

Послѣ взятія гор. Кіева войсками Петлюры 1-14 Декабря 1918 года, Кіевскій Центръ, работавшій въ послѣдніе дни Гетманской власти открыто, не могъ продолжать своей работы при прежнемъ личномъ составѣ, почему генераломъ ЛО—МЪ и было приступлено къ формированію Центра въ новомъ составѣ.

Должность Начальника Центра и Представителя Верховнаго Командованія Русской Добровольческой Арміи въ Кіевѣ была передана генераломъ Л—Ъ генералу П—О, Начальникомъ Штаба Центра назначенъ Генеральнаго Штаба полковникъ Е—ІЙ, которымъ и былъ сформированъ штабъ въ слѣдующемъ составѣ: Помощникъ Начальника Штаба и Завѣдывающій провинціальными центрами Генеральнаго Штаба полковникъ С—Й, Завѣдывающій информаціонной частью Генеральнаго Штаба полковникъ Б—Ъ, Казначей Центра — капитанъ Ч—ВЪ, Секретарь — капитанъ П—ВЪ, Завѣдывающій снабженіемъ документами и помощникъ по информаціонной части полковникъ К—НЪ и оберъ-офицеры для порученій поручики Р—ІЙ и Д—ВЪ.

Работа Центра при Директоріи.

Дѣятельность Центра въ этотъ періодъ была направлена на:

1) *Помощь офицерамъ, заключеннымъ правительствомъ Директоріи.* Въ этомъ дѣлѣ неоцѣнимыя услуги Центру оказалъ докторъ Л—ІЙ,благодаря

неутомимой энергіи котораго было налажено питаніе заключенныхъ офицеровъ и оказаніе имъ медицинской помощи.

2) *Эвакуація офицеровъ изъ Кіева въ Добровольческую Армію.* Эвакуація эта производилась, какъ одиночнымъ порядкомъ (причемъ для проѣзда въ Одессу офицеры снабжались Центромъ подъемными деньгами въ размѣрѣ до 250 р. и подложными документами), такъ и цѣлыми эшелонами по 400-800 человѣкъ, направлявшимися на Одессу и на Варшаву. Въ дѣлѣ эвакуаціи офицеровъ большое содѣйствіе оказывали нѣкоторыя лица изъ высшаго нѣмецкаго командованія, добившіяся разрѣшенія Правительства Директоріи на освобожденіе заключенныхъ офицеровъ и ихъ эвакуацію. Всего изъ Кіева было эвакуировано болѣе 2000 офицеровъ.

Большая часть работы по этому дѣлу выпала на долю полковника Р—Я, поддерживавшаго связь съ нѣмецкимъ командованіемъ и добившагося содѣйствія послѣдняго.

3) *Информаціонную работу*, выразившуюся въ сборѣ свѣдѣній объ арміи Директоріи и о положеніи дѣлъ на Украинско-большевистскомъ фронтѣ и въ посылкѣ этихъ свѣдѣній въ развѣдывательное отдѣленіе Одесской группы Добровольческой Арміи.

Информаціи получались Центромъ отъ цѣлаго ряда лицъ, служившихъ въ Петлюровскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, лично знакомыхъ чинамъ Центра и сочувствующихъ дѣлу Добровольческой Арміи, а также съ правительственнаго и жел.-дор. телеграфа, гдѣ была установлена своя агентура.

Курьерами для отправки донесеній служили выѣзжавшіе въ Одессу одиночнымъ порядкомъ офицеры.

4) *На возстановленіе провинціальныхъ центровъ*, разрушенныхъ Петлюровскимъ переворотомъ и *на возстановленіе связи съ ними.* Для этой цѣли была выработана инструкція провинціальнымъ центрамъ и для объѣзда правобережныхъ центровъ былъ командированъ чиновникъ Д—ВЪ.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—МЪ для нуждъ организаціи Добровольческой Арміи въ Кіевѣ было оставлено И. П. Д—ВУ 600.000 рублей, изъ коихъ 250.000 руб. для Центра (на 5 мѣсяцевъ по 50.000 руб.) и 350.000 руб. для организаціи «АЗБУКА» (на 5 мѣсяцевъ по 70.000 руб.), каковыхъ денегъ должно было хватить на срокъ до 1-го Іюня нов. стиля.

Измѣненіе состава Центра.

Въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца, когда съ полной очевидностью выяснилось, что Кіевъ въ ближайшіе дни будетъ занятъ большевиками,

Начальникъ Центра генералъ П—О выѣхалъ въ Одессу для полученія инструкцій. Вернуться въ Кіевъ генералу П—О не удалось, почему на должность Начальника Центра и Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Русской Добровольческой Арміи вступилъ полковникъ Е—ІЙ, а на должность Начальника Штаба Центра полковникъ С—ІЙ.

Работа Центра при большевикахъ. — Февраль и Мартъ.

Послѣ занятія Кіева большевиками, центръ тяжести работы Центра перемѣстился въ область информаціи, ибо эвакуація была въ главной части закончена, да и не было возможности производить ее. Послѣ смѣны власти, развѣдывательный аппаратъ пришлось налаживать заново, такъ какъ, кромѣ агентуръ на телеграфахъ и телефонѣ, прежніе источники свѣдѣній были эвакуированы съ правительствомъ Директоріи.

Возникла необходимость ввода своихъ людей въ правительственныя учрежденія, ибо въ совѣтскихъ кругахъ знакомыхъ, сочувствующихъ дѣлу Добрарміи, Центръ не имѣлъ. По приказанію полковника Е—О поступили на совѣтскую военную службу Генеральнаго Штаба полковникъ *** въ оперативное отдѣленіе Губвоенкома, полковникъ *** на должность Начальника Канцеляріи Артиллерійскаго Отдѣла снабженій Украинской Красной Арміи, капитанъ *** въ фотометрическое отдѣленіе воздушнаго флота, капитанъ *** — въ Губпродкомъ. Кромѣ того, въ цѣляхъ информаціи понемногу начали завязываться связи въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ-то на желѣзныхъ дорогахъ, въ че-ка, у воинскаго начальника и т. п. Эти источники стали давать Центру—хотя и недостаточно полныя—данныя о составѣ, организаціи, группировкѣ, снабженіи и состояніи красной украинской арміи, но была надежда, что при дальнѣйшемъ развитіи сѣти освѣдомительныхъ органовъ, Центръ будетъ получать исчерпывающія данныя по указаннымъ вопросамъ.

Сводки собираемыхъ свѣдѣній посылались въ Одессу, причемъ этотъ періодъ времени Центръ пользовался преимущественно курьерами организаціи «АЗБУКА».

Въ началѣ марта, въ составъ Центра былъ приглашенъ инженеръ путей сообщенія Н. Н. П—ВЪ, какъ человѣкъ преданный дѣлу Добрарміи, работавшій на пользу этого дѣла еще въ 1918 году (за что подвергся преслѣдованіямъ нѣмецкой контръ-развѣдки и былъ ею заключенъ въ тюрьму), располагающій большими связями въ жел.-дор. кругахъ и могущій быть полезнымъ информаціями въ этой области.

Въ серединѣ марта мѣсяца, въ составъ Центра, былъ зачисленъ поручикъ Р—Ъ, прибывшій изъ Одессы въ качествѣ курьера.

Преслѣдованiе чиновъ Центра Ч.-К.

Въ теченiе марта мѣсяца полковникъ Е—IЙ получилъ цѣлый рядъ предупрежденiй о томъ, что большевикамъ извѣстно о томъ, что онъ стоитъ во главѣ организацiи Добр. Армiи въ Кiевѣ, что въ Че-Ка имѣются его примѣты и производятся усиленные розыски его. Предупрежденiя эти заставили Центръ усилить конспирацiю, причемъ полковникъ Е—IЙ сталъ выходить на улицу лишь послѣ наступленiя темноты.

31-го Марта (нов. стиль) Ч.-К. были арестованы по доносу ЯНУШЕВСКАГО полковникъ КИРКИНЪ (родственникъ полковника Е—ГО) и родственница полковника Е—ГО и полковника КИРКИНА — В. Ф. ГАЛЯНСКАЯ, хотя и не состоявшая на службѣ въ Центрѣ, но оказывающая Центру посильную помощь; одновременно съ ними была арестована также супруга полковника КИРКИНА.

Дабы арестъ этихъ лицъ, знавшихъ фамилiи и адреса многихъ сотрудниковъ Центра (въ Ч.-К. при допросахъ широко примѣнялись пытки), не повлекъ за собой раскрытiя всей организацiи, по приказанiю полковника С—ГО, которому полковникъ Е—IЙ передалъ руководство Центромъ, работа Центра была временно прекращена и чинамъ Центра было предписано скрыться.

10-го Апрѣля нов. ст. полковникъ КИРКИНЪ и В. Ф. ГОЛЯНСКАЯ были разстрѣляны, первый за работу въ Добрармiн, вторая за укрывательство полковника Е—ГО, адресъ котораго она отказалась указать; М. Э. КИРКИНА была освобождена. Одновременно съ ними были разстрѣляны поручикъ НИКОЛЬСКIЙ и ПАЛИБИНЪ, работавшiе въ организацiи «АЗБУКА» и арестованные нѣсколько ранѣе полковника КИРКИНА.

Упорное преслѣдованiе Ч.-К. полковника Е—ГО создало для послѣдняго невозможность руководства работой Центра и необхоимость его выѣзда изъ предѣловъ Совдепiи, почему должность Кiевскаго Представителя Верховнаго Командованiя Добровольческой Армiи и Начальника Центра была передана полковникомъ Е—МЪ полковнику С—МУ. Полковникъ Е—IЙ скрывался въ ожиданiи возможности выѣзда за предѣлы Совдепiи. Выѣхать полковнику Е—У удалось 4-го Iюня, когда онъ черезъ КОРОСТЕНЬ И ПОРОДНИЦУ благополучно прослѣдовалъ въ ВАРШАВУ.

Возобновлеиiе работы.

Во второй половинѣ апрѣля, когда по даннымъ обстановки выясиилось, что Ч.-К. потеряла нити для дальнѣйшаго преслѣдованiя Центра, работа послѣдняго возобновилась.

Новыя задачи.

За время прекращенія работы Центра общая обстановка рѣзко измѣнилась: Одесса была оставлена частями Добр. Арміи и занята большевиками. Кіевъ оказался въ глубокомъ тылу Красной Арміи и въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ операціонныхъ направленій Добр. Арміи, связь Кіева съ Добровольческой Арміей крайне затруднилась, причемъ время проѣзда курьеровъ надлежало исчислять не днями, а недѣлями. Всѣ эти обстоятельства заставили полковника С—ГО пересмотрѣть задачи Центра, послѣ чего онѣ были поставлены въ такой формѣ:

1) *Информаціонная работа* исключительно въ крупномъ масштабѣ, безъ мелочей, посылка сводокъ болѣе рѣдкая, но сводки полныя, и разработанныя, содержащія лишь такія данныя, кои не потеряютъ своего значенія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, необходимыхъ на проѣздъ курьера.

2) *Боевая работа* по порчѣ желѣзныхъ дорогъ въ тылу Красной арміи, уничтоженіе военныхъ складовъ, а также добываніе денежныхъ средствъ для Центра путемъ ограбленія совѣтскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

3) *Политическая работа*, которая должна выражаться: а) въ обработкѣ общественнаго мнѣнія всѣхъ слоевъ населенія въ пользу Добрарміи, б) въ подготовкѣ матеріаловъ для будущей власти по всѣмъ отраслямъ управленія и по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни, в) въ антисовѣтской агитаціи, имѣющей цѣлью разрушеніе Красной арміи, совѣтскаго аппарата управленія и развитія саботажа.

Въ связи съ измѣненіемъ задачъ Центра, съ недостаткомъ денежныхъ средствъ, притока коихъ не было и съ необходимостью усилить конспирацію, былъ нѣсколько измѣненъ составъ Центра: были освобождены отъ работы въ Центрѣ капитаны П—ВЪ и Ч—ВЪ, Центръ отказался отъ агентуръ на телеграфахъ, телефонѣ и радіотелеграфѣ, которыя давали лишь отрывочныя, мелкія свѣдѣнія, не имѣвшія цѣнности при широкомъ масштабѣ работы и при большой продолжительности пути курьеровъ.

Источниками информаціи при Центрѣ остались: а) Генеральнаго Штаба полковникъ С—ІЙ, дававшій Центру полныя свѣдѣнія о Красной арміи (боевой составъ, оперативныя и мобилизаціонныя данныя, снабженіе, состояніе войскъ и т.д.), б) Н. Н. П—ВЪ по вопросамъ транспорта, в) сводки организаціи «АЗБУКА», изъ коихъ Центръ черпалъ свѣдѣнія, какъ политическаго, такъ и военнаго характера и г) различные случайные и временные источники.

Для выполненія боевыхъ задачъ при Центрѣ долженъ былъ быть сформированъ боевой отрядъ, на который должно было быть возложено приведеніе въ исполненіе приговоровъ военно-полевого суда, образованнаго при Центрѣ. Однако сформировать такой отрядъ не удалось, какъ вслѣдствіе неимѣнія денежныхъ средствъ, такъ и за невозможностью подобрать личный составъ (главнымъ образомъ, Начальника отряда). Подбору личнаго состава препятствовали свирѣпствовавшій красный терроръ, а также отсутствіе въ обществѣ вѣры въ успѣхъ дѣла Добровольческой Арміи и увѣренности въ осуществимости сверженія большевизма (это было до начала рѣшительнаго наступленія Добрарміи).

Для успѣшнаго выполненія задачъ политическихъ необходимо было привлеченіе въ составъ Центра людей, имѣющихъ связи въ политическихъ кругахъ и хорошо знакомыхъ съ политическими теченіями въ мѣстномъ обществѣ. Такимъ образомъ возникла необходимость созданія при Центрѣ Политическаго Отдѣла. На должность Начальника этого Отдѣла полковникомъ С—МЪ былъ назначенъ Начальникъ Кіевскаго Отдѣла организаціи «АЗБУКА», Генеральнаго Штаба полковникъ БАРЦЕВИЧЪ,*) который по своей смѣлости, энергіи, широтѣ взглядовъ, преданности дѣлу Добрарміи, знакомству съ мѣстной политической обстановкой и связямъ въ мірѣ политическихъ дѣятелей, былъ единственнымъ кандидатомъ, способнымъ съ успѣхомъ выполнить сложныя задачи Политическаго Отдѣла Центра. Въ качествѣ помощниковъ Начальника Политическаго Отдѣла были привлечены къ работѣ въ Центрѣ помощники полковника БАРЦЕВИЧА по «АЗБУКѢ», поручики В—Ъ и Н—Ъ. Такимъ образомъ главные работники «АЗБУКИ» вошли въ составъ Центра, естественнымъ слѣдствіемъ чего было сліяніе организацій Кіевскаго Центра и «АЗБУКИ».

Въ цѣляхъ сгруппированія вокругъ Центра мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, сочувствующихъ дѣлу Добрарміи и привлеченія ихъ такимъ образомъ къ активной работѣ на пользу Добрарміи, по инціативѣ Центра, политическимъ его отдѣломъ, былъ созданъ «Областной Комитетъ Національнаго Объединенія», въ составъ котораго вошли: К. П. В—О, с.-д. меньшевикъ-оборонецъ; Д. М. О—Ъ, н. с.; священникъ Е. М. А—Ъ; И. П. Д—Ъ, к.д.; А. П. П—Ъ, к. д., профессоръ; Л. И. Я—ІЙ, к.д.; П. И. И—О отъ кооперативныхъ круговъ; В.С.Н—Ъ, С.Г.Г—ІЙ, полковникъ БАРЦЕВИЧЪ, поручики В—Ъ и Н—Ъ, всѣ пятеро Шульгинской группы.

Комитетъ поставилъ себѣ задачей объединить въ себѣ всѣ тѣ сохранившія въ себѣ общественную энергію силы, которыя считаютъ своимъ гражданскимъ долгомъ работать надъ возрожденіемъ русской государственности и создать мощную общественную поддержку власти Добр. Арміи.

---

*) Разстрѣлянъ большевиками. (*Ред.*)

Комитетъ приступилъ къ агитаціонной работѣ, къ созданію провинціальныхъ комитетовъ и ячеекъ Національнаго Объединенія, и къ разработкѣ и подготовкѣ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ управленія для будущей власти Добр. Арміи.

Крупной заслугой Политическаго Отдѣла было достиженіе полнаго соглашенія съ Городскимъ Самоуправленіемъ, съ РЯБЦЕВЫМЪ во главѣ. Нѣсколько болѣе видныхъ дѣятелей Городской Думы, могущихъ собрать вокругъ себя большинство Думы, согласилось на сотрудничество съ Центромъ и Національнымъ Объединеніемъ въ дѣлѣ созданія временной власти на переходное время (послѣ оставленія Кіева большевиками) въ лицѣ Б—О, — Самоуправленія, но съ исполнителями, выдвинутыми Центромъ, причемъ такая, руководимая Центромъ, власть должна была дѣйствовать и въ случаѣ занятія города петлюровцами или поляками.

Въ дѣлѣ агитаціи,Политическимъ Отдѣломъ было также сдѣлано очень много: была подыскана типографія, часть служащихъ и рабочихъ которой, сочувствующихъ нашему дѣлу, согласились печатать нашу агитаціонную литературу и выполняли эту работу, сопряженную съ огромнымъ рискомъ, за минимальную плату; выпускалась газета «РУСЬ» (по одному номеру въ мѣсяцъ), а также было отпечатано нѣсколько воззваній Кіевскаго Центра. Распространеніе агитаціонной литературы производилось,какъ «АЗБУКОЙ», такъ и спеціально, для этой цѣли, созданнымъ при Центрѣ распространительнымъ органомъ.

Включеніе въ составъ Центра Организаціи полк. БУЛЮБАША.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ агенты Политическаго Отдѣла напали на слѣдъ антисовѣтской организаціи, которая именовала себя организаціей генерала ДЕНИКИНА, *и имѣла склонность сильно преувеличивать свое значеніе и свои права, и плохо разбиралась въ политическихъ вопросахъ,* вслѣдствіе чего создавалась опасность, что имя Добр. Арміи можетъ быть дискредитировано. Ближайшее обслѣдованіе этой организаціи выяснило, что она состоитъ преимущественно изъ бывшихъ офицеровъ и работаетъ главнымъ образомъ въ области агитаціи, а также стремится создать боевые отряды для нанесенія всякаго рода вреда большевикамъ. Дабы взять дѣятельность указанной организаціи подъ контроль Центра, и такимъ образомъ обезпечить Добр. Армію отъ дискредитированія ея имени,а также въ цѣляхъ координаціи дѣйствій и использованія достигаемыхъ этой организаціей положительныхъ результатовъ, полковникъ С—ІЙ подчинилъ эту организацію себѣ, наименовавъ ее агитаціонно-боевымъ центромъ Кіевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи. Начальнику этого отдѣла полковнику Б—У была дана

подробная инструкцiя о задачахъ, правахъ и сферѣ дѣятельности организацiи.

Измѣненiе въ настроенiи общества въ связи съ успѣхами Добр. Армiи.

Побѣды Добр. Армiи въ началѣ iюня мѣсяца н. ст., создавшiя угрозу ХАРЬКОВУ и ЕКАТЕРИНОСЛАВУ и послѣдовавшее затѣмъ паденiе этихъ городовъ, произвели рѣзкiй переломъ въ настроенiяхъ Кiевскаго общества. Появилась вѣра въ торжество дѣла Добр. Армiи: лица, которые прежде пугались одного упоминанiя имени генерала ДЕНИКИНА, нашли возможность оказывать содѣйствiе Центру, короче говоря: по опредѣленiю большевистской печати — «контръ-революцiя подняла голову».

Это обстоятельство облегчило работу Центра, создало благопрiятную обстановку для агитацiи. Газета «РУСЬ» и воззванiя Центра встрѣчались съ большимъ сочувствiемъ и интересомъ во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и рабочихъ, на распространенiе среди которыхъ агитацiонной литературы было обращено Цетромъ особое вниманiе.

Это же измѣненiе настроенiя общества дало Центру возможность произвести два денежныхъ займа, одинъ въ размѣрѣ 100.000 руб. и другой въ 10.000 руб.. Первая изъ этихъ суммъ была передана на содержанiе «АЗБУКИ», которая, за неимѣнiемъ средствъ, была наканунѣ ликвидацiи; 10.000 руб. поступили на содержанiе Центра.

Отъѣздъ полковника С—О.

16-го iюля у полковника С—О произошло столкновенiе съ евреемъ, завѣдывающимъ хозяйствомъ университета, въ результатѣ котораго полковникъ С—Й былъ преданъ суду Революцiоннаго Трибунала, и дабы избѣжать ареста и неминуемаго разстрѣла (всякое оскорбленiе еврея разсматривалось какъ призывъ къ погрому и каралось разстрѣломъ), полковникъ С—IЙ выѣхалъ изъ Кiева въ ВОРЗЕЛЬ, откуда 27-го iюля выѣхалъ черезъ КОРОСТЕНЬ, ОЗЕРЫ и ДОМБРОВИЦУ на ВАРШАВУ. О томъ, удалось ли полковнику С—У проѣхать благополучно — свѣдѣнiй нѣтъ. Должность Кiевскаго Представителя Верховнаго Командованiя Добровольческой Армiи и Начальника Кiевскаго Центра полковникомъ С—Ъ была передана мнѣ.

Послѣднiй мѣсяцъ работы Центра.

Начиная съ послѣднихъ числелъ iюля мѣсяца н.ст., Совѣтское правительство начало готовиться къ оставленiю Кiева.

Подготовка эта выразилась:

1) Въ эвакуаціи на сѣверо-востокъ всякаго цѣннаго, особенно военнаго, имущества.

2) Въ организаціи крупной подпольной агентуры, въ цѣляхъ развѣдки, пропаганды, организаціи бандитскихъ выступленій (для дискредитированія власти Добр. Арміи), вооруженныхъ возстаній и проведенія подпольнаго краснаго террора полѣ занятія Кіева Добр. Арміей.

3) Въ агитаціи въ направленіи обостренія отношеній между Добр. Арміей и Петлюрой.

Работа же Центра въ этотъ періодъ времени выразилась въ слѣдующемъ:

1) Въ продолженіи развѣдывательной работы.

2) Въ агитаціонной работѣ, заключавшейся въ выпускѣ газеты «РУСЬ» и нѣсколькихъ воззваній. Послѣднія имѣли цѣлью: а) дискредитированіе совѣтской власти, б) опроверженіе той лжи о Добр. Арміи, которой были полны большевистскія газеты, в) обнародованіе идей, за которыя борется Добр. Армія, а также ея политики по вопросамъ рабочему и земельному, г) призывъ всѣхъ совѣтскихъ служащихъ и особенно желѣзнодорожниковъ къ саботажу, а красноармейцевъ къ переходу на сторону Добр. Арміи, д) призывъ къ желѣзнодорожникамъ и рабочимъ препятствовать всѣми мѣрами эвакуаціи г. Кіева и выѣзду изъ Кіева коммунистовъ и отвѣтственныхъ работниковъ.

3) Въ принятіи мѣръ къ обезпеченію порядка въ г. Кіевѣ въ періодъ съ момента оставленія города большевиками и до установленія власти Добр. Арміи. По этому вопросу Центръ вошелъ въ соглашеніе съ Городскимъ Самоуправленіемъ о созданіи охраны города, причемъ на должность Начальника охраны города былъ выдвинутъ Центромъ генералъ-маіоръ Ш—Ъ, который въ теченіе августа мѣсяца велъ подготовительныя работы по созданію охраны, а съ 30-го августа н. ст. приступилъ къ формированію охраны, которая и функціонировала до вступленія Добр. Арміи.

4) Въ работѣ по сбору матеріаловъ объ остающейся въ Кіевѣ, для подпольной работы, коммунистической организаціи. Учетъ отвѣтственныхъ работниковъ и коммунистовъ производился развѣдкой «АЗБУКИ» съ самаго начала большевистскаго владычества, причемъ по этому вопросу собранъ огромный и весьма цѣнный матеріалъ.

5) Въ подготовкѣ партизанскаго отряда на линіи Ковельской жел. дороги. Агитаціонно-боевымъ отдѣломъ Центра черезъ офицеровъ, скрывавшихся на ст. ВОРЗЕЛЬ (Ковельской жел. дор.), велась въ окрестныхъ селахъ агитація въ пользу Добр. Арміи, которая встрѣтила здѣсь благодарную почву. Крестьяне 5-6 деревень высказали готовность подняться на борьбу съ большевиками, въ ВОРЗЕЛѢ находилось около 20 офицеровъ, готовыхъ принять на себя командныя должности, жаждалъ принять участіе въ боевыхъ

дѣйствіяхъ противъ большевиковъ и офицерско-студенческій отрядъ (17 человѣкъ) охраны узкоколейной жел. дороги Турчинка-Шершневское Лѣсничество съ инженеромъ К—Ъ во главѣ.

Кромѣ того, къ отряду долженъ былъ присоединиться красный артиллерійскій дивизіонъ (12 легк. орудій) изъ ЖИТОМІРА, личный составъ котораго, кромѣ нѣсколькихъ коммунистовъ (подлежавшихъ уничтоженію), жаждалъ принять участіе въ борьбѣ съ большевиками.

Цѣлью дѣйствій отряду ставилось:

1) Перерывъ жел. дор. линіи КІЕВЪ-КОРОСТЕНЬ, что вызвало-бы а) прекращеніе подвоза дровъ изъ южнаго Полѣсья, въ результатѣ чего должны были стать всѣ желѣзныя дороги Малороссіи, б) прекращеніе эвакуаціи черезъ КОРОСТЕНЬ—ЖЛОБИНЪ.

2) Перерывъ жел. дор. линіи КОРОСТЕНЬ—МОЗЫРЬ, дабы перерѣзать желѣзную дорогу—путь отхода на сѣверъ красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ КОРОСТЕНЯ.

3) Набѣги на тылы красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ раіонѣ КОРОСТЕНЯ и ЖИТОМІРА.

4) Созданіе угрозы Кіеву съ сѣвера, съ цѣлью посѣять панику въ тылу красныхъ, оборонявшихъ КІЕВЪ.

Осуществленіе этого плана задерживалось лишь отсутствіемъ денежныхъ средствъ, которыя были получены Центромъ лишь 25 августа (н. ст.). По полученіи денегъ, въ ВОРЗЕЛЬ былъ командированъ полковникъ Б—Ъ съ приказаніемъ приступить къ организаціи отряда: изъ Кіева въ помощь ему было выслано 17 офицеровъ и было послано приказаніе инженеру К—У въ Турчинку о движеніи его отряда въ ВОРЗЕЛЬ, въ распоряженіе полковника Б—А; было послано также приказаніе и артиллерійскому дивизіону о движеніи его въ ВОРЗЕЛЬ.

Къ сожалѣнію, не всѣ расчеты Центра оправдались; дивизіонъ, начавъ движеніе къ ВОРЗЕЛЮ, вызвалъ подозрѣніе краснаго командного состава, долженъ былъ быть разоруженъ, почему личный его составъ разбѣжался, бросивъ орудія; количество оружія въ деревняхъ оказалось недостаточнымъ для вооруженія всѣхъ желающихъ, поэтому пришлось ограничиться формированіемъ небольшого партизанскаго отряда въ 100-200 человѣкъ. Отрядъ этотъ, въ ночь съ 30 на 31 августа (н. ст.), долженъ былъ начать свои дѣйствія производствомъ крушенія поѣзда, но бѣгство большевиковъ 30-го августа и занятіе Кіева Добр. Арміей указало на безполезность этого предпріятія за позднимъ временемъ.

6) Кромѣ того въ распоряженіи Центра была двухъ-орудійная гаубичная (48 лин.) батарея, сформированная при Совѣтскихъ Командныхъ Курсахъ капитаномъ М—Ъ. Офицерскій составъ батареи и прислуга, состоявшая изъ 80 фейерверкеровъ, были готовы активнымъ выступленіемъ оказать содѣй-

ствіе войскамъ Добр. Арміи. Предполагалось придать батареѣ пѣхотное прикрытіе и, съ этими силами, овладѣть мостами черезъ Днѣпръ въ то время, когда фронтъ красныхъ приблизится къ Кіеву на разстояніе орудійнаго выстрѣла и, стрѣльбой по краснымъ съ тыла, открыть Добр. Арміи путь къ Кіеву. Однако и этотъ планъ осуществить не удалось, такъ какъ, за недостаткомъ времени и денегъ, не удалось сформировать необходимое пѣхотное прикрытіе.

Связь Центра съ Добр. Арміей.

Связь Центра съ Добр. Арміей при правительствѣ Петлюры была очень легка и поддерживалась черезъ Одессу, куда сводки и направлялись черезъ выѣзжавшихъ изъ Кіева офицеровъ.

Послѣ занятія Кіева большевиками связь, хотя и затруднилась нѣсколько, но все же поддерживалась регулярно съ Одессой, благодаря слабости и подвижности краснаго фронта на Одесскомъ направленіи. Въ этотъ періодъ (февраль и мартъ) Центръ при посылкѣ сводокъ пользовался преимущественно курьерами «АЗБУКИ». За эти два мѣсяца Центръ получалъ информаціи изъ Одессы 3 раза: въ срединѣ февраля прибыла курьерша, 14 марта съ особымъ порученіемъ Начальника Одесскаго развѣдывательнаго отдѣленія полковника А—А — поручикъ Р—Ъ и въ концѣ марта чиновникъ Д—Ъ, который установилъ связь съ Винницкимъ пунктомъ Добр. Арміи, отвезъ сводку этого пункта непосредственно въ Одессу, послѣ чего вернулся въ Кіевъ.

Въ апрѣлѣ вынужденное прекращеніе работы Центра лишило его возможности пересылать донесенія, послѣ же возобновленія работы, когда Одесса была уже оставлена частями Добр. Арміи, курьеры направлялись Центромъ непосредственно въ ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Переѣзды эти сопровождались огромными трудностями, причемъ большія затрудненія и опасности представляли, какъ проѣздъ до фронта, вслѣдствіе необходимости выполненія большого количества формальностей для проѣзда и невѣроятной строгости полицейскаго режима въ странѣ, такъ и самый переходъ фронта, сравнительно густо занятаго красными. За періодъ послѣднихъ 4-хъ мѣсяцевъ курьеры посылались: 1) въ началѣ мая (нов. ст.) курьерша-прапорщица, 2) въ началѣ іюня (9 іюня н. ст.) — курьерша Т. А. Р—Я, 3) 7-го іюля (н. ст.) поручикъ Р—Ъ, которому, однако, проѣхать не удалось, такъ какъ на станціи КОЛОМАКЪ онъ былъ арестованъ, въ ожиданіи обыска былъ принужденъ уничтожить почту и только благодаря своему хладнокровію и находчивости не погибъ и вернулся въ Кіевъ., та же почта была послана съ поручикомъ Б—О въ началѣ августа (н. ст.). Въ первыхъ числахъ августа снова поѣхалъ поручикъ Р—Ъ съ возстановленной старой и новой

почтой, но проѣхать ему не удалось и на этотъ разъ, вслѣдствіе крайней подозрительности большевиковъ ко всякому новому лицу въ ближайшемъ тылу арміи и неопредѣленности настроенія крестьянъ, отказывавшихъ въ пріютѣ, подозрѣвая въ немъ большевистскаго шпіона; на содѣйствіе же ихъ ему, какъ офицеру Добр. Арміи, разсчитывать было нельзя, такъ какъ крестьяне были сильно терроризованы и могли выдать его большевикамъ или украинскимъ повстанцамъ. 5) Послѣдній курьеръ со свѣдѣніями, посланными «АЗБУКОЙ», былъ посланъ 24-25 августа.

За все время съ конца марта (н. ст.) до конца августа (н. ст.) къ Центру не прибылъ ни одинъ курьеръ изъ Добр. Арміи, что ставило Центръ въ очень тяжелое положеніе: Центру необходимы были информаціи, главнымъ образомъ, по политическимъ вопросамъ, ибо не зная курса внутренней и внѣшней политики Добр. Арміи очень трудно вести агитаціонную работу, приходилось частью дѣйствовать ощупью, частью довольствоваться краткой словесной информаціей, полученной въ началѣ іюня (н. ст.) отъ Харьковскаго Центра. Отсутствіе информаціи объ отношеніяхъ Добр. Арміи къ Петлюрѣ лишило Центръ возможности бороться противъ послѣдняго — какъ путемъ агитаціи, такъ и путемъ нѣкотораго вліянія на операціи красной арміи, чѣмъ можно было воспрепятствовать усиленному продвиженію Петлюры и его подходу къ Кіеву одновременно съ частями Добр. Арміи.

Единственнымъ курьеромъ, прибывшимъ въ Центръ послѣ 31 марта, былъ поручикъ Р—Й, пріѣхавшій въ Кіевъ 29 августа (н. ст.), т. е. наканунѣ оставленія Кіева большевиками, почему Центръ вошелъ съ нимъ въ связь лишь послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой Арміи.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—Ъ было оставлено И. П. Д—У 600.000 руб., изъ нихъ 350.000 руб. на содержаніе »АЗБУКИ» и 250.000 руб. на содержаніе Центра по 50.000 руб. въ мѣсяцъ — на 5 мѣсяцевъ, т.е. до 1-го іюня н. ст. Крупные расходы, съ коими было связано дѣло эвакуаціи офицеровъ, заставили Центръ, съ перваго мѣсяца работы при большевикахъ, сокращать свой бюджетъ, а пропажа при арестѣ чиновъ Центра въ апрѣлѣ 25.000 рублей, поставила Центръ въ тяжелое матеріальное положеніе; деньги были на исходѣ, новаго притока средствъ не было, а начатая Центромъ агитаціонная работа и предположенное формированіе боеваго отряда требовали большихъ затратъ. Организація «АЗБУКА» была еще въ болѣе тяжеломъ положеніи, т.к. въ маѣ мѣсяцѣ ею были истрачены всѣ оставленныя ей деньги, а также 40.000 руб., полученные ею заимообразно отъ Національнаго Центра. Однако, благодаря энергіи чиновъ Политическаго Отдѣла, Центру удалось въ іюнѣ

ѣсяцѣ произвести два денежныхъ займа, одинъ у Г. Б—А въ 100.000 руб. другой у г. Ф—А въ 10.000 руб. Первая сумма, за вычетомъ 3.000 рублей, уплаченныхъ за размѣнъ денегъ (были получены бѣлыя деньги, неимѣвшія хожденія), была передана Центромъ на содержаніе «АЗБУКИ», дабы дать возможность продолжать работу этой полезной организаціи, тѣмъ болѣе, что деньги были добыты чинами «АЗБУКИ»; вторая сумма пошла на погашеніе займа въ 10.000 руб., сдѣланнаго незадолго передъ тѣмъ у польской антисовѣтской организаціи, съ которой Центръ все время поддерживалъ связь. Въ началѣ августа агитаціонно-боевымъ отдѣломъ Центра (полк. Б—Ъ) были получены заимообразно отъ Р—А 8.000 руб. и отъ Б—А 10.000 р.; эти деньги пошли на содержаніе добывшаго ихъ Отдѣла.

Въ концѣ августа н. ст., когда деньги Центра и «АЗБУКИ» были на исходѣ, а обстановка требовала усиленія активной дѣятельности, связанной съ большими расходами, члену Комитета Національнаго Объединенія и Національнаго Центра И. П. Д—У удалось сдѣлать заемъ въ 955.000 руб., каковая сумма и была имъ передана въ распоряженіе Центра.

Немедленно по полученіи денегъ — 50.000 руб. были высланы въ ВОРЕЛЬ для организаціи партизанскаго отряда; 168.000 руб. израсходованы на возвращеніе ранѣе сдѣланныхъ Центромъ долговъ, а именно:

И. П. Д—У	40.000 рублей
Б—У	100.000 рублей
Ф—У	10.000 рублей
Б—У	10.000 рублей
Р—У	8.000 рублей
Всего	168.000 рублей.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе недостатка денегъ, чины и сотрудники Центра получали содержаніе совершенно не соотвѣтствовавшее дороговизнѣ жизни въ Кіевѣ. При цѣнѣ хлѣба 40-120 руб. за фунтъ, когда по подсчету совѣтскихъ властей *голодный минимумъ* на пропитаніе одиночнаго человѣка колебался отъ 3-8 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, сотрудники Центра, получая 900-2.500 рублей въ мѣсяцъ, фактически голодали и добывали деньги на полуголодное существованіе свое и своихъ семей путемъ продажи вещей и займовъ у родныхъ и знакомыхъ. Дабы хотя отчасти возмѣстить ничтожность прежняго содержанія, послѣ полученія денегъ отъ Національнаго Центра, мною было выдано единовременное пособіе чинамъ Центра въ размѣрѣ 54.000 руб. и сотрудникамъ въ размѣрѣ 50.000 руб., а всего 104.000 руб..

На содержаніе организаціи «АЗБУКИ» въ сентябрѣ было выдано 66.000

руб. Текущіе и экстренные, связанные съ ликвидаціей, расходы центра выразились въ суммѣ...*)

Кромѣ полученія денегъ заимообразно, мнѣ были переданы на нужды Добр. Арміи совѣтскими деньгами, похищенныя у большевиковъ подполковникмъ С—Ъ, 179.711 руб. 17 коп. и Генеральнаго Штаба полковникомъ С—Ъ 25.000 рублей.

Изъ оставшихся неизрасходованными остатковъ — 500.000 руб. возвращено Національному Центру на покрытіе долга (согласно сношенія бюро Національнаго Центра отъ 31 августа №273), 25.000 руб. передано Начальнику Кіевскаго развѣдывательнаго пункта капитану О—У (согласно телеграммы полковника Р—О); остальные при семъ представляются.

Кромѣ того за Центромъ остается долгъ въ пользу бюро Національнаго Центра въ суммѣ 455.000 руб., изъ коихъ 203.000 р. израсходованы на содержаніе организаціи «АЗБУКИ».

Списокъ приложеній.

1) Копія рапорта Генеральнаго Штаба подполковника С—ГО о его дѣятельности въ Красной арміи.

2) Копія рапорта Генеральнаго Штаба подполковника П—А.

Генеральнаго Штаба
Полковникъ *(подпись)*

И. д. Начальника Штаба
Поручикъ *(подпись)*

---

*) Сумма не указана (Ред.)

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

1918 — 1919 Г.Г.

29-30 апрѣля большевики, занимавшіе Таганрогъ, были изгнаны нѣмцами; почти въ это же время мимо Таганрога прошелъ въ Ростовъ, на присоединеніе къ Добровольческой арміи, отрядъ полковника Дроздовскаго. Живя въ Таганрогѣ, мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ массового стремленія въ Добровольческую Армію многихъ офицеровъ и солдатъ, жившихъ въ то время въ этомъ городѣ — къ сожалѣнію, почти никто изъ нихъ не имѣлъ средствъ; кромѣ того германское командованіе въ этихъ случаяхъ ставило всяческія препоны.

Таганрогъ, какъ извѣстно, является узломъ желѣзно-дорожныхъ путей, черезъ который проѣзжала изъ Украины масса офицеровъ и солдатъ, не желавшихъ служить у гетмана Скоропадскаго и направлявшихся на Донъ, главнымъ образомъ, въ Ростовъ и Новочеркасскъ — здѣсь они прежде всего сталкивались съ вербовщиками, такъ называемой, Астраханской, а затѣмъ и Южной армій — куда ихъ всячески и уговаривали поступать; свѣдѣнія же о Добровольческой Арміи въ то время были самыя туманныя.

Тогда то у меня и возникла мысль о созданіи политическихъ центровъ, т. е. о созданіи въ большихъ городахъ представителей Добровольческой Арміи, которые вели бы прлаганду, вербовали офицеровъ и солдатъ, направляли ихъ въ Добровольческую Армію; вели бы политическую и военную контръ-развѣдку и т. д.

Съ этой цѣлью, въ первыхъ числахъ мая 1918 года, я съ поручикомъ И. К. А-мъ отправился въ Новочеркасскъ, гдѣ заручился содѣйствіемъ и пропусками—какъ отъ Донскихъ властей, такъ и отъ представителей Добровольческой Арміи и 20 мая добрался до ст. Мечетинской, гдѣ и былъ въ тотъ же день принятъ генераломъ Алексѣевымъ.

Выслушавъ меня очень внимательно, генералъ Алексѣевъ одобрилъ мою мысль о созданіи центровъ и приказалъ притти къ нему на слѣдующій день, послѣ того какъ онъ переговоритъ по этому вопросу съ генераломъ Деникинымъ.

На слѣдующее утро въ 10 час. я опять явился къ генералу Алексѣеву, отъ котораго узналъ, что мой проектъ одобренъ и принятъ и что я назначенъ Начальникомъ Таганрогскаго Центра, раіонъ котораго простирался отъ города Бердянска черезъ Маріуполь по побережью моря до Таганрога и Таганрогскій округъ включительно.

Получивъ личныя инструкціи отъ генерала Алексѣева по организаціи центра и общему веденію дѣла,а также 5.000 рублей на первоначальные расходы, я отправился обратно въ Таганрогъ и принялся за организацію Центра.

Въ Таганрогѣ въ это время уже существовалъ Союзъ Увѣчныхъ Воиновъ — около 200 человѣкъ; я немедленно записался въ число членовъ, привлекъ на свою сторону Правленіе Союза и болѣе видныхъ дѣятелей и этотъ Союзъ принесъ впослѣдствіе много пользы для дѣла Добровольческой Арміи. Правленіе командировало въ мое распоряженіе трехъ членовъ, а именно студента С., прапорщика К., и солдата Р.; тѣмъ не менѣе работа въ этомъ отношеніи была крайне затруднительна, ввиду крайне недоброжелательнаго отношенія къ дѣлу Добровольческой Арміи германскихъ военныхъ властей оккупировавшихъ въ то время городъ.

Пропаганду идей Добровольческой Арміи особенно трудно было вести внѣ города, такъ какъ крестьяне и вообще населеніе, особенно въ угольномъ раіонѣ, относились крайне недовѣрчиво ко всякаго рода пропагандѣ. Въ это время при Союзѣ Увѣчныхъ Воиновъ было организовано ссудо-сберегательное кооперативное товарищество, во главѣ правленія котораго стали я и полковникъ С. Естественно, что у насъ возникла мысль использовать это ссудо-сберегательное товарищество въ цѣляхъ пропаганды идей Добровольческой Арміи, для чего въ Таганрогскомъ округѣ, Маріупольскомъ уѣздѣ и прилегающихъ къ Таганрогскому округу мѣстностяхъ Екатеринославской губ. были открыты отдѣленія ссудо-сберегательнаго товарищества — всего 54 отдѣленія, членами которыхъ были исключительно увѣчные воины — элементъ вполнѣ надежный въ смыслѣ распространенія идей и задачъ Добровольческой Арміи. Эти ячейки объѣзжались моими агентами, которые доставляли туда брошюры, разъясненія, приказы и т. п. изданія, получаемыя мною отъ Особаго Отдѣленія Добровольческой Арміи.

Въ первыхъ числахъ октября были офиціально утверждены центры и штаты центровъ, при чемъ составъ Таганрогскаго Центра былъ опредѣленъ слѣдующимъ штатомъ:

Начальникъ Центра 1
Начальникъ Штаба Центра...........1
Адъютантъ 1
Начальникъ контръ-развѣдки......1
Агенты развѣдки.......................3
Секретные агенты развѣдчики....... (нѣсколько).

Казначей 1
Дѣлопроизводитель............1
Машинистка..........................1

Средствъ на содержаніе Центра, на контръ-развѣдку и другіе расходы, а также для уплаты жалованья служащимъ, кромѣ полученныхъ отъ генерала Алексѣева вышеупомянутыхъ 5.000 рублей, я не получалъ. Всѣ расходы были покрываемы изъ пожертвованій отъ лицъ сочувствующихъ Добровольческой Арміи, при чемъ этихъ пожертвованій не только хватало, но еще было сдано въ Штабъ Главнокомандующаго болѣе 120.000 рублей при расформированіи Центра, — когда Таганрогскій округъ и угольный раіонъ были заняты войсками ген. Май-Маевскаго и нужда въ Центрѣ миновала.

Работа Центра заключалась:
1) въ распространеніи идей Добровольческой Арміи,
2) въ вербовкѣ офицеровъ и солдатъ,
3) въ сборѣ оружія и обмундированія,
4) въ сборѣ денежныхъ средствъ и
5) въ развѣдкѣ и контръ-развѣдкѣ.

Всѣ отчеты первыхъ дней посылались секретно и со спеціальными курьерами, при чемъ всѣ получаемыя отъ генерала Алексѣева инструкціи и приказы, вслѣдствіе его категорическаго требованія, послѣ прочтенія и ознакомленія съ ними, немедленно сжигались.

Во время первыхъ дней власти Донского Правительства и оккупаціи Таганрога нѣмцами работать приходилось въ очень трудныхъ условіяхъ: въ то время, какъ плакаты Астраханской и Южной Армій, съ призывами поступать въ эти арміи, безпрепятственно расклеивались по улицамъ — Добровольческая Армія находилась подъ запретомъ и работать въ этомъ отношеніи приходилось скрытно.

Послѣ признанія Донскимъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ и гетманомъ Скоропадскимъ единой власти въ лицѣ генерала Деникина, Центры были объявлены оффиціально и послѣ этого всѣ сношенія Центра со штабомъ значительно упростились — тѣмъ не менѣе переписку приходилось все же отправлять съ курьерами, а болѣе секретную — зашифровывать.

За время существованія Таганрогскаго Центра было отправлено въ Добровольческую Армію свыше 400 офицеровъ, 3.500 солдатъ, много оружія, обмундированія, болѣе 100.000 медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, и сдано 120.000 рублей наличными деньгами. Кромѣ того, независимо отъ этого, было отправлено въ полки Дроздовскій, Корниловскій и Марковскій — бѣлье, медикаменты, табакъ и разн. друг. предметы.

Всѣ офицеры и солдаты, прошедшіе черезъ Таганрогскій Центръ, для проѣзда въ Добровольческую Армію, снабажались необходимой суммой

денегъ и, кромѣ того, суточными; по возможности выдавалось и обмундированіе изъ запасовъ Центра, — безъ всякаго расхода для штаба Главнокомандующаго.

Помощь Союза Увѣчныхъ Воиновъ была настолько значительна, что удостоилась благодарственнаго письма генерала Алексѣева, которое и было использовано въ цѣляхъ пропаганды.

Работа Центра въ политическомъ отношеніи заключалась въ установленіи связи съ лидерами всѣхъ политическихъ партій и информаціи Штаба Арміи, какъ о различныхъ теченіяхъ въ этихъ партіяхъ, такъ и отношеніи ихъ къ дѣлу Добровольческаго движенія; особенно трудно было работать среди рабочихъ на заводахъ, гдѣ число тайныхъ сотрудниковъ Центра поэтому было очень велико.

Интеллигентная часть населенія Таганрога къ дѣлу Добровольческой Арміи относилась весьма сочувственно.

Политическія информаціи посылались Особой Части Штаба Главнокомандующаго два раза въ мѣсяцъ.

Генералъ М. И. Штенгель.

16 авг. 1919 г.
г. Ростовъ н-Д.

ПИСЬМО ГЕН. М. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. М. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Милостивый Государь,
Михаилъ Ивановичъ,

Я прошу Васъ принять на себя непосредственное руководство дѣломъ отправки офицеровъ и солдатъ въ Добровольческую Армію изъ г. Таганрога и прилегающихъ къ нему раіоновъ. Для этой цѣли Вамъ надлежитъ объединить сочувствующіе нашему дѣлу общественные круги и образовать комитетъ содѣйствія, въ которомъ и принять на себя предсѣдательствованіе.

Я уполномачиваю Васъ на изысканіе денежныхъ средствъ на мѣстѣ, потребныхъ для организаціи дѣла набора и для отправки добровольцевъ въ Армію и довѣряю Вамъ по этому вопросу, отъ моего имени; обращаться къ лицамъ, сочувствующимъ идеямъ Добровольческой Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

3 іюля 1918 года
гор. Новочеркасскъ
№ 80 (М. П.)

УДОСТОВѢРЕНІЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА БАРОНА ШТЕНГЕЛЯ

Главнокомандующій
Добровольческой
Арміей
29 сентября 1918 года
№ 1053
г. Екатеринодаръ

Удостовѣреніе

Предъявитель сего полковникъ баронъ Штенгель является моимъ представителемъ для г. Таганрога съ Таганрогскимъ округомъ, г. г. Бердянска и Маріуполя и прибрежной полосы отъ Таганрога до Маріуполя включительно.

Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

(М. П.)

Начальникъ В.-Политическаго Отдѣла
Генеральнаго Штаба полковникъ (подпись)

РАПОРТЪ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛКОВНИКА N. ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ ВЪ Г. КІЕВѢ.

Генеральнаго Штаба
Подполковникъ N.
25 Августа 1919 г.
№ 97.
г. Кіевъ.

Копія.
Совершенно секретно.

Представителю Русской Добровольческой Арміи въ г. Кіевѣ Генеральнаго Штаба полковнику Б.

РАПОРТЪ.

Согласно предписанія Представителя Добровольческой Арміи въ Кіевѣ отъ 25 Іюня (н. стиля) с. г. за № 311, я поступилъ въ красную армію, въ Штабъ группы войскъ *** направленія, гдѣ я находился безпрерывно съ 10 іюля по 15 августа (нов. стиля) въ должности Начальника *** Отдѣла и Начальника *** группы. Соотвѣтствующая инструкція мною была получена отъ Генеральнаго Штаба подполковника ***.

Въ ночь съ 9 на 10 іюля я прибылъ на ст. Ворожба и ввиду ночного времени рѣшилъ остаться въ залѣ 1 класса до утра. Около 6 часовъ утра ко мнѣ подошелъ членъ мѣстнаго Отдѣла Чрезвычайки съ 4 вооруженными китайцами и заявилъ, что я арестованъ по подозрѣнію въ дезертирствѣ и шпіонажѣ въ пользу Добрарміи. Это обстоятельство меня нѣсколько озадачило, т.к. у меня въ платьѣ было зашито вышеуказанное предписаніе. Предъявленные мною документы, выданные мнѣ распоряженіемъ Наркомвоенъ, показались члену чрезвычайки подложными и онъ приказалъ китайцамъ отвести меня и подполковника *** въ вагонъ для обыска съ ногъ до головы, какъ онъ выразился. Всѣ мои просьбы отпустить меня въ Штабъ группы для провѣрки документовъ не привели ни къ чему. Китайцы уже приступили къ распредѣленію между собою моихъ вещей. Въ это время къ намъ подошелъ Начальникъ команды китайцевъ, бывшій прапорщикъ, и вновь осмотрѣлъ наши вещи и документы, которые были за подписью 1-го Помощника Начштаба Наркомвоенъ ШАПОШНИКОВА и за печатью Штаба Наркомвоенъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ, наконецъ, меня и подполковника *** отправили въ

Штабъ группы подъ конвоемъ 8 вооруженныхъ китайцевъ. Вр. и. д. Начштаба группы полковникъ ГРИГОРЬЕВЪ, бывшій сотрудникъ Харьковскаго Окрвоенкома,и Политкомъ Штаба, рабочій ВАСИЛЬЧЕНКО, провѣривъ наши документы, немедленно насъ освободили. Въ тотъ же день Командующій группой назначилъ меня Начальникомъ *** Отдѣла ***, а черезъ 2 дня я былъ назначенъ Начальникомъ Штаба ***.

Къ 10 Іюля эта группа состояла изъ 3-хъ пѣх. бригадъ (1-ой, 2 и 3), отряда матросовъ, одной кавал. бригады и 11 батарей, всего около 7.500 штыковъ, 350 сабель и 36 орудій. Кромѣ того, къ группѣ приданы были еще 2 бронепоѣзда: «Молнія» и «Воля», изъ коихъ первый работалъ—на линіи ст. Смородино — г. Богодуховъ, второй—ст. Готня—ст. Однороборвка. Духъ войскъ былъ удовлетворительный съ точки зрѣнія совѣтской власти.

Группа имѣла задачей активно оборонять участокъ отъ с. Мурафа, черезъ Богодуховъ до м. Борисовка, всего протяженіемъ около 90 верстъ. Вся группа была раздѣлена на 2 боевыхъ участка: правый товарища ПАРХОМЕНКО (бывшій слесарь) въ составѣ 2 и 1 бриг. и лѣвый товарища САВЛИНА, въ составѣ 3 бригады. Конная бригада работала въ раіонѣ праваго боевого участка, но подчиниться ПАРХОМЕНКО отказалась.

Командующимъ группой состоялъ***, окончившій ускоренные академическіе курсы въ 1917 году. Начальникомъ Оперативнаго Отдѣленія состояли сначала штабсъ-капитанъ ***, сочувствующій коммунистической партіи, а затѣмъ Генеральнаго Штаба подполковникъ ***, первый былъ мною назначенъ Помощникомъ Начальника ***. Вся власть въ Штабѣ группы принадлежала Реввоенсовѣту въ составѣ МОЛКАЧАНОВА, РУХИМОВИЧА, ИВАНОВА и АРТЕМА. Политотдѣлъ Штаба, состоявшій исключительно изъ евреевъ, оказывалъ нѣкоторое вліяніе на работу Штаба, благодаря шпіонажу и наблюденію за всѣми служащими Штаба — особенно за кадровыми офицерами. Кромѣ того работа отвѣтственныхъ работниковъ контролировалась Политкомами изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ. При Штабѣ состоялъ, но ни кому не подчинялся, Особый Отдѣлъ, который вѣдалъ контръ-развѣдкой и агентурной развѣдкой. Агенты посылались также и для поднятія возстанія въ тылу Добрарміи и въ раіонѣ Харькова, Чугуева, Зміева, Екатеринослава и Донецкаго бассейна. Агенты снабжаются фальшивыми паспортами и удостовѣреніями, которыя отпечатываются на кускѣ холста и зашиваются въ одежду или сапоги.

Отсутствіе у меня связи съ командованіемъ Добрарміи сильно затрудняло мою работу, заставляя иногда работать наугадъ, или же добывать нужныя свѣдѣнія при помощи органовъ развѣдки Штаба Группы. Ввиду этого, моя задача заключалась не въ освѣдомленіи, а въ непосредственномъ содѣйствіи побѣдамъ Добрарміи на *** направленіи, а также въ разстройствѣ и деморализаціи всей Группы.

Для того, чтобы наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на меня задачу, я, въ первые же дни пребыванія въ Штабѣ, добился того, что-бы всѣ безъ исключенія входящія бумаги оперативнаго и развѣдательнаго характера поступали непосредственно ко мнѣ и чтобы всѣ политработники за всякими справками и объясненіями обращались исключительно ко мнѣ. Это обстоятельство давало мнѣ возможность подкладывать Командующему только тѣ бумаги, которыя я считалъ нужнымъ, и уничтожать или скрывать тѣ, которыя, въ интересахъ Добрарміи, не должны быть извѣстны никому, кромѣ меня. Результаты этой работы быстро сказались: въ теченіе мѣсяца Командующимъ группой былъ отданъ рядъ нецѣлесообразныхъ распоряженій и 6 боевыхъ приказовъ о переходѣ въ наступленіе, съ цѣлью овладѣнія Харьковомъ или для возстановленія положенія послѣ неудачи, но т. к. всѣ эти распоряженія и приказы не соотвѣтствовали обстановкѣ, то естественно ни одинъ изъ этихъ приказовъ не былъ выполненъ войсками, а всѣ попытки перейти къ активнымъ дѣйствіямъ въ самомъ началѣ кончались пораженіемъ. Чѣмъ нецѣлесообразнѣе былъ приказъ, тѣмъ энергичнѣе онъ проводился мною въ жизнь путемъ разговоровъ по прямому проводу съ Начальниками боевыхъ участковъ. Все это на практикѣ сводилось къ разстройству частей и подставленію ихъ подъ удары противника по частямъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ для характеристики работы Штаба группы подъ моимъ руководствомъ, въ періодъ боевъ съ 10 Іюля по 15 Августа включительно.

Прибывъ въ Штабъ группы, я прежде всего, съ разрѣшенія Командующаго, направилъ всѣ резервы съ *** направленія, какъ наиболѣе важнаго, на второстепенные боевые участки, съ цѣлью, якобы, заполненія прорывовъ между частями.

Лихимъ ударомъ Добровольцы овладѣли Богодуховымъ и прорвали затѣмъ фронтъ группы въ направленіи на Кириковку. Началось безпорядочное отступленіе красныхъ къ линіи р. Ворсклы. Однѣ части сразу отошли на линію Ворсклы, другія остановились въ полъ пути, а третьи переходили въ наступленіе, что привело къ ряду отдѣльныхъ боевъ при крайне невыгодной для красныхъ обстановкѣ. Такой безпорядокъ на фронтѣ мнѣ удалось поддерживать въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Группа войскъ *** направленія за періодъ, такъ называемой, *** операціи понесла потери убитыми, раненными и плѣнными и безъ вѣсти пропавшими болѣе 2.500 человѣкъ. Вскорѣ послѣ взятія Богодухова, добровольцы заняли и Краснокутскъ, благодаря чему надолго связь между *** группой и лѣвымъ флангомъ *** группы была нарушена. Въ интересахъ Добрарміи мною не было принято никакихъ мѣръ для устраненія этого опаснаго положенія, что и было учтено и использовано командованіемъ Добрарміи при разгромѣ лѣваго фланга *** группы красныхъ наканунѣ занятія Полтавы.

Одновременно съ отходомъ главныхъ силъ группы на линію Ворсклы, отъ Начальниковъ боевыхъ участковъ начали поступать донесенія о большихъ потеряхъ, объ увеличеніи числа дезертировъ, о разстройствѣ частей, о потерѣ связи со своими подчиненными частями и съ сосѣдями и просьбы о присылкѣ пополненія, винтовокъ, обуви и обмундированія, также о смѣнѣ нѣкоторыхъ частей для приведенія ихъ въ порядокъ. Наиболѣе важныя изъ этихъ донесеній мною были скрыты отъ Командующаго и послѣдній, не зная обстановки и состоянія частей,отдалъ строгій приказъ о переходѣ въ общее наступленіе для возстановленія положенія и для овладѣнія Харьковомъ. Членами Реввоенсовѣта этотъ приказъ былъ встрѣченъ восторженно. Такимъ образомъ создалась удобная обстановка для разстройства и деморализаціи частей. Весь *** Отдѣлъ подъ моимъ руководствомъ приступилъ къ энергичному проведенію въ жизнь этого приказа. Однѣ части выдвигались впередъ, въ то время когда другія части, не успѣвшія еще получить приказа, продолжали отходить къ Ворсклѣ или оставались на мѣстѣ, поэтому всѣ наступательныя попытки неизмѣнно кончались пораженіемъ. Дезертирство увеличилось.

Такое безцѣльное, безсистемное и безплодное передвиженіе частей продолжалось нѣсколько дней. На фронтъ былъ командированъ членъ Реввоенсовѣта РУХИМОВИЧЪ для выясненія причинъ неудачъ на мѣстѣ. По просьбѣ РУХИМОВИЧА Командующій отмѣнилъ приказъ о наступленіи. Части перешли къ оборонѣ и приступили къ укрѣпленію позиціи по р. Ворсклѣ.

Цѣль моя была достигнута: въ то время когда шли упорные бои за овладѣніе Полтавой, *** группа, вслѣдствіе разстройства и дезорганизаціи, вынуждена была бездѣйствовать.

Штабъ группы приступилъ къ переформированю всей *** группы въ 41-ю стр. дивизію, согласно приказа Командарма 14. Приказано было дивизію сформировать въ составѣ одной кавал. бригады (два полка) и 3-хъ стр. бригадъ по три полка, съ нумераціей полковъ 361-369, а всю артиллерію переформировать въ 3 дивизіона. Вскорѣ этотъ приказъ былъ отмѣненъ, но затѣмъ вновь былъ подтвержденъ къ исполненію. Къ 15 августа эта группа находилась еще въ стадіи переформированія. Одновременно съ переформированіемъ шло и пополненіе частей группы. Эшелоны мобилизованныхъ прибывали на ст. Ворожба подъ сильнымъ конвоемъ вооруженныхъ коммунистовъ и политработниковъ. Несмотря на это разбѣжавшихся оказалось 100-300 человѣкъ на тысячу. Настроеніе красноармейцевъ подавленное, полупаническое, отношеніе къ войнѣ—отрицательное. Въ виду этого, а также, въ виду недостатка въ частяхъ оружія, я старался эшелоны направлять непосредственно въ части боевой линіи съ цѣлью распространенія паники и деморализаціи войскъ. Нѣкоторые эшелоны направлялись въ запасные ба-

таліоны въ Бѣлополье и въ Глуховъ. Всего было получено около 18.000 пополненія безоружныхъ и около 4.000 винтовокъ.

Тѣмъ временемъ части Добрарміи успѣли захватить Полтаву и продолжали развивать свой успѣхъ въ направленіи на Ромоданы.

Путемъ агентурной и войсковой развѣдки мнѣ удалось выяснить, что Добровольцы готовятся къ наступленію противъ *** группы и что первый ударъ послѣдуетъ въ направленію на ст. Готню, но всѣ эти свѣдѣнія я скрывалъ отъ всѣхъ и сталъ доказывать, что послѣ занятія Полтавы Добровольцы предпримутъ наступленіе отъ Полтавы на сѣверъ, съ цѣлью захвата Сумъ обходомъ съ запада.

Мои доводы возымѣли свое дѣйствіе: вниманіе Штаба было приковано къ правому флангу, резервъ праваго боевого участка былъ сосредоточенъ въ раіонѣ ст. Смородино, резервъ Командующаго — Бѣлопольскій полкъ — (бывшій запасный батальонъ) оставленъ былъ въ Бѣлопольѣ.

Во исполненіе приказа Командарма 14, былъ отданъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе, съ цѣлью помочь *** группѣ выбить Добровольцевъ изъ Полтавы; во исполненіе этого приказа 2-ая бригада выдвинулась на линію Лопуховатый-Пархомовка-Ворскла, не встрѣтивъ сопротивленія. Дальнѣйшаго развитія наступленіе не получило.

Согласно приказу Командующаго, *** группѣ надлежало протянуть свой лѣвый флангъ до Ракова, смѣнивъ здѣсь Грайворонскій полкъ *** группы, но т.к. этотъ полкъ въ боевомъ отношеніи былъ значительно слабѣе полковъ 3-ей бригады этой группы и, имѣя въ виду наступленіе Добровольцевъ на Готню со стороны Тамароки, приказъ о смѣнѣ такъ и не былъ проведенъ мною въ жизнь.

Къ началу операціи Сумы — ст. Готня Сумская группа насчитывала до 11.000 штыковъ, 43 орудія, 700 сабель и 2 бронепоѣзда.

Операція началась съ переходомъ добровольцевъ въ наступленіе противъ Грайворонскаго полка. Послѣдній какъ я и предполагалъ, не выдержалъ натиска и отошелъ на линію — Бѣлая Пѣна, обнаживъ лѣвый флангъ Сумской группы. Послѣ этого 3-я бригада Сумской группы, будучи атакована съ фронта и съ фланга, также съ большими потерями отошла на линію Илекъ на участкѣ Вязовое-Вишневое. Между правымъ и лѣвымъ боевыми участками образовался прорывъ около 25 верстъ. Этимъ воспользовались Добровольцы и заняли Грайворонскъ, послѣ этого матросы изъ Б. Писаревки отошли на Славгородокъ, обнаживъ лѣвый флангъ праваго боевого участка.

Для заполненія прорыва между правымъ и лѣвымъ боевыми участками и для прикрытія подступовъ къ г. Сумы, со стороны ст. Готня была спѣшно сформирована 4 бригада тов. ШАТАЛОВА, въ составѣ Бѣлопольскаго (резервъ Командующаго) и Лебединскаго (изъ 1-ой бригады) полковъ съ приказаніемъ занять позицію въ раіонѣ с. Краснополье. Въ указанный раіонъ

прибылъ только Бѣлопольскій полкъ, а о Лебединскомъ полку въ Штабѣ свѣдѣній не имѣлось.

Командующій группой, не ожидая прибытія Лебединскаго полка, отдалъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе «для возстановленія положенія». Представился удобный случай подвергнуть Бѣлопольскій полкъ (послѣдній резервъ Командующаго) отдѣльному пораженію и тѣмъ лишить Командующаго возможности повліять на дальнѣйшій ходъ боя, а также открыть путь на Сумы, къ выполненію чего и приступилъ. Прежде всего приказалъ командиру 4 бригады немедленно перейти въ наступленіе и занять ст. Готня. Сосѣди, 3 и 1 бригады, не будучи своевременно поставлены въ извѣстность о наступленіи 4-ой бригады, продолжали оставаться на мѣстѣ. Благодаря этому Бѣлопольскій полкъ, не доходя до ст. Харитоненко,былъ Добровольцами разгромленъ; остатки полка, всего 3 роты, начали отходить черезъ Краснополье на Сумы. Затѣмъ 367 полкъ (3 бригада) на приказаніе перейти въ наступленіе отвѣтилъ: «пришлите немедленно обмундированіе и сапоги, въ противномъ случаѣ мы перестрѣляемъ командный составъ и перейдемъ на сторону бѣлыхъ».

Одновременно съ наступленіемъ со стороны Готни дбровольцы повели наступленіе и вдоль жел. дороги Кириковка-Смородино. Послѣ занятія Добровольцами Ахтырки и Смородина,весь правый флангъ группы началъ въ безпорядкѣ отходить на Сумы, причемъ 2 бригада было отброшена отъ жел. дороги на Лебединъ. Командующій вновь отдалъ приказъ о переходѣ въ наступленіе «для возстановленія положенія».

Несмотря на этотъ приказъ части продолжали отходить на сѣверъ, о чемъ не было сообщено командиру 1 бригады 57 дивизіи, который занималъ м.Зеньковъ. Неожиданный отходъ Сумской группы поставилъ въ критическое положеніе всю 1 бригаду 57 дивизіи.

Достигнувъ линіи Сумы — ст. Псёлъ, Сумская группа, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ коммунистовъ, была настолько разстроена и деморализована, что совершенно не была въ состояніе оказывать сопротивленіе противнику. Сумы были сданы почти безъ выстрѣла.

Къ утру 15 августа (н.стиля) отступающія части достигли ст. Ворожба, а разъѣзды противника появились въ раіонѣ ст. Виры.

Узнавъ отъ политкома штаба,ПРОСВИРИНА,что Реввоенсовѣтъ рѣшилъ назначить комиссію для разслѣдованія крупныхъ неудачъ на фронтѣ и для выясненія обстоятельствъ сдачи Сумъ, я немедленно уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и скрывался до занятія города частями Добрарміи.

Въ общемъ, состоя на службѣ въ Совѣтскомъ Генеральномъ Штабѣ съ 23 марта по 16 августа (н. стиля) сего 1919 года, я непрерывно выполнялъ заданія Кіевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи, а именно: съ 28

марта по 10 іюля работалъ въ Кіевскомъ Губвоенкомѣ, въ качествѣ помощника Генеральнаго Штаба подполковника *** по дезорганизаціи формированія войсковыхъ частей,а съ 10 іюля по 15 августа выполнялъ заданія, согласно вышеизложенного.

Подписалъ: Генеральнаго Штаба подполковникъ
(подпись)

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Начальника Штаба,

Поручикъ (подпись)

РАПОРТЪ СОСТОЯЩАГО ВЪ ШТАБѢ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ ДОБРАРМІИ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛКОВНИКА С-ГО ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ ВЪ КІЕВѢ.

Состоящій
въ Штабѣ Представителя
Верховнаго Командованія
Добрарміи
Генштаба подполковникъ С—Й.
29 августа 1919 года.
№ 5.
гор. Кіевъ.

Секретно.

Представителю Верховнаго Командованія Добрарміи полковнику Б.

Съ окончаніемъ демобилизаціи Русской Арміи, т.е. съ 16-го марта 1918 года по 15-е февраля 1919 года, я нигдѣ не служилъ и отъ всѣхъ мобилизацій Гетмана и Петлюры скрывался. Въ декабрѣ 1918 года я, около недѣли, былъ въ Штабѣ Добровольческой дружины генерала К.

Съ приходомъ большевиковъ я получилъ въ 15 числахъ февраля 1919 года предложеніе отъ Представителя Верховнаго Командованія Добрарміи полковника Е., переданное черезъ полковника С., поступить въ одинъ изъ штабовъ большевиковъ для информацій Добрарміи.

Принявъ это предложеніе, я, въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, поступилъ въ Кіевскій ***, въ мобилизаціонный отдѣлъ, вѣдавшій также и оперативными дѣлами. Конечно, *** не могъ дать всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ Центру, но это была первая необходимая ступень службы. Бывая во всѣхъ штабахъ Кіева, я получалъ все-таки много цѣнныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ немедленно Центру черезъ полковника С. Черезъ мѣсяцъ службы я понялъ, что работа въ пользу Добрарміи можетъ вестись двумя путями — путемъ информацій и путемъ разрушеній всѣхъ важнѣйшихъ отраслей военнаго дѣла Красной Арміи.

Мой планъ былъ одобренъ полковникомъ С., и я началъ работу. Имѣя въ своихъ рукахъ дѣло мобилизаціи и формированій Красной Арміи, я сразу же повелъ дѣло такъ, что ни одно формированіе не могло пройти, а мобилизація, объявляемая въ самые неподходящіе моменты, не давала никакого результата. Формируемыя 4 и 5 укр. дивизіи, а также всѣ вспомо-

гательныя части и мѣстныя такъ и остались на первой стадіи развитія. Приказы же о мобилизаціи пришлось все время отмѣнять.

Въ оперативномъ отношеніи, для облегченія положенія Добрарміи, было положено въ основу не дать ни одного штыка въ Донецкій бассейнъ, а для этого теоретически составлялись многочисленные доклады объ угрожающемъ положеніи внутренняго фронта.

Доклады эти разсматривались въ Совнаркомѣ и возымѣли свое дѣйствіе — Москвѣ постоянно отвѣчали, что помощи оказать нечѣмъ. Дѣйствительно, внутреннія возстанія потребовали массы средствъ и войскъ. Недоформированныя части бросались одна за другой на внутренній фронтъ и окончательно гибли. Для отвлеченія лучшихъ силъ былъ разработанъ докладъ сформированія полковъ ОСОБАГО НАЗНАЧЕНІЯ. Въ полки эти были взяты лучшіе кадры и средства полевыхъ формированій, а это окончательно нарушило весь планъ спѣшныхъ формированій.

Въ итогѣ, къ концу апрѣля, на Донской фронтъ почти ничего не было отправлено, мобилизація дала плачевные результаты, внутренній фронтъ удерживалъ до 32.000 войскъ, а возстанія, разжигаемыя необдуманными приказами и декретами — все разростались.

Однако, къ концу апрѣля, я рѣшилъ перейти въ большій Штабъ, что и удалось сдѣлать — я занялъ должность Помощника Начальника Отдѣла ***. Снискавъ полное довѣріе, я съ первыхъ же дней взялъ въ свои руки всѣ формированія Украины. Въ оперативномъ отношеніи я составлялъ только доклады объ угрозѣ развивавшейся анархіи внутренняго фронта. Большинство служившихъ въ Наркомвоенъ офицеровъ Генштаба поддерживали высказываемыя мною предположенія. — *Самъ же ПОДВОЙСКІЙ всецѣло подчинялся нашему вліянію.*

Программа работы по своему масштабу нѣсколько расширилась, информацій получалось очень много, особенно о политическихъ событіяхъ и переброскѣ войскъ.

Программа работы была такова:

а) Сборъ всѣхъ цѣнныхъ свѣдѣній для Центра.
б) Извлеченіе всѣхъ цѣнныхъ документовъ.
в) Полученіе дислокацій и боевыхъ расписаній.
г) Разрушеніе вновь создавшейся Украинской Арміи.
д) Работа по обостренію отношеній Укрфронта и Наркомвоенъ.
е) Разжиганіе угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое запугиваніе.
ж) Оттягиваніе всѣхъ лучшихъ силъ на внутренній фронтъ.
з) Борьба всѣми силами съ посылкой подкрѣпленій на Донецкій фронтъ.

Въ теченіе всего мая и іюня работа шла строго по программѣ безъ всякихъ помѣхъ.

Сборъ информацій давалъ хорошіе результаты. Удалось познакомиться съ важными секретными документами Совѣта Обороны и особенно секретной перепиской между Россійскимъ и Украинскимъ Совнаркомами. Дислокаціи и боевыя расписанія получались Центромъ два-три раза. Что касается разрушенія Арміи, то работа эта дала блестящіе результаты. ПОДВОЙСКІЙ, попавшій всецѣло подъ вліяніе моихъ проэктовъ, одобрилъ рядъ такихъ неосуществимыхъ формированій, переварить которыя Украина не могла бы и въ нѣсколько лѣтъ. Создавалось сразу 6 дивизій, отдѣльныя бригады, мѣстныя формированія, всего общимъ числомъ на 280.000 штыковъ, 85.000 лошадей и массы вспомогательныхъ частей.

Планы мѣнялись чуть ли не ежедневно. Все это окончательно дезорганизовывало всѣ формированія.

Въ лучшіе моменты вся Украинская Армія, формируемая Наркомвоенъ, давала такія цифры: 42.000 штыковъ, 2.200 лошадей. Некомплектъ былъ колоссаленъ. Оффиціальные отчеты были совершенно другіе — тамъ цифры были до 100.000 штыковъ, 10.000 лошадей (все дутыя цифры).

На почвѣ формированій возникла цѣлая переписка упрековъ между Комфронтъ АНТОНОВЫМЪ и Наркомвоенъ ПОДВОЙСКИМЪ. Переписка и отвѣты составлялись мною. Отвѣты АНТОНОВУ настолько обострили отношенія, что вмѣшался Центръ Московскій и въ результатѣ получилась отставка АНТОНОВА. Одновременно разжигался вопросъ о внутреннемъ фронтѣ. «Бумажные» мятежи потребовали до 45.000 войскъ. А между тѣмъ ТРОЦКІЙ категорически требовалъ подкрѣпленій на Донецкій фронтъ. Отписки, отговорки затягивали до безконечности посылку подкрѣпленій и только въ срединѣ іюня рѣшено было послать 5 укр. дивизію; но здѣсь вновь удалось оттянуть одну бригаду на внутренній фронтъ, чѣмъ тормозилась вся переброска.

Дивизія, составленная изъ сырого матеріала, брошенная по частямъ въ бой въ раіонѣ ЛУГАНСКА, погибла, остатки ея были переброшены въ раіонъ КИРСАНОВА-РТИЩЕВО.

Такимъ образомъ, къ концу іюня въ итогѣ работа дала хорошіе результаты:

Были получены важнѣйшія свѣдѣнія, доставлены важнѣйшіе документы, дезорганизовано все формированіе Красной Аріми, оттянуто на внутренній фронтъ до 45.000 солдатъ. Донецкому фронту послано вмѣсто обѣщанныхъ 3-хъ дивизій, т.е. около 100.000 солдатъ, всего лишь 8-10.000 солдатъ, да и тѣ по частямъ разбивались.

Въ концѣ іюня состоялась поѣздка ПОДВОЙСКАГО по всему фронту. Въ поѣздкѣ сопровождали ПОДВОЙСКАГО изъ Генштаба ***. Экзальтированный ПОДВОЙСКІЙ всецѣло поддался вліянію ***; путемъ предъяв-

ленія фантастическихъ плановъ и проэктовъ удалось уговорить его принять на себя командованіе отдѣльными участками фронта, на что ПОДВОЙСКІЙ согласился. Успѣхи Добрарміи требовали недопущенія Петлюры къ Кіеву. ПОДВОЙСКІЙ согласился съ мнѣніемъ, что самый опасный врагъ — это ПЕТЛЮРА, поэтому нужно было сосредоточить противъ него на Западной границѣ Украины значительныя силы. Въ началѣ іюля въ раіонѣ ПРОСКУРОВЪ—ЖМЕРИНКА—ВАПНЯРКА сосредоточено было до 30.000 солдатъ и сюда направлялись всѣ силы въ ущербъ Донецкому фронту. Это создало цѣлый конфликтъ между ЛЕНИНЫМЪ—ТРОЦКИМЪ, съ одной стороны, и ПОДВОЙСКИМЪ, съ другой. Нежеланіе дать помощь Красной Аміи Южнаго фронта ставило ПОДВОЙСКАГО на степень контръ-революціонера и измѣнника. Потребована была отставка ПОДВОЙСКАГО, а изъ Москвы послали на Украину ДЗЕВАЛТОВСКАГО.

По 20-е іюля ПОДВОЙСКІЙ оставался въ роли руководителя внутреннимъ фронтомъ. Своими безалаберными дезорганизующими распоряженіями ПОДВОЙСКІЙ подготовлялъ крахъ фронта, чѣмъ и оказывалась помощь Добрарміи. Къ концу іюля ПОДВОЙСКІЙ ушелъ, а я попросился въ Штабъ Командующаго Войсками Кіевскаго раіона ПАВЛОВА. ПАВЛОВЪ—типъ Подвойскаго, но еще болѣе безалаберный, попалъ подъ вліяніе ***, и я продолжалъ свою работу по указанной программѣ. Вмѣсто умиротворенія страны получился общій пожаръ возстаній. Внутренній фронтъ требовалъ напряженія всѣхъ средствъ и силъ. Со взятіемъ Добровольческой Арміей Екатеринослава необходимо было возможно дальше отвести войска отъ Днѣпра къ западу. Намѣчавшаяся же изоляція Одесскаго Округа съ его войсками требовала удержанія тамъ войска для ихъ окруженія. Отъ Днѣпра были оттянуты почти всѣ силы, а для сего былъ выпущенъ даже ЗЕЛЕНЫЙ изъ раіона ТРИПОЛЬЯ въ раіонъ УМАНИ. Создавались, такимъ образомъ, ворота вдоль Днѣпра. Одесскому же округу по моимъ докладамъ не угрожала никакая опасность. Этому повѣрили и почти 2½ дивизіи остались отрѣзанными. Съ паденіемъ ПОЛТАВЫ и приближеніемъ Добровольческой Арміи къ Кіеву обозначилась вся угроза Украинѣ, поэтому рѣшено было всю борьбу на внутреннемъ фронтѣ поручить знаменитому «дезорганизатору» и «сдатчику городовъ» ВОРОШИЛОВУ. ВОРОШИЛОВЪ предложилъ мнѣ должность Нач. *** фронта, на что я согласился. Созданіе лишняго (10-го) штаба потребовало почти недѣли, а между тѣмъ работа на фронѣ стояла. Гибли цѣлыя части, безъ управленія, связи и помощи. Фронтъ таялъ, солдаты бѣжали. Истинное положеніе было безнадежное.

Тогда приказомъ ТРОЦКАГО для спасенія Украины былъ назначенъ ПЕТЕРСЪ, который раздѣлилъ свою власть совмѣстно съ ЛАЦИСОМЪ и ВОРОШИЛОВЫМЪ. Былъ вновь организованъ Штабъ Военнаго Совѣта, который долженъ былъ координировать всю работу 12 арміи и внутрфронта.

ПЕТЕРСЪ имѣлъ въ Кіевскомъ раіонѣ до 24.000 солдатъ. Ему былъ данъ категорическій приказъ ЛЕНИНА «продержаться пару дней въ Кіевѣ и Кіевъ будетъ спасенъ». Эта задача вполнѣ совпала съ задачей моей — удержать въ Кіевскомъ раіонѣ побольше войскъ до ихъ полнаго окруженія. Поэтому на всѣ категорическіе вопросы РАКОВСКАГО и «тройки» я отвѣчалъ, что Кіевъ не будетъ сданъ, да и взять его съ такимъ колоссальнымъ гарнизономъ врядъ ли удастся. Кромѣ сего, я высказалъ пожеланія, что бы правительство оставалось до послѣдней крайности въ Кіевѣ.

Создавалась возможность полнаго окруженія арміи и правительства. Для облегченія же захвата жел. дор. КІЕВЪ-ДАРНИЦА и шоссе КІЕВЪ—БРОВАРЫ Добровольческой Арміей, я настоялъ на томъ, чтобы лучшія части Красной Арміи были переброшены на правый берегъ Днѣпра противъ ПЕТЛЮРЫ. Интернаціональная бригада и курсанты были брошены къ ВАСИЛЬКОВУ. Вдоль шоссе КІЕВЪ—ЖИТОМІРЪ на МАКАРОВЪ былъ посланъ 1-й Крѣпостной Пензенскій полкъ (до 2.000 штыковъ). Въ раіонѣ СВЯТОШИНО оставалась 2-ая пластунская бригада, какъ резервъ. На лѣвомъ берегу оставался полкъ курсантовъ и остатки 60 дивизіи. Въ резервѣ въ Кіевѣ оставались еще Крѣп. бригада и резервная, всего до 8.000 штык. Изъ этой цифры до половины я оттянулъ въ резервъ, на правый берегъ Днѣпра, въ раіонъ СВЯТОШИНО—ПОСТЪ ВОЛЫНСКІЙ.

Такимъ образомъ создавалась благопріятная обстановка для Добр. Арміи. Однако бои въ теченіе 16-19 августа не дали ожидаемаго результата — Кіевъ не былъ еще отрѣзанъ. Резервы были израсходованы до послѣдняго человѣка. 19-е августа должно было рѣшить участь Кіева. Состоялось до 4-хъ засѣданій, гдѣ дебатировались вопросы сдачи или удержанія Кіева. Я высказывался не сдавать города, ожидая окруженія, но его не послѣдовало. Между тѣмъ лучшія части въ паникѣ поспѣшно отходили черезъ Кіевъ и на мосты. Въ городѣ тоже росла паника. Поэтому «тройка» рѣшила оставить городъ и отходить на линію ГОМЕЛЬ—ЧЕРНИГОВЪ тремя группами: отъ КОРОСТЕНЯ на МОЗЫРЬ (44 — 1 укр. дивиз.), вдоль праваго берега группа ПАВЛОВА, и вдоль лѣваго берега — группа МИРОНОВА. Связи съ частями не было, всѣ дѣйствовали по своему, поэтому и получилась такая паника. 24.000-й арміи не существовало; люди, не исполняя приказа, бросились на мосты и стихійно переправились на тотъ берегъ, дабы дальше прорваться на ЧЕРНИГОВЪ. Мосты приказано было взорвать, но мнѣ удалось такъ воздѣйствовать на подрывниковъ, что они ушли домой и моста не взорвали. Такимъ образомъ, Кіевъ сдавался Д. Арміи и Петлюрѣ. На одновременное занятіе КІЕВА двумя претендентами большевики расчитывали, какъ на средство «перессорить» генерала ДЕНИКИНА и ПЕТЛЮРУ.

Завѣтная мечта занятіе КІЕВА Добровольческой Арміей стала реаль-

нымъ вопросомъ, и Армія была у города. Такимъ образомъ программа до конца была использована и выполнена.

Вотъ моя полугодовая работа на пользу Добровольческой Арміи. Тяжелыя условія, постоянный шпіонажъ, разстрѣлы, преслѣдованія, троекратныя открытія организаціи все это было тормовомъ для болѣе интенсивной дѣятельности.

Въ дѣлѣ информаціи и разрушенія фронта на *** направленіи я обязанъ агенту Центра Генштаба подполковнику П.

Въ общемъ дѣлѣ очень сочувственно относились Генштаба подполковники: (приведены фамиліи четырехъ офицеровъ), капитанъ *** и бывшіе офицеры (приведены фамиліи трехъ офицеровъ) *** и *** очень много помогли въ дѣлѣ оттягиванія силъ на внутрфронтъ. Они же окончательно разрушили фронтъ въ раіонѣ Поста Волынскаго. Съ ними захвачено болѣе 100.000 рублей денегъ, каковыя сданы контръ-развѣдкѣ и въ Штабъ.

Подписалъ: Генштаба подполковникъ С-Й.

И. д. Начальника Штаба,
Поручикъ /подпись/.

ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧЪ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ НА ЮГѢ РОССІИ*).

Статья «Главныя причины неудачъ бѣлаго движенія на Югѣ Россіи» принадлежитъ перу извѣстнаго военнаго писателя генерала П. И. Залѣсскаго, который всю свою жизнь, всѣми законными и доступными способами (лекціями, бесѣдами, литературными трудами и т. п.), боролся съ недугами старой Русской Арміи, зовя ее и Родину къ насущнымъ и неотложнымъ реформамъ.

Прямолинейный въ своихъ докладахъ, чуждый какихъ бы то ни было компромиссовъ, искренно болѣющій душой при видѣ недостатковъ родной арміи и безпощадно рѣзкій въ отношеніи бюрократическихъ военныхъ верховъ — онъ въ своихъ статьяхъ проводилъ мысль: «Великой Россіи — Великая Армія».

Въ тѣ поры, можетъ быть и позднихъ, но все же искреннихъ стремленій общества къ увеличенію мощи Россіи и Арміи, генералъ Залѣсскій являлся для многихъ изданій желательнымъ сотрудникомъ и, одно время, писалъ въ трехъ газетахъ и пяти журналахъ. Его многочисленныя статьи о конницѣ вызвали правдивый и искренній откликъ генерала Самсонова: *«это не только насущныя нужды конницы, но и всей Русской Арміи»!*

Его же статьи, напечатанныя въ цѣломъ рядѣ номеровъ «Военнаго Голоса» 1906 г. — «Насущныя нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русскаго Народа» — послужили *настольнымъ руководствомъ Военной комиссіи 1-й Государственной Думы въ ея работахъ.*

Нижеслѣдующіе труды принадлежатъ перу генерала П. И. Залѣсскаго:

1) «*Насущныя нужды нашей конницы*» изд. Березковскаго 1908 г.
2) «*Главнѣйшіе виды дѣятельности конницы*» изд. Березковскаго 1909 г.
3) «*Организація, обученіе и служба конницы*» изд. 1899 г.
4) «*Конница передъ данными современной войны*» 1904 г.
5) «*Подготовка командного состава*» сборникъ Рябушинскаго «Великая Россія»
6) «*Конница*» 1906 г.
7) «*Насущныя нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русскаго Народа*».
8) «*Возмездіе*» (печатается)

и т. д.

Труды генерала Залѣсскаго не могли пройти незамѣченными и за-границей, и много его статей можно найти въ разныхъ иностранныхъ журналахъ.

Вокругъ вопросовъ, затрагиваемыхъ имъ, всегда создавалась оживленная полемика, не всегда пріятная для мертвыхъ бюрократическихъ военныхъ верховъ, что создало ему славу «безпокойнаго» и не разъ отражалось на его служебной дѣятельности.

Въ дни освободительнаго движенія, будучи генералъ-губернаторомъ Харькова (при гетманѣ Скоропадскомъ), онъ, съ присущей ему прямолинейностью, твердо велъ «русскую линію», не считаясь ни съ какими предписаніями — ни Украинскаго правительства, ни нѣмецкаго командованія и неизмѣнно пользовался самымъ глубокимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ окружавшихъ его.

Его авторитетъ среди нѣмецкаго командованія былъ настолько великъ, что когда однажды понадобилось отправить изъ Харькова въ Добровольческую Армію

---

*) Трудъ этотъ имѣетъ цѣлью: указать истинныя причины русской катастрофы, ведущія свое начало изъ глубины прошлыхъ вѣковъ, не взваливая вину — ни на евреевъ, ни на масоновъ, ни на единичныхъ общественныхъ дѣятелей. *Авторъ.*

нѣсколько сотъ офицеровъ съ пулеметами — нѣмцы не только дали подвижной составъ, но и назначили солдатъ въ помощь русскимъ офицерамъ для погрузки пулеметовъ, патроновъ и проч.

Въ настоящее время генералъ П. И. Залѣсскій живетъ въ Сербіи и работаетъ надъ приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ.

Въ октябрѣ 1917 г. петроградскіе большевики легко сбросили остатки власти «Временного Правительства». Никто серьезно не препятствовалъ торжеству большевиковъ: сила была на ихъ сторонѣ, и всѣ подчинились имъ.

Я не сомнѣваюсь, что и *временный* Верх. Главнокомандующій, генералъ Духонинъ, исполнилъ бы требованіе народныхъ комиссаровъ о перемиріи на фронтѣ, если бы они не такъ торопились и въ иной формѣ предъявляли бы свои требованія. Всѣ «сопротивленія», въ какой бы формѣ они ни проявились, *созданы дѣйствіями самихъ же большевиковъ*, ихъ грубымъ и дикимъ насиліемъ надъ всѣми, въ комъ можно было *заподозрить* несогласіе съ ихъ взглядами и критику ихъ дѣйствій, т. е. «контръ-революцію».

Въ сущности, никакихъ «контръ-революцій» и даже тенденцій къ нимъ не было — все, повторяю, подчинилось силѣ, хотя бы только воображаемой.

Гражданская война и всѣ возстанія все это создано *насиліемъ большевиковъ* и народилось далеко не сразу.

Бѣлогвардейцы, бѣлоармейцы, или просто «бѣлые» это — *гонимые* большевиками люди: офицеры, землевладѣльцы, купцы, промышленники, чиновники, зажиточные крестьяне, вообще — люди, которыхъ грабили, убивали и истязали... Среди спасавшихся отъ большевиковъ было не мало простого люда и даже полудикіе калмыки, киргизы, башкиры и т.п. — подвергшіеся грабежу.

Но особенно ненавистны большевикамъ были *офицеры*, какъ опора прежняго правопорядка. И правы были офицеры, говоря:

«Три года мы тяжко, безмѣрно страдали,
Святые завѣты Россіи храня;
Мы бились съ врагами, и мы не считали
Часами рабочаго нашего дня!
Въ глубокихъ могилахъ, безъ счета и мѣры,
Въ своихъ и въ враждебныхъ краяхъ,
Сномъ вѣчнымъ уснули бойцы офицеры,
Погибшіе въ славныхъ бояхъ!
Но мало того показалось народу,
И вотъ, чтобъ прибавить могилъ,
Онъ, нашей же кровью купивши свободу,
Своихъ офицеровъ убилъ!...»

Да, исторіи есть *что* разсказать про страданія русскаго офицера съ февраля 1917 года!

Что же удивительнаго, что офицеръ *уходилъ* отъ своихъ гонителей и мучителей? Уходилъ не для «контръ-революціи», *не для гражданской войны*, (офицеры всегда были *внѣ политики)*, а только въ виду *невозможности оставаться* въ раіонѣ, гдѣ царило безправіе, дикое, необузданное насиліе и грабежъ,грабежъ безъ конца!!! Бѣжали всѣ,кто могъ бѣжать... Такъ бѣжали и Быховскіе плѣнники; такъ бѣжали со всѣхъ концовъ Россіи всѣ люди, кои именовались «буржуями»; такъ бѣжали ученики высшихъ и среднихъ школъ и даже дѣти убитыхъ и замученныхъ отцовъ и матерей!...

Спасшіеся отъ убійствъ и насилія русскіе люди скопились на разныхъ окраинахъ Россіи, и тамъ, *силою событій,принуждены были взяться за оружіе*; такъ образовались «бѣлые» фронты. Но часть спасавшихся, уже въ первые дни, ушла заграницу, гдѣ нынѣ скопилось до 2-хъ милліоновъ русскихъ людей всѣхъ положеній и состояній.Многіе изъ нихъ ушли не только отъ насилія, но и отъ *невозможности работать* въ атмосферѣ, гдѣ дважды-два не — четыре!

Возьмемъ, напримѣръ, армію.

Захвативъ власть, большевики овладѣли прежде всего арміей, которая была въ общемъ имъ послушна. Зачѣмъ же они начали съ того, что рѣшительно и безразсудно ее развалили?!

Вѣдь она *пригодилась бы имъ въ дни переговоровъ съ нѣмцами въ Брестъ-Литовскѣ?!*

Что же сдѣлали большевики?

Они сдѣлали Верховнымъ Главнокомандующимъ многомилліонной Арміи — *статскаго* человѣка, военныя знанія коего не превышали познаній унтеръ-офицера!

Новый Верх. Главнокомандующій началъ свою дѣятельность именно съ того, что *добилъ* Армію,и этимъ же обезоружилъ своихъ комиссаровъ, явившихся въ Брестъ-Литовскъ договариваться съ Германцами! Не имѣя Арміи, комиссары принуждены были не только уступить требованіямъ германцевъ, но и отдать имъ безъ боя значительную территорію и имущество: легіоны г-на Крыленки—тѣ русскіе люди, что храбро избивали своихъ офицеровъ и грабили «буржуевъ», — теперь спѣшно уходили, спасаясь отъ каски германскаго ландштурмиста...

Отсутствіе Арміи сказалось и въ свободной оккупаціи нѣмцами Украины въ 1918 г. и въ успѣхахъ Деникина весною и лѣтомъ 1919 года. И, если бы не недостатки самихъ «бѣлыхъ» вождей и не верхоглядство*) Союзниковъ, то дорого большевики заплатили бы за опытъ Крыленки въ роли Верх. Главнокомандующаго!...

Но вѣдь такіе же опыты производились ими и въ другихъ областяхъ жизни и государственнаго хозяйства!...

*) Скорѣе — недальновидность, близорукость. (*Ред.*)

Вотъ отъ этихъ то порядковъ и уходили многіе... Развалъ былъ вездѣ и во всемъ, и уже въ 1918 году вся Россія стонала, не только отъ насилія и грабежа, но и отъ *голода* и полнаго *сумбура жизни!* Понятно почему германцы, явившіеся въ 1918 г. для оккупированія Украины, были приняты многими, какъ *спасители!*

Германская оккупація Украины дала опору первой «контръ-революціи», ибо только въ тѣ дни, опираясь на нѣмцевъ, возможно было *возстановить* нормальный, культурный характеръ жизни, съ правами личности и даже съ охраной имущества.

Украина сдѣлалась культурнымъ оазисомъ Россіи, гдѣ можно было жить нормальной жизнью, не опасаясь ежеминутныхъ — обыска, грабежа, издѣвательства, насилія, убійства!... Здѣсь, на Украинѣ, не было и голода и всякихъ матеріальныхъ лишеній. Здѣсь каждый могъ работать для себя, не опасаясь грабежа и разоренія.

Сюда потекли ограбленные и обездоленные люди со всѣхъ концовъ Россіи.

Нѣмецкая оккупація Украины повліяла сильно и на Донскую и на Кубанскую области, прикрывъ ихъ на громадномъ протяженіи Украины.

Кромѣ того, нѣмцы помогали и Краснову, и Деникину — матеріалами и деньгами, и, въ то же время, не препятствовали притоку добровольцевъ со всей Россіи. Вообще нѣмецкая оккупація Украины много помогла антибольшевистскому движенію. Она могла бы создать мощный фронтъ, если бы антибольшевики отрѣшились бы, хотя на время, отъ «мѣстничества» и жаднаго стремленія не только *наверстать* потерянное, но и *пріобрѣсти* кое-что въ общемъ хаосѣ......

Вмѣсто быстраго осуществленія *земельной* реформы, оздоровленія администраціи, возстановленія *нормальной* арміи, — г.г. «вожди» и ихъ сотрудники занялись спорами, интригами и пролѣзаніемъ въ «дамки»—честолюбіямъ и хищничеству многихъ изъ нихъ не было предѣловъ! Всюду были на первомъ мѣстѣ *личные* инетересы, но не общее дѣло!*)

Въ дни гетмана Скоропадскаго украинскіе «верхи» комплектовались изъ прежней русской бюрократіи (большой и малой), а потому обладали всѣми ея недостатками: *верхоглядствомъ* и *забываніемъ вчерашнихъ уроковъ*. Увидя поворотъ къ нормальной жизни, г.г. «буржуи» вообразили, что всѣ страданія *кончены;* что впереди не будетъ больше невзгодъ и испытаній, а потому—давай приниматься за старое: кто спѣшилъ пополнить свое имущество, не считаясь со вновь народившимися условіями жизни; кто безсовѣстно спекулировалъ; кто иагло бралъ взятки; кто слишкомъ широко пользовался жизнью: кутилъ, игралъ въ карты, жуировалъ по ресторанамъ и садамъ и т.д., и т. д.

---

*) Особенно преступно вели себя г. г. «украинскіе демократы», г. г. Петлюра, Виниченко, Поршъ и другіе.

Глядя на всѣхъ этихъ людей, можно было подумать, что въ Россіи не было революціи, не было ужасовъ развала фронта и дезертирства милліоновъ людей, носившихъ «почетное» званіе воина; не было неслыханныхъ грабежей, не лилась безвинная братская кровь!.. Все было забыто!..

Украина зажила вновь старою *«русскою»* жизнью и не использовала германской оккупаціи для установленія *прочнаго* правопорядка.

Я знаю, что германскіе верхи мѣшали созданію арміи на Украинѣ.

Но почему же Украинская власть не провела *немедленно земельную реформу*, не создала надежной полиціи, не почистила администрацію,—это было бы непонятно, если не учесть извѣстныя особенности русской жизни и свойствъ русской бюрократіи—недобросовѣстной, легкомысленной и неосвѣдомленной.

Вся эпопея «Украины» 1918 года весьма характерна, какъ картина дѣятельности русско-украинской интеллигенціи въ періодъ затишья гражданской войны и прекращенія революціонныхъ эксцессовъ. Интриги, самомнѣнія, неизмѣримыя и необоснованныя честолюбія, узкій эгоизмъ и непониманіе обстановки — все это выявилось тогда съ прежней силой!

Трудно за 2 года освободиться отъ пороковъ, привитыхъ тысячелѣтіемъ!..

Но кто особенно удивилъ меня тогда своимъ непониманіемъ обстановки, такъ это — почтенные нѣмцы, германцы,— тѣ самые германцы, которые такъ предусмотрительно готовились къ міровой войнѣ и такъ блестяще ее вели въ теченіе 4 лѣтъ!

Столь чтимые мною (за военную подготовку и патріотизмъ) германцы, въ 1918 году ничего не поняли въ русскихъ дѣлахъ и вели себя на Украинѣ и на Западѣ, какъ узкіе политики, увлекшіеся успѣхомъ.

Если бы въ 1918 году германскіе вожди не «зарвались» бы на Западѣ и не уподобились бы русскимъ «незнаямъ» на Востокѣ, то Великая Германія не получила бы того тяжкаго краха, который постигъ ее въ концѣ 1918 года и послѣдствія коего она переживаетъ сейчасъ. Германія Бисмарка и Вильгельма 1-го получила свое Возмездіе при Вильгельмѣ 2-мъ за увлеченіе успѣхомъ, и за участіе въ русской трагедіи!....

Украину послѣ нѣмцевъ заняли, такъ называемые, «украинскіе демократы», ядро коихъ составили разные — «балабачацы», *«петлюровцы»*, «натіевци» и другіе «подростки» въ военной формѣ, руководимые г.г. сельскими учителями, бухгалтерами, волостными писарями, полицейскими приставами, прапорщиками, обратившимися вдругъ въ *полковниковъ*, есауловъ, «отомановъ» и членовъ «Директоріи»!!! Эти господа безъ труда овладѣли властью, не защищенную — *ни штыками, ни реформами*, и стали насаждать свою «неразбериху»*)... Но, подоспѣвшіе большевики еще легче выгнали вонъ этихъ «устроителей жизни», увлекшихся... ореоломъ власти и «самостійности».

*) Особенно безобразничали петлюровскія банды въ Кіевѣ, гдѣ они убили многихъ русскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ генерала графа Келлера.

Такъ пала «Украина эпохи гетмана Скоропадскаго», не сумѣвшаго со своими помощниками и совѣтниками найти равнодѣйствующей народнымъ чаяніямъ и создать себѣ опору въ правопорядкѣ, основанномъ на трудѣ и христіанской морали.

До какой степени все общество не понимало того, что совершается кругомъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, довольно распространенное мнѣніе, что «большевизмъ уже *изжитъ* въ Россійскихъ губерніяхъ, занятыхъ большевиками и что эти области находятся уже наканунѣ выздоровленія; наУкраинѣ же нѣтъ еще *полнаго* порядка *только* потому, что она не вкусила всѣхъ прелестей большевистскаго режима»! Каждый разъ, когда раздавалось такое сужденіе, въ немъ звучали старые, знакомые мотивы, старая, знакомая недальновидность, неисправимый оптимизмъ и забвеніе вчерашнихъ уроковъ!

Ужасовъ 17 и 18-го годовъ не было достаточно для вразумленія русской интеллигенціи, особенно — «правившей». Малѣйшее затишье — и всѣ принялись за старое, со старою идеологіею! А если, что плохо, такъ это потому, что «Украина еще не *изжила* большевизма,», а въ Россіи, видите-ли, уже «все обстоитъ благополучно»: большевики наканунѣ паденія!.. И это было въ 1918 году!...

Такое же недомысліе и незнаніе дѣйствительности сквозило и потомъ— въ самоувѣренныхъ рѣчахъ антибольшевистскихъ вождей въ 1919, 20,21-хъ годахъ. Всюду было одно и то же: непониманіе совершающихся событій и желаніе видѣть не то, что есть, а слѣдовательно — и дѣлать не то, что нужно!

Я уже говорилъ, что гонимые большевиками русскіе люди собирались на всѣхъ окраинахъ Россіи. Здѣсь, иногда сами, иногда съ помощью Союзниковъ, они организовывались въ вооруженную силу и образовывали «фронты».

Такъ появились фронты: Сибирскій—адмирала Колчака, Сѣверный — генерала Миллера,Сѣв.-западный — генерала Юденича, Донской — генерала Краснова,«Добровольческая армія» ген. Корнилова, потомъ фронтъ генерала Деникина и, наконецъ,— Крымскій фронтъ генерала Врангеля.

Всѣ они въ общемъ имѣли однѣ и тѣ же характерныя особенности,съ нѣкоторыми оттѣнками въ деталяхъ.

Пусть одни изъ нихъ,напримѣръ Сѣверный генерала Миллера и Донской генерала Краснова, были управляемы лучше другихъ; но всюду царила склонность къ спорамъ, мѣстничеству, взяточничеству, пьянству и всякимъ безобразіямъ!.. Всѣ эти большіе и малые «дѣятели» вели себя какъ легкомысленныя и неразумныя дѣти! Въ минуты успѣховъ предавались неумѣренному ликованію и несбыточнымъ мечтамъ; а въ минуты неудачъ поддавались быстрому саморазложенію, приводившему ихъ къ катастрофамъ.

Тѣ высокіе моральные принципы, на которыхъ была заложена Добровольческая Армія, тотъ рыцарскій духъ, который она носила въ себѣ въ пер-

вые дни своего существованія — постепенно исчезъ, испарился, и къ концу борьбы поведеніе антибольшевистскихъ *войскъ*, въ сущности, мало чѣмъ отличалось отъ поведенія большевиковъ !

А между тѣмъ борющіяся стороны не имѣли одинаковаго удѣльнаго вѣса въ глазахъ населенія.

Для темной массы народа большевики были «своими» И это вѣрно, если взять только *теоретическіе принципы большевиковъ* и ихъ заманчивыя обѣщанія. Антибольшевики являлись носителями *старыхъ* тенденцій, а часто и — мстителями за совершенное большевиками нарушеніе нормальнаго правопорядка.

— Наши идутъ! — говорилъ народъ при приближеніи большевиковъ.

— Господа (паны) пришли! — говорило то же населеніе при вступленіи антибольшевиковъ.

Здѣсь — центръ трудностей для антибольшевиковъ всѣхъ толковъ и оттѣнковъ!.... Надо доказать населенію, что вы друзья ему!

А какъ это сдѣлать, если въ душѣ у васъ кипитъ злоба мщенія и нѣтъ пониманія обстановки; нѣтъ пониманія, *сознанія своей вины передъ темнымъ народомъ!*......

Непониманіе, незнаніе было отличительной чертой русской власти и всѣхъ «правящихъ»...

«Они не знали». Они никогда ничего *не* знали!...

Они не знали: ни своихъ помощниковъ, ни общества, ни народа, ни государственныхъ порядковъ, ни большихъ и малыхъ дѣлъ, ввѣренныхъ имъ свыше!...

Я не стану описывать или разбирать всѣ фронты антибольшевиковъ. Однако, упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе мнѣ знакомыхъ.

Донской фронтъ генерала Краснова, при общихъ антибольшевикамъ недостаткахъ, имѣлъ и значительный привкусъ *«самостійности»*. И это очень и очень мѣшало установленію добраго согласія съ ген. Деникинымъ, и затрудняло общую дѣятельность во всѣхъ областяхъ жизни, и прежде всего *въ военной*.

На фронтѣ, который далеко не весь состоялъ изъ донцовъ, всюду царила *«донская власть»*,. Всюду управляли и руководили молодые *есаулы* или *войсковыя старшины*, произведенные уже (мѣстною властью) *въ генералы*! Донская власть, какъ и другія антибольшевистскія и большевистскія власти, прочно забыла, что и пироги дѣлать — надо учиться, и что «полководцы» изъ капитановъ и поручиковъ родятся не всякое столѣтіе!....

Всѣ полѣзли въ «дамки». Всѣ мало-мальски грамотные (а то и неграмотные) сдѣлались генералами, и стали управлять: арміями, фронтами, губерніями!...

Донская власть прочно забыла, что никто не возьметъ себѣ шофферомъ человѣка только мывшаго автомобиль, особенно, если тутъ же имѣется настоящій шофферъ!...

Все таки донцы принесли много жертвъ и положили много трудовъ въ борьбѣ съ большевиками.

Донцы рѣшительно помогли Деникину въ 1918 и 1919 годахъ. Скажу больше: безъ Дона и Краснова «добровольческая» армія перестала бы существовать еще въ 1918 году! Но неискусное командованіе войсками, легкомысліе многихъ командировъ и «самостійныя» тенденціи отразились пагубно на дѣлахъ фронта: успѣхъ носилъ болѣе чѣмъ случайный характеръ, а пропаганда большевиковъ легко овладѣвала сердцами казаковъ, не видѣвшихъ *прочности* въ порядкахъ существовавшей тогда на Дону власти...Пропаганда легко и ясно доказывала слушателямъ, что власть эгоистична и легкомысленна. Напрасны оказались администраторскіе и ораторскіе таланты генерала Краснова. Все это растворилось въ слабоволіи однихъ, алчности другихъ, легкомысліи третьихъ, неопытности четвертыхъ и «самостійныхъ» тенденціяхъ пятыхъ!

Въ результатѣ, Донской фронтъ началъ быстро разлагаться уже въ декабрѣ 1918 г., и только помощь «добровольческой» арміи Деникина, поддержанной Союзниками, спасли Донъ отъ полнаго наводненія большевиками.

Помогли, конечно, и сами большевики своею неорганизованностью и распущенностью арміи: развалъ арміи, произведенный въ 1917 г. и довершенный дѣяніями «великаго полководца Крыленко», не легко было остановить!..

Достаточно было Союзникамъ снабдить Добровольческія войска танками, одеждой, патронами, орудіями и снарядами, — чтобы большевики въ свою очередь покатились неудержимо на сѣверъ!...

Въ августѣ 1919 года Деникинъ былъ фактическимъ хозяиномъ всей Украины. Успѣхъ вскружилъ голову и этому антибольшевистскому «вождю». Онъ объявилъ о скоромъ занятіи Москвы... Всѣ газеты антибольшевиковъ вѣщали о побѣдахъ Деникина и о предстоящемъ бѣгствѣ большевиковъ на сѣверъ...

А между тѣмъ не надо было быть пророкомъ, чтобы предсказать еще въ маѣ 1919 года полный провалъ Деникинской организаціи — и вотъ почему:

Глядя на все творившееся кругомъ, можно было подумать, что кто-то сказалъ:

«Наша взяла! Ну, теперь, друзья, тащи кто что можетъ!» Экипажи, вагоны автомобили, лошадей, склады, а главное — должности!

Всѣ потянулись къ власти!

Назначенія дѣлались самыя курьезныя, самыя дикія! Сильно работала своя *«лавочка»*... Интересы общаго дѣла были гдѣ-то далеко... въ туманѣ!...

Газеты того времени не разоблачали, не указывали грядущихъ бѣдъ за легкомысліе и эгоизмъ. Газеты лгали вмѣстѣ съ «властью», и вмѣстѣ съ нею держали обывателя въ пріятномъ невѣдѣніи истиннаго положенія вещей на фронтѣ и въ тылу*).

А между тѣмъ и на фронтѣ и въ тылу творилось нѣчто невообразимое: какой-то азартъ дѣтей, игравшихъ во взрослыхъ!...

Не только командиры корпусовъ и начальники дивизій, но даже командиры полковъ, баталіоновъ и батарей обзавелись «собственными» вагонами и поѣздными эшелонами! Вагоны и поѣзда обставлялись соотвѣтствующими удобствами, загромаждались «реквизированнымъ имуществомъ» и загромаждали всѣ пути и всѣ станціи... Владѣльцы поѣздовъ жили такъ хорошо, что *даже въ дни катастрофы, когда имъ надлежало бы быть среди войскъ, — не разставались съ «прелестями мирнаго бытія» и не покидали поѣздовъ.*

Въ тяжелые дни войны 1914 и 1915 годовъ я видѣлъ старыхъ генераловъ, которые жили среди войскъ, спали на соломѣ, питались заплѣснѣлой коркою черстваго хлѣба.

А тутъ, въ 1919 году, когда *все было поставлено на карту*, молодые люди вылощенные, раздушенные, въ жениховскихъ костюмахъ—вертѣлись часами передъ зеркаломъ *въ то время, когда на фронтѣ у нихъ гибли мужественныя и самоотверженныя войска, когда взрывались ихъ бронированные поѣзда, танки и автомобили; когда отсутствіе управленія сводило «на нѣтъ» колоссальныя жертвы невинныхъ, обездоленныхъ людей!!!*

Легкомысліе или преступность царили вездѣ.

Пьянство и кутежи господъ поручиковъ и капитановъ въ «генеральскихъ штанахъ» доходили часто до стрѣльбы въ потолокъ и даже до игры въ «кукушку»!... Представьте себѣ людей, видѣвшихъ разложеніе фронта въ 1917 году, видѣвшихъ солдатскій *русскій* грабежъ, избіеніе офицеровъ! Представьте себѣ людей, видѣвшихъ бѣгство этихъ солдатъ съ фронта; переживших все ужасы и злодѣянія революціи! Представьте себѣ — русскихъ офицеровъ. Казалось бы,что жизнь не только состарила, но и научила ихъ; казалось бы, что они поняли всѣ ошибки прошлаго, ужасъ настоящаго и будущаго (въ случаѣ пораженія); казалось бы, что сердца ихъ горятъ желаніемъ успѣха, умъ сосредоточенъ мыслить, уста забыли улыбку, голова посыпана пепломъ!..

И вдругъ — вмѣсто всего этого: пьяныя оргіи! Да еще какія!...

Съ криками, пѣснями, гоготаніемъ, свистомъ, стрѣльбою въ стѣны и другъ въ друга! При чемъ старшіе начальники иногда подаютъ во всемъ этомъ

*) Исключеніе составляютъ выходившія въ Ростовѣ газеты «Родина» — редакт. В. Сѣвскій и «Военный Листокъ» — редакторъ ген. штаба полковн. Лисовой, которыя были закрыты по распоряженію ген. А. Драгомирова за помѣщеніе телегр., въ которой сообщалось предложеніе Л. Джорджа о созывѣ конференціи изъ представителей антибольшевистской и сов. власти на Принцевыхъ Островахъ.

примѣръ. Куда же еще дальше идти въ области легкомыслія и неуваженія къ урокамъ жизни?

Надлежащаго контроля и *глаза* сверху не было. Даже военныя власти сидѣли въ вагонахъ, и при томъ зачастую — въ 100, 200 верстахъ отъ фронта своихъ войскъ!

Съ «формированіями» творилось нѣчто неприличное. Каждый корнетъ или поручикъ видѣлъ себя уже командиромъ того именно полка, въ коемъ онъ служилъ до революціи. Всюду возстанавливались «свои» полки! При этомъ, на фронтъ отправлялось 10-20 человѣкъ, а 300-400 сидѣли въ тылу: «формировались»!

Понятно—почему тылъ переполнялся праздными людьми, и колоссальными обозами, а фронтъ рѣдѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Тылы «пухли», канцеляріи нарождались, какъ грибы послѣ дождя, перья скрипѣли—какъ въ дни провала міровой войны, но все это не укрѣпляло, а разслабляло фронтъ. И всюду, какъ я уже говорилъ, царила «поѣздная» система управленія: верхи сидѣли въ «собственныхъ» поѣздахъ, и оттуда правили войсками и страной!

Примѣры сверху заразительны: низы тоже обзавелись поѣздами; не было войсковой части, которая не имѣла бы своего жизнерадостнаго «эшелона», переполненнаго всякою «добычею».

Эшелоны эти были вооружены до зубовъ и охранялись (даже отъ малѣйшей попытки контроля со стороны властей) спеціальными нарядами, съ пулеметами!

Эти же эшелоны сыграли фатальную роль при отступленіи, вѣрнѣе — бѣгствѣ арміи Деникина осенью 1919 года — загромождая всѣ пути и забивая всѣ станціи...

Гражданская часть арміи также была не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ и военная.

Гражданскій центръ — «Особое Совѣщаніе» вобралъ въ себя осколки стараго чиновничества и «буржуевъ», кои много пережили, но ни чему не научились! Господа эти, вмѣстѣ съ военными «героями», видѣли себя уже въ Москвѣ и даже народили высшую и низшую администрацію тѣхъ губерній, *кои еще не были заняты арміей!*

Власти, состоявшія изъ «младенцевъ» или «людей случая», не отдавали себѣ яснаго отчета въ событіяхъ: они преступно увѣряли себя и другихъ, что все идетъ хорошо, что занятіе Москвы—дѣло нѣсколькихъ недѣль! Даже тогда, когда катастрофа было уже очевидна, власти увѣряли всѣхъ, что опасности нѣтъ, что такой-то и такой-то города *не будутъ сданы.*

Еще *24 ноября 1919 г.* Харьковская Городская Дума была увѣрена въ

полной безопасности и прочиости города Харькова*); *а 28 ноября* въ немъ уже не было властей Деникинской организаціи.

Такія явленія, увы, наблюдались очень часто и въ дни міровой войны, но никогда они не отражались такъ тяжко на населеніи, какъ въ гражданскую войну.

Эту мерзкую *ложь* властей, постоянно ошибочно оріентирующихъ населеніе, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только невѣжествомъ самихъ носителей власти и ихъ «добросовѣстнымъ» *незнаніемъ* дѣйствительнаго положенія вещей! Легкомысленная жизнь до послѣднихъ дней и болѣе чѣмъ легкомысленныя мѣропредпріятія для будущаго (напримѣръ, въ области новыхъ формированій) — служатъ тому подтвержденіемъ.

Даже солидные англичане были обмануты легкомысленными увѣреніями Деникинскихъ властей! Въ ноябрѣ 1919 г. я читалъ телеграмму англійскаго генерала Бригса, адресованную вождямъ Добровольческой Арміи. Телеграмма въ *самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говоритъ объ этихъ вождяхъ*, даже о тѣхъ, кои занимались безмѣрнымъ пьянствомъ и кутежами!**) Телеграмма кончалась словами: «Ваше дѣло правое, а потому съ вами Англія»!.......

Англія и Франція поддерживали Деникина усердно и добросовѣстно. Но они, какъ и нѣмцы 1918 г., *не знали* дѣйствительности, и слѣпо вѣрили Деникину... И въ этомъ ихъ ошибка, непростительная... для благоразумныхъ и обстоятельныхъ европейцевъ!

———

Въ ноябрѣ 1919 г. армія генерала Деникина стремительно и въ величайшемъ безпорядкѣ покатилась на югъ, къ Черному морю. Возмездіе за легкомысліе и недальновидность власти было ужасное.

Картины бѣгства требуютъ особой кисти и фоліантовъ бумаги, ибо кратко нельзя изобразить трагизмъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей, бросившихъ свои дома, поля, имущество, даже близкихъ людей; прошедшихъ въ невѣроятныхъ условіяхъ сотни и тысячи верстъ для того, чтобы — у берега моря собственноручно застрѣлить своего боевого товарища, а самому вплавь или на лодкѣ искать спасенія на пароходахъ, переполненныхъ людьми, готовыми стрѣлять въ своего же, чтобы онъ не переполнялъ пароходъ дальше!

Или—кто можетъ изобразить ужасы ночи въ старой, дырявой рыбачьей баржѣ, среди открытаго моря, перегруженной людьми и имуществомъ въ 4 раза больше нормы?! Вода въ трюмѣ заливаетъ положенныхъ тамъ сыпнотифозныхъ; холодъ и морская болѣзнь одолѣли всѣхъ; некому, да и нечѣмъ вычерпывать воду; волны разбушевавшагося моря перекатываются черезъ

---

*) Я лично присутствовалъ на засѣданіи Думы, избравшей городск. головой Н. Н. Ковалевскаго, и слушалъ оптимистическія рѣчи отцовъ города.

**) Напримѣръ, М. — М.

баржу; мачты трещатъ; моторъ не работаетъ; команда матросовъ изъ *трехъ* турокъ, ни слова не знающихъ по-русски, совершенно растерялась и покорно ждетъ близкой гибели баржи; среди пассажировъ — паника, крики, стрѣльба! И все это — послѣ мѣсяцевъ и даже годовъ непрерывной моральной и физической пытки!

«Эвакуація» даже на сушѣ — дѣло трудное и мучительное.

Что же сказать про эвакуацію «въ море», да еще среди общей паники. Да, это была общая паника, вызванная длительной атрофіей власти.

Власть, бывшая весьма самонадѣянна при успѣхѣ, растерялась при неудачѣ, и исчезла въ дни эвакуаціи!...

Начальники по прежнему сидѣли въ вагонахъ и торопились къ берегу моря, боясь, чтобы ихъ поѣзда не застряли на станціяхъ и чтобы не пропустить удобныхъ пароходовъ!

Многіе изъ «властей», еще недавно разыгрывавшихъ роль большихъ «особъ», поторопились скрыться даже тайно отъ своихъ начальниковъ и отъ своихъ подчиненныхъ!

Глядя на все это, невольно спрашиваешь себя: «какое право имѣли эти люди брать власть въ свои руки»?

И съ горечью приходится отвѣчать: «бездарные порядки прошлаго, — воспитали не только бездарныхъ носителей власти (провалившихъ войну 1914-16 г. г. и создавшихъ обстановку благопріятную революціи), но и — недобросовѣстныхъ общественныхъ, политическихъ и военныхъ дѣятелей, думавшихъ больше о себѣ, а не объ общемъ дѣлѣ»!

Всѣ эти люди, — такъ жадно рвавшіеся къ власти еще мѣсяцъ или недѣли тому назадъ, такъ смѣло бравшіеся за руль государственнаго корабля, — теперь, растерянно удирали, обгоняя другъ друга!

Глядя на старшихъ, и малые терялись окончательно...

Общій развалъ не поддается описанію!

Скажутъ: «сила солому ломитъ» и «паника естественна для побѣжденнаго, попавшаго въ безвыходное положеніе».....

Но тогда, честный историкъ долженъ подчеркнуть, что никакой *подавляющей* силы *не* было на противуположной сторонѣ! Что сторона эта была тоже слабо организована и весьма грѣшила по всѣмъ отрослямъ военнаго дела; и что ея побѣды — лучшее доказательство легкомыслія и грѣховъ «бѣлыхъ» вождей, *оказавшихся еще болѣе не на высотѣ своей задачи и «бѣлыхъ» организацій, оказавшихся неспособными къ очищенію отъ старыхъ грѣховъ, а потому и бзсильными въ борьбѣ даже съ плохо организованнымъ и слабо снабженнымъ врагомъ!...*

Своимъ поведеніемъ бѣлые били самихъ себя! А этого ничѣмъ другимъ нельзя объяснить — какъ только: прошлымъ, — прежними грѣхами и ошибками...

Послѣ Новороссійской эвакуаціи Деникинъ долженъ былъ уйти...: ему и въ него никто уже не вѣрилъ!...

Власть онъ передалъ генералу Врангелю*). Положеніе Врангеля было весьма трудное: матеріальное разстройство арміи и всѣхъ средствъ было колоссальное! Крымъ, куда перебрались остатки Деникинскихъ организацій, защищался слабымъ отрядомъ энергичнаго генерала Слащева, занимавшаго перешейки (Перекопскій и Чонгарскій); но внутри полуострова было пусто и скудно въ смыслѣ снабженія.....

Врангелю помогли сначала англичане, и только потомъ — французы и американцы (матеріально).

Но Врангель повторилъ опять почти всѣ ошибки Деникина: не смогъ сбросить привычекъ прошлаго!

Земельная реформа проведена имъ съ большимъ запозданіемъ.

Армія по существу *осталась прежняя,* со всѣми «добровольческими» особенностями, хотя и называлась «русская». Тѣ же поручики и капитаны на роляхъ генераловъ; тѣ же «вундеркинды» всюду!

То же и въ гражданской администраціи: протекціонизмъ, «лавочка»; вездѣ «свои»; вездѣ служеніе лицамъ, а не общему дѣлу! Всюду: спекуляція, взяточничество, пролѣзаніе въ «дамки», заносчивость и самомнѣніе распоясовшихся фаворитовъ власти и разныхъ птенцовъ въ полковничьихъ и генеральскихъ мундирахъ или даже въ статскихъ пиджакахъ! — Словомъ —то же, что было и при Деникинѣ (за малыми исключеніями).

Даже печать *лгала* также безцеремонно, а можетъ быть и хуже и наглѣе!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ порядковъ: полная неорганизованность — и въ арміи, и въ тылу.

По заявленію самого Врангеля**), у него на фронтѣ было 40 тысячъ, а въ тылу 300 тысячъ военныхъ!

И — это говоритъ «Главнокомандующій, облеченный полнотою власти»!..

Произошло это, конечно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и у Деникина фронтъ былъ жидкій, а тылъ пухлый.

Очевидно, власть, усердно увѣрявшая всѣхъ (и себя) въ скорой побѣдѣ, не видѣла ничего «дальше своего носа» и тѣмъ болѣе — не обладала даромъ предвидѣнія и талантами истинныхъ народныхъ вождей! Не было яснаго пониманія своихъ задачъ, своихъ правъ и обязанностей, и способовъ достиженія того, чего требовала жизнь въ сложившейся обстановкѣ. А жизнь

---

*) Совершенно неизвѣстному въ мирное время офицеру, сдѣлавшему во время міровой войны карьеру отъ командира эскадрона до начальника дивизіи — благодаря атакѣ на 2 герман. орудія въ 1914 году, кои, вмѣстѣ съ 1 батал. нѣмец. пѣхоты, боролись цѣлый день съ подавляющей превосходными силами нашей *конницы* и *артиллеріи* (три кавал. дивизіи). Въ гражданской войнѣ обнаружилъ энергію и таланты «партизана».

**) Сдѣлано въ Константинополѣ въ 1920 году.

требовала прежде всего: *знаній и добросовѣстнаго отношенія къ общему дѣлу.*

Власть не сумѣла дать ни того, ни другого, и *въ той именно дозѣ, какъ того требовала жизнь.*

Вообще, приходится вновь сознаться, что горькій опытъ Деникина и его войскъ ничему не научилъ Врангеля и его сподвижниковъ! Даже въ отношеніяхъ къ обществу Врангель и Деникинъ имѣютъ много общаго: то же «диктаторство»; то же неудержимое самомнѣніе; то же усыпленіе общества оптимистическими извѣстіями, кричащими сообщеніями о побѣдахъ и увѣреніями въ близости конца страданіямъ!...

Конецъ оказался дѣйствительно близкимъ — ....ближе, чѣмъ можно было ожидать, даже при самомъ пессимистическомъ настроеніи! Но только *не тотъ конецъ, какой предрекалъ Врангель и его сотрудники.*

Еще 1-го октября (с. ст.) 1920 г. въ Крыму раздавались самыя оптимистическія предположенія; и даже 26 октября (с.ст.) газеты пѣли дифирамбы Врангелю и увѣряли, что «Крымъ крѣпокъ, какъ никогда»! Еще 27 октября усыпленный обыватель Крыма и даже чиновники не подозрѣвали возможности эвакуаціи! А 29 октября (по старому стилю) эта эвакуація уже началась и, конечно, въ великомъ смятеніи! Съ обывателемъ вновь власть продѣлала ту же гнусность, которая столько разъ практиковалась съ 1915 года : успокаиваютъ и даже глумятся надъ «паническимъ» настроеніемъ обывателя; а потомъ — «въ три счета» покидаютъ городъ или село, предлагая обывателю собраться въ 5 минутъ съ «ручнымъ багажемъ»!

Только тѣ, что стояли близко у центра могли принять мѣры для вывоза своего имущества.*) Тѣ же, кто вѣрилъ властямъ, и особенно тѣ, которые не занимались спекуляціей или накапливаніемъ валюты — остались «при печальномъ интересѣ», т.е. *съ ручнымъ багажемъ и безъ гроша въ карманѣ!*......

Что именно произошло на фронтѣ и почему власть рѣшилась на эвакуацію, описывать не буду. Но не могу умолчать, что — все это надо было предвидѣть (при «добровольческихъ» порядкахъ въ «русской» арміи) и потому надо было: солидно укрѣпить перешейки, снабдить ихъ своимъ постояннымъ гарнизономъ и организовать постепенный отходъ арміи къ морю.

Вмѣсто такой организаціи мы вновь видимъ «бѣгство» вразсыпную отъ перешейковъ прямо къ морю! При чемъ сигналъ даетъ сама власть, объявившая о *правѣ* «желающихъ» — уѣзжать! Политическую ошибку военному простительно сдѣлать: онъ можетъ оказаться слабымъ въ дѣлахъ гражданскихъ; наконецъ, могутъ быть *ошибки* и въ военныхъ операціяхъ! Но, какъ не предусмотрѣть планомѣрный и медленный отходъ къ морю и защиту Крыма? Это элементарное требованіе жизни «Русской Арміей», очевидно, упущено въ хаосѣ интригъ и въ блескѣ самомнѣній. Наконецъ, почему герои Крымской Ставки, не предпочли смерть за свои идеалы, смерть въ честномъ бою, въ борь-

*) Съ накопленной валютой.

бѣ не безъ шансовъ на успѣхъ, а избрали *бѣгство* и проклятую эвакуацію?! Ту самую эвакуацію, которая привела большинство участниковъ (не всѣхъ, правда) къ нищенскому, безконечно тягостному существованію на чужбинѣ. Вѣдь этому существованію нѣтъ словъ для опредѣленія! И если оно лучше «россійскаго» въ физическомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ оно хуже въ моральномъ отношеніи, ибо оставшіеся въ Россіи могутъ сказать: «намъ тяжело, но мы не покинули Родину въ трудныя минуты ея жизни»... А что же можемъ сказать мы — эмигранты?!..

———

А тутъ, какъ нарочно, лѣзутъ въ голову воспоминанія о прежнемъ: все легкомысленное поведеніе власти, въ которую вѣрили и которой повиновались!

Картины одна другой безотраднѣе встаютъ въ памяти...

Урокъ въ Манчжуріи.

Преступное якшаніе власти съ Дубровинскими погромщиками.

Вызывающее обращеніе съ Государственною Думой. Занятіе вздоромъ и побрякушками въ арміи, вмѣсто широкаго использованія уроковъ Японской войны и революціи 1905 года. Неготовность арміи передъ войной 1914 г. Общая паника передъ германцами, особенно послѣ ряда пораженій въ 1914 году...

Быстрая приспособляемость чиновниковъ всѣхъ видовъ и ранговъ, нашедшихъ свои выгоды — и въ затяжной войнѣ, и въ безславномъ отступленіи, и въ разореніи Страны по примѣру 1812 года!

Безстыжая погоня за всякими благами, начиная отъ большихъ окладовъ при минимальныхъ служебныхъ обязанностяхъ и кончая боевыми наградами безъ предѣла и нормы и даже безъ риска жизнью!

Человѣку, не утратившему стыда — трудно было дышать! И ясно былъ видѣнъ полный провалъ войны, если на смѣну легкомыслія и бездарности не придетъ хотя бы сознаніе своей вины.

Но..... бездарность была упряма и до конца вѣрила въ свою звѣзду и «авось»....

Но «авось» не вывезъ и на этотъ разъ. Все повалилось въ бездну.

Армія, созданная Петромъ Великимъ, укрѣпленная Минихомъ, давшая Румянцева, Суворова, Скобелева, видѣвшая Берлинъ, Парижъ и Царьградъ, армія построенная на дисциплинѣ и рыцарскихъ понятіяхъ, — эта армія первая обратилась въ смрадный трупъ!

И надо было видѣть, какъ спасались *командныя* крысы съ тонущаго корабля, и какъ растаскивали «товарищи» всякое имущество — казенное и частное!

Жутко вспоминать прошлое.

Но вотъ, посвѣтлѣло. Порядокъ принесли вчерашніе противники —

германцы. Украина, Донъ, Кубань, Крымъ, Кавказъ могли бы установить прочный правопорядокъ. Такъ — гдѣ тутъ?!

Вновь — легкомысліе, незнаніе и недальновидность! Вновь интриги и личные интересы! Забыты всѣ кровавые уроки! «На Москву», «не допущу», «разнесу», — и прочія «повелѣнія» послышались на всемъ Югѣ Россіи, смѣшиваясь съ пьяными пѣснями, криками мнимыхъ побѣдителей и съ мечтами «вождей» о торжественномъ въѣздѣ въ Москву!....... .

Затѣмъ — провалъ и при этомъ грандіозный!

Кошмаромъ кажутся картины бѣгства Добровольческой арміи въ 1919 и 1920 годахъ.

Нераспорядительность, растерянность и дурной примѣръ разныхъ властей: всѣ думаютъ только о спасеніи себя и своего имущества бѣгствомъ. Объ оборонѣ никто даже не заикается; слова: «стой»—никто не призноситъ... Все бѣжало безъ оглядки, таща за собою свои громоздкіе «эшелоны» съ разнымъ нужнымъ и ненужнымъ имуществомъ!

Такъ докатились до Екатеринодара, послѣ скандальной сдачи Новочеркасска и Ростова. А тутъ—опять интриги, опять самолюбіе, самодержавіе; опять ошибочная оцѣнка обстановки; опять самомнѣніе и рядомъ — полная нераспорядительность!

И вновь все понеслось дальше, къ берегу моря, къ Новороссійску — въ прежнемъ безпорядкѣ и въ прежней растерянности той власти, которая еще недавно упивалась почетными встрѣчами, тріумфальными пріемами и правомъ «повелѣвать»!

Насмотрѣлся я—и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и въ Новороссійскѣ — на эту *власть!*

И даже сейчасъ горечь пережитого давитъ грудь! Вѣдь мы жили безъ властей, а лишь среди произвола и самодурства большихъ и малыхъ *носителей аттрибутовъ власти*, вѣрнѣе — иммитаторовъ власти, мечтавшихъ лишь о своемъ достаткѣ, развлеченіяхъ или карьерѣ!... Люди, не пересмыкавшіеся передъ этою случайною и неумною властью, терпѣли всевозможныя униженія и лишенія! Съ большимъ трудомъ имъ удавалось передвигаться .. Переѣздъ въ Крымъ былъ сплошнымъ кошмаромъ... И здѣсь власть повторила вновь ошибки вчерашняго дня, не взирая на ужасный опытъ. Первоначальный успѣхъ, видимо, и тутъ вскружилъ голову и наполнилъ сердце несбыточными мечтами... Самодержавная власть, самодержавныя рѣшенія и — дурные совѣтчики, приведшіе къ общему провалу!

Не слѣдуетъ забывать, что Врангель имѣлъ поддержку всѣхъ культурныхъ странъ міра, а силы противника на Крымскомъ фронтѣ мало превосходили числомъ силы «русской арміи!»

Но «лавочка», эгоизмъ, легкомысліе, недальновидность и легендарное самомнѣніе привели все къ краху. — Мы сами все знаемъ; мы сами все умѣемъ!

— было написано на лицахъ многочисленныхъ врангелевскихъ «вундеркиндовъ» — отъ полковниковъ до полныхъ генераловъ (эти чины были наиболѣе предпочтительны для «вундеркиндовъ»).

Ну вотъ, и «сумѣли»... привести всѣхъ (или почти всѣхъ) голыми на чужбину, въ одинъ день бросивъ Перекопскія позиціи и въ одну недѣлю отдавъ «неприступный» Крымъ съ его колоссальнымъ имуществомъ!

Стоило изъ-за этого 7 мѣсяцевъ мучить людей и нести громадныя жертвы?

Но жертвы и лишенія несли, конечно, одни, а повелѣвали и фантазировали другіе!..

Съ невеселыми думами ѣхали изъ Крыма голодные, холодные, измокшіе русскіе бѣженцы — преимущественно офицеры.

Особенно тяжко было тѣмъ, кто не лукавилъ, съ совѣстью въ сдѣлку не входилъ, ни подъ что не поддѣлывался, въ «дамки» не лѣзъ, никого не грабилъ, спекуляціей не занимался, взятокъ не бралъ, *валюту не накапливалъ*, въ политику не совался, въ Наполеоны не заносился, въ солдатики не игралъ, къ государственному рулю не тянулся!.. *Люди, отдававшіе всю жизнь Россіи, оказались на корабляхъ съ «ручнымъ багажомъ», и безъ всякихъ средствъ къ существованію*... Впереди была тьма, а сзади — Родина, а въ ней: близкіе люди, все имущество, всѣ прежніе труды, вся прошлая жизнь!

Все было отнято.

Но съ эвакуаціей Крыма отняты были и послѣднія надежды, и самыя скромныя мечты!...

Съ паденіемъ Самодержавія многіе мечтали о *Новой Россіи*. Конечно, не кровавой и безумной. Мечтали о Россіи: чистой, грамотной, трудолюбивой, честной, благородной и дѣловитой; Россіи — богатой знаніями и талантами; Россіи — могучей, красивой и стойкой. Но судьбѣ угодно было дать міру иное зрѣлище. Судьбѣ угодно было держать Россію въ собственномъ плѣну и бить ее ея же руками — сначала съ помощью легкомысленныхъ и бездарныхъ людей, подготовившихъ ея «неготовность» къ міровому экзамену; потомъ — съ помощью глубочайшихъ канцеляристовъ и эпикурействующихъ бюрократовъ, окончательно провалившихся на этомъ міровомъ экзаменѣ; затѣмъ — помощью смѣси: авантюристовъ и фантазеровъ съ пропойцами, каторжниками и кокаинистами; соціалистовъ съ капиталистами, республиканцевъ съ монархистами, коммунистовъ съ простыми жуликами, вахмистровъ съ полковниками и генералами, проходимцевъ съ титулованными аристократами!...

Такъ окончила свое существованіе *Старая* Россія, Россія — родившаяся въ мукахъ Смутнаго времени; не погибшая тогда только благодаря благоразумію и энергіи Мининыхъ и Пожарскихъ; Россія вскормленная Филаретами, Морозовыми, Ртищевыми, Стрешневыми, Ордынъ-Нащокиными, Матвѣевыми

подъ флагомъ первыхъ Романовыхъ; Россія, двинутая по пути культуры мощною рукою геніальнаго Петра Великаго, безъ устали трудившагося во славу ея! Такъ погибла блестящая Россія Екатерины Великой, умѣвшей находить талантливыхъ сотрудниковъ и отличать правду отъ лжи! Погибла Россія 1812 года, нашедшая въ себѣ силы перенести съ честью великое испытаніе Судьбы и принесшая безчисленныя жертвы для освобожденія Европы отъ геніальнаго завоевателя; Россія, спасшая Пруссію въ 1807 г., Австрію въ 1849 г.; освободившая Болгарію — *покровительница* всѣхъ православныхъ странъ и *заступница всѣхъ Славянъ!* Пала Россія — легкомысленная и расточительная, но всегда *гостепріимная и щедрая* на помощь; Россія, неумѣвшая жить для своего блага, *но много сдѣлавшая для блага другихъ;* Россія, преступная, но прежде всего передъ самой собою; Россія *блестящая* и *даже красивая,* но *устарѣвшая* и застывшая въ мысляхъ о былыхъ удачахъ, и потому — не сумѣвшая во-время направить свой государственный корабль по другому курсу!

———

Такъ погибла и надежда на скорое возстановленіе въ Россіи нормальной человѣческой жизни, построенной на началахъ труда и этики. И массы русскихъ людей, часто совершенно неповинныхъ, напримѣръ женщины и дѣти, *влачатъ жалкое, тягостное существованіе на Родинѣ!...* А въ то же время другіе русскіе люди (тоже много невинныхъ) скитаются по чужимъ землямъ, *моля о гостепріимствѣ и заработкѣ!* И даютъ имъ; - даютъ нехотя, иногда, съ высокомѣрнымъ видомъ благодѣтелей, *даютъ изъ жалости и ради прежнихъ заслугъ ихъ Матери-Россіи!.....* И трудится эмигрантская масса, въ потѣ лица зарабатывая кусокъ хлѣба!

Чѣмъ только она не занимается? :

Плотники, сапожники, писаря, чертежники,
сторожа, настройщики, повара, обойщики
въ Мексикѣ — ковбоями, въ U.S.A. — Hotel-boy-ями
кучера и булочники, пекаря и трубочники
маляра — стекольщики, пѣвчіе — наборщики,

Шофферы, носильщики, судомойки, пильщики,
въ Африкѣ — сержантами, въ Парижѣ — музыкантами
майнеръ — въ Пенсильваніи, дансингъ-менъ — въ Британіи.
сторожъ — полотеры, повара — актеры
кузнецы — рабочіе и проч. и проч. и проч.

Смотри, Россія, и радуйся (если это можетъ тебя радовать): какъ твои офицеры, генералы, профессора и чиновники — работаютъ на маленькихъ роляхъ и даже на черномъ трудѣ! Не даромъ они проходили университетскіе

курсы и разныя Академіи! Теперь это имъ пригодится для тасканія камней или для переписыванія бумагъ!..

Много вины на нихъ — это правда. Кланялись низко неумнымъ капитанамъ, стоявшимъ у власти и ведшимъ государственный корабль къ погибели; *молчали* или *поддакивали* помощникамъ этихъ капитановъ — лишь бы и самимъ перепало что либо съ «барскаго стола»! Ну, и дотанцовались, докланялись, доигрались!!! Теперь, таская камни и переписывая ненужныя бумаги — есть о чемъ вспомнить, о чемъ пожалѣть, въ чемъ покаяться! Нагрѣшили; ну — и покайтесь!

Такъ нѣтъ же! И теперь многіе безумствуютъ. Одни разыгрываютъ «правителей» и «главнокомандующихъ» (это въ чужомъ-то государствѣ и послѣ позорнаго провала на экзаменѣ!); другіе въ солдатики играютъ, муштруя неподчиненныхъ имъ людей, третьи норовятъ «выиграть» на несчастьи соотечественниковъ; четвертые не брезгаютъ ни чемъ въ добываніи средствъ къ жизни... Вмѣсто раскаянія и траура, многіе предаются веселію, чревоугодію, пьянству и злобѣ!

И все это — наслѣдіе прошлаго. Не было тогда заложено твердыхъ началъ этики и благородства: все было показное, внѣшнее... А когда настало испытаніе — не хватило величія духа! Сразу всѣ обмельчали, обезличили и показали истинную свою сущность, сущность рабовъ и рабовладѣльцевъ въ одно и то же время!!!

Большевики... Это вѣдь тоже продуктъ прошлаго режима: озлобленные рабы, съ молокомъ матери впитавшіе ненависть по всему прошлому, являющемуся для нихъ эмблемой гнета и униженія! *Сами лѣзутъ въ буржуи и капиталисты*, но прежнихъ буржуевъ и капиталистовъ ненавидятъ всѣми фибрами души, и не потому только, что «ставку» свою поставили на *селяка* и *чернорабочаго* (это вѣдь дѣло вожаковъ), а потому, потворяю, что велика ненависть ко всему прошлому — рабовладѣльческому и рабскому! О это прошлое!

Оно отравило и рабовъ, и рабовладѣльцевъ.

Первые нынѣ мрутъ съ голода и холода на Родинѣ; а вторые — и на Родинѣ, и за-границей.

И нѣтъ исхода пока не раскаются рабовладѣльцы и не образумятся рабы! Пока и тѣ, и другіе не станутъ на путь истинно-христіанской морали и честнаго всеобщаго труда — для объединенія во имя общаго блага!

Всѣмъ русскимъ и даже всему міру нужна работоспособная и кредитоспособная Россія.

Она будетъ таковою только тогда, когда станетъ на путь христіанской морали; не показной, а — дѣйствительной, въ основѣ которой лежитъ принципъ: «живи, и другому дай жить»!

Генералъ П. Залѣсскій.

IV.

ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ И ПРОЧ. ДОКУМЕНТЫ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА ЯНВАРЬСКИХЪ ДНЕЙ 1918 ГОДА.

Въ дни эвакуаціи 1919 года, въ Музей были переданы г.*** копіи матеріаловъ отчета по командировкѣ въ Сибирь изъ Добр. Арм., съ приложеніями, въ числѣ которыхъ находилась и политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январьскихъ дней 1918 г.

Нынѣ этотъ отчетъ напечатанъ въ IX т. «Архива Русской Революціи». Говоря, между прочимъ, о вышеупомянутой программѣ, авторъ отчета заявляетъ слѣдующее — «неизвѣстно являлась ли эта программа личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, или же составляла она политическое credo организаціи».

Какъ лицо, находившееся въ то время во главѣ управленія В.-Политическимъ Отдѣломъ, могу засвидѣтельствовать, что программа эта являлась, именно, личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, что о ней не знали ни генералъ Алексѣевъ, ни широкіе общественно-политическіе круги, и что она въ то время носила скорѣе характеръ проекта, который, прежде широкаго обнародованія, подлежалъ еще утвержденію.

Характеренъ фактъ полученія этой программы генераломъ Алексѣевымъ.

Когда изъ разговора съ авторомъ упомянутаго выше отчета (передъ его отправленіемъ въ Сибирь) выяснилось, что онъ имѣетъ политическую программу, о которой генералъ Алексѣевъ ничего не знаетъ, послѣдній, тотчасъ же по уходѣ ***, вызвалъ меня и продиктовалъ слѣдующее письмо (приводится по памяти):*)

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Лавръ Георгіевичъ,

до меня дошли свѣдѣнія, что Вами выработана политическая программа, являющаяся будто бы той платформой, на которой строится наша организація.

Такъ какъ объ этомъ прежде всего долженъ знать я, прошу Васъ не

*) Всѣ сношенія между собою генералы Алексѣевъ и Корниловъ вели путемъ переписки или черезъ офицеровъ, несмотря на то, что ихъ кабинеты находились въ одномъ помѣщеніи (въ д. Парамонова).

отказать въ предоставленіи мнѣ одного экземпляра означенной программы.

Уважающій Васъ

Михаилъ Алексѣевъ».

Съ этимъ письмомъ я отправился въ сосѣдній кабинетъ, гдѣ находился генералъ Корниловъ, отъ котораго и получилъ одинъ экземпляръ этого документа, при чемъ генералъ Корниловъ собственноручно поставилъ вверху «№ 3», а затѣмъ, подумавъ немного, въ верхнемъ правомъ углу приписалъ: «Проэктъ».

Для многихъ появленіе этой программы въ то время явилось полной неожиданностью — авторство ея приписывалось, то небезызвѣстному Добрынскому, то другимъ лицамъ, окружавшимъ генер. Корнилова, и только черезъ 7 мѣс. въ печати появилось впервые описаніе появленія этого документа, которое и приводится здѣсь полностью.

ВЕЛИКІЙ ПАТРІОТЪ.

(31 марта — 30 сентября).

«СОЮЗЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ РОССІИ» и Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

Недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе объ образованіи въ Москвѣ тайнаго «Союза Возрожденія Россіи», въ который вошли представители всѣхъ существующихъ въ Россіи прогрессивныхъ и демократическихъ партій отъ кадетовъ до меньшевиковъ включительно. Союзъ ставитъ своей задачей сверженіе совѣтской власти и установленіе въ Россіи, до созыва Учредительнаго Собранія, буржуазно-демократической диктатуры. На постъ диктатора «Союзъ», какъ сообщили газеты, выдвигаетъ Б. В. Савинкова.

Насколько это извѣстіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, я свѣдѣній не имѣю, но, по нѣкоторой ассоціаціи событій, могу предполагать, что оно не лишено вѣроятности.

Идея созданія подобнаго союза родилась еще семь мѣсяцевъ тому назадъ въ головѣ незабвеннаго Лавра Георгіевича Корнилова. Это было въ понедѣльникъ, 22-го января, ровно за недѣлю до рокового выстрѣла А. М. Каледина. Я сидѣлъ въ кабинетѣ у Лавра Георгіевича, въ Ростовскомъ особнякѣ Парамонова, занятомъ подъ Штабъ Добровольческой Арміи, и внимательно слушалъ его разсказъ о лихомъ дѣлѣ добровольцевъ подъ Синявкой.

Дѣло было, дѣйствительно, молодецкое. Тысячная банда большевиковъ

окружила на станціи добровольческій арьергардъ въ 15 человѣкъ юнкеровъ и офицеровъ. Положеніе горсточки храбрецовъ было отчаянное, но они не только не сдались въ плѣнъ, но, послѣ горячаго боя, прогнали большевиковъ далеко за станцію, захвативъ большевистскій паровозъ съ платформой и двумя пулеметами и благополучно докатили на немъ къ своему отряду.

Генералъ Корниловъ несказанно радовался успѣху и былъ въ хорошемъ расположеніи духа, несмотря на то, что первыя зловѣщія тучи, надвинувшейся вскорѣ грозной бури, уже начали сгущаться на батайскомъ горизонтѣ.

Разсказъ о подвигѣ добровольцевъ еще не былъ законченъ, когда въ кабинетъ вошелъ юный адъютантъ генерала, поручикъ Долинскій, и доложилъ, что пришелъ И. А. Добрынскій.

Съ лица генерала разомъ сбѣжала веселая улыбка. Оно сдѣлалось непроницаемо холодное и неподвижное, словно покрытое слоемъ коллодія. Онъ приказалъ просить. Черезъ минуту дверь съ шумомъ открылась и въ кабинетъ широкими шагами влетѣлъ нынѣшній «министръ иностранныхъ дѣлъ» Астраханскаго войска.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ съ энглизированными усами, затянутый въ новенькій «фрэнчъ» цвѣта зрѣлыхъ желудей, въ черныхъ «галифэ» съ ярко желтыми астраханскими лампасами и въ черныхъ лакированныхъ сапогахъ, увѣнчанныхъ у каблуковъ парою кавалерійскихъ шпоръ. Слѣва на груди у него красовался солдатскій Георгіевскій крестикъ. Увидѣвъ генерала, онъ торопливо раскланялся и уронилъ на полъ pince-nez.

— Плохая примѣта! — засмѣялся Лавръ Георгіевичъ, подавая вошедшему руку и указывая на стулъ. — Садитесь!

Добрынскій, извинившись, принялся отыскивать упавшее pince-nez. Въ комнату вошелъ генералъ-майоръ Романовскій, взглянулъ на астраханца, все еще продолжавшаго близорукимъ жестомъ нащупывать подъ столомъ злополучныя стекла, на его лампасы и шпоры, чуть-чуть улыбнулся въ усъ и, протянувъ Лавру Георгіевичу пачку телеграммъ, скрылся вновь за дверью.

«Верховный», какъ всѣ величали въ штабѣ генерала Корнилова, тотчасъ углубился въ телеграммы, словно забывъ о нашемъ существованіи. Но вдругъ поднялъ голову, вперилъ пару проницательныхъ глазъ въ Добрынскаго и громко отчеканилъ:

— Я васъ слушаю.

Я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ адъютантскую генерала.

Разговоръ между Лавромъ Георгіевичемъ и астраханскимъ политикомъ продолжался около полу-часа. По долетавшимъ сквозь двери звукамъ голосовъ можно было заключить, что Добрынскій горячо убѣждалъ въ чемъ-то генерала. Тотъ молча слушалъ, но иногда сухо и рѣзко вставлялъ свои замѣчанія. И тогда въ голосѣ астраханца слышались дрожащія нотки. Отдѣльныхъ словъ, конечно, не было возможности разобрать.

Наконецъ голосъ Добрынскаго смолкъ, послышалось движеніе, звякнули шпоры, хлопнула дверь. Я, не осмѣливаясь вторично безпокоить Лавра Георгіевича, хотѣлъ было уйти домой, но, вдругъ, поручикъ Долинскій нагналъ меня уже на лѣстницѣ и сказалъ: «Генералъ проситъ васъ къ себѣ».

Я поспѣшилъ вернуться.

— Вы не очень заняты? — встрѣтилъ меня вопросомъ Лавръ Георгіевичъ еще у порога.— Хочу дать вамъ маленькую работу по вашей части!

Въ то время мы всѣ на Дону были совершенно отрѣзаны отъ столицъ тѣснымъ кольцомъ большевистской блокады. Объ отправкѣ редакціи корреспонденцій я даже не мечталъ и приходилось цѣлыми днями томиться отъ бездѣлья. Вполнѣ понятно я выразилъ генералу живѣйшую готовность быть ему всячески полезнымъ.

Генералъ Корниловъ безъ всякихъ обиняковъ объяснилъ мнѣ суть своего дѣла. Послѣднее время генерала часто посѣщали всякаго рода политическіе дѣятели и подолгу занимали его время надъ выясненіемъ личныхъ взглядовъ Лавра Георгіевича по тѣмъ, либо инымъ вопросамъ государственной политики.

Чтобы избѣжать въ дальнѣйшемъ повторныхъ разговоровъ, генералъ Корниловъ и поручалъ теперь мнѣ составить ему «корниловскую программу», болѣе или менѣе дающую исчерпывающіе отвѣты на всѣ основныя задачи государственнаго устройства.

— Я ознакомлю васъ со своими мыслями, а вы, ужъ сами, какъ тамъ хотите, расписывайте,—сказалъ Корниловъ.— По крайней мѣрѣ отдѣлаюсь разомъ, за то, кто потомъ ко мнѣ съ политикой пристанетъ — суну ему въ руку программу и до свиданія!

Я рѣшилъ попробовать воспользоваться хорошимъ расположеніемъ духа генерала, чтобы удовлетворить свое корреспондентское любопытство, затронутое таинственной бесѣдой съ астраханскимъ дѣятелемъ. Онъ являлся къ тому же, какъ мнѣ стало случайно извѣстно, еще и эмиссаромъ Московскаго кривошеино-самаринскаго праваго монархическаго центра и, несомнѣнно, сплеталъ какую нибудь сложную политическую интригу.

— Вамъ понадобилась программа въ связи съ визитомъ Добрынскаго? — задалъ я тогда осторожно вопросъ генералу.

Лавръ Георгіевичъ понялъ мой маневръ и лукаво улыбнулся.

— Бѣда съ этими корреспондентами! Все имъ надо знать. Ну, да ладно! Добрынскій все уговариваетъ меня бросить Добровольческую Армію и ѣхать къ Астраханскимъ казакамъ. Говоритъ, что тамъ уже собрано 50 милліоновъ рублей на формированіе арміи. Но все это, навѣрно, не серьезно... Не вѣрю я что то въ это дѣло. Со своими добровольцами я уже сроднился, бросить ихъ не могу... Въ Астрахань все же пошлю Голицына — пусть провѣритъ. Можетъ быть и правда!.. Про программу онъ тоже говорилъ, что она нужна для пропаганды, вотъ я и вспомнилъ къ случаю...

Онъ на минуту задумался, вскочилъ порывисто со стула, прошелся раза два изъ угла въ уголъ и вдругъ разомъ бросилъ:

— Пишите!

Я досталъ записную книжку, карандашъ и обратился весь во вниманіе.

И Лавръ Георгіевичъ началъ пунктъ за пунктомъ, кратко, сильно и ясно, излагать свои политическія догмы. И предо мною, вдругъ обрисовалась, во всю свою необъятную величину, другая сторона свѣтлаго ума Корнилова — ума истаго государственнаго мужа и мудраго политика.

Всѣ русскіе полководцы, отъ временъ Суворова и до нашихъ дней, любятъ повторять одну и ту же фразу: — «я солдатъ, а не политикъ». Часто эту фразу говорилъ и Л. Г. Корниловъ. У многихъ, въ томъ числѣ и у меня, по этому сложилось убѣжденіе, что все, что внѣ войны и арміи, мало интересовало покойнаго генерала. Когда теперь я вспоминаю то утро 22-го января, я особенно остро чувствую — какого великаго человѣка потеряла Россія.

Генералъ Корниловъ диктовалъ всего около 20 минутъ. Но этого времени для него было вполнѣ достаточно, чтобы охватить и освѣтить по пунктамъ всѣ сложнѣйшіе вопросы русской государственности.

«Преступное легкомысліе, либо сознательное предательство людей вознесенныхъ къ власти стихійной волной революціи, — диктовалъ генералъ Корниловъ, — ввергнувъ нашу родину въ пучину анархіи, дали возможность восторжествовать кучкѣ германскихъ наемниковъ и политическихъ шарлатановъ. Прикрываясь знаменемъ народоправства, они водворили диктатуру черни, и грозятъ окончательной гибелью всей культурно-исторической жизни страны.

Печальный опытъ революціи показалъ всю несостоятельность правительствъ, создаваемыхъ изъ представителей нынѣшнихъ различныхъ политическихъ партій. Слишкомъ связанные въ своихъ дѣйствіяхъ партійными программами, они, либо отставали отъ требованій жизни, либо, не считаясь съ реальными силами народа, забѣгали впередъ. Государственный организмъ, безъ того надорванный міровой войной и революціей, отъ этого еще болѣе расшатывался, разлагался, создавая благопріятную почву для большевистскихъ всходовъ.

Поэтому генералъ Корниловъ, вступая снова на арену открытой борьбы во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей цѣлью сверженіе большевистскаго самодержавія и водворенія въ Россіи такого образа правленія, который бы возродилъ страну къ ея былому величію и вывелъ бы ее на свѣтлый путь свободы, вѣчнаго мира и счастья народныхъ массъ.

Такой образъ правленія можетъ быть достигнутъ единственно путемъ честной самоотверженной работы всѣхъ здоровыхъ національно-демократическихъ элементовъ государства, которые, слившись воедино въ одинъ могучій союзъ Возрожденія Россіи, выдѣлили бы изъ себя наиболѣе государствен-

но мыслящихъ людей, независимыхъ, сильныхъ духомъ и волей, признанныхъ патріотовъ и готовыхъ въ каждый моментъ отдать свою жизнь за благо Родины и Народа. Эти люди и составятъ правительство спасенія Россіи, безпощадное для предателей, грозное для враговъ и желанное для всѣхъ вѣрныхъ, честныхъ русскихъ гражданъ».

Выждавъ, когда я покончу съ записью послѣдняго тезиса, генералъ Корниловъ началъ излагать уже отдѣльные пункты своей программы.

Всѣхъ параграфовъ набралось 14-ть. Привожу ихъ я, конечно, въ сокращенномъ видѣ.

Въ программѣ на первомъ мѣстѣ значилось возстановленіе попранныхъ большевиками правъ гражданства.

— Всѣ русскіе граждане, говорилъ генералъ Корниловъ, равны между собою. Ни сословнымъ, ни національнымъ ограниченіямъ въ свободной Россіи не можетъ быть мѣста, всѣ въ одинаковой степени отвѣтственны передъ закономъ и страной.

Затѣмъ генералъ находилъ необходимымъ возстановленіе въ первую очередь свободы слова и печати, возстановленіе свободы торговли и промышленности, отмѣну національзаціи частныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій, возстановленіе свободы совѣсти, возсозданіе разогнанныхъ большевиками городскихъ демократическихъ думъ и управъ, возстановленіе судовъ, введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго и средняго образованія и дарованіе широкой автономіи церкви.

Армія безусловно должна формироваться безъ комитетовъ и комиссаровъ, на основахъ строгой военной дисциплины, при наличіи единой воли начальства. Всѣ обязательства передъ союзниками генералъ Корниловъ считалъ ненарушимыми.

— Германія—заклятый врагъ Россіи и всего славянства, —говорилъ онъ. — Либо полная побѣда надъ Германіей, либо гибель Россіи. Иного выбора нѣтъ.

По вопросамъ о національныхъ автономіяхъ въ Россіи, Л. Г. Корниловъ высказалъ необыкновенную терпимость.

— Польша и Финляндія,—заявилъ онъ,—должны быть не только признаны самостоятельными, но для болѣе тѣснаго и вѣчнаго союза съ великой Россіей, всячески поддержаны послѣдней и матеріально, и морально въ ихъ стремленіяхъ къ образованію отдѣльныхъ національно-государственныхъ единицъ.

За рабочими онъ оставлялъ всѣ цѣлесообразныя завоеванія революціи, какъ-то: восьмичасовой рабочій день, право союзовъ и стачекъ, широкое развитіе кооперации, за исключеніемъ гибельнаго для развитія промышленности рабочаго контроля надъ предпріятіями.

Учредительное Собраніе, созванное въ дни гражданской войны, выборы въ которое производились неравномѣрно, не всюду и не свободно, по мнѣнію

Лавра Георгіевича,не могло являться выразителемъ истинной воли народной. Правительство спасенія Россіи, по водвореніи въ странѣ порядка и законности, должно подготовить новые выборы, со строгимъ соблюденіемъ выборныхъ законовъ и правилъ и тогда передать всю власть новому Учредительному Собранію.

Въ заключеніе земельной вопросъ генералъ Корниловъ разрѣшалъ такъ государство выкупаетъ у помѣщиковъ и духовенства землю и отдаетъ ее, вмѣстѣ со всѣми свободными государственными землями, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, безплатно, въ полную ихъ собственность; для болѣе имущихъ — по справедливой оцѣнкѣ;майоратныя земли конфискуются безъ выкупа, полностью; для помѣщиковъ, ведущихъ лично сельское хозяйство, долженъ быть установленъ достаточный максимумъ землевладѣнія. Генералъ Корниловъ разсчитывалъ такимъ образомъ привлечь на сторону будущаго правительства милліоны вновь образовавшихся мелкихъ собственниковъ.

Послѣдній земельный пунктъ, однако, при окончательной редакціи «Корниловской программы», по настоянію П.Н. Милюкова, былъ измѣненъ генераломъ приблизительно въ духѣ кадетскихъ требованій.

Въ тотъ-же день я закончилъ данную мнѣ работу. Перепечатавъ программу на машинкѣ съ 5-ю копіями, я отнесъ ее генералу. На третій день я былъ вновь приглашенъ къ нему.Протягивая мнѣ подписанный имъ одинъ изъ экземпляровъ программы, Лавръ Георгіевичъ, смѣясь, заявилъ:

— У васъ легкая рука! Программа всѣмъ понравилась. Для проведенія ея мнѣ совѣтуютъ образовать «Союзъ Возрожденія Россіи». Какъ прогонимъ большевиковъ отъ Ростова, такъ сейчасъ и займусь этимъ дѣломъ; нужно будетъ выработать уставъ и тактику Союза.

Я предложилъ свои услуги по наброскѣ конспекта устава. Генералъ горячо пожалъ мою руку:

— Спасибо! Буду радъ. Займитесь!..

Таковы были послѣдніе политическіе замыслы генерала Корнилова. Увы, ему такъ и не пришлось осуществить ихъ самому.

Объ идеѣ Корниловскаго союза я, между прочимъ, разсказалъ ротмистру Н. К. Кузьмину-Караваеву и б. комиссару при VII арміи, доктору Н. Г. Григорьеву,работавшимъ при Политическомъ Совѣтѣ Добровольческой Арміи въ группѣ Б. В. Савинкова. Она ихъ привела въ восхищеніе.

Оба потомъ, послѣ разгрома Ростова, уѣхали въ Москву къ Савинкову, захвативъ съ собою копіи политической программы Л. Г. Корнилова и составленнаго мною конспекта будущаго устава Союза Возрожденія. Конспектъ былъ уже разсмотрѣнъ и одобренъ генераломъ.

Быть можетъ нынѣшній Союзъ Возрожденія Россіи, объединившій въ

Москвѣ всѣ національно-демократическія политическія теченія, и явился осуществленіемъ замысла великаго русскаго патріота. Если нѣтъ, привожу эти строки для установленія исторической точности.

М. Лембичъ.

Екатеринодаръ,
4-го сентября 1918 года.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕН. КОРНИЛОВА. *)

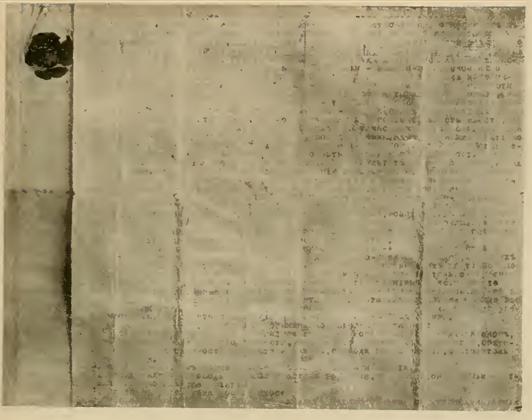
Преступное легкомысліе либо сознательное предательство людей, вознесенныхъ къ власти стихійной революціонной волной, привело страну въ состояніе полной дезорганизаціи и анархіи. *То, что предсказывалъ ген. Корниловъ въ первые дни освободительнаго движенія, съ чѣмъ онъ рыцарски боролся, наконецъ, свершилось:* — Россія оказалась въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, дѣлающихъ подъ флагомъ соціальной революціи — великогерманское дѣло разложенія боевой мощи страны. Играя, съ одной стороны, на низменныхъ инстинктахъ темныхъ народныхъ массъ, съ другой — на моральной и физической усталости широкихъ слоевъ русскаго общества, вызванной тяжелой четырехлѣтней войной, такъ называемой «Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ», утвердилъ у насъ деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всѣмъ культурно-историческимъ завоеваніямъ страны.

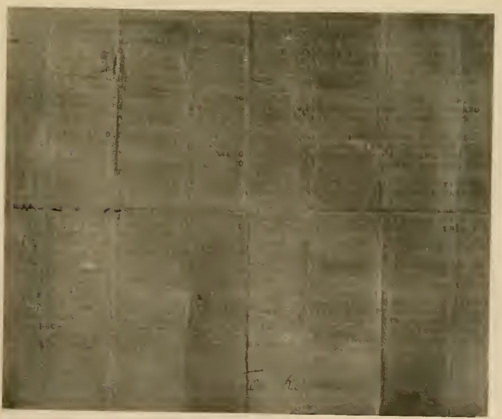
Печальный опытъ революціи показалъ полную несостоятельность власти, созданной представителями различныхъ нынѣшнихъ политическихъ партій, слишкомъ связанныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ мертвой буквой программы. Какъ въ рядахъ партійной демократіи, взявшей на себя иниціативу управленія страной, такъ и въ противоположномъ лагерѣ, вслѣдствіе этого не могло быть достаточной увѣренности и твердости въ опредѣленіи своей линіи поведенія. Въ результатѣ пожаръ анархіи, вспыхнувшій въ центрахъ и перенесшійся въ армію и на окраины, неизбѣжно сметалъ всѣ политическія комбинаціи, выдвигаемыя сторонами и привелъ наконецъ къ господству германо-большевизма. Поэтому ген. Корниловъ, вступая снова на арену политической борьбы во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей цѣлью сокрушеніе большевистскаго самодержавія и замѣну его такимъ образомъ правленія, который обезпечивалъ бы въ странѣ порядокъ, возстановилъ бы попранныя права гражданства и, закрѣпивъ цѣлесообразныя завоеванія революціи, вывелъ бы Россію на свѣтлый путь свободы и прочнаго почетнаго мира, столь необходимаго для культурно-экономическаго прогресса государства.

*) Полный текстъ.

Къ статьѣ М. Лембича:

«Политическая программа Л. Г. Корнилова».





Такой образъ правленія ген. Корниловъ видитъ: — созданіе въ странѣ временной сильной Верховной власти изъ государственно-мыслящихъ людей, для коихъ интересы Родины стоятъ безспорно выше вопросовъ преуспѣянія ихъ партійной политики, и которые, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководились бы исключительно искренней любовью къ Родинѣ и горячимъ самоотверженнымъ стремленіемъ спасти ее отъ неизбѣжной гибели. Низвергнувъ гибельную диктатуру черни и оперевшись на всѣ здоровые національно-демократическіе элементы народа, эта власть должна прежде всего свои усилія направить къ подавленію анархіи, возрожденію арміи, урегулированію транспорта и поднятію производительныхъ силъ страны.

Общія основанія Корниловской программы таковы:

1. Возстановленіе правъ гражданства: всѣ граждане равны передъ закономъ безъ различія пола и національности, уничтоженіе классовыхъ привилегій, сохраненіе неприкосновенности личности и жилища, свобода передвиженій, мѣстожительства и проч.,
2. Возстановленіе въ полномъ объемѣ свободы слова и печати,
3. Возстановленіе свободы промышленности и торговли, отмѣна національзаціи частныхъ финансовыхъ предпріятій,
4. Возстановленіе права собственности,
5. Возстановленіе русской арміи на началахъ подлинной военной дисциплины. Армія должна формироваться на добровольческихъ началахъ (по принципу англійской арміи),безъ комитетовъ, комиссаровъ и выборныхъ должностей,
6. Полное исполненіе всѣхъ принятыхъ Россіей союзныхъ обязательствъ международныхъ договоровъ. Война должна быть доведена до конца въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Миръ долженъ быть заключенъ всеобщій и почетный на демократическихъ принципахъ, т. е. съ правомъ на самоопредѣленіе порабощенныхъ народовъ.
7. Въ Россіи вводится всеобщее обязательное начальное образованіе съ широкой мѣстной автономіей школы,
8. Сорванное большевиками Учредительное Собраніе должно быть созвано вновь. Выборы въ Учредительное Собраніе должны быть произведены свободно, безъ всякаго давленія на народную волю и во всей странѣ. Личность народныхъ избранниковъ священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ Учредительнымъ Собраніемъ, коему она и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собраніе, какъ единственный

хозяинъ Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономію въ дѣлахъ религіи. Государственная опека надъ дѣлами религіи устраняется. Свобода вѣроисповѣданій осуществляется въ полной мѣрѣ.

11. Сложный аграрный вопросъ представляется на разрѣшеніе Учредительнаго Собранія. До разработки послѣднимъ въ окончательной формѣ земельнаго вопроса и изданія соотвѣтствующихъ законовъ, всякаго рода захватно-анархическія дѣйствія гражданъ признаются недопустимыми.

12. Всѣ граждане равны передъ судомъ. Смертная казнь остается въ силѣ, но примѣняется только въ случаяхъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій.

13. За рабочими сохраняются всѣ политико-экономическія завоеванія революціи въ области нормировки труда, свободы рабочихъ союзовъ, собраній и стачекъ, за исключеніемъ насильственной соціализаціи предпріятій и рабочаго контроля, ведущаго къ гибели отечественной промышленности.

14. Генералъ Корниловъ признаетъ за отдѣльными народностями, входящими въ составъ Россіи, право на широкую мѣстную автономію, при условіи, однако, сохраненія государственнаго единства. Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя національно-государственныя единицы, должны быть широко поддержаны Правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ.

Ген. Корниловъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА НАЧАЛЬНИКУ ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ПОЛКОВНИКУ БАРОНУ М. И. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добровольческая Армія

Милостивый Государь
Михаилъ Ивановичъ,

Прежде всего выражаю свое глубокое удовольствіе энергіей, съ которой ведется работа въ Таганрогѣ, поэтому при семъ препровождаю Вамъ особое письмо, которое Вамъ надлежитъ объявить въ Союзѣ Солдатъ.

Привлеченіе лѣвыхъ элементовъ подъ тѣмъ лозунгомъ, который Вы указали въ своемъ рапортѣ, не представляется возможнымъ. Въ общемъ процессѣ революціи идея Учредительнаго Собранія мало по малу отходитъ назадъ, и устроеніе государственнаго порядка произойдетъ, повидимому, какими то иными путями; кромѣ того, и политическая обстановка такова, что еще не скоро создадутся условія, при которыхъ можно было бы въ Учредительное Собраніе произвести выборы и его созвать. Необходимо считаться съ существующимъ положеніемъ вещей и поэтому лозунгъ «*Учредительное Собраніе*», надлежитъ признать нынѣ уже мало дѣйствительнымъ для практической работы (чего не отрицаютъ даже и лѣвые элементы).

Полномочія Вамъ посылаются, но объединеніе общественныхъ круговъ надлежитъ производить съ осторожностью, въ томъ смыслѣ, чтобы не принимать на себя какихъ либо партійныхъ лозунговъ; созданіе Единой Россіи и освобожденіе ея отъ порабощенія внѣшнимъ врагомъ настолько могутъ служить для объединенія всѣхъ истинно-государственныхъ элементовъ, что иныхъ лозунговъ пока и не требуется.

Вербовку добровольцевъ возьмите болѣе въ свои руки: необходимо въ корнѣ пресѣчь наборъ добровольцевъ вербовщиками отдѣльныхъ частей; это только вредно отзывается на дѣлѣ. Вамъ должно быть извѣстно объявленіе Военно-Политическаго Отдѣла, помѣщенное въ Новочеркасскихъ и Ростовскихъ газетахъ, въ которомъ этотъ вопросъ разъясняется; одинъ экземпляръ Вамъ посылаю.

Раіонъ, находящійся въ Вашемъ вѣдѣніи, необходимо использовать вполнѣ, но слѣдуетъ воздержаться отъ посылки вербовщиковъ въ раіоны,

смежные Вашему, т.к. это можетъ привести къ путанницѣ въ дѣлѣ. Ближайшими къ Вамъ центрами являются: Харьковъ, Екатеринославъ, Кіевъ и, кромѣ того, центры, обслуживающіе Крымъ: Ялта, Симферополь, Севастополь. Въ ближайшее время Вамъ будетъ выслана подробная схема.

Желаніе семейныхъ офицеровъ, чтобы часть жалованья выдавалась имъ на мѣстѣ, въ Таганрогѣ, неисполнимо, къ сожалѣнію; это явилось бы чрезвычайно затруднительно для нашихъ финансовыхъ и контрольныхъ органовъ. Въ борьбѣ со всякаго рода самозванцами, появляющимися въ Таганрогѣ, лучше было бы воздержаться отъ содѣйствія нѣмецкаго коменданта; съ этимъ нужно бороться своими средствами и, прежде всего, тѣмъ, что взять дѣло въ свои руки настолько прочно, чтобы для самозванцевъ не оставалось поля цѣятельности.

Офицеры бывшаго Заамурскаго полка на полученіе лошадей въ нашихъ конныхъ частяхъ расчитывать могутъ.

Увѣдомленіе Васъ о томъ, куда зачислены прибывающіе отъ Васъ добровольцы, очень затруднительно, т.к. фактическое распредѣленіе по частямъ производится въ Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

№ 87.
5 іюля 1918 года.
Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА Г-ЖѢ Х.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Милостивая Государыня,

Полковникъ Сергѣй Николаевичъ Р—ій сообщилъ мнѣ, что у Васъ находятся нѣкоторыя денежныя суммы, собранныя при Вашемъ содѣйствіи и предназначаемыя Добровольческой Арміи.

Я поручаю полковнику Генеральнаго Штаба Лисовому обратиться лично къ Вамъ по этому вопросу, дабы не безпокоить Васъ перепиской.

Если бы сообщеніе полковника Р-го оказалось правильнымъ, то я могу лишь выразить Вамъ свою глубокую блгодарность за тотъ трудъ, который Вы приняли на себя въ этомъ дѣлѣ.

Помимо того значенія, которое для насъ можетъ имѣть финансовая поддержка, я радъ былъ сочувствіе нашему дѣлу встрѣтить именно у Васъ.

Прошу принять увѣренія въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и въ совершенной преданности.

Михаилъ Алексѣевъ.

№ 88.
5 іюля 1918 года.
Гор. Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕН. М. В. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. А. П. БОГАЕВСКОМУ.

Копія.
Спѣшно.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Какъ Вамъ извѣстно, Добровольческая Армія испытываетъ большую нужду во всѣхъ видахъ довольствія.

Не будучи въ состояніи получить отъ Всевеликаго Войска Донского тѣхъ или иныхъ предметовъ снаряженія, обмундированія и продовольствія, Добровольческая Армія въ тоже время не можетъ самостоятельно, безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія, пріобрѣсти эти предметы путемъ закупокъ, Между тѣмъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, многіе изъ необходимыхъ для насъ предметовъ имѣются въ продажѣ на рынкѣ въ Ростовѣ.

Въ виду изложеннаго прошу Васъ не отказать въ представленіи права производства покупокъ представителю Добровольческой Арміи, каковымъ является купецъ Мефодій Константиновичъ И-въ и о выдачѣ на его имя разрѣшенія, которое имъ лично будетъ вручено Областному и Окружному Интендантамъ Всевеликаго Войска Донского — послѣднее и желательно оговорить въ означенномъ разрѣшеніи. Считаю необходимымъ поставить Васъ въ извѣстность, что такое рѣшеніе вопроса во многомъ облегчитъ тяжелое положеніе Добровольческой Арміи.

Примите увѣренія въ искреннемъ къ Вамъ уваженіи и пр.

№ 64.
29-го Іюня 1918 г.
г. Новочеркасскъ.

Мих. Алексѣевъ.

ИЗЪ БЛОКНОТА ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА.

РАДІОГРАММА

генерала М. В. Алексѣева генералу А. И. Деникину.

Командующему Арміей.

Доблестное поведеніе въ бою подъесаула Ф—ва, его тяжелое раненіе являются данными, смягчающими, а быть можетъ совершенно заглаживающими вину его передъ Донскимъ Войскомъ, къ составу коего принадлежалъ онъ во время нарушенія имъ долга службы и казака-гражданина. Къ составу этого Войска онъ принадлежитъ и въ настоящую минуту.

Полагаю, что нѣтъ законныхъ основаній изъять дѣло подъесаула Ф-ва изъ общаго порядка подслѣдственности и подсудности, опредѣленнаго кн. XXIV С.В.П. 1869 г., донынѣ неотмѣненной.*)

Ген. Алексѣевъ.

---

*) Подъесаулъ Ф—въ, совершивъ какой то проступокъ въ бытность его на службѣ въ Донской Арміи, съ цѣлью избѣгнуть наказанія, «самовольно перевелся» на службу въ Добровольческую Армію.

Несмотря на справедливое требованіе Донскихъ властей о «выдачѣ» названнаго офицера — штабъ Добр. Арміи, подъ разными предлогами, уклонялся отъ исполненія — дѣло дошло до генер. Алексѣева, который въ этомъ вопросѣ опредѣленно сталъ на сторону Атамана Всев. В. Донского.

Случай этотъ былъ не единственный и «перелетныя пташки» подобнаго рода бывали съ обѣихъ сторонъ.

ПЕРЕПИСКА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕНЕРАЛУ А. И. ДЕНИКИНУ

Предсѣдатель
Совѣта
Управляющихъ Отдѣлами
Правительства
Всевеликаго Войска Донского
12-го октября 1918 г.
№ 1145.
Ростовъ н/Д.

Его Превосходительству А. И. ДЕНИКИНУ, Главнокомандующему Добровольческой Арміей.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

По порученію Донского Атамана, обращаюсь къ Вамъ со слѣдующимъ предложеніемъ:

Событія на Западѣ, а такъ же на Балканскомъ полуостровѣ, настолько мѣняютъ общее положеніе, что весьма возможно скорое заключеніе мира и конференція, на которой, очевидно, будетъ рѣшаться такъ же и судьба Россіи. Невозможно допустить, чтобы этотъ вопросъ рѣшался безъ участія представителей отъ тѣхъ частей Россіи, которыя своими силами добивались самостоятельнаго существованія или при участіи представителей Совѣтской власти, съ которой всѣ мы ведемъ упорную борьбу.— Конечно, на конференціи должны быть представители настоящей Россіи, желающіе ея возстановленія въ прежнихъ предѣлахъ и мощи; но предварительно необходимо всѣмъ намъ сговориться о томъ — какія требованія предъявить на будущемъ международномъ совѣщаніи. — Для этого было бы желательно уже теперь обмѣняться мнѣніями, для чего Донской Атаманъ предлагаетъ Вамъ созвать совѣщаніе въ Екатеринодарѣ, на которое будетъ присланъ представитель Дона, — или согласиться на то, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ взялъ на себя генералъ Красновъ; тогда совѣщаніе будетъ собрано въ Новочеркасскѣ.

Не откажите увѣдомить меня для доклада Атаману Ваше рѣшеніе по сему вопросу.

Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности

А. Богаевскій.

ОТВѢТЪ ГЕНЕР. А. И. ДЕНИКИНА ГЕНЕР. А. П. БОГАѢВСКОМУ

Главнокомандующій
Добровольческой Арміей
(по Общему Управл.).
25-го Октября 1918 года.
№ 318.
г. Армавиръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Вопросъ, затронутый въ Вашемъ письмѣ отъ 12 Октября за № 1145, представляетъ чрезвычайную важность и я вполнѣ согласенъ съ Атаманомъ Всевеликаго Войска Донского о необходимости теперь же приступить къ обмѣну мнѣній по этому вопросу.

Особое Совѣщаніе при Добровольческой Арміи,состоявшееся 12 Октября подъ моимъ предсѣдательствомъ, уже намѣтило нѣкоторыя положенія, которыя необходимо поставить въ основаніе при предстоящихъ переговорахъ о перемиріи, а затѣмъ и на мирной конференціи.

Эти положенія, прилагаемыя при семъ въ копіи, и могли бы быть положены въ основаніе работъ того совѣщанія, которое я, согласно предложенія Атамана, считалъ бы желательнымъ собрать въ Екатеринодарѣ.

Въ возбужденномъ Вами вопросѣ *о представительствѣ на будущей мирной конференціи* — несомнѣнно то, что нѣтъ никакой возможности создавать такое коллективное представиетльство, въ которомъ приняли бы участіе делегаты отъ всѣхъ тѣхъ частей и областей Россійскаго Государства, которымъ удастся сговориться между собою до начала мирной конференціи.

Единственнымъ возможнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, при настоящихъ условіяхъ, я считалъ бы установленіе, на предстоящихъ совѣщаніяхъ въ Екатеринодарѣ, перечня опредѣленныхъ лицъ, изъ числа дипломатовъ, генераловъ и финансистовъ-экономистовъ съ именами настолько извѣстными и въ Россіи, и заграницей, чтобы имъ можно было бы ввѣрить защиту интересовъ всей Россіи на всемірномъ конгрессѣ.

Словомъ, я полагалъ бы остановиться на принципѣ персональнаго назначенія въ составъ делегаціи опредѣленныхъ лицъ, а не на принципѣ представительства отъ каждой области, вошедшей въ объединеніе.

Желательно, чтобы Вашимъ представителямъ были бы даны по этому вопросу надлежащія инструкціи.

Затѣмъ я пошелъ бы далѣе. Общность задачъ, которыя приняли на себя Всевеликое Войско Донское и Добровольческая Армія, въ дѣлѣ освобожденія страны отъ власти большевиковъ и возсозданія единства, мощи и величія нашей Родины, властно требуетъ полнаго взаимодѣйствія всѣхъ

вооруженныхъ силъ и всѣхъ правительствъ, принявшихъ на себя въ полной мѣрѣ указанную задачу. Для этого я считалъ бы своевременнымъ поднять на проектируемыхъ совѣщаніяхъ въ первую очередь вопросъ *объ объединеніи командованія вооруженными силами, ведущими бои противъ большевиковъ* на территоріи Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ и въ предѣлахъ Черноморской и Ставропольской губерніи. Объединеніе это должно коснуться, главнымъ образомъ, *оперативной части и части военнаго снабженія* войсковыхъ соединеній, находящихся на боевыхъ фронтахъ.

Одновременно желательно подвергнуть обсужденію вопросъ и объ объединеніи въ тѣхъ же областяхъ и губерніяхъ дѣла внѣшнихъ сношеній, тѣсно связанныя съ общимъ оперативнымъ командованіемъ.

Если на нашихъ совѣщаніяхъ, исходя изъ самаго искренняго желанія найти пути къ полному единству въ нашемъ общемъ, великомъ и святомъ дѣлѣ, намъ удастся сговориться по перечисленнымъ мною кардинальнымъ вопросамъ, то въ недалекомъ будущемъ можно было бы выдвинуть на очередь объединеніе и въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства, которыя Донской Атаманъ перечислилъ въ своемъ письмѣ отъ 3 Сентября сего года № 679, а именно:

а) установленіе общей системы денежныхъ знаковъ,

б) объединеніе учрежденій Государственнаго Банка и другихъ учрежденій Министерства Финансовъ,

в) объединеніе учрежденій Министерства Юстиціи,

г) объединеніе продовольственнаго дѣла и торговопромышленной политики, а въ особенности товарообмѣна,

д) въ связи съ пунктомъ г) — уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и объединеніе границъ,

е) объединеніе управленія путями сообщенія, почты и телеграфа.

Въ случаѣ согласія Донского Атамана на вышеизложенную программу, прошу меня увѣдомить въ спѣшномъ порядкѣ, какіе именно вопросы Вы полагали бы возможнымъ поставить на обсужденіе перваго совѣщанія и кто явится на немъ представителями Всевеликаго Войска Донского, въ зависимости отъ чего мною будетъ окончательно намѣченъ день засѣданія и будутъ назначены представители отъ Добровольческой Арміи и приглашены представители отъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Позволяю себѣ выразить надежду, что этотъ первый шагъ къ «собиранію Земли Русской» приведетъ къ полному единству всѣхъ нашихъ будущихъ дѣйствій на пользу всѣми нами горячо любимой Родины.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности.

А. Деникинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІЕЙ ОТЪ 25 ОКТЯБРЯ 1918 Г. ЗА № 318.

ВЫПИСКА

из журнала № 5 Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей.

Засѣданіе 12 Октября 1918 года.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1)	1) ....
2) Предложеніе Главнокомандующаго обсудить вопросы:	2) ....
а)	а) ....
б) о подготовкѣ кь предстоящимъ мирнымъ переговорамъ.	б) При подготовкѣ къ предстоящимъ мирнымъ переговорамъ принять за основаніе нижеслѣдующія положенія:

1) Единство представительства Россіи на мирной конференціи, съ исключеніемъ изъ него делегатовъ большевистскихъ и тѣхъ территоріальныхъ образованій, которыя въ своихъ основныхъ принципахъ расходятся съ цѣлями Добровольческой Арміи.

2) Аннулированіе политическихъ и экономическихъ договоровъ, заключенныхъ съ Германіей, или съ ея союзниками, а также самостоятельныхъ актовъ о введеніи въ занятыхъ областяхъ того или иного порядка управленія. Возстановленіе нарушенныхъ такими договорами или актами, правъ, возмѣщеніе причиненныхъ этимъ путемъ убытковъ (возвратъ золота, военнаго и торговаго флота, предметовъ вооруженія, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и пр.) и прекращеніе вывоза изъ Россіи продовольствія и имущества.

Это требованіе, само собою разумѣется, не имѣеть въ виду соглашеній, заключенныхъ Державами Согласія.

3) Очищеніе Германіей и ея союзниками русской территоріи въ предѣлахъ границъ 1914 года, включая и Финляндію.

Такое же требованіе признается необходимымъ и въ отношеніи Польши.

4) Занятіе на русской территоріи, оккупированной нынѣ Германо-Австро-Турецкими войсками главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ или иныхъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ русскими частями, или же временно войсками державъ Согласія до момента сформированія достаточно сильныхъ русскихъ отрядовъ.

5) Немедленный приступъ къ обмѣну военно-плѣнными.

6) Обязательство Германіи и ея союзниковъ препятствовать какимъ бы то ни было способомъ водворенію въ Россіи единаго прочнаго строя.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОВАЛЪ: Главнокомандующій генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: *А. М. Драгомировъ, А. С. Лукомскій, А А. Нератовъ, В. А. Степановъ, В. В. Шульгинъ, А. С. Макаренко, О. О. Гейманъ, В. А. Лебедевъ, А. С. Санниковъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно:
Начальникъ Политической Канцеляріи
Генеральнаго Штаба полковникъ *(подпись).*

ТЕЛЕГРАММА

Предсѣдателю Совѣта Управляющихъ Отдѣлами генералу Богаевскому.

Сообщаю для свѣдѣнія копію отвѣта Министру Иностранныхъ Дѣлъ Украины его циркулярную депешу 22 ноября стараго стиля *двоеточіе кавычки* Кіевъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Афанасьеву Циркулярную телеграмму 22 ноября получилъ опозданіемъ отъ Донского Правительства *точка* Главнокомандующій Добрарміи вполнѣ раздѣляетъ необходимость совмѣстнаго обсужденія вопросовъ связанныхъ возстановленіемъ единства Россіи но полагаетъ *двоеточіе* первое виду событій послѣдняго времени Кіевъ какъ мѣсто съѣзда нежелателенъ предпочтительнѣй Екатеринодаръ или Симферополь второе обсужденіе отношеній къ различнымъ державамъ для Добрарміи является излишнимъ Добрармія всегда признавала только твердую солидарность всѣхъ дѣйствій Державами Согласія и нынѣ твердо ведетъ политику томъ же направленіи и не имѣетъ никакихъ основаній отступать отъ него и впредь *точка* Третье участіе конференціи Грузіи правительство коей стоитъ опредѣленной самостійнической позиціи и ведетъ политику крайне враждебную Россіи и унижающую достоинство русскаго имени Добрармія считаетъ совершенно недопустимымъ пока Грузія не измѣнитъ своего отношенія вопросѣ возстановленія Россіи *точка* №623 Екатеринодаръ 16 ноября Предсѣдатель Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміи генералъ Драгомировъ *кавычки точка* № 658 Екатеринодаръ 18 ноября Драгомировъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ГРУЗИНСКОМУ ВОПРОСУ

ПИСЬМО ГЕН. А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕН. А. И. ДЕНИКИНУ.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

Всѣ Ваши письма на мое имя своевременно были доложены мною Донскому Атаману и Правительству. Ваши указанія и пожеланія приняты во вниманіе и при будущихъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, лицамъ, которыя будутъ для этого назначены, будутъ даваться соотвѣтствующія указанія.

Что касается вопроса объ отношеніяхъ съ Грузіей, то пока они еще не наладились. Еще до полученія Вашего письма, по настоянію отставного генералъ-маіора Токай-Швили (грузинъ), постоянно живущаго въ Ростовѣ и много лѣтъ служившаго на Дону, Атаманомъ была обѣщана для Грузіи партія хлѣба въ 15 вагоновъ въ обмѣнъ на батумскій чай, табакъ и пр. Часть этого хлѣба выдана съ условіемъ, чтобы при раздачѣ его въ Грузіи могли получить долю и русскіе жители, что и было обѣщано генераломъ Токай-Швили. Послѣдній, а такъ же русскіе офицеры, пріѣзжавшіе ко мнѣ съ Кавказа, увѣряютъ, что грузинскій народъ въ массѣ не проявляетъ никакой враждебности къ русскому населенію; этого желаетъ кучка авантюристовъ, составляющая нынѣ грузинское самозванное правительство, занявшееся усердной національной національнализаціей всего негрузинскаго.

По частнымъ свѣдѣніямъ, Грузія предполагаетъ послать оффиціальное посольство на Донъ для установленія съ нимъ добрыхъ отношеній; пока же изъ Тифлиса прибылъ консулъ, съ которымъ, однако, до сихъ поръ имѣть дѣла не приходилось. Нашего представителя въ Грузію также не назначено.

А. Богаевскій.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д. ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 13 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

I.

АТАМАНЪ
Зимовой Станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Донского
при Кубанскомъ Правительствѣ.
№ 9.
13 Сентября 1919 года
г. Екатеринодаръ
Графская ул., д. № 28.

..... Цѣль посольства — опредѣленіе границъ между Грузинской республикой и Кубанью и раіономъ, занятымъ Добровольческой Арміей, а также и по товаро-обмѣну и, какъ мнѣ кажется, это и есть главная побудительная причина ихъ пріѣзда, такъ какъ въ Грузіи острая нужда въ хлѣбѣ и фуражѣ.

Между прочимъ, грузинамъ еще ранѣе какимъ то путемъ, вѣроятно по сношенію съ кубанцами, удалось получить разрѣшеніе на вывозъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ муки или пшеницы и фуража, но когда этотъ грузъ слѣдовалъ съ Кубани черезъ Новороссійскъ, то онъ тамъ былъ задержанъ военнымъ губернаторомъ, полковникомъ Добровольческой Арміи, кажется, Кутеповымъ.

Вчера же было первое засѣданіе Грузинскаго посольства съ Верховнымъ Командованіемъ Добровольческой Арміи: генералами Алексѣевымъ, Драгомировымъ, Деникинымъ, Лукомскимъ и Романовскимъ — также участвовалъ Шульгинъ, а отъ Кубанскаго Правительства — Бычъ и одинъ Управляющій Отдѣломъ. Долженъ былъ быть на этомъ засѣданіи и Войсковой Атаманъ А. П. Филимоновъ, но онъ уѣхалъ еще 8-IX въ Ейскъ — оффиціально для осмотра порта — вообще по служебнымъ дѣламъ, а по другой версіи — онъ уѣхалъ просто на охоту съ хорошими знакомыми — вообще А. П. не особенно себя утруждаетъ работой и дѣлами, что можетъ отразиться невыгодно для него на предстоящихъ выборахъ на Радѣ Атамана.

Передъ его отъѣздомъ у него былъ роскошный вечеръ, на который и я получилъ приглашеніе, какъ лично—онъ заѣхалъ меня пригласить, —такъ и письменно, оффиціальнымъ письмомъ, въ 8 час. веч., на чашку чая, которая затянулась до 3-хъ часовъ ночи. Ровно въ 12 часовъ былъ поданъ прекрасный гастрономическій ужинъ съ массой изысканныхъ блюдъ — столъ былъ шикар-

но сервированъ, масса цвѣтовъ, фруктовъ и изобиліе винъ, ликеровъ и всякихъ прочихъ крѣпкихъ напитковъ. Вечеръ не носилъ характера офиціальнаго, хотя и было на вечерѣ не менѣе 24 персонъ — были ген. Драгомировъ, (Алексѣевъ отсутствовалъ по болѣзни), Деникинъ, Эрдели, Романовскій, Невадовскій—были и дамы, въ томъ числѣ и м-мъ Деникина. Но никого изъ членовъ Правительства — ни Быча, ни Рябовола. Весь вечеръ игралъ прекрасный оркестръ, пѣлъ чудный хоръ войсковыхъ пѣсенниковъ и казаками и мальчуганами-казачатами исполнялись танцы: казачокъ, гопакъ и неизмѣнная лезгинка. Былъ исполненъ и гимнъ Кубани, при исполненіи котораго не вставали.

Почему допускается Правительствомъ Грузинской Республики, не только неуваженіе, а возмутительное отношеніе вообще къ русскимъ и къ офицерамъ въ особенности? Этимъ грѣшитъ отнюдь не простой народъ, а Правленіе Круга и интеллигенція. Не задаются ли грузины цѣлью, совмѣстно съ нѣмцами, окружить враждебнымъ отношеніемъ къ Добровольческой Арміи?

На какомъ основаніи Грузія заняла часть Черноморской губерніи? Гегечкори всячески старается отвѣчать уклончивыми отвѣтами: такъ, напримѣръ, по поводу Черноморской губ. онъ началъ издалека не по вопросу, а съ воскуренія фиміама Добровольческой Арміи, что, дескать, доблестная героическая Добровольческая Армія, поставившая себѣ такую великую цѣль, освобожденіе отъ большевиковъ всей родины — Росссіи, и что, какъ понимаютъ они, грузины, всѣ помыслы, цѣли и желанія Добровольческой Арміи должны быть направлены туда—на сѣверъ, на Москву и Петроградъ, а не на такой (сравнительно съ поставленной цѣлью клочекъ) участокъ незначительный, какъ Черноморская губернія. Что грузины расчитывали этимъ оказать дружескую услугу (ловкій господинъ), занявъ и такимъ образомъ охраняя Черноморскую губернію. Что въ ихъ планы — теперяшняго состава Правительства—отнюдь не входитъ непріемлемое, а тѣмъ болѣе враждебное отношеніе къ Добровольческой Арміи и что если бы такая политика по отношеніи къ Добров. Арміи, да еще съ нѣмцами вмѣстѣ, была возможна или предполагалась, — онъ, Гегечкори, точасъ же, какъ и его коллеги, ушли бы изъ состава Правительства. Что никакого преслѣдованія русскихъ въ Грузіи не наблюдается.

По послѣднему отвѣту неудачное и довольно безтактное выступленіе сдѣлалъ Бычъ, заявившій, что ему извѣстно отъ возвращающихся кубанцевъ, что никто изъ кубанскихъ казаковъ никакимъ униженіямъ и стѣсненіямъ со стороны Грузіи не подвергался, за что онъ получилъ должную суровую отповѣдь, какъ и грузины, отъ генераловъ Добровольческой Арміи и особенно Драгомирова: что стоитъ только обратиться къ печати, которая переполнена указаніями на тяжелое положеніе русскихъ въ Грузіи.

Вѣроятно и Вы сами читали № 140 «Приазовскаго Края» отъ 7-IX въ отдѣлѣ: «Въ Грузіи», гдѣ узко націоналистическая политика Грузинскаго

Правительства вызываетъ рѣзкій протестъ среди общественныхъ круговъ Грузіи. Это даже возмутило самихъ грузинъ и извѣстный грузинскій журналистъ Левонъ Кипіани выступилъ въ «Кавказскомъ Словѣ», возмущаясь за отношеніе къ русскимъ. Простите опять я уклонился и отъ себя. Вообще на этомъ засѣданіи Верховное Командованіе Добровольческой Арміи держало себя съ большимъ достоинствомъ — и въ заключеніе ген. Алексѣевъ твердо заявилъ, чтобы въ слѣдующее, т.е. въ сегодняшнее засѣданіе, онъ требуетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и чтобы грузинскіе представители явились бы съ картой въ рукахъ, въ которой точно обозначили свои границы, и что Добровольческая Арміяне допускаетъ никакого посягательства на территорію Русскаго государства, иначе они не получатъ ничего. О послѣдующихъ засѣданіяхъ напишу, быть можетъ удастся достать копію протокола засѣданій, хотя, если это и не удастся, то, во всякомъ случаѣ, съ общей картиной переговоровъ, я надѣюсь быть освѣдомленнымъ. Что касается Шведской миссіи, то она, проживая здѣсь съ 23-VIII — оффиціально по вопросу объ обмѣнѣ плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ — состоитъ изъ двухъ лицъ и двухъ лакеевъ при нихъ. Всѣ говорятъ хорошо по-русски. Одинъ изъ нихъ — старшій, даже прекрасно говоритъ — очень милый, необыкновенно общительный и живой, съ выправкой прекраснаго строевого офицера — нѣсколько фамильярный и назойливый а ла штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, но въ болѣе утонченномъ, европейскомъ стилѣ, — веселый собесѣдникъ и большой любитель выпить — однимъ словомъ, «компанейскій человѣкъ».

Меня беретъ сомнѣніе: живутъ они съ 23-VIII, выполняя такую простую миссію благородную (какъ забота) и обмѣнъ плѣнныхъ, а все-таки позаботились привезти съ собою достаточное количество напитковъ, въ особенности прекраснаго шампанскаго, которымъ они очень радушно и щедро угощаютъ тѣхъ — кто имъ можетъ быть полезнымъ.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Вашъ покорный слуга В. Ажиновъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д. ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 14 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

АТАМАНЪ
Зимовой станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Донского
при Кубанскомъ Правительствѣ
№ 11.
14 Сентября 1919 года.
г. Екатеринодаръ.
Графская ул. № 28.

..... Вчерашнее засѣданіе, какъ и нужно ожидать, закончилось разрывомъ, т.е., къ прекращенію переговоровъ. На категорическое требованіе Добровольческой Арміи о немедленномъ очищеніи Сочинскаго и Гагрскаго округовъ, занятыхъ грузинами — г. Гегечкори давалъ уклончивые отвѣты, что они занимаютъ временно, что они этимъ помогаютъ Добр. Арміи, что тамъ 20 проц. грузинъ; — на это ему было указано, что русскихъ мин. 34 проц. — да и другія населяющія эти округи народности тяготѣютъ къ русскимъ. И такъ какъ грузинами опредѣленнаго отвѣта на согласіе ихъ очистить Сочи и Гагры не давалось, а они пытались найти другіе пути соглашенія и перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ, то ген. Деникинъ твердо заявилъ, что здѣсь всѣ они—народъ очень занятой и тратить время на разговоры и дебаты, неприводящіе къ положительнымъ и практическимъ результатамъ — не представляется возможности, и конечно, не можетъ быть уже и обсужденія о разрѣшеніи вывоза хлѣба и продуктовъ съ Кубани и раіона занятаго Доб. Арміей. И засѣданіе было прервано, несмотря на попытки грузинъ дебатировать по другимъ вопросамъ.

А сегодня, когда я заходилъ къ ген. Деникину, живущему вмѣстѣ съ ген. Алексѣевымъ — я столкнулся съ выходящимъ, повидимому отъ ген. Алексѣева, Гегечкори и, судя по тому, что посольство не собирается уѣзжать, надо полагать, что грузины пойдутъ на уступку Добр. Арміи...

В. Ажиновъ.

V.

КАЗАЧЕСТВО

ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 Г.

Въ концѣ ноября 1917 года, я получилъ предписаніе отъ Войскового Штаба Донской Области отправиться на пограничныя станціи желѣзныхъ дорогъ Донской области, по ея западной границѣ, провѣрить готовность назначенныхъ туда подрывныхъ командъ и знаніе чинами командъ своихъ обязанностей. Въ задачу командъ входила порча жел.-дор. пути при приближеніи большевиковъ. Мосты и станціонныя сооруженія порчѣ не подлежали.

Въ первую очередь была провѣрена команда на ст. *Чертково.* Здѣсь находилось четыре офицера, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи два чемодана отъ кавалерійскаго вьюка съ толомъ, въ количествѣ ок. 2 пудовъ, вполнѣ достаточномъ для основательной порчи пути. Они, видимо, были не вполнѣ увѣрены въ возможности успѣшно выполнить возложенную на нихъ задачу, такъ какъ уже тогда высказывались ими предположенія, что казаки 35 полка, на *ст. Милерово,* не позволятъ имъ своевременно взорвать путь. Кромѣ того, не было у офицеровъ увѣренности въ своихъ знаніяхъ въ подрывномъ дѣлѣ; отсутствовала правильная развѣдка и большевики могли появиться совершенно неожиданно, не давъ разрушить путь. Сдѣлавъ указанія какъ и что взрывать и какъ наладить развѣдку, я отправился на *ст. Колпаково* (линія Звѣрево-Дебальцево). Здѣсь я не могъ найти подрывного поста, несмотря на всѣ старанія. Комендантъ мнѣ заявилъ, что до сегодня подрывники были, но уѣхали.

Проѣзжая черезъ *Дебальцево* я былъ задержанъ красногвардейцами, налетѣвшими сюда и задержавшимися , какъ я узналъ на обратномъ пути, на одни сутки въ Дебальцево. Видимо, ихъ патруль, повѣрявшій въ поѣздѣ документы, былъ не опытнымъ, ибо мое революціонное удостовѣреніе (большевистское) отъ Штаба Петроградскаго Округа (гдѣ я, до пріѣзда на Донъ, служилъ)было достаточно для того, чтобы я показался патрулю вполнѣ благонадежнымъ для большевиковъ элементомъ, несмотря на то,что былъ въ офицерской формѣ.

На станціи *Ханженково* дѣло было въ надежныхъ рукахъ. Здѣсь командиромъ отряда, державшимъ мѣстныхъ большевиковъ въ страхѣ, былъ сотникъ Грековъ (впослѣдствіе «Бѣлый Дьяволъ»), наладившій охрану и

имѣвшій взрывчатое вещество для порчи пути. За нѣсколько дней до моего пріѣзда , по словамъ сотника Грекова, онъ съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ на *ст. Иловайскую*, гдѣ разогналъ мѣстный военно-революціонный комитетъ и отбилъ патроны, захваченные большевиками у стоявшей тамъ на охранѣ команды. Настроеніе у казаковъ отряда сотника Грекова на *ст. Ханженково* было , видимо, крайне взвинченное, они все время ждали появленія большевиковъ, во всемъ видѣли ихъ довлѣющую силу и были этимъ деморализованы. Напримѣръ, наканунѣ моего пріѣзда, патрульный казакъ убилъ выстрѣломъ изъ винтовки казака своего же отряда,бѣжавшаго ночью по станціонной платформѣ, принявъ его за большевика.

На обратномъ пути я проѣхалъ черезъ *г. Луганскъ* на станицу Луганскую.

Въ г. Луганскъ, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, прибыли большевики съ оружіемъ, желая, видимо, вооружить мѣстныхъ большевиковъ, но, какъ мнѣ разсказывали на станціи, сами были разоружены гайдамаками.

На полустанкѣ, передъ *станицей Луганской*, на первой остановкѣ при въѣздѣ въ Область, былъ тоже подрывной постъ. Разспросивъ коменданта станціи, я узналъ, что здѣсь находится офицеръ-подрывникъ со взрывчатымъ веществомъ, живетъ въ поселкѣ не далеко отъ станціи. Ни развѣдка, ни связь не налажены, да и при наличіи малаго числа чиновъ охранной команды и ненадежности ихъ, ничего нельзя было сдѣлать. Лично видѣть этого офицера мнѣ не удалось, да и незачѣмъ было, все равно съ имѣвшимися средствами нельзя было наладить дѣло.

Я спѣшилъ скорѣе назадъ, дабы представить соображенія объ организаціи болѣе серьезной подрывной обороны Области. Кстати замѣчу, въ то время взглядъ на характеръ борьбы былъ иной, мы не предполагали производить серьезныя разрушенія жел.-дор. сооруженій, а думали ограничиться лишь порчей самого пути.

Подрываніе рельсовъ не ведетъ къ долгому прекращенію движенія и вообще не представляетъ собой серьезной, трудно возстановимой порчи. Замѣнить подорванные рельсы дѣло нѣсколькихъ минутъ.

Правда,такому взгляду на дѣло способствовало то обстоятельство,что, на ряду съ начинавшимися военными дѣйствіями, продолжалось нормальное, для того времени, пассажирское и грузовое движеніе, прервать которое на продолжительное время не находили возможнымъ.

По всѣмъ станціямъ пригpаничной полосы, гдѣ мнѣ приходилось выходить изъ поѣзда, а въ особенности на узловыхъ, шла страшная большевистская агитація, разсказывали о большевистскихъ побѣдахъ, о взятіи ростовскими большевиками Новочеркасска и пр. Все это жадно схватыва-

лось слушателями и разносилось ими дальше, безсознательно играя въ руку большевикамъ.

Происходило же это отъ полнаго отсутствія контръ-агитаціи и газетъ изъ Новочеркасска.

Вернувшись изъ командировки (въ началѣ декабря, числа 2-5) я подалъ предположенія объ организаціи подрывной обороны области.

Оборона предполагалась двухъ родовъ:

1. *Пассивная* — съ минированіемъ ж.-д. пути въ предѣлахъ Области большими (до 5 пудовъ) сближенными зарядами и со взрывомъ ихъ электрическимъ токомъ, по наблюденію, съ агентурной и военной развѣдкой, высланной въ сторону появленія большевиковъ.

2. *Активная* — съ формированіемъ подрывныхъ поѣздовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ подрывнымъ имуществомъ и жел.-дор. инструментомъ, а такъ же накатными (подъ уклонъ) платформами, съ большими (до 30 пудовъ) зарядами взрывчатаго вещества и ударными приспособленіями, дѣйствовавшими при столкновеніи съ поѣздомъ противника. Личный составъ поѣзда и обурудованіе его должны были позволить дѣлать набѣги, если не всѣмъ поѣздомъ, то специально выдѣленными для этого командами, въ раіоны занятые большевиками.

Минировать путь предполагалось у всѣхъ приграничныхъ жел.-дор. станцій по всей границѣ Области.

Поѣзда же (всего пять) должны были обслуживать линіи:

1-й *Алексиково-Царицынъ*,

2-й *Великокняжеская - Царицынъ*,

3-й *Жел. дороги Макѣевскаго угольнаго раіона*,

4-й и 5-й *Лихая -Чертково*, *Лихая-Царицынъ*, *Звѣрево-Дебальцево* и *Звѣрево-Родаково*.

Отсутствіе личнаго состава и взрывчатаго вещества въ должной мѣрѣ, не дало возможности выполнить планъ обороны.

Было приступлено къ формированію перваго подрывного поѣзда, который и былъ сформированъ въ серединѣ декабря 1917 года подъ командой поручика инженерныхъ войскъ Ермолаева и съ командой изъ юнкеровъ и добровольцевъ отъ Добровольческой Арміи (тогда еще, кажется, Союза офицеровъ).

Поѣздъ имѣлъ запасъ жел.-дор. инструмента, 50 пудовъ динамита, подрывные электрическіе провода, аккумуляторныя батареи, приборы для испытанія проводовъ и запаловъ и проч. подрывное имущество. Состоялъ поѣздъ изъ вагона 2 класса для команды, теплушки-кухни, вагона-склада для инструмента и подрывного имущества и вагона-склада для динамита.

Отправленный на *ст. Каменскую* въ распоряженіе генерала Назарова

Къ статьѣ полк. В. Модраха:

«ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 ГОДУ».

юѣздъ вскорѣ былъ вызванъ оттуда на Таганрогскій фронтъ къ *Матвѣеву Кургану*, гдѣ, произведя нѣсколько взрывовъ, погибъ при отступленіи отряда полковника Кутепова, нарвавшись на разобранный путь. Со словъ ючевидцевъ, видимо отъ сотрясенія, при сходѣ съ рельсовъ, произошло восламененіе динамита (можетъ быть, отъ сильнаго удара или какой иной причины) и поѣздъ былъ уничтоженъ. Съ нимъ погибъ поручикъ Ермолаевъ и вся команда.

Динамита, по моимъ расчетамъ, должно было остаться около 30 пудовъ, количество вполнѣ достаточное для полнаго разрушенія всѣхъ четырехъ вагоновъ.

Вскорѣ послѣ сформированія перваго поѣзда, долженъ былъ быть готовъ и второй. Командиромъ поѣзда былъ назначенъ ротмистръ Гессель, нынѣ полковникъ Добровольческой Арміи. Команда была имъ подобрана. Отказъ со стороны Н-ка Военныхъ Сообщеній дать вагоны для поѣзда, за неимѣніемъ ихъ, и отсутствіе взрывчатаго вещества, задержали формированіе поѣзда, а использованіе людей Добровольческой Арміей для своихъ формированій, совершенно прекратили попытки продолжать формировать поѣзда дальше.

Инженерныхъ Войскъ
Полковникъ В. Модрахъ.

7 февраля 1919 г.

г. Новочеркасскъ.

ДВѢ НЕДѢЛИ СОБЫТІЙ НА ДОНУ.

Изъ дневника неизвѣстнаго офицера *)

Ростовъ на Дону.
Ноябрь, 21-го числа 1917 года.

Дорогой другъ, Александръ Федоровичъ! Совершающіяся на нашихъ глазахъ событія столь разнообразны, столь быстро слѣдуютъ одни за другими, что все казавшееся еще вчера важнымъ и зловѣщимъ — сегодня забывается и вытѣсняется изъ памяти болѣе свѣжимъ. Чтобы не сбиться и не смѣшивать одно съ другимъ — надо записывать, что и собираюсь дѣлать, не зная, будетъ ли эта запись отправлена или нѣтъ...

21-го, т. е. сегодня, прибыли въ Таганрогъ два транспорта съ черноморскими моряками, направляющимися къ намъ, въ Ростовъ, на помощь нашимъ большевикамъ; сегодня же они погрузили уголь и хотѣли выйти сюда — вышли или нѣтъ, я еще не знаю. По слухамъ, въ гирлахъ приготовлены баржи, для затопленія въ фарватерѣ, съ цѣлью преградить проходъ этимъ транспортамъ.

19-20-го, большевики реквизировали здѣсь у частныхъ лицъ автомобили, въ предупрежденіе захвата ихъ Войсковымъ Правительствомъ; набрали штукъ 12 – между прочимъ, взяли у богача Ахвердова роскошный лимузинъ; сегодня они разъѣзжали на нихъ, вооруженные съ ногъ до головы. Войсковое Правительство ограничивается пока наблюденіемъ. Предполагалось здѣсь сегодня и вооруженное выступленіе, но день прошелъ спокойно.

Вчера, въ Новочеркасскѣ, Войсковое Правительство обезоружило безъ выстрѣла весь пѣхотный гарнизонъ – два полка: взято много патроновъ и винтовокъ — по однимъ свѣдѣніямъ 10, по другимъ 17 тысячъ, какихъ системъ –неизвѣстно, но, вѣрнѣе, разныхъ. Такимъ образомъ у казачества тылъ обезпеченъ и можно надѣяться, что здѣсь будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

Командуетъ здѣсь всѣми казачьими силами молодой генералъ Потоцкій.

---

*) Листки этого дневника были мною найдены на вокзалѣ г. Ростова — въ день занятія города войсками ген. Каледина.

Сейчасъ пронесся слухъ, что будто бы двѣ роты изъ Ростова заняли Батайскъ и не пускаютъ молочницъ — посланной туда казачьей части они объявили, что уступятъ только силѣ оружія.

Чуть не позабылъ: вчера 20-го, съ утра, наши солдаты разобрали на протяженіи 200-300 саж. желѣзнодорожный путь въ направленіи къ Новочеркасску, около Таганрогскаго проспекта, почему и не было цѣлый день поѣздовъ; подъ охраной казаковъ пути были исправлены и въ 6 час. вечера отсюда были отправлены первые поѣзда.

Это, такъ сказать, наши мѣстныя новости — общія же, всероссійскія, таковы: захватъ Ставки матросами Крыленки, убійство ген. Духонина, уходъ Корнилова съ товарищами по аресту и съ 4-мя сотнями текинцевъ изъ Быхова.

Навѣрное многіе молятся, чтобы ему удалось благополучно добраться къ намъ.

22 ноября.

Грозовыя тучи на нашъ Тихій Донъ собираются со всѣхъ сторонъ. Сегодня въ 16 часовъ оба транспорта съ матросней вышли изъ Таганрога, держа курсъ на Ростовъ. Войсковой Атаманъ приказалъ, если попытаются высадиться вооруженными, стрѣлять.

На насъ же идетъ пѣхотный гарнизонъ Астрахани, который былъ обезоруженъ мѣстными казаками еще въ началѣ большевистской авантюры, но теперь вновь откуда то добылъ оружіе; идутъ черезъ Царицынъ.

Наконецъ, Ленинъ отправилъ изъ Петрограда нѣсколько эшелоновъ кронштадскихъ моряковъ съ карательными цѣлями на Донъ — они находятся въ пути уже дней 10-14, но гдѣ болтаются — неизвѣстно...

Я думаю — чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Тѣмъ не менѣе на Дону Войсковое Правительство пустило поголовный «сполохъ».

Это значитъ собираютъ стариковъ, чтобы они воздѣйствовали на казачью молодежь, которая заражается большевизмомъ. Поживемъ увидимъ. Сегодня имѣются пока слѣдующія непровѣренные слухи, дошедшіе по проволокамъ*): близъ ст. Жлобинъ былъ бой между матросами, посланными для поимки Корнилова (не тѣми ли, что были посланы противъ Дона, но съ пути получившими другое назначеніе) и вѣрнымъ ему ударнымъ батальономъ. Матроснѣ, будто-бы, здорово насыпали.

Второе: будто бы, нѣмцами объявлены слѣдующія условія для перемирія: 1) Нашъ фронтъ отодвинуть на 100 верстъ, 2) Удалить генераловъ, неугодныхъ нѣмцамъ, замѣнивъ ихъ другими, которыхъ они, нѣмцы, ука-

*) Обычное явленіе во время гражд. войны, являющееся результатомъ частныхъ переговоровъ телеграфныхъ чиновниковъ сосѣднихъ станцій.

жутъ (не германской ли службы?) и 3) Для выработки мирныхъ условiй никакихъ уполномоченныхъ отъ насъ не требуется, такъ какъ эти условiя будутъ диктоваться нѣмцами!

Vae victis! Что-то скажутъ на это г. г. Ленинъ, Бронштейнъ и вся эта компанiя!?

Въ публикѣ паника: вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ усиленно выбираются, приходныя кассы въ казначействахъ и государственныхъ банкахъ сидятъ безъ дѣла — притока нѣтъ ни откуда, расходныя же кассы работаютъ во всю. Завтра изсякнетъ запасъ денежныхъ знаковъ. Войсковое Правительство готовитъ свои боны, но когда то выйдутъ они?...

Ко всѣмъ существующимъ голодамъ: сахарному, угольному, керосиновому, мануфактурному, обувному и другимъ, — прибавился еще одинъ: денежный! «Бывали хуже времена, но не было подлѣй!»

Знаете ли какъ называется въ просторѣчiи Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, желающiй управлять Россiей: «ЦЕНТРОХАМЪ».

23 ноября.

Сегодня въ три часа дня прибыли сюда, вооруженные пушками и пулеметами, три транспорта съ черноморскими моряками — по сто человѣкъ на каждомъ. Оказывается—затопленiю баржъ въ фарватерѣ воспротивился начальникъ порта. На транспортахъ комиссаръ флота — iудейскаго типа. Отшвартовались около «Колхиды», вблизи мореходнаго училища, на которое немедленно навели свои орудiя (семь); пока агрессивныхъ дѣйствiй съ ихъ стороны не было.

Не легче и съ другой стороны: «Викжель» сдѣлалъ распоряженiе о пропускѣ блиндированнаго поѣзда съ балтiйскими моряками изъ Харькова на Ростовъ — ожидается завтра...

Странно то, что сегодня на совѣщанiи членовъ военно-революцiоннаго комитета съ генераломъ Потоцкимъ, они заявили, что «Центрохама» они не признаютъ — что же именно они признаютъ, осталось невыясненнымъ.

24 ноября.

Вчера состоялось соглашенiе между Войсковымъ Правительствомъ и С. С. и Р. Д., по которому послѣднiй согласился возвратить реквизированные автомобили. Когда же одинъ изъ пострадавшихъ владѣльцевъ отправился за своимъ автомобилемъ, то ему заявили, что они исполнять обязательства соглашенiя не намѣрены. Такимъ образомъ, положенiе безъ перемѣнъ.

Казаки и большевики другъ друга пугаютъ, но, очевидно, — другъ друга боятся.

Сегодня получили извѣстiе, что ваша дивизiя назначается въ Донецкiй бассейнъ, на охрану рудниковъ. Буду ждать прiятныхъ извѣстiй отъ васъ.

25 ноября.

Событій здѣсь никакихъ и пока все спокойно. Черноморскіе моряки пришли сюда какъ будто бы для того, чтобы быть подальше отъ орудій Гебена и Бреслау. Сегодня они послали въ свой комитетъ телеграмму съ жалобой на Каледина, который разоружаетъ пѣхоту, красную гвардію и непокорныя казачьи части.

Подобные приказы дѣйствительно выпущены, но срока для сдачи оружія не назначено!...

Потоцкій объявилъ сегодня, что Ростовъ съ 22-го находится въ состояніи гражданской войны.

1-го декабря.

Цѣлую недѣлю не записывалъ — не до того было... А событія произошли вотъ какія: раньше телеграфъ охранялся казачьимъ карауломъ. 23 ноября была поставлена общая охрана: 12 казаковъ и столько же солдатъ большевиковъ. Въ ночь на 26 ноября, по распоряженію Потоцкаго, была сдѣлана попытка арестовать депутатовъ С. С. и Р. Д., засѣдавшихъ въ Марсѣ. Совѣтъ оказалъ сопротивленіе и въ перестрѣлкѣ были убиты: штабсъ-капитанъ, участвовавшій добровольцемъ въ отрядѣ казаковъ, и нѣсколько большевиковъ—въ томъ числѣ членъ Совѣта, нѣкто Кунда. Арестъ не удался, вслѣдствіе слабости казачьяго отряда.

Цѣлый день, 26-го ноября, по городу шла безтолковая стрѣльба изъ винтовокъ и револьверовъ, стрѣляли также орудія транспортовъ, по слухамъ — по Александровской станицѣ.

Около солдатскихъ бараковъ, на границѣ, построены окопы и проволочныя загражденія.

Объявленъ приказъ Каледина о разоруженіи и роспускѣ по домамъ пѣхотнаго гарнизона 252 и 255 пѣх. полковъ.

27-го началось наступленіе Каледина отъ Александровской станицы; цѣлый день гремѣлъ бой на границѣ Нахичевани; участвовали и орудія транспортовъ.

Теперь уже выяснилось, что наступали — офицерскій и юнкерскій батальоны — казаки шли неохотно и иногда совсѣмъ отказывались.

У большевиковъ принимали участіе въ бою матросы, единичные солдаты и красная с...ь.

Бой шелъ также возлѣ вокзала, гдѣ стоялъ Потоцкій со своимъ штабомъ и сотней казаковъ.

Пѣхотный гарнизонъ оказался, за все время, первый разъ послушнымъ: солдаты кучками, съ котомками и сундуками, но безъ оружія тянулись по Сѣнной, Пушкинской и Б. Садовой на вокзалъ. Телефонъ, телеграфъ и пути желѣзной дороги на Новочеркасскъ повреждены; по ночамъ грабежи

и убійства. Жители съорганизовываются въ домовые комитеты для самоохраны; всѣ, иногда женщины, отбываютъ часы караульной службы.

28-го утромъ вокзалъ сдался большевикамъ; Потоцкій со штабомъ попалъ въ плѣнъ и отправленъ на «Колхиду», гдѣ находится штабъ революціонныхъ войскъ; подъ Нахичеванью бой продолжается.

На телеграфѣ казачья охрана обезоружена и распущена, телеграфъ занятъ большевиками и такъ какъ контроль за телеграммами не установленъ, то работа не прерывается.

29-го сраженіе продолжается: хулиганская команда являлась трижды съ приказомъ штаба красногвардейцевъ объ арестѣ начальника телеграфной конторы Алешинскаго, но чины, угрожая забастовкой, отстояли его. Тѣмъ не менѣе, чтобы не подвергаться дальнѣйшимъ насиліямъ, Алешинскій скрылся.

Большевики заняли также наше новоустроенное радіо.

30-го ноября сраженіе продолжается. Въ Думѣ объявлено требованіе Каледина о безусловной сдачѣ большевиковъ и красногвардейцевъ, разоруженіи ихъ и объ уходѣ транспортовъ. Со стороны наступленія Каледина слышна сильная орудійная стрѣльба.

Рѣзкая перемѣна въ настроеніи казаковъ — остатки гарнизона объявили нейтралитетъ. Явившейся къ Каледину депутаціи отъ Городской Думы, имъ было сказано: «безусловная сдача, или завтра въ 2 часа мои казаки будутъ въ Ростовѣ. Стратегическое окруженіе закончено».

Начались бои у Олимпіадовки.

2 декабря.

Въ часъ ночи арестованъ Зеелеръ. Началось энергичное наступленіе казаковъ со всѣхъ сторонъ и, въ 2 часа дня, казаки уже были на Сѣнной площади Ростова. Къ 4 часамъ бой окончился: Ростовъ и Нахичевань были во власти Каледина. «Колхида» и транспорты ушли за желѣзнодорожный мостъ. Красные и остальной сбродъ обезоруживаются.

3 декабря.

Ночью «Колхида» брошена командою—остались 8 матросовъ украинцевъ, генералъ Потоцкій, Зеелеръ и 10 офицеровъ, которые утромъ освобождены. Транспорты, воспользовавшись густымъ туманомъ, удрали въ Таганрогъ, гдѣ стараются поднять чернь по ростовскому образцу. Здѣсь продолжается разоруженіе разнаго сброда.

4 декабря.

Пронесся слухъ будто бы казачій разъѣздъ задержалъ Сырцова, къ сожалѣнію, слухъ этотъ не подтвердился...

. . . . ?

VI.

СЛАВЯНЕ – БОЛЬШЕВИЗМЪ – БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ

›Ъ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ЛЕГІОНАМИ ОТЪ ВОЛГИ ДО ТИХАГО ОКЕАНА.

«...Люби Правду, храни Правду, стой за Правду ажъ до смерти»...
(*Слова Яна Гуса на его памятникѣ, на Староместской площади въ Прагѣ Чешской*).

Съ особымъ чувствомъ я приступаю къ этимъ строкамъ и прошу у Бога ıомощи, дабы Онъ далъ мнѣ возможность, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, какь ıожно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестись ко всему пережитому, о ко- ʼоромъ я, здѣсь, поведу свое повѣствованіе.

Не въ судъ или въ осужденіе кого либо пишу я эти строки, не изъ жела- ıія возбудить чье либо любопытство, и не въ расчетѣ на дешевую сенсацію приступаю я къ этому труду, а по чувству долга, какъ патріотъ своей Стра- ıалицы-Родины, и какъ человѣкъ, исполненный братскихъ славянскихъ чувствъ къ Чешскому Народу, гостепріимствомъ котораго я, волей или не- золей, пользовался, и которымъ пользуются еще и сейчасъ многіе русскіе люди, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, профессора и писатели.

Быть можетъ эти строки вызовутъ малодушное волненіе среди Пражской русской колоніи, но волненіе это, я, лично, счелъ бы излишнимъ, такъ какъ я не намѣренъ сводить съ кѣмъ либо личные счеты. Я лишь соби- раюсь, по возможности объективнѣе, бросить взглядъ на недавнее прошлое, которое насъ непосредственно касается и на событія, свидѣтелемъ и участ- никомъ которыхъ я былъ съ момента прихода Чехословацкихъ легіонов въ Казань, и дальше, по Сибирской магистрали, до береговъ Тихаго океана.

При этомъ я долженъ оговориться, что всѣ тѣ немногіе документы, которыми я располагаю — документы совершенно случайно у меня задер- жавшіеся, ибо будучи весьма дружески настроенъ къ братьямъ чехамъ и, относясь къ нимъ искренне и по братски, я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ собирать противъ нихъ какіе либо документы. Да и то, что я имѣю, сохрани- ıось лишь какимъ то чудомъ, тѣмъ болѣе, что въ Чехословакіи я жилъ

подъ постоянной угрозой обыска, при чемъ послѣдній и былъ, наконецъ, произведенъ у меня 10 марта 1924 года.*)

I.

Для того, чтобы читателямъ были яснѣе мои взаимоотношенія съ Чехословацкими легіонерами, я вынужденъ начать именно съ описанія этихъ взаимоотношеній и съ того времени, когда, наконецъ, исполнилось мое завѣтное желаніе — увидѣть настоящихъ сыновей моего любимаго чешскаго героя Яна Гуса. Образъ этого славянскаго мученика не разъ вставалъ передо мной въ ореолѣ своихъ страданій за Чешскій народъ, за его Вѣру и Свободу. И вотъ, будучи эвакуированъ изъ Дѣйствующей Арміи въ Кіевъ, въ 1915 году я, подъ вліяніемъ празднества въ память пятисотлѣтней годовщины со дня мученической кончины Яна Гуса, рѣшилъ посвятить ему свои строфы въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ драматическихъ картинахъ, которыя впослѣдствіи были передѣланы мною въ 5-ти актную пьесу, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора слависта Казанскаго Университета Н. М. Петровскаго (скончавшагося потомъ отъ голоднаго тифа).

Первая встрѣча съ чехословацкими легіонерами произошла въ то время, когда моя драма «Янъ Гусъ» уже освободилась отъ цензурнаго запрета, а я самъ, какъ и всѣ русскіе люди, — находился въ тяжеломъ положеніи — подъ властью большевиковъ и, конечно, вмѣстѣ съ родной Казанью и всѣмъ Поволжьемъ, радовался успѣхамъ Чехословацкихъ легіоновъ, идущихъ на помощь своей старшей славянской сестрѣ—Россіи, еще такъ недавно освободившей — однихъ славянъ о т ъ т ы с я ч е л ѣ т н я г о ч у ж е с т р а н н а г о и г а, другихъ о т ъ у г р о з ы п о р а б о щ е н і я.

Въ это время, я уже былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ представителями мѣстной чешской колоніи, главнымъ образомъ, съ соколами, посѣтившими первое чтеніе моей драмы «Янъ Гусъ» артистами мѣстнаго театра, — въ стѣнахъ родного мнѣ Казанскаго университета. Въ то же время, артистами того же театра была прочитана и другая моя историческая пьеса «Ливонскіе рыцари» («Меченосцы»), которая, еще будучи поэмой, была просмотрѣна и одобрена моимъ учителемъ по творчеству, поэтомъ К. Р., многочисленныя письма котораго за десятилѣтній періодъ я сохранилъ и до сего времени, какъ драгоцѣннѣйшую память объ этомъ свѣтломъ человѣкѣ и поэтѣ.

*) Несмотря на тщательные поиски комиссаровъ тайной полиціи — обыскъ былъ безрезультатнымъ. На мой недоумѣнный вопросъ — о причинѣ обыска, полицейскіе сыщики отвѣтили мнѣ буквально слѣдующее — что я подозрѣваюсь въ черченіи этнографической карты Карпатской Руси, на предметъ отдѣленія ея отъ Чехословацкой Республики. При чемъ я, будто бы, дѣлаю это не одинъ, а вмѣстѣ съ Ив. Заикинымъ (извѣстный борецъ-волжанинъ, обладающій природнымъ умомъ, но, вслѣдствіе, малограмотности, съ трудомъ подписывающій свое имя!).

Чтеніе этихъ произведеній, проникнутыхъ любовью къ Родинѣ и Славянству и при этомъ — чтеніе публичное, было однимъ изъ способовъ моей дѣйственной борьбы съ большевиками*), и устраивая эти чтенія, какъ разъ почти наканунѣ занятія Казани чехами, я, конечно, рисковалъ не малымъ...

Какъ сейчасъ я вижу картину занятія Казани Чехословацкими легіонерами. Съ какимъ восторгомъ все населеніе города Казани, отъ мала до велика, встрѣчало своихъ избавителей — братьевъ Чехословаковъ, Сербовъ и отрядъ Русской Народной Арміи, пришедшихъ съ бѣлыми повязками на рукавѣ!

Съ какой поспѣшностью, равной паникѣ, бѣжали коммунисты изъ Казани въ разныя стороны — неуспѣвшіе убѣжать бросали оружіе, падали на колѣни, плакали, просили пощады!..

Во главѣ всего Волжскаго фронта стоялъ, здравствующій и по нынѣ, начальникъ военной канцеляріи Чехословацкаго Президента Т. Г. Масарика, — генералъ Чечекъ.

Во главѣ 1-го Чешскаго стрѣлковаго имени Яна Гуса полка, стоялъ доблестный командиръ, въ то время только поручикъ, а потомъ полковникъ Швецъ, храбрый и честный воинъ, любившій Россію горячей неподкупной любовью, рвавшійся освободить ее отъ большевистскихъ путъ.

Во главѣ Сербскаго отряда стоялъ доблестный воевода Благотичъ, вскорѣ погибшій смертью храбрыхъ за Россію, Сербію и все Славянство, въ неравныхъ бояхъ подъ городомъ Свіяжскомъ. Какъ сейчасъ вижу его гробъ на лафетѣ, буквально утопавшій въ цвѣтахъ, славянскихъ лентахъ и многочисленныхъ вѣнкахъ — это провожали на мѣсто вѣчнаго упокоенія героя-славянина, помнившаго свой долгъ и оставшагося вѣрнымъ до конца матери Россіи.

Русскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Степановъ; сюда же входилъ и только что созданный добровольческій отрядъ доблестнаго героя Каппеля.

Все это движеніе возглавлялось Комитетомъ Учредительнаго Собранія, съ помощникомъ военнаго министра эсъ-эромъ Лебедевымъ и эсъ-эрами — Фортунатовымъ, Брушвитомъ и другими.

Еще за долго до выступленія чеховъ, къ намъ, на берега Волги, летѣли вѣсти о чемъ то важномъ, о какомъ то торжественномъ событіи... И когда это совершилось, то почувствовалось, что наступилъ, дѣйствительно, торжественный моментъ, впослѣдствіи выдвинувшій много и героическихъ и предательскихъ именъ — именъ запечатлѣнныхъ исторіей. Эти имена передавались въ то время изъ устъ въ уста и, какъ эхо,

---

*) Такъ же открыто я боролся, когда редактировалъ журналъ «Къ Свѣту» — органъ Казанскаго Губернскаго Союза Увѣчныхъ Воиновъ, недопуская печатать ни большевистскихъ декретовъ, ни статей.

отзывались по всей Россіи, и волновали сердца обывателя, жаждавшаго прихода избавителей отъ коммунистическаго ига. Но что они несли Русскому Народу — не было извѣстно...

А слухи шли, набѣгали, разростались и, наконецъ, свершилось!

Была взята Самара, затѣмъ Симбирскъ — настала очередь и Казани. Волненіе среди населенія усилилось: одни говорили, что подошли бандиты, другіе отвѣчали, что идутъ освободители, несущіе законъ, порядокъ и хлѣбъ...

Но вотъ стихла орудійная и ружейная стрѣльба — вошли избавители... Жизнь казанцевъ начала выпрямляться, какъ выпрямляется цвѣтокъ изъ подъ давившаго его камня; лица гражданъ до того хмурыя, забитыя — повеселѣли и опять затрепетала, какъ выпущенная на свободу птица, повседневная жизнь.

Къ сожалѣнію,это состояніе длилось недолго — былъ упущенъ важный моментъ закрѣпленія взятыхъ позицій. Вмѣсто этого — начались безконечные митинги, всевозможныя собранія, засѣданія, резолюціи, голосованія и все то, что, въ концѣ концовъ, явилось одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудачъ въ борьбѣ съ большевиками. — Чувствовалась безсистемность, неумѣстная нервозность, суетливость... Все это остановило порывъ, движеніе впередъ, а самое главное, не былъ захваченъ желѣзнодорожный мостъ у Казани, дабы пресѣчь накапливаніе большевистскихъ силъ.

А между тѣмъ опять начались бои; большевики, бѣжавшіе вначалѣ безъ оглядки при одномъ имени «чехи», понемногу оправились, ибо первый ударъ, который былъ настолько ошеломляющимъ своей неожиданностью, что, при условіи дальнѣйшаго его развитія, чешскіе, сербскіе отряды и русская добровольческая Народная Армія могли бы, чуть ли не на плечахъ бѣгущихъ коммунистовъ, выйти на Московскую дорогу и покрыть себя неувядаемой славой — этотъ первый ударъ не былъ своевременно развитъ и это не случилось по многимъ причинамъ.

Я, лично, считаю эти причины слѣдующими: 1) отсутствіе опредѣленнаго заданія у руководителей движенія, 2) полная неспособность поставить дѣло не на митинговую, а на серьезную, чисто военную почву, 3) не было дано населенію дѣйствительной увѣренности въ правотѣ этого дѣла изъ за безконечной расплывчатости лозунговъ, провозглашаемыхъ на митингахъ и въ воззваніяхъ, 4) отсутствіе единой руководящей авторитетной воли у главнокомандованія, такъ какъ генералъ Чечекъ не былъ популяренъ среди русскаго населенія и отрядовъ, а, слѣдовательно, и не имѣлъ достаточнаго авторитета, 5) открытый вывозъ золотого запаса изъ кладовыхъ государственнаго казначейства и переводъ его въ депозитъ эсъ-эровскаго «Комуча». Послѣднее послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ пропаганды большевиковъ, во множествѣ оставшихся въ Казани, вслѣдствіе

опять таки не достаточнаго устройства административнаго аппарата и непріятія соотвѣтствующихъ мѣръ, какъ для борьбы съ этими элементами, такъ и для борьбы съ ихъ пропагандой.

Большевики распространяли слухи, что чехи и эсъ-эры пришли не для освобожденія Казани, а для вывоза русскаго народнаго достоянія — русскаго золота, и что они это продѣлаютъ и въ другихъ городахъ. Эта пропаганда возымѣла свое дѣйствіе и въ сильной мѣрѣ воспрепятствовала дальнѣйшему притоку добровольцевъ.

Такъ какъ ни уговариванія, ни воззванія, ни митинги не помогали, то въ отношеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія были приняты крутыя мѣры — вплоть до насильственной мобилизаціи крестьянъ съ угрозами разстрѣла дезертировъ.

Но населеніе въ своей массѣ оставалось глубоко равнодушнымъ къ различнаго рода «демократическимъ» призывамъ, ибо оно уже одинъ разъ больно обожглось на этихъ лозунгахъ; и дѣйствительно, сулили ему и красный рай, и братство, и равенство, и свободу, и землю, и волю, а вмѣсто этого они получили цѣпи рабства и неслыханный гнетъ III Интернаціонала. Очевидно, крестьяне и рабочіе, помнили пословицу: «извѣрившись въ рублѣ, не повѣрятъ и въ иглѣ» и оставаясь безразличными, думали свою думу, тяжелую, непроницаемую...

II.

А бои подъ Казанью развивались, становились упорнѣе, ожесточеннѣе, силы большевиковъ увеличивались, а наши слабѣли. Появились убитые и раненые — много раненыхъ. Общеславянская кровь какъ бы вѣнчала великій подвигъ четырехъ братскихъ славянскихъ народовъ: русскихъ, сербовъ, чеховъ и словаковъ. Единственный разъ за все время борьбы эта кровь братскаго единенія славянскихъ народовъ являлась яркимъ символическимъ лучемъ въ наступившей затѣмъ тьмѣ деморализаціи, охватившей Чехословацкіе легіоны, когда они, послѣ героическихъ подвиговъ, покатились отъ береговъ Волги назадъ и когда, на всѣ просьбы о помощи, ихъ «вожди» со спокойствіемъ, граничащимъ съ цинизмомъ, отвѣчали: «Мы не вмѣшиваемся въ русскія дѣла, наша политика — рельсы». (Т.Г. Масарикъ).

Но еще не было произнесено этихъ предательскихъ словъ, еще на чехахъ и словакахъ почивалъ великій духъ героевъ Зборова и Бахмача, и они еще дрались какъ соколы, мужественно отбиваясь отъ чернаго воронья — интернаціональныхъ силъ, среди которыхъ было не мало мадьяръ, латышей, австрійцевъ и нѣмцевъ, переодѣтыхъ въ красноармейскую форму и организованныхъ въ особые отряды въ мѣстахъ нахожденія бывшихъ австрійскихъ и германскихъ консульствъ, при чемъ пріемъ и запись въ эти отряды велась именно въ помѣщеніяхъ этихъ консульствъ.

Среди чеховъ особенно выдѣлялся изъ командировъ доблестный Швецъ — всегда въ бою, всегда на позиціи... Вѣдь только искреннее удивленіе передъ подвигами чехословаковъ и искренняя любовь къ нимъ могли вдохновить слѣдующія строфы, посвященнаго имъ стихотворенія, которымъ открывалась первая страница моей книги «Янъ Гусъ».

БРАТЬЯМЪ ЧЕХО-СЛОВАКАМЪ.

(*Посвященіе*)

Благословенъ Вашъ славный путь
Къ зарѣ величья и свободы,
Гдѣ, послѣ долгой непогоды,
Вамъ можно будетъ отдохнуть.
Погибнувъ въ пламени костра,
Янъ Гусъ живетъ средь васъ вѣками...
Чу! Вдохновенными устами
Онъ говоритъ: «Пришла пора».
Пришла пора! И ожилъ вновь
Славянскій духъ, о братья, чехи!
На полѣ битвъ звенятъ доспѣхи
Бойцовъ за Правду и Любовь...
Пусть бой жестокъ! Самъ Богъ за насъ!
Пусть сѣетъ смерть, вражду и стоны, —
Трепещутъ хищные тевтоны, —
Суда и мести близокъ часъ...
Когда жъ умолкнетъ звонъ мечей,
Въ святомъ порывѣ возрожденія,
Взойдетъ заря освобожденья
Въ сіяньѣ радостныхъ лучей...
О вѣрьте, братья! Часъ придетъ,
Когда свободный и счастливый,
Въ святомъ трудѣ надъ вольной нивой
Народъ Богемскій процвѣтетъ...

1918 г. Казань.

Эти строки, излившіяся изъ моего искренне любящаго сердца, я думаю, вполнѣ ограждаютъ меня отъ какого бы то ни было подозрѣнія въ мотивахъ, заставившихъ приступить къ составленію этого труда. Повторяю, что только искренняя любовь къ чехословакамъ диктуетъ мнѣ эти строки, только искренній голосъ брата и друга заставляетъ меня стать ближе къ правдѣ въ отношеніи тѣхъ событій, кровью связанныхъ съ судьбами моей Родины, въ

которыхъ они принимали участіе и предостерегающе крикнуть имъ: — «Братья, Чехи! Посмотрите на свой путь, завѣщанный вамъ вашими великими вождями Яномъ Жижкой, Яномъ Гусомъ и другими, поставившими на міровую высоту чешское имя! Осмотритесь! Ибо вашъ теперешній путь, путь братанья вашего Правительства съ большевистскими комиссарами — агентами III Интернаціонала, какъ это недавно имѣло мѣсто на VIII Сокольскомъ слетѣ въ Прагѣ Чешской, — путь невѣрный, не славянскій путь, путь оскверняющій могилы вашихъ сыновей и братьевъ, павшихъ смертью храбрыхъ на берегахъ Волги, въ горахъ Алтая и Урала, путь сводящій на-нѣтъ подвиги этихъ славянскихъ соколовъ и накрѣпко закрывающій двери въ грядущую послѣбольшевистскую Возрожденную Россію».

И я буду счастливъ, я буду считать свою цѣль достигнутой, если этотъ мой зовъ коснется хоть одного еще вѣрнаго Россіи и Славянству сердца чеха и заставитъ это сердце забиться искренней, неподкупной, дѣйственной любовью къ старшей славянской сестрѣ — Россіи, нынѣ всѣми покинутой и преданной — не только своими союзниками, но и братьями — за освобожденіе которыхъ вѣками кровоточила Россія, нынѣ страдающая въ цѣпяхъ неслыханнаго рабства.

Душой и вдохновителемъ русскаго отряда на Волгѣ былъ молодой офицеръ Каппель; его добровольческій отрядъ, состоящій большей частью изъ офицерства, студенчества и гимназической молодежи, дѣлалъ чудеса храбрости. Онъ держалъ въ страхѣ большевистскія силы и оборонялъ до послѣдней возможности весь, такъ называемый, Услонскій раіонъ, на другомъ берегу Волги, отгоняя съ помощью одной лишь пушки большевистскія банды — не только на сушѣ, но и на рѣкѣ. Этимъ-то воднымъ путемъ большевики и думали воспользоваться и, высадивъ десантъ, разъединить молодецкій отрядъ Каппеля съ главными силами и, окруживъ, ничтожить. Но каждый разъ Каппель, неожиданнымъ контръ-наступленіемъ, разрушалъ ихъ планы и часто бывало, что поддержанный нашей небольшой рѣчной флотиліей, обращалъ, какъ наступавшія съ суши, такъ и съ Волги большевистскія во много разъ лучше вооруженныя суда и пѣшіе отряды въ бѣгство.

Но время шло, Каппелевскія силы таяли, а помощь не приходила. Какіе только слухи не ходили въ то время объ этой помощи! Дошло до того, что ожидали, съ часу на часъ, прихода нѣсколькихъ союзническихъ дивизій, главнымъ образомъ, псчему то японскихъ...

Дѣйствительность показала иное — вмѣсто ожидаемыхъ союзническихъ войскъ, съ позицій прибывали все новые и новые раненые, а большевики все больше и больше наглѣли — наглѣли и нѣмецкіе аэропланы, которые все чаще и чаще дѣлали налеты на беззащитный городъ, сбрасывая бомбы

очень большой силы; жертвами этихъ цивилизованныхъ варваровъ являлись большей частью дѣти, женщины, старики со старухами. Какъ сейчасъ, помню неподдѣльное горе одной вдовы-матери, дочь которой, шедшая на свой ежедневный заработокъ — репетиторскій урокъ, и кормившая этимъ заработкомъ мать — была убита одной изъ бомбъ, сброшенныхъ съ аэроплана на беззащитныхъ жителей рукой культурнаго варвара.

А между тѣмъ число раненыхъ все увеличивалось и, наконецъ, рѣшено было серьезно заняться этимъ вопросомъ. Подъ госпиталь,или вѣрнѣе перевязочный пунктъ,было отведено Дворянское Собраніе, тамъ же была стоянка ночного дежурства внутренней стражи милиціи, несшей службу по отдѣльнымъ, разбросаннымъ по всему городу постамъ, на случай безпорядковъ или оказанія помощи и въ качествѣ резерва войскамъ, находящимся на позиціяхъ; какъ инвалидъ Великой Войны, я тоже получилъ назначеніе — начальника одного изъ сторожевыхъ постовъ внутренней охраны. Помощь этой охраны понадобилась въ послѣдній критическій моментъ защиты Казани. Но что могли сдѣлать инвалиды, преподаватели средне-учебныхъ заведеній, профессора университета и т. п., противъ регулярныхъ нѣмецко-латышско-мацьярскихъ войскъ, среди которыхъ были и чешскіе коммунисты, поднявшіе братоубійственную руку не только на единокровныхъ братьевъ русскихъ, но и на единоутробныхъ братьевъ чехословаковъ, сражавшихся на нашей сторонѣ!

Чтобы достать необходимыя деньги для ухода за ранеными, на лѣкарства и перевязочныя средства, которыхъ далеко не хватало, рѣшено была устроить день сбора и наименовать его «Днемъ Народной Арміи».

Нужно при этомъ отмѣтить, что значительную помощь раненымъ, въ свое время, оказалъ 5-й Чехословацкій санитарный поѣздъ со своими летучками, который обслуживалъ обширный раіонъ отъ Екатеринбурга до Сызрани и Казани. Я думаю вполнѣ умѣстной и не лишенной интереса будетъ краткая историческая справка о созданіи Чехословацкихъ санитарныхъ поѣздовъ*).

Передъ выступленіемъ противъ большевиковъ, 1-я Чешская дивизія находилась въ раіонѣ гор. Пензы, а именно: 1-й, 4-й и Запасный полки и два эшелона добровольцевъ. Въ Кузнецкѣ и Сызрани находились эшелоны артиллеріи; 3-й, 2-й и 1-й эшелоны 1-го Яна Гуса полка стояли въ то время въ раіонѣ Челябинска. Санитарный эшелонъ № 1-й, обслуживающій 1-ю дивизію, былъ назначенъ на стоянку въ Челябинскъ — пунктъ наиболѣе безопасный. Такимъ образомъ, такъ называемая, «Пензенская группа» осталась безъ санитарнаго поѣзда. Околодки при эшелонахъ были болѣе чѣмъ недостаточны — безъ перевязочнаго матеріала

*) Эта справка дана мнѣ Н-комъ санит. эшелона въ гор. Николаевскѣ, куда я былъ приглашенъ чехами для осмотра ихъ санитарныхъ учрежденій.

и медикаментовъ. При этихъ тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ и началась борьба съ большевиками. Нужно было найти какой то выходъ изъ создавшагося положенія и наладить подачу помощи раненымъ Чехословацкимъ легіонерамъ, которыхъ, къ тому же, предвидѣлось большое количество. Чехословацкіе врачи, стараясь разрѣшить эту трудную въ санитарномъ отношеніи задачу, немедленно приступили къ дѣлу организаціи съ неослабѣвающей энергіей и любовью къ страдающимъ.

Первенствующее мѣсто между ними, какъ своей плодотворной дѣятельностью, такъ и неутомимой энергіей, занялъ дивизіонный врачъ 1-ой дивизіи д-ръ Панекъ. Ему удалось, при очень тяжелыхъ условіяхъ, почти изъ ничего, подъ обстрѣломъ, создать небольшой санитарный эшелонъ, состоящій изъ трехъ классныхъ вагоновъ и одного вагона-теплушки — перевязочной. Но этого было, конечно, недостаточно и, вмѣстѣ съ возрастающимъ наплывомъ раненыхъ, началъ ощущаться недостатокъ мѣстъ, а также и недостатокъ перевязочныхъ матеріаловъ.

Къ счастью, 4-го іюня, въ Липягахъ, удалось отбить у большевиковъ кое-какъ оборудованный поѣздъ № 97, носящій почему-то названіе — «Поѣздъ имени русскаго солдата» — я потому говорю «почему то», что это было въ то время, когда понятіе «русскій» и все съ нимъ связанное: Русское Государство, его славное прошлое, его исторія, религія и т. п. — преслѣдовались, а почетное и понятное званіе солдатъ, замѣнено неуклюжимъ и непонятнымъ «красноармеецъ».

Послѣ взятія Самары съ дальнѣйшимъ продвиженіемъ по Волгѣ, вслѣдствіе разрозненности фронта, постепенно выдѣлялись изъ Пензенскаго санитарнаго эшелона, насчитывавшаго въ свое время 21 классный вагонъ, по нѣсколько отдѣльныхъ классныхъ теплушекъ и санитарныхъ летучекъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, — число ихъ доходило въ октябрѣ мѣсяцѣ до 5-ти.

Въ августѣ мѣсяцѣ врачемъ этого поѣзда былъ назначенъ д-ръ Янцикъ. Подъ его управленіемъ были оборудованы больницы въ г.г. Уфѣ и Златоустѣ, за счетъ этого же, такъ широко развернувшагося, поѣзда; кромѣ того, была устроена прифронтовая прачешная и мастерскія, обслуживающія своими средствами все, подлежащее ремонту.

Съ 28-го мая, за все время боевъ на Волгѣ, было принято поѣздомъ 4165 раненыхъ и больныхъ, которыхъ нужно было не только кормить, но и частью одѣвать, такъ какъ раненые, по заявленію чехословацкаго врача д-ра Янцика, приходили съ фронта зачастую въ одномъ только лишь бѣльѣ...

Невольно склонишь голову предъ этимъ скромнымъ, но великимъ въ своей скромности, подвигомъ неусыпнаго труда и самоотверженія такихъ тружениковъ, какъ д-ра Панекъ и Янцикъ.

Но они могли, какъ мы видѣли, въ условіяхъ чрезвычайной напряжен-

ности, обслуживать только лишь Чехословацкіе легіоны. Намъ же, русскимъ, о своихъ раненыхъ приходилось думать самимъ.

И вотъ въ теченіе 6-8 августа 1918 года былъ организованъ «День Народной Арміи».

III.

Организація «Дня Народной Арміи», имѣющая цѣлью оказаніе широкой помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, къ слову сказать, являлась чуть ли не единственнымъ положительнымъ достиженіемъ во всей хаотической, безсистемной и нервозной дѣятельности «Комуча» въ Казани.

«День Народной Арміи» открылся парадомъ войскъ, свободныхъ отъ служебныхъ нарядовъ.

Какъ сейчасъ вижу молодцевато-подтянутый отрядъ чеховъ, отвѣчающихъ на привѣтствіе начальствующихъ лицъ дружнымъ славянскимъ: «Наздаръ!».

А вотъ смуглые, загорѣлые сербы, волею Провидѣнія, поставленные бокъ-о-бокъ со своими братьями русскими и чехами, въ борьбѣ противъ общаго врага. — «Живіо» — несется изъ ихъ рядовъ.

Величественную и незабываемую картину представляли русскіе борцы, изображавшіе древнихъ русскихъ богатырей. Среди нихъ былъ борецъ всероссійской извѣстности Иванъ Заикинъ (Добрыня Никитичъ), а также извѣстные борцы Климовъ — Святогоръ*) (Илья Муромецъ), Дмитріевъ (Алеша Поповичъ) и рядъ другихъ.

Были составлены и всюду распространены воззванія. Въ одномъ изъ наиболѣе характерныхъ по тому времени интересно отмѣтить слѣдующія слова объ Учредительномъ Собраніи:

«Знайте всѣ, что Учредительное Собраніе будетъ имѣть равные голоса и палаты, какъ одного класса, такъ и другого.

Услышьте всѣ, что Учредительное Собраніе — избранники равнаго народа будутъ одинаковы для всѣхъ, а потому узнайте другъ друга, и бѣдный и богатый — всѣ братья и сыны Русской Земли».

Заканчивается это воззваніе поистинѣ трагическимъ возгласомъ:

«О, Матушка Земля Родная, пошли намъ Минина и Пожарскаго!»

Закипѣла работа. Во дворцѣ бывшаго Командующаго Войсками Казанскаго Военнаго Округа генер. Сандецкаго, среди ряда разныхъ комиссій, засѣдала и комиссія культурно-просвѣтительная. Эта комиссія и возложила на меня задачу организовать литературный вечеръ въ Казанскомъ Городскомъ театрѣ, что и было съ успѣхомъ выполнено, при горячемъ откликѣ, какъ артистовъ, такъ и дирекціи этого театра.

---

*) За участіе въ «Днѣ Нар. Арміи» Климовъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

Этотъ вечеръ-концертъ начался исполненіемъ чешскаго и сербскаго гимновъ и марсельезы, а вся программа была посвящена славянской музыкѣ и славянскимъ произведеніямъ, и памяти Яна Гуса.

Городской театръ былъ переполненъ: и аристократъ, и послѣдній рабочій — всѣ принесли свою лепту «Дню Народной Арміи».

Вечеръ-концертъ закончился американской лотереей, гдѣ публика, подъ вліяніемъ охватившаго ее жертвеннаго порыва, отдавала рядъ цѣнныхъ вещей, которыя тутъ же и разыгривались, при чемъ нѣкоторыя русскія дамы снимали даже обручальныя кольца и серьги и жертвовали ихъ въ пользу семействъ убитыхъ сербовъ и чехословаковъ.

Говоря объ этомъ фактѣ, я не хочу подчеркивать этимъ какой либо особенный подвигъ — просто я не могу пройти мимо этого явленія, ярко иллюстрирующаго тотъ порывъ и воодушевленіе, которыми были встрѣчены чехи, какъ братья, какъ герои-освободители...

Какъ это ни грустно, но нужно подчеркнуть, что меньше всего, на призывъ жертвовать въ пользу больного и раненаго, отозвались имущіе классы — казанское купечество, которое, за рѣдкими исключеніями, нехотя развязывало свою мошну; были неоднократные случаи, когда, сидѣвшіе на золотыхъ милліонахъ, купцы давали не больше какъ... керенку... двадцати или сорока рублевую — измятую, изорванную... Стыдно вспомнить — Мининыхъ не было, да что то не видно ихъ и по сегодняшній день, хотя заграницей и живутъ русскіе банкиры, финансисты и торгово-промышленники съ многомилліонными капиталами въ крѣпкой валютѣ.

Богъ послалъ намъ теперь князя Пожарскаго въ лицѣ Е. И. В. Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, но Мининыхъ какъ то, по прежнему, не находится, и пуста казна Великаго Князя — «Фондъ Спасенія Россіи». Помощь же больному и раненому воину-инвалиду составляется изъ скудныхъ средствъ, кровно заработанныхъ тяжелымъ трудомъ тѣхъ же простыхъ русскихъ патріотовъ эмигрантовъ: офицеровъ, солдатъ, казаковъ — молодежи, работающей въ рудникахъ, на заводахъ, на постройкахъ дорогъ — не брезгающей никакой черной работой и крѣпко вѣрующей въ грядущее освобожденіе Россіи.

И помню я — плохо кончили казанскіе и волжскіе торгово-промышленники. Ограбленные до нитки большевиками, многіе изъ нихъ окончили жизнь въ кровавыхъ подвалахъ палача Дзержинскаго, а иные прибѣжали искать защиты опять таки у того же раздѣтаго, голоднаго русскаго добровольца, въ помощи которому они отказали въ тотъ именно моментъ, когда онъ отстаивалъ не только Свободу, Права и Честь своей Родины, но и ихъ собственное достояніе.

Грустная и печальная страница, не къ чести русскихъ имущихъ клас-

совъ, послужившая одной изъ главнѣйшихъ причинъ неудачъ національной борьбы съ III-мъ Интернаціоналомъ на всѣхъ добровольческихъ фронтахъ.

Между тѣмъ событія развивались далеко не въ пользу нашу, иначе говоря, приближался роковой моментъ подведенія итога тѣмъ непоправимымъ ошибкамъ, которыя были допущены главарями движенія на Волгѣ.

Эти роковые итоги пришли неожиданнѣе, чѣмъ можно было бы расчитывать; развязку ускорилъ мятежъ — выступленіе рабочихъ Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ.

Никто не ожидалъ, что Казань — главный городъ Поволжья, будетъ такъ быстро и внезапно сданъ, но, къ сожалѣнію, фактъ совершился.

Хотя рабочіе Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ и были усмирены, хотя по улицамъ города, за подписью городского головы Корсакова (бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства), и расклеивались воззванія отъ имени В. Лебедева, что Казани никакая опасность не угрожаетъ и что населеніе призывается спокойно заниматься своимъ ежедневнымъ трудомъ, — повсюду, тамъ и тутъ, чувствовалось приближеніе роковой развязки.

И она наступила скорѣе, чѣмъ ожидали, именно въ силу тѣхъ причинъ, которыя могли бы быть легко устранимы, если бы руководителемъ былъ не дилетантъ — морской министръ Керенскаго, а лицо опытное, авторитетное, разбирающееся въ обстановкѣ и заботящееся не о партійныхъ выгодахъ, а о пользѣ страждущаго Отечества и прежде всего только о немъ.

Вѣдь вотъ, напримѣръ, тотъ же городъ Уральскъ, пунктъ сравнительно небольшой и не обладающій такими разносторонними средствами защиты — могъ же держаться гораздо дольше...

Объясняется это, повторяю, тѣмъ, что руководители изъ «Комуча» н е п о н я л и и н е о ц ѣ н и л и достаточно всей важности г. Казани, какъ главнаго и опорнаго пункта всего Поволжья, да, откровенно сказать, и не до этого имъ было: съ утра до ночи и съ ночи до утра митинги, засѣданія, собранія и опять митинги, — на которые допускались въ оппоненты ораторы съ явно коммунистической окраской, — отнимали у нихъ все дѣловое время.

Большевики — наоборотъ, понявъ огромное значеніе Казани, воспользовались пустоболтаніемъ вождей противной стороны и заняли весьма важный стратегическій пунктъ — переправу черезъ Волгу, укрѣпили въ то же время свои позиціи противъ Казани: окопами, проволочными загражденіями и могущественной артиллеріей — вотъ почему всѣ усилія незначительнаго гарнизона Казани отбросить большевиковъ и развить дальнѣйшій успѣхъ, оказались запоздавшими и осуществлены быть не могли.

Если бы во главѣ движенія стояли люди соотвѣтствующаго опыта и знаній, они бы поняли, что занявшіе Казань чешско-сербскіе отряды нужно усилить какъ можно скорѣе; они бы поняли, что въ періодъ продолжительна-

го бездѣйствія красныхъ подъ Казанью, за это время можно было основательно укрѣпить, какъ самый городъ, такъ и его окрестности и особенно Верхній Услонъ, державшійся единственно доблестью горсти Каппелевцевъ и являвшійся стратегическимъ ключемъ всей обороны, они поняли бы и многое другое — чего не поняли руководители изъ Учредительнаго Собранія и что привело къ катастрофѣ подъ Казанью.

IV.

Непоняли или не хотѣли, — или же въ ихъ расчеты уже не входила эта «второстепенная задача», какъ удержаніе Казани, — главная задача — задача по вывозу золотого запаса изъ Казани была уже блестяще ими выполнена. А что она была въ это время выполнена «аккуратно» и кладовыя Казанскаго Казначейства были очищены своевременно и основательно — объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя. Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, мало извѣстная широкимъ русскимъ кругамъ, книга чешскаго легіонера маіора д-ра І. Ф. Кудели.

Книга эта носитъ интересное названіе:

«О россійскомъ золотомъ запасѣ и чехословацкихъ легіонахъ».

Издана она въ 1924 году, подъ редакціей историческаго отдѣла «Pamatniku Odboie» въ Прагѣ, въ «Легіографіи» — собственной типографіи легіонеровъ, являющейся однимъ изъ многочисленныхъ предпріятій Банка Чехословацкихъ Легіонеровъ.

Беру эту книгу не какъ первую попавшуюся,*) а потому, что она является изданіемъ, съ одной стороны, офиціознымъ, а съ другой, настойчиво рекомендуется русскимъ; такъ, напримѣръ, она была прислана въ библіотеки русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Прагѣ, для студентовъ эмигрантовъ, и прислана съ «предложеніемъ» ознакомить всѣхъ русскихъ студентовъ даннаго высшаго учебнаго заведенія съ ея содержаніемъ.

Въ этой книгѣ выражается искренняя благодарность всѣмъ лицамъ, давшимъ устныя информаціи о судьбѣ РОССІЙСКАГО ЗОЛОТОГО ЗАПАСА, вывезеннаго изъ Казани и добавляется, что очеркъ *«О россійскомъ золотомъ запасѣ»* вышелъ еще весной 1922 года на чешскомъ языкѣ; лѣтомъ того же года онъ былъ переведенъ на французскій языкъ и напечатанъ въ «Gazette de Prague» и отдѣльной брошюрой. Тутъ же маіоръ д-ръ Куделя добавляетъ, что для русскаго изданія этотъ очеркъ немного расширенъ и переработанъ.

---

*) Кто такой д-ръ Куделя видно изъ газ. «Narodni Listy» № 231, 24 авг. 1926, которая говоритъ, что это: «одинъ изъ историковъ русскихъ легій» и «передовыхъ мыслящихъ людей».

Для чего маіору д-ру Куделѣ нужно было расширять, а главное перерабатывать свой очеркъ для русскаго изданія — конечно, лучше знать ему самому — у русскаго же читателя это сообщеніе вызываетъ лишь, по меньшей мѣрѣ, недоумѣніе...

Но обратимся къ упомянутой книгѣ д-ра Кудели; при внимательномъ чтеніи ея, у болѣе вдумчиваго читателя получается впечатлѣніе, какъ разъ обратное тому, котораго хочетъ добиться д-ръ маіоръ Куделя, а послѣ прочтенія всей книги въ цѣломъ, невольно, самъ собою, напрашивается вопросъ — но если высшее командованіе чехословацкими легіонами, какъ пришло, такъ и ушло съ однѣми «бѣлыми ризами», то почему же такое, казалось-бы, излишнее волненіе и безпокойство, переходящее временами въ паническій страхъ за чистоту этихъ «бѣлыхъ ризъ»? Почему не волнуются и не негодуютъ представители другихъ бывшихъ въ то время союзныхъ войскъ: сербскихъ, французскихъ, англійскихъ, японскихъ или, наконецъ, американскихъ? И почему ихъ имена не связываются съ судьбой Россійскаго золотого запаса?

«О Казанскомъ золотомъ запасѣ, — пишетъ д-ръ Куделя, — часто говорятъ и пишутъ въ томъ смыслѣ, что обвиняютъ Чехословацкое войско въ Россіи въ лишеніи Русскаго Народа его золотого запаса. Иногда это толкуется съ дѣйствительной или притворной симпатіей къ названнымъ легіонамъ, съ симпатіей, которая старается ихъ оправдать, другой же разъ — съ ненавистью указывается на то, что чехословацкіе легіонеры растащили изъ золотого запаса столько, сколько хотѣли.

Нерѣдко утверждаютъ, что, изъ такимъ образомъ украденнаго золота образовался основной капиталъ и фонды Банка Чехословацкихъ Легіоновъ.

Нелѣпая агитація нѣкоторыхъ группъ русскихъ реакціонеровъ развлекаетъ свою публику сказками о томъ, что высокій (сравнительно сь другими средне-европейскими государствами) курсъ чехословацкой кроны подкрѣпленъ золотомъ, украденнымъ изъ Казанскаго золотого запаса.

Вотъ почему я написалъ этотъ очеркъ исторіи той части Россійскаго золота, которое лѣтомъ 1918 года было взято у большевиковъ въ Казани, а въ началѣ весны 1920 года досталось имъ обратно.*) (стр. 27).

Матеріалъ доставили мнѣ, помимо упомянутыхъ статей и книгъ, равно какъ и соотвѣтственной литературы о легіонахъ, прежде всего устныя ин-

*) Фактически — золото, какъ это будетъ описано далѣе, было выдано большевикамъ далеко не полностью, а въ количествѣ равномъ приблизительно какой то одной трети — судьба остальныхъ какихъ то двухъ третей неизвѣстна.. Въ интересахъ исторической точности нужно замѣтить, что небольшая часть этихъ денегъ, которыя чехословаки пытались скрытно провести подъ американскимъ флагомъ, попала въ руки атамана Семенова, долгое время содержавшаго свою армію на эти именно средства.

Покойный Адмиралъ Колчакъ отдалъ распоряженіе о самомъ тщательномъ контролѣ надъ чехословацкими поѣздами, съ привлеченіемъ, въ случаѣ надоб-

формаціи, которыя я старался, насколько это было возможно, достать отъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ исторіи золотого запаса; изъ нихъ я называю И. М. Брушвита, генерала Я. Сырового, генерала Ст. Чечека, полковника Л. Крейчи, подполковника Фр. Шипа, подполковника Р. Медека и др-а І. Благошъ; д-ръ Глосъ прислалъ мнѣ изъ Познани свой разсказъ письменно».

Однако, что же это за лица, на устной информаціи которыхъ, главнымъ образомъ, построенъ весь очеркъ о *«Россійскомъ золотомъ запасѣ»*?

Говоря объ этихъ лицахъ, я, прежде всего, долженъ замѣтить, что, быть можетъ, я не коснулся бы ихъ, если бы на нихъ въ своей книгѣ не опирался самъ авторъ, маіоръ д-ръ Куделя, сославшись на этихъ лицъ, какъ на живые документы.

И. М. БРУШВИТЪ, — членъ партіи эсъ-эровъ, бывшій министръ финансовъ Самарскаго эсъ-эровскаго «Комуча»; по его именно приказу *Россійскій золотой запасъ* и былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

И. М. Брушвитъ пользуется сейчасъ въ Прагѣ исключительнымъ вниманіемъ Чехословацкаго Правительства, т. е. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое въ Чехословацкой Республикѣ является, скромно говоря, доминирующимъ.

Всѣ же остальные «живые документы», упомянутые авторомъ, на устныя информаціи которыхъ онъ ссылается — чехи легіонеры, т. е. тѣ же «обвиняемые», безпристрастіе которыхъ представляется весьма сомнительнымъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ являются непосредственно заинтересованными, — какъ напр., подполковникъ ФР. ШИПЪ, одинъ изъ Директоровъ Легіобанка и одинъ изъ организаторовъ финансовъ Чехословацкихъ легіонеровъ въ Россіи.

Или, напр., маіоръ д-ръ Н. БЛАГОШЪ, бывшій уполномоченный Правительства Чехословацкой Республики въ Иркутскѣ, выдавшій Адмирала А. В. Колчака большевикамъ — нынѣ онъ занимаетъ крупный постъ при Чехословацкомъ посольствѣ въ Берлинѣ.

Или генералъ ЯНЪ СЫРОВОЙ, бывшій Командующій Чехословацкими легіонами въ Сибири — нынѣ Военный Министръ Чехословацкой Республики...

Я не буду касаться остальныхъ лицъ — я лишь упомяну, что ни по какимъ законамъ въ мірѣ — «обвиняемые» не могутъ быть въ одно и тоже время и свидѣтелями.

ности, международной контрольной комиссіи; атаманъ же Семеновъ, въ цѣляхъ прекращенія дальнѣйшей утечки русскаго золотого запаса, пригрозилъ чехословакамъ взрывомъ тунелей и рядомъ другихъ мѣръ.

Этимъ то и объясняется вся та травля со стороны, какъ чехословацкихъ круговъ, такъ и русскихъ, находящихся въ непосредственной связи съ ними, въ силу общности интересовъ, по адресу и адм. Колчака и атам. Семенова.

Несмотря на все это, будемъ однако же и мы опираться на эти свидѣтельства и посмотримъ, что говоритъ д-ръ Куделя о судьбахъ Казанскаго золотого запаса.

Въ первой главѣ своей книги д-ръ Куделя описываетъ, какимъ образомъ въ Казани былъ сосредоточенъ золотой запасъ. Брестскіе переговоры о мирѣ между центральными державами и представителями Совѣта Народныхъ Комиссаровъ были во второй половинѣ февраля прерваны заявленіями совѣтскихъ делегатовъ: аннексіоннаго мира мы не подпишемъ, но и воевать не будемъ,—на что Германія отвѣтила приказомъ по своимъ войскамъ—перейти вглубь Россіи.

Въ виду этого германскаго наступленія, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рѣшилъ сосредоточить весь золотой запасъ Россіи въ Казани, въ кладовыхъ мѣстнаго Отдѣленія Государственнаго Казначейства.

По предписанію Предсѣдателя Совнаркома, были спѣшно приспособлены подвальныя помѣщенія Банка подъ кладовыя и, съ мая мѣсяца, началась перевозка въ Казань металлическихъ запасовъ изъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ.

Такъ какъ впослѣдствіи миръ все таки не только былъ подписанъ и утвержденъ Всероссійскимъ Съѣздомъ Совѣтовъ, но въ Москву прибылъ уже германскій посолъ, то приходится искать другую причину эвакуаціи и концентраціи золотого запаса. А найдется она, вѣроятно, во внутреннемъ положеніи совѣтской власти того времени, когда приходилось безпокоиться за будущій день, ввиду того, что и въ самой красной столицѣ положеніе было не вполнѣ надежнымъ.

Какъ бы то ни было, въ Казани предположено было сосредоточить весь золотой запасъ Россіи, золотой запасъ Румыніи (пресловутую Румынскую «кукушку»), а также значительную часть серебра.

Взятіе Самары чехословаками (въ началѣ іюня) пріостановило эвакуацію запасовъ Москвы, но изъ другихъ городовъ она продолжалась въ теченіе всего іюня мѣсяца.

Въ общемъ въ Казань, по утвержденію д-ра Куделя, за это время было доставлено золота въ монетѣ и слиткахъ на сумму свыше пятисотъ милліоновъ рублей номинальныхъ — 531 ящикъ съ золотомъ, платиной и издѣліями (медалями и крестами) монетнаго двора, около восьми милліоновъ серебряной монеты и на сто тридцать три милліона рублей процентныхъ бумагъ вкладчиковъ Петроградской Сберегательной Кассы.

Послѣ взятія чехословаками Симбирска, Ленинъ и главный Комиссаръ Банка, Поповъ, предприняли спѣшно розыски новыхъ помѣщеній для перевозки металлическихъ запасовъ, но обслѣдованіе Вятки и Перми, куда предполагалось ихъ эвакуировать, не дало удовлетворительныхъ результатовъ.

Тогда же, въ Нижнемъ Новгородѣ, была снаряжена особая экспедиція изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ, задачей которыхъ являлась погрузка казанскихъ металлическихъ запасовъ и отправка ихъ вверхъ по Волгѣ до Нижняго, а затѣмъ по рѣкѣ Окѣ.

Мѣсто новаго храненія запасовъ въ точности не было извѣстно: по одной версіи предполагалось вывезти ихъ въ Москву, по другой — сложить въ Коломнѣ, подъ особой охраной рабочихъ Коломенскаго завода, а по третьей — баржи съ металломъ потопить въ руслѣ рѣкъ Волги и Оки.

Экспедиція эта прибыла въ Казань 28 іюля и приступила къ подготовкѣ погрузки. Предварительныя совѣщанія и подготовительная работа заняли около недѣли времени и на 5 августа было назначено начало работъ по погрузкѣ.

Но въ 8 часовъ вечера, когда были поданы къ зданію Банка вагоны трамвая и пришли рабочія команды, со стороны пристаней, отстоящихъ верстахъ въ семи отъ города, раздался первый пушечный выстрѣлъ.

Стоявшій у пристаней караванъ судовъ снялся съ якорей и ушелъ вверхъ по Волгѣ, въ городѣ же остались два комиссара (изъ пяти прибывшихъ для погрузки золота), которые, погрузивъ на четыре грузовика сто ящиковъ золота на приблизительную сумму сто милліоновъ рублей и на девяносто пять милліоновъ кредитныхъ билетовъ, уѣхали около 4-хъ часовъ ночи.

Въ ту же ночь правленіемъ Банка было получено отъ мѣстнаго Совѣта предписаніе о немедленной выдачѣ всѣхъ денежныхъ знаковъ, но это предписаніе не было исполнено».

На этомъ и заканчивается глава: «О Казанскомъ золотомъ запасѣ».

V.

Третья глава книги говоритъ о томъ, какъ золотой запасъ былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

«Въ началѣ августа 1918 года, военное командованіе только что возникшаго Поволжскаго фронта, поставило задачей соединиться съ Арміей генерала Деникина на югѣ, находящейся всего въ какихъ нибудь ста верстахъ, для чего нужно было взять Саратовъ.

Но помощнику военнаго министра «Комуча» Вл. Лебедеву удалось убѣдить Командованіе, что надо итти не на Саратовъ, а въ противоположномъ направленіи — на сѣверъ, гдѣ легко можно овладѣть крупнымъ и богатымъ городомъ Казанью, въ которомъ, помимо огромныхъ военныхъ складовъ, находится недавно перевезенный туда «золотой запасъ».

И такъ вразрѣзъ съ планомъ Верховнаго Командованія и помимо запрещенія Командующаго Поволжскимъ Фронтомъ, Вл. Лебедевъ и Степа-

новъ повели группу войскъ на сѣверъ и 6-го августа 1918 года взяли гор. Казань.

Управляющимъ Отдѣломъ (Министерствомъ) Финансовъ въ Самарскомъ Правительствѣ въ то время былъ Членъ Всероссiйскаго Учредительнаго Собранiя И. М. Брушвитъ; онъ немедленно отдалъ приказъ — о перевозкѣ золотого запаса въ Самару.

Этотъ приказъ встрѣтилъ въ Казани извѣстное противодѣйствiе со стороны мѣстныхъ дѣятелей, которые желали сдѣлать Казань центромъ антибольшевистской борьбы, и потому отказывали въ эвакуацiи чего бы то ни было, — въ Самару были лишь отправлены тѣ восемьдесятъ миллiоновъ рублей, которые незадолго до боевъ съ Чехословаками, были перевезены изъ Самарскаго Государственнаго Банка въ Казань.

Въ отвѣтъ послѣдовалъ второй приказъ и очень рѣшительный: «Комучъ» отдалъ спѣшное распоряженiе замѣстителю Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедеву, принять экстренныя мѣры для немедленной отправки золотого запаса изъ Казани въ Самару и употребить для этой цѣли всѣ имѣющiяся перевозочныя средства.

Казанцы продолжали пассивное сопротивленiе эвакуацiи, ссылаясь на то, что у нихъ не имѣется достаточнаго количества надежныхъ людей для перегрузки золотого запаса.

И вотъ тогда Управляющiй Министерствомъ Финансовъ отправляетъ съ этой цѣлью изъ Самары въ Казань триста человѣкъ и два грузовика; изъ этихъ трехсотъ человѣкъ — сто были взяты изъ студенческой боевой дружины, сто — изъ сапернаго баталiона и сто изъ Самарской организацiи партiи «эсъ-эровъ».

Далѣе, въ книгѣ приводится нижеслѣдуюшая радiо-телеграмма Вл. Лебедева:*)

«Казань. Всѣмъ. Комитету Членовъ Учредительнаго Собранiя и всѣмъ радiостанцiямъ:

Сообщаю, что въ настоящую минуту отправка золотого запаса, принадлежащаго Россiи, закончена.

Я отправилъ изъ Казани:

1. Весь золотой запасъ въ нарицательную стоимость шестьсотъ пятьдесятъ семь миллiоновъ рублей, по нынѣшней цѣнѣ шесть съ половиной миллiардовъ рублей.

2. Сто миллiоновъ рублей кредитными билетами.

3. На огромную сумму всякихъ другихъ цѣнностей.

4. Запасы платины и серебра.

*) Эта радiо-телеграмма была напечатана въ «Вѣстникѣ Учредительнаго Собранiя» отъ 25 августа 1918 года № 38.

Счастливъ донести, что теперь все это народное достояніе отъ грабителей и предателей, полностью, перешло въ руки Учредительнаго Собранія и Россія не должна безпокоиться о цѣлости своего богатства».

Помощникъ Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедевъ».

Я уже говорилъ, что вывозъ золота произвелъ на населеніе удручающее впечатлѣніе и, несмотря на успокаивающія завѣренія властей, всѣ отлично понимали, что Казань будетъ оставлена.

Надъ городомъ появились уже большевистскіе аэропланы, которые сбрасывали летучки съ угрозами населенію всяческими репрессіями, если оборона города будетъ продолжаться. Подвозъ продуктовъ изъ деревень почти прекратился, слухи — одинъ другого нелѣпѣе и тревожнѣе, ползли по городу...

Но вернемся къ книгѣ д-ра Куделя — онъ оговаривается, что хотя въ его задачу не входитъ приводить цыфровыя данныя золотого запаса, но, будучи увѣреннымъ въ томъ, что читателей этотъ вопросъ интересуетъ — онъ приводитъ цыфры, опубликованныя впослѣдствіи Омскимъ Министерствомъ Финансовъ:

«Всего запасовъ изъ Казани вывезено:

	а)	въ русской монетѣ на	—	523.458.484 р. 42 к.
золота:	б)	въ иностранной »	—	38.065.322 р. 57 к.
	в)	въ слиткахъ »	—	90.012.027 р. 65 к.
		Итого	—	651.535.834 р. 64 к.»

Опредѣляя эти суммы, д-ръ Куделя, найдя разницу между приведенной имъ общей суммой золота и упомянутой выше радіо-телеграммой В. Лебедева, приводитъ и сумму, упомянутую въ этой телеграммѣ, а именно, что номинальная стоимость Казанскаго золота была опредѣлена суммой — *657.000.000 рублей.*

Такимъ образомъ мы видимъ разницу пока около семи милліоновъ рублей.

Разницу эту д-ръ Куделя объясняетъ недостаточностью сообщенья Вл. Лебедева, который, будто бы, преслѣдовалъ лишь агитаціонную цѣль, а именно: сообщая о переводѣ золотого запаса изъ Казани, онъ будто бы, хотѣлъ уменьшить такимъ образомъ интересъ къ этому пункту (? —Авт.)

Далѣе, согласно того же радіо-телеграфнаго сообщенія Вл. Лебедева, въ Казанскомъ золотомъ запасѣ было кредитныхъ билетовъ на сто милліоновъ рублей и на огромную сумму разныхъ другихъ драгоцѣнностей, и кромѣ того большіе запасы платины и серебра; такимъ образомъ получается еще одна «маленькая» разница уже на сумму свыше ста милліоновъ рублей, не считая платины, серебра и другихъ драгоцѣнностей.

Но что чрезвычайно интересно, такъ это слѣдующее обстоятельство: д-ръ Куделя добавляетъ, что самъ бывшій Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча» І. М. Брушвитъ, въ сообщеніи о Казанскомъ золотѣ, заявилъ, что чиновники Государственнаго Банка оцѣнивали стоимость Казанскаго золотого запаса въ одинъ милліардъ сто милліоновъ рублей. (Чехосл. журналъ «Пржеродъ» № 3, годъ изд. І.)

Очевидно, чиновники Казанскаго Государственнаго Банка оцѣнивали запасы платины, серебра и другія цѣнности, помѣченныя въ телеграммѣ Вл. Лебедева, не больше не меньше какъ въ полмилліарда рублей, т. е. они то и составляли чуть ли не половину всего золотого запаса, вывезеннаго изъ Казани; кромѣ того, сюда нужно присоединить и вышеупомянутые восемьдесятъ милліоновъ рублей, отправленные въ Самару.

Но, какъ мы видимъ изъ цыфръ Омскаго Казначейства, весь золотой запасъ, привезенный въ Омскъ, составлялъ всего лишь 651.535.834 р. 64 к. т. е. немногимъ больше половины вывезеннаго изъ Самары въ Уфу въ сентябрѣ 1918 года.

VI.

Въ это время въ Уфѣ эсъ-эры организовали Директорію. Новорожденная Директорія, конечно, была еще слишкомъ слаба и тутъ же на Совѣщаніи обратилась съ просьбой къ присутствующимъ въ качествѣ «гостей» представителямъ Отдѣленія Чехословацкаго Національнаго Совѣта, предоставить охрану для золотого запаса, который долженъ былъ прослѣдовать въ Челябинскъ.

«Ихъ просьба была удовлетворена, — разсказываетъ далѣе д-ръ Куделя — и къ эшелонамъ россійскаго золота были приставлены чехословацкіе патрули.

Вагоны продолжали быть опечатанными самарскими печатями и находиться подъ присмотромъ чиновниковъ Самарскаго Правительства и Государственнаго Банка, которые сопровождали золотой запасъ еще изъ Казани.

Золото было привезено въ Челябинскъ, гдѣ въ то время находился Главный Штабъ противобольшевистскаго фронта и тамъ оно было перегружено изъ вагоновъ въ бетонные подвалы казеннаго элеватора».

Объ этой же передачѣ эсъ-эрами золотого запаса подъ чешскую охрану имѣется документъ и въ книгѣ В. Зензинова: «Государственный переворотъ Адмирала Колчака въ Омскѣ 18 ноября 1918 года» (изданіе: Парижъ 1919 г., стр. 43).

Къ статьѣ А. Котомкина:

«Съ Чехословацкими Легіонами отъ Волги до Тихаго Океана».

Къ статьѣ Александра Котомкина:

«Съ Чехословацкими легіонами отъ Волги до Тихаго Океана».

Командующій I-ой Стрѣлковой Гуситской дивизіей полковникъ Швецъ † 25.10.1928

Наши богатыри.

ПЕРЕДАЧА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РОССІИ.

«Какъ извѣстно, золотой запасъ, захваченный въ Казани и перевезенный оттуда въ Самару, былъ затѣмъ эвакуированъ въ Сибирь, гдѣ долженъ былъ поступить въ распоряженіе Всероссійскаго Правительства.

Въ связи съ Омской катастрофой и новымъ кризисомъ власти, Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами, въ засѣданіи Совета отъ 28 ноября с. г., принялъ слѣдующее постановленіе:

Въ виду того, что формальная передача серебрянаго запаса Комитета Членовъ Учредительнаго Собранія Всероссійскому Временному Правительству, по независящимъ отъ Комитета причинамъ, не состоялась, а Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами не имѣетъ возможности охранять этотъ запасъ — поручить члену Совѣта Ф. П. Рудько обратиться къ Чехословацкому Національному Совѣту съ просьбой о томъ, чтобы онъ принялъ весь эвакуированный изъ города Самары въ Сибирь золотой и серебряный запасъ подъ свою охрану для передачи, какъ общероссійскаго достоянія, Всероссійскому Учредительному Собранію или Всероссійскому Правительству, которое можетъ явиться, какъ результатъ общаго соглашенія и потому будетъ пользоваться общимъ признаніемъ».

Въ связи съ этимъ постановленіемъ, Совѣтомъ Управляющихъ Вѣдомствами послана Чехословацкому Національному Совѣту слѣдующая телеграмма:

«Екатеринбургъ. Чехосовѣту. При взятіи Чехословаками и войсками Народной Арміи въ августѣ мѣсяцѣ Казани, — захвачены были, находившіяся въ Государственномъ Банкѣ, золото, палтина и серебро, къ вывозу которыхъ въ Москву большевики приступили за два дня до паденія Казани, но успѣли захватить съ собою только нѣсколько десятковъ пудовъ золота. Всего въ Казани взято было 40.000 пудовъ золота и платины — въ слиткахъ и монетѣ, т. е. большая часть всего запаса золота, принадлежащаго Россійскому Государству, и 30.000 пудовъ серебра.

Чтобы сохранить эти цѣнности отъ возможности обратнаго захвата ихъ большевиками, Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія распорядился перевезти ихъ въ Самару, а затѣмъ въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы передать ихъ потомъ, какъ всенародное достояніе, Временному Всероссійскому Правительству.

Однако эта передача не успѣла состояться и, съ паденіемъ Всероссійскаго Правительства, возникаетъ опасность, что захваченныя отъ большевиковъ цѣнности попадутъ въ руки тѣхъ, которые используютъ ихъ во вредъ Россіи. Поэтому Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами постановилъ въ засѣданіи 28 сего ноября: ввѣрить указанныя выше цѣнности Чешскому Народу, въ лицѣ Чехосовѣта для

охраны и затѣмъ передачи Учредительному Собранію или общепризнанному Правительству съ тѣмъ, чтобы до этой передачи никто этими цѣнностями распоряжаться не могъ.

Официальный текстъ Постановленія Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами о передачѣ будетъ присланъ дополнительно».

Въ чемъ несходство этой телеграммы съ разсказомъ д-ра Кудели? Во времени. Д-ръ Куделя говоритъ, что эта передача состоялась на Уфимскомъ Совѣщаніи, т. е. въ сентябрѣ 1918 года — эта же телеграмма говоритъ о спасеніи золота отъ принявшаго единоличную власть адмирала Колчака, т. е. о событіяхъ въ ноябрѣ 1918 года.

Во всякомъ случаѣ Казанскій золотой запасъ не залежался и въ Челябинскѣ.

Въ половинѣ октября 1918 года, по свидѣтельству д-ра Кудели, Омское Министерство Финансовъ (еще значитъ до переворота адмирала Колчака), въ лицѣ Министра Финансовъ Михайлова, распорядилось перевезти золотой запасъ въ Омскъ безъ вѣдома и согласія, какъ Директоріи, такъ и Главнокомандующаго генерала Сырового, въ Ставкѣ котораго находилось золото. Замѣщавшій въ то время генерала Сырового, во время его отсутствія, Начальникъ его штаба, генералъ М. К. Дитерихсъ, разрѣшилъ погрузить золото въ вагоны и отправить въ Омскъ, подъ охраной чешскаго караула.

Въ концѣ книги, какъ бы между прочимъ, д-ръ Куделя добавляетъ, что Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча», Брушвитъ, указываетъ, что во время перевозки изъ Казани золото вѣсило 80.000 пудовъ и для перевозки понадобилось два поѣзда по сорокъ вагоновъ каждый.

«Насколько же помнитъ генералъ Сыровой,—пишетъ д-ръ Куделя,— золота въ Челябинскъ было привезено три эшелона въ составѣ около ста двадцати вагоновъ». И дальше неожиданно прибавляетъ: «разницу въ этихъ цыфрахъ нужно объяснить тѣмъ, что кромѣ золота было въ Казанскомъ золотомъ запасѣ и серебро, и другія драгоцѣнности».

Что же это еще значитъ?...

По сообщенію И. М. Брушвита, весь золотой запасъ съ упаковкой умѣщался въ 2-хъ поѣздахъ по сорокъ вагоновъ. Значитъ ли это, что въ это количество онъ не включилъ такую «мелочь», какъ сорокъ вагоновъ серебра и драгоцѣнностей?...

«Адмиралъ Колчакъ увезъ съ собою изъ Омска только 28 вагоновъ» — обличительно киваетъ д-ръ Куделя.

Въ приводимомъ выше документѣ — просьба «Комуча» къ Чешскому Національному Совѣту взять подъ охрану золотой запасъ—указываемая цыфра 40.000 пудовъ золота и 30.000 пудовъ серебра приблизительно под-

ходитъ къ указываемымъ г. Брушвитомъ 80.000 пудамъ золотого запаса — значитъ въ общемъ опять таки не болѣе двухъ эшелоновъ.

Но въ этомъ документѣ не упоминается о другихъ драгоцѣнностяхъ, хотя среди «просителей» былъ и Вл. Лебедевъ, оповѣстившій «всѣхъ» въ своей радіо-телеграммѣ о «всякихъ другихъ цѣнностяхъ» на огромную сумму, и обнадежившій Россію не безпокоиться о цѣлости ихъ. О Самарскихъ восьмидесяти милліонахъ рублей также ничего не говорится, какъ будто это такая мелочь, о которой не стоитъ и упоминать. О такихъ же пустякахъ, какъ сто милліоновъ кредитными — я уже и не говорю, ихъ и слѣдъ простылъ...

Въ концѣ то концовъ — что же мы узнаемъ отъ д-ра Кудели о Казанскомъ золотомъ запасѣ? Очень немного...

Сколько взято въ августѣ мѣсяцѣ въ Казани? Мы точно не знаемъ...

Сколько дошло въ сентябрѣ 1918 г. до Уфы? Неизвѣстно...

Сколько привезено чехами въ Челябинскъ? Со странной прибылью...

Сколько, наконецъ, получено Омскимъ Правительствомъ въ октябрѣ? Данныхъ нѣтъ...

Всѣ причастные или, какъ ихъ называетъ д-ръ Куделя, «живые документы», вмѣсто того, чтобы ясно и опредѣленно сказать: «мы приняли столько то», говорятъ только: «изъ Казани вывезено...» и при этомъ не только впадаютъ въ странныя противорѣчія, но словно нарочно въ своихъ показаніяхъ преподносятъ общественному мнѣнію величины несоизмѣримыя: рубли, ящики, эшелоны, вагоны, пуды и т. д...

Да не посѣтуетъ читатель, что я такъ долго задержался на этомъ больномъ вопросѣ.

Вывозъ золота изъ Казани — событіе государственной важности и во всей борьбѣ за Волгу играетъ главнѣйшую роль, слѣдовательно, и каждаго русскаго патріота онъ интересуетъ прежде всего. Золотой запасъ — достояніе нашихъ дѣдовъ и отцовъ, переданное нашему поколѣнію. А какъ мы распорядились съ этимъ наслѣдствомъ? Кто то пришелъ, взялъ, погрузилъ, возилъ, перевозилъ, другъ у друга выхватывалъ съ цѣлью спасти и такъ «спасли», что теперь и концовъ не найдешь...

И сами мы, русскіе люди, дошли до такого состоянія, что даже интересоваться судьбой русскаго золота считается чуть ли не зазорнымъ. Конечно, истина выяснится въ полной мѣрѣ по возстановленіи нашей Родины, но и сейчасъ, въ глухую полночь, когда всѣ кошки сѣры, мы этимъ вопросомъ должны интересоваться и освѣщать, не взирая на то, что кому нибудь и почему нибудь это не нравится. Болѣе того — это нашъ нравственный долгъ, ибо грядущее намъ на смѣну поколѣніе предъявитъ намъ

рано или поздно грозный вопросъ: «А что вы сдѣлали съ наслѣдіемъ дѣдовъ?».

На этотъ вопрось мы должны быть готовы дать ясный и опредѣленный отвѣтъ!

VII.

Казань продолжала переживать послѣдніе дни передъ паденіемъ; какъ миражъ; постепенно исчезала и, наконецъ, совершенно исчезла надежда на помощь союзниковъ. Обстрѣлъ города усилился, къ большевикамъ подошли сильныя подкрѣпленія изъ интернаціональныхъ отрядовъ, формированіе которыхъ ими въ то время тщательно скрывалось (нынѣ — это иностранные легіоны — войска III Интернаціонала)*).

И вдругъ, какъ то внезапно, стало извѣстно, что Казань оставлена не только представителями Правительства, Лебедевымъ и Фортунатовымъ, но и военнымъ командованіемъ, и что войска отходятъ на Сибирскій трактъ — въ городѣ началась паника.

Извѣстіе объ оставленіи Казани войсками пришло поздней ночью съ 7 на 8 сентября и всѣ казанцы, кто хоть мало-мальски былъ связанъ съ дѣломъ обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всѣмъ жестокимъ гоненіямъ, неоднократно обѣщаннымъ Троцкимъ въ его приказахъ...

Начались тяжелыя сцены разставанья...

Голосила молодая жена, прощаясь съ мужемъ добровольцемъ и немогущая послѣдовать за нимъ въ неизвѣстность съ двумя маленькими дѣтьми.

Старый русскій генералъ, участникъ многихъ кампаній, послѣдній разъ крестилъ своего единственнаго сына гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцвѣтное русское знамя...

Безсильно рыдала, пришибленная горемъ, старушка мать, надѣвая на сына студента, образокъ Казанской Божьей Матери.

Вотъ идетъ слободской рабочій, окруженный цѣлымъ выводкомъ своихъ ребятишекъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается и беретъ по очереди на руки то того, то другого малыша, ни-какъ не желающихъ отстать отъ «тяти».

---

*) Послѣ славной смерти на полѣ брани сербскаго воеводы Благотича, среди сербскаго отряда стало замѣчаться невольное унынiе; несмотря на свою малочисленность, сравнительно съ остальнымъ гарнизономъ Казани, сербы составляли довольно вѣскую силу: ни разу среди нихъ не дрогнула дисциплина, ни на одну минуту не поколебалась ихъ вѣра въ правоту дѣла борьбы съ большевизмомъ и самое главное — ни чемъ они не связали себя въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ «русскій золотой запасъ» — какъ пришли, такъ и ушли нищими — вотъ почему имъ теперь и не приходится прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ въ цѣляхъ самооправданія въ этомъ роковомъ и деликатномъ вопросѣ, какъ это вынуждены дѣлать политическіе и военные вожди чехословацкихъ легіоновъ.

Короче говоря: любовь къ Россіи у нихъ не была связана съ золотомъ...

Уже розданы всѣ гостинцы, обѣщаны всѣ подарки, а ребятишки все бѣгутъ за отцомъ. Наконецъ, уговаривавшая ихъ мать махнула рукой и кинулась назадъ — въ свой слободской домишко. Наспѣхъ захвативъ кое-что, она возвращается и уже всѣ, вмѣстѣ, они спѣшатъ къ городскимъ воротамъ.

Помню, какъ потомъ я собиралъ эту дѣтвору на большую скрипучую телѣгу, уступленную мнѣ Уѣзднымъ Союзомъ Увѣчныхъ Воиновъ; дѣти беззаботно пѣли пѣсни, смѣялись, а вокругъ шли понурившись родители...

По дорогамъ тянулись бѣженцы, также нагруженные дѣтьми и захваченными впопыхахъ вещами... Попадались встрѣчные — это были поддавшіеся первой паникѣ и теперь возвращавшіеся обратно.

Среди нихъ вижу, измученное безсонной ночью, доброе лицо стараго преподавателя нашего реальнаго училища; онъ перекрестилъ меня: «вы идете, а я не могу уже: боленъ я, да и старъ» — и мы разстались...

Отходящихъ начали догонять новыя волны бѣженцевъ, которыя разсказывали, что красные уже вошли въ крѣпость и набросились на близлежащія улицы, что они грабятъ и разбиваютъ лавки, что уже сбросили съ колокольни священника и вообще творятъ разныя безчинства...

Надъ дорогами, усѣянными бѣженцами, летали нѣмецкіе аэропланы... А въ головѣ, какъ удары молота, раздавались слова проклятій, остающихся въ городѣ: «Зачѣмъ вы приходили? Вы растоптали нашу вѣру въ васъ. Вы хуже большевиковъ, — тѣ хоть прямо говорятъ, что идутъ грабить и убивать насъ, вы же говорили, что пришли насъ спасать и... обманули — предали насъ въ руки красныхъ палачей, а сами теперь трусливо убѣгаете»...

Надъ головами, въ смутномъ сентябрьскомъ небѣ, курлыкали перелетныя птицы, наводя на однихъ горькія думы о только что покинутыхъ гнѣздахъ, у другихъ же вызывая надежды на лучшее, въ этой притаившейся гдѣ то впереди неизвѣстности — куда они, шагъ за шагомъ, день за днемъ, все дальше и дальше уходили отъ родной рѣки...

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

Александръ Котомкинъ.

«Революціонная Армія» въ иностранной каррикатурѣ.

Русская женщина-солдатъ спасаетъ Россію.

VII.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗЪ ВОЗЗВАНІЯ

КЪ АРТИСТАМЪ И ХУДОЖНИКАМЪ
МОСКОВСКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

15 апрѣля 1917 г.

...Граждане артисты и художники! Глухая замкнутая стѣна долго отдѣляла васъ отъ вскормившаго васъ народа, вашъ голосъ не могъ доноситься до него, огонь вашего таланта согрѣвалъ только привилегированныхъ счастливцевъ. Теперь стѣна пала, передъ вами широкій просторъ и огромныя массы людей, жаждущихъ свѣта, добра и красоты; для каждаго желающаго изъ васъ работы много. Приходите!

Предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Л. Хинчукъ.

Предсѣдатель Художественно-Просвѣтительнаго Отдѣла В. Вересаевъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ

КАЗАЧЬЯГО СЪѢЗДА

28 іюля 1917 г. (п. 2-й).

...Вывести Россію на путь спасенія можетъ только единая, сильная, національная власть, облеченная неограниченными полномочіями...

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ — (МЫСЛИ)

А. И. ШИНГАРЕВЪ

НА 6-МЪ СЪѢЗДѢ ВСЕРОССІЙСКАГО СОЮЗА ГОРОДОВЪ

10 апрѣля 1917 г.

...Въ данный моментъ отъ хлѣба зависитъ все государство... Безъ хлѣба невозможно сохранить только что добытую свободу...

...Я вѣрю, что страна, отдавшая государству своихъ дѣтей, отдастъ ему и свой хлѣбъ. Я ухожу спокойнымъ, потому, что вѣрю, что хлѣбъ и свобода намъ обезпечены...

БѢЛОРУСОВЪ

из статьи «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
(«Русс. Вѣдомости», 30 іюля 1917 г.)

...Потому что, — это установлено не нами, — всѣ тѣ, которые не одобряютъ эту революцію, которая есть — суть контръ-революціонеры...

Н. Д. СОКОЛОВЪ

НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ СЪѢЗДѢ УЧИТЕЛЕЙ
9 апрѣля 1917 г.

...Двоевластія нѣтъ. Есть лишь правильное соотношеніе двухъ группъ: Временнаго Правительства и крупнѣйшей организаціи, которая обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ для осуществленія демократическихъ реформъ...

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ

1) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. С. И Р. Д.
9-го іюля 1917 г.

...На насъ, соціалистахъ, лежитъ отвѣтственность за разруху въ арміи...

...Вспомните, что еще два мѣсяца назадъ нельзя было и заикнуться о словѣ — родина...

...Въ Исполнительномъ Комитетѣ лидерами и вожаками были большевики...

...Вотъ мы и добились, что втолковали солдату, который шелъ изъ простого естественнаго человѣку чувства защищать свою землю, свой домъ, свою семью, — втолковали идею, что онъ идетъ на войну для наполненія кармановъ капиталистовъ...

2) ВЪ ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»
4 августа 1917 г.

...Мы, старые революціонеры, старые политическіе противники, забыли прежніе споры и нашли слово, которое обожгло наши сердца однимъ и тѣмъ же пламенемъ. Это слово — «спасеніе родины».

Но это слово, увы, не объединило всей Россіи...

П. Н. МИЛЮКОВЪ

1) НА РУССКО-АМЕРИКАНСКОМЪ МИТИНГѢ
10 апрѣля 1917 г.

Еще нѣсколько недѣль назадъ, обращаясь къ вамъ съ этой кафедры, я говорилъ:

«Милостивые Государи и Государыни»...

Теперь, съ сердцемъ полнымъ радости, я говорю:

«Граждане и гражданки Свободной Россіи»...

2) НА ЧАСТНОМЪ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВ. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

...Министры-соціалисты, вошедшіе въ коалиціонное правительство, оффиціально заявили, что они входятъ не для соглашенія, а для продолженія классовой борьбы...

...Въ нашихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Правительству, нѣтъ ничего партійнаго... заявленіе это есть тотъ минимумъ обще-русскихъ требованій, обращенныхъ къ Правительству, исполненіе которыхъ только и можетъ дать этой власти дѣйствительно всенародную, а не партійную поддержку...

3) НА 9-МЪ КАДЕТСКОМЪ СЪѢЗДѢ
25 іюля 1917 г.

...Большевизмъ больше не опасенъ, какъ не опасна реставрація...

4) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ
16 августа 1917 г.

...Соціалисты западные вносятъ миръ и успокоеніе. Наши соціалисты усиливаютъ классовую борьбу...

...Болѣе умѣренныя группы соціалистовъ согласны признать то положеніе, что среди большевиковъ есть предатели и измѣнники, но они также не допускаютъ мысли о томъ, что сама идея большевизма преступна.

КН. Г. Е. ЛЬВОВЪ

ВЪ БЕСѢДѢ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ
12 іюля 1917 г.

...Я глубоко скорблю, что наши революціонныя демократическія организаціи не отразили въ себѣ истинныхъ чувствъ и государственнаго пониманія русскаго народа.

Въ то время, какъ Россія предала проклятью наемныхъ убійцъ и ихъ друзей съ нѣмецкой и уголовной помѣсью, они по прежнему работаютъ въ составѣ С.С. и Р. Д. При такихъ условіяхъ Совѣты не могутъ вести русскую демократію по пути государственности, какъ понимаетъ ее русскій народъ въ цѣломъ. Они ниже уровня общественной народной морали...

ИЗЪ ПИСЬМА В. Л. БУРЦЕВА

ВЪ РЕД. «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

9-го іюля 1917 г.

...М. Горькій работаетъ надъ разложеніемъ Россіи и развитіемъ въ ней анархіи рука объ руку съ ленинцами, изъ которыхъ одни сознательно, а другіе безсознательно все время были агентами Вильгельма II въ Россіи во время войны и дѣлали его дѣло...

ИЗЪ БЕСѢДЫ П. Н. ПЕРЕВЕРЗЕВА

СЪ СОТРУДНИКАМИ ПЕЧАТИ

7-го іюля 1917 г.

...Лично я давно убѣжденъ, что Ленинъ работалъ на германскія деньги. Точно также я глубоко убѣжденъ и высказывалъ это открыто, что считаю его неспособнымъ взять деньги для себя.

...Ленинъ — это почти сумасшедшій фанатикъ...

Л. Г. ДЕЙЧЪ

ВЪ БЕСѢДѢ СЪ СОТРУДНИКАМИ ПЕЧАТИ

7-го іюля 1917 г.

...Ленинъ всегда держался того мнѣнія, что деньги не имѣютъ запаха...

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВЪ

1) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. Р. И С. Д.

14-го іюля 1917 г.

...Мы должны пасть съ честью, защищая революцію...

...Побольше дѣла и поменьше словъ. Мы много диспутировали, и я боюсь, что мы продиспутируемъ и настоящій моментъ...

) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА.

4 августа 1917 г.

...Демократія или должна взять на себя всю отвѣтственность за го-ударственное устройство, или же прямо заявить: я отказываюсь отъ го-ударственнаго строительства, пускай это дѣлаетъ кто либо другой...

) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ.

...Мы можемъ охарактеризовать внутреннее положеніе Россіи, какъ оложеніе развала и распыленности власти и наличіе воли групповыхъ стрем-еній...

...Временное Правительство смѣетъ завѣрить, что если появятся акіе,) то они прежде всего переступятъ черезъ трупы Временнаго Пра-ительства...*

Н. В. НЕКРАСОВЪ

НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ

...Надо смотрѣть правдѣ въ глаза — нельзя винить только старое равительство. Дѣятельность революціоннаго правительства ыла наиболѣе расточительной...

.. Еще одинъ больной вопросъ, еще одна горькая правда. Нашъ ре-олюціонный строй обходится казначейству дороже тараго...

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ

) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы беремъ на себя обязанность спасти родину и революцію и то что ороже жизни: великія идеи свободы, равенства и братства, во имя которыхъ ы боролись, страдали и умирали...

...Временное Правительство будетъ рѣшительно бороться, какъ съ реак-іонными попытками справа, такъ и съ анархіей слѣва. Пусть никто не ду-

*) Рѣчь идетъ о посягателяхъ на власть Врем. Прав. (*Ред.*).

маетъ, что нанесенный намъ ударъ сдвинетъ государство хоть бы на одинъ шагъ. Это допущено не будетъ.

...Русская Армія пойдетъ туда, куда ей укажетъ военный министръ и Временное Правительство...

2) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ

...Наша сила въ великомъ довѣріи, которое питаютъ къ намъ широкія массы народа и всѣ наши братья, которые милліонами, взявъ штыки и оружіе, защищаютъ наши границы, родину и революцію...

...И только черезъ нашу жизнь можно погубить и разодрать тѣло великой демократіи русской...

...И если нужно будетъ для государства, мы душу свою убьемъ, но государство спасемъ...

А. М. МАСЛЕННИКОВЪ

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ

18 іюля 1917 г.

27 февраля сюда пришелъ взбунтовавшійся Волынскій полкъ и прибѣжали толпы рабочихъ.

Вожаки революціи Керенскій, Скобелевъ и Чхеидзе пришли и молили Государственную Думу, чтобы она возглавила это возстаніе, что только въ этомъ залогъ успѣха революціи, а не солдатскаго бунта, который будетъ легко подавленъ.

Государственная Дума возглавила это движеніе. Благодаря Думѣ дѣйствительно совершилась революція, но въ этотъ моментъ къ революціи примазалась кучка сумасшедшихъ фанатиковъ, проходимцевъ и предателей, назвавшихъ себя Исголнительнымъ Комитетомъ Совѣтовъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ...

...Пора бросить терминоологію Николая II...

У него прежде всего было «Я», а на запяткахъ Россія. У нынѣшнихъ господъ, захватившихъ власть, тоже революція впереди, а потомъ гдѣ то Россія...

В. М. ПУРИШКЕВИЧЪ

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

.. *Я убѣжденнѣйшій монархистъ и своихъ убѣжденій не могу мѣнять. Но я готовъ служить послѣднему умному соціалъ-демократу, стоящему у власти, и запрятать свои симпатіи, если буду вѣрить, что онъ поведетъ Россію къ спасенію...*

...Керенскій такой же чисто идейный человѣкъ, какъ и Церетели. Они кристально чистые люди, но они оторваны отъ быта и знанія родной земли. Нужно прежде всего, чтобы власть проявила боевой импульсъ и чтобы перестала существовать партія «И. И.» — испуганной интеллигенціи.

Ф. И. РОДИЧЕВЪ.

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ.

18 іюля 1917 г.

... *Временное Правительство — несчастно...*

... *Мы стоимъ передъ катастрофой и несчастье состоитъ въ томъ, что власть, отвѣтственная за судьбы родины, не смѣетъ сказать странѣ всю правду въ глаза...*

... *Нельзя одновременно вести войну и перестраивать всю соціальную жизнь въ условіяхъ международнаго пожара...*

... *Въ трудную минуту — долгъ каждаго, кому дороги судьбы отечества, не поддаваться паникѣ... Тѣмъ болѣе мы не должны бросать въ страну паническихъ возгласовъ...*

Б. В. САВИНКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСѢДАНІЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.
21 іюля 1917 года.

... *Главная и основная причина разрухи арміи — бездѣйствіе власти, проявленное полномочными органами революціонной демократіи.*

Тамъ, гдѣ льется ежеминутно кровь, тамъ думали дѣйствовать словами и увѣщеваніями.

Въ арміи нѣтъ дисциплины, ибо полномочные органы революціонной демократіи воспрепятствовали созданію ея во время.

Неужели же органы революціонной демократіи такъ глубоко и безнадежно не понимаютъ арміи? Ибо въ томъ, что за четыре мѣсяца революціи мы потеряли армію — виновны только они.

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Недисциплинированная армія — угроза революціи.

Армія, въ которой обсуждаютъ и критикуютъ боевые приказы, немыслима... Всякіе боевые приказы должны быть выполнены безъ разсужденій...

Н. И. АСТРОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Отъ распутья царизма мы попали въ другое распутье...

П. А. КРОПОТКИНЪ.

1) НА ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»
4 августа 1917 г.

... Всѣ расчеты Германіи построены на упадкѣ нашего духа...

У насъ по старой привычкѣ всего ждутъ отъ правительства, а агенты германскаго генеральнаго штаба, въ роли истинныхъ соціалъ-демократовъ, дѣлаютъ все возможное, чтобы раздробить наши силы и убить нашъ духъ...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Не будемъ дѣлиться на правыхъ и на лѣвыхъ, у насъ одна родина и за нее мы должны лечь костьми, и правые, и лѣвые.

П. П. РЯБУШИНСКІЙ.

1) ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ МОСКВѢ.
4 августа 1917 г.

... Мы искренно привѣтствовали сверженіе царской власти, но свергая царскую власть мы не хотѣли, чтобы народъ страдалъ и чтобы мы и вся Россія находились подъ новой тираніей...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Мы слышали здѣсь «зелененькія и красныя слова съ ужимками царскаго

наслѣдія», но мы не видѣли и не видимъ власти; управляютъ нами несбыточныя мечты невѣжества и демагогіи...

... Если постылое прошлое насъ размежевываетъ, то пусть мы сблизимся хотя бы въ горѣ....

А. И. ГУЧКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Прежде мы воевали плохо, а теперь еще хуже... Мы идемъ къ тому, чтобы проиграть войну окончательно...

... Наша теперешняя власть больна тѣмъ, что ея нѣтъ...

...Такъ называемая революціонная демократія исключила изъ своего состава многіе и многіе элементы нашей, въ сущности, сугубо демократической страны...

В. А. МАКЛАКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

16 августа 1917 г.

... Никакіе ваши крики не помѣшаютъ мнѣ сказать, что разложеніе арміи началось послѣ переворота...

... Нужны не слова. Нужно работать. Докажите, что вы любите родину не какъ театръ для революціи или для демонстраціи... Умѣйте дерзать...

П. Б. СТРУВЕ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

8 августа 1917 года.

... Пусть смолкнутъ, наконецъ, всѣ эти безсмысленныя, съ точки зрѣнія научной совершенно никуда негодныя, рѣчи и возгласы о классахъ и классовой борьбѣ въ настоящее время, о буржуазіи и пролетаріатѣ...

... Сейчасъ въ Россіи есть также два вида или двѣ породы людей, которые были въ грозное смутное время 17 вѣка: — прямые и кривые. Одни стоятъ за Россійское государство, за его оборону, за его цѣлость и честь; другіе — въ темной водѣ политической смуты и хозяйственной разрухи производятъ захваты и разрушаютъ господство права, подрываютъ народное согласіе, мощь вооруженной силы и, наконецъ, подрываютъ народное хозяйство...

В. В. ШУЛЬГИНЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Всякіе коллективы мало подвижны, близоруки и глубоко эгоистичны, Коллективы требуютъ, чтобы имъ говорили въ желательномъ смыслѣ...

...Когда мы требуемъ, чтобы вы были сильны, мы не преслѣдуемъ узко классовыхъ интересовъ... Мы желаемъ, чтобы вы были сильны во имя Россіи...

... Они (коллективы) мало подвижны — вы это видѣли у Тарнополя, когда митинговая стратегія запоздала спасти все то, что Совѣщаніе по оборонѣ съ такимъ адскимъ трудомъ накопило въ теченіе полутора лѣтъ. А знаете ли вы, что такое, рядомъ съ митинговой стратегіей, митинговое исправленіе паровозовъ?..

С. И. ТРЕТЬЯКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Если бы потребовалось, то мы отдали бы на алтарь отечества все, даже свою жизнь...

И. А. ИЛЬИНЪ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

... У Ленина есть сейчасъ въ Россіи преемникъ. Этотъ преемникъ Викторъ Черновъ.

... Черновъ настолько неумный человѣкъ, что то, что я, никогда не бывшій ни министромъ, ни солдатомъ, понимаю, — онъ, министръ, спасающій Россію, этого не понимаетъ, онъ думаетъ, что солдатъ останется на фронтѣ, когда землю дѣлятъ...

Н. С. ЧХЕИДЗЕ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы (С. С. и Р. Д.) не остановимся ни передъ какими жертвами для спасенія революціи и Россіи...

М. В. РОДЗЯНКО

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ.
18 іюля 1917 г.

...Передъ нами во весь ростъ стоитъ угроза государственнаго банкротства, разоренія земствъ и городовъ, разрушенія промышленности и торговли и сельскаго хозяйства, полное разстройство желѣзныхъ дорогъ, угроза холода и голода для городского населенія.

Катастрофа въ тылу повлечетъ за собою гибель арміи, а гибель арміи есть гибель Россіи.

Путь одинъ — твердая и суровая власть.

Иначе вмѣсто народной власти создастся другая, безпощадная къ тѣмъ свободамъ, которыя завоеваны русской революціей...

Е. ЕГОРОВЪ.

ИЗЪ СТ. «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
(«Нов. Вр». 27 іюля 1917 г.)

... Монархія пала безболѣзненно. Она пережила самое себя. Она пала не потому, что не нашла защитниковъ въ столицѣ государства: она умерла въ сердцахъ двухсотъ милліоннаго народа задолго до возстанія въ столицѣ.

Стрѣльба въ воздухъ — вотъ чѣмъ было низвержено царское самодержавіе...

Б. О. БОГДАНОВЪ.

СОВѢЩАНІЕ ПО ОБОРОНѢ.
7 августа 1917 года.

... Наша революція не зажгла всемірнаго пожара революціи, о чемъ мы говорили пять мѣсяцевъ...

ГЕНЕРАЛЪ М. В. АЛЕКСѢЕВЪ.

1) МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.
8 августа 1917 г.

... Въ ряду прочихъ факторовъ, армія имѣетъ громадное значеніе для будущаго Россіи. Будетъ армія драться, будетъ она одерживать побѣды, — Россія спасена; будетъ продолжаться бѣгство и, быть можетъ, не будетъ Россіи.

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Въ солдатской массѣ было сознаніе долга, было единеніе съ офицерствомъ, хотя кадровые офицеры, искони бывшіе солдатами и искренно солдата любившіе, были перебиты. Но люди, влившіеся въ офицерскую среду, несмотря на свою меньшую подготовку, поддерживали прежнія традиціи и съ охотой отдавали свою жизнь, идя впереди солдатъ...

ГЕНЕРАЛЪ Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

1) ВЪ БЕСѢДѢ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ.

18 іюля 1917 г.

... При всякой опасности нужно думать объ общемъ для насъ дѣлѣ, а не о себѣ и тогда будешь спокоенъ...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Между тыломъ и фронтомъ не можетъ быть разницы въ суровости возмездія за измѣну...

... Нельзя допустить мысли, что каждая реформа будетъ покупаться у насъ цѣною пораженій...

VIII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ

НОВАЯ СИЛА.

Русская эмиграція находится на порогѣ весьма показательныхъ событій духа времени — событій, которыя теперь уже раскололи ее на два лагеря и которыя, въ конечномъ итогѣ, могутъ дать или рядъ непредвидѣнныхъ сюрпризовъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, *выдвинувъ его на новые пути и облачивъ въ новыя формы*, или же *раздробить* и безъ того раздробленную эмиграцію, вызвать новый потокъ (или потопъ) пререканій, упрековъ, полемики и, усиливъ враждебность взаимотношеній, похоронить на долгія времена идею участія Зарубежной Руси въ дѣлѣ Освобожденія Россіи.

Рѣчь идетъ о психологически и физически естественномъ сдвигѣ въ рядахъ эмиграціи — о *перемѣщеніи политическаго центра тяжести* въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ стариковъ къ молодежи, иными словами говоря, — молодежь, недовольная бездѣятельностью или безплодностью дѣятельности старшаго поколѣнія, желаетъ отнынѣ дѣло борьбы взять въ свои руки, вести его наиболѣе *активными путями* и, въ своемъ лицѣ, создать дѣйствительную силу — *силу дѣйствія*, а не словоговоренія, силу, которая поможетъ эмиграціи выбраться изъ пропасти и ввергнуть туда неистовствующій большевизмъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, суть вопроса — это еще пока не землетрясеніе, это только глухіе подземные удары, но уже сейчасъ можно сдѣлать прогнозъ, что во 1) вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ далеко не безболѣзненно, ибо наиболѣе воинствующая часть стараго поколѣнія «позицій своихъ безъ боя не сдастъ» и во 2) что событіе это будетъ чревато послѣдствіями въ зависимости отъ дальнѣйшихъ взаимоотношеній между старымъ и новымъ поколѣніями.

Мнѣ кажется, что къ рѣшенію этого вопроса — о борьбѣ — съ одной стороны, «за удержаніе власти», а съ другой, «за пріятіе власти», — нужно подходить съ величайшей осторожностью, и отбросивъ въ сторону личныя симпатіи и антипатіи, партійные счеты, глухую ненависть къ прошлому и безпричинную зависть къ будущему, поставить этотъ вопросъ на реальную почву — *что дала въ прошломъ и что можетъ дать въ будущемъ каждая изъ сторонъ.*

Вся жизнь и дѣятельность стараго поколѣнія — *въ прошломъ*, и только безумецъ возьметъ на себя смѣлость отрицать заслуги ихъ во всѣхъ отрасляхъ культурной жизни Русскаго Государства. Заслуги эти *неоспоримы* и *настолько* велики, что не въ этихъ краткихъ строкахъ можно учесть ихъ; скажемъ лишь обще: *только благодаря этимъ великимъ и неоспоримымъ заслугамъ мы имѣемъ возможность гордиться Великой Россіей прошлаго, давшей міру невиданные и неподражаемые образцы въ той или иной области.*

И поистинѣ не только «шапки долой передъ ихъ сѣдиной», но и земной поклонъ великимъ культурнымъ заслугамъ ихъ, великой силѣ, двигавшей ихъ въ былыя времена...

Но если велики ихъ заслуги, то тѣмъ не менѣе велики и ошибки, а можетъ быть и преступленія, совершенныя ими и, опять таки, только близорукій станетъ утверждать, что вся ихъ дѣятельность прошла *гладко и безболѣзненно...*

Нѣтъ! *Одни* изъ нихъ, шествуя по намѣченному своимъ крайнимъ разумѣніемъ пути возвеличенія Россіи, свернули на пути ложные и сознательно или безсознательно, но совершили рядъ *величайшихъ ошибокъ* и *глубочайшихъ преступленій*, и что хуже всего — гордые своими прежними заслугами, самоувѣренные въ своемъ величіи, а стало быть и безошибочности, они не имѣли гражданскаго мужества во время остановиться, хотя бы на мгновенье, и критически разобраться во всемъ содѣянномъ ими, подвести итоги плюсовъ и минусовъ, провѣрить этапы пройденнаго пути — нѣтъ, критики они и тогда не терпѣли, какъ не терпятъ ее и теперь!..

И такимъ образомъ, созидая и разрушая, они дошли до того предѣла, до той роковой черты, самоувѣренно-легкомысленно перешагнувъ которую они сами же сдѣлались первыми жертвами всего содѣяннаго ими...

Другіе — стоя у кормила власти или общественности и видя ошибочные или преступные шаги своихъ соратниковъ или сверстниковъ, въ силу ли бездѣятельности, нейтральности, преступнаго попустительства — или какъ это принято называть — бюрократизма, не захотѣли, или просмотрѣли, или не съумѣли во время остановить ихъ разрушительную работу и въ результатѣ вмѣстѣ съ ними и Россіей свалились въ пропасть, изъ которой вотъ уже болѣе восьми лѣтъ тщетно стараются выкарабкаться.

Наконецъ, и это самое главное — восемь лѣтъ, восемь долгихъ лѣтъ и тѣ и другіе барахтаются на днѣ этой пропасти и до сихъ поръ не только не могутъ выбраться изъ нея, но даже не создали проблеска этой возможности для себя и для другихъ.

Казалось бы ужась всего пережитаго, сознаніе своихъ ошибокъ, милліоны загубленныхъ жизней, нищета, неудачи, а главное позоръ Родины должны были чему нибудь научить ихъ, заставить найти общій языкъ, соединить

свои усилія и,отбросивъ въ сторону сведеніе партійныхъ или иныхъ счетовъ, стать на единственно возможный путь — *путь общности дѣйствій*.

Такъ нѣтъ же! гордясь каждый только своими заслугами въ прошломъ (повторяю опять таки — совершенно справедливо), старое поколѣніе упорно вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ признать ни прошлыхъ ошибокъ и преступленій, виноваты всѣ и вся — кромѣ нихъ , ни ложныхъ методовъ и безсистемности настоящаго, а болѣе всего не хотятъ сознаться въ своемъ безсиліи, безплодности, въ томъ,что они отстали отъ теченія современной жизни, далеко ушедшей впередъ и не понимаютъ смысла ея — вотъ почему всѣ лѣкарства спасенія Россіи, приготовленныя по ихъ рецептамъ, оказываются или устарѣвшими, или ядовитыми, или безрезультатными.

Каковы же эти методы, которые выдвинуты ими во имя освобожденія Россіи? Прежде всего мы видимъ старыя партійныя пререканія, дающія въ конечномъ итогѣ до отвращенія нудную старческую болтологію; далѣе — вновь выдвинуты затасканные лозунги, съ которыми отживающему поколѣнію также тяжело разстаться какъ со старымъ халатомъ; на основаніи логарифмическихъ вычисленій заслугъ прошлаго, возникаетъ споръ о мѣстничествѣ, а главное — величайшая самоувѣренность каждаго изъ нихъ только *въ своей* правотѣ, вѣра въ дѣйствительность только *своихъ* принциповъ и методовъ, все же остальное — чушь, однимъ словомъ, полное отсутствіе какого бы то ни было примиряющаго и объединяющаго начала.

А между тѣмъ время не ждетъ, время торопится, летитъ, уходитъ въ вѣчность — все живущее отживаетъ, отцвѣтаетъ, слабѣетъ, обезсиливаетъ и уходитъ въ небытіе—таковы законы природы, которымъ все живущее подчиняется... кромѣ, повидимому, нашего стараго поколѣнія.

У «семи нянекъ дитя безъ глазу», — удивительно ли, что при такомъ положеніи дѣлъ, эта пословица въ Зарубежной Руси оправдалась полностью?

Что бы не взяло старое поколѣніе въ свои руки — дѣло это неизмѣнно хирѣетъ, глохнетъ и умолкаетъ на вѣки, а на смѣну имъ идутъ новыя попытки, новыя дозы лѣкарствъ спасенія, по старымъ уже испробованнымъ и оказавшимися негодными рецептамъ, новые фантастическіе узоры на старой блещущей дырами и заплатами ткани, затѣмъ, какъ полагается, очередной провалъ всей затѣи и такъ безъ конца...

Итакъ,—подведя итогъ о старомъ поколѣніи, нужно, не боясь нареканій, прямо и открыто сказать: *блескъ прошлаго, безсиліе*, а *отсюда безплодность, настоящаго* и *безпросвѣтность будущаго*.

Естественно, что молодое поколѣніе не можетъ съ этимъ примириться и такъ какъ *будущее принадлежитъ ему*, то оно и заявило неоспоримыя права на самостоятельность устройства этого своего будущаго; но прежде всего, слѣдуя системѣ, нужно сказать нѣсколько словъ — кто же эта молодежь?

Это тѣ, кто въ свое время воздавали идеалъ своихъ стремленій въ той или иной области, по образцу апостоловъ стараго поколѣнія, кто молился этимъ апостоламъ и боготворилъ ихъ, кто за величайшее благо считалъ попасть кь нимъ въ число учениковъ, кто съ трепетомъ слѣдилъ за каждымъ ихъ словомъ, шагомъ, движеніемъ.

Это тѣ, кто девять лѣтъ тому назадъ—проявили *дѣйствительную активность* на улицахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ.

Это тѣ, кто не помирился съ неудачами въ этой первой борьбѣ и перенесъ эту *дѣйствительную и дѣйственную* борьбу на берега Дона, Кубани, Волги, Сѣв. и Зап. Двины.

Это тѣ, кто вели эту борьбу не только на внѣшнихъ фронтахъ, но и на фронтахъ внутреннихъ, создавая затрудненія и осложняя существованіе совѣтской власти.

Это, наконецъ, тѣ, кто послѣ испытанныхъ неудачъ и пораженій (не по ихъ, *простыхъ исполнителей*, винѣ), попали въ ту же эмиграціонную пропасть и, втеченіе восьми лѣтъ, довѣрчиво и терпѣливо, помогали своимъ учителямъ, въ ихъ безсильныхъ потугахъ, вылѣзть изъ нея.

Это тѣ, кто, извѣрившись въ нихъ, ушелъ на фабрики, заводы, рудники—работая и учась, учась и работая, обезпечивая себѣ насущный день и пріобрѣтая знанія (опытъ у нихъ уже есть) —для будущей борьбы и твердо вѣря въ успѣхъ этой послѣдней компромиссной борьбы.

Вотъ какова эта молодежь въ прошломъ и настоящемъ, претендующая на самостоятельное устройство своего будущаго.

Окажется ли эта послѣдняя задача ей по плечу? — трудно сказать...

Мы не знакомы ни съ планами, ни съ надеждами молодости, но считаемъ своимъ долгомъ предостеречь ее, какъ отъ *чрезмѣрныхъ*, на этомъ трудномъ и тернистомъ пути *увлеченій*, такъ и отъ *полнаго игнорированія* мудрой старости: но бережно принявъ отъ нихъ захирѣвшую идею освобожденія, вдохнуть въ нее духъ молодости, жизненности, энергіи и активности.

Политическаго прошлаго у молодого поколѣнія нѣтъ — въ этомъ можетъ быть его минусъ, но за то у молодежи есть другое прошлое, обволокивающее ихъ сердца теплотой воспоминаній и привязанности къ другу другъ, должное послужить залогомъ самаго тѣснаго единенія: этотъ могущественный плюсъ зиждется *на той крови*, которую проливали на поляхъ Дона, Кубани, Сѣвера, Запада и Юга Россіи вся молодежь въ цѣломъ: и монархисты, и кадеты, и эсъ-деки, и эсъ-эры, и безпартійные...

Владимиръ Игоревъ.

НЕСОГЛАСІЯ ВЪ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Новая тяжесть обрушилась на эмиграцію и именно съ той стороны откуда ея меньше всего ждали: ко всѣмъ многочисленнымъ недугамъ, разъѣдающимъ и ослабляющимъ и безъ того слабый организмъ эмиграціи, грозитъ присоединиться еще одинъ — *недугъ церковнаго разъединенія.*

Къ счастью, на этотъ разъ, рѣчь идетъ не о какомъ нибудь лжеученіи или лжетолкованіи того или иного догмата православной вѣры — несогласія происходятъ, главнымъ образомъ, по вопросу о признаніи или непризнаніи Карловацкаго Собора высшимъ и полномочнымъ Орагомъ Зарубежнаго Церковнаго Управленія, о дѣйствительности или недѣйствительности его постановленій и, въ связи съ этимъ, о подчиненіи или неподчиненіи этимъ постановленіямъ, т. е. тому же Карловацкому Собору.

Это, такъ сказать, общая формула разногласій, изъ которой конкретно уже вытекаетъ вопросъ о возглавленіи приходовъ тѣхъ или иныхъ зарубежно-территоріальныхъ церковныхъ подраздѣленій, а отсюда, слѣдовательно, вопросъ и о первенствѣ. ..

Вся отрицательная сторона этого печальнаго явленія заключается въ томъ, что Владыки не удержались отъ искушенія вынести эти, внутреннія между собою, несогласія на судъ эмиграціи путемъ прессы, непосредственнаго общенія съ группами эмиграціи или же общенія черезъ довѣренныхъ лицъ.

Естественно, что эмиграція всколыхнулась, забурлила, и, проявивъ свое сочувствіе въ одномъ случаѣ и несочувствіе въ другомъ — раскололась на два лагеря: *друговъ и недруговъ по отношенію къ тому или иному Іерарху.*

Такимъ образомъ, событія, въ сущности второстепеннаго характера, въ области несогласія церковно-административныхъ толкованій, выносятся на судъ толпы, чѣмъ создается поводъ для критики и подрывается престижъ того или иного Владыки, но самое главное дается еще одинъ лишній поводъ *для торжества нашихъ враговъ — большевиковъ и темныхъ большевистствующихъ силъ.*

Не въ томъ дѣло, что по документамъ Св. Патріарха Тихона, функціи Зарубежныхъ Владыкъ ясно или неясно разграничены, а дѣло въ томъ, что эти документы, очевидно, въ какой то мѣрѣ вызываютъ такія сомнѣнія, что даже сами, Высшіе Церковные Служители, не могутъ разобраться въ нихъ, притти къ единству мнѣній и толкуютъ ихъ различно — какъ же можно въ этомъ случаѣ полагаться на судъ общества, не знакомаго въ тонкостяхъ—ни съ каноническими правилами, ни съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ, не знающаго подробностей причинъ разногласія и могущаго противупоставить только *лишь личныя симпатіи и антипатіи.*

О. М—я.

ТРЕХЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА СОЮЗА ГАЛЛИПОЛІЙЦЕВЪ.

12 мая*) для Галлиполійцевъ былъ памятный день—въ этотъ день они праздновали трехлѣтнюю годовщину своего бытія во Франціи (а въ общемъ итогѣ $8^1/_2$ лѣтъ ихъ существованія — что еще важнѣе).

Ко дню празднованія прибылъ генер. баронъ Врангель, послѣдній Главнокомандующій Русской (Добровольческой) Арміи, который и присутствовалъ на банкетѣ Галлиполійцевъ — въ салонахъ Доре.

Огромный залъ еле могъ вмѣстить всѣхъ пожелавшихъ принять участіе — несомнѣнный признакъ симпатій и вниманія общества къ семейнымъ праздникамъ нашей Арміи.

Кромѣ членовъ Союза, присутствовали дамы и большинство общественныхъ и политическихъ дѣятелей, живущихъ въ Парижѣ и пожелавшихъ привѣтствовать Галлиполійцевъ съ годовщиной ихъ доблестнаго военно-рабочаго бытія во Франціи, — что и было высказано многими изъ присутствующихъ въ теплыхъ словахъ.

Лейтмотивомъ застольныхъ рѣчей звучали надежды на скорое возвращеніе въ Россію и надежды возлагаемыя въ этомъ отношеніи на Армію. И доблестные хозяева и гости слились во-едино.

*) Эта и слѣдующія даты относятся къ 1926 году.

Рѣзкимъ диссонансомъ, непріятно поразившимъ присутствующихъ, и особенно старыхъ офицеровъ, явилось «колѣнопреклоненіе» одного изъ молодыхъ офицеровъ, когда онъ подносилъ традиціонную «чарочку» генералу Врангелю.

Какъ выяснилось потомъ — это «традиція» молодыхъ Галлиполійцевъ...

Странная традиція... Молодымъ Галлиполійцамъ не слѣдуетъ забывать, что подобной традиціи не было ни въ Русской Императорской Арміи, ни въ Добровольческой Арміи временъ генераловъ Алексѣева, Корнилова и Деникина, ни въ другихъ братскихъ Добровольческихъ Арміяхъ — адмирала Колчака, генерала Юденича, генерала Миллера...

И имя этой традиціи: «униженіе офицерскаго достоинства».

ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

31-го іюля въ Собраніи Союза Галлиполійцевъ состоялось панихида по павшимъ вождямъ и убіеннымъ воинамъ въ Великую Войну, послѣ чего предсѣдателемъ Союза, генераломъ Репьевымъ, было открыто торжественное собраніе, посвященное двѣнадцатилѣтію войны, на котормъ присутствовало всего.. увы 45 человѣкъ, въ томъ числѣ—изъ высшаго командованія одинъ только генералъ Шатиловъ, вскорѣ, впрочемъ, ушедшій.

А жаль! этотъ торжественный и знаменательный день нужно было бы вмѣстѣ провести всѣмъ участникамъ войны — отъ высшаго генерала и до самаго младшаго офицера...

Собраніе было открыто теплой рѣчью генерала Репьева:

«12 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда мы по повелѣнію Императора обнажили мечъ противъ дерзкаго врага, вставъ на защиту маленькой братской Сербіи — за это время пережито не мало. Мы шли на борьбу съ радостнымъ сердцемъ, увѣренные, что побѣда будетъ за нами—такъ и было бы—если бы солдаты не поддались лозунгамъ мирной жизни... врагъ не могъ съ нами справится и пошелъ на интриги»...

Перечисляя всѣхъ Вождей, упомянувъ о павшихъ участникохъ, а также и о гибели Царской Семьи, генералъ Репьевъ предложилъ почтить ихъ память вставаніемъ.

«Великая по замыслу война — продолжалъ докладчикъ — окончилась позорнымъ Брестъ-Литовскимъ міромъ, не потому что насъ разбили, а потому, что русскіе солдаты не захотѣли воевать и вотъ, въ результатѣ, Россія во власти темныхъ силъ, а мы въ изгнаніи».

Послѣдняя часть рѣчи генерала Репьева объ объединеніи подъ главенствомъ Верховнаго Вождя Великаго Князя Николая Николаевича, во имя освобожденія Россіи, было покрыта громкимъ «ура» присутствующихъ.

Слѣдующій докладчикъ, полк. Жолондковскій подробно освѣтилъ состояніе всѣхъ сторонъ передъ войной.

Сильное впечатлѣніе на присутствующихъ произвела рѣчь полковника Пятницкаго, полная глубокой любви къ Россіи и гордости былыми подвигами. Докладчикъ негодуетъ, что союзники, столь обязанные Россіи, забыли не только о всемъ содѣянномъ нами, но вообще забыли самое слово «Россія» — какъ будто бы этого слова — ни въ историческомъ, ни въ географическомъ лексиконѣ и не было никогда!...

«Но Россія воскреснетъ — говоритъ докладчикъ — и займетъ то мѣсто, которой ей принадлежитъ по праву въ ряду другихъ государствъ...»

Собраніе было закончено чтеніемъ прекрасныхъ стихотвореній корнета Станюковича, среди которыхъ нужно отмѣтить «Забытый танкъ».

IX.

ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ

БЕСѢДЫ
СЪ
ИНТЕЛЛИГЕНЦІЕЙ РОССІИ ВНУТРЕННЕЙ.

Когда я говорю объ интеллигенціи Россіи Внутренней, я, конечно, имѣю въ виду интеллигенцію не типа Зиновьевыхъ, Литвиновыхъ,Нахамкесовъ, Троцкихъ и т. п. совѣтскихъ воронъ въ павлиньихъ перьяхъ, забравшихся въ чужія хоромы — нѣтъ, я подразумѣваю ту часть старой русской интеллигенціи, которая волей или неволей вынуждена была остаться въ свое время въ Россіи и впослѣдствіи, такъ сказать, «осовѣтилась», хотя бы только во внѣшнихъ своихъ формахъ.

Не легко это ей далось, конечно, и, часто, въ дни совѣтскаго гнета — въ чрезвычайкѣ ли, въ холодной ли комнатѣ у «буржуйки», въ дни долгихъ ли странствованій за пудомъ муки или мѣркой картофеля, въ глубокіе ли вечера церковныхъ богослуженій, на принудительныхъ ли работахъ или въ другіе дни вольнаго или невольнаго бездѣйствія, русскій интеллигентъ не разъ имѣлъ возможность окинуть взглядомъ недавнее прошлое, подвести итоги увлеченіямъ молодости, политической или общественной дѣятельности зрѣлыхъ лѣтъ и поразмыслить о неизвѣстномъ будущемъ.... Можетъ быть даже иногда глубокій вздохъ или набѣжавшая слеза не разъ прерывали эти размышленія... но прошлаго не вернешь и не исправишь — оставалась лишь настоящая тяжелая повседневная борьба за подневольное существованіе...

Съ тѣхъ поръ прошло много долгихъ лѣтъ! За это время многое измѣнилось и въ совѣтскомъ режимѣ...Обворованная до нищеты русская интеллигенція понемногу заполнила собою всѣ совѣтскія учрежденія, и, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, втянулась въ «совработу» во всѣхъ ея отрасляхъ; снискавъ довѣріе совѣтской власти, она заняла доминирующее, конечно дѣлового характера, положеніе (за хорошую работу платятъ вѣдь и хорошія деньги).

Многіе изъ нихъ, подъ той или иной формулой,получили обратно свое имущество, а другіе обзавелись новымъ, третьи «осовѣтились» и внутренне почти всѣ изъ нихъ пользуются нѣкоторыми правами относительной свободы, въ томъ числѣ и правомъ свободнаго, если не считать нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, выѣзда за-границу.

Вотъ съ этого то рода бывшей, старой, русской, а нынѣ совѣтской интел-

лигенціей: докторами, учителями, адвокатами, чиновниками, приватъ-доцентами (нынѣ профессорами), журналистами, офицерами и ихъ женами и т. п., мнѣ, волей неволей, и приходилось сталкиваться въ дни моихъ скитаній по Сербіи, Германіи, Швейцаріи, Америкѣ и особенно въ послѣдніе мѣсяцы въ Парижѣ, куда пріѣзжаетъ девять десятыхъ всѣхъ выѣзжающихъ изъ Россіи... а столкнувшись — долго и о многомъ говорить.

Отрывки этихъ бесѣдъ, въ томъ видѣ, какъ они записаны у меня въ блокънотѣ или въ памяти, я и привожу здѣсь: они не имѣютъ между собою никакой связи, часто противорѣчатъ другъ другу, часто попадаются однѣ и тѣ же фразы, но это просто потому, что бесѣды велись въ разное время, съ разными лицами и на разныя темы.

Я. Л.

...Трудность вашего положенія заключается въ томъ, что на смѣну существующаго большевизма подрасли и подрастають новыя поколѣнія, тщательно обработанныя въ большевистскомъ духѣ. Они, можетъ быть, будутъ болѣе либеральны (не думайте — это не парадоксъ) чѣмъ ихъ отцы, но и они не сдадутъ своихъ позицій, не уступятъ своего доминирующаго положенія безъ боя...

... Сила большевизма — въ концентраціи и «идейности»; ваша слабость въ разбросанности не только территоріальной, но и идейной...

... Вы себѣ представить не можете, какъ рвутся дѣти рабочихъ и крестьянъ въ учебныя заведенія вообще и въ университеты въ частности.

Я служу въ Наркомпросѣ и все это проходитъ черезъ мои руки; уже въ первые дни болѣе или менѣе спокойнаго существованія совѣтской власти, послѣ гражданской войны, не было медвѣжьяго уголка въ Россіи, куда бы не былъ отправленъ самый захудалый учитель...

— Позвольте, но вѣдь дѣтей то эти учителя начиняютъ всякой дрянью?

— Совершенно вѣрно, но вѣдь грамотность то остается грамотностью...

... Русскій мужичекъ теперь значительно поумнѣлъ: и раньше онъ отличался хитрецой, а теперь послѣ всего пережитаго и тѣмъ болѣе; бывало спросишь его: «Ну что, какъ теперь живется?»

«Да что жъ — получишь въ отвѣтъ — и теперь плохо и раньше плохо, и раньше хорошо и теперь хорошо», — на лицѣ у него ничего не прочтешь, а глаза у него гдѣ то въ глубинѣ, смѣются... да и въ уголкахъ, чуть чуть, собраны насмѣшливыя морщинки: такъ и читаешь въ этихъ глазахъ: «уменъ то ты, баринъ, уменъ-да умъ то у тебя дуракъ»...

... Былъ случай, когда мужики привезли на базаръ хлѣбъ и разные другіе продукты и узнавъ, что цѣны на мануфактуру совначальствомъ опредѣлены высокіе, заявили: «несходно» и повернули обратно... Силой мужика теперь ничего сдѣлать не заставишь, времена ужъ не тѣ — прошло!!!

... Совѣтскій режимъ убилъ у насъ душу, — осталась одна оболочка, голодъ и холодъ довершилъ остальное и мы превратились въ безвольныя и покорныя существа; ну-съ, а затѣмъ имъ осталось лишь поманить насъ пальцемъ и показать кусокъ хлѣба; чтобы мы... поползли къ нимъ — намъ дали взятку...

... Помните, какъ было сильно раньше общественное мнѣніе, какъ чутко всѣ къ нему прислушивались, какъ считались съ мнѣніемъ того или иного авторитетнаго лица, какой шумъ создавался во время тѣхъ или иныхъ судебныхъ процессовъ, какъ жадно прочитывались газеты, затрагивающія ту или иную злободневную тему; теперь — ничего подобнаго нѣтъ, теперь каждый живетъ своей личной жизнью, думаетъ, гдѣ бы перехватить лишній рубль, а понятіе «общественное мнѣніе» навсегда похоронено, ибо, во-первыхъ, у насъ «общественное мнѣніе» и «чека» — синонимы, а во-вторыхъ, современныя условія, даже западной жизни, показываютъ, что, такъ называемому, «общественному мнѣнію»—грошъ цѣна...

... Деньги мы въ банкахъ не держимъ — дудки! Не тѣ времена! Еще рабочій попадается на эту удочку и несетъ свои крохи въ сберегательныя кассы, а мужикъ — нѣтъ, онъ предпочитаетъ поскорѣе бумажки превратить въ золото, а золото... зарыть въ укромномъ мѣстечкѣ, ибо «деревенская кубышка» — надежнѣе «совѣтскаго государственнаго банка».

Я, лично, зарабатываю практикой 5-6 тысячъ рублей въ годъ и, признаться, хотѣлъ однажды положить часть денегъ въ банкъ; спасибо, знакомый кассиръ отсовѣтывалъ—«держите ихъ, голубчикъ,—говоритъ,—у себя; сохранности ради превратите въ доллары — этакъ то будетъ надежнѣе, мало ли что можетъ случиться»....

Я, конечно, такъ и сдѣлалъ; точно также поступаетъ и большинство интеллигенціи. Мы сперва покупали доллары и фунты въ банкахъ; потомъ, когда начали записывать наши адреса — пошли на базаръ; тамъ хоть и переплатишь 10-20 коп. на долларѣ, за то безопаснѣе... Ну, а какъ спрятать —этому насъ съ вами не учить!...

... Почему я уѣзжаю обратно? — слушайте же и передайте другимъ... «спасателямъ» (съ нескрываемымъ презрѣніемъ добавилъ онъ.).

Я — бывшій военный врачъ арміи Колчака, сидѣвшій въ чрезвычайкѣ, оправданный лишь благодаря тому, что прокуроръ и одинъ изъ судей были моими товарищами по университету.

Послѣ всего пережитаго и выстраданнаго я сжался и весь ушелъ въ себя — всѣ эти семь лѣтъ я не подавалъ и признаковъ жизни; въ Совроссіи было лишь тѣло — душа и мысли были съ вами, моими близкими и родными...

Наконецъ въ этомъ году, благодаря вліянію и связямъ моихъ товарищей по тайной организаціи, я получилъ командировку за-границу — я думалъ, что сойду съ ума отъ радости: семьи у меня нѣтъ, бояться мнѣ не за кого было — я твердо рѣшилъ не возвращаться.

Что же я нашелъ здѣсь? Извините, но я тому не подберу опредѣленія: бедламъ? вавилонъ? нѣтъ — это все не то, эти опредѣленія болѣе понятны... вотъ развѣ только «хаосъ» — будетъ наиболѣе подходящимъ...

Извините, я, вѣроятно, буду разбрасываться, но это результатъ уже вашего заграничнаго вліянія, ибо вы всѣ мечетесь здѣсь изъ стороны въ сторону, не зная за что и какъ взяться..

Вы хотите спасать Россію — прекрасно! Но кто же вамъ теперь повѣритъ, что это вамъ по силамъ, когда вы не въ состояніи спасти вашихъ же одиночныхъ членовъ, когда вы не можете спасти самихъ себя — хотите примѣръ? Извольте: здѣсь у васъ, въ Парижѣ, около 30 благотворительныхъ организацій и до 10 инженерныхъ корпорацій и, на ряду, съ этимъ, инженеръ умираетъ съ голоду и обращается за грошевой помощью къ частной благотворительности; въ Берлинѣ — та же исторія, въ Польшѣ этотъ вопросъ обстоитъ въ такомъ же видѣ.

Вы мнѣ говорите о свободѣ здѣсь? Знаете ли, ваша свобода сильно смахиваетъ на свободу временъ Керенскаго — «свободу болтовни и ничего недѣланья».

И если ваша свобода выражается въ наличіи нѣсколькихъ десятковъ политическихъ партій, группировокъ, объединеній, организацій «многоглаголющихъ» и ничего недѣлающихъ для *дѣйствительнаго* спасенія Россіи, то Богъ съ ней, съ подобной свободой...

Поймите же, что большевики радуются вашему раздробленію — чѣмъ больше партій, тѣмъ меньше въ нихъ членовъ, тѣмъ менѣе эти партіи работоспособны, а слѣдовательно и жизненны, а слѣдовательно и опасны...Поймите же, что этимъ вы, можетъ быть и невольно, играете въ руку большевикамъ...

Вотъ еще примѣръ — я зондировалъ здѣсь почву на предметъ принятія меня однимъ высокимъ лицомъ. Будучи врачемъ по профессіи, имѣя незапятнанное прошлое, обслуживая огромный крестьянскій участокъ, состоя въ одной изъ активныхъ антибольшевистскихъ организацій — я имѣлъ всѣ данныя расчитывать, что свѣдѣнія, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи, заинтересуютъ, какъ нѣкоторыя организаціи, такъ и означенное лицо.

И что же вы думаете? въ двухъ случаяхъ мнѣ было предложено подать письменный докладъ за моей подписью... Когда же я явился въ одну изъ редакцій съ подобнымъ же предложеніемъ, то встрѣтившій меня, какой то худосочный юноша, небрежно протянулъ: «напишите, мы посмотримъ: если подойдетъ — что нибудь помѣстимъ»...

Нѣтъ, господа, съ такими пріемами вы далеко изъ Парижа не уѣдете...

... Г. П. У. — это тѣ же царскіе жандармы, но болѣе преданные своему дѣлу и, вслѣдствіе этого, болѣе грубые и безсердечные, ибо каждый «чекистъ» въ тоже время и палачъ...

... Вы помните какой переполохъ въ царскія времена вызывала голодовка политическихъ заключенныхъ и какія принимались мѣры—вплоть до насильственнаго кормленія.

Теперь, если бы это случилось, — современная власть въ Совроссіи, въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ, пожала бы презрительно плечами и процѣдила бы сквозь зубы: «чортъ съ ними, пускай дохнутъ!...»

У насъ ощущается острый недостатокъ въ честныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Въ провинціяхъ разные «завхозы», «завпроды» и т. п., за малѣйшую оплошность и за малѣйшее воровство или растрату, съ быстротою пули, слетаютъ со своихъ мѣстъ и разстрѣливаются. И если бы совѣтская власть получила соотвѣтствующія завѣренія въ «дѣловомъ» только отношеніи къ нимъ эмиграціи, то повѣрьте, что большинство изъ нихъ получили бы весьма выгодную и пріемлемую формулу для возвращенія.

... Простите, но я не могу ни разговаривать съ вами, ни пригласить васъ къ себѣ, ни притти къ вамъ — у меня въ Россіи остались дочь и мужъ, а это не совсѣмъ для нихъ безопасно — понимаете?...

... Абортъ нынѣ узаконенное явленіе; каждая русская гражданка имѣетъ право, получивъ свидѣтельство изъ соотвѣтствующей комиссіи, притти въ любую больницу и заявить о своемъ желаніи, и ни одинъ врачъ и подумать не смѣетъ объ отказѣ.

Отсюда появился новый видъ безработныхъ: акушерокъ и тѣхъ, которые въ свое время назывались «бабками».

Впрочемъ и онѣ скоро нашли себѣ примѣненіе и пооткрывали «институты красоты»; вы себѣ, конечно, представляете, что изъ этого получается?

Въ Харьковѣ, напр., буквально черезъ каждые 2-3 дома, вы можете увидѣть подобнаго рода «акушерскіе» институты красоты.

... Что мы здѣсь дѣлаемъ и зачѣмъ пріѣзжаемъ сюда за-границу?

Во-первыхъ, отдохнуть, во-вторыхъ, вдохнуть хоть крупинку той свободы, которой вы здѣсь пользуетесь, въ третьихъ — чему нибудь научиться, изучить какую нибудь профессію (парикмахерскую, института красоты, парфюмерное дѣло, «усовершенствоваться въ научныхъ познаніяхъ» и т. п.), что бы потомъ, вернувшись, содрать съ «товарищей» десятую шкуру и вернуть хотя бы часть уворованнаго — они насъ научили работать на свою же голову.

... Большевистская организація отличается отъ эмигрантской дезорганизаціи уже по смыслу самого слова; во-вторыхъ, еще тѣмъ, что въ то время, какъ тамъ,

во имя общаго дѣла, поступаются частностями и отдѣльными лицами, вы, здѣсь, во имя своихъ личныхъ интересовъ, готовы другъ другу горло перегрызть...

... Возвращаться въ Россію я никому не совѣтую, такъ какъ возвращающихся ожидаетъ рядъ мученій.

Здѣсь вы, напр., мучаетесь изъ за насущнаго куска хлѣба, но это еще не такъ обидно, потому что вы здѣсь не у себя, — въ остальной же личной вашей жизни — каждый изъ васъ «самъ себѣ хозяинъ».

Тамъ, дома, васъ ожидаетъ таже борьба, изъ за *того же* куска хлѣба, но это несравненно тяжелѣе, именно потому, что вы будете у себя дома. Во-вторыхъ, имѣете ли вы понятіе о томъ, что значитъ приспособляться? Это значитъ — слѣдить за всѣми особенностями повседневной жизни, учитывать еле замѣтные оттѣнки настроеній, изучать особенности того лица или учрежденія, куда волей или неволей вы попали и, на основаніи цѣлаго ряда подмѣченныхъ факторовъ, сдѣлать соотвѣтствующіе выводы и выводы должны быть непремѣнно правильные, такъ какъ малѣйшая оплошность влечетъ за собою иногда крупныя непріятности; эта задача не по плечу даже многимъ старожиламъ и отсюда приспособляемость часто выливается въ «лакейство», «подхалимство» и, въ лучшемъ случаѣ, носитъ характеръ прислуживанья. Послѣ восьмилѣтняго отсутствія и пользованія относительной свободой — для васъ это будетъ задача нелегкая.

Въ третьихъ, вы здѣсь не знаете, что такое «страхъ»? А тамъ васъ съ первыхъ дней ожидаетъ «страхъ», — самый настоящій «страхъ». По прибытіи вамъ недвусмысленно дадутъ понять, что «че-ка» еще существуетъ и что...И вы будете бояться сдѣлать лишній шагъ, сказать лишнее слово, въ каждомъ новомъ человѣкѣ вы будете видѣть провокатора «чс-ки», что часто и бываетъ...

Въ четвертыхъ, вы обладаете здѣсь самымъ драгоцѣннымъ даромъ: «собственной волей»; въ моментъ переѣзда за-границу — вамъ придется съ этимъ разстаться...

Въ пятыхъ, шестыхъ, седьмыхъ и т. д. — живите здѣсь пока живется и о возвращеніи въ Россію пока не думайте...

Для русскаго народа нуженъ или царскій, или большевистскій кулакъ — середины быть не можетъ, и Керенскій погибъ именно благодаря своей «политической анеміи».

Сейчасъ большевики сильны этимъ кулакомъ, суть коего заключается въ единой организаціи и террорѣ.

... Да, наши прихожане ведутъ себя куда приличнѣе вашихъ... Нашимъ молящимся и въ голову не придетъ стоять въ шляпѣ, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ совершается богослуженіе, курить, флиртовать и, какъ я слышала однажды... ужасно браниться. Это удѣлъ лишь наиболѣе дикихъ коммунистовъ, ну а для нихъ вѣдь — все возможно. И потомъ... торговля — въ стѣнахъ церковной ограды — это уже достиженія *вашей* заграничной свободы...

... Скажите, какая изъ вашихъ партій возьметъ на себя смѣлость и отвѣтственность передъ лицомъ всего Русскаго Народа, въ случаѣ паденія большевизма, пріять въ свои руки власть и готова ли хоть одна изъ нихъ къ этому — я не говорю, конечно, о тѣхъ губернаторахъ, въ одномъ изъ славянскихъ государствъ, которые не такъ давно разбирали губернаторскія вакансіи —эти то всегда готовы.

... Самая крупная и дѣйствительно могущественная изъ вашихъ организацій, которую не удалось до сихъ пору никому расколоть — это ваша (и наша — да, наша), Бѣлая Армія.

... Пожарскій то у васъ есть, а вотъ Минина, при современной валютѣ, вамъ врядъ ли удастся найти. По крайней мѣрѣ, я сильно сомнѣваюсь, что бы кто нибыть изъ вашихъ торгово-промышленныхъ или финансовыхъ дѣятелей согласился бы безвозмездно занять это амплуа...

... Хотите знать когда вы будете имѣть право думать о спасеніи Россіи? Когда ваши главнѣйшія партійныя группировки сольются въ братскомъ поцѣлуѣ

и поднимутъ общее знамя борьбы! — Невозможно?! Тогда все остальное съ вашей стороны безсовѣстный обманъ «малыхъ сихъ».

... Я членъ кооператива и старый солдатъ: участникъ японской, германской и гражданской войнъ, при чемъ во время послѣдней перебывалъ чуть ли не на всѣхъ фронтахъ.

Какъ членъ кооператива я исколесилъ три четверти Россіи и вотъ, что я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ: ни одного слова я не слыхалъ отъ крестьянъ и рабочихъ (кромѣ, конечно коммунистовъ), ни за, ни противъ Николая Николаевича.

Правда, нужно знать психологію русскаго человѣка — прямо и открыто онъ своихъ мыслей не высказываетъ, но человѣкъ знающій народъ, уже по направленію его мыслей, можетъ прочитать скрытый въ нихъ смыслъ.

А мысли большинства изъ нихъ таковы — при одномъ упоминаніи имени Николая Николаевича получались слѣдующіе отвѣты:

«А кто его знаетъ — можетъ и лучше будетъ»...

«Кабы онъ былъ такой, какъ на войнѣ»...

«Старъ онъ—гдѣ ужъ ему со всей этой то ордой, прости Господи, справиться».

«Кабы президентомъ былъ еще ничего, а ежели царемъ—такъ, значитъ, надо подумать и соопча рѣшить міромъ»...

Въ общемъ позвольте мнѣ сдѣлать мой личный выводъ: Великій Князь, я думаю, для Русскаго Народа не страшенъ, — страшны безграничныя честолюбія и диктаторскія замашки лицъ, которыя его окружаютъ.

Я старый журналистъ и мечтатель; сидя *тамъ*, я мечталъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на свободное слово, прочитать, просмаковать каждую газетную строчку.

И когда до насъ доходили старые, затрепанные, жирные и липкіе, отъ тысячи рукъ ихъ державшихъ, номера «Новаго Времени», «Руля», «Дней» или «Послѣднихъ Новостей», — это для нашего кружка было цѣлое событіе — большой праздникъ: бережно, бывало, держишь въ рукахъ этотъ старый газетный листъ, какъ какой нибудь драгоцѣнный сосудъ, вдыхаешь этотъ знакомый газетный ароматъ — вѣдь вотъ казалось бы и бумага таже, и буквы такія же, и краска... а нѣтъ, пахнетъ чѣмъ то другимъ, болѣе дорогимъ и близкимъ сердцу.

И все таки это было не то... это были рѣдкія минуты наслажденій; хотѣлось періода, системы — узнать, чѣмъ люди живы и чѣмъ они дышатъ, во что вѣруютъ — хотѣлось лично дорваться и окунуться въ эту дорогую печатную нирвану...

... Неужели вы думаете, что послѣ всего выстраданнаго нами, мы въ случаѣ паденія большевиковъ, допустимъ васъ играть у насъ какую нибудь роль — скажите спасибо, если мы вообще только пустимъ васъ въ Россію.

... Вспомните мое слово — если эволюція большевизма будетъ итти тѣмъ же темпомъ — то черезъ 3-5-10 лѣтъ — трудно опредѣлить точно — вы всѣ будете на родныхъ мѣстахъ.

Наше Г. П. У. страшно для контръ-революціонеровъ, бандитовъ, воровъ, взяточниковъ и тѣхъ, кто растрачиваетъ народныя деньги — всѣхъ ихъ мы разстрѣливаемъ безпощадно...

... Вы, собственно говоря, должны быть намъ признательны за всѣ ваши униженія и оскорбленія, — совѣтская власть сторицей воздаетъ нашимъ бывшимъ «союзничкамъ»...

... Лозунгъ сегодняшняго дня, правда, оффиціально еще не провозглашеный, — «Россія для русскихъ»; потому то и вылетѣлъ въ свое время Троцкій, потому-то вылетѣли Зиновьевъ и Каменевъ — въ свое время полетитъ также и Сталинъ со всей своей восточной компаніей. Но кого мнѣ по истинѣ жаль — это тѣ сто тысячъ еврейскихъ семействъ, которымъ отводятся земли для колонизаціи — это безумное предпріятіе будетъ имѣть роковыя послѣдствія....

... Совѣтская власть не боится террора, во-первыхъ, потому, что во главѣ власти стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ — всѣхъ же не убьешь; во-вторыхъ, каждый знаетъ, что за убійство одного изъ нихъ отвѣтятъ десятки и сотни неповинныхъ, въ-третьихъ—былой «героизмъ» подобнаго рода большевиками, какъ героизмъ, сведенъ «на нѣтъ»...

... Кстати объ иностранцахъ—прошли тѣ времена, когда иностранецъ появлялся въ Россіи въ роли «индійскаго набоба», ставилъ свои условія, и его условія подобострастно принимали; затѣмъ онъ набивалъ свои карманы русскимъ золотомъ и уѣзжалъ полный презрѣнія къ этимъ «кошонамъ» или «швейнъ».

Теперь иностранецъ держитъ себя у насъ тише воды и ниже травы — ему говорятъ: «вы хотите работать у насъ — извольте, но помните, что вы работаете не у себя дома, а у насъ —значитъ, всѣ наши требованія должны быть вами безоговорочно принимаемы; вы не являетесь хозяиномъ — хозяева мы, а за вашу энергію, труды и затраченный капиталъ получите такой то процентъ изъ тѣхъ денегъ, которые вы у насъ заработаете».

Долго послѣ этого иностранецъ чешетъ себѣ затылокъ, никто никогда такъ съ нимъ не разговаривалъ и, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ надеждъ, онъ съ тяжелымъ вздохомъ или соглашается, или уѣзжаетъ несолоно хлѣбавши...

... Рѣшилъ я какъ-то пройти на лекцію къ монархистамъ — не пустили, такъ какъ я не членъ партіи, т. е. не монархистъ. Слѣдующій разъ я сунулся на собраніе Р. Д. О. — тоже не пустили, т. к. я не членъ партіи.

Бросилъ политику, — и пошелъ на вечеринку въ каютъ-кампанію — чуть ли не выгнали, т. к. я не морякъ — на этомъ моя связь съ эмиграціонными кругами и окончилась...

(Выдержка изъ лекціи «*Кто наши враги*», прочитанной въ Чикаго и Детройтѣ С.-А. С. Ш. въ мартѣ 1925 г. тов. Д.).

... Но несмотря на все изложенное мною, товарищи, для насъ русская заграничная буржуазія не страшна. Я вамъ разскажу, товарищи, какъ въ древнее время рабы возстали противъ господъ и началась гражданская война и вотъ, передъ началомъ рѣшительнаго сраженія, вождь рабовъ, Спартакъ, обратился съ рѣчью къ своимъ солдатамъ: «Товарищи, — говоритъ онъ, — бейте эту буржуазную с-чь мечами по мордѣ, потому что ничего они такъ въ жизни не боятся какъ потерять свою красу». И что же вы думаете товарищи? Когда началось сраженіе, въ которомъ участвовала вся буржуазная знать и самыя красивыя и знатныя воины — стоило только что бы какой нибудь спартаковецъ немножно поцарапалъ его личико, — какъ онъ бросалъ оружіе и обращался въ бѣгство, и спартаковцы выиграли сраженіе.

Товарищъ Ленинъ — это нашъ Спартакъ! Онъ долго изучалъ, присматривался и прислушивался къ русской буржуазіи и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что несмотря на всѣ громкія слова, она не пойдетъ ни на какія жертвы и ничѣмъ не поступится, что бы спасти старый отжившій уже строй.

Вы помните, товарищи — сколько разъ эта самая буржуазія, еще при Керенскомъ, говорила, что мы, дескать, всѣ умремъ до послѣдняго, мы все отдадимъ до послѣдней нитки, заложимъ женъ и дѣтей, но спасемъ Россію.

Тогда нашъ Спартакъ — товарищъ Ленинъ громко крикнулъ: товарищи бей по ихъ карману, такъ какъ они ничего больше въ жизни не боятся, какъ потерять свои награбленныя богатства.

И что же мы видимъ, товарищи? — какъ только дѣло коснулось ихняго кармана — никто изъ нихъ не умеръ — всѣ удрали съ деньгами народа за-границу.

Такимъ образомъ, исторія повторяется, товарищи: много тысячъ лѣтъ тому назадъ, товарищъ Спартакъ, а теперь—нашъ учитель Ленинъ сошлись на принципахъ и методахъ борьбы съ кровопійцами народа: или въ морду, или по карману; и она, эта хваленная могучая и сильная буржуазія, побѣжала и тогда и теперь.

Но они, повторяю, товарищи, намъ не страшны по вышеприведеннымъ логичнымъ, понятнымъ, а потому и безспорнымъ мотивамъ. Гораздо большая опасность угрожаетъ Совѣтской власти со стороны міровой буржуазіи — заграничныхъ капиталистовъ — буржуазіи болѣе сплоченной, болѣе многочисленной, болѣе рѣшительной и не любящей болтовни.

Помните, товарищи, что въ будущей борьбѣ она, эта буржуазія, поставитъ на карту все рѣшительно, — до послѣдней копѣйки и не дай Богъ если она побѣдитъ: тогда мы пропали, тогда опять на сотни лѣтъ мы рабы — и не только мы, но и наши дѣти и наши внуки...

(Отвѣтъ одного изъ красныхъ командировъ лицу отправленному съ порученіемъ изъ Бѣлой Арміи).

... Хорошъ или плохъ большевизмъ, но мы къ нему уже привыкли и съ нимъ уживаемся и до тѣхъ поръ ни къ вамъ, ни съ вами не пойдемъ, пока вы не дадите намъ реальныхъ доказательствъ вашей силы, забвенія, примиренія и искренней готовности совмѣстной съ нами работы во имя успокоенія народныхъ массъ и возсозданія международнаго положенія Россіи.

... Времена мѣняются и кто знаетъ—можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ, мы будемъ эмигрантами, а вы займете наши мѣста?...

X.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

ГДѢ МАТЕРІАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Главнѣйшими факторами правильнаго освѣщенія тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, какъ извѣстно, является весь тотъ соотвѣтствующій данной эпохѣ официальный и неофиціальный матеріалъ (документы, письма, дневники, литература, художественные матеріалы, фотографіи, зарисовки и т. п.), который нагляднымъ образомъ характеризуетъ всѣ основныя элементы обстановки, т. е. лица, мѣсто, время и образъ дѣйствій: причины, факты и слѣдствія.

Вся литература послѣдующаго данной эпохѣ времени будетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку она основана на этихъ именно документальныхъ данныхъ и подобный матеріалъ, какъ напр., воспоминанія, очерки, описанія, изслѣдованія, исторіи и т. п., долженъ приниматься читателемъ въ зависимости отъ его обоснованности и съ поправкой за счетъ индивидуальныхъ качествъ автора — отсюда и вытекаетъ историческая цѣнность тѣхъ или иныхъ трудовъ, претендующихъ на вниманіе госпожи Кліо.

Дѣлая краткую предпосылку о положеніи этого вопроса въ періодъ войны и революціи, авторъ этихъ строкъ ставитъ себѣ главной задачей дать, въ общихъ чертахъ, обзоръ этого вопроса въ періодъ войны гражданской, съ цѣлью помочь будущему историку — найти и разобраться въ тѣхъ первоисточникахъ этого времени, которые лепестками разбросаны по всему русскому и заграничному міру и которые, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, не попали на страницы многочисленныхъ воспоминаній, мемуаровъ и т. п — вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ указаны и безвозвратно погибшіе матеріалы-нахожденіе хоть части которыхъ явится для историка счастливой случай. ностью.

*
* *

Во время европейской войны, на вопросъ о собираніи историческихъ матеріаловъ, во всѣхъ государствахъ было обращено самое серьезное вниманіе и, какъ результатъ правильной постановки этого дѣла, спустя всего два-три года послѣ окончанія войны, книжный рынокъ былъ переполненъ многочисленными томами военныхъ, военно-историческихъ и военно-политическихъ сочиненій; уже тогда встрѣчались попытки (главнымъ образомъ, во французской и американской литературѣ) охватить войну въ цѣломъ,

на всемъ ея протяженіи — правда, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, преслѣдовались скорѣе цѣли коммерческаго характера...

Само собою разумѣется, что и въ нашей «отсталой въ культурномъ отношеніи Россіи» — на этотъ вопросъ было обращено исключительное вниманіе и дѣло собиранія и сохраненія военныхъ матеріаловъ было поставлено на должную высоту: чуть ли не съ первыхъ дней была образована В.-Историческая Комиссія и отведены огромныя помѣщенія подъ архивы, куда части войскъ, періодически, по мѣрѣ накопленія у нихъ матеріала, сдавали весь этотъ, излишній въ боевой обстановкѣ, грузъ.

В.-Историческая Комиссія во все время продолженія войны занималась разборкой и систематизаціей этого матеріала, а за время совѣтской власти и значительно расширила свои функціи, какъ въ смыслѣ организаціи работы и личнаго состава, такъ и въ смыслѣ продуктивности этихъ работъ — результатъ не замедлилъ сказаться: въ русской военной литературѣ мы уже имѣемъ рядъ трудовъ по изслѣдованію разныхъ періодовъ и разныхъ вопросовъ минувшей войны, такихъ авторовъ, какъ напр., генералы Заіончковскій, Клембовскій, Свѣчинъ, Маниковскій, Незнамовъ и др.*)

*

* *

Насколько организація сбора матеріаловъ войны поставлена была въ теченіе всего періода 1914-1917 г. г. въ нормальныя условія — настолько же этотъ вопросъ во время революціи и послѣдовавшей затѣмъ гражданской войны — находился въ условіяхъ крайне легкомысленнаго отношенія и даже преступнаго бездѣйствія?

Казалось бы, что уже съ первыхъ дней революціи необходимо было образовать учрежденіе, аналогичное В.-Исторической Комиссіи и имѣющее цѣлью сборъ и храненіе матеріаловъ русской революціи — въ дѣйствительности ничего подобнаго сдѣлано не было. Въ результатѣ — много цѣннѣйшаго матеріала погибло во время пожаровъ, хозяйничанья темныхъ и заинтересованныхъ силъ въ офиціальныхъ архивахъ, или попросту было варварски уничтожено въ припадкѣ дикой злобы ко всему тому, что не соотвѣтствовало духу или понятію времени, политической или партійной мысли.

Въ общемъ нужно еще разъ подчеркнуть, что на сборъ и храненіе матеріаловъ по исторіи революціи не было обращено должнаго вниманія (если не считать отдѣльныхъ неорганизованныхъ попытокъ — попытокъ не связанныхъ опредѣленной задачей и опредѣленнымъ руководствомъ, — заглохшихъ чуть ли не въ самомъ началѣ ихъ возникновенія) и, несмотря на

*) Среди зарубежной военной литературы необходимо отмѣтить труды генераловъ Н. Головина, Ю. Данилова, В. и А. Драгомировыхъ, П. Залѣсскаго.

переполненный рынокъ воспоминаніями этой эпохи, нужно сказать, что они далеко не въ полной мѣрѣ, далеко не всесторонне и, наконецъ, далеко не вполнѣ объективно, охватываютъ событія за февраль-октябрь 1917 года.

*
* *

Повторяю, что все вышеизложенное является лишь вступительными словами для освѣщенія этого вопроса въ періодъ большевизма и гражданской войны.

Я не буду касаться этого вопроса въ его цѣломъ видѣ и замѣчу лишь, что, здѣсь, большевики, проявивъ «захватное право», въ широкой степени опубликовываютъ все то, что еще такъ недавно являлось или государственной тайной, или страницами той или иной частной жизни и было недоступно общему свѣдѣнію; я остановлюсь только на организаціи сбора матеріаловъ обѣими сторонами (большевистской и ангибольшевистской) въ періодъ гражданской войны.

Неизвѣстно — было ли что нибудь похожее на—В.—Историческую Комиссію или другую какую нибудь организацію по сбору и сохраненію матеріаловъ у большевиковъ, но за то съ полной опредѣленностью можно сказать, что у противной стороны — антибольшевистской на этотъ вопросъ, до марта мѣсяца 1919 года не было обращено никакого вниманія, — короче говоря — каждый генералъ или полковникъ, каждый политическій или общественный дѣятель, каждый служащій какого либо учрежденія, считали принадлежащимъ, на правахъ собственности, попавшій къ нимъ тотъ или иной матеріалъ, хотя бы и официальнаго характера*).

А такъ такъ генералы, полковники, общественные и политическіе дѣятели послѣ окончанія войны разъѣхались по бѣлу свѣту, то и исторія этого періода разсыпалась по различнымъ странамъ и собирать ихъ приходится буквально по лепесткамъ.

Куда же исчезли эти груды исписанной бумаги, горы свѣженапечатанныхъ книгъ и брошюръ, тюки плакатовъ и ящики съ дѣлами и перепиской?

Нижеприводимые примѣры дадутъ, если не исчерпывающій, то достаточно полный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

А) *Совѣтскія войска эвакуируются — Добровольч. Армія вступаетъ...*

Все равно о какомъ пунктѣ идетъ рѣчь, ибо вездѣ происходило одно и то же. Итакъ, совѣтскія войска эвакуируются и, конечно, часть матеріаловъ увозится, а часть уничтожается. Добровольческая Армія, вступивъ въ тотъ или иной пунктъ, въ лицѣ особо назначенныхъ Политическимъ Отдѣломъ чиновъ, принимается за розыскъ большевистскихъ официальныхъ и неофи-

*) Примѣровъ сколько угодно: предс. комис. по разслѣдов. звѣрствъ содѣян. больш. — г. Мейнгардъ, генералы Лукомскій, Покровскій, Врангель и т. д.

ціальныхъ учрежденій и находитъ штабы, чрезвычайки, политотдѣлы, агитотдѣлы, клубы и т. п.

Послѣ осмотра и ознакомленія съ найденными въ нихъ матеріалами, часть — по 1-2 экземпляра книгъ и брошюръ, а также документы, дѣла, печати и т. п. отправляются въ высшій штабъ, часть же наиболѣе интереснаго матеріала, не исключая и документовъ, разбирается присутствующими «на память» — все же остальное безжалостно уничтожается.

Такъ какъ , въ это же время, работаетъ и «контръ-развѣдка», то, конечно, всякій благоразумный гражданинъ, если онъ только когда нибудь и задавался «историческими цѣлями», прежде всего подумаетъ о личной безопасности и, изъ боязни «исторіи», постарается, тѣмъ или инымъ путемъ, какъ можно скорѣе, избавиться отъ находящагося у него непріятнаго и опаснаго матеріала.

Между тѣмъ промежуточные штабы, оставивъ у себя также «на память» или «для дѣла» опять-таки наиболѣе интересные экземпляры весь остальной матеріалъ отсылаютъ въ слѣдующій — высшій штабъ и, наконецъ, послѣдняя инстанція оставляетъ лишь самое необходимое съ точки зрѣнія возможнаго использованія въ данный моментъ — все же остальное уничтожается.

Другой примѣръ:

Б) *Добровольческая Армія эвакуируется — Совѣтскія войска вступаютъ...*

Уже за нѣсколько дней упаковывается наиболѣе цѣнное и портативное имущество — весь же остальной малоцѣнный или громоздкій матеріалъ уничтожается или по-просту выбрасывается: улицы города, пригородные пути и пути вдоль желѣзныхъ дорогъ сплошь усѣяны выброшеннымъ ненужнымъ «хламомъ»—здѣсь и плакаты, и приказы, и пачки брошюръ, и листовокъ, и прокламацій, и хозяйственныхъ дѣлъ, и разныхъ книгъ, и газетъ—однимъ словомъ, все то, что видѣли многіе десятки тысячъ эвакуирующихся гражданъ на путяхъ къ Новороссійску и Севастополю.

Большевики занимаютъ оставленный добровольцами пунктъ и, въ свою очередь, устремившись на поиски «контръ-революціонныхъ учрежденій», и найдя таковыя , въ яростномъ ослѣпленіи, сжигаютъ и уничтожаютъ все найденное въ нихъ «до тла»; а такъ какъ, въ это же время, начинаетъ свою обычную работу и «че-ка», то опять таки благоразумный обыватель, опасаясь «исторіи», постарается заблаговременно и поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ «историческихъ» матеріаловъ, которые къ нему попали въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ.

Таковы примѣрно условія «нормальной» эвакуаціи — можно себѣ представить, что творится въ условіяхъ эвакуаціи, выражаясь мягко—внезапной, эвакуаціи моментальнаго характера, какъ это имѣло мѣсто при уходѣ Добровольческой Арміи въ Кубанскій походъ, или при оставленіи Ка-

зани чехо-словаками или, наконецъ, при оставленіи Крыма генераломъ Врангелемъ?

Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ историки, при изученіи русской революціи и гражданской войны, не разъ будутъ поставлены въ затруднительное, а иногда и безвыходное положеніе за отсутствіемъ тѣхъ или иныхъ первоисточниковъ, и вотъ почему нужно теперь же, пока еще не поздно, зафиксировать мѣста скопленія большого или меньшаго количества матеріаловъ этого періода и указать или тѣхъ лицъ, которыя этими матеріалами обладаютъ, или хотя бы слѣды, по которымъ, при достаточной энергіи, матеріалы впослѣдствіи могутъ быть найдены.

Нельзя не признать, что совѣтская власть находится въ этомъ отношеніи въ блестящихъ, по сравненію съ нами, условіяхъ,*) ибо, во-первыхъ, она обладаетъ территоріей минувшихъ событій, а во-вторыхъ, огромными средствами, дающими ей возможность легко и всесторонне разрѣшить этотъ вопросъ.

Идя на встрѣчу многочисленнымъ попыткамъ занести минувшія событія на страницы исторіи, авторъ настоящей статьи спѣшитъ подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями о безвозвратно погибшемъ историческомъ матеріалѣ данной эпохи, о случайно уцѣлѣвшемъ, а также о лицахъ обладающихъ имъ и о мѣстахъ случайнаго скопленія матеріаловъ — быть можетъ будущіе историки смогутъ использовать то, что для насъ, по ироніи судьбы, въ данное время, недоступно.

---

1. Въ предыдущей книгѣ «Бѣлаго Архива» было уже въ краткихъ чертахъ упомянуто какую невозградимую потерю понесла исторія Добровольческой Арміи передъ Кубанскимъ походомъ и какіе матеріалы были уничтожены — (сожжены) — тогда мнѣ казалось, что все было весьма основательно сожжено. И вотъ, спустя полтора года послѣ описаннаго событія, я познакомился съ одной очень милой и преданной бѣлому движенію барышней, служившей въ Ростовѣ, въ Политическомъ отдѣлѣ генерала Врангеля, у которой оказалась на рукахъ... обгорѣлая тетрадка подлинныхъ приказовъ генерала Корнилова и генерала Деникина; два-три экземпляра было переданы въ мой «Музей Современныхъ Событій въ Россіи», а остальные, повидимому, находятся у нея и по сіе время.

2. Въ гор. Новочеркасскѣ, у одного изъ телеграфныхъ чиновниковъ, я видѣлъ ленты прямого провода — телеграфные разговоры генерала Каледина и М. П. Богаевскаго съ Союзомъ Казачьихъ Войскъ, со Ставкой и т. п. — цѣна этихъ лентъ была очень высока, и при всемъ желаніи пріобрѣсти ихъ — это оказалось мнѣ не по средствамъ.

3. Въ концѣ 1917 года, въ гор. Ростовъ на Д., прибылъ небезъизвѣстный матросъ Федоръ Баткинъ, остановившійся въ одномъ изъ офицерскихъ общежитій. Уходя на поиски квартиры, онъ попросилъ Начальника общежитія особенно присмотрѣть за его чемоданомъ, прибавивъ, что черезъ полтора-два часа онъ пришлетъ за чемоданомъ «своего офицера».

*) Въ газетныхъ извѣстіяхъ недавняго прошлаго имѣются любопытныя сообщенія: 1) что сов. властью отправлена истор. комиссія по слѣдамъ Таманской Арміи для сбора, попути слѣдованія арміи, матеріаловъ и 2) что въ Сибири, въ разныхъ мѣстахъ, обнаружены «Колчаковскіе Архивы».

Дѣйствительно, спустя два часа, въ общежитіе явился какой то молодой офицеръ и потребовалъ отъ имени Баткина чемоданъ, который и былъ переданъ ему, ничего не подозрѣвавшимъ Начальникомъ общежитія.

Черезъ полчаса послѣ этого явился самъ Баткинъ и тутъ только выяснилось, что чемоданъ былъ похищенъ, такъ какъ Баткинъ никого не посылалъ; въ чемоданѣ же находились слѣдующіе цѣнные матеріалы: письма генерала М. В. Алексѣева, письма генерала Л. Г. Корнилова періода подготовки къ выступленію противъ Временнаго Правительства и самого выступленія, полевая книжка генерала Корнилова, часть писемъ генерала И. П. Романовскаго, различные документы о поѣздкахъ на фронтъ, а также краткія описанія дѣятельности нѣкоторыхъ антибольшевистскихъ организацій — все это пропало вмѣстѣ съ чемоданомъ.

---

4. Въ концѣ 1918 года, Начальникомъ Штаба Добровольческой Арміи, генераломъ И. П. Романовскимъ, было поручено генеральнаго штаба полковнику И. И. Терванду составленіе офиціальнаго описанія 1-го Кубанскаго (Ледяного) похода, при чемъ въ его распоряженіе были предоставлены исчерпывающіе документы, въ томъ числѣ и папка Корниловскихъ документовъ. Впослѣдствіи функціи полковника Терванда въ этомъ направленіи были значительно расширены и онъ уже получилъ задачу составить описанія боевыхъ дѣйствій Добровольческой Арміи за время и второго Кубанскаго похода.

Къ осени 1919 года, первая часть заданія полк. Тервандомъ была исполнена и сдана для печати въ «Освагъ». Вслѣдствіе быстро разыгравшихся военныхъ событій и начавшейся, въ связи съ этимъ, эвакуаціей Ростова, печатаніе книги закончено не было (по словамъ полк. Терванда, былъ отпечатанъ всего лишь первый листъ). Для окончанія начатой работы полк. Тервандъ испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Чехословакію, куда и отбылъ съ нѣсколькими ящиками цѣннаго историческаго матеріала. Изъ Чехословакіи полк. Тервандъ отправился въ «родную» ему Эстонію, увезя съ собою, какъ папку съ Корниловскими документами, такъ и ящики съ военно-историческимъ матеріаломъ.

---

5. Бывая въ Софіи у генерала Покровскаго и помогая ему въ разборкѣ и оцѣнкѣ нѣкоторыхъ документовъ (которыхъ у него было два довольно большихъ ящика), я, среди документовъ объ участіи его въ Ледяномъ походѣ и дальнѣйшей его службѣ и боевой дѣятельности въ рядахъ Добровольческой Арміи, натолкнулся на два дѣла съ надписью «Калабуховская исторія». Эти дѣла содержали рядъ цѣннѣйшихъ документовъ секретнаго характера, опредѣляющихъ роль и степень участія нѣкоторыхъ командныхъ лицъ Добров. Арміи въ этой исторіи, а также подобныя указанія и директивы, полученныя въ свое время генераломъ Покровскимъ отъ своего непосредственнаго въ то время начальника для безболѣзненнаго и безотказнаго проведенія этой «исторіи» *въ жизнь*.

---

6. Въ Архивѣ Отдѣла Иностранныхъ Дѣлъ Всевеликаго Войска Донского имѣется два весьма интересныхъ дѣла, содержащихъ переписку между Вождями Добровольческаго и Донского Командованія за 1918-1919 г. г. по различнымъ вопросамъ. Часть этой переписки опубликована въ сборникахъ «Бѣлаго Архива».

---

7. Въ 1919 году, въ Константинополь, въ числѣ прочихъ эмигрантовъ, прибылъ нѣкто г. Мейнгардъ, предсѣдатель, такъ называемой въ общежитіи, «звѣрской» комиссіи — Комиссіи по разслѣдованію злодѣяній, совершенныхъ большевиками, привезя съ собою большое количество матеріаловъ, являющихся результатомъ дѣятельности Комиссіи.

Спустя нѣсколько времени матеріалы эти были перевезены во Францію и здѣсь были сданы въ Musee de la Guerre. Въ настоящее время ведутся переговоры о передачѣ этихъ матеріаловъ въ одинъ изъ Американскихъ Университетовъ: Stanford University, California.

Эти несомнѣнно интересные матеріалы будущей Россіи, конечно, будетъ весьма трудно получить обратно.

---

8. Въ концѣ 1918 года, въ г. Новочеркасскѣ, какъ сейчасъ помню, — въ пятницу пришелъ ко мнѣ покойный нынѣ генералъ Н. І. Ивановъ и среди

разговора заявилъ, что у него на квартирѣ имѣются весьма интересные и многочисленные документы, какъ напр., письма Государя, оперативныя документы, матеріалы 1905 г. и февраля 1917 г., матеріалы Южной Арміи, гдѣ онъ, по его словамъ, «влипъ въ грязную исторію» и т. п., которые ему удалось вывезти на Донъ, но что онъ, вслѣдствіе своей старости, не надѣется ихъ использовать и не прочь передать ихъ мнѣ, молодому человѣку... и т. д., для чего и пригласилъ меня къ себѣ въ слѣдующій вторникъ. Къ глубокому моему прискорбію генералъ заболѣлъ въ воскресенье, а во вторникъ... скончался... Гдѣ матеріалы — неизвѣстно?

---

9. Какъ извѣстно, покойный генералъ М. Г. Дроздовскій, во время формированія отряда въ Румыніи, велъ подробный дневникъ. Въ этомъ дневникѣ, шагъ за шагомъ, описывалась исторія формированія отряда, содѣйствіе и противодѣйствіе этому начинанію со стороны нѣкоторыхъ высокихъ русскихъ и румынскихъ военныхъ лицъ, движеніе отряда на Донъ и бои, какъ самостоятельные, такъ впослѣдствіе и въ рядахъ Добровольческой Арміи; къ этому послѣднему времени относится и рядъ весьма интересныхъ документовъ: рапорты генерала Дроздовскаго о неудовлетворительномъ состояніи арміи и о причинахъ этого отрицательнаго явленія, стратегическія соображенія покойнаго, шедшія иногда вразрѣзъ съ планами Главнаго Командованія Добровольческой Арміи, донесенія о преступной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ — однимъ словомъ, все то, что послужило причиной отрицательнаго отношенія Ставки къ покойному, что не разъ высказывалось Штабомъ въ отвѣтахъ генералу Дроздовскому.

Весь этотъ матеріалъ генералъ Дроздовскій наканунѣ своей смерти обѣщалъ, въ присутствіи свидѣтелей, передать мнѣ, своему старому боевому товарищу,*) на храненіе.

Но въ день смерти его, изъ политической канцеляріи, явился полковникъ Чайковскій, который и забралъ весь матеріалъ по распоряженію генерала Драгомирова (Абрама). Конечно, при этихъ условіяхъ, было уже трудно что нибудь оттуда получить...

10. Огромные матеріалы, къ сожалѣнію, пока полностью недоступные, имѣются въ распоряженіи генерала Врангеля, находящіеся главной своей частью въ г. Сараево и Карловцахъ, составляющихъ Архивъ Арміи. Въ настоящее время, въ связи съ появившимися въ газетахъ сообщеніями объ изданіи «Бѣлаго Движенія» или «Лѣтописи бѣлаго движенія», въ основу котораго будетъ заложенъ дневникъ ген. Врангеля, повидимому, часть этихъ матеріаловъ, конечно, несекретнаго характера, лежавшихъ долгое время подъ спудомъ, рѣшено использовать.

---

11. Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ преставителяхъ Добровольческой Арміи, командированныхъ за-границу и снабженныхъ, въ свое время, различными матеріалами. Такъ какъ командировки эти дѣлались всякій разъ безъ заранѣе вырабатаннаго плана и носили случайный характеръ, то и снабженіе ихъ матеріалами носило кустарный характеръ, — такъ напр., въ однихъ случаяхъ давался одинъ -другой фильмъ для «распространенія въ западныхъ кинематографахъ», въ другихъ — фотографіи звѣрствъ — для помѣщенія въ газетахъ или устройства «витринъ» и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ матеріаловъ, за невозможностью использованія ихъ, были сданы въ русскія посольства тѣхъ странъ, гдѣ въ данный моментъ находился тотъ или иной представитель (такъ были сданы фильмы въ посольства Франціи и Сербіи), въ другихъ случаяхъ фильмъ былъ проданъ (такъ, напр., былъ проданъ въ Сербіи негативъ фильма «Генералъ Врангель въ Крыму»), въ третихъ — матеріалы были оставлены у себя (въ Америкѣ), но справедливость требуетъ отмѣтить и случаи широкаго и активнаго использованія матеріаловъ, какъ напр. г. Гр. Алексинскимъ и рядомъ др. лицъ.

---

12. Этотъ краткій обзоръ былъ бы не полонъ, если бы не упомянуть о двухъ центрахъ, повидимому, наибольшаго скопленія матеріаловъ.

---

*) По Краснопольскимъ боямъ.

Первый изъ нихъ — старѣйшій, Музей Современныхъ Событій въ Россіи, характеръ и дѣятельность его съ достаточной подробностью изложены въ первомъ сборникѣ «Бѣлаго Архива».

Второй — «Архивъ Русской Революціи« (Прага), хотя и болѣе поздняго образованія, тѣмъ не менѣе, благодаря, повидимому, широкимъ средствамъ, имѣющимся въ его распоряженіи, развилъ и развиваетъ широкую дѣятельность въ отношеніи сбора матеріаловъ и нужно надѣяться — станетъ центральнымъ мѣстомъ сдачи матеріаловъ т. е. приметъ на себя функціи Зарубежной В.—Исторической Комиссіи.

---

13. Когда Главн. Команд. Добр. Арміи было отказано нѣкоторымъ нѣмецкимъ офицерамъ и даже цѣлымъ частямъ въ пріемѣ ихъ на службу, — послѣдними былъ сожженъ, какъ лишній грузъ, большой канцелярскій матеріалъ, среди котораго несомнѣнно было много цѣнныхъ матеріаловъ (Крымъ, Таганрогъ, Ростовъ).

---

14. Политическій представитель нѣмецкаго командованія при Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ, небезъизвѣстный маіоръ Кохенгаузенъ, велъ весьма интересный дневникъ (небольшія выдержки изъ котораго будутъ мною опубликованы) и обладалъ весьма цѣнными документами по вопросу о взаимотношеніяхъ Дона, Добр. Арміи и Нѣмецкаго Главнокомандованія — всѣ эти матеріалы увезены имъ въ Германію.

Весьма возможно, что въ этомъ краткомъ, очеркѣ, многое и пропущено, но въ этомъ случаѣ страницы «Бѣлаго Архива» предоставлены каждому для пополненія найденныхъ пробѣловъ и для продолженія этого необходимаго очерка.

Я. Лисовой.

Д-р ъ Д. С. П а с м а н и к ъ. Революціонные годы въ Крыму. 1926 годъ.

Среди потопа всякаго рода воспоминаній, мемуаровъ, самооправданій, обличеній и т. п. — нѣтъ-нѣтъ да и промелькнутъ страницы, на которыхъ взглядъ почему то задержится нѣсколько дольше и внимательнѣе... послѣ этого, обыкновенно, садишься поудобнѣе въ кресло, закуриваешь папиросу, да такъ и просидишь далеко за полночь, пока не проглотишь послѣднюю строку — книга д-ра Пасманика принадлежитъ именно къ этому числу изданій.

Съ первой и до послѣдней страницы — изъ каждой строки, изъ каждой буквы, такъ и бьетъ ключемъ честная и искренняя любовь интеллигента-еврея къ Россіи, страданіе ея недугами, вѣра въ ея освобожденіе и могущество и какъ результатъ этой глубокой вѣры—стремленіе отдать все, можетъ быть даже и жизнь, за ту Россію, которую авторъ любитъ и которую считаетъ своей Родиной и Родиной русскихъ евреевъ.

Авторъ, военный врачъ, не чувствуетъ, подобно другимъ интеллигентамъ, никакой радости при извѣстіи о революціи — онъ ошеломленъ и придавленъ; это «не революція, а страшная катастрофа» — грандіозный солдатскій бунтъ, возглавляемый Государственной Думой, и прежде всего о чемъ думаетъ авторъ— «надо спасать культуру».

На дальнѣйшихъ страницахъ своихъ воспоминаній, онъ останавливается зачастую на добродушно-туманныхъ, на безвольныхъ интеллигентахъ, которые, онъ это чувствуетъ, «загубятъ Россію» — что дѣлаетъ честь его проницательности, но больше всего его, какъ военнаго врача, поражаетъ глубокое равнодушіе офицеровъ, которыхъ онъ жестоко обвиняетъ въ «мертвой пассивности, политической безграмотности и гражданской трусости».

«... Странно было — пишетъ авторъ — видѣть эти банты (красные — конечно) на грудяхъ старыхъ генераловъ и молодцеватыхъ полковниковъ, для которыхъ вчера еще подобная декорація была немыслима. И сдѣлано этотъ было безъ борьбы, безъ внутреннихъ мукъ». Приводятся и другіе, болѣе убійственные при-

мѣры — дѣлается оцѣнка еще болѣе рѣзкая и безпощадная... Авторъ беретъ на себя смѣлость поставить точку надъ і — «эта фальшь, и это безволіе офицерства и буржуазной интеллигенціи ввергли Россію въ бездну большевизма».

Дальнѣйшія страницы заполнены авторомъ живыми описаніями активныхъ попытокъ противодѣйствія надвигающемуся ужасу, различныхъ выступленій противъ разрушительной демогогіи, борьбы съ надвигающимся большевизмомъ, работы при нѣмцахъ въ качествѣ редактора русской газеты, отстаивающей русскіе интересы, столкновеній, или вѣрнѣй разногласій, со своими партійными единомышленниками и т. д., и т. д.

Трудно, конечно, передать, даже въ общихъ чертахъ, содержаніе этой несомнѣнно интересной книги: многое уже намъ знакомо, многое принимается авторомъ слишкомъ близко къ сердцу, многія явленія, въ особенности явленія гражданской войны, повидимому, не совсѣмъ понятны автору, кое что можно и отрицать, но съ однимъ изъ выводовъ автора нельзя не согласиться — «Но кто изъ насъ безгрѣшенъ въ великомъ русскомъ бѣдствіи?... Мое глубочайшее убѣжденіе: нѣтъ такого безгрѣшнаго русскаго гражданина».

Послѣ Крыма д-ръ Пасманикъ ѣдетъ въ Новороссійскъ искать «работы», но съ горечью констатируетъ, что онъ для себя «работы въ раіонѣ Добрарміи не нашелъ» и тогда онъ рѣшилъ выѣхать за границу. — «что бы тамъ работать для Россіи, что тогда означало для генерала Деникина».

И работалъ! Живы еще и по сію пору свидѣтели его самоотверженной и честной работы на страницахъ «Общаго Дѣла» втеченіе почти трехъ лѣтъ.

Въ концѣ книги приложена интересная полемика съ И. И. Петрункевичемъ по вопросу о русской интеллигенціи. И здѣсь авторъ прямо, опредѣленно и частно, безъ всякихъ увиливаній, заявляетъ: «Новую Россію будетъ строить не часть интеллигенціи И. И. Петрункевича, а весь народъ, вмѣстѣ съ арміей и интеллигенціей» и что «прежняя слабосильная, безвольная, немощно гуманитарная интеллигенція умерла. Ей на смѣну должна появиться новая интеллигенція: волевая, цѣлевая, властная, дѣловитая, національная, упорная и пачевсего государствостроительная. Однимъ словомъ: для оздоровленія Россіи абсолютно необходима интеллигенція, но совершенно иная, чѣмъ та, которая дѣйствовала въ Россіи во второй половинѣ 19-го столѣтія и которая допустила воцареніе хама на родинѣ въ октябрѣ 1917 года».

Прочтите эту книгу!

Князь Д. Н. Святополкъ-Мирскій. Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго? Парижъ 1926 г.

Жестокость и размахъ русской революціи авторъ объясняетъ низкимъ культурнымъ уровнемъ развитія современной Россіи и бѣдностью страны и суровостью климата.

Въ поискахъ за причинами революціи, авторъ забирается вглубь исторіи и приходитъ къ выводу, что «преобразованія Петра» (о которыхъ онъ, между прочимъ, весьма невысокаго мнѣнія) не «преобразили», а «обезобразили» духовный «образъ» русскаго человѣка. И хотя жизнь понемногу стушевала и загладила крайности Петровскихъ реформъ (Вѣкъ Екатерины), но безпочвенность и оторванность отъ русской культурной мысли прошлаго навсегда сохранились въ качествѣ крайне вредной закваски.

Далѣе, переходя въ эпохѣ Императора Николая I-го, авторъ говоритъ, что «не пониманіе русскими мыслящими людьми истиннаго положенія у себя на родинѣ и ошибочное толкованіе, вслѣдствіе недостаточнаго культурнаго развитія, западно-европейской эволюціи, дало въ конечномъ итогѣ декабрьскій бунтъ и русская революція получила свое первое боевое крещеніе» (Несомнѣнно!). Это царствованіе дало революціонному движенію новыя боевыя силы — нашу интеллигенцію, начало которой положилъ Императоръ Александръ I-ый, насажденіемъ средняго и высшаго образованія.

«Преждевременное и неуклюжее освобожденіе крестьянъ Императоромъ Александромъ II» — авторъ называетъ — самой крупной и непоправимой ошибкой, которая, въ связи съ отказомъ дать дворянству «Конституцію», отбросила послѣднее въ лагерь идейной интеллигенціи и это въ значительной мѣрѣ способствовало подготовкѣ революціи.

Далѣе авторъ подробно останавливается на эволюціи — со времени освобожденія крестьянъ и до послѣднихъ дней—трехъ нашихъ главныхъ общественныхъ классовъ: дворянства, крестьянства и интеллигенціи.

«Предвзятость и незрѣлость политической мысли, оторванность отъ жизни, непониманіе крестьянина, систематическая оппозиціонность, незнаніе истиннаго положенія вещей въ Россіи, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ страной, застарѣлая привычка исканія популярности — вотъ что внесли наши дворяне — земцы въ новоиспеченный парламентъ» — такую рѣзкую оцѣнку даетъ авторъ дворянству.

Столь же нелестныя оцѣнки и для крестьянства: «некультурные, инертные, чуждые устоевъ собственности и идей порядка, отчасти революціонизированные»; и для интеллигенціи въ кавычкахъ (болѣе лѣвое и болѣе крайнее отвѣтвленіе русской интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ этого слова): слѣпые, фантастическіе мечтатели, во имя превратно понятыхъ ими идей свободы и справедливости, мутившіе душу наивнаго крестьянина и сѣявшіе сѣмена анархіи, грабежа и насилія.

Далѣе авторъ переходитъ ко второму вопросу: Что ждать отъ нашего будущаго?

Авторъ полагаетъ, что нашу современную интеллигенцію въ ближайшемъ будущемъ ждетъ соціально-политическое увяданіе и умираніе — во всякомъ случаѣ, для будущей Россіи, она или непригодна, или вредна; въ Россіи, несмотря на царящій нынѣ большевизмъ, который рано или поздно падетъ, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ — неизбѣжно возстановленіе монархіи — монархіи абсолютной, но съ «торжественнымъ при вступленіи на престолъ возвѣщеніемъ народу своей непреклонной, искренней и нелицемѣрной воли даровать народное представительство, какъ только позволятъ обстоятельства»: «умиротвореніе страны, уясненіе ея положенія и наличіе общественныхъ элементовъ годныхъ для представительства».

Собственно говоря, основная мысль автора сводится въ этомъ послѣднемъ вопросѣ къ тремъ основнымъ факторамъ: «Царь, крестьянство и мыслящій руководящій классъ».

Несмотря на отсутствіе плана и исторіософской системы (въ чемъ сознается и самъ авторъ) и мѣстами — трудное изложеніе, книга эта представляетъ несомнѣнный интересъ съ точки зрѣнія и оригинальныхъ мыслей автора, и идеологическаго подхода къ будущему образу правленія въ Россіи, и ярко написанной картины этого будущаго — въ томъ видѣ, какъ она представляется автору...

А. С. Александровъ. Большевики, поднявшіе мечъ, отъ меча должны и погибнуть. Парижъ. 1926 г.

Въ своемъ предисловіи авторъ откровенно заявляетъ, что его трудъ составленъ и издается исключительно въ цѣляхъ агитаціонныхъ — съ этой точки зрѣнія книга не оставляетъ желать ничего лучшаго...

Суть власти большевиковъ, соотношенія различныхъ группировокъ и лицъ изложены авторомъ съ полнымъ знаніемъ вопроса, а «эпизодъ крушенія карьеры товарища Троцкаго» читается съ особеннымъ интересомъ, при чемъ нужно отмѣтить исключительное мужество автора, съ которымъ онъ дѣлаетъ выводы въ назиданіе эмиграціи не только въ этомъ случаѣ, но и посвящаетъ ей особую главу съ тяжкими обвиненіями въ бездѣятельности, а это, по нынѣшнимъ временамъ, хотя и морально, но не проходитъ даромъ.

Авторъ, со свойственной ему прямотой, заявляетъ, что всѣ прогнозы эмиграціи, построенные на различныхъ фантастическихъ теоріяхъ, въ конечномъ итогѣ, могутъ привести къ гибели Національной Россіи, распыленію эмиграціи и раздѣленію Россіи на «сферы вліянія».

Эмиграція бездѣйствуетъ, эмиграція живетъ иллюзіями, эмиграція даже не понимаетъ разлагающаго вліянія этого бездѣйствія — нужно бросить тактику выжиданія и т. д. — нужна вооруженная борьба.

Все это вѣрно, все это до ужаса вѣрно — но гдѣ та сила, которая можетъ расшевелить нашу *спящую старушку?* Какой нуженъ языкъ, что бы заставить ее понять то, что понимаетъ каждый болѣющій за Россію?

О. М—я.

XI.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Илья Савченко

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ

Записки офицера.

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ.

Записки офицера.

Авторъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», Илья Савченко — журналистъ, офицеръ. Въ февралѣ 1920 года, его, больного тифомъ, эвакуировали съ фронта въ Екатеринодаръ, который черезъ нѣсколько дней былъ оставленъ войсками Добровольческой Арміи, не успѣвшей вывезти своихъ больныхъ и раненыхъ. Въ числѣ многихъ тысячъ обреченныхъ на плѣнъ оказался и И. Савченко.

Этому плѣну И. Савченко посвятилъ первую часть своихъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», которые были напечатаны въ журналѣ «Русская Мысль» (кн. VI-VIII *и* IX-XII*). Въ рядѣ художественно изображенныхъ моментовъ авторъ рисуетъ картины лазаретной паники передъ сдачей города большевикамъ, самый актъ плѣна, встрѣчи, впечатлѣнія, наблюденія, разговоры... Понемногу назрѣваетъ мысль о возстаніи, создается заговорщицкій кружокъ — возстаніе при поддержкѣ нѣкоторыхъ красныхъ командировъ близко къ осуществленію и назначается на* I*-е мая. И вдругъ... все рухнуло!... Въ ночь на* I*-е мая участники заговора арестовываются, многіе изъ нихъ въ спѣшномъ порядкѣ разстрѣливаются — автору съ большимъ трудомъ удается скрыться...*

Начинается звѣриная жизнь въ плавняхъ Кубани, гдѣ авторъ встрѣчается со многими офицерами — одиночками, такъ же какъ и онъ, не желавшими примириться съ совѣтскою властью. Молодежь принимается за работу: организуется развѣдка, распредѣляются роли — на долю автора выпадаетъ сбязанность проникнуть въ ряды красной арміи, что бы быть въ курсѣ ея плановъ и задачъ...

*Очерки «Въ красномъ станѣ» обратили на себя вниманіе и зарубежной, и совѣтской печати, удѣлившей этому «человѣческому документу» рядъ статей и замѣтокъ. Большой фельетонъ «Бѣлогвардейскія признанія» — съ подробными выдержками изъ очерковъ, былъ напечатанъ въ Екатеринодарской газетѣ «Красная Кубань» (4-*III*-1924).*

Высокія литературныя качества очерковъ Ильи Савченко въ свое время отмѣтили А. Кизеветтеръ, Ю. Айхенвальдъ и др.

Печатаемые въ настоящей книгѣ «Бѣлаго Архива» очерки «Въ красномъ станѣ» охватываютъ послѣдующій періодъ пребыванія автора среди большевиковъ—отъ момента проникновенія его въ красную армію и до бѣгства къ казакамъ, поднявшимъ возстаніе на Линейной Кубани.

Описаніе казачьяго возстанія — подъ заглавіемъ «Зеленая Кубань» — появилось въ IV *и* V *книгахъ журнала «Голосъ минувшаго на чужой сторонѣ».*

Перу автора принадлежитъ, кромѣ того, рядъ отдѣльныхъ очерковъ и разсказовъ, рисующихъ отдѣльные эпизоды и типы гражданской войны, какъ напр., «Полковникъ Шумайловъ», «Зеленые сказы», «Шрамъ», «Галлиполійское сидѣніе», книга на французскомъ языкѣ «La guerre des verts sur les Monts du Caucase» и др.

Редакція.

I. КОНСПИРАТИВНАЯ ЗАДАЧА.

Добровольческая Армія въ мартѣ 1920 года такъ спѣшно покинула Кубань, что даже не успѣла оставить секретнаго явочнаго пункта, куда бы мы, плѣнные, могли явиться за полученіемъ директивъ и указаній. А вѣдь въ плѣнъ сдано было нѣсколько десятковъ тысячъ бойцовъ...

Передъ этой громадой плѣнныхъ былъ жестокій выборъ: либо концентраціонные лагери, либо вступленіе въ ряды красной арміи — ни то, ни другое большинству изъ насъ не улыбалось.

... Стали организовываться тайные офицерскіе кружки, раскрывавшіеся, впрочемъ, большевиками черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ образованія. Въ конспираціи мы были люди неопытные, да и предателей среди насъ расплодилось не мало — на предательствѣ нѣкоторые дѣлали себѣ красную карьеру.

Кружокъ , къ которому я принадлежалъ, также вскорѣ былъ расшифрованъ и въ ночь на I мая 1920 года — день на который мы организовали въ Екатеринодарѣ возстаніе, — большинство его дѣйствующихъ лицъ было арестовано и разстрѣляно *).

Осталось изъ этого кружка въ живыхъ нѣсколько человѣкъ. Кое-кто задержался въ Екатеринодарѣ, другіе перекочевали въ Майкопъ, Армавиръ, на Терекъ.

Послѣ первомайскаго разгрома, заговорщицкаго кружка у насъ уже фактически не было, но «на всякій случай» мы учредили въ Екатеринодарѣ «адресъ», куда должны были время отъ времени заглядывать. Мы все еще надѣялись, что Добровольческое командованіе какъ нибудь догадается прислать на Кубань своихъ тайныхъ сотрудниковъ; пока же что рѣшили для этихъ будущихъ сотрудниковъ собирать матеріалъ.

Капитанъ Т. поѣхалъ на развѣдку въ Пятигорскъ. Тамъ у него были старыя связи и онъ надѣялся использовать ихъ.

Поручикъ П. переправился за Кубань, въ раіонъ линейныхъ станицъ, гдѣ «зеленые» уже имѣли нѣсколько отрядовъ и дрались съ большевиками; надо было держать съ ними связь.

Я долженъ былъ по подложнымъ документамъ вступить въ красную армію...

Было еще нѣсколько своихъ людей — рѣшено было держать другъ съ другомъ связь... Плана никакого у насъ не было—были лишь надежды.

Изъ разговоровъ съ плѣнными офицерами и казаками можно было сдѣлать выводъ, что никто изъ нихъ «всерьезъ» не вѣрилъ въ продолжительность плѣна. Всѣмъ казалось, что это только случайный эпизодъ, что вотъ-вотъ загремятъ подъ Екатеринодаромъ добровольческія пушки и дурной сонъ разсѣется...

2. «ЛИПА».

Изготовленный для меня общими усиліями документъ гласилъ, что я, имярекъ, — начальникъ конно-развѣдочной команды 127-го полка, 14-й дивизіи. Этотъ полкъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, какъ, впрочемъ, и вся бригада, въ которую онъ входилъ, расформировывался въ Ростовѣ на Дону. Другой документъ гово-

*) См. объ этомъ «Русская Мысль», кн. VI-VIII.

рилъ, что я только что выписанъ изъ екатеринодарскаго лазарета, гдѣ находился на излѣченіи отъ раны, полученной въ бою на Манычѣ. Третій документъ предписывалъ явиться въ распоряженіе екатеринодарскаго коменданта для направленія въ «свою часть».

Къ визиту въ комендантское управленіе надо было подготовиться. Прежде всего надлежало заглянуть въ «Уставъ Внутренней Службы Россійской Рабоче-Крестьянской Арміи», чтобы не сдѣлать при представленіи красному начальству чего нибудь «бѣлогвардейскаго».

Обзаведясь фуражкой съ красной звѣздой и соотвѣтствующей гимнастеркой, я пошелъ на розыски «Устава внутренней службы», который и пріобрѣлъ благополучно въ красноармейскомъ кооперативѣ. На изученіе устава пришлось истратить не больше двухъ часовъ, т.к. уставъ оказался переработкой, хорошо мнѣ знакомаго, стараго Устава внутренней службы. Встрѣтились, впрочемъ, кое-какія нововведенія. Нашъ уставъ говорилъ о «начальникѣ» и «подчиненномъ», красный уставчикъ «начальника» замѣнилъ «руководителемъ», а «подчиненнаго» «руководимымъ». Руководитель — это образецъ «революціоннаго долга». Руководимый долженъ брать съ него «революціонный примѣръ». Такъ какъ чиновъ въ красной арміи нѣтъ—всѣ именуются по должностямъ: тов. командиръ полка, тов. командующій арміей и т. д. Взамѣнъ погонъ, для отличія въ должностяхъ, введены нарукавные знаки. Знаки состоятъ изъ небольшихъ квадратиковъ — чѣмъ больше квадратиковъ и чѣмъ они крупнѣе по размѣрамъ, тѣмъ важнѣе персона товарища. Пришлось зазубрить скалу квадратиковъ, чтобы умѣть разбираться въ должностяхъ. Затѣмъ надо было запомнить цвѣта, ибо каждый родъ войска имѣетъ свой цвѣтъ или, какъ говорятъ, «свой приборъ». Не лишне было узнать, что «радъ стараться» не принято въ красной арміи, и что на благодарность начальства надо отвѣчать — «служу народу» или «служу революціи».

Одолѣвъ уставъ, можно было итти передъ очи, новаго для меня, краснаго начальства...

3. У КРАСНАГО КОМЕНДАНТА.

Въ комендантскомъ управленіи меня встрѣтилъ адъютантъ, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и , ознакомившись съ моими документами, заявилъ:

— Вашъ полкъ, товарищъ, расформировывается — въ общемъ вся бригада расформировывается... Всѣхъ чиновъ вашей бригады приказано направлять въ 3-ю стрѣлковую бригаду.

Это распоряженіе не было для меня новостью — меня интересовалъ вопросъ другой: всѣ ли чины «моей» бригады будутъ переведены въ 3-ю бригаду. Встрѣча со «своими» была, разумѣется, нежелательна. Я закинулъ по этому вопросу осторожную «удочку», на что получилъ успокоительный отвѣтъ: кадры «моей» бригады назначены на укомплектованіе одной изъ дивизій, стоящей въ Ростовѣ, въ 3-ю же бригаду назначаются выписывающіеся изъ лазаретовъ, отпускные и прочіе случайные хвосты, оказавшіеся на Кубани.

Получилъ предписаніе явиться къ мѣсту новой службы.

Зашелъ въ ближайшее кафе, чтобы написать рапортъ на имя командира 3-й стрѣлковой бригады о томъ, что прибылъ въ его распоряженіе. Пришлось три раза переписывать рапортъ: Ѣ и Ъ все время предательски проскакивали на свои мѣста.

4. ВЪ ШТАБѢ 3-й СТРѢЛКОВОЙ БРИГАДЫ.

На трамваѣ добрался до штаба бригады. Начальникомъ штаба былъ бывшій штабсъ-капитанъ Тихоновъ. Представился ему. Онъ просмотрѣлъ комендантское предписаніе, пришпиленное къ моему рапорту и пошелъ доложить обо мнѣ командиру бригады. У двери они встрѣтились — командиръ бригады, товарищъ Карлсонъ, входилъ какъ разъ въ кабинетъ.

— Вы бывшій офицеръ? — чуточку шепелявя , съ латышскимъ акцентомъ, обратился ко мнѣ Карлсонъ.

— Да.

— Давно въ красной арміи?

— Съ 1918 года.

— Вашъ офицерскій чинъ?

— Поручикъ.

— Какъ въ полкахъ комсоставъ? — обратился онъ къ начальнику штаба.

— Полный штатъ, — отвѣтилъ Тихоновъ.

— А въ штабѣ?

— Свободно мѣсто сотрудника.

На рапортѣ моемъ , въ углу, комбригъ крупнымъ почеркомъ выводитъ: «Прикомандировать къ штабу сотрудникомъ».

Итакъ, я вошелъ въ красную армію...

Чтобы избѣжать излишнихъ разговоровъ и разспросовъ, разыгрываю бурбона; со всѣми сухъ, чуточку грубоватъ; держусь офиціально.

Штабъ бригады состоитъ изъ начальника штаба , двухъ его помощниковъ — одного по оперативной части и одного по административной, двухъ сотрудниковъ, т. е. по нашему говоря, адъютантовъ и нѣсколькихъ писарей.

Оперативной работы, конечно, сейчасъ никакой нѣтъ — бригада отдыхаетъ послѣ боевъ. Кромѣ обычной переписки, штабъ приводитъ въ порядокъ списки личнаго состава полковъ, дописываетъ заднимъ числомъ приказы по бригадѣ, приводитъ въ порядокъ архивъ.

Чувствую себя все время напряженно. Слово «товарищъ» говорю, кажется, чаще,чѣмъ это нужно. Трудно очень съ новыми терминами. Всѣ эти «запкавдивы» , «продкомы», «инспехармы,» «начснабриги», «начвосо» — очень утомляютъ; а съ ними все время приходится имѣть дѣло — такова ужъ моя служба. Ошибиться въ терминѣ рисковано — могутъ взять подъ сомнѣніе: два года въ арміи и не знаетъ, что такое «начвосо» или «инспехармъ»...

Приходится пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы усвоить этотъ тарабарскій языкъ, и долженъ отдать себѣ справедливость: успѣхи на этомъ фронтѣ я дѣлалъ ощутительные.

— Завтра, товарищъ, комбригъ производитъ смотръ учебной командѣ 125-го полка — вы назначаетесь ассистентомъ...

Мнѣ предстояло записывать недочеты въ подготовкѣ учебной команды, дѣлая при этомъ ссылки на соотвѣтствующія статьи уставовъ. Цѣлыя сутки я провелъ за стопкой красныхъ уставчиковъ; заучивать, впрочемъ, приходилось только измѣненія, такъ какъ старые уставы я зналъ довольно хорошо. Эта работа сошла вполнѣ благополучно и всѣ мои замѣчанія по поводу смотра полностью, безъ какихъ бы то ни было измѣненій, были приведены въ приказѣ по брига-

дѣ. Для «пущей важности» пришлось удариться въ революцiонную фразеологiю и въ моихъ замѣткахъ значилось:

— Учебники-красноармейцы не отчетливо опредѣляли роль краснаго воина... Ни одинъ изъ опрошенныхъ красноармейцевъ не далъ уставного опредѣленiя того, что называется краснымъ воиномъ и какова его роль въ русской и мiровой революцiи... На этотъ отдѣлъ обученiя слѣдуетъ обратить особое вниманiе...

Карлсону мои замѣтки очень понравились и, какъ похвалу, онъ изрекъ:

— Васъ надо бы въ строй пустить... Что вамъ въ штабѣ киснуть... Отличный начальникъ учебной команды былъ бы...

У меня же на счетъ штабного «киснунья» были свои особые планы...

Послѣ инспектированiя учебной команды, на меня начальникъ штаба возложилъ сразу двѣ работы: 1) сдѣлать предметный справочникъ, выбравъ для этого изъ приказовъ на республикѣ, армiи, дивизiи и бригадѣ все необходимое для руководства и 2) привести въ порядокъ военный дневникъ бригады. Вторая работа была интереснѣе въ бытовомъ отношенiи, но непосредственнаго касательства къ моимъ конспиративнымъ заданiямъ не имѣла — это была уже исторiя. За то цѣлый кладъ я нашелъ въ первомъ порученiи начальника штаба. Оно открывало мнѣ доступъ ко всѣмъ приказамъ, особенно къ приказамъ секретнаго характера, изъ котрыхъ я получилъ богатый дислокацiонный и оперативный матерiалъ. Изъ приказовъ по Екатеринодарскому укрѣпленному району я зналъ теперь о группировкѣ красныхъ войскъ на зеленомъ фронтѣ, ихъ численность,стоянки штабовъ, секторы развѣдокъ, общiя оперативныя заданiя и проч.

Я съ жадностью накинулся на изученiе приказовъ и очень скоро смогъ сообщить въ екатеринодарскiй «адресъ» свѣдѣнiя, которыя, въ свою очередь, пошли дальше по назначенiю...

5. ВЕЧЕРИНКА У КАРЛСОНА.

Нужно мнѣ было какъ то что то спросить у начальника штаба — звоню ему по телефону.

— Онъ у комбрига, — отвѣтилъ ординарецъ.

Звоню туда — къ телефону подходитъ самъ комбригъ.

— Разрѣшите, товарищъ комбригъ, просить къ телефону товарища начальника штаба.

— Срочное что нибудь?

— Нѣтъ, я хотѣлъ спросить о суточной рапортичкѣ въ штабъ дивизiи.

— Берите вашу рапортичку и приходите ко мнѣ...

У Карлсона собралась небольшая компанiя: Тихоновъ, начальникъ штаба дивизiи и начальникъ связи дивизiи. Когда я вошелъ къ Карлсону, всѣ встали. Карлсонъ представилъ меня. Онъ очень любезно усадилъ меня за столъ, обильно уставленный всевозможными бутылками и закусками. Всѣ были уже «на взводѣ».

— Вы, конечно, бывшiй офицеръ, — сразу же замѣтилъ начальникъ штаба дивизiи. — Это, впрочемъ, видно и безъ вопроса. А вѣдь, господа, на насъ печать лежитъ... Ей Богу, печать!

— Во-первыхъ, не «господа»,—началъ было Карлсонъ, но начальникъ штаба дивизiи сейчасъ же его остановилъ:

— И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ десятыхъ между собою мы — «господа»,

а «товарищи»... — онъ сдѣлалъ гримасу пренебреженія, — это для простаго народа...

Карлсонъ шутливо возражалъ:

— Какъ коммунистъ...

— Иди ты къ чорту съ твоимъ коммунизмомъ. Мы люди безпартійные, а коммунизмъ это тоже для простаго народа... Ну вамъ, ваше высокородіе, нужно догонять. Ваше имя — отчество? Мое — Николай Викторовичъ. Старый измайловецъ, чортъ меня подери!

Налили мнѣ рюмку.

— Вы мнѣ очень нравитесь, — не унимался подвыпившій начальникъ штаба дивизіи, игравшій въ этой компаніи первую скрипку, какъ старшій по должности, — за что бы вы хотѣли выпить?...

Наштадивъ держалъ свою рюмку противъ моей и ждалъ.

— Это, господа — товарищи, очень интересно. Всѣ мы знаемъ другъ друга и я, напримѣръ, знаю за что готовъ выпить ты, Карлсонъ. Ты, конечно, за лучезарный коммунизмъ (онъ произнесъ это подъ латышскій акцентъ), ты, Васька, за неизмѣнныхъ «милыхъ женщинъ, прекрасныхъ женщинъ». Тихоновъ пьетъ молча и упрямо; его тостъ всегда одинаковъ: «шобъ не було»! Я знаю всѣхъ васъ насквозь, съ головы до ногъ и съ ногъ до головы, — а это новый человѣкъ: homo novus. Итакъ, ждемъ!

Пришлось сказать нѣсколько словъ подъ тонъ пьяной компаніи. Говорилъ я что то о «радугѣ жизни»,о «сложномъ комплексѣ», имя которому человѣкъ и еще что то нарочито сумбурное и неясное.

— Попробуемъ выпить за радугу жизни!

Выпили. Пили еще много.

Васька, начальникъ связи штадива, послѣ какой то рюмки водки, даже сказалъ:

— Нашего брата въ арміи терпятъ, но не любятъ, а все же мы — мы... Безъ насъ тю-тю Ильичъ съ Лейбушкой... Мы -мозгъ, мы — сила... Мы, чортъ возьми, въ концѣ концовъ, все...

Карлсонъ пытался замять щекотливую тему , но разговоръ продолжалъ вертѣться вокругъ офицерства.

— Ну возьмите нашего Володина*)... Парикмахеръ командуетъ арміей... И командуетъ... Здорово командуетъ... Парикмахеръ бьетъ генераловъ, собаку съѣвшихъ по военной части. А развѣ это парикмахеръ Володинъ ихъ бьетъ? Бьемъ мы... Не будь у Володина нашего брата, кадроваго офицера, онъ узналъ бы вмѣстѣ съ Троцкимъ, что значитъ стричь подъ бобрикъ.. Ѣсть фаршированную щуку и командовать арміей, господа, это не совсѣмъ одно и тоже! — начальникъ штаба дивизіи при этомъ тонно защелкалъ шпорами подъ столомъ. — Да-съ, не одно и тоже...

— Володинъ — это дрянь. Такъ, выскочка; если бы не его связь съ Кремлемъ дальше комбата**) не пошелъ бы. Вотъ Степинъ***)... Да, это молодчага! — замѣтилъ начальникъ связи дивизіи.

— Сказалъ тоже, — подернулъ плечами начальникъ штаба дивизіи. — Степинъ кадровый офицеръ. Это фигура!

---

*) Бывшій Командующій IX Кубанской Арміей.
**) Командиръ баталіона.
***) Командующій IX Арміей послѣ Володина.

— Большая фигура, — согласился Карлсонъ. — Онъ меня одинъ разъ такъ подтянулъ по телефону, что и сейчасъ еще поджилки трясутся, когда вспоминаю. Степинъ большой человѣкъ — жаль покойника. Безъ него IX армія осиротѣла. Левандовскій*) — это не то...

— Ну, не скажи, — вступился за Левандовскаго начальникъ штаба дивизіи. — Нѣтъ, господа, старое офицерство лицомъ въ грязь не ударяетъ. Это говорю вамъ я, старый измайловецъ! Вы посмотрите, какъ Левандовскій докладъ принимаетъ. Какъ будто онъ родился командармомъ! А выѣздъ его.. видѣли? Такъ ѣздили когда то только старые командиры... Да и то давно уже такъ не ѣздили...

— Старая армія умираетъ, но не сдается!—рявкнулъ совсѣмъ охмѣлѣвшій начальникъ связи.

Когда входилъ вѣстовой Карлсона съ новой бутылкой вина или съ какой-нибудь снѣдью, разговоръ прерывался. Вѣстового стѣснялись, да и не безопасно было — вся эта офицерская компанія черезъ часъ могла очутиться въ чрезвычайкѣ.

— Такъ говорите, бригаду расформировываютъ? — спросилъ Тихоновъ, возвращаясь къ разговору, который былъ, повидимому, до моего прихода.

— Да, командармъ опредѣленно объ этомъ сказалъ.

— Неужели это все изъ-за Дейбнера?

— Исключительно.

— Но это невѣроятно! Я Дейбнера знаю во-какъ! Какой тамъ, къ чорту, онъ контръ-революціонеръ... Его къ красной звѣздѣ за Манычскіе бои представляли, — сказалъ Карлсонъ.

— Ты коммунистъ, аттестуй его, поручись головой, что онъ не при чемъ во всей этой исторіи.

А дѣло было вотъ въ чемъ: Дейбнеръ, бывшій штабсъ-капитанъ, командиръ 125-го полка, считался однимъ изъ лучшихъ командировъ. Успѣхъ Манычской операціи въ значительной степени обязанъ его иниціативѣ, находчивости, лихости и умѣнію оріентироваться въ боевой обстановкѣ. Въ апрѣлѣ 1920 года къ нему въ полкъ поступило нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, назначенныхъ въ полкъ съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Лишь одного офицера, полковника, Дейбнеръ принялъ въ полкъ на свой страхъ и рискъ, какъ добровольца, минуя всѣ высшія инстанціи, куда онъ только донесъ о фактѣ пріема офицера-добровольца. Комиссаръ полка зналъ объ этомъ и санкціонировалъ приказъ о зачисленіи. Когда екатеринодарская чрезвычайка раскрыла офицерскій первомайскій заговоръ, добралась она и до полковника-добровольца. Установлено было его знакомство съ нѣкоторыми участниками заговора. Дейбнеръ сейчасъ же былъ арестованъ. Въ другихъ полкахъ бригады тоже нашли офицеровъ, изъ числа плѣнныхъ, которыхъ че-ка сопричислила къ заговору. Бригада была объявлена ненадежной и командармъ приказалъ расформировать ее.

— Жаль бригаду!... Боевая бригада, старая... — сокрушался Карлсонъ.

— Получишь другую... Это я тебѣ обѣщаю... Разговоры по этому поводу уже были... Все пока благополучно, — успокаивалъ начальникъ штаба дивизіи.

— И вы, — обратился онъ къ Тихонову, — получете штабригъ, и вы, — обратилъ онъ ко мнѣ свои взоры...—Хотите ко мнѣ адъютантомъ? Мы съ вами, я вижу, уживемся... Выпьемъ, господа! Къ чорту всякія формированія и расфор-

*) Левандовскій — Командующій IX Арміей послѣ Степина.

мированія. Давайте кутнемъ сегодня по хорошему, по настоящему. Звони, Васька, въ штабъ, что бы подали мой «Бенцъ».. Кутимъ сегодня!

Я попробовалъ было воспользоваться оживленіемъ компаніи и уйти восвояси, но не удалось.

— Э, батенька, нѣтъ! Дудки-съ! Пожалуйте съ нами.. Такого шампанскаго вы давно уже не пили. А какія будутъ женщины!...

Черезъ двадцать минутъ мы сидѣли уже въ штабномъ «Бенцѣ» и безшумно мчались по затихшимъ улицамъ засыпавшаго Екатеринодара.

Красная улица...Машина остановилась у какого то параднаго подъѣзда.Шоферъ, видимо, возилъ сюда не разъ своего барина. По мраморной лѣстницѣ, устланной бархатной дорожкой, поднялись во второй этажъ.

— Радъ, очень радъ васъ видѣть, господа... Милости прошу, — встрѣчалъ насъ хозяинъ квартиры, солидный человѣкъ лѣтъ сорока пяти, одѣтый въ безукоризненную визитку, полосатыя брюки со свѣжей складкой и лакированные ботинки. Въ его акцентѣ слышалось что то не русское: это былъ или грекъ, или еврей.

Прошли въ гостиную. Хозяинъ гостепріимно суетился и заботливо усаживалъ насъ у круглаго стола, подвигая каждому удобное кресло съ подлокотниками.

Лакей принесъ серебряное ведерко съ замороженнымъ «Мумомъ». Появился жаренный миндаль, ваза съ фруктами.

— Сейчасъ пріѣдутъ такія то и такія то, — называлъ хозяинъ квартиры имена незнакомыхъ мнѣ лицъ.

Тихоновъ шепнулъ мнѣ:

— Собираются екатеринодарскіе милліонеры... Шампанскимъ и шмевъде-феромъ они откупаются отъ реквизицій...

Гостиная становилась все люднѣе и люднѣе. Пріѣхали тузы. Пріѣхали сотрудники Кубанскаго Особаго Отдѣла... Появились женщины...

Лакеи раскинули карточные столики. Началась игра. Тузы проигрывали. Не знаю, почему это считалось легче, чѣмъ просто дать взятку... Суммы проигрышей были очень велики. Большевики здѣсь снимали обильную жатву.

6. МОЙ СОЖИТЕЛЬ ПО КВАРТИРѢ.

Въ бытность мою при штабѣ 3-й бригады жилъ я въ реквизированой комнатѣ вмѣстѣ съ писаремъ изъ штаба. Это, правильнѣе сказать, былъ не писарь, а нѣчто вродѣ дѣлопроизводителя. Человѣкъ былъ занятный. Политически онъ былъ безцвѣтенъ, но душою—типичный большевикъ. Ничего святого у этого человѣка не было — никакихъ принциповъ: жуликъ и авантюристъ чистѣйшей воды. Ко всему этому, онъ еще былъ нарѣдкость словоохотливый малый. Москвичъ. Въ большевицкихъ водахъ плаваетъ съ первыхъ октябрьскихъ дней.

Мой сожитель, видимо, питалъ ко мнѣ какое то исключительное довѣріе, ибо онъ дѣлился со мною своими похожденіями по Р. С. Ф. С. Р. такъ откровенно, что я порою думалъ, ужъ не издѣвается ли онъ надъ моею способностью слушать его «тысячу и одну ночь».

— Хорошая штука наша Совѣтроссія, — помню философствовалъ онъ какъ то за чаемъ. — Будь только съ головой, а остальное все къ твоимъ услугамъ... Въ началѣ революціи былъ я въ Москвѣ... Ну, конечно, первымъ дѣломъ надо

было въ начальство выйти. Туда сюда сходилъ, кое съ кѣмъ поговорилъ. Въ одинъ день все обтяпалъ и предписаніе получилъ: принять комиссаріатъ участка. Ну, разумѣется, по Сенькѣ и шапку давай — реквизнулъ особнячекъ для себя. Домикъ выбралъ себѣ на ять. Сами понимаете, что въ своемъ участкѣ — своя рука владыка: семь комнатъ, ковры, рояли, картины... Въѣхалъ. Въѣхать то въѣхалъ, да самъ я одинъ въ семи комнатахъ — это тоже не модель. Рѣшилъ себѣ мадаму взять. Бабу раздобылъ такую, что на всей Москвѣ не сыскать. Ну, а разъ мадама — значитъ надо было фасонъ держать. Брилліантовъ этихъ, шелку да жемчуговъ доставалъ я ей сколько душенькѣ ея хотѣлось. Ордеръ, обыскъ и — дѣло въ шляпѣ! Брать то было у кого... Поваръ былъ у меня — отмѣнный поваръ. Кормилъ онъ меня и мою мадаму такими гастрономіями, что и не выговорить: что не названіе, то три этажа. Жилось, однимъ словомъ, хорошо. Денегъ было—сколько хотѣлъ. Да поймался по пустяшному дѣлу: реквизнулъ не въ своемъ участкѣ. Споръ начался, дѣло всерьезъ пошло. Пришлось по-добру, по-здорову драпать...

Поколесилъ я малость, да и поступилъ въ правозаступники... Заявилъ себя адвокатомъ. По тѣмъ временамъ—это было хлѣбное дѣло. Вообще времена были хорошія!... Назначили меня въ революціонный трибуналъ въ Ярославль. Три дѣла я тамъ только и провелъ. Малость подработалъ. Милліонера, одного пароходчика, выкручивалъ— тутъ изрядно я взялъ. Пополамъ мы его капиталецъ честно подѣлили, при чемъ бумажки были не въ счетъ — разсчетъ вели на золото. И золотомъ я отъ него получилъ, какъ одну копѣйку, 60.000 цѣлкачей—монетка какъ никакъ!... Н-да... Да только скоро юриспруденція моя сорвалась. Доискались, что я не адвокатъ и что по этой части маракую мало. Хотѣли было подъ судъ отдать, да все сошло благополучно. Замяли дѣло. Кончилось все это тѣмъ, что меня перевели въ красную армію — въ строй. Ну-съ, это дудки!... Сталъ ловчиться. Около мѣсяца проторчалъ въ полку, а потомъ и тиснулъ рапортъ: такъ молъ и такъ, я — студентъ-медикъ и хочу быть переведеннымъ изъ строя на лѣкарскую должность. Лѣкаря въ тѣ поры хорошо зарабатывали: морфій, кокаинчикъ, спиртяга, то, другое, десятое — глядишь и есть дѣтишкамъ на молочишко. Дѣло выгорѣло — назначили лѣкаремъ въ запасный полкъ. Все было хорошо, пока рецептовъ писать не пришлось, а случай подоспѣлъ—влопался, конечно. По латински то я ни гу-гу. Кокаинъ и спиртъ—это я научился по аптечному выводить, ну, а разныя тамъ мудренныя вещи—шабашъ... Хорошія были времена!.. А сейчасъ могила... Вотъ и копчу штабное небо. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочережка...

Первое время мнѣ казалось, что это мой наблюдатель. Я зналъ, что у красныхъ контръ-развѣдка поставлена блестяще. За каждымъ мало-мальски подозрительнымъ человѣкомъ непремѣнно слѣдитъ кто нибудь изъ спеціально поставленныхъ людей — это цѣлая система сыска. Ко мнѣ приставятъ для наблюденія члена комячейки моей части, за нимъ слѣдитъ кто нибудь по назначенію Особаго отдѣла, а за этимъ наблюдателемъ имѣетъ глазъ секретный агентъ Псарма, находящійся непремѣнно въ каждомъ полку или батареѣ. Каждая воинская часть имѣетъ сыщика ЦИК'а, а за нимъ слѣдитъ человѣкъ изъ Совѣта Обороны Республики. Кромѣ этого хвоста наблюдателей отъ учрежденій, имѣются личные агенты Ленина и Троцкаго, со спеціальными мандатами, имѣющими магическую силу.

Я долго присматривался и наблюдалъ моего сожителя. И рѣшилъ, что врядъ ли онъ былъ изъ наблюдающихъ за мной. Больше того: какъ «свой человѣкъ»

онъ раскрылъ мнѣ штабную тайну, о которой случайно узналъ отъ друзей изъ штабной комячейки — для наблюденія за мной приставленъ одинъ изъ писарей штаба. Дѣйствительно , я только послѣ этого сталъ понимать, почему я такъ часто всюду сталкивался со своей «тѣнью». До разсказа моего сожителя, я какъ то не обращалъ на это никакого вниманія.

7. РАСФОРМИРОВАНІЕ «МОЕЙ» БРИГАДЫ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пьяной вечеринки у Карлсона, я получилъ предписаніе отправиться въ распоряженіе предсѣдателя Армейской ликвидаціонной комиссіи, которая приступила уже къ расформированію опальной бригады Карлсона. Въ комиссіи я получилъ мѣсто секретаря и, въ значительной мѣрѣ, моими трудами дѣло ликвидаціи бригады было доведено до благополучнаго конца, за что я получилъ даже особую письменную благодарность отъ предсѣдателя комиссіи. Комиссія эта была созданна ad hoc и потому, какъ только работа ея была закончена, всѣ участники комиссіи возвращались къ прямымъ своимъ обязанностямъ. Исключеніемъ былъ только я, т. к. у меня не было уже своей части. Предсѣдатель комиссіи далъ мнѣ предписаніе явиться въ распоряженіе инспектора пѣхоты IX арміи.

Расформированіе бригады для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Съ ея расформированіемъ я пріобрѣталъ уже нѣкоторую «легальность», т. к. у меня оказывалось не только «маргариновое» прошлое: я получалъ на руки настоящіе, а не «липовые» документы.

Въ инспекціи мнѣ объявили, что я назначаюсь въ обозъ 14-й дивизіи — шло какъ разъ его пополненіе.

Пребываніе въ обозѣ не входило въ мои планы — я запротестовалъ.

— Я кавалеристъ... Согласно такого то приказа по арміи я долженъ быть направленъ по роду оружія... Кромѣ того, я строевикъ и служить внѣ строя не согласенъ...

— Все это такъ, но и въ обозъ требуется комсоставъ.

Возникъ споръ — впрочемъ, мнѣ скоро уступили въ моихъ кавалерійскихъ домогательствахъ и черезъ полчаса у меня уже было предписаніе явиться по роду оружія — къ Инспектору кавалеріи IX арміи.

8. ВЪ ИНСПЕКЦІИ КАВАЛЕРІИ.

Въ инспекціи кавалеріи меня встрѣтили очень любезно, «по кавалерійски», и сейчасъ же предложили заполнить анкетный листъ, гдѣ нужно было указать прохожденіе службы въ рядахъ красной арміи, службу въ царской арміи, службу у бѣлыхъ, какую должность хотѣлъ бы занять въ кавалеріи, принадлежу ли къ компартіи. Я показалъ, что у бѣлыхъ не служилъ и хотѣлъ бы занять штабную должность.

Начальникъ канцеляріи — бывшій прапорщикъ запаса кавалеріи, а до войны судебный слѣдователь, тов. Чубиновъ — сейчасъ же доложилъ обо мнѣ инспектору кавалеріи.

Долго ждать пріема не пришлось. Черезъ двѣ минуты Чубиновъ вышелъ и пригласилъ меня въ кабинетъ къ инспектору.

Вхожу. Великолѣпный дубовый письменный столъ. Глубокія кожаныя кре-

сла. За столомъ съ чувствомъ собственнаго достоинства возсѣдаетъ инкавъ*) тов. Михаилъ Чувелевъ,бывшій комми-вояжеръ какой то еврейской фирмы въ Польшѣ. Справа, за маленькимъ столомъ — его помощникъ, породистый Коршъ, бывшій гвардіи полковникъ.

Представляюсь. Чувелевъ держитъ себя сверхъ-генераломъ. Молча выслушиваетъ мой рапортъ, руки не подаетъ. Коршу отвѣшиваю поклонъ — этотъ спускается съ начальственныхъ высотъ и протягиваетъ мнѣ выхоленную руку.

— Какую должность вы хотѣли бы получить? — спросилъ Чувелевъ, разсматривая мою анкету.

— Я хотѣлъ бы нести штабную службу.

— Почему именно штабную?

— Мнѣ думается, что въ штабной работѣ я буду болѣе полезенъ, чѣмъ въ строю. У меня есть нѣкоторый штабной стажъ... правда, по старой арміи...

— А въ какомъ вы чинѣ? Да, поручикъ... Каковъ же вашъ штабный стажъ?

— Въ старой арміи я былъ полковымъ адъютантомъ,работалъ одно время въ оперативной части штаба дивизіи.

— Что-жъ, проэкзаменуйте товарища, — обратился Чувелевъ къ Коршу, — пригласите въ комиссію... —онъ назвалъ незнакомую мнѣ фамилію кого то изъ сотрудниковъ инспекціи кавалеріи.

Тутъ же въ кабинетѣ я подвергся экзамену въ комиссіи изъ трехъ — Чувелева, Корша и какого то усатаго «товарища», несомнѣнно изъ старыхъ ротмистровъ, прокомандовавшаго эскадрономъ лѣтъ пятнадцать. Экзаменовалъ меня, собственно, одинъ Коршъ; Чувелевъ просматривалъ во время испытанія какія то бумаги на своемъ столѣ и накладывалъ на нихъ резолюціи, слушая однимъ лишь ухомъ мои отвѣты; усатый ротмистръ внимательно курилъ и читалъ газету, изрѣдка посматривая на меня изъ подлобья. Коршъ развернулъ на столѣ карту — двухверстку, положилъ компасъ, бумагу, карандашъ.

— Представьте себѣ, что вы начальникъ штаба конной бригады. У васъ три кавалерійскихъ полка, квартирующихъ въ станицахъ Елизаветинской и Ново-Титаровской, — онъ показалъ на картѣ эти станицы. — Въ станицѣ Елизаветинской стоитъ два вашихъ полка, въ станицѣ Ново-Титаровской — одинъ. Штабригъ квартируетъ въ Елизаветинской. Противникъ, силою до бригады пѣхоты, въ станицахъ такихъ и такихъ то. Отдайте въ письменномъ видѣ приказъ о сторожевомъ охраненіи и развѣдкѣ.

Я задалъ нѣсколько вопросовъ — о томъ, есть ли у меня артиллерія и гдѣ она квартируетъ, о сосѣдяхъ справа и слѣва, объ общей ситуаціи на фронтѣ, въ который входитъ мой сторожевой участокъ, послѣ боя ли бригада моя расквартирована, или до боя и проч.

— Отлично... Вопросы ваши существенны.

Онъ внесъ добавленія въ свою задачу и я набросалъ приказъ по бригадѣ о сторожевомъ охраненіи. Приказовъ такихъ за свою службу я писалъ уже не мало*), и потому задача эта была мнѣ по силамъ.

Коршъ взялъ мой приказъ и сталъ провѣрять мои заданія полкамъ по картѣ. Усатый ротмистръ отложилъ свою газету и тоже наклонился надъ картой.

---

*) Инкавъ-инспекторъ кавалеріи.

*) Я два года былъ старшимъ оперативнымъ адъютантомъ штаба 4-й Донской конной дивизіи.

— Вотъ вы приказали вести бригадную развѣдку, — сказалъ усатый ротмистръ, — на это дѣло вы ухлопали въ общей сложности два эскадрона — такъ?

— Такъ.

— Ну вотъ. Да два эскадрона разсироплено вами на сторожевку. Не слишкомъ ли это большой расходъ для бригады?...

Надо было защищаться.

— Очень трудно, товарищъ, рѣшить тактическую задачу такъ, что бы не встрѣтить еще и другого возможнаго рѣшенія. Кромѣ того, всякое рѣшеніе всегда индивидуально. Каждый, разрабатывающій ту или иную задачу, всегда дѣлаетъ удареніе на что то свое. Но въ защиту моего рѣшенія разрѣшите привести слѣдующія соображенія: своей развѣдкѣ я поставилъ двѣ задачи: а) развѣдать противника съ боемъ и б) если удастся вытѣснить его изъ занимаемыхъ имъ станицъ, то удержать за собою взятыя станицы, т. к. бригада съ разсвѣтомъ все равно должна начать наступленіе на расположеніе противника. Вотъ почему я мою развѣдку сдѣлалъ нѣсколько больше уставной. Моя развѣдка — это въ то же время мой боевой авангардъ. Охрану я тоже усилилъ, т. к. противъ меня стоитъ пѣхота и мѣстность къ тому же очень пересѣченная.

— А какова уставная норма высылки разъѣздовъ? — спросилъ Коршъ.

Я отвѣтилъ.

— Правильно. Приказъ вашъ вполнѣ удовлетворителенъ. У васъ есть несомнѣнный опытъ. Какъ находите вы, товарищъ инспекторъ?

— Да, да, конечно.

Усатый ротмистръ, въ отвѣтъ на вопросъ Корша, кратко отвѣтилъ:

— Годенъ.

Но Чувелевъ все же не удовлетворился экзаменомъ «по штабистикѣ».

— Проэкзаменуйте товарища и по строю.

Начался экзаменъ съ эскадроннаго ученія. Вмѣсто взводовъ — спички. Начальники — спичечныя головки. Эскадронное ученіе я зналъ и потому всѣ построенія исполнилъ правильно, и правильно подалъ всѣ нужныя команды. Но когда Коршъ наломалъ спичекъ на цѣлый полкъ и вытянулъ его въ резервную колонну, пришлось признаться, что къ полковому ученію я не подготовлевъ.

— Я полкомъ, товарищъ, никогда не командовалъ... Я знаю только эскадронное мѣсто въ полковомъ ученіи, да и то, пожалуй, теперь уже забылъ и это...

— А вотъ попробуемъ... Авось... Двойную колонну полка изъ резервнаго порядка можете построить?... Подайте команду и покажите какъ она исполняется эскадронами.

Построеніе это было не изъ трудныхъ и я припомнилъ и команду, и исполненіе ея.

— Что-жъ, отлично... Все по уставу...

Коршъ задалъ еще нѣсколько простыхъ построеній — сдѣлалъ и ихъ.

Экзаменъ кончился. Чувелевъ предложилъ подсѣсть къ его столу.

— Экзаменъ вы сдали и на начальника штаба бригады, и на командира полка. Я васъ все таки хочу назначить въ строй и именно въ запасный дивизіонъ арміи. Тамъ 12 эскадроновъ и надъ ними нуженъ опытный глазъ. Дивизіономъ командуетъ тов. Понамаревъ, но онъ не кавалеристъ, дѣло это знаетъ слабо и дивизіону вы будете очень полезны. Тамъ есть гдѣ показать себя. Запасная часть, маршевые эскадроны для всей IX арміи — это видная работа. Поработайте снача-

ла тамъ, а штабная работа отъ васъ не уйдетъ. Да и нѣтъ сейчасъ вакансій. Я васъ въ одномъ могу завѣрить: я буду имѣть васъ въ виду.

Я не сталъ возражать. Въ конечномъ итогѣ я получалъ назначеніе выгодное для моихъ цѣлей: съ маршевыми эскадронами можно было разсылать по всей кавалеріи IX арміи своихъ людей. Это позволило бы наладить связь, а такъ какъ въ запасномъ понамаревскомъ дивизіонѣ , по моимъ свѣдѣніямъ, было много плѣнныхъ офицеровъ и казаковъ, новое мое назначеніе неожиданно открывало предо мною новыя возможности...

9. ПРЕДСТАВЛЕНІЕ НОВОМУ НАЧАЛЬСТВУ.

Въ тотъ же день я отправился въ слободу Дубинку, находящуюс въ четырехъ верстахъ отъ Екатеринодара, чтобы представиться товарищу Понамареву — моему новому начальнику.

Понамаревъ принялъ меня болѣе чѣмъ любезно и выразилъ живѣйшую радость, что, наконецъ то, онъ получилъ помощника-строевика.

— Тяжело одному, — жаловался онъ на свою судьбу, — я и командиръ, я и комиссаръ дивизіона — работы по уши. Ну-съ, а теперь мы раздѣлимъ трудъ. Да и, между нами говоря, я не кавалеристъ настоящій. Былъ двадцать лѣтъ тому назадъ вольноопредѣляющимся въ кавалерійскомъ полку, но это ,сами знаете, одно, а командовать 12 эскадронами—другое. Вести занятія я не могу. Эскадронные командиры мои — тоже не спецы. Есть одинъ, бывшій офицеръ, но лодырь такой, что его не расшевелишь... Вотъ вы и беритесь за это дѣло. Дѣйствуйте моимъ именемъ. На меня всегда можете разсчитывать...

Кириллъ Федоровичъ Понамаревъ былъ выше-средняго роста, статенъ и, видимо, очень слѣдилъ за своею внѣшностью. Это не былъ «баринъ», но онъ держалъ себя «подъ барина». Усы и бороду онъ брилъ. Въ немъ было что то артистическое — посѣдѣвшая густая шевелюра, большіе выразительные глаза... Въ 1905 году онъ отбывалъ воинскую повинность въ какомъ то кавалерійскомъ полку — въ какомъ это было туманно. Одинъ разъ онъ оказывался въ гусарахъ, другой — въ кирасирахъ. Въ повѣствованіяхъ своихъ Понамаревъ былъ недостаточно твердъ. Говоритъ, что служилъ вольноопредѣляющимся. Во время октябрьскихъ дней первой революціи участвовалъ въ безпорядкахъ, былъ преданъ суду, осужденъ на каторгу, но благополучно бѣжалъ за-границу. Эмигрантомъ кочевалъ по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италіи. Въ Россію вернулся въ «запломбированномъ вагонѣ» вмѣстѣ съ Ленинымъ и Троцкимъ, съ которыми былъ, по его словамъ, друженъ. По всему было видно, что онъ не имѣлъ средняго образованія, хотя и говорилъ, что «сейчасъ же по окончаніи гимназіи» поступилъ въ полкъ, что бы отдѣлаться отъ воинской повинности. Жизнь заграницей, знакомство съ языками и эмигрантская кружковщина развили его. Онъ не мало прочелъ на своемъ вѣку брошюръ, умѣлъ показать свой товаръ лицомъ, темпераментно, съ огонькомъ могъ произносить на митингахъ рѣчи. Красноармейцы, видя его солидность и внѣшнюю строгость, поговаривали, что Понамаревъ — бывшій полковникъ...

Прощаясь съ моимъ командиромъ, я попросилъ разрѣшеніе взять верховую лошадь, чтобы съѣздить въ городъ,и бричку для перевозки своего багажа въ дивизіонъ. Багажъ этотъ былъ не сложенъ: постель да чемоданъ — но все же багажъ.

10. МОЙ ВѢСТОВОЙ.

Понамаревъ рѣшилъ сразу поставить мое пребываніе въ дивизіонѣ на солидную ногу и заговорилъ о томъ, что мнѣ надо подыскать хорошаго вѣстового.

— Вы какъ на счетъ плѣнныхъ? Наши красноармейцы немного того, распущены, а плѣнные, пока обживутся, будутъ ручнѣе.

— Мнѣ все равно — плѣнный или красноармеецъ... Лишь бы любилъ лошадь, да ухаживалъ за ней.

Пока Понамаревъ потчевалъ меня чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, его вѣстовой сходилъ съ понамаревской запиской въ эскадронъ, гдѣ посѣдлали для меня лошадь и назначили вѣстового.

Ѣдучи въ городъ, разсматриваю своего вѣстового.

— Казакъ?

Это, впрочемъ, можно было и не спрашивать. Несомнѣнно мой вѣстовой былъ казакъ, чистокровнѣйшій донецъ. На нихъ вѣдь печать казачья лежитъ такая, что не ошибешься.

— Такъ точно — донецъ...

— Какого полка былъ?

— 26-го коннаго...

Я взглянулъ пристальнѣе на казака. Вѣдь 26-й конный полкъ — мой полкъ... Въ этомъ полку я началъ свою службу въ Донской Арміи, въ этомъ полку въ 1918 году былъ раненъ...

Казакъ продолжалъ:

— Насъ тутъ въ дивизіонѣ сотни двѣ будетъ... Я васъ сразу призналъ... А полковнику Маноцкову*) ногу отрѣзали. Слыхали?

— Вотъ что, станица, это, конечно, хорошо, что у меня подъ рукой будетъ своихъ людей двѣ сотни. Люди вы все вѣрные... Но только никому ни гу-гу, что я плѣнный... Понимаешь? И казакамъ нашимъ скажи, чтобы молчокъ былъ. Я тутъ тайкомъ у красныхъ и дѣлаю видъ, что у бѣлыхъ никогда не былъ — понимешь?

— Про это не извольте безпокоиться, господинъ есаулъ... Дѣло тутъ сурьезное... Мы и сами гуторимъ, что надо возстаніе поднимать... Слыханное ли дѣло... Почитай тридцать тысячъ казаковъ въ плѣну... Да мы тутъ, ежели съ умомъ, все вверхъ дномъ могимъ перевернуть...

— Вотъ и будемъ маракоьать на этотъ счетъ. Надо только другъ за дружки держаться, да языкъ за зубами хорошо до поры до времени держать...

— Это ужъ будьте покойны... Съ нами тутъ и есаулъ П-ъ... Онъ не открылся, что офицеръ,и красноармейцемъ простымъ въ строй пошелъ... А на счетъ секрету будьте покойны. У казаковъ выдачи нѣту. Не сумлѣвайтесь **)...

11. ВЪ ДИВИЗІОНѢ.

Съ Понамаревымъ у меня сразу же наладились наилучшія отношенія. Строевымъ хозяиномъ дивизіона былъ я. Всѣ мои требованія , вплоть до внутренняго распорядка дивизіона — компетенція, къ слову сказать, комиссара части

---

*) Командиръ 26-го Донского коннаго полка.

**) Упоминаю о своемъ вѣстовомъ такъ откровенно, ибо онъ бѣжалъ отъ красныхъ и находится внѣ ихъ досягаемости.

— безпрекословно исполнялись Понамаревымъ. Онъ былъ несказано радъ, что могъ сбросить съ себя непосильную строевую обузу.

До меня эскадроны почти ничѣмъ строевымъ не занимались, такъ какъ Понамаревъ не могъ организовать строевую работу, а командиры эскадроновъ тоже предпочитали службу въ дивизіонѣ превратить въ лѣтній отдыхъ послѣ долгой боевой страды. Если же когда — никогда эскадроны выѣзжали на проѣздку лошадей, — это ужъ, хочешь не хочешь, приходилось дѣлать, что бы не погубить конскій составъ, — то дѣлалось это такъ распущено, хулигански, что эскадроны походили не на воинскую часть, а на толпу базарныхъ цыганъ. Одни ѣхали на посѣдланныхъ лошадяхъ, другіе даже посѣдлать не потрудились... Курили, разговаривали... Ѣхали кто какъ хотѣлъ и умѣлъ.

При мнѣ началась «каторга» для дивизіона. Словечко это было пущено красноармейцами, какъ мнѣ передавали казаки. Я ввелъ уставной режимъ. Все должно было дѣлаться въ положенные часы, на каковой предметъ я объявилъ росписаніе дня, предупредивъ, что за нерадѣніе буду наказывать по всей строгости «революціонной дисциплины». Два раза въ день, утромъ въ 6 часовъ и вечеромъ въ 7 часовъ, была назначена генеральная чистка лошадей на эскадронныхъ коновязяхъ. Коновязей не было и въ поминѣ и въ три дня пришлось ихъ выстроить. Я самъ выходилъ на уборку и требовалъ, чтобы всѣ эскадронные командиры со всѣмъ своимъ команднымъ составомъ были на своихъ мѣстахъ. Утромъ и послѣ обѣда — строевыя занятія. Росписаніе занятій я объявилъ въ приказѣ и приказалъ неуклонно руководствоваться имъ. Въ первые же дни нѣкоторые командиры эскадроновъ оказались неисполнительными. Я доложилъ Понамареву и кой кто сейчасъ же былъ отрѣшенъ отъ командованія , двухъ эскадронныхъ командировъ оштрафовали въ размѣрѣ половиннаго мѣсячнаго содержанія, одного подвергли аресту на гауптвахтѣ съ объявленіемъ въ приказѣ по дивизіону.

Дивизіонъ мнѣ нужно было сдѣлать своимъ, такимъ, который бы безпрекословно подчинялся моему приказу. Только такой послушный дивизіонъ могъ быть полезенъ въ возможномъ будущемъ...

Не успѣлъ я еще ввести твердаго режима въ дивизіонѣ, какъ получился приказъ: въ виду контръ-революціоннаго настроенія близлежащихъ къ Екатеринодару черноморскихъ станицъ, дивизіонъ перевести въ станицу Ново-Титаровскую.

Это было прикрытіе для Екатеринодара, если бы черноморскія станицы вздумали серьезно зашевелиться.

Переходъ въ контръ-революціонный раіонъ подбадривалъ меня — можно было и помощь оказать черноморцамъ...

Въ Ново-Титаровскую мы прибыли уже въ порядкѣ и въ порядкѣ расквартировали эскадроны. Вновь отстроили коновязи. За станицей было великолѣпное поле. Я разбилъ здѣсь нѣсколько манежей, стѣнки обложилъ дерномъ, сдѣлалъ манежныя препятствія, приборы для рубки и работы пикой, и проч. Черезъ недѣлю въ дивизіонѣ шла уже жизнь нормальной воинской части. Понамаревъ ни во что не вмѣшивался и большую часть времени проводилъ въ Екатеринодарѣ, слегка покучивая тамъ и предаваясь отдыху. Но какъ то все же заглянулъ онъ ко мнѣ на плацъ. На двухъ манежахъ шла ѣзда. Въ одномъ ѣздили съ сѣдлами, на другомъ — безъ сѣделъ. Одни эскадроны занимались взводнымъ ученіемъ, другіе — учились рубкѣ, третьи — работали пиками. Я подобающе встрѣтилъ начальство — вѣрнѣе, не подобающе. Согласно красному строевому уставу, ко-

мандиру части, если только онъ не объявилъ заранѣе, что будетъ инспектировать свою часть, никакихъ знаковъ воинской вѣжливости не оказывается — ни «встрѣчи», ни команды «смирно» ему не положено. Командиръ того эскадрона, къ которому онъ подъѣзжаетъ, беретъ только подъ козырекъ. Я продѣлалъ Понамареву «старорежимную» встрѣчу: выстроилъ эскадроны, скомандовалъ «смирно» и поскакалъ съ рапортомъ. Понамареву этотъ «старый режимъ» понравился. Онъ объѣхалъ эскадроны и попросилъ меня показать ему полковое ученіе, котораго онъ никогда, кажется, не видѣлъ. Къ полковому ученію дивизіонъ не былъ еще подготовленъ и потому я могъ показать Понамареву только нѣсколько элементарныхъ построеній, съ которыми дивизіонъ уже былъ знакомъ.

Послѣ «смотра» Понамаревъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о революціонной арміи, о томъ, что «мы» — авангардъ міровой революціи, что по нашему образцу всѣ народы будутъ строить жизнь.

— Мы рыцари новой жизни. Но это званіе обязываетъ. Оно требуетъ подвига и примѣра, лишеній и жертвъ... Я знаю какъ труденъ режимъ дисциплины и какъ хочется вамъ отдохнуть послѣ побѣдныхъ боевъ съ бѣлыми бандами. Но бой еще не конченъ. Мы все еще въ станѣ враговъ, и потому сабли наши не должны затупляться. Будемъ работать, не будемъ тяготиться тяжелой воинской службой. Настоящій отдыхъ еще далеко впереди. Вы имѣете опытнаго руководителя. Учитесь у него кавалерійскому искусству. Симъ побѣдиши!

Съ пѣснями пошли эскадроны по квартирамъ...

Не знаю, о чемъ думалъ Понамаревъ, пропуская мимо себя стройные ряды... Я же думалъ о томъ, что, если Богъ поможетъ, эти эскадроны, быть можетъ, сыграютъ свою роль...

Мой вѣстовой, толкавшійся все время среди красноармейцевъ, питалъ меня свѣдѣніями о настроеніяхъ въ эскадронахъ. Красноармейцы дѣлились у насъ на «своихъ» и на «чужихъ». «Свои» не роптали на меня, такъ какъ понимали, что я «прибираю» дивизіонъ къ рукамъ, что бы имѣть его «на всякій случай». «Чужіе» открыто проклинали заведенную мною «каторгу». Чистка лошадей, манежъ, ученія, дисциплина, наказанія за распущенность, — а за всѣмъ этимъ я слѣдилъ, — все это было для «чужихъ» непривычной мукой, возвращеніемъ къ «проклятому старому режиму».

Въ дивизіонѣ было много донцовъ. Одни изъ нихъ были въ красной арміи еще съ Мироновскаго возстанія, другіе стали «товарищами» только послѣ мартовской новороссійской драмы. Эти двѣ группы донцовъ были между собою на ножахъ. Наступающей стороной были новороссійскіе плѣнники. Они упрекали «мироновцевъ» въ гибели Дона и грозили, что станицы съ ними будутъ еще расчетъ производить.

— Вернемся на Донъ... Не вѣчно же будетъ комиссарское царство... Тамъ поговоримъ кто что дѣлалъ и гдѣ былъ, — говорили плѣнные.

— А вотъ ты поразговаривай, такъ въ чрезвычайкѣ въ гостяхъ побываешь, — припугивалъ «мироновецъ», но до начальства эти «домашніе разговоры» не доходили, если только не вмѣшивался въ разговоръ кто нибудь изъ красноармейцевъ-коммунистовъ, которыхъ было, впрочемъ, немного въ дивизіонѣ, но все же они были и были старательно разсироплены по всѣмъ эскадронамъ, — это были глаза и уши комиссара дивизіона. Донцы же, какъ не ссорились между собой, сора изъ избы не выносили. «Мироновцы» и сами нерѣдко подумывали о томъ, что день расплаты за грѣхи передъ Родиной когда нибудь да настанетъ.

Въ дивизіонѣ было не мало мироновцевъ, буденовцевъ, жлобинцевъ, думенковцевъ, блиновцевъ и прочей прославленной братіи, считавшей себя кавалерійской аристократіей и бывшей въ явной оппозиціи мнѣ и моему режиму. Стычки съ ними бывали нерѣдки. Понамареву я докладывалъ о дерзостяхъ «аристократіи» и онъ, долженъ отдать ему полную справедливость, всегда, просто съ моихъ словъ, безъ комиссарской провѣрки, становился на мою сторону и безпощадно грѣлъ, «аристократію». Особенно дерзкихъ и хулиганствующихъ мы, подъ разными предлогами, сплавляли изъ дивизіона.

Самымъ ощутительнымъ наказаніемъ для буденовца или думенковца — это переводъ въ пѣхоту. Обычно «аристократъ» предпочиталъ дезертирство такому умаленію его кавалерійскаго достоинства. Страхъ передъ «разжалованіемъ въ пѣхоту» помогалъ мнѣ справляться съ распущеннымъ дивизіономъ.

Приналегъ я какъ то на одинъ эскадронъ, въ которомъ было особенно много хулиганствующихъ думенковцевъ. Занимался я съ ними ѣздой безъ сѣделъ. Во время перерыва для отдыха слышу разговоръ: упражненіе это «старорежимное», «уставомъ красной арміи не предусмотрѣнное», «у Думенки этимъ не занимались»...

И уже съ расчетомъ, чтобы я непремѣнно услыхалъ, думенковецъ подчеркнуто громко сказалъ:

— А били офицериковъ почемъ здря!..Изюминка тутъ въ другомъ... Лихость нужна, а не каблучокъ въ манежѣ оттягивать, да локотки прижимать...

Играя обнаженной шашкой, онъ приговаривалъ:

— Каблучокъ тянуть не умѣю, а вотъ этой самой сабелькой четырнадцать офицериковъ срубилъ... Безъ манежа... По-думенковски...

Можно было, конечно, сдѣлать видъ, что я не слышу. Можно было просто прекратить разговоръ, но захотѣлось проучить наглеца.

Я подошелъ къ нему.

— Такъ говорите, что васъ рубкѣ уже учить больше не нужно?

— Рубкѣ мы учились въ бояхъ... Наша школа тамъ... На офицерскихъ головкахъ...

— Можетъ быть вы, товарищъ, и правы...Покажите свое искусство... Пожалуйте сюда...

Думенковецъ догадался чего я хочу.

— Это дѣло!.. Попробуемъ, товарищъ командиръ... Ну-ка, сабелька, не выдай!

Мы скрестили шашки. Думенковецъ не имѣлъ понятія объ эспадронномъ фехтованіи, но все же перешелъ въ наступленіе.

Я подзадаривалъ его:

— Ничего, смѣлѣе, смѣлѣе... Не бойся, не зарубишь...

Каждый ударъ думенковца я безъ труда парировалъ, потомъ выбралъ удобный моментъ и выбилъ у него шашку изъ рукъ.

— Вотъ хвалишься, а шашку держать въ рукѣ не умѣешь. Ты рубилъ головки навѣрно связаннымъ по рукамъ офицерамъ... Ну, по конямъ!.. Заниматься!..

Этого думенковца, черезъ нѣсколько дней, я откомандировалъ отъ дивизіона въ пѣхоту, придравшись къ плохой уборкѣ коня.

Оппозиція мнѣ была и въ командномъ составѣ; пожалуй, еще болѣе ненавистная. Среди командировъ было не мало, такъ называемыхъ, красныхъ офицеровъ изъ курсантовъ. Они «давили фасонъ», одѣвались щеголевато, ходили непремѣнно со стэками. Знаній у нихъ было очень немного; все это были скороспѣлки, менѣе

подготовленные къ командованію, чѣмъ самый плохенькій унтеръ-офицеръ старой арміи, прошедшій девятимѣсячную школу учебной команды полка. Я успѣлъ скоро изучить своихъ командировъ эскадроновъ и взводовъ и зналъ кто на мѣстѣ и кто нѣтъ; опредѣлилъ я также, по возможности, и политическій духъ каждаго. Это тоже имѣло для меня значеніе.

Надо было произвести чистку.

Я предложилъ Понамареву устроить испытаніе нашему комсоставу, доказывая, что при слабыхъ командирахъ вся моя работа будетъ итти впустую. Мало организовать строевую работу, надо еще имѣть помощниковъ, которые могли бы проводить въ жизнь эту организацію. Понамаревъ не возражалъ, спросивъ только, не противорѣчатъ ли такія испытанія уставу. Я увѣрилъ его, что такая провѣрка входитъ въ прямыя обязанности командира части, т. к. онъ несетъ отвѣтственность за подготовку людей, а для этого нужно имѣть увѣренность въ подготовкѣ комсостава.

Устроили провѣрку. Я экзаменовалъ, Понамаревъ только слушалъ. «Жертвы» мною были намѣчены заранѣе. Для «жертвъ» у меня было заготовлено по нѣсколько заковыристыхъ вопросовъ изъ устава строевой службы. На такіе вопросы, обыкновенно, въ отвѣтъ слѣдовало гробовое молчаніе. Въ результатѣ экзамена большинство неугодныхъ мнѣ командировъ было свалено. Рѣшено было отправить ихъ въ инспекцію кавалеріи. Тутъ же мы намѣтили и замѣстителей.

Цѣлая пачка проэктируемаго комсостава была послана въ инспекцію на экзаменъ и всѣ они возвратились въ дивизіонъ со свидѣтельствами комэскадроновъ и комвзводовъ.

Не удалось мнѣ свалить лишь одного командира эскадрона, краснаго офицера и коммуниста; къ тому же онъ былъ протеже самого Понамарева. Чтобы задобрить Понамарева, пришлось схитрить:

— Надо бы,— помню сказалъ я, — смѣнить еще и этого комэска... Между нами говоря, командиръ онъ никудышный, но онъ коммунистъ... Это надо беречь... Ну, какъ нибудь, будемъ изворачиваться...

Понамаревъ долженъ былъ оцѣнить по достоинству такой подходъ къ дѣлу...

Коммунистовъ въ дивизіонѣ было немного. На тысячу съ лишнимъ красноармейцевъ ихъ было не больше 50-60 человѣкъ; они составляли дивизіонную комячейку. Коммунисты занимали въ дивизіонѣ привилегированное положеніе, ихъ чище обмундировывали, они имѣли свой клубъ, содержимый на средства Политическаго Отдѣла Арміи, гдѣ имъ, въ придачу къ коммунистической литературѣ, давалось пиво и чай. Хозяйственныхъ нарядовъ въ дивизіонѣ они не несли, да и отъ караульной службы увиливали.

Обладали они и особымъ «продовольственнымъ правомъ»: коммунисты могли въ красноармейскихъ кооперативахъ пріобрѣтать всѣ товары по твердой цѣнѣ —нужно ли говорить, что это право открывало дорогу къ довольно доходной спекуляціи.

Нѣсколько разъ въ недѣлю комячейка собирала дивизіонъ на митингъ, послѣ котораго выносилась неизмѣнная резолюція, заканчивающаяся штампованной фразой:

— Да здравствуетъ россійская коммунистическая партія! Да здравствуетъ Совѣтъ Народныхъ Коммисаровъ!

Пятьдесятъ коммунистовъ продѣлывали это совершенно свободно, т. к. крас-

ноармейцы митингами не интересовались и поднимали руку за что угодно. Для нихъ это была лишь скучная повинность.

Режимъ, заведенный мною въ дивизiонѣ, митинги, естественно, вытѣснилъ. Для нихъ просто не оставалось времени, или ихъ надо было устраивать въ часы, положенные для отдыха, что совершенно не улыбалось красноармейцамъ. Комячейка рѣшила протестовать противъ моего распорядка дня, говоря, что политическое развитiе дивизiона у насъ въ загонѣ. Въ этомъ духѣ былъ поданъ рапортъ Понамареву, какъ комиссару дивизiона. Понамаревъ запросилъ меня — какъ быть? Комячейка имѣла право заботиться о политическомъ воспитанiи красноармейцевъ и нажимать на это было бы неблагоразумно, ибо, если бы даже Понамаревъ отказалъ комячейкѣ въ ея домогательствахъ, она добилась бы своего отъ Политическаго Отдѣла Армiи. Меня же комячейка «подмочила бы», разсказавъ въ Поармѣ, что я «контръ-революцiонеръ», тѣсню коммунистовъ и проч. Нужно было пойти навстрѣчу комячейкѣ. Рѣшено было отвести два дня въ недѣлю на политическое развитiе дивизiона, и то два дня не полныхъ: до обѣда занятiя; послѣ обѣда — политическая грамота. Комячейка поторговалась съ Понамаревымъ, но успокоилась — жаловаться теперь уже было не на что.

12. ПОНАМАРЕВЪ.

Понамаревъ могъ бы быть примѣрнымъ комиссаромъ: развитой, волевой, видавшiй виды, кое-что читавшiй, — онъ могъ бы развить свою комиссарскую дѣятельность въ дивизiонѣ не въ примѣръ комиссарамъ сосѣднихъ частей, которые ничего, кромѣ партiйнаго билета, за душой не имѣли. На комиссарскомъ горизонтѣ онъ былъ фигурой яркой, на голову выше многихъ своихъ коллегъ. И когда то, въ первый перiодъ комиссарства, онъ, по его же словамъ, много работалъ. Къ нему приходили посмотрѣть, какъ надо работать. Теперь онъ охладѣлъ къ работѣ. Митинги проходили безъ его участiя и руководства — онъ выдохся. Дивизiонъ поэтому не вываривался въ коммунистической пропагандѣ, какъ другiя части, гдѣ комиссаръ велъ политическое воспитанiе своихъ красноармейцевъ: каждую недѣлю секретарь Понамарева, Молотковъ, составлялъ недѣльный докладъ въ Поармъ о политической работѣ въ дивизiонѣ и этимъ дѣло ограничивалось.

Мысли Понамарева вертѣлись теперь вокругъ личныхъ дѣлъ: онъ не такъ давно женился, жена гостила у ея родныхъ въ Балашовѣ и ее нужно было выписать сюда, въ дивизiонъ — комиссарская работа отходила на второй планъ.

Тутъ кстати замѣтить: Понамаревъ женился по христiанскому церковному обряду. Для другого бы коммуниста—это зарѣзъ: партiя немедленно же исключила бы такого «вѣроотступника» изъ своихъ рядовъ. На Понамарева донесли въ ЦИК партiи — началось дѣло. Но оно очень скоро было ликвидировано по приказу изъ Москвы. Ходили слухи, что Понамаревъ — секретный освѣдомитель Ленина, и что онъ снабженъ его личнымъ мандатомъ, предъ которымъ мѣстныя власти безсильны.

Какъ то вечеромъ зашелъ я къ Понамареву. На скамеечкѣ, у воротъ, мы усѣлись, и весь вечеръ проболтали о всякой всячинѣ. Замѣтивъ на станичной церкви массивный крестъ, Понамаревъ сказалъ:

— Такой бы золотой крестикъ имѣть и больше ничего не нужно. Купилъ бы я въ Малороссiи хуторокъ, бычковъ завелъ бы, лошадокъ, коровокъ... Хо-ро-шая штука!..

Коммунизмъ для него былъ карьерой, а не идеологіей. Въ другое бы время и при другой обстановкѣ изъ него выработался бы недурной чиновникъ. По натурѣ своей онъ не былъ революціонеромъ, но власть онъ любилъ и дорожилъ своимъ положеніемъ. Ко всему этому Понамаревъ былъ еще циникъ.

Послѣ сидѣнія на скамеечкѣ за воротами, Понамаревъ пригласилъ меня «къ себѣ» въ садъ.

— Яблоки тамъ во-какія!

Пошли въ «его» садъ. Понамаревъ сталъ рвать съ дерева яблоки. Увидѣла это хозяйка, запротестовала.

— Что же вы это въ чужой садъ безъ спросу забрались и хозяйничаете!.. Заведите свой и рвите тамъ сколько вамъ понравится. Да еще гостей навели...

— А ты, милая, не горячись. Садъ это не твой.

— А чей же?

— Божій. Мы Божьими дарами пользуемся.

— Сами безбожники, а туда же на Бога ссылаются.

— Какъ безбожники? Видишь, говорю, что яблоки Божьи, значитъ признаю яблочнаго Бога... А къ тому же еще, это садъ моего брата.

— Какого тамъ брата... Уходите изъ саду! Нѣтъ декрету такого, что бы чужіе яблоки таскать. Мы этимъ живемъ... Тутъ и такъ неурожай.

— Декрета такого нѣтъ, но если по хорошему, по христіанскому, такъ всѣ люди братья и твой мужъ мнѣ — братъ, а ты сестра. Вотъ я и ѣмъ яблоки моихъ родичей. Брату у брата можно яблочкомъ попользоваться и третьяго брата не грѣхъ угостить...

Такъ онъ съ шуточками и прибауточками пользовался садомъ своего «брата», и цѣлыми мѣшками возилъ яблоки въ городъ своимъ «братьямъ» изъ Особаго Отдѣла и инспекціи кавалеріи.

13. ВЪ СТАНИЦѢ

Красноармейцы тоже не стѣснялись «по братски» залѣзать въ чужіе сады и огороды. Особенно охотно и даже «съ чувствомъ» дѣлали это плѣнные донцы, которые къ кубанцамъ питали нескрываемую вражду.

— Матери вашей чертъ! Не хотѣли воевать — кормите насъ теперь вашими садами и огородами... У насъ на Дону ничего не осталось... Равенство, такъ равенство... и у васъ пусть будетъ столько же...

Донцы, впрочемъ, спуска не давали никому.

Коммунистовъ донцы иначе не называли, какъ «жидовскими прихвостнями» и громко говорили, что казаки никогда «жидамъ» не служили и служить не будутъ. Говорилось и о томъ, что «коммунистовъ всѣхъ перевѣшать надо», тогда «народъ сговорится» и въ Россіи установится порядокъ. Офицера за такія рѣчи повѣсили бы на первой же осинѣ, казаку это прощалось, просто объ этомъ не доводилось до свѣдѣнія начальства.

Квартирныя хозяйки тоже дѣлили красноармейцевъ на подневольныхъ в на коммунистовъ. Подневольныхъ красноармейцевъ онѣ кормили и поили тѣмъ, что сами ѣли, а коммунисты были въ немилости:

— Ленинъ пусть васъ кормитъ... Вы его отродье...

Многіе коммунисты скрывали свое коммунистическое званіе, что бы не быть изгоями среди своихъ же красноармейцевъ, но коммунисты были всѣ на перечетъ и поэтому «игра» не удавалась. Но тутъ у хозяевъ дворовъ получался заколдован-

ный кругъ: кормить коммунистовъ они не хотятъ, а если ихъ добровольно не кормить, они сами кормятся — крадутъ птицу, колятъ свиней, опустошаютъ погреба съ молокомъ, масломъ и яйцами.

Станица кряхтѣла отъ красноармейскаго постоя, но еще больше имъ приходилось терпѣть отъ постоя всевозможнаго краснаго начальства. На красноармейцевъ хоть когда—никогда можно было пожаловаться начальству, а на начальство жаловаться уже было некому.... А начальство было куда требовательнѣе красноармейцевъ! Красноармейца накорми хлѣбомъ и щами —онъ и доволенъ, порою и «спасибо» скажетъ. А начальство щи не ѣстъ, ему подай цыпленка, сдѣлай яичницу, да къ чаю не просто бѣлаго хлѣба нарѣжь, а спеки оладьи, блинчики, хворостъ изжарь, давай непремѣнно все «по господски».

Я квартировалъ у казачки-вдовы. Мужъ, бывшій старый служака конвоя Его Величества, былъ давно уже покойникъ, сынъ ея убитъ въ Корниловскомъ походѣ. Жила старуха съ дочерью, мужъ которой ушелъ съ Деникинскими войсками въ Крымъ. Это была настоящая «кадетская» семья. Мною и моими двумя вѣстовыми хозяйка не имѣла особыхъ основаній быть недовольной. Я за все платилъ ей, а вѣстовые мои, хотя и не платили за постой и «харчи», но они работали у нея и во дворѣ, и въ полѣ такъ, что она не могла нахвалиться ими.

— И вотъ поди-жъ ты, и тѣ въ красной арміи,и энти... А люди совсѣмъ разные... Эти люди, какъ люди, а тѣ одно слово — товарищи. Ваши слуги и не ругаются никогда, а тѣ, прости Господи, что ни слово, то «въ Бога мать».

Частенько она допытывалась:

— Да вы не изъ красныхъ... Красные не такіе...

Старуха любила потолковать со мною на тему о томъ, долго ли продержится большевицкая власть, что слышно про бѣлыхъ, много ли зеленыхъ, вѣрно ли что всѣ коммунисты — жиды и живъ ли «бѣдный батюшка, Царь-Государь нашъ».

И если я не рисковалъ говорить откровенно со своей квартирной хозяйкой, то за то она не боялась меня.

— А я вотъ, по старушечьи, думаю, что красное царство не надолго... Богъ не допуститъ... Поцарствуютъ эти воры, что власть украли, да и поймаются... Не можетъ это долго быть. Сейчасъ народъ смотритъ, кряхтитъ да помалкиваетъ, а какъ за народомъ чередъ придетъ, да какъ начнетъ онъ всѣхъ этихъ комиссаровъ помеломъ мести, да вилами угощать, такъ живо Рассея въ Рассею превратится. Вы меня старуху простите. Я хочу правду говорить, какъ передъ Богомъ. Побьетъ народъ комиссаровъ...

Приходили ко мнѣ частенько старики-казаки. Кто съ жалобой придетъ на красноармейцевъ, кто съ просьбой уменьшитъ у него на квартирѣ число красноармейскихъ ртовъ, кто проситъ освободить отъ подводной повинности, т. к. онъ собрался ѣхать въ поле... За всѣмъ этимъ надлежало ходить въ Понамареву, какъ командиру и комиссару части и начальнику станичнаго гарнизона, — но жители его боялись.

— Ему никакъ не угодишь, — говорили казаки, — придешь съ виноватымъ видомъ, закричитъ:

— «Что казанской сиротой стоишь? Совѣтская власть обидѣла тебя? Ишь въ три погибели согнулся. Трудно... При кадетахъ гоголемъ ходилъ, а тутъ стоишь, точно изъ тебя жилы тянутъ...»

— Придешь свободно, развязно, какъ къ «своему» — тоже плохо:

— «Ты что же это къ своему сосѣду пришелъ?.. Уши врозь, дугою ноги...

Небось къ атаману приходилъ шапку ломалъ, а тутъ на-ка тебѣ... Ты еще разсядься тутъ...»

— Назовешь его «господинъ комиссаръ» — закричитъ, что «господъ» теперь нѣтъ, а сказать «товарищъ» боязно, чего добраго обидится, что въ товарищи къ нему записался.

Объ этомъ мнѣ такъ и говорилъ одинъ станичникъ. И предпочитали они ко мнѣ ходить со своими дѣлами. Сдѣлаешь обыкновенно все, что можно сдѣлать. Благо, что Понамаревъ ничего не имѣлъ противъ моего вмѣшательства въ его компетенцію — это разгружало его отъ обязанностей.

Какъ то послѣ одного такого дѣлового визита, проситель, казакъ-старикъ, задержался у меня. Сидитъ, молчитъ... Шапку въ рукѣ мнетъ. На полъ смотритъ, точно вычитываетъ что то.

— Что, отецъ, еще какая докука есть?

— Есть, родной... Спросить хочу...

И, оглядѣвшись, старикъ спрашиваетъ:

— Скажите мнѣ, ради Христа, — долго еще власть эта продержится?

— У меня нельзя, отецъ, объ этомъ спрашивать. Думай своей головой. А то вотъ ты меня пытаешь, кто нибудь узнаетъ, что мы съ тобою о такихъ вещахъ говоримъ и, кончено — меня повѣсятъ, какъ собаку. Не полагается мнѣ объ этомъ разговаривать. Ты человѣкъ умный, самъ и рѣшай это...

Старикъ сочувственно покачалъ головой и ушелъ.

Совѣтская власть для богатыхъ кубанскихъ станицъ была во-истину нестерпимой. Первое, наиболѣе ощутительное впечатлѣніе отъ этой власти было таково, что казаки перестали чувствовать себя хозяевами въ своемъ хозяйствѣ, хозяйство точно выпало изъ ихъ рукъ. Учетная комиссія станичнаго продком-а назойливо вторгалась въ хозяйство и все брала на учетъ — посѣвную площадь, хлѣбные запасы, скотъ, наличіе рабочихъ рукъ. Тщательнѣйшимъ образомъ опредлялся дворовый «продовольственный взятокъ», назначался затѣмъ срокъ и къ этому сроку надлежало сдать въ продовольственную комиссію столько-то мѣшковъ зерна, столько-то птицы, скота, яицъ... Хозяинъ не имѣлъ права заколоть свинью, зарѣзать теленка или курицу, использовать даже куриныя яйца безъ ордера комиссіи. Комиссія точно опредѣляла какой процентъ живности могъ владѣлецъ употребить на свои домашкія нужды. Обычно станица противилась продовольственнымъ реквизиціямъ, прятала куръ, гусей, утокъ, свиней. Бабы ухватами и кочергами защищали свое добро, но на этотъ случай продком-ы имѣли особые продовольственные карательные отряды и ихъ пулеметами искоренялась казачья непокорность.

Совѣтская власть прежде всего била по собственнической психологіи. Къ психологіи же коллективизма станица никакъ не могла приспособиться — тутъ таилась безысходная война. Взрослое населеніе станицы было въ открытой оппозиціи ко всему совѣтскому и мира здѣсь не предвидѣлось. Молодежь оказалась болѣе приспособляемой и за очень короткій срокъ она поддалась новымъ вліяніямъ и новому быту. Прежде всего она оказалась падкой на хулиганство, похабную пѣсню, развратъ. Молодыя казачки, прельщенные «трофеями» похода думенковцевъ и буденовцевъ, охотно, за колечко, сережки, кусокъ шелка дарили своихъ кавалеровъ лаской и любовью. Вечерами станица превращалась въ сплошную гулянку, гдѣ царили неотразимые держатели награбленныхъ серегъ и колецъ.

Станичный врачъ, практикующій въ станицѣ много лѣтъ, говорилъ мнѣ:

— Прежде въ станицѣ венерикъ былъ рѣдкостью — развѣ пріѣдетъ съ

фронта казакъ, а сейчасъ... сейчасъ у меня лѣчится пятнадцать казачекъ... Вы понимаете, ка-за-чекъ больныхъ луэсомъ...

Мужья, отцы, братья были въ Добровольческой Арміи или въ повстанческихъ зеленыхъ отрядахъ, а станичная молодежь, ничтоже сумняшееся, голосила подъ гармошку думенковца:

Офицеръ молодой,
Погонъ бѣленькій...
Возвращайся домой
Пока цѣленькій!

или

Пароходъ идетъ,
А дымъ кольцами...
Будемъ рыбу кормить
Добровольцами...

И все это распѣвалось «кадетскими дѣтьми», тѣми, въ семьѣ которыхъ уже реквизировался хлѣбъ для красной арміи, кому грозила конфискація имущества за уклоненіе отъ мобилизаціи брата, а братъ въ это время скрывался въ плавняхъ.

Старыхъ казачьихъ пѣсенъ не было слышно совсѣмъ. Замолкла запорожская пѣсня. А какъ пѣли эти пѣсни еще такъ недавно черноморскіе казаки! Пришло большевицкое «Яблочко» и задушило казачью старую пѣснь. Развѣ въ полѣ, на пашнѣ, сѣдой казакъ-усачъ вполголоса затянетъ что-нибудь дѣдовское, родное, обвѣянное вѣками.

А дѣтскія игры... Войну всегда любили мальчики. На палочкахъ верхомъ, съ палкой-шашкой въ рукѣ, мчится маленькій витязь. Въ мальчикѣ пробуждался рыцарь, душа требовала отваги, подвига. Но въ японскую войну игра въ войну всегда кончалась тѣмъ, что «макака» былъ битъ, даже и тогда «макака» продолжалъ быть битымъ, когда Витте заключилъ для Россіи миръ пораженія въ Портсмутѣ. Въ Великую войну, нѣмецъ тоже всегда оказывался пораженнымъ. Дѣтское національное чувство, инстинктъ подсказывали необходимость побѣды. Національная кровь говорила. А теперь дѣтская игра въ гражданскую войну кончалась неизмѣнной побѣдой красныхъ. Побѣждалъ комиссаръ, лихо въѣзжающій въ станицу. Доходило до того, какъ я наблюдалъ, что никто изъ дѣтей не хотѣлъ играть бѣлыхъ — всѣ хотѣли быть красными. И тотъ, кому доставалось счастье быть комиссаромъ — былъ на седьмомъ небѣ. И это тѣ дѣти, у которыхъ въ семьѣ кто-нибудь отдалъ свою жизнь въ рядахъ бѣлой арміи...

И ничего не будетъ удивительнаго, если въ семьѣ казаченка, съ радостью принимающаго постъ игрушечнаго комиссара-побѣдителя, вы на стѣнахъ комнаты увидите портреты царской семьи, Корнилова, Деникина, Врангеля, Шкуро... Молодежь живетъ уже не этимъ. У нихъ нѣтъ воспоминаній прошлаго — они всецѣло во власти сегодняшняго дня. Старики же берегутъ это прошлое.

Изъ за «старорежимныхъ» портретовъ бывало не мало столкновеній съ властью, требовавшей уничтоженія контръ-революціонныхъ комнатныхъ украшеній:

— Мѣшаетъ тебѣ что-ли патретъ? Виситъ, ну и пусть виситъ. Троцкаго и Ленина вашего они не трогаютъ...

— Это враги народа!

— Ну и пусть враги... Хочу и враговъ народныхъ видѣть...

Въ городѣ разговоръ былъ бы иной. Тамъ власть круче. Въ станицѣ стараются не доводить дѣло до возстанія, которое какъ бы чувствовалось въ воздухѣ.

Станицу прибираютъ къ рукамъ мягче, осторожнѣе, съ оглядкой.

Бывалъ я нѣсколько разъ на станичныхъ сходахъ, созываемыхъ пріѣзжающими изъ города сотрудниками Политическаго Отдѣла IX Кубанской арміи.

Собирались казаки на сходъ не густо. Приходили только потому, что боялись неудовольствія начальства. Въ станицѣ Марьинской былъ случай, когда ни одинъ казакъ не пришелъ на сходъ. Ораторъ обидѣлся, донесъ на станицу. Станицу объявили «кадетской» и увеличили продразверстку въ ней настолько, что казаки возопили и рѣшили, что впредь лучше ужъ ходить и слушать ораторовъ, а то неровенъ часъ и худобы послѣдней лишатся.

На сходѣ обычно выступаетъ пріѣзжій ораторъ. Темой для своей рѣчи онъ беретъ какой нибудь очередной боевой вопросъ. Онъ говоритъ и каждую свою мысль заканчиваетъ вопросомъ:

— Вѣрно я говорю, товарищи?

Если казаки отвѣчаютъ «вѣрно», «правильно», ораторъ дальше развиваетъ тему и, окончивъ рѣчь, читаетъ резолюцію, что , молъ, сходъ станицы такой то, заслушавъ докладъ такого то, единогласно постановилъ то-то и то-то.

Чаще всего казаки на вопросъ оратора отвѣчаютъ молчаніемъ.

— Что же вы, товарищи, молчите, ровно воды въ ротъ понабрали? Скажите — «вѣрно » или «не вѣрно». Если не вѣрно, то объясните почему. Бояться нечего. Совѣтская власть дала вамъ свободу слова... Говорите, что думаете — вѣрно я говорю?

Молчатъ казаки — опустятъ головы и упрямо молчатъ.

— Если не хотите меня слушать, я уйду, — начинаетъ обижаться докладчикъ.

— Зачѣмъ уходить?... Говори, а мы будемъ слушать... Дѣлать то все равно нечего...

На другой день вы можете прочесть въ «Красной Кубани» отчетъ о митингѣ въ такой то станицѣ, единогласно вынесшей резолюцію о поддержкѣ совѣтской власти...

14. ВТЯГИВАНІЕ МЕНЯ ВЪ КОМПАРТІЮ.

Я часто бесѣдовалъ съ Понамаревымъ на темы о политикѣ большевиковъ въ станицѣ, при чемъ въ этихъ разговорахъ коммунистъ Понамаревъ оказывался болѣе контръ-революціоннымъ, чѣмъ я. Онъ находилъ, что коммунизмъ надо приспособлять къ мѣстнымъ условіямъ, что нужна индивидуализація мѣръ и способовъ совѣтизаціи, я же доказывалъ, что сильная власть можетъ пренебречь «мѣстными условіями» и что, если дѣлать поправки на «индивидуальность населенія», то это приведетъ къ зависти сосѣдей, а это дастъ пищу для всяческихъ броженій, неудовольствій и проч. Я рисовалъ себя большимъ большевикомъ, чѣмъ самъ коммунистъ Понамаревъ... Это, впрочемъ, возымѣло свое дѣйствіе; адъютантъ дивизіона, быв. артиллерійскій поручикъ Збыковскій,по секрету показалъ мнѣ копію секретной аттестаціи, данной обо мнѣ въ Политическій Отдѣлъ Арміи. Понамаревъ писалъ, что я «отличный организаторъ», «знатокъ коннаго дѣла», «строгій руководитель», и что «не будучи въ компартіи, стою на стражѣ совѣтской республики и высоко держу знамя красной арміи»...

Понамаревъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о моемъ вхожденіи въ партію, суля мнѣ большую служебную карьеру.

— При вашемъ знаніи дѣла быть еще партійцемъ, да вы черезъ годъ арміей командовать будете...

— Я старый анархистъ-индивидуалистъ и ломать себя уже поздно — да и не нужно. Я и безъ партійнаго билета дѣлаю не меньше партійца. Не въ этомъ

дѣло, вся суть въ довѣріи ко мнѣ, но его, я думаю, мнѣ можно безбоязненно оказать.

Такъ и слылъ я всюду какъ безвредный для совѣтской власти «анархистъ-индивидуалистъ». У Понамарева я пользовался большимъ довѣріемъ, а черезъ него мое реномэ укрѣплялось и въ Инспекціи кавалеріи и въ Политическомъ Отдѣлѣ Арміи.

15. ДВѢ РАЗВѢДКИ.

Только дивизіонъ нашъ наладилъ работу и сталъ втягиваться въ режимъ, какъ получился новый приказъ: перевести дивизіонъ въ станицу Елизаветинскую, т.е. еще ближе къ Екатеринодару. Понамаревъ показалъ мнѣ секретный приказъ по Екатеринодарскому Укрѣпленному Раіону, въ которомъ сообщалось, что зеленое движеніе на Кубани растетъ съ каждымъ днемъ, и что населеніе ему сочувствуетъ и помогаетъ повстанцамъ, чѣмъ можетъ.

Зеленые яко-бы появились и на Черноморской половинѣ Кубани. Дивизіону предписывалось перейти въ Елизаветинскую и «на всякій случай» прикрывать Екатеринодаръ со стороны Черноморья. Дивизіонъ долженъ былъ организовать развѣдку, освѣщая раіонъ по радіусу 25 верстъ. Намъ приказывалось каждый день давать донесенія въ штабъ Укрѣпленнаго раіона о положеніи на нашемъ участкѣ.

О томъ, что въ плавняхъ были зеленые, я зналъ. Зналъ я также, что подъ самой ст. Елизаветинской сидитъ въ камышахъ сотникъ Пилюкъ,*) съ которымъ нѣкоторые зеленые отряды держатъ связь. Кое какія свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у насъ, я переслалъ ему со своимъ человѣкомъ. Нѣкоторыя оріентировочныя свѣдѣнія о зеленыхъ онъ сообщилъ мнѣ . Черезъ «камышатниковъ» я поддерживалъ связь съ поручикомъ П., который въ это время бродилъ по линейнымъ станицамъ и пропагандировалъ возстаніе. Довольно регулярно и нашъ екатеринодарскій «адресъ» получалъ изъ разныхъ мѣстъ информаціи — связь все время была. Угнетало только то, что вся эта информація являлась «мертвымъ капиталомъ». Всѣ наши цѣнныя свѣдѣнія не превращались въ дѣло. Конспирація оказывалась какъ бы для «внутренняго употребленія».

Во исполненіе приказа по Укрѣпленному Раіону, мы перекочевали въ ст. Елизаветинскую. Вновь надо было все начинать сначала: коновязи, манежи и проч. — на это я продолжалъ дѣлать удареніе, надѣясь, что все это еще сослужитъ службу... Въ штабъ Укрраіона была представлена схема развѣдочныхъ секторовъ — штабъ утвердилъ нашъ планъ. Я исправно высылалъ особо подобранные разъѣзды и исправно доносилъ, что «все обстоитъ благополучно». Но эти же самые разъѣзды, правда не всѣ, а особые, которые направлялись въ «подозрительныя мѣста», приносили мнѣ иногда свѣдѣнія о новой группѣ «зеленчуковъ», появившихся въ плавняхъ и изыскивавшихъ способы и средства,

---

*) Сотникъ Пилюкъ весною 1920 года образовалъ Зеленую Кубанскую Сѣчь, враждебно настроенную къ Добровольческой Арміи. Онъ помогъ красной арміи отбросить добровольцевъ къ берегамъ Чернаго моря. По приходѣ большевиковъ на Кубань, онъ получилъ въ командованіе красную конную дивизію, но очень скоро разочаровался въ большевикахъ и бѣжалъ отъ нихъ. Онъ скрывался въ плавняхъ и непосредственнаго участія въ новомъ зеленомъ движеніи не принималъ.

чтобы переправиться на Линейный берегъ Кубани. Иногда удавалось оказать имъ помощь совѣтомъ, указаніями и т. п. Нѣсколько разъ съ такими, готовыми къ отплытію, отрядиками я командировалъ въ зеленый станъ для связи кое кого изъ своихъ казаковъ—это была цѣнная взаиморазвѣдка. «Легализировать» такую «посылку» особаго труда не составляло—въ приказѣ отдавалось: «полагать въ отпуску». Понамаревъ никогда не слѣдилъ за этимъ дѣломъ, а приказы редактировалъ я. Адъютантъ вообще не долюбливалъ бумажнаго дѣла. «Посылки» такимъ образомъ сходили совершенно гладко.

Недѣлю мы благополучно отквартировали въ Елизаветинской. Никакой зеленой опасности офиціально не было обнаружено и начальство въ Екатеринодарѣ могло быть спокойно...

16. ОБЛАВА НА ПИЛЮКА.

Какъ то ночью будитъ меня Понамаревъ — онъ только что вернулся изъ Екатеринодара.

— Вставайте! Пилюкъ здѣсь... Особый Отдѣлъ получилъ свѣдѣнія, что онъ въ плавняхъ возлѣ Елизаветинской. Надо сейчасъ же организовать облаву...

Встаю. Предстоитъ непріятное дѣло — чего добраго, дѣйствительно накроемъ Пилюка. Правда, въ плавняхъ много не побродишь, да еще ночью, а все таки возможность напасть на логовище Пилюка была не исключена.

Зажгли лампу. Развернули карту Елизаветинскаго раіона. Набросали планъ облавы: концентрическій полукругъ долженъ флангами упереться въ Кубань и постепенно съуживаться такъ, чтобы все, что есть живого, оказалось въ нашемъ неводѣ...

Я приказалъ прислать мнѣ на квартиру дежурнаго по дивизіону и дежурныхъ трехъ эскадроновъ. Я хотѣлъ обойтись двумя эскадронами, но Понамаревъ «для вѣрности дѣла» настоялъ на трехъ. Когда дежурные явились, я приказалъ имъ срочно выводить эскадроны на церковную площадь и ждать тамъ моего приказа.

— Но что бы была полная тишина, — предупредилъ я. — Ни разговоровъ, ни шума...

Это нужно было для Понамарева. А когда онъ пошелъ лично понаблюдать за соблюденіемъ тишины, я послалъ своего вѣстового въ одинъ изъ трехъ эскадроновъ, предназначенныхъ въ облаву, съ тѣмъ, чтобы трубачъ эскадрона—трубачъ тамъ былъ свой человѣкъ — протрубилъ «во всѣ легкія» тревогу. Когда его за это потянутъ къ начальству, пусть объяснитъ, что «по тревогѣ полагается трубить»,онъ и протрубилъ. Къ тому же его эскадронъ былъ дежурнымъ эскадрономъ—тѣмъ болѣе, молъ, трубить надо... А тамъ дѣло замнемъ... Выручимъ...

Трубачъ выполнилъ свою роль идеально: сигналъ въ ночномъ воздухѣ былъ слышенъ на нѣсколько верстъ. Пилюкъ долженъ былъ его услышать и догадаться, что что-то случилось. Во всякомъ случаѣ будетъ насторожѣ.

Облава не удалась — четыре часа мы рыскали по камышамъ, но ни одного зеленаго не поймали. Трубачу же здорово попало отъ Понамарева: онъ засадилъ его на двѣ недѣли на гауптвахту и приказалъ смѣстить съ трубаческой должности. Но это все было не существенно, въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть, если бы не было сигнала тревоги...

О неудачномъ сигналѣ мы ничего въ штабъ не донесли, донесли просто: «въ плавняхъ ни Пилюка, ни вообще зеленыхъ не обнаружено»*).

17. ПРІѢЗДЪ ИНСПЕКТОРА КАВАЛЕРІИ ФРОНТА.

Тов. Чувелевъ сообщилъ Понамареву, что инспекторъ кавалеріи фронта, тов. Малинскій, пріѣзжаетъ въ Екатеринодаръ и намѣренъ произвести смотръ кавалерійскимъ частямъ арміи. Смотръ будетъ «на выборку», такъ что и мы были подъ начальственной угрозой. Малинскій — старый кавалеристъ, очки втереть ему мудренно; строгій, любитъ подтянуть.

Надо было на всякій случай подготовиться. Понамаревъ струсилъ, т. к. дивизіонъ представлять надлежало ему, а смотрового порядка онъ и не нюхалъ. Я и самъ былъ не твердъ по этой части. Пришлось засѣсть за строевой кавалерійскій уставъ, чтобы заучить порядокъ смотра, встрѣчи, церемоніальнаго марша. Дѣло это было хлопотливое и строго уставное.

Проштудировавъ уставчикъ, я приказалъ эскадронамъ построиться на церковномъ плацу. Всю церемонію парада продѣлывалъ я — Понамаревъ только слѣдилъ за тѣмъ, что и въ какомъ порядкѣ дѣлается, какія подаются команды и проч. Продѣлавъ нѣсколько разъ встрѣчу и маршъ, я успокоился: все шло болѣе или менѣе удовлетворительно. За Понамарева же мнѣ безпокоиться не приходилось: умѣніе командовать на смотру лежало всецѣло на его отвѣтственности.

Послѣ отдыха занялся дивизіономъ Понамаревъ. Дѣло это у него не клеилось. При церемоніальномъ маршѣ онъ забылъ скомандовать «шашки вонъ, пики къ бою», не указалъ равненія, не скомандовалъ дистанцію между взводами; указалъ направляющій эскадронъ, но не скомандовалъ остальнымъ эскадронамъ «поворотъ направо» — въ общемъ, выходило негладко. Онъ вторично продѣлалъ весь парадъ, исправилъ одни недочеты, но сдѣлалъ рядъ новыхъ промаховъ. Никогда не работая съ дивизіономъ, онъ терялся теперь съ управленіемъ 12-ю эскадронами.

Понамареву нужно было, кромѣ строевой репетиціи, провѣрить еще и политграмоту. Малинскій этимъ не будетъ интересоваться, но съ нимъ ѣдетъ комиссаръ кавалеріи фронта; этотъ можетъ заглянуть въ эту область подготовки дивизіона — это его сфера.

Спѣшили людей; Понамаревъ собралъ предсѣдателей эскадронныхъ комъячеекъ.

— Какъ у насъ дѣло съ политграмотой, друзья?

— Не подкачаемъ, товарищъ, — отвѣтили предсѣдатели комячеекъ.

Понамаревъ сталъ обходить спѣшенные ряды эскадроновъ, опрашивая на выборку отдѣльныхъ красноармейцевъ.

— Что такое коммунизмъ? — спрашиваетъ онъ одного красноармейца.

Красноармеецъ заморгалъ глазами и сталъ опредѣлять понятіе коммунизма:

— Это такіе люди, которые... которые, значитъ, революцію дѣлаютъ... борцы за народъ...

---

*) Трубачъ-казакъ находится внѣ досягаемости большевиковъ. Онъ былъ отпущенъ мною домой — на Донъ, и больше въ красную армію не возвращался.

— Не такъ. Повторяй за мной: коммунизмъ это есть ученіе...

... Коммунизымъ это есть ученіе...

... которое стремится освободить пролетаріатъ...

... ослобонить пролетаріатъ...

... изъ подъ власти капитала и передать всѣ орудія производства въ руки организованныхъ рабочихъ и крестьянъ... Понятно?

— Такъ точно, товарищъ комиссаръ!

— Да не «такъ точно», а отвѣчай: «понимаю», молъ, «да».

— Слушаюсь, товарищъ комиссаръ.

— И не «слушаюсь» — это все старорежимное; пора бы уже забыть! Третій годъ ты въ красной арміи, а все еще, какъ попугай, твердишь — «такъ точно» да «никакъ нѣтъ».

— Скажи мнѣ, — обращается Понамаревъ къ другому красноармейцу, — почему наша республика называется «Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика»?

— Такъ что потому, что это республика коммунистическая.

— Ну... допустимъ. Почему же она «Россійская».

— На Рассейской землѣ, значитъ, гдѣ отцы и дѣды наши жили... Опять же коммуна заведена...

— А «соціалистическая» почему?

— А такъ какъ сицилисты власть захватили, Рассея и называется сицилистической...

Понамаревъ мрачнѣлъ. Онъ понималъ, что это его недочетъ, что обученіе политической грамотѣ — его прямая комиссарская обязанность. Для успокоенія души далъ нагоняй предсѣдателямъ комячеекъ, сказавъ, что работы ихъ надъ красноармейцами не видно никакой.

Надо было прорепетировать и комячейку. Къ ней больше предъявляется требованій, она должна быть болѣе сознательной.

— Какая разница между буржуазнымъ государствомъ и соціалистическимъ?

— Что такое соціализація?

— Въ чемъ состоитъ политика имперіализма? Что ей противупоставляетъ пролетаріатъ?

И тутъ отвѣты были неутѣшительные. Секретарь дивизіонной ячейки, тов. Еремѣевъ, на вопросъ о томъ, какая разница между буржуазнымъ и соціалистическимъ государствами, отвѣтилъ:

— Разница огромадная: буржуазное государство можетъ быть, а соціалистическое нѣтъ.

— Какъ? — всполошился Понамаревъ. — Вы съума сошли, тов. Еремѣевъ! А наша совѣтская республика не соціалистическая развѣ?

— Такъ то республика, а не государство! — отвѣтилъ не смутившійся секретарь комячейки. — Государство — это съ государемъ, а республика завсегда безъ царя бываетъ...

«Политическая зрѣлость» дивизіона предстала передъ Понамаревымъ въ далеко неприглядномъ видѣ. За такую подготовку могутъ смѣстить съ комиссарства, предать суду, ибо это уже «контръ-революціонная халатность», не исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Впрочемъ, Понамаревъ довольно скоро успокоился, видимо, вспомнивъ, что въ карманѣ его френча лежитъ бумажка изъ Кремля.

Дивизіонъ съ пѣснями отпустили по квартирамъ.

Вечеромъ Понамаревъ зашелъ ко мнѣ; пили чай. Понамаревъ жаловался на свою командирскую и комиссарскую судьбу.

— Передъ Чувелевымъ я вамъ буду заворачивать дивизіономъ, какъ хочу. Онъ самъ такой же кавалеристъ, какъ и я. Оба мы въ этомъ дѣлѣ — пара пятакъ. А кирасиры, уланы, гусары — это публика тертая. Малиновскій зубы проѣлъ на уставчикѣ. Вотъ и хлопай завтра глазами. А эта политическая грамотность — будь она неладна! Ну втемяшьте вы въ голову Иванову или Сидорову разницу между федеративнымъ строемъ и чортъ его знаетъ еще какимъ. Онъ неграмотный —представленія не имѣетъ не только о политической азбукѣ, а просто объ азбукѣ, которую дѣти знаютъ, а я долженъ отвѣчать за его политическую зрѣлость. Арутюновъ вмѣсто федералисты говоритъ «федерасты». Научите ка его Бухаринской словесности!... Еремѣевъ, коммунистъ, прошелъ партійную школу, митинги ведетъ, рѣчи произноситъ передъ тысячной толпой, а все еще считаетъ, что республика и государство разныя двѣ вещи... Конечно, нужно армію ввести въ орбиту новыхъ понятій. Но дайте людей для работы. Чему Еремѣевъ можетъ научить, когда онъ самъ невѣжда невѣждой? А вѣдь онъ мой ближайшій сотрудникъ... А работники есть... Есть силы. Вотъ вы... Вы меня простите, но такъ нельзя — надо помогать. Бросьте вы къ черту вашъ анархизмъ! Будемъ дѣло дѣлать. Вамъ надо въ партію входить и работать...

Весь вечеръ мы занимались церемоніей парада. Въ ходъ была пущена и коробка спичекъ, и цвѣтныя полоски бумаги. Къ часу ночи Понамаревъ уже безъ ошибки продѣлалъ, правда, на столѣ пока что всю процедуру смотра и не запинаясь умѣлъ сдать строевой рапортъ.

На другой день, въ 4 часа, намъ былъ назначенъ смотръ. Приказаніе инспекціи кавалеріи гласило, что дивизіонъ долженъ представлять я. Видно, Чувелевъ боялся строевой неопытности Понамарева. Понамареву на смотру отводилась роль военкома дивизіона и я его пристроилъ на правомъ флангѣ. Мѣсто его на смотру не было опредѣлено уставомъ и потому мѣсто это приходилось «самоопредѣлять».

На автомобиляхъ прибыло высокое начальство.

«Встрѣча» удалась. Эскадроны довольно чисто отсалютовали.

Трубачи играли «Интернаціоналъ»...

Малинскій сдѣлалъ знакъ трубачамъ.

— Здравствуйте, красные орлы!

— Здравствуйте, товарищъ Инкавъ!

— Молодцами смотрите!

— Служимъ народу, товарищъ Инкавъ!

Инкавъ отъѣхалъ къ церковной оградѣ и приказалъ пропустить дивизіонъ церемоніальнымъ маршемъ.

Маршъ удался лучше, чѣмъ можно было ожидать.

— Да здравствуетъ красная кавалерія! — встрѣтилъ Инкавъ, проходившую мимо него учебную команду.

— Ура! — гаркнула въ отвѣтъ учебная команда.

— Да здравствуетъ Совѣтская Россія! — встрѣтилъ Инкавъ слѣдующій эскадронъ.

— У-р-р-а!

Каждый эскадронъ привѣтствовался какимъ нибудь революціоннымъ возгласомъ.

Когда всѣ эскадроны прошли церемоніальнымъ маршемъ, дивизіонъ вновь построился развернутымъ порядкомъ.

Инкавъ поблагодарилъ дивизіонъ за «отличный видъ» и далъ людямъ оправиться. Начальство почтительно собралось вокругъ Малинскаго — подъѣхалъ и я.

— Видомъ дивизіона я очень доволенъ... Благодарю васъ, товарищъ...— обратился онъ ко мнѣ. — Видна большая работа... Вы вѣдь помощникъ командира — не такъ ли?

Чувелевъ представилъ Малинскому Понамарева.

— Какъ вашъ командный составъ? — обратился онъ къ нему.

Понамаревъ сообщилъ, что командньмъ составомъ онъ доволенъ и добавилъ, указывая на меня:

— У меня отличный строевой помощникъ...

— Да, да... Я это слышалъ въ инспекціи кавалеріи... Я и хотѣлъ собственно посмотрѣть васъ и вашу работу, — обратился онъ ко мнѣ. — Дивизіономъ я очень, очень доволенъ...

Послѣ отдыха Малинскій захотѣлъ посмотрѣть подготовку эскадроновъ въ различныхъ областяхъ строевого ученія.

— Учебная команда пусть покажетъ мнѣ манежную ѣзду, 2-й эскадронъ — эскадронное ученіе, 5-й эскадронъ — рубка, 7-й — работа пикой...

Послѣ 2-го эскадрона Малинскій больше ничего не смотрѣлъ. Дивизіонъ былъ отпущенъ по квартирамъ.

Смотръ кончился. Комиссаръ фронта отъ смотра политической грамотности отказался.

18. КАВАЛЕРІЙСКІЕ КУРСЫ КОМСОСТАВА.

Начальство отправилось къ Понамареву на чашку чая, которая была организована на славу: было и вино, и фрукты, и вареніе , и пирожныя...

За чаемъ шла бесѣда на разныя темы и такъ какъ младшаго начальства здѣсь не было, — самый младшій по должности былъ здѣсь я, — все говорилось болѣе или менѣе откровенно.

Зашла рѣчь о кавалерійскихъ курсахъ для командного состава. Авторомъ этихъ курсовъ былъ Малинскій. Онъ видѣлъ, что командный составъ ввѣренныхъ ему частей очень слабо подготовленъ и что необходимо «подтянуть» въ строевомъ отношеніи начальство.

Малинскій говорилъ:

— Курсы совершенно необходимы. Нашъ командный составъ ниже всякой критики. Мы переходимъ на мирное положеніе и здѣсь одною лихостью уже не возьмешь. Конница требуетъ методической работы и надъ всадникомъ, и надъ лошадью — это очень отвѣтственная работа, это цѣлая наука. Въ былыя времена командный составъ — что же тутъ между нами скрывать—былъ не чета нашему. Два года шла работа въ военныхъ училищахъ. Въ полкъ прибывалъ молодой корнетъ, онъ попадалъ въ хорошо налаженный эскадронъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ опытнаго командира эскадрона. Четыре-пять лѣтъ онъ учился конному дѣлу въ полку, а потомъ еще, передъ полученіемъ эскадрона, уходилъ въ особую офицерскую кавалерійскую школу, гдѣ изъ офицера вырабатывался во-истину виртуозъ своего дѣла. А нашъ командный составъ...

Малинскій вспомнилъ, что за столомъ сидитъ инспекторъ кавалеріи IX-й арміи, никогда не служившій въ кавалеріи, и сталъ говорить мягче.

— Намъ, конечно, пока что такая школа не подъ силу, но создать курсы, гдѣ бы командиры научились хоть правильно сидѣть въ сѣдлѣ, чтобы показать затѣмъ это красноармейцамъ — это намъ по силамъ. И это неотложно надо сдѣлать. Я осмотрѣлъ части кавалеріи и вынесъ убійственное впечатлѣніе, Два-три полка только и похожи на что то. А все остальное для моего кавалерійскаго сердца — ножъ острый. Я видѣлъ полки, гдѣ люди понятія не имѣютъ о расчетѣ для посадки: садятся прямо кучей — кучей и спѣшиваются. Въ одномъ полку не знали разницы между командой «направо» и «поворотъ направо». Вообще это, конечно, не конница, а просто люди, посаженные на коней... Надо весь комсоставъ пропустить черезъ курсы. И отборъ нужно сдѣлать. Негодныхъ нужно убрать. Конницу нужно спасать, а то мы лошадей погубимъ. Вѣдь большинство просто понятія не имѣетъ о режимѣ питанія лошади, уходѣ за нею... А конскій составъ — это не шутка: доконать его легко, создать его очень трудно...

Кто то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что на этихъ кавкурсахъ можетъ быть умаленъ авторитетъ командного состава.

— Удобно ли, что и командиръ полка, и командиръ эскадрона, и даже взводные командиры будутъ на однихъ и тѣхъ же курсахъ?... Субординація пострадаетъ...

— Ну, знаете ли, если дорожить субординаціей, покоящейся только на томъ, что ни командиръ полка, ни его помощники ничего не знаютъ, то это значитъ не дорожить конницей... Ничего нѣтъ зазорнаго въ томъ, что люди будутъ учиться тому, чего они не знаютъ, но что обязаны знать по долгу службы... Конечно, лучше было бы имѣть рядъ курсовъ: на однихъ обучаются командиры взводовъ, на другихъ эскадронные командиры и т. д., но такихъ курсовъ надо создать тогда цѣлую лѣстницу. Надо вѣдь тогда открыть особые курсы для начальниковъ кавалерійскихъ дивизій .. Вѣдь среди нихъ врядъ ли найдется три человѣка, которые въ курсахъ этихъ настоятельнѣйшимъ образомъ не нуждаются.

Онъ изъ скромности, надо полагать, не упомянулъ о курсахъ для инспекторовъ кавалеріи...

Въ разговоръ вмѣшался комиссаръ Малинскаго:

— Не нужно только при докладѣ командарму особенно сгущать краски. Строй, конечно, святое дѣло... Такъ, кажется, говорилось въ старину? Но строй это еще не все — важенъ духъ, революціонный подъемъ! Вотъ у бѣлыхъ командный составъ былъ со школой. Тамъ всѣ уставчики знали на ять. Но кончилось для нихъ дѣло все же плохо. Уставчикъ вещь хорошая и полезная, но строй еще не все, — важна политическая сознательность арміи. И строй нашъ уже не такъ плохъ. Блеска нѣтъ былой кавалеріи — ну что жъ, это не велика утрата... Не надо бить комсоставъ по самолюбію. Постепенно и у насъ появится опытный въ строевомъ дѣлѣ командный составъ. Это дѣло времени. Старая армія тоже вѣдь не въ одинъ годъ обзавелась спецами — дойдемъ и мы до этого.

19. РАЗГОВОРЫ О ДУМЕНКѢ И КЕЛЬЧЕВСКОМЪ.

Разговоръ перешелъ съ служебныхъ темъ на животрепещущія. Заговорили о процессѣ Думенки, закончившемся нѣсколько дней тому назадъ смертнымъ приговоромъ красному генералу — кавалеру ордена красной звѣзды. Процессъ этотъ вызывалъ въ то время много шума и толковъ.

— И главное, когда это все разразилось надъ его головой... Нѣтъ уже ни бѣлыхъ, ни войны... — сказалъ Малинскій.

— Предательство — всегда предательство,— замѣтилъ Понамаревъ.

— Да, но доказано ли предательство? — продолжалъ Малинскій,— не очередной ли это «заговоръ»?

— Смертный приговоръ говоритъ, что доказано. Думенко опредѣленно мечталъ о переходѣ на сторону бѣлыхъ. Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній устанавливаютъ, что Думенко велъ секретные переговоры съ генераломъ Сидоринымъ. На судѣ фигурировали телеграфныя ленты — разговоръ между Думенкой и Сидоринымъ. Думенко хотѣлъ сразу же сдаться со своимъ корпусомъ на Манычѣ, Сидоринъ же предлагалъ повременить и говорилъ, что надо эту сдачу обставить такъ, чтобы однимъ ударомъ разгромить его и Буденнаго. Въ февралѣ они должны были какъ разъ сомкнуться на Манычѣ и Сидорину хотѣлось, чтобы Думенко не просто сдался, но поставилъ бы и Буденнаго въ безвыходное положеніе. Если бы планъ Сидорина удался, вся картина на фронтѣ была бы совершенно иной .. Все наше спасеніе было въ конницѣ. Разгромъ конницы былъ бы нашимъ разгромомъ... — говорилъ комиссаръ кавалеріи фронта.

— Ну, а что же Думенко ? Призналея?

— Наоборотъ, полный отказъ отъ всѣхъ обвиненій... А когда ему показали телеграфную ленту, онъ сказалъ: — «дайте мнѣ полъ часа свободнаго времени и телеграфиста, и я сфабрикую вамъ ленту не о томъ еще, а что самъ Ленинъ и Троцкій вели переговоры съ Деникинымъ о разгромѣ красной арміи»...

— Вообще съ конницей у насъ не все благополучно. Она, правда, вывезла васъ, но она же все время и угрожаетъ намъ... Думенко разоблаченъ, Мироновъ разоблаченъ... Въ Буденовскихъ частяхъ раскрыта сейчасъ бѣлая офицерская организація... Безпокойный родъ оружія!..

Малинскій сказалъ:

— А въ старину было какъ разъ наоборотъ: конница была самымъ надежнымъ родомъ оружія...

— Эти то «старыя времена» еще и сидятъ тайкомъ въ конницѣ... Старая закваска не такъ легко умираетъ... Нуженъ глазъ да глазъ...

— Мы вотъ говоримъ о нашихъ предателяхъ... А слышали ли вы, товарищи, о томъ, что весною Донская армія должна была въ полномъ составѣ , вмѣстѣ со своимъ Командующимъ Арміей и Атаманомъ, перейти къ намъ? Да-съ, я слышалъ объ этомъ отъ одного очень освѣдомленнаго лица. Фамилію его не назову вамъ, а только онъ офицеръ генеральнаго штаба и занимаетъ въ нашей арміи очень видное мѣсто. Такъ вотъ онъ говорилъ мнѣ, что генералъ Кельчевскій тоже велъ переговоры съ нашимъ командованіемъ,но уже о сдачѣ Донской Арміи...

— Это, вѣроятно, творимая легенда...

— Врядъ-ли, — защищалъ свои свѣдѣнія Малиновскій. — Говорилъ мнѣ объ этомъ генштабистъ, а они въ курсѣ такихъ дѣлъ. Онъ передавалъ даже нѣкоторыя подробности. Дѣло въ томъ, что Донцы, и въ частности Кельчевскій, были не въ фаворѣ у Добровольческой Арміи. Отношенія у нихъ были до того рогатыя, что Донская Армія просто не исполняла приказовъ Главнаго Командованія. Среди Донцовъ начался расколъ. Одни захотѣли по домамъ уйти, другіе стали подумывать о перебѣжкѣ къ намъ для «совмѣстной службы». Донское командованіе оказывалось подъ угрозой — казаки говорили, что надо не только перейти къ краснымъ, но и генераловъ своихъ привести. Вотъ , молъ, вамъ виновники войны, берите ихъ, дѣлайте съ ними, что хотите, и давайте дѣло миромъ

кончать. Кельчевскій будто бы все это взвѣсилъ, такой финалъ борьбы не казался ему невѣроятнымъ и онъ задумалъ произвести маленькую оперативную комбинацію, результатомъ которой должно было быть окруженіе Донской Арміи и сдача ее въ плѣнъ. По этому поводу Кельчевскій велъ переговоры кое съ кѣмъ изъ нашихъ генштабистовъ. Эти генштабисты, вы вѣдь знаете — одна семья .Ихъ мало, они другъ друга знаютъ. Кельчевскій, видимо, хотѣлъ выговорить себѣ нѣкоторыя почетныя условія сдачи...

— Если это и такъ, то Его Превосходительство нѣсколько опоздали! Мы и безъ него сдѣлали «маленькую оперативую комбинацію», какъ вы изволили выразиться...

— Неужели во всемъ этомъ есть хоть доля истины? — думалъ я, слушая увѣренную рѣчь Малинскаго.

Припомнились мнѣ наши зимнія тревоги на Дону. Вспомнилъ и одно нѣсколько необычное, ночное засѣданіе на хуторѣ Елкинѣ, на которое были приглашены начальникомъ штаба 4-й донской конной дивизіи, генер.штаба полковникомъ Барцевичемъ, командиры полковъ дивизіи, командиры бригадъ и ихъ начальники штабовъ. Былъ на этомъ тайномъ засѣданіи и я, какъ старшій адъютантъ штаба дивизіи. Полковникъ Барцевичъ только что вернулся изъ Ростова и Новочеркасска, куда ѣздилъ специально для того, что бы «произвести развѣдку» въ штабахъ Добровольческаго и Донского командованія. Всюду онъ встрѣтилъ нѣкоторую растерянность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. На фронтѣ творилось что то неописуемое. Полки не хотѣли драться. Одинъ большевицкій разъѣздъ выгонялъ изъ станицъ цѣлые полки. Полки таяли не по днямъ, а по часамъ — казаки или уходили домой, или сдавались краснымъ. У начальниковъ не было увѣренности, что въ одинъ, далеко не прекрасный день, ихъ не предадутъ въ руки большевиковъ. Барцевичъ рѣшилъ организовать тайную офицерскую сотню, куда, въ случаѣ какихъ либо превратностей военной судьбы, надо было собираться командному составу. Такой сотней можно было, если не продолжать войну, то хоть спасти себя отъ плѣна, на время скрыться гдѣ нибудь, а тамъ уже дѣйствовать, глядя по обстановкѣ. Планъ полковника Барцевича былъ одобренъ и начальникомъ дивизіи, генераломъ Лобовымъ, и другими участниками совѣщанія.

На вопросъ участниковъ совѣщанія:—«А что же думаетъ командованіе?..», полковникъ Барцевичъ отвѣтилъ «туманной» фразой: — «Поговорка говоритъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ну, а нашему начальству далеко до Бога... У нихъ и деньги припасены, и паспорта иностранные въ карманѣ... Съ иностранными миссіями, въ случаѣ чего, и улепетнутъ, а мы тутъ расхлебывай...»

Это все было, но все это не то, о чемъ говоритъ Малинскій и что ему повѣдалъ какой то крупный офицеръ генеральнаго штаба...

О думенковскомъ «предательствѣ» я зналъ кое-что. Моя дивизія все время дралась съ нимъ зимою 1919 года на Манычѣ. Уже тогда у насъ были слухи, что Думенко не прочь сдаться намъ со своимъ лихимъ коннымъ корпусомъ. Въ хуторѣ Веселомъ я видѣлъ записку, написанную рукою Думенки. Адресовалась она на имя Начальника 4-й донской дивизіи, генерала Калинина. Думенко, подъ напоромъ нашихъ частей, оставилъ хуторъ Веселый и въ домѣ, гдѣ онъ квартировалъ, онъ оставилъ записку, приказавъ казаку, хозяину дома, передать записку генералу Калинину. Казакъ исполнилъ порученіе Думенки. Записка гласила: «Ухожу. Не хочу драться съ казаками. Можетъ скоро свидимся». Подписи не было. Но казакъ, передававшій записку говорилъ, что писалъ ее самъ Думенко

и писалъ при немъ. Подписи же не поставилъ, видимо, изъ предосторожности. Идя вслѣдъ за уклонявшимся отъ боевъ Думенкой, мы все время получали интересныя свѣдѣнія о его поведеніи. На хуторѣ Жеребковомъ мы узнали отъ мѣстныхъ казаковъ, что Думенко разстрѣлялъ, здѣсь же на хуторѣ, своего комиссара за то, что тотъ сталъ вмѣшиваться въ оперативныя распоряженія Думенки. Казаки говорили, что комиссаръ требовалъ контръ-атаки противъ насъ, Думенко не соглашался, говоря, что онъ будетъ отступать, пока не соединится съ конницей Буденнаго, который идетъ къ нему, якобы, на подмогу. Черезъ нѣсколько дней въ бою онъ разстрѣлялъ другого своего комиссара. Думенковскій разъѣздъ захватилъ какъ то нашъ офицерскій разъѣздъ. Плѣнныхъ доставили въ штабъ. Думенко ихъ лично разспрашивалъ и объявилъ, что имъ предоставляется выборъ: хотятъ — могутъ остаться у красныхъ, не хотятъ — могутъ безпрепятственно возвращаться къ себѣ. Часть казаковъ осталась у красныхъ, а офицеръ и три казака вернулись къ намъ. Отъ нихъ мы узнали тоже кое-какія свѣдѣнія о настроеніяхъ Думенки. Вѣроятнѣе всего, что планъ сдачи, если онъ и былъ у Думенки, былъ его личной затѣей. Въ Думенковскіе полки эта идея не проникла; по крайней мѣрѣ, плѣнные думенковцы ничего объ этомъ не показывали на допросахъ.

Отъ Думенки и Кельчевскаго разговоръ за столомъ перешелъ къ Врангелю. Здѣсь была извѣстна исторія борьбы между генералами Врангелемъ и Деникинымъ — знали также и о возстаніи капитана Орлова. Крымскій фронтъ считали послѣдней вспышкой борьбы. Всѣ были увѣрены, что къ осени врангелевскій фронтъ будетъ совершенно ликвидированъ. Говорили о польскомъ фронтѣ — онъ внушалъ болѣе тревоги. Боялись, что за Польшу вступится Франція и тогда дѣла могли принять совсѣмъ опасный поворотъ. Ввязываться въ войну съ Европой не хотѣли. Въ общемъ публика настроена была не мрачно. Всѣ рады были, что для нихъ война уже позади, и что пока что участникамъ бесѣды въ удѣлъ данъ отдыхъ. У всѣхъ было настроеніе какихъ то каникулъ... Гдѣ то тамъ, въ Крыму, на польской границѣ гремятъ пушки, лаютъ пулеметы, щелкаютъ винтовки. Но это гдѣ то далеко... въ сторонѣ... Здѣсь же не слышно гула войны. Зеленые?... Конечно, непріятность, но съ ними тоже кто то дерется... Во всякомъ случаѣ пока что — можно считать себя на положеніи отдыхающихъ...

Поздно вечеромъ начальство уѣхало въ городъ, рѣшивъ тамъ докончить пріятно начатый день...

20. ПОСЛѢ СМОТРА.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, я былъ вызванъ въ инспекцію кавалеріи. Малинскій по телеграфу запрашивалъ — соглашусь ли я принять на себя организацію кавалерійскихъ курсовъ IX Кубанской арміи, съ тѣмъ, что я же буду и начальникомъ этихъ курсовъ. Отъ этого назначенія я категорически отказался. Готовить къ строю красный командный составъ совсѣмъ не входило въ мои задачи. Мнѣ очень хотѣлось остаться въ дивизіонѣ, гдѣ я уже кое-какъ подобралъ людей, наладилъ кое-какія связи. И потомъ это все таки боевая часть. Въ случаѣ чего, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ наступленіе которыхъ я упрямо вѣрилъ, эта боевая часть, мною же подготовленная, можетъ оказаться очень полезной. Зеленое движеніе съ каждымъ днемъ ширилось. Оно было у меня подъ бокомъ. Терять съ нимъ стыкъ мнѣ не хотѣлось. Чувелевъ внялъ моей просьбѣ и рѣшилъ телеграфировать Малинскому о моемъ от-

казѣ отъ этого назначенія. Для Чувелева у меня былъ особый доводъ: откомандую я курсами — Малинскій заберетъ меня къ себѣ... Съ IX арміей, значить, надо разстаться..А IX армія мнѣ «родная»,въ ней я провелъ всю красную службу. Чувелеву же врядъ ли хотѣлось со мной разставаться. Поэтому онъ очень охотно поддержалъ мой отказъ отъ должности начальника кавкурсовъ.

Черезъ двѣ недѣли курсы все же были организованы и во главѣ ихъ сталъ кто то изъ старыхъ кавалеристовъ. Командный составъ частей былъ разбитъ на четыре группы. Одна за другой онѣ должны были пройти курсы. Составлена была первая очередь, куда попалъ и инспекторъ кавалеріи Чувелевъ! Въ эту же очередь былъ включенъ и Понамаревъ. Это была группа по преимуществу высшаго команднаго состава. Тамъ было много начальниковъ дивизій, командировъ бригадъ и полковъ.

Заѣхалъ я какъ то по дѣлу въ инспекцію кавалеріи. Встрѣтился съ Чувелевымъ. Разсказываетъ, что и его «забрили» въ курсанты.

— Красивый номерокъ — не правда ли? Инспектора кавалеріи въ манежной ѣздѣ будетъ погонять плѣнный корнетъ... Да, да плѣнный! Почти всѣ инструктора курсовъ изъ бѣлыхъ... Малинскій совсѣмъ съ ума спятилъ. И Левандовскій тоже шляпа, — тотъ нажужалъ ему, а этотъ радъ стараться...

21. ГЕРОЙ БАЛАШОВА, БУТУРЛИНОВКИ, УСТЬ-ХОПЕРСКА И ПР.

Какъ разъ во время этого разговора начальникъ канцеляріи доложилъ, что въ инспекцію прибылъ командиръ какого то полка, хочетъ представиться инспектору и проситъ о назначеніи комиссіи для испытанія его на должность командира бригады.

— Просите!

Въ кабинетъ вошла фигура — здоровенный дѣтина. По актерски бритый, лохматый, косая сажень въ плечахъ. На немъ была дорогая кавказская шашка, бинокль, револьверъ въ кобурѣ, полевая сумка. За плечами, на шнуркѣ, красный башлыкъ. Не было на вошедшемъ только пушки и пулемета.

Представился.

— Я командовалъ четырьмя полками... Бралъ Балашовъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдовскую... Представленъ за Манычъ къ красной звѣздѣ... Получилъ благодарность въ приказѣ по Оборонѣ Республики, — аттестовалъ себя командиръ полка.

— Что же вамъ еще нужно? — спросилъ его Чувелевъ.

— Хочу бригаду.

Тутъ же была составлена экзаменаціонная комиссія, въ которую вошелъ и я.

— Вотъ вамъ карта и компасъ, — обратился къ красному командиру полка предсѣдатель экзаменаціонной комиссіи Коршъ, — оріентируйте карту.

Командиръ полка не понялъ того, что отъ него требуютъ и сталъ вертѣть компасъ по столу то въ одну , то въ другую сторону.

— Карту оріентируйте, товарищъ, карту, а вы компасъ оріентируете..: Компасъ сколько не вертите, пока вы его не сломаете, стрѣлка все равно будетъ показывать на сѣверъ... Вы знаете, что значитъ «оріентировать карту»...

— Этого я не знаю... Мое дѣло командовать въ бою...

— Да, но для этого то и нужно умѣть обращаться съ картой.

— Начальникъ штаба на это будетъ у меня имѣться...

— Но и вы, товарищъ, должны это умѣть. А то начальникъ штаба будетъ васъ за носъ водить...

— Я и безъ карты взялъ Балашевъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдскую...

Экзаменъ по «тактикѣ» кончился — перешли къ строю. Предложили изъ взводной колонны бригады построить линію колоннъ. Разумѣется, не построилъ.

— На должность командира бригады вы, товарищъ, еще не подготовлены, — объявили герою Бутурлиновки, Балашова, Усть-Хоперска и прочихъ весей бѣдной Россіи.

Чувелевъ слышалъ отвѣты испытуемаго и приказалъ намъ подвергнуть краснаго героя испытанію на должность командира полка.

Результаты оказались очень неблагопріятны для экзаменующагося.

— Экзаменуйте на эскадронъ! Распорядился Чувелевъ.

Срѣзался.

— ... на взводъ!

Тоже срѣзался.

— Товарищъ Чубиновъ, заготовьте товарищу предписаніе отправиться въ штабной дивизіонъ товарища Андреева. Онъ назначается туда рядовымъ красноармейцемъ.

— Какъ?!... —возмутился командиръ полка,—я взялъ съ четырьмя полками Балашовъ, Бутурлиновку...

— Потрудитесь, товарищъ, исполнять приказъ! Съ такими знаніями, какъ у васъ, придется отдавать назадъ, и Балашовъ, и Бутурлиновку...

Красный командиръ вдругъ свалился со своихъ командирскихъ высотъ и мечтаній въ красноармейскій низъ. Бѣда его была въ томъ, что онъ не прошелъ хотя бы унтеръ-офицерской школы старой арміи. «Ундера» старой кавалеріи безъ особаго труда получали эскадроны и полки, — особенно сверхъ-срочные, кого принято было называть — «шкуры». Прошедшіе строгую школу учебной команды и особые дополнительные курсы для сверхъ-срочныхъ унтеръ-офицеровъ, знавшіе наизусть уставы, они отлично справлялись со своими красными эскадронами и даже полками. Знающіе психологію солдата, выросшіе съ нимъ въ одномъ быту, не боящіеся пограбить сами и разрѣшающіе это своимъ «руководимымъ», ундера, въ роли красныхъ командировъ полковъ, были на своемъ мѣстѣ. Достаточно назвать имена Буденнаго, Думенки, Гая, Блинова, Жлобы... Всѣ они до революціи носили погоны съ унтеръ-офицерскими нашивками, а теперь командовали конными дивизіями, корпусами и даже арміями. Вѣрные революціи за то, что она такъ вознесла ихъ, обожаемые солдатами, какъ начальники изъ «солдатской породы», — можно ли имѣть лучшихъ красныхъ генераловъ?...

Но у нашего героя не было старорежимной унтеръ-офицерской школы — въ этомъ то и заключалась его служебная бѣда.

22. ПОВЫШЕНІЕ ПО СЛУЖБѢ.

Послѣ экзамена чуть ли не всей инспекціей кавалеріи поѣхали обѣдать. Былъ съ нами и Понамаревъ. За обѣдомъ я узналъ, что вмѣсто Чувелева инспекторомъ кавалеріи назначенъ Сумовскій, бывшій полковникъ кавалеріи. До этого назначенія онъ занималъ должность помощника инспектора кавале-

ріи X-й арміи. За обѣдомъ же было рѣшено, что я приму отъ Понамарева дивизіонъ, ввиду его откомандированія на кавкурсы.

Вмѣстѣ съ Понамаревымъ, въ командирскомъ экипажѣ, я вернулся домой.

По дорогѣ шелъ разговоръ все на ту же тему, — о перемѣнахъ, съ связи съ учрежденіемъ кавкурсовъ. Офиціально считалось, что всѣ курсанты сохраняютъ за собой свои должности и что они будутъ находиться только въ командировкѣ. Кое кому обѣщано было послѣ курсовъ повышеніе по службѣ. Въ частности, Понамареву обѣщана была Реввоенсовѣтомъ арміи, гдѣ у Понамарева было много друзей, должность начальника кавалерійской дивизіи. Чувелевъ долженъ былъ вернуться на свой старый постъ инспектора кавалеріи.

— Какъ только получу дивизію, я заберу васъ къ себѣ... Хотите полкъ — полкъ получите, хотите бригаду — устрою вамъ бригаду...

Поблагодаривъ Понамарева за благорасположеніе ко мнѣ, я спросилъ у него — кто же будетъ военкомомъ у меня въ дивизіонѣ. Для меня это было существенно важно, т. к. военный комиссаръ , обычно, болѣе вліятельная особа, чѣмъ командиръ . Командиръ, по существу, фигура безвластная. Вся власть — у комиссара, вплоть до ареста командира, если таковой покажется комиссару неблагонадежнымъ. Мнѣ особенно важно было знать, кто будетъ приставленъ ко мнѣ для политическаго наблюденія за мной и у кого я долженъ буду получать контръ-ассигновки для всѣхъ моихъ распоряженій по дивизіону.

Понамаревъ отвѣтилъ, что онъ и самъ подумываетъ о замѣстителѣ на постъ комиссара дивизіона. Онъ имѣлъ въ виду двухъ кандидатовъ: Молоткова (его секретаря) и Дубового (бывшій секретарь военкома армейскаго кавалерійскаго депо; депо это было недавно расформировано и Дубовой былъ уже не у дѣлъ).

Пономаревъ разсуждалъ:

— Дубовой — добрый малый, бывшій офицеръ, прапорщикъ, кажется. Но Дубовой тряпка; его красноармейцы не будутъ бояться. Вамъ не на кого будетъ опереться... Но за то онъ не вмѣшивался бы ни во что. Онъ любитъ выпить, поспать, поохотиться — охотникъ онъ заядлѣйшій... Молотковъ — тоже добрый малый. Молоднякъ еще. Человѣкъ самостоятельный и крѣпкій — этотъ справится съ нашими башибузуками. Но онъ будетъ дѣйствовать по комиссарскому катехизису — буквоѣдъ человѣкъ. Вотъ тутъ то и выбирайте — Молотковъ, пожалуй , будетъ понадежнѣе. Я съ нимъ потолкую, сведу васъ вмѣстѣ. Думаю, что вы уживетесь. Ну, а въ случаѣ неладовъ, — командиры вѣдь, рѣдко дружатъ съ комиссарами своими, — обращайтесь ко мнѣ: я всегда васъ поддержу.

Какъ ни старался я заполучить къ себѣ въ комиссары Дубового, прошла все же кандидатура Молоткова. Его поддержалъ и Политическій Отдѣлъ Арміи, гдѣ Молотковъ былъ на виду и считался коммунистомъ, подающимъ надежды. Для него новое назначеніе было уже карьерой и замѣтнымъ повышеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней Понамаревъ подалъ рапортъ, что сдалъ, а я, что принялъ дивизіонъ, и я поѣхалъ въ инспекцію лично отвезти рапорта. Да и надо было представиться новому инспектору кавалеріи Сумовскому.

Сумовскій принялъ меня очень любезно, разспрашивалъ о моей «старорежимной службѣ». Нашли мы не мало общихъ знакомыхъ. Онъ сказалъ, что слышалъ обо мнѣ «много лестнаго» и что на-дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ въ станицу смотрѣть дивизіонъ.

Перемѣнился въ инспекціи и комиссаръ; старый комиссаръ тоже былъ откомандированъ на курсы; фамилія новаго комиссара была Леоновичъ. Я немного

уже зналъ его по инспекціи; до своего назначенія комиссаромъ, онъ былъ сотрудникомъ для порученій при инспекціи кавалеріи. Это былъ интеллегентный человѣкъ, университантъ; былъ когда-то меньшевикомъ, теперь сталъ партійнымъ коммунистомъ.

— Васъ съ Молотковымъ поздравить можно... — улыбнулся онъ мнѣ.

— Если съ этимъ можно поздравлять, готовъ принять поздравленія...

— Молоткова я знаю... Упрямъ, какъ стоеросъ... Хлопотъ у васъ будетъ не мало... Это не Понамаревъ... Впрочемъ, если будутъ тренія, я къ вашимъ услугамъ... Все, что можно будетъ сдѣлать — сдѣлаемъ...

23. НА ЭКСТРЕННОМЪ ВЫЗОВѢ.

Посылавшиеся для развѣдки въ зеленый станъ донцы — офиціально считались находящимися въ отпуску или въ командировкѣ; по возвращеніи своемъ въ дивизіонъ, они доставляли очень цѣнныя свѣдѣнія о развивающемся на Линейной Кубани зеленомъ движеніи, которыя я, въ свою очередь, сооообщалъ въ нашъ екатеринодарскій «адресъ». Зеленымъ они доставляли мои развѣдочныя сообщенія о томъ, что дѣлается въ красномъ станѣ, гдѣ сосредоточены большевицкія части, каковы силы большевиковъ на зеленомъ фронтѣ, секторы развѣдки и проч. Правда, все это носило, по своему масштабу, кустарный характеръ. Изъ всѣхъ зеленыхъ отрядовъ я имѣлъ, болѣе или менѣе, постоянную связь только съ отрядомъ сотника Чичи-Бабы — этого было недостаточно. Но предполагалось, что Чичи-Баба мою «развѣдку» не консервируетъ, а распространяетъ дальше по зеленымъ отрядамъ. Я смотрѣлъ на связь съ Чичи-Бабой только какъ на начало связи съ зелеными и что дальше удастся эту связь расширить и углубить. Екатеринодарскій «адресъ» былъ мало живучъ. Распологалъ онъ цѣннѣйшимъ матеріаломъ, но реализаціи этого матеріала, дѣйственной реализаціи, не было еще видно. Онъ питалъ своими свѣдѣніями нѣсколькихъ лицъ. Этимъ вся работа «адреса» пока и ограничивалась. Не было среди насъ лица, которое могло бы заняться развитіемъ дѣла, — лицо все еще полагалось «въ ожиданіи», и это «ожиданіе» начинало уже томить. Время шло. Концентраціонные лагери все гуще и гуще набивались плѣнными, не пожелавшими поступать въ ряды красной арміи. Въ лагеряхъ было уже нѣсколько бунтовъ, такъ какъ плѣнныхъ посылали на самыя тяжелыя работы, плохо кормили и всячески притѣсняли. Всѣ эти бунты кончались массовыми разстрѣлами — много было разстрѣляно и моихъ знакомыхъ. При этихъ условіяхъ медленное движеніе нашей «улиты» безмѣрно тяготило душу. Хотѣлось дѣйствія, борьбы... Энергіи было много. Нужно было только толково и организовано суммировать ее.

Успѣхъ былъ обезпеченъ, ибо всѣ чувствовали себя какъ бы на «экстренномъ вызовѣ»... Вотъ-вотъ что то произойдетъ...

24. ЛЕГЕНДЫ О ГЕНЕРАЛѢ ФОСТИКОВѢ.

Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ, посланный въ Баталпашинскій отдѣлъ, по возвращеніи съ развѣдки, передалъ, что баталпашинцы очень сочувствуютъ казачьему возстанію и имѣютъ свой отрядъ, который находится гдѣ то у Джемгура. Отрядомъ руководитъ баталпашинецъ — генералъ Фостиковъ. Красные

пытались, черезъ родныхъ генерала, живущихъ въ Баталпашинскѣ, уговорить его сложить оружіе, предлагая генералу какой то большой постъ въ красной арміи и тутъ же грозили, что если Фостиковъ не сдастся, че-ка расправится съ его семьей.

Мой развѣдчикъ говорилъ, что посломъ отъ большевиковъ къ генералу поѣхалъ его отецъ-старикъ.

— Покорись , сынъ. Замучатъ они насъ всѣхъ, запытаютъ... Комиссары такъ и велѣли тебѣ это пересказать...

— Не могу, отецъ. Не казачье это дѣло голову гнуть передъ комиссарами. А мучить они васъ не посмѣютъ. Такъ и передай имъ — Фостиковъ, молъ, сказалъ, что если они только тронутъ тебя, мать, жену, или кого-нибудь изъ нашихъ, я буду имъ мстить, какъ звѣрь... За каждаго изъ васъ замучу сотни большевиковъ. И станица пусть васъ бережетъ!...

— Уѣхалъ отецъ обратно въ станицу,—разсказываетъ мнѣ легенду казакъ, — пересказалъ генеральскую волю комиссарамъ, а тѣ говорятъ:

— Ну пусть жена еще поѣдетъ. Можетъ она его уговоритъ. И пущай скажетъ этому лѣсному генералу, что комиссары, молъ, изведутъ всю семью и чтобъ жена, значитъ, въ скорости возвращалась съ отвѣтомъ. Не возвратится — къ такому то дню и часу, почнутъ комиссары бить Фостиковскую родню.

— Поѣхала жена. Христомъ Богомъ проситъ и молитъ генерала покориться. И слушать не хочетъ!

— Не могу! Казакамъ помочь оказать должонъ. Слово имъ такое далъ.

— Перебьютъ они насъ...

— А ты не ѣзжай туда больше.

— А ребенокъ то какъ?...

— Ничего ребенку не станется. Есть кому посмотрѣть. А ребенка какъ-нибудь выкрадемъ...

— И осталась жена при Фостиковѣ, — докладываетъ казакъ. — А комиссары ждали пождали... Срокъ возвращенія миновалъ. Они и перебили Фостиковскую родню. Слово свое тоже сдержали. Всѣхъ перебили и ребенка тоже... Теперь станица боится, что генералъ осерчалъ и не ровенъ часъ на станицу гнѣвъ свой изольетъ. Дескать, не соблюли семью мою, а я за васъ всѣхъ дѣло дѣлаю...

Развѣдчики нерѣдко доставляли мнѣ аналогичныя легенды, героями которыхъ были то отдѣльные офицеры, то станичные атаманы или урядники. Я не зналъ, радоваться ли, что станицы уже творятъ легенду, или печалиться, что легендами напитали меня мои развѣдчики, а фактовъ, годныхъ для дѣйствія, увы, — никакихъ нѣтъ... Впрочемъ, и казачьи легенды въ какомъ то смыслѣ были фактомъ: такой колоритъ легенды о Фостиковѣ тоже позволялъ дѣлать кое какіе выводы. Я чувствовалъ, что Фостиковъ не одинокъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ начиналъ и что помыслы казачества близки къ его начинаніямъ. Фостиковъ становился героемъ казачьихъ разсказовъ... О немъ ходятъ красивыя сказки — онъ тема разговоровъ «по душамъ» среди казаковъ.

25. НА КВАРТИРѢ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.

Вотъ и о Корниловѣ не перестаютъ вспоминать казаки. Хорошую онъ славу оставилъ по себѣ.

Квартировалъ я какъ разъ въ томъ домѣ (ст. Елизаветинская), гдѣ стоялъ штабъ генерала Корнилова.

Хозяйка разсказывала мнѣ:

— Обходительный былъ человѣкъ, добрый, доступный,. Хоть и генералъ онъ былъ, а просто держалъ себя и съ простымъ казачествомъ не гнушался говорить... Вотъ тутъ у нихъ телефонъ былъ, —показывала хозяйка на окно.— Вотъ тутъ, на этомъ столѣ, гдѣ у васъ бумаги лежатъ, канцелярія была. А спалъ генералъ на постели, гдѣ вы сейчасъ спите. Съ нимъ въ этой же комнатѣ былъ генералъ Богаевскій... Да вы, навѣрно, все это знаете? — вдругъ перебила себя хозяйка.

— Откуда же мнѣ это знать... Я — красный, они — бѣлые...

Хозяйка лукаво поглядѣла на меня и покачала головой въ знакъ сомнѣнія.

— Ой-ли... Что то мнѣ думается, что вы не у красныхъ тогда были... У красныхъ въ тѣ поры одна шантрапа была... Это теперь поразжились они офицерами... Не похожи вы на краснаго...

— Забрело же тебѣ въ голову, мать, Богъ не вѣсть что...

— Вотъ забрело и забрело... И лицо ваше мнѣ знакомо... Да право же вы были съ Корниловымъ...

— Говорю же не былъ...

— Ну Богъ съ вами , коли признаваться не охота... Телефонъ этотъ звонилъ у нихъ цѣлыя сутки. Говорилъ все больше генералъ Богаевскій. А иногда самъ Корниловъ говорилъ. Видать , что это вождь. Говорилъ такъ, что умрутъ всѣ , какъ одинъ, а будетъ по его приказу. Душою онъ говорилъ. И въ душу. Богаевскій — головою говорилъ, а Лавръ то Георгіевичъ душой, вотъ отсюда, — она энергично показала на грудь.— Не любилъ онъ, когда мы его тутъ звали «превосходительствомъ». — Называйте меня Лавромъ Георгіевичемъ, — говаривалъ онъ, — у меня вѣдь имя человѣческое есть.

Хозяйка вновь вернулась къ своимъ догадкамъ:

— Ну, не правду, я старуха, говорю, что вы знаете все это? Вѣдь вы были съ Корниловымъ! Чуетъ моя душа , что были!...

Я вновь отдѣлался отговоркой.

— А про сестру милосердную Татьяну слыхали?

— Нѣтъ, разскажите...

— При Корниловѣ она была. Когда она входила въ комнату, всѣ вставали и Корниловъ вставалъ. Ручку всѣ ей цѣловали. Сказывали, что это царская дочка была, великая княжна Татьяна... Тихая она была, ласковая... А красивая, такъ ровно на картинкѣ нарисована. Казаки сказывали, что ее убили потомъ... У меня и карточка Лавра Георгіевича спрятана. Хороню ее отъ этихъ, прости Господи, нехристей... Вы меня, старуху, простите... Васъ я этимъ не обижу, вы хоть и въ красныхъ, да не красный... Душа ваша бѣлая, офицерская..

Казачка порылась въ сундукѣ и достала фотографическую карточку Корнилова.

— Эхъ и человѣкъ это былъ!... Кабы не убило его на фермѣ, давно бы онъ эту войну закончилъ и порядокъ навелъ... Казаки пошли бы за нимъ. Это такъ

о первоначалу казаки не знали куда пристать. А теперь бы всѣ къ нему пошли... еперь то видать за что онъ своихъ людей въ бой водилъ...

Казачья Кубань бережно хранила свѣтлый образъ народнаго героя, хотя готъ герой и не былъ понятъ въ свое время...

26. ВѢСТИ О НАЗАРОВѢ.

Вернулся съ Дона казакъ. Разсказываетъ, что на Дону появился какой-то Назаровъ. По одной версіи — это полковникъ, по другой — сотникъ. Что будто онъ съ Донскими казаками пришелъ отъ Врангеля, изъ Крыма. Точно казакъ ничего не знаетъ, не можетъ даже назвать раіонъ дѣйствій Назарова. Извѣстно было только, что Назаровъ съ маленькимъ десантомъ высадился въ Таганрогѣ и пошелъ вглубь Донской Области...

Назаровскій десантъ меня очень заинтересовалъ. О немъ я сейчасъ же сообщилъ въ екатеринодарскій «адресъ» и послалъ вѣстника за Кубань къ сотнику Чичи-Бабѣ. О десантѣ хотѣлось знать достовѣрнѣе и подробнѣе. Нѣсколькимъ донцамъ даны были «командировки» на Донъ съ тѣмъ, что если дѣло это въ серьезъ» пусть одинъ только возвратится для доклада, а остальные пусть примкнутъ къ Назарову. Помощь Назарову будетъ не велика, но это были бы люди для связи, въ которой Назаровъ, конечно, нуждался.

Изъ за командировокъ была стычка съ Молотковымъ — первая наша стычка.

— Пятнадцать командировокъ сразу... Вѣдь за это насъ подтянутъ, если узнаютъ... И все изъ плѣнныхъ...

— Плѣннымъ надо довѣріе оказать... Не вѣчно же они будутъ у насъ на положеніи плѣнныхъ... Люди служатъ, стараются... Надо поощрять... Пусть поѣдутъ на Донъ и разсказываютъ тамъ, что съ ними тутъ, хотя и съ плѣнными, обращаются по-человѣчески... А потомъ что же дѣлать? Отпуска запрещены... Надо ихъ замѣнять командировками... Вы обратите вниманіе на дезертирство... Это результатъ прекращенія отпусковъ... Командировки даютъ выходъ изъ этого тяжелаго для красноармейцевъ положенія...

Молотковъ упрямился дать свою подпись на командировочныя свидѣтельства.

— Дѣло это ваше... Но тогда принимайте на себя и отвѣтственность за дезертирство изъ дивизіона...

Помирились на томъ, что Молотковъ сократилъ число командировокъ съ 15 на 10.

Черезъ нѣкоторе время донцы представили Молоткову «доказательство» ихъ вѣрности красной арміи и революціи: нѣсколько донцовъ подали заявленія о принятіи ихъ въ комячейку дивизіона. Сдѣлано это было для того, чтобы имѣть свои глаза и уши среди коммунистовъ дивизіона. Они вѣдь вмѣстѣ съ комиссаромъ дивизіона дѣлали какія то свои тайныя дѣла, вели свою развѣдку, наблюдали за командным составомъ и проч. Надо было понаблюдать и за коммунистами...

27. ВОЗЗВАНІЯ УЛАГАЯ И МОИ ВОЗЗВАНІЯ.

Въ теченіе дня пять-шесть разъѣздовъ несли службу развѣдки. Каждому изъ нихъ давалась опредѣленная задача и точно указывался раіонъ развѣдки. Среди этихъ разъѣздовъ всегда у меня былъ одинъ свой разъѣздъ, донесенія котораго не

посылались въ штабъ укрѣпленнаго раіона. Свои разъѣзды я направлялъ въ мѣста, гдѣ можно было дѣйствительно натолкнуться на зеленыхъ. Въ Черноморской Кубани зеленыхъ отрядовъ не было, были только маленькія группы, ютившіяся около рѣки Кубани и ожидавшія возможности тайкомъ переправиться на зеленый Линейный берегъ. Иногда они это дѣлали на плотахъ, которые вязали изъ камышей, иногда удавалось раздобыть гдѣ нибудь дырявую лодку..- Разъѣзды мои нерѣдко натыкались на такія группы... Были даже перестрѣлки, о которыхъ приходилось доносить въ Екатеринодаръ, но конечная цѣль была связаться съ этими зелеными группами и разсказать имъ, куда надо переправляться, что бы на Линейномъ берегу не нарваться на красныхъ.

Какъ то разъѣздъ доставилъ мнѣ повстанческую прокламацію, составленную отъ имени генерала Улагая. Воззваніе это начиналось слѣдующими словами (привожу по памяти) : «Казаки! Вольные сыны Кубани! Я — генералъ Улагай, командующій Зеленой Арміей на Кубани, приказываю вамъ весь хлѣбъ, находящійся въ полѣ, свозить во дворы и не молотить, что бы не дать краснымъ хлѣба. Потерпите еще немного — скоро мы освободимъ Кубань отъ красной нечисти. Знайте, что армія Врангеля вышла на Днѣпръ, бьетъ красныхъ и идетъ на соединеніе съ Польской Арміей. Генералъ Шкуро со всей арміей на Черноморскомъ побережьи, генералъ Покровскій со своими казаками въ раіонѣ Майкопа и Армавира» и т. д.

Воззваніе это было написано отъ руки, въ немъ было много грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Подпись была сдѣлана, якобы рукой Улагая и даже росчеркъ имѣлся... Воззваніе было несомнѣнно кѣмъ то сфабриковано, при чемъ фабрикантъ не имѣлъ, видимо, никакого представленія о томъ, гдѣ генералы Шкуро и Покровскій и гдѣ самъ генералъ Улагай, командиръ не существующей «Зеленой Арміи». Воззваніе это было сработано кѣмъ то на предметъ поднятія «казачьяго духа» и такъ какъ воззваніе было найдено возлѣ станицы Ивановской, можно было полагать, что авторомъ его былъ сотникъ Стусь. Со Стусемъ я одно время держалъ связь, когда онъ съ маленькой группой казаковъ скрывался въ Красномъ Лѣсу (недалеко отъ станицы Марьянской), но потомъ я потерялъ его изъ виду.

Бодрить казаковъ, разумѣется, надо было. Не слѣдовало только вводить ихъ въ заблужденіе о Шкуро, Покровскомъ, Улагаѣ... Когда казаки узнавали, что это ложь, воззванія начинали производить дѣйствія, обратныя тѣмъ, на какія расчитывали авторы воззваній. Красныя газеты сообщали вѣдь не мало свѣдѣній о бѣлыхъ генералахъ и въ этихъ свѣдѣніяхъ, рядомъ съ небылицей, обнаруживалась и подлинная неприглядная правда.

Я тоже «сфабриковалъ» нѣсколько воззваній, но мои воззванія не вводили казаковъ въ заблужденіе ложью о Шкуро и Улагаѣ. Я писалъ, что въ лѣсахъ Линейной Кубани имѣются повстанческіе отряды Фостикова, Фартукова, полковника Улагая, полковника Крыжановскаго... Ряды ихъ растутъ... Они дерутся за освобожденіе Кубани отъ большевиковъ... Имъ надо помочь... Къ нимъ въ отряды нужно итти всѣмъ, кто чувствуетъ отвѣтственность за судьбы Кубани. Станицы должны оказывать всяческую помощь повстанцамъ, снабжать ихъ оружіемъ, одеждой, довольствіемъ, помогать нравственной поддержкой...

Воззванія эти, размноженныя екатеринодарскимъ «адресомъ» на пишущей машинкѣ, распростронялись моими разъѣздами по станицамъ Черноморской Кубани, и выпускались отъ вымышленнаго учрежденія — «Комитета Возставшей Кубани».

Одно изъ моихъ воззваній въ секретномъ пакетѣ было прислано штабомъ Укрѣпленаго раіона въ мой дивизіонъ съ приказаніемъ вести тщательную развѣдку, т. к., по имѣющимся у Укрраіона свѣдѣніямъ, «Комитетъ Возставшей Кубани» находится въ раіонѣ черноморскихъ станицъ...

28. ПОЛУЭСКАДРОНЪ АНТИФЕЕВА.

Въ этомъ же пакетѣ было и другое приказаніе : спѣшно выдѣлить изъ состава дивизіона полуэскадронъ въ полномъ боевомъ снаряженіи и направить его въ распоряженіе тов. Андреева, въ помощь его отряду, ведущему бои въ раіонѣ станицъ Черноморская-Имеретинская.

Мелькнула возможность!...

Не говоря ничего Молоткову, я сейчасъ же приказалъ посѣдлать коня и поскакалъ въ штабъ Укрѣпленнаго Раіона просить о посылкѣ на «ликвидацію зеленыхъ» не полуэскадронъ, а весь дивизіонъ.

— Полуэскадронъ — это вѣдь ничто. Надо сразу брать быка за рога. Пошлите мой дивизіонъ и черезъ двѣ недѣли я вамъ донесу, что Линейная Кубань очищена отъ зеленыхъ бандъ... Что жъ полуэскадронъ... Мы ихъ вспугнемъ, а они вѣдь птицы перелетныя — вспорхнутъ и въ другомъ мѣстѣ засядутъ... Поручите задачу ликвидаціи повстанцевъ дивизіону... Двѣнадцать эскадроновъ, да вы еще мнѣ пару батарей придайте — за милую душу будетъ наведенъ порядокъ за Кубанью.

— Увы, это невозможно. У насъ всѣ части учтены до послѣдняго человѣка... На вашъ дивизіонъ возложена не менѣе отвѣтственная задача — прикрывать Екатеринодаръ. Адреевъ прикрываетъ съ одной стороны, вы съ другой...

Не выгорѣло...

Возвратившись въ дивизіонъ, вмѣстѣ съ Молотковымъ, выбрали полуэскадронъ. Выбиралъ, собственно, я, но дѣлался видъ, что мы рѣшаемъ вопросъ сообща. Командиромъ полуэскадрона былъ назначенъ Антифеевъ — старый донской вахмистръ. Въ дивизіонъ онъ проникъ по «липовымъ бумагамъ». Онъ былъ моей правой рукой во многихъ дѣлахъ. Антифеевъ былъ вызванъ и ему объявили о приказѣ штаба Укрѣпленнаго раіона. Выступить эскадронъ долженъ сегодня же вечеромъ.

Послѣ этого официальнаго разговора была у меня съ Антифеевымъ и секретная бесѣда.

— Берите въ этотъ полуэскадронъ только своихъ людей. Два пулемета возьмите съ собой. Захватите хорошій запасъ патроновъ и пулеметныхъ лентъ. Лишь бы только все гладко было...

— Это ужъ будьте покойны... Подкачать тутъ Боже избавь... Чисто сдѣлаемъ...

— Ну смотрите же... Если выйдетъ негладко, насъ тутъ засыпете...

— Богъ милостивъ... Попробуемъ...

Къ вечеру полуэскадронъ былъ готовъ и построился передъ штабомъ дивизіона для осмотра. Я остался доволенъ видомъ людей... Къ зеленымъ долженъ былъ перейти отличный полуэскадронъ...

Молотковъ рѣшилъ сказать напутственное слово:

— Вамъ, товарищи, выпала честь первымъ изъ дивизіона пойти въ боевое дѣло. Зеленая сволочь, составленная изъ бѣлогвардейскихъ офицеровъ и отбросовъ казачества, вновь поднимаетъ голову и мечтаетъ свергнуть народную власть, чтобы вновь закабалить казачество и заставить его работать на тунеядцевъ генераловъ, помѣщиковъ, богачей и прочихъ враговъ народа. Имъ мало крови, которая льется вотъ уже шесть лѣтъ. Они хотятъ въ ней утопить весь русскій народъ. Но красная армія умѣетъ расправляться съ палачами. Красныя всадники имѣютъ острыя шашки. Товарищи , радуйте дивизіонъ своими боевыми успѣхами! Бейте зеленую сволочь!..

Товарищи поѣхали «радовать дивизіонъ»... Впереди Антифеевъ... Рядомъ съ нимъ политрукъ Ивановъ... Справа по три... Донцы затянули пѣсню...

«Поѣхалъ, казакъ на чужбину далеку,
«Поѣхалъ одинъ на конѣ ворономъ»...

Что то Богъ дастъ...

29. ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ.

Пользуясь командирскимъ положеніемъ, я часто бывалъ теперь въ Екатеринодарѣ, проводя тамъ день, иногда два.

Въ городѣ большевики чувствовались значительно ощутительнѣе, чѣмъ въ станицахъ. Въ станицѣ большевизмъ былъ коркой, подъ которой пульсировала, вопреки всѣмъ декретамъ, почти прежняя жизнь. Казаки также сытно ѣли, какъ и прежде, несмотря на продовольственный учетъ всего ихъ хозяйства, также дѣлали свою полевую работу, по прежнему съ зорькой выгоняли на попасъ свою скотину. На улицѣ, какъ и встарь, бѣгалъ казаченокъ съ громадной краюхой бѣлаго хлѣба въ зубахъ.

Въ городѣ не то. Городъ бѣлый хлѣбъ считаетъ уже лакомствомъ. Здѣсь и черный хлѣбъ приходится раздобывать съ трудомъ. Мясо рѣдкостью стало въ самихъ зажиточныхъ семьяхъ. Чай въ городѣ пьютъ безъ сахару, безъ молока, безъ масла...

Квартиры всѣ «уплотнены». Буржуевъ потѣснили. Семья въ 5-6 человѣкъ ютится въ двухъ комнатахъ, а остальная часть квартиры отдавалась безкомнатнымъ пролетаріямъ. Квартирная комиссія опредѣляла необходимую обстановку для реквизированныхъ комнатъ, при чемъ въ число необходимаго включалось все лучшее и цѣнное, если только это лучшее и цѣнное не было уже вывезено изъ квартиры въ первые дни большевицкой власти.

Въ городѣ назначались реквизиціонныя недѣли: недѣля бѣлья, недѣля обуви, недѣля кроватей, недѣля художественныхъ вещей. Это означаетъ, что въ теченіе недѣли всѣ дома въ городѣ будутъ осмотрѣны и если идетъ недѣля бѣлья, заберутъ все лишнее бѣлье, считая лишнимъ все, что превосходитъ объявленную большевиками норму. Въ недѣлю обуви — отберутъ обувь...

«Недѣль» этихъ городъ пережилъ не мало. Тайно, ночью, все что можно было зарыть, зарывалось въ погребахъ, дворахъ, на чердакахъ, или вывозилось на сохраненіе въ ближайшую станицу къ знакомымъ казакамъ, гдѣ реквизиціонныхъ недѣль большевики не устраивали. Здѣсь охотились не за бѣльемъ и художественными вещами, а за болѣе необходимымъ — за хлѣбомъ.

Побывалъ я, въ одинъ изъ моихъ наѣздовъ въ Екатеринодаръ, на своей квартирѣ, въ которой жилъ еще въ періодъ моего легальнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ. Это было еще въ апрѣлѣ, когда я только-только выписался изъ ла-

зарета, на койкѣ котораго былъ взятъ въ плѣнъ. Здѣсь знали, что я бѣлый офицеръ, что я въ плѣну. Визитъ сюда былъ, по меньшей мѣрѣ, не осторожен. Но въ одномъ я былъ увѣренъ: здѣсь меня не выдадутъ. Тянуло же меня сюда другое...

— Вы? — удивилась моему появленію хозяйка дома, принявшая нѣкогда трогательное участіе въ моей судьбѣ.

Начались разспросы... Какъ? Какимъ образомъ я въ формѣ, красная звѣзда на фуражкѣ, и пр.

— Командую дивизіономъ...

— Ну, знаете, отъ кого, отъ кого, но отъ васъ я подобнаго хамелеонства не ожидала... Хотя вы и красная персона, но все же скажу вамъ, что это нечестно... Вотъ такъ таки всѣми буквами н-е-ч-е-с-т-н-о... Ваши друзья разстрѣливаются въ концентраціонныхъ лагеряхъ, томятся въ чрезвычайкахъ, а вы... вы красный командиръ...

Сестра хозяйки, милая барышня, которую мнѣ то и хотѣлось, главнымъ образомъ, повидать, тоже не преминула замѣтить укоризненно:

— Я васъ не такимъ себѣ рисовала... I-е мая и вотъ теперешній вашъ видъ...

«Самъ» ходилъ по комнатѣ, крутилъ хохлацкій усъ и не разговаривалъ совсѣмъ; онъ изрѣдка только поглядывалъ на меня тяжелымъ, брезгливымъ взглядомъ.

Это были люди, которымъ можно было довѣриться и раскрыть тайну, да и тяжело было здѣсь играть роль хамелеона...

— Я очень радъ, что вы остались все тѣми же хорошими людьми, ненавидящими большевиковъ. Но и я остался тѣмъ же бѣлымъ офицеромъ... То что вы видите сейчасъ — эти нарукавныя нашивки, красную звѣзду на фуражкѣ — это маскарадъ... Я въ красной арміи нахожусь, какъ развѣдчикъ...

Я разсказалъ о своемъ арестѣ послѣ неудачной попытки возстанія I-го мая, о судѣ надо мною, о смертномъ приговорѣ, о моемъ побѣгѣ изъ чеки, разсказалъ о своихъ скитаніяхъ въ плавняхъ и о томъ, какъ и для чего я вступилъ въ красную армію.

Послѣ моей исповѣди гнѣвъ смѣнился на милость. Я былъ и обласканъ, и благословленъ на работу. Имъ же я оставилъ адресъ родныхъ, на тотъ случай, если со мной что нибудь случится, и заручился ихъ согласіемъ припрятать меня, если въ этомъ встрѣтится надобность. Вообще неожиданностей могло быть не мало и было очень хорошо, что была квартира, со своими людьми, готовыми помочь въ бѣдѣ.

«Самъ» былъ до большевиковъ богатымъ человѣкомъ и велъ крупную торговлю хлѣбомъ — теперь же онъ служилъ въ Совнархозѣ или въ «Совнархаосѣ», какъ онъ его называлъ.

— Пришлось итти на службу... Ѣсть хочется... Меня вѣдь реквизнули всего — нищимъ сдѣлали... Да и потомъ это спасаетъ меня отъ такъ называемыхъ «общественныхъ обязанностей» по очисткѣ городскихъ нечистотъ, совѣтскихъ отхожихъ мѣстъ и прочей прелести. А вотъ женская половина моетъ полы въ Совнархаосѣ...

Дамы были внѣ себя. Каждый день они являлись на сборный пунктъ и партіями, подъ командой милиціонера, гнались на мытье половъ въ совѣтскія учрежденія. Освобождались только роженицы и имѣющія грудныхъ дѣтей. Нѣкоторыя, чтобы уклониться отъ «общественныхъ обязанностей», черезъ знакомыхъ врачей, раздобывали свидѣтельства о беременности, но это не всегда по

могало: квартальный комитетъ назначалъ иногда переосвидѣтельствованіе и тогда получался совсѣмъ скверный анекдотъ: псевдо-роженицу предавали суду за «саботажъ» — ее ждала тюрьма или другія совѣтскі мѣры огражденія общественной безопасности.

«Не работающій — не ѣстъ» — говорила «трудовая республика совѣтовъ», и чтобы провести эту теорему въ жизнь все населеніе города было раздѣлено на категоріи. Кто не работалъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ — относился къ категоріи, которая нигдѣ ничего не могла купить. Чтобы получить право на питаніе, надо было чѣмъ то и какъ то служить совѣтской власти. Мытье половъ — позволяло требовать право на питаніе. Красные хотѣли видѣть гражданъ за работой на совѣтскую власть. Они не допытывались сочувствуетъ ли гражданинъ начинаніямъ совѣтской власти; «како вѣруеши» — ихъ перестало интересовать. Но всякій уклоняющійся отъ работы въ совѣтскихъ учрежденіяхъ разсматривался какъ паразитъ, какъ притаившійся противникъ, какъ контръ-революціонеръ. И что бы знать этихъ уклоняющихся отъ работы на совѣтскую власть, чтобы имѣть ихъ на постоянномъ учетѣ, Кубанскій Революціонный Комитетъ ввелъ квартальную статистику. Каждую недѣлю предсѣдатель квартальнаго комитета представлялъ Кубанскому Революціонному Комитету именной списокъ своего квартала съ отмѣткой противъ каждой фамиліи: «продкомъ», «рабконтроль», «культпросвѣтъ», «худстудъ», «не служитъ нигдѣ»... Отмѣченные «не служитъ нигдѣ» подчеркивались краснымъ карандашемъ и брались на учетъ Особаго Отдѣла. Почему не служитъ? На какія средства живетъ? Чѣмъ занимался до прихода большевиковъ? Саботажника начинали безпокоить безконечными вызовами на допросъ, обысками. Квартальному комитету вмѣнялось въ обязанность всѣхъ, кто «не служитъ нигдѣ», употреблять принудительно на общественныя работы. Не хочетъ работать въ учрежденіи, какъ чиновникъ, работай какъ уборщикъ этого учрежденія. И только исключительно твердые люди выдерживали себя и находили силы мыть клозеты, покупая этимъ возможность не превратиться въ совработника. Такихъ твердыхъ и упрямыхъ людей было очень немного — единицы, но они были. Масса же городская, толкаемая голодомъ, обысками, совѣтскими клозетами и заплеванными лѣстницами, которыя надо было мыть и чистить, — шла работать на своихъ враговъ.

Большевики цѣнили опытныхъ чиновниковъ стараго режима. Безъ нихъ совѣтскія канцеляріи превращались въ бумажный водоворотъ, разобраться въ которомъ было дѣломъ мудреннымъ. Опытныя руки чиновниковъ создавали большевикамъ настоящія канцеляріи, съ архивами, входящими и исходящими. Крупные чиновники занимали большіе посты въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и руководили совѣтской канцелярской машиной, а чтобы машина эта не надѣлала контръ-революціонной бѣды, къ каждому такому новоявленному совработнику-спецу приставлялся зоркій коммунистъ-наблюдатель.

Интеллигенцію втягивали въ соотвѣтствующую работу. Интеллигентами заполнялись совѣтскія библіотеки, культпросвѣты, художественныя студіи, статистическія учрежденія, школы и проч.

«Библіотечное дѣло» у красныхъ было поставлено на большую высоту. Денегъ на это Москва не жалѣла. Вагоны литературы приходили на Кубань и распредѣлялись по безчисленнымъ совѣтскимъ библіотекамъ, разбросаннымъ по всѣмъ улицамъ. Столько библіотекъ врядъ-ли имѣла какая нибудь изъ наипросвѣщеннѣйшихъ странъ міра! Другой вопросъ — что это были за библіотеки. Это

былъ наборъ агитаціонной литературы, и только. У этихъ библіотекъ была и другая особенность: литературу можно было не возвращать обратно въ библіотеки. На каждой книгѣ былъ приклеенъ ярлычекъ, который прямо гласилъ: «прочитай и передай для прочтенія своему товарищу»! Это учрежденіе только по совѣтской терминологіи могло называться «библіотекой», на самомъ же дѣлѣ это былъ агитаціонный книжный пунктъ. При каждой библіотекѣ былъ лекціонный залъ, гдѣ ежедневно читались лекціи и доклады. Интеллигенты стояли за библіотечнымъ прилавкомъ и раздавали коммунистическую литературу, которая призывала къ погрому интеллигенціи и буржуазіи... Эти же голодные и запуганные интеллигенты читали лекціи по исторіи, литературѣ, общественной философіи, изъ кожи вонъ вылѣзая, чтобы приспособить свои мысли къ аудиторіи и заслужить вниманіе со стороны властей предержащихъ. Сотрудники Политотдѣла слѣдили за работой интеллигенціи при библіотекахъ и корректировали лекціи кооптированной интеллигенціи. Въ Екатеринодарѣ было учреждено нѣсколько краткосрочныхъ курсовъ для изученія агитаціонно-библіотечнаго дѣла. Окончившіе курсъ посылались въ станицы устраивать библіотеки и руководить ихъ дѣятельностью. Поѣздка въ сытыя станицы была очень заманчива и голодные интеллигенты очень охотно шли на эту работу. Книги до-большевицкаго изданія офиціально не изымались изъ употребленія, но неофиціально онѣ считались «нерекомендованными» и въ библіотечныхъ каталогахъ должны были обозначаться звѣздочкой, что означало: «книги эти выдаются только по особому ходатайству и съ разрѣшенія библіотечной агитаціонной комиссіи»...

Особенно много интеллигентныхъ силъ вошло въ «Пролеткультъ», учрежденіе, поставившее себѣ задачей пробуждать въ пролетаріатѣ творческія силы въ области литературы, науки и искусства. «Искусству» вообще большевики удѣляли много вниманія. Художественные кружки или студіи, какъ ихъ здѣсь называли, росли въ Екатеринодарѣ, какъ грибы послѣ хорошаго дождя. Надъ каждой такой студіей висѣлъ трафаретный плакатъ-девизъ «пролеткульта»: «Господство пролетаріата приведетъ цивилизацію, культуру и науку до расцвѣта, котораго исторія еще не знала». Это, кажется, изреченіе Лассаля въ его «Принципахъ труда въ современномъ обществѣ». Въ студіяхъ читались популярныя лекціи по вопросамъ эстетики, живописи, музыки, поэзіи и литературы. Литературно-музыкальные вечера, выставки, театръ — все это преподносилось на подмосткахъ студіи. Царили здѣсь футуристы.

30. САЛОНЪ MADAME Б — НОЙ.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Екатеринодаръ, навѣстилъ я и нѣкую madame Б—ну, съ которой мнѣ какъ то, въ какомъ то кафэ, познакомилъ Понамаревъ.

— Не женщина, а помадка, — рекомендовалъ мнѣ Понамаревъ г-жу Б—ну, и тутъ же добавилъ: — у нея свой салонъ... Тамъ собирается нашъ бомондъ...

Я получилъ приглашеніе «бывать» и воспользовался имъ. Объ этомъ «салонѣ» въ городѣ не мало говорили и мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что онъ собою представляетъ.

Madame Б. была вдовой. Ея мужъ, офицеръ летчикъ, погибъ въ бѣлой арміи во время боевого полета. У Б. остались очень небольшія средства и маленькая дѣвочка на рукахъ. Красные летчики, послѣ взятія Екатеринодара, узнали о

Б., навѣстили ее, какъ жену ихъ бывшаго сотоварища еще по царской арміи, и сочли своимъ пріятнымъ долгомъ не оставить хорошенькую вдову безъ своего вниманія. Около ея квартиры, на Кузнечной улицѣ, всегда стояло нѣсколько автомобилей, подкатывали нарядные лихачи, привозя летчиковъ и танкистовъ, выдѣлявшихся въ красной арміи своимъ стремленіемъ къ нарядности и лоску. До поздней ночи въ окнахъ не потухалъ свѣтъ и не смолкалъ бравурный рояль. Въ городѣ было уже все непомѣрно дорого, многаго уже совсѣмъ нельзя было найти въ продажѣ, хлѣбъ раздобывался еле-еле для себя, а у г-жи Б. столъ былъ полонъ яствъ. Къ Б—ной не приходили съ обысками и изъятіями. Ее не тащили мыть уборныя и лѣстницы въ совѣтскихъ хозахъ и комахъ. Отъ нея не ушла кухарка. За дѣвочкой по прежнему ходила молоденькая гувернантка, француженка. Штабные офицеры, танкисты, летчики, сотрудники Поарма, богатые дѣльцы, пристроившіеся къ новымъ условіямъ жизни, защищали неприкосновенность квартиры хорошенькой офицерши, да и саму офицершу, умѣвшую такъ мило принимать гостей.

Здѣсь можно было услышать не мало занимательнаго. И въ первый же мой визитъ я кое-что и услышалъ.

Вотъ молодой офицеръ генеральнаго штаба... Ногти отполированы... Проборъ — какъ струна. Онъ въ визиткѣ. Это запрещается — военные должны быть всегда въ формѣ, но онъ «вольнодумецъ». Красиво грассируя, онъ позируетъ въ салонѣ, потягивая крюшонъ:

— Послѣ Петра Россія не знала революціонной власти. Прорубила Россія окно въ Европу, надышалась западной гнилью и рѣшила, что только и свѣта, что въ окошкѣ. А теперь наступили времена иныя: Европа должна пробивать окно къ намъ. Свѣтъ не съ Запада, а съ Востока! И не каламбуромъ должно звучать, что мы вновь подняли сейчасъ дѣло Петра, съ тою лишь разницей, что Петръ Московскую Русь обращалъ въ Россію Петербургскую, а мы Петербургскую Россію обращаемъ въ союзъ всѣхъ народовъ... Россіи больше нѣтъ... Границъ нашей республики никто указать не можетъ... Наши границы уходятъ въ безпредѣльность всѣхъ народовъ... Изъ Петербургской Россіи мы создаемъ универсальную республику, свободный и открытый союзъ всѣхъ народовъ, въ который могутъ входить всѣ государства, готовыя строить новую жизнь, служить новой культурѣ...

Кто то поддакнулъ:

— Мы наслѣдники Петра и въ другомъ: наши декреты это вѣдь тѣ же петровскіе указы о бородахъ и кафтанахъ... Кто дѣлаетъ революцію, тотъ дѣлаетъ ее только такъ... Судить будетъ потомъ исторія... Современники не всегда понимаютъ то, что развертывается передъ ихъ глазами... Нужна перспектива, нѣкоторая историческая удаленность отъ событій...

— Господа, а походъ въ Индію!.. Этотъ петровскій планъ вѣдь только теперь вновь мы воскрешаемъ. Я предлагаю выпить за покойника... «Боже, Царя храни» — можно и не пѣть по этому торжественному случаю, но революціонеръ на тронѣ достоинъ соотвѣтствующаго вниманія!... Хорошъ былъ покойникъ!!!

Шумно выпили за Петра Великаго, при чемъ какой то сотрудникъ Поарма провозгласилъ:

— Да будетъ ему земля пухомъ!..

Всѣ засмѣялись, а madame Б—на даже сыграла начало шопеновскаго

похороннаго марша въ честь вѣнценоснаго революціонера, прародителя совѣтскихъ революціонеровъ...

Заговорили о походѣ черезъ Румынію въ Венгрію:

— Румынію можно пройти церемоніальнымъ маршемъ въ недѣлю... Венгрія готова встрѣтить насъ съ распущенными знаменами... А вы представляете себѣ, господа, что въ это время творятъ рабочіе во Франціи и Германіи?!..

Въ перемежку съ комплиментами хозяйкѣ, здѣсь развиваются «историческія теоріи», строятъ открытый универсальный союзъ народовъ всѣхъ странъ, смакуютъ военный маршъ по Европѣ...

Въ каждомъ салонѣ долженъ быть поэтъ и музыкантъ — есть они и здѣсь. Я помню музыку одного такого маэстро. Рисуется побѣдный узоръ... Трещатъ пулеметы... Грохочутъ пушки... Слышно «Боже, Царя храни»... Откуда то издалека чуть слышится Марсельеза... Она вплетается въ патріотическій гимнъ, борется съ нимъ... Пушки грохочутъ ожесточеннѣе... Наконецъ, побѣда!.. «Марсельеза» уступаетъ мѣсто «Интернаціоналу»... — Однимъ словомъ подражаніе «1812 году» Чайковскаго.

Госпожа Б., конечно, не на свои средства содержала салонъ. Салонъ былъ «въ складчину», на которой, къ слову сказать, кое кто изъ участниковъ «складчины» свихнулъ себѣ шею. Нѣсколько лицъ привлечены были къ отвѣтственности за растраты. Какой то комиссаръ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ этомъ же салонѣ шла очень крупная карточная игра.

31. ОФИЦЕРСКІЕ РАЗГОВОРЫ.

Вѣроятно для контраста съ «преемниками Петра Великаго» судьба свела меня съ Б—скимъ,—бывшимъ полковникомъ 14-го Гусарскаго Митавскаго полка. У красныхъ — онъ давно. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ не у дѣлъ и находился въ опалѣ, исполняя въ той станицѣ, гдѣ квартировалъ мой дивизіонъ, какое то случайное порученіе. Офиціально онъ числился въ резервѣ инспекціи кавалеріи. Я думаю, что онъ былъ подъ наблюденіемъ. За нимъ числилось какое то служебное неблагополучіе. До опалы же Б—скій былъ на виду у краснаго командованія, командовалъ пѣхотной дивизіей и командовалъ удачно, нанеся нѣкоторымъ частямъ Донской Арміи въ 1919 году серьезные удары. Эти боевые успѣхи его дивизіи причиняли ему не мало душевныхъ страданій.

Мы возвращались вмѣстѣ въ дивизіонъ, какъ разъ послѣ моего перваго и послѣдняго визита къ г-жѣ Б. Ѣхали въ моемъ командирскомъ экипажѣ. Разговорились. Б—скій почему-то сталъ разсказывать мнѣ о своей службѣ у красныхъ и о своихъ «удачахъ» на фронтѣ гражданской войны.

— Уклониться отъ боя нельзя. Приказъ точно даетъ задачу. Да и комиссаръ подъ бокомъ. Слѣдитъ за каждымъ моимъ распоряженіемъ. Да и начальникъ штаба у меня человѣкъ поганенькій — карьеру дѣлалъ. Полки подобрались, какъ на зло, хорошіе. И дерутся хорошо, и послушны. Матеріалъ то вѣдь одинъ и тотъ же... Старый солдатъ, красный солдатъ, бѣлый солдатъ — тѣсто то вѣдь одно. Что ни бой — успѣхъ. Бьемъ бѣлыхъ... Бью людей, да что тамъ таиться, а у самого душа плачетъ. Не красный же я... Воспитаніе, сорокъ пять лѣтъ за плечами — все это не вычеркнешь. Вы какъ хотите судите меня, а я признаюсь вамъ: къ большевикамъ душа у меня не лежитъ... Скорѣе она тамъ, у бѣлыхъ...

Признаніе это было рискованнымъ и я не могъ понять, почему это Б—скій

такъ разоткровенничался... Такія откровенія мало знакомымъ людямъ стоятъ иногда жизни...

Разговорились о томъ, что съ нами сдѣлали бы бѣлые, если бы мы очутились у нихъ въ плѣну.

— А стыдно намъ было бы!.. Какими глазами я посмотрѣлъ бы на своихъ бывшихъ сослуживцевъ?.. Мы носимъ теперь несмываемую печать проклятія... Это не вѣрно , что мы оказались въ тискахъ событій и что не было выбора... Для честныхъ людей всегда выборъ есть... Можно было пробраться къ Корнилову... Можно... Ну, а нельзя было, значитъ, пускай пулю въ лобъ. «Пришлось пойти къ краснымъ...» Это не оправданіе...*)

Это говорилъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, кто, будучи душой и совѣстью съ Корниловымъ и Деникинымъ, служилъ за страхъ Троцкому и Ленину. Этихъ людей «съ проклятьемъ на душѣ» было не мало въ красной арміи. Но не мало было и такихъ, которые откровенно говорили между собой:

— Гдѣ наша душа — у бѣлыхъ или у красныхъ — рѣчь не объ этомъ. Къ бѣлымъ намъ нѣтъ возврата. Тамъ насъ ждетъ позоръ и судъ. Теперь мы стоимъ передъ необходимостью во что бы то ни стало дать побѣду красной арміи. Лучше тутъ быть спецомъ, чѣмъ тамъ краснѣть передъ тѣми, кто не снялъ погонъ съ плечъ и креста съ груди.

Эту какъ разъ фразу сказалъ мнѣ начальникъ одной изъ дивизій.

Во время этого разговора было еще нѣсколько офицеровъ. Разговоръ все время вертѣлся вокругъ будущаго.

— А будущее, вѣроятно, будетъ таково: рано или поздно народъ попретъ напроломъ, сомнетъ наши ревкомы и комбѣды, доберется до губкомовъ, развѣситъ на фонарныхъ столбахъ комиссаровъ и комитетчиковъ, потомъ пойдетъ дальше, доберется до Москвы, которая къ тому времени изъ красной превратится въ розовую съ бѣлымъ отливомъ, зазвонитъ въ кремлевскіе колокола, а мы, пожалуйте бриться...

Такую картину рисовалъ себѣ офицеръ, носившій свой георгіевскій орденъ на часовой цѣпочкѣ, въ видѣ брелока.

Присутствующій тутъ же офицеръ генеральнаго штаба возразилъ ему:

— Бриться... Бритыми окажутся только чудаки и наивные сентименталисты. Намъ же не рекомендуется прикомандировываться къ сонму сихъ людей. Когда дѣло дойдетъ до фонарныхъ столбовъ и музыки кремлевской мѣди, тогда и мы, надо думать, увидимъ, что наступаетъ время, какъ вы изволили выразиться, бриться... Но бриться все же, а не быть бритыми... А разъ мы увидимъ финишъ этого шабаша, значитъ и предпримемъ соотвѣтствующія дѣйствія. Мы въ Кремль придемъ не позже вашихъ звонарей. И зазвонимъ въ колокола мы, а не кто другой. У насъ всегда останется достаточный процентъ арміи, который увидѣвъ, что дѣло идетъ «къ расчету стройся», сумѣетъ запѣть «Громъ побѣды раздавайся». Намъ краснѣть не придется, бѣлые генералы насъ не смогутъ судить, т. к. къ тому времени мы окажемся у власти и нашими штыками она будетъ охраняться. Отъ насъ будетъ зависѣть, принять бѣлыхъ или не принять... Но мы, конечно, будемъ великодушны. На радостяхъ будетъ очень весело и хорошо... Нужно только быть съ головой на плечахъ. Въ Европѣ это называется — быть реальнымъ политикомъ.

*) Полковникъ Б—скій сейчасъ находится за-границей и поэтому вышеприведенный разговоръ для него безопасенъ.

Это говорили люди, на опытѣ и знаніяхъ которыхъ покоилась красная армія, это говорила командная элита, безъ которой красная армія превратилась бы въ стадо, въ толпу.

Вся эта элита была увѣрена въ неизбѣжномъ паденіи той власти, которой она служитъ. Этотъ уродливый анекдотъ былъ возможенъ потому, что элита была увѣрена, что она не опоздаетъ къ кремлевскому звону, что она сумѣетъ, когда это станетъ явью, первой забраться на колокольню. Это была психологія преторіанства. Въ этой игрѣ часть высшаго офицерства играетъ «съ шансомъ» того шулера, который никогда не проигрываетъ.

— Ну, а вдругъ проигрышъ?

— Не можетъ быть... Я играю съ шансомъ...

— Съ какимъ шансомъ?

— Когда проигрываю — не плачу...

32. МОИ ПРИКАЗЫ ПО ГАРНИЗОНУ.

Возвращаясь въ дивизіонъ послѣ экскурсій въ городъ, я заставалъ обычно въ кабинетѣ цѣлый ворохъ пакетовъ съ надписью «секретно», «совершенно секретно», «оперативно» и проч. Вскрывать эти бумаги надлежало только совмѣстно съ комиссаромъ. Ни онъ, ни я — другъ безъ друга — вскрыть такіе пакеты не имѣли права. Хранилъ же эти пакеты, послѣ ихъ прочтенія, комиссаръ. Таковъ былъ порядокъ. Я привыкъ при Понамаревѣ отъ него отступать. Понамаревъ мнѣ совершенно довѣрялъ и разрѣшилъ вскрывать всѣ пакеты безъ него. Отчасти это было вызвано тѣмъ, что Понамаревъ иногда по нѣсколько дней отсутствовалъ изъ дивизіона, и онъ не хотѣлъ, чтобы дѣло изъ за этого тормозилось. Эту же практику, удобную для меня, я пытался сохранить и при Молотковѣ. Обыкновенно онъ знакомился со всѣми «входящими» уже послѣ моего ознакомленія съ ними. Всѣ эти бумаги полны были распоряженій о развѣдкѣ, порядкѣ донесеній и распоряженій по управленію гарнизонами. Я, помимо обязанностей командира дивизіона, былъ еще и начальникомъ гарнизона станицы и мнѣ подчинены были всѣ воинскія и гражданскія власти, находящіяся въ ней.

Приказъ по гарнизону, обычно, составлялъ я самъ. Въ приказахъ этихъ я писалъ, что за порчу телефонныхъ проводовъ, за нападеніе на чиновъ арміи, за храненіе оружія, уклоненіе отъ мобилизаціи, отказъ отъ выполненія хлѣбныхъ продразверстокъ, я, въ силу предоставленной мнѣ власти, буду преслѣдовать виновныхъ по всей строгости революціонныхъ законовъ, имущество виновныхъ буду конфисковать и семьи брать заложниками. Вообще «грозы» пускалъ я не мало, стараясь возможно больнѣе задѣть самолюбіе свободолюбивыхъ казаковъ. Режимъ въ гарнизонѣ я нарочно устанавливалъ такой, чтобы дать почувствовать тираничность власти. Струна должна была быть все время натянута. Молотковъ подписывалъ все это безъ возраженій. Строгости мои должны были нравиться его коммунистическому сердцу. Въ этомъ состояла моя офиціальная работа. Екатеринодарскій же «адресъ» строчилъ подъ мою диктовку воззванія къ казакамъ, гдѣ говорилось, что совѣтская власть держится разстрѣлами и что казаки, несмотря на угрозы большевиковъ, будутъ продолжать рвать провода, подстрѣливать изъ за кустовъ своихъ палачей, не давать хлѣба

красной арміи и, вмѣсто службы въ рядахъ красной арміи, уходить въ казачьи повстанческіе отряды, чтобы освободить Родину-Кубань отъ неказачьей власти пришельцевъ.

Къ счастью, мнѣ ни разу не пришлось карать за нарушеніе моихъ обязательныхъ постановленій. Кончалось, обыкновенно, все такъ, что виновные не обнаруживались. Молотковъ, въ такихъ случаяхъ, настаивалъ на коллективной отвѣтственности станицы, но круговая порука мною категорически отрицалась. Для вида вызову иногда стариковъ станицы, накричу на нихъ, напугаю разстрѣломъ и отпущу. Это-то ужъ приходилось дѣлать. Передъ Молотковымъ я все же долженъ былъ соблюдать нѣкоторый декорумъ свирѣпости.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, за все по высшей мѣрѣ дуть... Этакъ мы всѣхъ возстановимъ противъ себя. Итакъ страху нагнали. Въ другой разъ побоятся рвать провода.

— Да, нельзя же и попустительствомъ заниматься. Мы только пугаемъ, а примѣра строгости не показываемъ, — говорилъ Молотковъ.

33. ВОЙНА СЪ МОЛОТКОВЫМЪ.

Такъ въ маленькихъ препирательствахъ я сотрудничалъ съ Молотковымъ. Впрочемъ, однажды я проявилъ всю полноту власти: ночью въ станицѣ вдругъ раздалась стрѣльба... Поднялась тревога... Оказалось, что это гуляютъ мѣстные комсомольцы... Я приказалъ ихъ арестовать и предать суду за тайное храненіе оружія...

Молотковъ отказался подписать приказъ о преданіи комсомольцевъ суду. Но ужъ тутъ я настоялъ.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, попустительствомъ заниматься. Мы все только пугаемъ, пора и примѣръ строгости показать, — настаивалъ я словами самого Молоткова.

Но это, видимо, обозлило Молоткова.

Черезъ нѣсколько дней у меня съ нимъ произошла серьезная стычка. Я немного переборщилъ.

Дѣло было, впрочемъ, такъ:

Молотковъ показалъ мнѣ на соотвѣтствующій пунктъ комиссарской инструкціи, гласящей о порядкѣ вскрытія секретныхъ пакетовъ и сказалъ, что надо будетъ впредь слѣдовать этой инструкціи. Онъ боялся, какъ бы на этой почвѣ не получилось для него какихъ либо непріятностей.

Я ощетинился.

— Это что — недовѣріе ко мнѣ, какъ командиру?..

— Я о недовѣріи вамъ ничего не сказалъ, — инструкція этого требуетъ.

— Это ли она требуетъ? Въ инструкціи вашей говорится о секретныхъ бумагахъ, адресованныхъ на имя части... Если же на конвертѣ значится «командиру части», то почему я не имѣю права вскрыть пакетъ, хотя и секретный, но адресованный все же непосредственно и лично мнѣ?..

Это было произвольнымъ толкованіемъ — я это зналъ, но буквальный смыслъ инструкціи позволялъ дѣлать такое толкованіе.

— Я васъ все же прошу пользоваться моими указаніями по этому вопросу.

— Хорошо, вы мой комиссаръ, у васъ есть право дѣлать мнѣ указанія. Я подчиняюсь имъ. Но я сегодня же подаю рапортъ объ уходѣ изъ дивизіона. Я не могу работать, когда мнѣ не довѣряютъ...

Я нѣсколько зарвался, но отступать уже нужно было съ достоинствомъ, благо, Молотковъ поторопился обставить это отступленіе всѣми конвенансами. Онъ сталъ, вдругъ, разсыпаться въ заявленіяхъ, говоря, что онъ не предполагалъ, что я такъ пойму его просьбу и такой именно смыслъ вложу въ его желаніе придерживаться инструкціи.

Пришлось и мнѣ попятиться.

— Если это не знакъ недовѣрія ко мнѣ, я никогда не стану возражать противъ законныхъ требованій инструкціи.

Инцидентъ былъ улаженъ. Молотковъ не хотѣлъ доводить дѣло до инспекціи, гдѣ, онъ былъ увѣренъ, я получу поддержку.

Но это было только внѣшнимъ примиреніемъ. Молотковъ терпѣть не могъ меня за мою самостоятельность. Въ тайникахъ души онъ очень хотѣлъ бы свалить меня.

Стычки у насъ становились все чаще и чаще. Каждый изъ насъ безъ труда находилъ поводы для взаимнаго неудовльствія. Да и такъ — и Молоткому и мнѣ — легко было влѣзть въ сферу компетенціи другъ друга.

Получили мы какъ то приказъ о томъ, что время отъ времени, начальники гарнизоновъ, совмѣстно съ ихъ комиссарами, должны производить обыски и облавы съ цѣлью поимки дезертировъ, уклоняющихся отъ мобилизаціи, и отобранія оружія отъ населенія. Я на бумагѣ сдѣлалъ помѣтку: «Принять къ свѣдѣнію. Къ дѣлу». Молотковъ также подписался подъ резолюціей, но, подписавшись, Молотковъ рѣшилъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, а чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ не быть одинокимъ, онъ притянулъ на помощь раіоннаго комиссара — тов. Орла. Это былъ пренепріятнѣйшій человѣкъ. Бѣды станицамъ онъ причинилъ не мало, выискивая всюду «контръ-революцію». Совмѣстно съ тов. Орломъ, Молотковъ и произвелъ обыскъ въ станицѣ. Нѣсколько казаковъ было арестовано за храненіе оружія. Отбирались даже фамильные кинжалы, было отобрано нѣсколько паръ погонъ, хранившихся у казаковъ.

Узнавъ о ночномъ обыскѣ въ станицѣ, я попросилъ у Молоткова объясненій.

— Въ моихъ секретныхъ инструкціяхъ есть указанія, что я могу, подъ свою отвѣтственность, производить обыски и облавы.

— Безъ вѣдома начальника гарнизона? Какъ же я могу отвѣчать за гарнизонъ, когда за моей спиной кто-то еще секретно распоряжается?!...

— Ваше неудовольствіе вы можете направить товарищу Орлу... Онъ старшій комиссаръ раіона... Ему здѣсь всѣ подчинены...

— Я ему не подчиненъ...

— Но онъ можетъ подчинить васъ въ порядкѣ чрезвычайной обстановки...

Молотковъ объявилъ мнѣ войну. Отъ него нужно было такъ или иначе отдѣлаться, ибо ничего добраго война эта мнѣ не предвѣщала.

— Этотъ вопросъ, Николай Ивановичъ, намъ съ вами, я вижу, полюбовно не разрѣшить. Обратимся по начальству...

— Обращайтесь вы, если вамъ мои дѣйствія кажутся неправильными.

— Но это будетъ уже жалоба на васъ... А я хотѣлъ бы не жаловаться, а только получить разъясненія.

— Вотъ и обращайтесь за разъясненіями... Мнѣ незачѣмъ обращаться... У меня есть на этотъ предметъ ясная инструкція.

Я поѣхалъ въ инспекцію. Леоновичъ выслушалъ меня и сказалъ, что это «обыкновенная исторія».

— Молотковъ, конечно, по своей комиссарской молодости переусердствовалъ. Ничего, я его вызову и цукну. Не хорошо, что въ дѣло замѣшанъ тов. Орелъ... Онъ тамъ у васъ, дѣйствительно, старшій. Впрочемъ, я буду сегодня въ Политотдѣлѣ арміи и поговорю объ инцидентѣ.

Сумовскій тоже поддержалъ меня:

— Леоновичъ усмиритъ вашего Молоткова. И не такихъ усмиряли... Вамъ, впрочемъ, недолго осталось быть въ дивизіонѣ: вы на-дняхъ получите новое назначеніе. Малиновскій говорилъ о васъ командарму. Васъ мѣтятъ на формирующуюся новую бригаду...

34. АТАРБЕКОВСКАЯ РЕГИСТРАЦІЯ.

25 іюля Реввоенсовѣтъ IX-й арміи отдалъ приказъ о всеобщей регистраціи команднаго состава красной арміи на Кубани. На эту регистрацію обязаны были явиться всѣ офицеры, юнкера и вольноопредѣляющіеся когда либо служившіе въ Добровольческой Арміи, а также и тѣ изъ вышеназванныхъ категорій, которыя, хотя и не служили у бѣлыхъ, но поступили въ красную армію, послѣ января 1918 года. Такой «глубокой» регистраціи еще ни разу не было. Эта регистрація захватывала командный составъ, находившійся въ красныхъ рядахъ свыше 2-хъ лѣтъ. Регистрація была вызвана «заговоромъ», раскрытымъ на Кубани, въ которомъ оказался замѣшаннымъ красный командный составъ. Такъ какъ я всюду показывалъ, что вступилъ въ ряды красной арміи въ 1918 году, — на регистрацію надлежало явиться и мнѣ...

Итти на регистрацію съ моимъ липовымъ послужнымъ спискомъ было не безопасно, но и не пойти было нельзя. За уклоненіе отъ регистраціи — смертная казнь: такъ гласилъ приказъ, а Атарбековъ *) не любилъ пускать свои угрозы на вѣтеръ. Бѣжать?... Жаль... Еще, въ сущности, почти ничего не сдѣлано...

Изъ дивизіона, кромѣ меня, должны были отправиться на регистрацію еще нѣсколько человѣкъ; часть изъ нихъ не скрывала своей службы у бѣлыхъ, часть, какъ и я, прибѣгла къ фальшивымъ документамъ; должны были пойти на регистрацію и старые, настоящіе красные командиры, вступившіе къ красную армію послѣ января 1918 года.

На всякій случай далъ знать о возможной бѣдѣ въ екатеринодарскій «адресъ». Въ дивизіонѣ оставался Г.**) Его документы позволяли ему не итти на регистрацію. Далъ ему кое-какія указанія и распоряженія.

Заѣхалъ въ инспекцію кавалеріи развѣдать — чѣмъ пахнетъ эта регистрація. Въ инспекціи были удивлены, что и мнѣ предстоитъ регистрироваться. Посмотрѣли приказъ. Пожали плечами.

— Вотъ еще безпокойные люди!..—говорилъ Сумовскій.—Ну регистрируйте сколько вашей душѣ угодно комсоставъ изъ плѣнныхъ, но старый комсоставъ тягать на регистрацію...

— Не кончится ли все это прогулкой въ мѣста не столь отдаленныя?..

— Ну, это врядъ-ли... Этотъ приказъ вѣдь тянетъ на регистрацію добрую половину армейскаго комсостава...

Когда я подошелъ къ зданію Зимняго театра, въ которомъ была назначена

*) Предсѣдатель Реввоенсовѣта IX Кубанской арміи.

**) Г. — незамѣнимый въ конспираціи человѣкъ. Ему я обязанъ многимъ, его же находчивости я обязанъ тѣмъ, что еще живъ. Настоящая его фамилія начинается не на букву Г.

регистрація, театръ былъ почти полонъ регистрируемыми. Люди пріѣзжали изъ Новороссійска, Ейска и другихъ городовъ. Съѣзжался раіонъ, занятый IX-й Кубанской арміей. Нигдѣ не видно ни карауловъ, ни патрулей. Регистрируемые приходили, заполняли опросный листъ, сдавали его на соотвѣтствующій по алфавиту регистраціонный столъ и были свободны до 5-ти час. вечера. Въ 5 час. должны были намъ раздать особыя учетныя карточки и мы отпускались по своимъ частямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласило объявленіе Реввоенсовѣта арміи, вывѣшенное у входа въ театръ.

Въ 5 часовъ вечера театръ былъ переполненъ. У дверей появились часовые. Выйти изъ театра уже было нельзя — впускали свободно.

— Почему поставлены часовые? Мы развѣ арестованы?

— Что вы! Ничего подобнаго! А только если будетъ и дальше хожденіе взадъ и впередъ, мы никогда не окончимъ регистрацію.

Часамъ къ шести театръ былъ окруженъ кольцомъ войскъ. Становилось яснымъ, что тутъ дѣло пахнетъ не просто регистраціей.

Еще черезъ полъ часа сомнѣніямъ уже не было мѣста... На сценѣ появился самъ товарищъ Атарбековъ.

Воцарилась тишина...

— Тише! Тише! Товарищъ Атарбековъ будетъ говорить!..

— Товарищи! Бѣлая армія, какъ вамъ извѣстно, разбита... Остатки бѣлыхъ бѣжали въ Крымъ. Тамъ они успѣли немного оправиться отъ разгрома и открыли фронтъ, которымъ командуетъ баронъ Врангель. У насъ есть свѣдѣнія, что уже не мало изъ вашего числа перебѣжало съ красной Кубани въ Крымъ. Мы знаемъ также, что бѣлая зараза гнѣздится не только среди плѣнныхъ. Нѣсколько дней тому назадъ я раскрылъ большой заговоръ среди командного состава арміи... Для васъ, товарищи, не секретъ, конечно, что Кубань охвачена кольцомъ зеленыхъ бандъ, концентрически стягивающихся къ сердцу Кубани — къ Екатеринодару. Позвольте васъ спросить, товарищи: изъ кого состоятъ эти зеленые отряды? Кто ими руководитъ? — Руководитъ ими офицерство. Товарищи, васъ здѣсь сейчасъ собрано около 8.000. Сколько среди васъ есть нашихъ недруговъ, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что они есть. И ихъ не мало. Но заниматься сейчасъ отборомъ мы не можемъ — во время пожара некогда этимъ заниматься. Есть среди васъ, разумѣется, и люди неопасные, но «лѣсъ рубятъ — щепки летятъ». Благодарите за это тѣхъ, кто не бросилъ до сихъ поръ мысли итти противъ народа и совѣтской рабочей власти... Я долженъ сообщить вамъ непріятную вѣсть: дабы обезопасить Кубань и не держать около порохового погреба горючій матеріалъ, Реввоенсовѣтъ арміи рѣшилъ сегодня же эвакуировать васъ въ концентраціонные лагери Россіи... У кого имѣется при себѣ оружіе, немедленно сдайте его, т. к. здѣсь же въ театрѣ я произведу повальный обыскъ и у кого найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ разстрѣлянъ тутъ же въ театрѣ... Оружіе сдавайте на тѣ столы, куда вы подавали ваши регистраціонныя карточки...

Поднялся невообразимый шумъ...

О такомъ исходѣ регистраціи мало кто думалъ... Всѣ были безъ вещей... Кое у кого изъ высылаемыхъ были семьи... Нельзя ихъ даже предупредить...

Среди региструемыхъ есть даже члены компартіи...

Восьмитысячная орава гудитъ, протестуетъ, вопрошаетъ, негодуетъ... На безконечные вопросы сотрудникамъ Реввоенсовѣта, получался одинъ торопливый отвѣтъ:

— Некогда, товарищи, заниматься частными вопросами... Поѣзда ждутъ посадки... Изъ лагерей уже будете хлопотать...

Собрались мои дивизіонеры... Что то надо предпринимать... Но что можно было сдѣлать въ этой кашѣ? У многихъ было оружіе... Можно было попытаться поднять бунтъ... Но многіе ли его поддержатъ?.. Кругомъ театра — войска... Негдѣ развернуться... Да и въ театрѣ такая густая каша...

Сдавалось оружіе; прямо отъ стола, гдѣ принималось оружіе, регистрируемыхъ сортировали по фойе и отдѣльнымъ комнатамъ, подвергая каждаго обыску.

Началась отправка на вокзалъ — отправляли пачками, по алфавиту. Отнимаетъ это не мало времени... Наступаетъ глубокій вечеръ—отправлено только три буквы... Эвакуація должна затянуться дня на два...

Наступила ночь... Дошли только до буквы З.

Вмѣстѣ со мной сотникъ ***. Мы изловчились и не пошли въ указанныя намъ комнаты. Бродимъ съ нимъ по толпѣ и рѣшаемъ, что предпринять.

— Нельзя ли гдѣ нибудь спрятаться въ театрѣ? Вѣдь переклички не дѣлаютъ... Отправляютъ пачками , по комнатамъ... Путаница тамъ идетъ не малая... Гдѣ нибудь притаиться, а потомъ, когда вся эта музыка кончится, тамъ видно будетъ, что дальше дѣлать... Сотрудники Атарбекова одурѣютъ въ этой кашѣ... вниманіе будетъ притуплено...

Вмѣстѣ съ *** ищу какого нибудь выхода въ подвалъ или на чердакъ... Нашли лѣстницу, ведущую подъ крышу. Какимъ то чудомъ она оказалась не охраняемой. Поднялись... Громадный чердакъ. Есть выходъ на крышу. Здѣсь можно спрятаться.

Я послалъ *** на поиски дивизіонеровъ... Насъ было человѣкъ пятнадцать. Нѣсколько человѣкъ уже были эвакуированы, но остальныхъ еще можно было припрятать.

Задача найти кого нибудь въ такой сутолокѣ была нелегкая, но все же нѣсколько человѣкъ *** разыскалъ и направилъ на чердакъ... Всю ночь мы подбирали своихъ... Насъ собралось уже восемь человѣкъ... У одного сохранился даже браунингъ — единственное наше оружіе...

Утромъ , часовъ въ восемь, шла эвакуація буквъ Л. и М. *** все еще рыскалъ, разыскивая дивизіонеровъ. Наконецъ, встревоженный, онъ пробрался на чердакъ.

— Васъ ищутъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я слышалъ какъ на весь залъ выкликали вашу фамилію...

35. НЕОЖИДАННАЯ ВЫРУЧКА.

— Ну, значитъ, влопался...

Можно было, конечно, не итти... Скрываться — такъ скрываться... Но, съ другой стороны, я этимъ подводилъ другихъ скрывающихся... Начнутъ меня искать... чего добраго набредутъ на лѣстницу, ведущую на чердакъ и, вмѣстѣ со мною, захватятъ и остальную дивизіонную компанію...

Я рѣшилъ пойти на развѣдку, взявъ съ собою для связи одного изъ дивизіонеровъ. На всякій случай я сообщилъ, что нужно дѣлать, если друзьямъ удасться спастись : они должны были держать связь съ екатеринодарскимъ «адресомъ». Онъ помогъ бы имъ нѣкоторое время скрываться и указалъ бы куда направиться...

Спустившись внизъ, я, дѣйствительно, услышалъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ выкрикивается мою фамилія... Рѣшилъ пока что не отзываться... Ничего добраго эти вызовы не предвѣщали.

Наконецъ, въ толпѣ я увидѣлъ Леоновича, комиссара инспекціи. Онъ сразу же замѣтилъ меня.

— Идемте... Мы васъ съ разсвѣта уже ищемъ... Васъ разрѣшили освободить...

Жметъ мнѣ руку.

— Тутъ и Сумовскій... Хлопотъ съ вами было по горло!...

Мигнувъ дивизіонеру, бывшему возлѣ меня для связи и слышавшему мой разговоръ съ Леоновичемъ, я пошелъ къ выходу. У дверей стоялъ Сумовскій.

— Ну, поздравляю васъ! Еле выцарапали!...

Сумовскій предъявилъ ордеръ о моемъ освобожденіи и мы благополучно выбрались изъ театра.

Уже въ экипажѣ мнѣ разсказали, какихъ хлопотъ стоило мое освобожденіе. Въ одиннадцать часовъ вечера стало извѣстно, что насъ высылаютъ. Сумовскій первый узналъ объ этомъ и помчался къ Леоновичу. Вмѣстѣ съ нимъ, они сейчасъ же поѣхали на квартиру къ командующему арміей, тов. Левандовскому. Левандовскій ничего не имѣлъ противъ моего освобожденія, но сказалъ, что это не отъ него зависитъ, т. к. регистрацію ведетъ Реввоенсовѣтъ арміи. Въ часъ ночи удалось добраться до предсѣдателя Реввоенсовѣта и говорить о моей «незамѣнимости» и «преданности совѣтской власти»... Еле уговорили его написать бумажку объ освобожденіи...

Въ инспекціи меня напоили чаемъ и по телефону дали знать въ дивизіонъ, чтобы за мною пріѣхалъ экипажъ...

Поблагодаривъ Сумовскаго и Леоновича за любезность, я пошелъ въ «адресъ» предупредить о случившемся и далъ указанія, куда направить дивизіонеровъ, если имъ удастся избѣжать эвакуаціи и вообще скрыться отъ цѣпкихъ рукъ тов. Атарбекова. Имъ нужно было пробираться на рѣчку Цеце, гдѣ оперировалъ со своимъ отрядомъ сотникъ Чичи-Баба.*)

36. «РАЗГРОМЪ» АНТИФЕЕВСКАГО ПОЛУЭСКАДРОНА.

Прошло уже нѣсколько дней со времени высылки полуэскадрона въ распоряженіе тов. Андреева. Изъ приказа по Екатеринодарскому укрѣпленному раіону я зналъ, что антифеевскій полуэскадронъ прибылъ по назначенію.

Сижу я какъ то въ кабинетѣ и подписываю бумаги.

Вбѣгаетъ Молотковъ.

— У насъ бѣда! Антифеевскій полуэскадронъ разбитъ!

— Да что вы говорите?!...

— Вотъ донесеніе отъ политрука...

Читаю донесеніе. Политрукъ полуэскадрона Ивановъ, пишетъ, что полуэскадронъ 23-го іюля прибылъ въ штабъ тов. Андреева и получилъ приказаніе стать на квартиры въ ст. Черноморской, гдѣ для полуэскадрона былъ заготовленъ фуражъ. 27-го іюля штабъ Андреева приказалъ полуэскадрону перей-

*) Дивизіонерамъ моимъ не удалось скрыться. Ни о комъ изъ нихъ я не получалъ больше никакихъ свѣдѣній...

ти въ ст. Имеретинскую. Во исполненіе приказа полуэскадронъ выступилъ въ походъ, выславъ предварительно впередъ разъѣзды. Сзади полуэскадрона шелъ арьергардный разъѣздъ. Приблизительно на полъ пути между Черноморской и Имеретинской, Антифеевъ получилъ изъ арьергарднаго разъѣзда донесеніе, что какъ только полуэскадронъ оставилъ Черноморскую, въ нее сейчасъ же вошли зеленые, силою около эскадрона... Рѣшено было повернуть назадъ и атаковать зеленую банду. Въ боевомъ порядкѣ полуэскадронъ вернулся въ Черноморскую. Но зеленыхъ тамъ не оказалось. На церковной площади былъ устроенъ привалъ. Вдругъ, неожиданно, изъ дворовъ вылетѣли зеленые и стремительно атаковали мирно отдыхающій полуэскадронъ. Политрукъ Ивановъ не растерялся, онъ вскочилъ на пулеметную двуколку и ускакалъ. Выѣхавъ на окраину станицы, онъ открылъ пулеметный огонь по площади, но преслѣдуемый зеленымв, долженъ былъ въ одиночествѣ отступить на ст. Саратовскую, къ штабу тов. Андреева, гдѣ и доложилъ о постигшемъ полуэскадронъ несчастіи.

— Скандалъ... Позоръ...—сочувствовалъ я Молоткову.—Какъ же это Антифеевъ такъ опростоволосился?!

Разыграно было все, какъ по нотамъ... «Сложность» инсценировки дѣлала честь находчивости Антифеева...

О случившемся мы сейчасъ же донесли въ штабъ Екатеринодарскаго Укрѣпленнаго Раіона, откуда получили незамедлительно грозный приказъ: «произвести строжайшее разслѣдованіе. Политрука Иванова, по его возвращеніи въ дивизіонъ , выслать въ штабъ Укрраіона».

Къ вечеру прибылъ въ дивизіонъ и Ивановъ. Я и Молотковъ подробно допросили его и выяснили, что мѣры предосторожности по уставу всѣ были соблюдены , что Ивановъ дѣйствовалъ геройски и отправили Иванова въ штабъ Укрраіона, при чемъ я донесъ, что полуэскадронъ, съ момента выступленія дивизіона, вышелъ изъ подъ моего подчиненія, и что всѣ дальнѣйшія неудовольствія начальства по поводу боевыхъ дѣйствій полуэскадрона надлежитъ адресовать товарищу Андрееву.

Черезъ нѣсколько дней мы получили приказъ — срочно выслать новый полуэскадронъ въ распоряженіе тов. Андреева. Тутъ я уже отказался отъ соблазна снабдить зеленыхъ еще однимъ добрымъ полуэскадрономъ, ибо это могло бросить серьезную тѣнь подозрѣнія на меня и на мой дивизіонъ... Впереди вѣдь маячила бригада... Съ нею можно было, при удачѣ, сдѣлать что либо болѣе серьезное и надо было поэтому вести себя болѣе осмотрительно...

Прошло около недѣли послѣ «разгрома» полуэскадрона Антифеева. Въ екатеринодарскій «адресъ» пришло донесеніе Антифеева и сводка Чичи-Бабы о положеніи дѣлъ на зеленомъ фронтѣ. Все это доставилъ одинъ чичи-бабинъ казакъ, уже нѣсколько разъ дѣлавшій вылазки въ красный станъ для развѣдки и связи.

Антифеевъ писалъ какъ было дѣло. Явившись въ штабъ тов. Андреева, Антифеевъ оріентировался о положеніи на фронтѣ. Получивъ приказъ стать по квартирамъ въ ст. Черноморской, онъ немедленно это сдѣлалъ, при чемъ ему было сказано въ штабѣ, что станица Черноморская ненадежна и что нужно смотрѣть «въ оба». По свѣдѣніямъ штаба Адреева, гдѣ то возлѣ Черноморской прячется въ лѣсу отрядъ сотника Чичи-Бабы. Это совпадало съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлъ я и которыми снабдилъ Антифеева передъ его выступленіемъ изъ дивизіона. Изъ Черноморской онъ связался съ Чичи-Бабой и условился о планѣ сдачи, при чемъ это должно было произойти почти такъ , какъ и прои-

ошло. Отступленіе отъ плана, однако, случилось: Чичи-Баба имѣлъ въ ночь пе-едъ сдачей полуэскадрона стычку съ краснымъ разъѣздомъ и рѣшилъ, что въ Черноморскую подошли андреевскія подкрѣпленія, о чемъ, нолагалъ Чичи Баба, Антифеевъ не имѣлъ возможности его предупредить. Нужно было развѣдать. Пока Чичи-Баба развѣдывалъ, получился приказъ полуэскадрону перейти въ Имеретинскую... Чичи-Баба долженъ былъ вдогонку уже послать Антифееву сообщеніе, что «все остается по старому». Пришлось спѣшно выдумать «занятіе» Черноморской зелеными. Въ остальномъ показаніе политрука довольно вѣрно рисовало картину плѣна...

Сотникъ Чичи-Баба писалъ, что все сдѣлано гладко, благодарилъ за «подарокъ» и говорилъ о томъ, что дѣлается въ зеленомъ станѣ. Свѣдѣнія его были неутѣшительны. Онъ жаловался на разрозненность зеленыхъ, на ихъ вялость, на отсутствіе организующей руки... Чичи-Баба сообщилъ кое какія свѣдѣнія объ отрядѣ есаула Тимченки, полковника Фартукова и полковника Крыжановскаго. Намѣчено было нѣсколько «линейныхъ адресовъ» для связи. Чичи-Баба обѣщалъ мои свѣдѣнія разсылать по отрядамъ зеленыхъ : эти свѣдѣнія могли помочь имъ въ ихъ операціяхъ.

37. НАЗНАЧЕНІЕ МЕНЯ КОМАНДИРОМЪ БРИГАДЫ.

Вопросъ о формированіи новой кавалерійской бригады благополучно подвигался впередъ. По вопросу формированія меня нѣсколько разъ вызывала инспекція кавалеріи. Былъ вызванъ я и къ начальнику штаба арміи, бывшему генеральнаго штаба полковнику Захаревичу, пожелавшему лично дать мнѣ инструкціи по формированію бригады.

— Зеленые растутъ... Линейная Кубань — сполошное зеленое царство... Ваша бригада предназначается на этотъ фронтъ... Зеленые сильны знаніемъ мѣстности... Ихъ , кромѣ того, поддерживаетъ населеніе... Но ихъ надо во что бы то ни стало ликвидировать... Отрядъ тов. Андреева — у него 800 штыковъ — перейдетъ въ ваше подчиненіе... Вамъ будетъ придано двѣ горныхъ батареи... Вамъ будетъ назначенъ опытный начальникъ штаба... Вы и сами вѣдь штабистъ.. Вмѣстѣ съ нимъ вы должны разработать планъ операціи... Потомъ мы его вмѣстѣ обсудимъ... Придется вести партизанскую войну... Тутъ нужна особая сноровка... Однимъ словомъ, все это обдумайте, просмакуйте... Бригада будетъ формироваться недѣли двѣ, такъ что времени на разработку операціи имѣется достаточно ... У зеленыхъ самая опасная фигура — генералъ Фостиковъ... Онъ молодъ, храбръ, отличный партизанъ и знаетъ свою лѣсную Кубань, какъ никто... Вамъ придется помѣряться съ нимъ силами...

— Что-жъ, попробуемъ!

— Въ добрый часъ! Отправляйтесь въ инспекцію и получите предписаніе о назначеніи васъ командиромъ кавбригады.

Получивъ въ инспекціи предписаніе, я въ радушномъ настроеніи возвращался въ дивизіонъ.

Бодро бѣжала пара командирскихъ — сѣрыхъ въ яблокахъ. Кучеръ былъ свой человѣкъ, донской казакъ, и я разсказалъ ему, что его тоже ждетъ повышеніе по службѣ, и что онъ уже не вѣстовой командира дивизіона, а вѣстовой командира бригады и даже выше: вѣстовой Начальника Своднаго Линейнаго Отряда...

Балагуримъ, мечтаемъ о возможныхъ въ скоромъ будущемъ дѣлахъ...

38. МОЛОТКОВСКОЕ ОТКРЫТІЕ.

Экипажъ подъѣзжалъ къ небольшому лѣску, красиво разросшемуся на поворотѣ дороги, что въ полъ-пути между Екатеринодаромъ и стоянкой дивизіона. Изъ-за деревьевъ высунулась фигура Г. — онъ дѣлалъ мнѣ знаки остановиться. Я слѣзъ съ экипажа и зашелъ въ лѣсокъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Молотковъ разнюхалъ нашу работу...

— ?!...

Оказалось, что не только я посылалъ развѣдчиковъ и вѣстниковъ къ зеленымъ... Посылалъ ихъ туда и Молотковъ... Мои развѣдчики и развѣдчики Молоткова встрѣтились въ плавняхъ. Одинъ изъ молотковскихъ молодцовъ сегодня вернулся и доложилъ ему, что я держу связь съ зелеными... Молотковъ сейчасъ же приказалъ дивизіону выступить въ ст. Ново-Титаровскую подъ прикрытіе Заградительнаго отряда товарища Терека, а самъ занялся обыскомъ моей квартиры.

— Но въ Екатеринодарѣ еще ничего не знаютъ... Я только что изъ штаба арміи... Въ инспекціи кавалеріи тоже ничего не знаютъ...

— Молотковъ донесъ, да мы перехватили на дорогѣ донесеніе... Его везъ Егорушкинъ... Да вотъ и онъ...

Егорушкинъ былъ донецъ, вахмистръ. Въ дивизіонѣ онъ былъ по подложнымъ документамъ и значился «мироновцемъ», т. е. изъ отряда нѣкогда славнаго донца Миронова. Онъ числился въ сонмѣ дивизіонной аристократіи. По подложному же коммунистическому билету онъ вступилъ въ дивизіонную комячейку. Съ нимъ то, какъ съ «вѣрнымъ человѣкомъ» и было послано донесеніе въ штабъ Укрѣпленнаго раіона, съ копіями—въ Инспекцію, въ Штабъ Арміи, въ Реввоенсовѣтъ и въ Поармъ.

Донесеніе было съ надписью — «С. Секретно. В. Срочно. Въ собственныя руки». Донесеніе осторожно вскрыли, благо, оно не было припечатано сургучной печатью. Молотковъ доносилъ, что онъ раскрылъ «заговоръ», что я въ связи съ зелеными, что онъ отправилъ дивизіонъ «для безопасности» въ распоряженіе тов. Терека, а самъ производитъ обыскъ на моей квартирѣ. Поджидаетъ моего возвращенія въ дивизіонъ, чтобы арестовать меня. Проситъ о задержаніи меня, если я попадусь кому либо въ городѣ на глаза. Молотковъ заканчивалъ свое донесеніе просьбой дать «руководящія указанія».

Ничье имя въ донесеніи, кромѣ моего, не фигурировало.

На донесеніи стояло: 12 час. 10 м. дня.

Донесеніе нужно было, конечно, доставить, иначе Егорушкину пришлось бы скрываться, а онъ былъ въ дивизіонѣ весьма нужный человѣкъ, оказавшій намъ не разъ уже отличныя и очень цѣнныя услуги.

Если въ городѣ еще ничего не знаютъ о «заговорѣ», мой побѣгъ можно устроить безъ особыхъ хлопотъ... Въ городѣ же, повидимому, еще ничего не знаютъ... По телефону Молотковъ съ городомъ не говорилъ. Говорить онъ могъ только черезъ промежуточную станцію, находящуюся въ этомъ же лѣскѣ, но Г. увѣрилъ меня, что съ городомъ Молотковъ сегодня не говорилъ. Мелькнула мысль — не говорилъ ли Молотковъ окружнымъ путемъ — черезъ Ново-Титаровскую, но Г. увѣрялъ меня, что и изъ Ново-Титаровской никто не звонилъ, ибо Ново-

Титаровская связана съ Екатеринодаромъ черезъ эту же промежуточную станцію... Быть можетъ далъ знать по телеграфу?... Мало вѣроятно... Ужъ если не прибѣгъ онъ къ телефону, то къ телеграфу и подавно... Оставалось еще одно предположеніе, что тов. Терекъ могъ послать донесеніе отъ себя... Но провѣрить это было уже невозможно. Гонецъ отъ тов. Терека могъ проѣхать незамѣченнымъ изъ этого лѣска... Изъ Ново-Титаровской въ Екатеринодаръ была своя дорога и она проходила въ сторонѣ...

На всякій случай я приказалъ порвать провода въ направленіи на Екатеринодаръ.

Ясно одно: нужно, какъ можно скорѣе, скрыться съ краснаго горизонта...

Планъ я намѣтилъ такой: я ѣду въ городъ и изъ города постараюсь пробраться за Кубань. Донесеніе ѣдетъ за мной... Я самъ укажу Егорушкину, когда его надлежитъ сдать и въ какомъ порядкѣ сдать копіи донесенія...А что бы оправдать задержку въ доставкѣ весьма срочнаго донесенія, мы придумали оказію: возвращаясь въ дивизіонъ, Егорушкинъ долженъ расковать на переднюю ногу коня... На раскованномъ конѣ, извѣстно, какая быстрота передвиженія... Тутъ Егорушкину и было оправданіе за медленность доставки донесеній.

39. БѢГСТВО ИЗЪ КРАСНАГО СТАНА.

Преподавъ Г. кое какія инструкціи, сообщивъ планъ моихъ вѣроятныхъ дѣйствій, я поѣхалъ въ городъ... Егорушкинъ съ донесеніемъ — сзади меня...

Заѣхали въ «адресъ», гдѣ я наскоро сообщилъ о «катастрофѣ».Рѣшилъ ѣхать въ штабъ Укрѣпленнаго раіона... Блеснулъ выходъ... Если тов. Рыбалко — начальникъ раіона — еще ничего не знаетъ, дѣло можетъ выгорѣть...

Егорушкину приказалъ дожидаться меня возлѣ штаба.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ кабинетѣ тов. Рыбалко и ожидалъ предписанія отправиться «по дѣламъ службы» въ ст. Имеретинскую, Лежавшее у меня въ карманѣ свѣженькое предписаніе инспекціи кавалеріи, гласящее, что я назначаюсь командиромъ бригады, подъ начало которой переходитъ отрядъ тов. Андреева, — сыграло свою роль. Рыбалко , на основаніи этого предписанія, давалъ пропускъ черезъ мостъ, безъ котораго на тотъ берегъ — зеленый берегъ Кубани — переправиться было очень трудно. Нужно было раздобывать лодку... Вообще это было уже предпріятіе...

Пропускъ писался безконечно долго... Такъ мучительно я еще никогда не ощущалъ время...

Наконецъ, пропускъ готовъ...

Теперь надо было указать Егорушкину очередь развозки донесеній. Во всякомъ случаѣ штабъ Укрраіона долженъ узнать послѣднимъ о случившемся, ибо онъ знаетъ въ какую сторону я кинулся... Надо было начинать съ Поарма...

Простившись съ Егорушкинымъ,*) я покатилъ на мостъ черезъ Кубань.

На мосту караулъ. Я предъявилъ пропускъ. Начальникъ караула отдалъ честь... и предо мною открылась зеленая Кубань...

Отъѣхавъ отъ моста съ версту, я остановилъ экипажъ и перерѣзалъ полевой телефонный проводъ, соединяющій Екатеринодаръ со штабомъ тов. Андреева, къ которому я рѣшилъ заѣхать, чтобы на прощанье съ красными получить пос-

*) Егорушкинъ нѣкоторое время оставался въ дивизіонѣ, а затѣмъ дезертировалъ къ себѣ на Донъ.

лѣднюю отъ нихъ информацію о положеніи на красно-зеленомъ фронтѣ. Штабъ Андреева стоялъ въ ст. Саратовской. Андреевъ теперь могъ узнать обо мнѣ только черезъ гонца, но у меня былъ шансъ опередить его.

Къ 6 часамъ на взмыленныхъ лошадяхъ я подкатилъ къ штабу Андреевскаго отряда. Познакомился съ Андреевымъ. Здѣсь уже знали, что съ полученіемъ кавбригады, андреевскій отрядъ переходитъ ко мнѣ въ подчиненіе, и потому приняли меня, какъ свое начальство.

Тов. Андреевъ далъ самыя послѣднія свѣдѣнія о группировкѣ зеленыхъ.

—Сейчасъ на Линейной Кубани зарегистрировано около двадцати зеленыхъ бандъ, не связанныхъ между собою ни общностью командованія, ни единствомъ оперативнаго плана... Это банды одиночки. Одни изъ нихъ успѣли развиться до внушительныхъ размѣровъ, а большинство, такъ себѣ — взводики, полусотни... Тенденцію къ увеличенію обнаруживаетъ отрядъ генерала Фостикова и банды Махошевскаго лѣса... Полковникъ Фартуковъ оперируетъ въ раіонѣ Курджипской, полковникъ Посѣвинъ — въ раіонѣ Переправной и развиваетъ движеніе по западному берегу Лабы на станицы Губскую и Бесленеевскую... Генералъ Фостиковъ держится въ станицахъ Надежной , Спокойной и Отрадной. Онъ крѣпнетъ и будетъ , вѣроятно, командовать всѣми зелеными силами... Въ Махошевскомъ лѣсу еще нѣсколько отрядовъ: отрядъ Ющенки, отрядъ Крыжановскаго и отрядъ есаула Уртхмалидзе.

— Такъ... А наши силы изъ чего состоятъ?

— Наши силы здѣсь ничтожны... Мой отрядъ, да части 34-ой дивизіи...

Товарищъ Андреевъ по картѣ показалъ мнѣ подробную дислокацію красныхъ силъ.

Полученныя только что свѣдѣнія были очень цѣнны для екатеринодарскаго «адреса» и для Г., который долженъ былъ изъ дивизіона, по возможности, поддерживать связь со мной. Чтобы доставить эти свѣдѣнія въ Екатеринодаръ и Г., нужно было вернуть въ дивизіонъ моего вѣстового.

Попросивъ «для вида» у Андреева конвой въ два всадника и верховую лошадь для себя, я объявилъ Андрееву, что сейчасъ же думаю выѣхать въ ст. Имеретинскую, къ стоянкѣ своего полуэскадрона для раздачи людямъ жалованья...

Андреевъ не совѣтывалъ ѣхать, глядя на ночь, говоря, что тутъ и днемъ дороги не безопасны, но я разыгралъ изъ себя безстрашнаго героя и поѣхалъ. Не оставаться же здѣсь было до утра...

Вѣстового я отправилъ въ дивизіонъ...

— Если будутъ допрашивать — говори одно: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... Пріѣхалъ, молъ, командиръ въ ст. Саратовскую, а мнѣ приказалъ возвращаться... Я и возвернулся... А больше ничего не знаю...

Черезъ полчаса съ двумя красноармейцами я выѣхалъ изъ штаба тов. Андреева.

Темнѣло. Сейчасъ же за станицей начинался глухой лѣсъ. Конвой врядъ ли благодарилъ меня за путешествіе вечеромъ по жуткому лѣсу, гдѣ изъ за каждаго куста можно было ожидать засаду.

Отъѣхавъ съ версту — дорога раздвоилась: одна шла на Имеретинскую, другая — на Черноморскую.

Я свернулъ на ст. Черноморскую.

Конвой, знавшій дороги, замѣтилъ это.

— Товарищъ командиръ, мы неправильно пошли... Это дорога на Черноморскую!

— Ну такъ что-жъ?...

— А сказывали, что въ Имеретинскую направляемся.

— Значитъ, не вѣрно сказывали...

Дорога стала глуше... Въ лѣсу уже воцарилась ночь... Моя сѣрая папаха-кубанка все время цѣплялась за вѣтви, и я поминутно пригибался къ передней лукѣ, чтобы защитить глаза.

Въ головѣ проносился рой мыслей... Лучше всего, конечно, было бы, если бы на насъ сейчасъ напали зеленые. Моя задача была бы разрѣшена...

Но, зеленые, — увы! — не нападали...

Казаки говорили, что ужъ больно лихо мы ѣдемъ — какъ бы бѣдой это не кончилось.

— Тутъ, товарищъ, что не кустъ, то зеленый, а мы точно по своему двору раскатываемъ... Того и жди пулю сбоку...

— Полно трусить... Пуля... Эка невидаль... Пора уже къ нимъ привыкнуть...

Показалась Черноморская.

— Вотъ и станица, а чья она, чортъ ее ночью разберетъ... Можетъ тутъ зеленые... Вѣдь тутъ какъ: мы въ станицу — зеленые уходятъ въ лѣсъ, мы изъ станицы — они тутъ какъ тутъ...

Но станица оказалась «нашей». Въѣхали. Я занялъ одну избу. Красноармейцамъ приказалъ расположиться гдѣ нибудь поблизости..

40. «ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ».

Прошло уже не меньше 7-8 часовъ, какъ въ Екатеринодарѣ узнали изъ донесенія Молоткова обо мнѣ. Навѣрно ищутъ меня уже всюду... Сидѣть въ Черноморской не рекомендовалось...

Съ разсвѣтомъ я рѣшилъ двинуться дальше. Декорація конвоя мнѣ больше была не нужна. Его теперь можно было использовать, чтобы послать большевикамъ «послѣднее прости».

На листѣ полевой книжки я написалъ:

— «Товарищу Андрееву. Копія прочему красному начальству. Прощайте. Радъ буду встрѣтиться съ вами въ бою. Мстить вамъ за все, что вы дѣлаете съ Родиной, считаю своимъ долгомъ».

Запечаталъ записку и пошелъ будить свой конвой.

— Вотъ что, ребята, срочно сѣдлайте коней и что есть духу скачите въ штабъ тов. Андреева... Тутъ важное донесеніе... Отвѣтъ привезите мнѣ сюда же... Да дуйте, смотрите, безъ остановки... Каждая минута дорога...

Конвой думалъ было сослаться на то, что еще темень, ночь... Мыслимо ли, молъ, это... Но я такъ прикрикнулъ на конвой, что ему ничего больше не оставалось, какъ исполнить грозный приказъ.

Зацокали подковы по затихшей станицѣ.

Конская рысь все дальше и дальше..

Свободенъ!

Я вывелъ коня со двора, перекрестился на церковь, темнѣвшую на площади, и поѣхалъ, взявъ направленіе на ст. Линейную, въ раіонъ рѣки Цеце...

Что-то Богъ дастъ! Чѣмъ вновь судьба подаритъ!...

Галлиполи
1920 г.

Илья Савченко.

СОДЕРЖАНІЕ
БѢЛАГО АРХИВА
Т. I

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 9

I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Киріенко и А. Чекотило 13
2. *Я. П. Лисовой.* А. Керенскій въ Арміи Генерала Деникина (по матеріал. шт. 28-й дивизіи)..... 35
3. » » Революціонные генералы 52

II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.

1. *П. Нестеренко.* Гатчино въ дни борьбы съ большевизмомъ 72
2.. *Ф. Гнѣсинъ.* Туркестанъ въ дни революціи и большевизма 81

III. БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Засѣданіе Политическаго Совѣщанія Добр. Арміи 15 января 1918 г. 96
2. Докладъ Главнок. Вооруж. Силами Юга Россіи о положеніи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и объ арміи полк. Бермонта-Авалова въ частности 101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового 127

IV. ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.

1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому 136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину 138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева членамъ Донской миссіи 142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову 144
5. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Богаевскому 147
6. Письмо генер. И. П. Романовскаго генералу А. П. Богаевскому 151

7. Директивы генерала М. В. Алексѣева Нач. В.-Политич. Отд. Д. Ар. М. 153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. В. Алексѣева 154

V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.

1. Черезъ Сибирь къ свободѣ (переводъ съ чешскаго) 158
2. *Г. Малецъ.* Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси 163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. дѣятелей 177

VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Киріенко, М. Каменскій, Дж. Бьюкененъ, генералы М. В. Алексѣевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Лешъ, полков. Васильевъ и др. 181

VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.

Лекція Е. Д. Кусковой.— Зарубежный Съѣздъ.—Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней. — Красновъ— Койсуговъ—Суворинъ.— Годовщина смерти генерала Л. Г. Корнилова 187

VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.

1. *Влад. Игоревъ.* Красная армія и «военизація» 197

IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ 203

X. ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. Памятка «Музея Современныхъ Событій въ Россіи» 207

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Послѣдній портретъ адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Аваловъ — генералъ Гольцъ и ихъ армія, Прапорщикъ Крыленко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др. Фотодокументы, карты, копіи прокламаціи, каррикатуры и т. п.

ПЕЧАТАЕТСЯ

БѢЛЫЙ АРХИВЪ

КНИГА IV

ВЪ 4-ОЙ КНИГѢ БУДЕТЪ ПОМѢЩЕНЪ

„Дневникъ мистера Джемса Уильслея"

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
КНИГА:

Я. М. Лисовой

„ГИБЕЛЬ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМІИ“

ПЕЧАТАЕТСЯ
НОВАЯ КНИГА

Генерала П. И. Залѣсскаго

„ВОЗМЕЗДІЕ“.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins. Paris XIII.

XII.

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

На пути къ пристани.

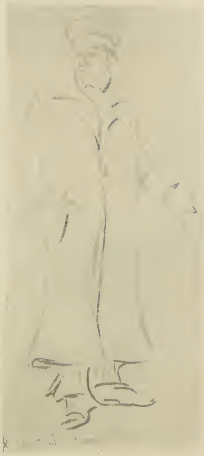
Посадка и погрузка.

На палубѣ.

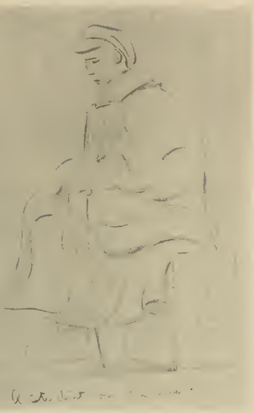
Въ «каютахъ».

Послѣдній взглядъ на Родину.

Бѣженецъ.



«И это все, что у меня осталось...»

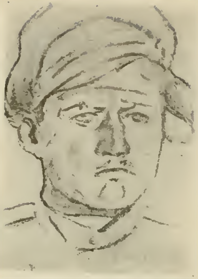


Студентъ на палубѣ.

Спитъ...

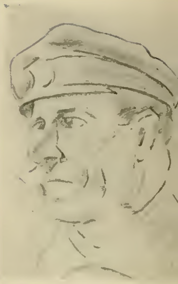
Умывальня и...

На одномъ изъ этаповъ.



Донской казакъ.

Привать-доцентъ.

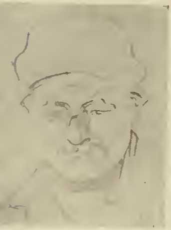


Полковникъ.

Крымскій татаринъ.

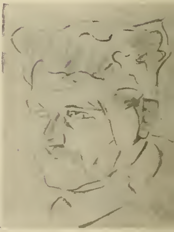
Офицеръ.

Студентъ.

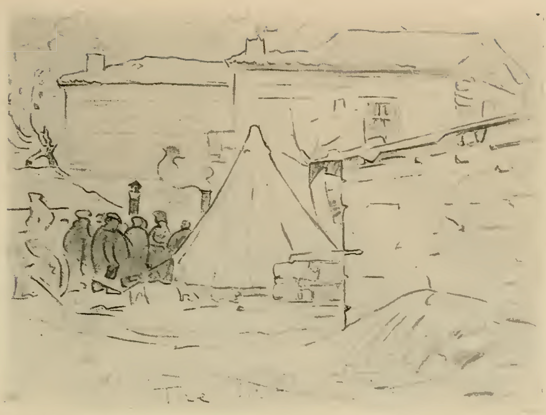


Бѣженецъ.

Кубанскій казакъ.



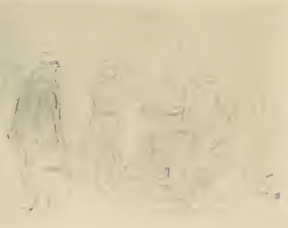
Солдатъ.



Первый лагерь.

Лагерь русскихъ эмигрантовъ.

Разноска воды.



Готовятъ пищу.

У костра.

Съ визитомъ.

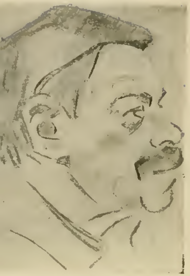
Въ новомъ кабинетѣ.

У колодца.

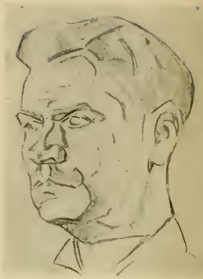
Вечерній отдыхъ.

У костра.

Сапогъ тѣсенъ.


Журналистъ.

Дѣвушка.


Губернаторъ.

Въ новой странѣ.

Складъ изданій
Librairie Mme De Sialsky
2, rue Pierre-le-Grand, Paris.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK266
.A3
B54